

Сергей Ильин

ВИТТЕ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2006

УДК 323(092)
ББК 66.3(2Рос)8
И 48

ISBN 5-235-02785-X

© Ильин С. В., 2006
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2006

ОТ АВТОРА

Сергея Юльевича Витте едва ли нужно представлять читателям серии «Жизнь замечательных людей». Он широко и повсеместно известен. Автор золотовалютной реформы, энтузиаст железнодорожного строительства. Талантливый дипломат, заключивший выгодный для России мирный договор после бездарно проигранной Русско-японской войны 1904—1905 годов. Инициатор и фактический вдохновитель второй крестьянской реформы, позже получившей наименование «Столыпинской». Творец эпохального Манифеста 17 октября, архитектор первой российской конституции, первый премьер объединенного правительства, наконец, создатель замечательных «Воспоминаний».

Естественно, что автор настоящей книги далеко не первый, кто взялся за жизнеописание С. Ю. Витте. Ему посвящено немало специальных и популярных статей, несколько крупных научных монографий. Уже изданы и продолжают публиковаться ценные документы, относящиеся к его частной жизни, трудам на общественном поприще и многоплановой деятельности на ниве государственного строительства. С каждым годом все сложнее делается даже простой учет всех печатных материалов о С. Ю. Витте. Его «Воспоминания» за последние десять лет переиздавались несколько раз. Спрос на них велик, что неудивительно — всякий, кто неравнодушен к истории своей страны, ее нелегкой судьбе, стремится иметь мемуары С. Ю. Витте под рукой, в личной библиотеке. Не так давно благодаря усилиям академика Российской академии наук Б. В. Ананьича, члена-корреспондента той же академии Р. Ш. Ганелина, их коллег и учеников «Воспоминания» увидели свет в своем первоизданном виде — так, как задумывал их сам мемуарист, без всякого редакционного вмешательства в текст.

В прошлом году исполнилось 90 лет со дня кончины С. Ю. Витте. За истекшее время сложились историографические направления в изучении его биографии. Многие авторитетные и весьма знающие ученые-историки, воздавая должное незаурядным способностям С. Ю. Витте — политика и государственного деятеля, его громадным заслугам перед страной, все же не склонны выделять его из длинного ряда

царских сановников и министров второй половины XIX — начала XX века. Другие, которых меньшинство, вслед за видным экономистом П. И. Лященко называют С. Ю. Витте самым крупным государственным деятелем и министром за последние полвека существования монархии в России. Автор вполне сознательно, целиком и полностью присоединяется к этому последнему историографическому течению.

В серии «Жизнь замечательных людей» публикуются биографические книги, относящиеся к научно-популярной литературе. Популярный жанр не слагает с авторов обязанности изучать памятники прошлого и критически оценивать их материалы, порой пристрастные, тенденциозные, а то и вовсе не достоверные. Историческая наука тем и отличается от других видов исторического повествования, что предусматривает критический метод использования источников. Поэтому исследование документов как бы вплетается в ткань научного исторического сочинения, и с этим поделаться ничего нельзя. Самое уязвимое место многих современных работ о замечательных людях былых времен заключается в некритическом, неумелом и, что самое худое, пристрастном использовании источников. Автор настоящей биографии С. Ю. Витте намеренно прибегает к обильному (может показаться, даже чрезмерному) цитированию исторических документов. Пусть на это не сетует читатель — автору хотелось донести до него аромат той эпохи, давно ушедшей и все же удивительно близкой, даже в чем-то созвучной нашему времени. Без живого и непосредственного контакта с историческими документами нет и не может быть человеческого познания прошлого.

И еще одно предварительное замечание хотелось бы сделать. Лучшие годы своей жизни, а это более 35 лет, С. Ю. Витте провел, управляя вначале железными дорогами, а затем огромным государственным хозяйством. Поэтому автор не мог, а если честно признаться, то и не хотел уклоняться от обращения к специальным вопросам, прежде всего экономическим. Это было бы неуважением к памяти С. Ю. Витте. Но они требуют от читателей некоторого напряжения внимания. Со своей стороны автор старался по мере сил и способностей изложить эти вопросы как можно яснее, доступнее и живее, не впадая при этом в упрощенчество, чтобы не унижать своих читателей и не унижаться самому. Насколько ему удалось справиться со своей задачей, будет ясно со временем. А пока автору остается искать утешения в бесконечной мудрости древних. «Я сделал все, что мог, пусть тот, кто может, сделает лучше меня».

Глава первая

ДЕТСТВО. ЮНОСТЬ. СЕМЬЯ. НОВОРОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Сергей Юльевич Витте родился 17 июня 1849 года в городе Тифлисе. Его отец, Христоф-Генрих-Георг-Юлиус Витте (1814—1868), уроженец Лифляндской губернии, окончил курс Дерптского университета по естественному отделению, после чего изучал практику горного дела и сельского хозяйства в Пруссии. Перейдя из лютеранства в православие, он получил имя Юлий Федорович. В первой половине 40-х годов специалист по сельскому хозяйству Витте был направлен министром внутренних дел Л. В. Перовским в Новоузенский уезд Саратовской губернии. Там он управлял образцовой сельскохозяйственной фермой Министерства государственных имуществ¹. Ферма находилась в 80 верстах от Саратова², где Ю. Ф. Витте и познакомился со своей будущей женой Екатериной Андреевной Фадеевой, дочерью тамошнего губернатора. 7 января 1844 года состоялось их бракосочетание по православному обряду³.

В ту пору Ю. Ф. Витте имел чин титулярного советника (IX класс), который давал ему право только на личное дворянство. Однако его жена происходила из дворянского рода, и С. Ю. Витте не сильно лукавил в «Воспоминаниях», когда написал, что родился в дворянской семье. Правда, права потомственного российского дворянства мемуарист приобрел только в 1856 году, когда решением собрания дворян Псковской губернии его отец вместе с женой и потомством был причислен к благородному сословию.

Дедом С. Ю. Витте со стороны матери был Андрей Михайлович Фадеев. После саратовского губернаторства (1841—1846) и кратковременного управления иностранными колониями в Новороссийском крае он был переведен в Тифлис на должность начальника департамента государственных имуществ администрации Кавказского наместничества. Вместе с Фадеевым на Кавказ перебрался и Ю. Ф. Витте с семьей. Там он сначала возглавил один из отделов департамента, а в

1857 году заменил тестя на его хлопотливом и ответственном посту. Ю. Ф. Витте оставил о себе память как о человеке чрезвычайно предприимчивом, которому Кавказ обязан основанием многих полезных фабрично-заводских производств⁴. Его заслуги были по достоинству оценены и начальством — Ю. Ф. Витте получил чин действительного статского советника, соответствующий «генеральскому» IV классу Табели о рангах.

У супругов Витте родились пятеро детей: Александр, Борис, Сергей, Ольга и Софья.

В «Воспоминаниях» С. Ю. Витте о родителях пишет мало — они любили детей, но ими почти не занимались. Зато своему дяде по материнской линии мемуарист отвел целую главу. Ростислав Андреевич Фадеев был кумиром его детства и юности.

Независимость в суждениях и поступках, развитое чувство собственного достоинства, отчаянная храбрость (в годы Крымской войны в чине пехотного капитана Фадеев принимал участие в кровопролитном штурме неприступной крепости Карс), рыцарская верность монарху в сочетании с некоторым фрондерством и вольнодумством на славянофильский манер — все это делало его одним из ярких представителей российского дворянства XIX столетия. Теми же качествами отличался и наместник Кавказа князь А. И. Барятинский, у которого Р. А. Фадеев служил в должности старшего адъютанта. Отменный храбрец, князь был не раз ранен в стычках с горцами; «...говорили, что живот князя Барятинского — как решето». Люди этой породы, а их в те времена в России было еще немало, чувствуя себя неуютно в официальном Петербурге и патриархальной Москве, устремлялись на Кавказ, где 60 лет шла непрерывная кровопролитная война с горцами. Там им было самое место.

Р. А. Фадеев отличился 25 августа 1859 года, в один из дней, когда русские войска проводили специальную операцию по взятию аула Гуниб и пленению имама Шамиля. «Во всех литографированных картинах того времени... изображается сцена, как Шамиль, сдаваясь, передает Барятинскому свое знамя. Вечером, позвав к себе Фадеева, Барятинский сказал ему, что он дарит Фадееву это знамя, так как взятие Гуниба во многом обязано его советам. Знамя это после смерти Фадеева находилось у его сестры Надежды Андреевны Фадеевой, а в последнее мое свидание с нею она мне его вручила. Теперь это знамя находится у меня и висит в моей библиотеке»⁵.

30 августа 1859 года в Тифлисе был произведен 101 пушечный выстрел в ознаменование покорения Кавказа. За Гуниб А. И. Барятинский получил звание фельдмаршала, а его старший адъютант капитан Р. А. Фадеев 19 января 1860 года был произведен в полковники. С праздником победы тифлисские власти несколько поспешили — окончательно Кавказ был покорен лишь в 1864 году при наместнике великом князе Михаиле Николаевиче. В сентябре того же 1864 года Р. А. Фадеев получил свое последнее воинское звание генерал-майора⁶.

Невзирая на войну, на Кавказе во времена наместничества М. С. Воронцова и А. И. Барятинского происходило сближение между народностями. Чувство постоянной опасности не разъединяло, а, наоборот, сплачивало людей разных национальностей. «Опасность порождает странные чувства: сначала ее боятся, потом презирают, а после желают ее, и когда она удаляется от вас, после того, как вы были уже лицом к лицу с нею, то будто вы расстаетесь со строгим другом, который советовал вам быть осторожнее»⁷.

Для Сергеи Витте жизнь на Кавказе была непрерывным удовольствием. Лето Фадеевы и Витте проводили в резиденции наместника в Коджорах, в 12 верстах от Тифлиса, — живописнейшем месте, окруженном лесом, горами, скалами, с развалинами древних церквей и замков. Массу впечатлений оставляли у мальчика поездки со взрослыми на охоту, ночевки в старинных грузинских монастырях, посещения промышленных предприятий, устроенных отцом, общение с вольнолюбивым и храбрым местным населением. В Тифлисе Сергей Витте безвыездно провел первые 16 лет своей жизни.

Тифлис во времена А. И. Барятинского был чем угодно, только не колониальным захолустьем. В 1863 году в нем проживало около 100 тысяч человек разных национальностей: грузины, русские, армяне, татары, евреи, французы, немцы, итальянцы, — и вероисповеданий: православные, католики, иудеи, мусульмане, лютеране. Через реку Куру было наведено 4 каменных моста; улицы интенсивно мостились, а по вечерам освещались газовыми фонарями. Для пристойных развлечений было устроено 4 казенных сада и 1 общественный; во владении частных лиц находилось еще 262 сада, доступных для посещений. Работали учебные заведения: губернская гимназия, коммерческое училище, 2 семинарии, 8 приходских училищ для детей из низших сословий, Закавказский девичий институт, 5 бесплатных школ для девочек «бедного класса». Разнообразные потребности населения

большого города и округа обслуживались 135 промышленными и многими торговыми заведениями⁸.

Центром общественной жизни была резиденция Кавказского наместника. Роскошью и блеском двор князя А. И. Барятинского не уступал дворам иных европейских монархов. Его дворец в Тифлисе был полон грузинской знати и петербургской золотой молодежи, которая в поисках приключений и вообще веселой жизни устремилась на Кавказ. Во дворце давались блестящие балы и устраивались приемы. Прием у наместника по случаю наступления нового, 1859 года произвел большое впечатление даже на искушенного Александра Дюма-отца: «На парадной лестнице, справа и слева каждой ступени, стояли по два казака из княжеского конвоя. Я ничего не видел изящнее этого двойного ряда мундиров. Казаки были в белых папах и черкесках золотого и вишневого цветов, с кинжалами, пистолетами и шашками, украшенными золотом и серебром. Такой ряд сделал бы очень печальными и бесцветными наши фрачные одеяния; но в Тифлисе это было только великолепным предисловием к чудесной поэме. Залы были наполнены грузинами в национальных костюмах, великолепных по покрою, цвету и изяществу; женщинами в блестящих платьях, с длинными, шитыми золотом вуалями, грациозно падающими с бархатной головной повязки. Оружие блистало за поясами мужчин, алмазы сверкали на головах и шеях женщин. Это переносило нас в XVI век. Щегольские мундиры русских офицеров, прелестные дамские туалеты, полученные из Парижа через посредство мадам Блот (тифлисской белошвейки Жозефины Блот. — С. И.), дополняли ослепительное целое. ...Князь Барятинский принимал гостей в своих комнатах с той любезностью знатного господина, которую он наследовал тысячу лет назад от своих предков. Он был в русском мундире, с лентой и звездой Святого Александра Невского и Георгиевским крестом. Хозяин был одет проще всех, однако стоило гостю только войти, чтобы сразу почувствовать, что он был царем этого собрания, не столько по почестям, ему оказываемым, сколько по виду, с каким он их принимал»⁹. Маленький Сережа наблюдал такое сказочное великолепие неоднократно. Его дядя и отец были своими людьми у Барятинского: дядя на правах старшего адъютанта, а отец в качестве члена совета Главного управления наместника.

Многих представителей петербургского высшего света С. Ю. Витте знал уже с детства. Граф И. И. Воронцов-Дашков, начальник конвоя наместника, впоследствии министр

двора и личный друг императора Александра III, адъютанты наместника графы В. В. и А. В. Орловы-Давыдовы, В. А. Давыдов и другие часто заглядывали в их гостеприимный тифлисский дом. Товарищем детских игр Сергея Витте был сын начальника штаба наместника Д. А. Милютин Алексей, впоследствии генерал-майор и курский губернатор. Уже тогда, в детстве, С. Ю. Витте ощутил свою принадлежность к высшему обществу. С этим ощущением он прошел через всю жизнь.

В Тифлисе Фадеевы и Витте жили в одном большом доме. Сережа Витте, его братья и сестры воспитывались в духе приверженности традиционным российским устоям, то есть самодержавию, православию и народности. Навсегда запомнилось С. Ю. Витте то искреннее горе, которое охватило его близких — «все они навзрыд рыдали» — при известии о смерти императора Николая I: «...Так рыдать можно было, только потеряв чрезвычайно близкого человека. Вообще, вся моя семья была в высокой степени монархической семьей, и эта сторона характера осталась и у меня по наследству»¹⁰. С православием несколько сложнее.

О детских впечатлениях от религиозных церемоний С. Ю. Витте ничего не сообщает в мемуарах. Впоследствии его считали религиозным человеком. По-видимому, так оно и было. В его религиозности было много живого искреннего чувства и ни тени ханжества или лицемерия. Мистики в ней тоже не было. Религиозная мистика, как и вообще мистика, оставляла его равнодушным. К вере примешивался и некоторый расчет — С. Ю. Витте хорошо понимал значение церкви в истории государства Российского, потому-то и подчеркивал постоянно свою приверженность православию. Отличался религиозностью и его дядя, Р. А. Фадеев, который любил беседы на религиозно-философские темы и часто затевал их в гостиной родительского дома.

В «Воспоминаниях» С. Ю. Витте упоминает о том громадном влиянии, которое оказал дядя на его образование и «умственную психологию». С подачи Р. А. Фадеева С. Ю. Витте еще в молодые годы познакомился с богословскими трудами славянофила А. С. Хомякова. Они произвели на него большое впечатление¹¹. И не только на него — очень многие в XIX и XX веках ценили и любили богословские сочинения А. С. Хомякова. Ф. Г. Тернер на склоне лет писал: «Не помню, по какому случаю или по чьей рекомендации я взялся за чтение религиозных статей Хомякова (2-я часть его сочинений), но, принявшись за это чтение, я уже не мог оторваться от него; оно как бы озарило меня новым светом,

раскрыв предо мною всю истину, всю глубину, всю прелесть вселенского православия»¹².

Известный мыслитель Н. А. Бердяев, знаток религиозной философии, называл А. С. Хомякова «гениальным богословом». Труды А. С. Хомякова с богословской тематикой, во-первых, были оригинальны и, во-вторых, пропитаны рационалистическим духом. Последнее не всем нравилось: один из критиков упрекал А. С. Хомякова за преувеличение зависимости того или иного проявления христианства от национальных особенностей народов, в то время как официальная богословская традиция утверждала, что царство Христа не от мира сего и что национальная сила есть низшая сила по сравнению с христианством¹³.

Двоюродной сестрой С. Ю. Витте по матери была знаменитая «теофизитка, или спиритка» Е. П. Блаватская, которая устраивала в их доме популярные спиритические сеансы. По вечерам у Фадеевых собирались сливки тифлисского общества и занимались «...верчением столов, спиритическим писанием духов, стучанием столов и прочими фокусами». Супруги Фадеевы, Юлий Федорович Витте, а вслед за ними и Сережа такие занятия не одобряли: «Хотя я был тогда совсем еще мальчик, но уже относился ко всем фокусам Блавацкой довольно критически, сознавая, что в них есть какое-то шарлатанство, хотя оно и было делается весьма искусно: так, например, раз при мне по желанию одного из присутствующих в другой комнате начало играть фортепиано, совсем закрытое, и никто в это время у фортепиано не стоял»¹⁴.

Еще сложнее с третьей составляющей уваровской «триады» — народностью. Как известно, на Кавказе существовало крепостное право. Но между ним и его российской разновидностью имелась большая разница, подмеченная наблюдательным Александром Дюма: если в России барин мог хлестнуть простолюдина плетью по спине безнаказанно, то на Кавказе ответом становился удар кинжала¹⁵.

На жительство в Тифлис Фадеевы-Витте перебрались вместе с огромной дворней, в основном привезенной из России (Фадеевы были помещиками Пензенской губернии). Как вспоминал С. Ю. Витте, в их большом доме постоянно проживало до 80 человек прислуги. Тогда дворяне мало заботились о собственном комфорте, а об удобствах прислуги еще меньше. Каждый слуга помещался на жительство там, где он работал: кучер жил и спал на конюшне, вместе с лошадьми, повар — на кухне. Дядьки и мамки дни и ночи проводили вместе с детьми, а те слишком рано прикасались к изнанке жизни. На глазах Сережи Витте, его братьев и сес-

тер разыгрывались безобразные сцены: мужья няни и кормилицы пили горькую; дядька, отставной солдат, не только пьянствовал, но еще и развратничал на детских глазах, хотя ему перевалило за 60 лет. Одна из гувернанток, не ограничиваясь дворовыми мужчинами, соблазнила старшего из братьев, Александра. Нельзя исключать того, что детские впечатления от общения с дворней удержали С. Ю. Витте от того умильного отношения к простому народу, которое было характерно для разночинной и стчасти дворянской интеллигенции России 60—70-х годов XIX века.

Мужским воспитанием Сережи занимались дед, любимцем которого он был и которого сам страстно любил, и дядя, оставшийся холостяком. Р. А. Фадеев отлично стрелял в цель, фехтовал, ездил верхом и плавал. Он был физически очень сильным человеком и не раз побеждал в схватках с известными силачами. По его настоянию мальчики постоянно совершенствовались в фехтовании на рапирах и эспадронах, для чего приглашался специальный преподаватель. Много времени уделялось обучению верховой езде. Любовь к конному спорту С. Ю. Витте сохранил и в зрелые годы. Другим его детским увлечением стала музыка.

В 1851 году в здании тифлиссского Гостиного Двора (или караван-сарая) был устроен театральный зал на 700 человек. Убранство зала привело в восторг Александра Дюма: «...Это дворец волшебниц — не по богатству, но по вкусу; в нем, может быть, нет и на сто рублей позолоты; но без зазрения совести скажу, что зал тифлиссского театра — один из самых прелестных залов, какие я когда-либо видел за всю мою жизнь. Правда, миленькие женщины еще более украшают прекрасный зал, и с этой стороны, как и в отношении архитектуры и других украшений, тифлиссскому залу, благодарение Богу, желать уже нечего»¹⁶. В конце 1840-х — начале 1850-х годов на юге России гастролировала итальянская труппа в количестве 24 человек; ее-то и пригласили с согласия наместника светлейшего князя М. С. Воронцова для постановок оперных спектаклей в тифлиссском театре.

Итальянской оперой бредило тогда все русское общество. Даже детей в колыбелях укачивали под музыку Джоаккино Россини, Винченцо Беллини, Гаэтано Доницетти. Вошли в моду итальянские обычаи: покидая театр по окончании спектакля, публика горланила полюбившиеся ей оперные арии. Песенку герцога Мантуанского «*La donna e mobile*» из оперы Дж. Верди «Риголетто» распевали даже одесские извозчики.

9 октября 1851 года в театральном зале тифлиссского караван-сарая было дано первое представление. Шла опера

Гаэтано Доницетти «Лючия ди Ламмермур». В зале присутствовали все местные знаменитости, в том числе недавно перешедший к русским наиб имама Шамиля Хаджи Мурат. За ним с интересом наблюдал тогда еще никому не известный Лев Толстой. Как сообщает Л. Н. Толстой, Хаджи Мурат покинул театр после первого же акта оперы. По-видимому, уровень исполнения труппой этого прекрасного музыкального произведения тогда оставлял желать лучшего.

При князе А. И. Барятинском начался расцвет тифлисской оперы. Для исполнения ролей в спектаклях приглашались первоклассные вокалисты: Тереза Штольц (подруга самого Джузеппе Верди), Леонильда Феррари и другие. Ставились по-прежнему произведения итальянских композиторов романтического направления¹⁷.

На улицах города постоянно звучала музыка военных оркестров — гарнизон столицы Кавказского наместничества насчитывал свыше 13 тысяч солдат и офицеров. Первым учителем музыки Бориса и Сергея Витте стал флейтист оркестра одной из воинских частей. Он показывал им, как играть на различных духовых инструментах, а затем дети учились в «...консерватории, где преподавали артисты итальянской оперы»¹⁸. Консерватории в современном значении этого слова тогда не было в Тифлисе (она открылась много лет спустя, в 1917 году), однако многие певцы и оркестранты оперной труппы для дополнительного заработка вели танцевальные классы, давали уроки вокального искусства, музыки и т. п. Полноценное музыкальное образование, пусть даже начальное, они едва ли могли дать.

В доме Фадеевых-Витте, как и в домах многих состоятельных российских дворян, стояло фортепиано. В наши дни не просто себе представить, насколько важное место занимал этот инструмент в дворянском быту первой половины — середины XIX века. Он был не просто любимым музыкальным инструментом той романтической эпохи, он являлся жизненной необходимостью. Молодые девушки, а у Сергея Витте было две сестры, должны были совершенно непринужденно играть на нем и петь под его аккомпанемент. Фортепиано, подобно фонографам начала XX века и современным стереосистемам, было еще и средством распространения музыки. Симфонические, камерные и даже оперные произведения перекладывались для исполнения на рояле в две или в четыре руки для одного или нескольких роялей.

За исключением нескольких крупных городов, уровень исполнительского мастерства тогда в Европе был потрясающе низок. Пианисты играли репертуар, который ныне проч-

но забыт. Бах, Моцарт, Бетховен, Шуберт редко исполнялись; играли Гуммеля, Герца, Мошелеса, Калькбреннера, Диабелли и Клементи¹⁹. Выдающиеся европейские инструменталисты в Тифлис не заглядывали, из взрослых в доме Фадеевых-Витте никто музыкой по-настоящему не интересовался, отчего детское увлечение Сережи не имело серьезных последствий: музыкальный слух у него в полной мере не развился, из-за недостатка времени классический репертуар он знал плохо и впоследствии путал Франца Шуберта с Фридериком Шопеном и т. п.²⁰

Начальное образование Сергею дала бабушка, Елена Павловна Фадеева. Она происходила из рода князей Долгоруких, далеким предком которых был Михаил Черниговский, героически погибший в Орде. Женщина образованная («совершенно из ряда вон выходящая... по тому времени в смысле своего образования») и любознательная, она страстно любила природу и увлекалась ботаникой. Елена Павловна обладала еще и сильным характером. Будучи парализованной («я не помню ее иначе, как сидящей в кресле»), она тем не менее занималась с внуками — учила их читать и писать. «Когда она учила меня грамоте, ее приносили в кресле, так как она сама не могла двигаться, и я, чтобы учиться читать и писать, становился около нее (на коленях)»²¹. От Елены Павловны дети получили и религиозное воспитание. После смерти бабушки в 1856 году они перешли на попечение гувернеров, а также учителей, которые готовили их к поступлению в гимназию.

Когда Борис и Сергей Витте (они были погодками и родились в один день — 17 июня) подросли, их определили в тифлисскую гимназию вольнослушателями. Для параллельных занятий на дом приглашались учителя из той же гимназии. Сережа Витте был шаловлив и непоседлив: гимназические уроки по большей части пропускал, а если и приходил в класс, то через час-полтора выпрыгивал в окно и отправлялся домой. В гимназии братьев даже не пытались приучить к дисциплине и систематическим занятиям. Детей переводили из класса в класс без всякого контроля за знаниями. Результат не замедлил сказаться. На выпускных экзаменах они обнаружили посредственные знания по всем основным предметам. Но это было еще полбеды. Беда случилась на экзамене по французскому языку.

В те далекие времена у каждого гимназического учителя была своя система спрашивать, ставить оценки и наказывать. Французский язык тогда, по выражению одного современника, в России «свиристствовал», и братья Витте свобод-

но на нем говорили, даже лучше, чем на русском. Однако на экзамене за знание французского языка им выставили по тройке. «Это меня и брата крайне удивило, а так как мы были большие шалуны, то, когда учителя вышли из гимназии, мы пошли за ними по улицам и все время сыпали относительно их ругательства и бросали в них грязью»²². В наказание братья получили по единице за поведение в гимназический аттестат, что было равносильно «волчьему билету».

Их отец, Юлий Федорович Витте, надежды все же не потерял. Старший из братьев, Александр, уже был определен в кадетский корпус с перспективой дальнейшей военной карьеры, а младших отец с матерью повезли устраивать в Киевский университет, благо там имелась сильная протекция — сенатор Ф. Ф. Витте, родной брат Юлия Федоровича, служил попечителем Киевского учебного округа. Оказание всемерной помощи родственникам в среде русского дворянства считалось обязательным.

Однако планы отца в отношении младших сыновей чуть было не сорвались. В 1864 году сенатор был переведен на новое место службы в царство Польское и, следовательно, не мог самолично протектировать племянникам в Киеве. К тому же пути сообщения на юге России были таковы, что проехать из Одессы в Киев тогда представляло большую проблему. Уроженец тех мест, известный публицист, директор Горного департамента К. А. Скальковский вспоминал: «В 1866 году, имея подорожную по высочайшему повелению, я ехал станцию в 37 верст ровно сутки. В губерниях черноземных, как Харьковская и Полтавская, даже летом простая перекладная тонула в грязи и приходилось поднапрягать волов для вытаскивания экипажа. В жару такая же мука была в песках: лошади шли шагом по целым часам. Есть на станциях буквально было нечего, хотя на каждой висел под стеклом длинный прейскуронт блюд... О моих поездках по земским трактам не могу и теперь вспоминать без ужаса»²³.

Положение спасло то, что Ф. Ф. Витте порекомендовал племянников своему коллеге, попечителю учебного округа в Одессе А. А. Арцимовичу, который посоветовал им поступать в только что открывшийся Новороссийский университет. Но туда братьев Витте не приняли по формальным причинам. Во-первых, в их гимназических аттестатах красовалось по единице за поведение. Во-вторых, Сергею было только 16 с половиной лет, а для зачисления в студенты требовалось полных 17. На семейном совете было принято решение — Сергею получить новый аттестат путем экстерната, а заодно и догнать возраст, а Борису записаться вольнослушателем в

университет. Ю. Ф. Витте, поместив Сергея в Ришельевский лицей, вместе с женой отбыл к месту постоянной службы.

Братья Витте оказались вообще без родительского призора. Именно в ту пору, как вспоминал много лет спустя Сергей Юльевич, он отчетливо понял, что без учебы и серьезных знаний они с братом пропадут, тем более что Борис, любимчик родителей, был ими избалован и отличался слабохарактерностью. К тому же статус вольнослушателя осложнял получение полноценного высшего образования с последующими правами на занятие государственных должностей. «Тогда у меня явилось в первый раз сознание и соответственно с этим проявился и собственный характер, который руководил мною всю мою жизнь, так что вплоть до настоящего времени я уже никогда не руководился чьими-либо советами или указаниями, а всегда полагался на собственное суждение и в особенности на собственный характер»²⁴.

По настоянию Сергея из переполненной всяческими соблазнами шумноватой Одессы братья перебрались в тихий Кишинев, чтобы там получить полноценные гимназические аттестаты, необходимые для зачисления в студенты. В Кишиневе они поступили пансионерами к учителю математики Д. О. Белоусову, и это определило выбор Сергеем факультета.

В ходе занятий с учителем, который был «прекраснейший человек, но имел один порок — он пил», у С. Ю. Витте объявились математические способности. Он и тогда, и в зрелые годы отличался хорошей памятью, быстрым умом, живым воображением («фантазией») — другими словами, теми качествами, которые необходимы для успешных занятий математическими науками. С возрастом пришла и усидчивость. В течение полугода братья занимались день и ночь, один — преимущественно гуманитарными науками, другой — математическими. На строгом выпускном экзамене в Кишиневской гимназии С. Ю. Витте по всем предметам математического цикла получил высшие баллы. С новыми гимназическими аттестатами братья возвратились в Одессу и там 31 августа 1866 года были зачислены студентами в университет: Борис — на юридический факультет, Сергей — на физико-математический.

* * *

Новороссийский университет открылся 1 мая 1865 года в составе трех факультетов: историко-филологического, физико-математического и юридического. Уровень преподавания в нем обещал быть вполне приличным, поскольку создавал-

ся университет не на пустом месте, а на базе Ришельевского лицея. К услугам студентов были фундаментальная библиотека с несколькими десятками тысяч томов по разным отраслям знаний и богатым отделом периодики (на 1866 год было выписано 135 названий периодических изданий, в том числе 50 русских и 85 иностранных), 10 оборудованных учебных кабинетов и лабораторий, агрономическая ферма. С профессорско-преподавательским составом поначалу дело обстояло несколько хуже. Штатными преподавателями университета был укомплектован примерно наполовину. Пять кафедр физико-математического факультета оставались вакантными, в том числе кафедра чистой математики, базовая на факультете²⁵. Университетское начальство старалось переманить хороших специалистов из университетских центров: Петербурга, Москвы, Харькова, Варшавы.

В начале 1866/67 учебного года дисциплины по профилю кафедры читал профессор К. И. Карастелев, специалист в области теоретической механики. Он отличался «ясностью преподавания»²⁶, хотя С. Ю. Витте почему-то запомнился как «бездарный профессор». В конце 1866/67 учебного года доцентом по кафедре чистой математики был избран Е. Ф. Сабинин. Он-то и стал главным наставником студента Сергея Витте в математических науках.

Егор Федорович Сабинин родился в 1833 году в Коломне, высшее образование получил в Главном педагогическом институте в Петербурге. Учился он у знаменитого русского математика, академика М. В. Остроградского. Большой оригинал не только в частной жизни, но и в преподавании, свои лекции академик писал мелом на столе, а не на доске, и в выставлении баллов был чрезвычайно строг. Своим лучшим студентам М. В. Остроградский имел обыкновение говорить: «Одному Богу поставил бы 12, себе 11, а вам более 10 никак не могу». В 1856 году его ученик Е. Ф. Сабинин окончил курс с серебряной медалью, после чего был направлен учителем математики в Третью московскую реальную гимназию. В 1866 году он выдержал экзамен на звание магистра математики и получил эту степень в Московском университете после защиты диссертации на тему «Об условиях, служащих к отысканию и различению *maximum* и *minimum* двойных интегралов». В конце того же года Е. Ф. Сабинин перешел в Новороссийский университет: 13 октября профессор К. И. Карастелев представил его на должность доцента по кафедре чистой математики, а 26 ноября он был избран на эту должность советом университета. Уже вскоре, в 1868 году, Е. Ф. Сабинин защитил и докторскую диссертацию.

цию на тему «Исследование наибольших и наименьших значений определенных многократных интегралов». За защитой докторской диссертации последовало избрание его сначала экстраординарным, а затем ординарным профессором кафедры чистой математики университета.

Е. Ф. Сабинин обладал выдающейся памятью и слыл крупнейшим в совете университета знатоком всех начальных предписаний, относящихся к университетской жизни, благодаря чему пользовался влиянием на факультете и в совете²⁷. В его доме студент Сергей Витте был своим человеком.

Вообще в Новороссийском университете (да и в других тоже²⁸) отношения между профессорами и студентами были совершенно неформальными. Студенты запросто посещали профессоров на дому, столовались у них, брали для прочтения книги и вообще на время учения становились как бы членами семьи. Случалось, профессора даже давали студентам деньги на покупку необходимых изданий, отсутствовавших в их собственных библиотеках.

Самой крупной личностью в Новороссийском университете в ту пору был профессор славянской филологии, декан историко-филологического факультета Виктор Иванович Григорович, с которым студент Сергей Витте был хорошо знаком. Занятия у него проходили на квартире и продолжались за полночь, но студенты ими не тяготились: профессор угощал их прекрасным чаем, фруктами, вареньем, дорогими сигарами, по поводу которых рассказывал даже анекдоты. Он вообще очень любил молодежь, говорил с ней о новостях, даже политических, о вышедших книгах, охотно давал студентам (иногда даже дарил) книги из своей библиотеки, подчас довольно ценные²⁹.

Вполне естественно, что студенты помогали своим наставникам в ученых трудах. С. Ю. Витте выполнял обязанности ассистента при профессоре Е. Ф. Сабинине, которого уважал как чрезвычайно талантливого преподавателя. «К сожалению, он очень мало читал, так как имел большую склонность к спиртным напиткам. Большею частью он болел и, в сущности говоря, не болел, а просто сидел дома, находясь в ненормальном состоянии. Он издал лекции по интегральному исчислению, или, вернее, я их издал в литографированном виде... Однако большей частью лекции Сабинин совсем не читал, а дело обстояло следующим образом: так как единственно меня он ценил как лучшего студента-математика, проявлявшего большие математические способности, то поэтому, несмотря на ненормальное состо-

ание, в котором он часто находился, он принимал меня. Я приходил к Сабинину в это время, и он еле-еле мог объяснить мне, о чем он думал бы читать лекцию, и давал мне некоторые источники, по которым я, изучив вопрос, писал лекцию. Затем, когда это ненормальное состояние его проходило, он исправлял эту написанную мною лекцию, я ее литографировал и выдавал за лекцию, написанную профессором Сабининым»³⁰. Литографированным изданием профессорских лекций тогда энергичные студенты зарабатывали деньги на жизнь и учебу.

Человеку вообще свойственно выдавать плоды своего воображения за действительные события, и С. Ю. Витте не составляет исключения из этого общего правила. Лучшим студентом-математиком университета в 60-х годах XIX века советом профессоров был признан не он, а другой ученик Е. Ф. Сабинина — С. П. Ярошенко. Он окончил курс в 1868 году с золотой медалью за выпускное сочинение и был оставлен при университете «для приготовления к профессорскому званию». 19 марта 1870 года С. П. Ярошенко защитил магистерскую, а в октябре 1871-го и докторскую диссертацию по чистой математике³¹. Впоследствии С. П. Ярошенко много лет проработал в должности ректора Новороссийского университета. С. Ю. Витте его хорошо знал и даже защищал в годы первой русской революции, когда С. П. Ярошенко подвергался преследованиям за левые политические убеждения.

Учился С. Ю. Витте весьма прилежно и все четыре года своей университетской жизни действительно входил в число лучших студентов. Регулярно занимаясь науками, он оказывал бескорыстную помощь товарищам в подготовке к экзаменам, за что пользовался их уважением и симпатиями. В то время (так же как и сейчас) многие студенты начинали учиться лишь во время экзаменационной сессии, оправдывая ехидное замечание академика М. В. Остроградского: студента, как пушку, заряжают для экзамена, после которого, как после выстрела в пушке, в голове у него ничего не остается.

Не ограничиваясь дисциплинами математического цикла, Сергей Витте интересовался тем, что преподавали на юридическом факультете. Но преподавание юридических дисциплин оставляло желать лучшего — квалифицированных юристов высокими гонорами переманивала адвокатура, учрежденная в России незадолго до открытия университета. Лекции по богословию он вообще не посещал, хотя изучение этого предмета являлось обязательным для всех студентов без исключения.

На первых двух курсах читалось догматическое и нравственное богословие по два часа в неделю. При переводе на третий курс держался экзамен. Лектором богословия в Новороссийском университете в 1860—1870-х годах был протоиерей Михаил Карпович Павловский. Его лекции, строго говоря, не были лекциями, а живыми и довольно увлекательными беседами на актуальные темы по выбору преподавателя. Явившись в аудиторию, студент не имел представления, о чем ему предстоит услышать: может быть, о новом романе И. С. Тургенева, а может быть — о только что открывшемся во Франции благотворительном обществе³². Экзамен по богословию, который пришлось сдавать студенту-математику Сергею Витте, иначе как профанацией предмета назвать трудно.

Университетский профессор должен направлять и поощрять самостоятельную работу студентов, в нужный момент пропускать их вперед, а не плестись в хвосте текущих умонастроений своих учеников. Из стен университета С. Ю. Витте вышел с убеждением, что университет в том случае, если он отвечает своему названию, есть лучший механизм для научного развития. «Этого лица, чуждые университетской науке, никогда не понимали, не понимают и не поймут, и через это они приносят массу зла нашим университетам. Но, высказывая эти мысли, я совсем не думаю защищать ложную свободу университетов, т. е. такое направление университетов, при котором, вместо того чтобы в университетах заниматься свободной наукой во всех ее проявлениях, ...занимаются политикой и в сущности политикой только данного момента, всегда отравленной страстями, ложью и грубым цинизмом»³³.

Политическими вопросами в студенческие годы С. Ю. Витте не слишком увлекался. По своим убеждениям он принадлежал к правому лагерю и этим отличался от многих своих товарищей, среди которых был известный впоследствии деятель «Народной воли» А. И. Желябов, поступивший на юридический факультет университета 9 сентября 1869 года³⁴. Участие С. Ю. Витте в студенческой жизни, как он сам пишет в мемуарах, исчерпывалось работой его в студенческих кассах взаимопомощи в качестве одного из управляющих. Из-за этих касс монархически настроенный студент-математик и дворянин Сергей Витте чуть было не угодил в Сибирь — выяснилось, что кассы существовали без официального разрешения. Все их руководители были преданы суду и приговорены к ссылке на поселение. С. Ю. Витте спас случай. Ретивый прокурор Одесской судебной палаты, расправив-

шийся с безобидными кассами, намеревался стать членом местного Английского клуба, но был забаллотирован. Министр юстиции граф К. И. Пален заинтересовался, отчего так получилось. Ему доложили, что общественное мнение вознегодовало на прокурора за то, что по его вине из-за сущего пустяка оказались поломаны судьбы вполне благонадежных студентов, да еще из хороших семей. В конце концов судебная палата не утвердила обвинительный акт; дело было передано на новое рассмотрение, но уже мировому судье, который наложил на провинившихся штраф в размере 25 рублей на каждого и отпустил их восвояси.

В 1868 году произошло событие, кардинально повлиявшее на дальнейшую судьбу Сергея Витте. Совершенно неожиданно, в цветущем возрасте скончался его отец Юлий Федорович. Большая семья, привыкшая к обеспеченному, хотя и без излишеств, существованию, вдруг оказалась с весьма скудными средствами.

Как уже говорилось, Ю. Ф. Витте содействовал насаждению в Кавказском наместничестве фабрик и заводов, чем снискал благосклонность начальства и искреннее уважение местного населения. Беспокойство властей вызывало отсутствие в крае железоделательных производств. Гвозди, подковы и другие мелочи быта приходилось выписывать из России и дорого платить за доставку — перевозка товаров от Поти до Тифлиса обходилась вдвое дороже, чем из Лондона или Парижа до Поти.

В 70 верстах к юго-западу от Тифлиса, в Больнисском ущелье близ села Чатах, находилось месторождение железных руд, выходявших непосредственно на поверхность. Оно было известно и использовалось местными жителями задолго до появления здесь русских. Исследования показали, что чатахская руда отличалась высоким качеством: выход чугуна составлял в среднем около 40%. Рядом протекало несколько горных речек, так что дешевой водной энергии имелось в изобилии. Время на Кавказе, как и везде в России, текло страшно медленно. Лишь в 1860 году началась промышленная разработка чатахской руды. Баденский консул в Одессе Эрнст Либ, используя казенную поддержку, устроил в Больнисском ущелье крупный по тем временам завод. Российское правительство выдало ему беспроцентную ссуду деньгами в сумме 20 тыс. руб. с уплатой через 8 лет. Однако средств не хватало, и заводчику повторно было выдано еще 60 тыс., но уже под 5% годовых с уплатой также через 8 лет. Заводу был отведен казенный рудник протяженностью в 1 версту в посессионное владение и прирезана лесная дача

площадью 2 тыс. десятин. Предприниматель вскоре умер, оставив на заводе по состоянию на 1 октября 1862 года 182 тыс. руб. долгу, в том числе казне на 88 тыс. и частным лицам на 94 тыс. Дело шло туго ввиду недостатка в капиталах и знающих, предприимчивых руководителей. Вскоре таковые нашлись в лице иностранца по фамилии Бернулли и действительного статского советника Витте.

Используя новую правительственную ссуду (20 тыс. руб.), собственные средства, приданое жены и деньги, занятые на стороне, Ю. Ф. Витте запустил в ход чугунолитейный и железоделательный заводы с двумя доменными печами, двумя вагранками, кричными и самодувными горнами, а также 40 различными станками для отделки разнообразных металлических изделий. В 1867 году была произведена первая плавка и получено 21 062 пуда чугуновых изделий и 4854 пуда железа. Ввиду крайнего несовершенства путей сообщения и отсутствия системы организованного кредита капитал оборачивался крайне медленно, и к 1868 году на заводах висел долг казне в сумме 190 тыс. руб. и частным лицам в сумме 487 тыс.³⁵ «...Четахские заводы были причиной полного разорения всего нашего семейства: из людей богатых мы сделали людьми с крайне ограниченными средствами»³⁶.

После смерти отца вся семья переехала в Одессу. Сестра Ольга, любимица отца с матерью, прожила не слишком долгую жизнь: заразилась туберкулезом от младшей сестры и умерла, не достигнув пятидесятилетнего возраста. Софья увлекалась литературой и выпустила в конце XIX и начале XX века несколько сборников художественной прозы³⁷. Борис, как аттестует его С. Ю. Витте, «...ничего особенного собою не представлял». После окончания юридического факультета он работал по полученной специальности и закончил жизнь в должности председателя одесской судебной палаты³⁸.

Из своих сестер и братьев Сергей Витте больше всего любил Александра, всю жизнь прослужившего офицером в Нижегородском драгунском полку. Александр Витте был человеком средних способностей, но прекрасной души; отличался непоказной храбростью, которая производила очень сильное впечатление на окружающих. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов он совершил несколько воинских подвигов. Сергей часто беседовал с ним о войне и о тех ощущениях, которые люди на ней испытывают. У С. Ю. Витте находили массу недостатков, но никто, не покрывив душой, не осмеливался упрекнуть его в трусости.

После потери семейного состояния появились труднос-

ти с оплатой учебы братьев Витте в университете. Новороссийский университет не отличался студенческим многолюдством. По состоянию на 1 июня 1866 года в нем учился 151 человек (на физико-математическом — 57), вновь принято было 126. Отсев составил 47 человек, в том числе 11 были исключены за невзнос платы за обучение. Таким образом, на конец 1866/67 академического года численность студентов равнялась 230. Большая их часть происходила из малообеспеченных семей, отчего в университете весьма высоким было число студентов, обучавшихся бесплатно, — 119 человек. В отличие от других учебных заведений, например Московского университета, Новороссийский университет содержался главным образом за счет казны. Сборы за слушание лекций составляли в приходной части бюджета незначительную величину — менее 5 тыс. руб. из 117 тыс., или 4%³⁹.

Некоторые студенты являлись стипендиатами разных учреждений и частных лиц. На Новороссийский университет было выделено три стипендии Кавказским наместничеством, две из которых достались Борису и Сергею Витте. «Причем я должен заметить, что так как все мы со смертью отца остались без всяких средств, то я, а также и мой брат в течение всего времени пребывания нашего в университете получали от Кавказского наместничества 50 руб. в месяц стипендии, и таким образом я окончил курс университета»⁴⁰. На самом деле стипендия составляла 250 руб. в год на человека и выделена была лишь после смерти отца Витте, то есть в 1868 году. Чтобы свести концы с концами, приходилось подрабатывать репетиторством. С. Ю. Витте давал уроки детям богатейших одесских негоциантов и банкиров Рафаловичей⁴¹.

Внезапная потеря семейного состояния повлияла на выбор Сергеем жизненного пути после окончания университета.

Для получения звания кандидата он представил диссертацию под названием «О бесконечно малых величинах». Оригинальность своего сочинения С. Ю. Витте видел в том, что по предмету чистой математики там не было никаких формул, а «...одни только философские рассуждения»⁴². Уже тогда, по-видимому, обнаружилось важное свойство его незаурядного ума — склонность к постановке и решению общих, принципиальных вопросов. Кропотливую черновую работу с фактами он не особенно жаловал, что и было подмечено проницательной экзаменационной комиссией. Первая большая научная работа его закончилась неудачей. Хотя С. Ю. Витте и считал себя лучшим студентом-математиком в университете, золотая медаль за выпускное кандидатское

сочинение по математике была присуждена не ему. Медаль получил Адам Бельчанский за кандидатскую работу «Определение орбиты планет и комет по трем геоцентрическим наблюдениям»⁴³.

По окончании курса С. Ю. Витте намеревался остаться в университете на кафедре чистой математики. Для продолжения научных занятий (написания магистерской диссертации) он избрал не математику, а астрономию. Но в конце концов, взвесив все за и против, С. Ю. Витте решил оставить мечты об ученой карьере.

Во-первых, кандидат математики переживал сердечное увлечение, что весьма осложняло продуктивную работу над диссертацией.

Во-вторых, защита магистерской диссертации и последующее получение доцентуры было трудным делом и не сулило особенно выгодных перспектив. Чтобы получить право преподавания в университете, в обязательном порядке требовалось представить факультету диссертацию и защитить ее в публичном диспуте, что было тогда совсем не просто. Университетские анналы пестрели фактами отклонения представленных диссертационных работ. К тому же труд преподавателей высшей школы оплачивался скудно. Так, заслуженный профессор Ф. К. Брун был приглашен Новороссийским университетом читать курс всеобщей истории в 1871/72 учебном году за годовое вознаграждение в сумме 2 тыс. руб.⁴⁴ Заниматься науками и преподаванием, не имея хорошей ренты, значило обречь себя на недостойное высокого дворянского звания стесненное материальное положение.

В-третьих, определенную роль сыграли протесты семьи, прежде всего матери и дяди, против намерений Сергея стать профессором — «это не дворянское дело». Дворянское дело — служить государю и отечеству. И кандидат математики С. Ю. Витте пошел по стопам деда и отца. 5 июля 1871 года он поступил на службу в канцелярию новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. Там за два года, не особенно утруждая себя работой, С. Ю. Витте прошел путь от низшего чиновника до столоначальника. Еще раньше, а именно 1 мая 1870 года⁴⁵, он вступил на более перспективное во всех отношениях поприще. С. Ю. Витте стал работать в управлении Одесской железной дороги.

Глава вторая **НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ**

«Все держалось на живую нитку»

Постройка сети железных дорог на юге России имеет длинную и не лишенную занимательности историю. Еще в 1830-е годы начальство стало думать о том, чтобы кардинально улучшить пути сообщения в этом перспективном во многих отношениях регионе. Новороссийский генерал-губернатор князь Михаил Семенович Воронцов рассудил, что лучше всего проложить добротное шоссе от Одессы на Елисаветград и Кременчуг, поскольку именно в этом направлении следовала большая часть грузопотока от Одессы и обратно. О своих замыслах светлейший князь доложил императору Николаю I во всеподданнейшем ходатайстве. В письме от 10 мая 1836 года министр финансов граф Егор Францевич Канкрин довел до сведения М. С. Воронцова высочайшую волю: «Полагаю, что устройство железной дороги будет и лучше, и полезнее всего: надо определить только, откуда ее начать».

Решение о сооружении железной дороги на юге было принято в ту пору, когда Россия еще только-только приступила к строительству рельсовых магистралей. Постройка Царскосельской железной дороги была в самом начале; о знаменитой Николаевской не было и помину. Узнав о повелении императора, М. С. Воронцов немедленно принялся за дело. Из Бельгии был выписан специалист для сбора статистических сведений, производства изысканий и прочих подготовительных работ. На них ушло целых 7 лет. Собрав и изучив все предварительные материалы, касающиеся постройки дороги, князь направил очередное ходатайство на высочайшее имя.

В нем выражалась серьезная озабоченность по поводу конкуренции, которую встречала южнорусская торговля со стороны придунайских портов сопредельных государств. Чтобы эту конкуренцию с успехом побивать, российские дороги должны обеспечивать быстрый и, главное, дешевый

подвоз грузов к местам назначения. Поэтому в Новороссийском крае, полагал князь, лучше всего устроить целую сеть железных дорог, но не паровых, а на конной тяге. Эта сеть, объяснял он царю, «...сближая расстояния, скоростью, правильностью и дешевизною провоза, поставила бы нас в возможность не бояться никакого соперничества на иностранных рынках»¹.

Первая конно-железная дорога общего пользования открылась в Англии неподалеку от Лондона. Ее протяженность была невелика — всего-то 40 км. Одна лошадь тянула состав из трех вагонов общим весом в 9,2 т. В России знакомство с чугунно-рельсовыми дорогами на конной тяге состоялось в 1810 году: Петр Кузьмич Фролов (1775—1839) построил такую дорогу на Алтае. Длинной всего-навсего 2 км, она тем не менее заметно удешевляла перевозки, поскольку заменяла гужевую повинность более 500 приписных крестьян².

Недостатки конно-железных дорог — малая скорость перевозок и невысокая грузоподъемность — были слишком очевидны, чтобы они получили сколь-нибудь заметное распространение в Европе. Но в России изыскания в этом направлении продолжались. П. К. Фроловым был разработан проект рельсовой дороги на конной тяге протяженностью около 150 км.

Вскоре у конно-железных дорог появился сильный конкурент. В 1825 году англичане построили и успешно испытали первую железнодорожную линию протяженностью 61 км. Начало было положено — уже в 1829 году появились паровозы, которые развивали скорость до 21 км в час и могли тянуть состав весом в 17 т³. Поэтому, когда министр финансов Е. Ф. Канкрин направил императору Николаю Павловичу очередное ходатайство новороссийского губернатора, тот повелел, «чтобы при сооружении просимой железной дороги дать ей такое устройство, чтобы оно могло впоследствии послужить для паровозного сообщения».

В 1844 году под личным руководством князя М. С. Воронцова началось проектирование линий. Первоначально было решено строить две дороги: одну от Одессы через Тирасполь до села Паркан (болгарской колонии на Днестре напротив города Бендеры), вторую — до Ольвиополя на реке Южный Буг. По ней товарные транспорты из Киевской и Подольской губерний направлялись бы в Одессу. От Ольвиополя предполагалось соорудить ветвь до города Балты. Общая протяженность линий должна была составить 300 верст. В дальнейшем Одессе — конечному пункту всех южных же-

лезных дорог — предстояло соединиться с Москвой через Кременчуг, Полтаву и Харьков.

Дело было новое, неизведанное, и проектную документацию удалось подготовить только к 1850 году, да и то лишь отчасти. Магистраль Одесса — Ольвиополь длиной 172 версты должна была обойтись в сумму 11,5 млн руб., то есть примерно по 67 тыс. на одну версту. Технический проект вместе со сметой был переслан на заключение независимой экспертной комиссии. Изучив все как следует, эксперты дали отрицательный отзыв. Глубокие овраги, пески и болота от Кременчуга и Полтавы и далее до Харькова должны были вызвать постройку многочисленных плотин и насыпей; в одном Кременчуге мост и дамбы обойдутся в миллионы рублей, а где их взять? На экспертном заключении стояла дата — 1852 год. Вскоре началась Крымская война и стало не до строительства железных дорог.

Все войны, как известно, рано или поздно кончаются миром. После подписания Парижского мирного договора 1855 года к воронцовскому проекту вернулись вновь. Приехав в Москву на коронацию Александра II, М. С. Воронцов лично занялся переговорами с новым главноуправляющим путей сообщения К. В. Чевкиным. План соединения Москвы с Одессой железной дорогой показался тому очень соблазнительным, но денег в казне не было. К. В. Чевкин тогда носился с идеей постройки рельсовых путей сообщения в России на средства заграничных капиталистов. Путешествуя по Европе, он свел знакомство со знаменитыми банкирами Эмилем и Исааком Перейра, восхитился их успехами на поприще железнодорожного строительства и уговорил братьев перенести свою полезную деятельность в Россию.

Дальше произошло вот что. 28 января 1857 года император Александр утвердил сразу два документа: «Положение об основных условиях для сооружения первой сети железных дорог в России» и «Устав Главного общества российских железных дорог». Главное общество, где заправилами стали братья Перейра, получило концессию на постройку 4 тыс. верст (!) железных дорог в России, в том числе линии Москва — Феодосия. Одессе в планах Главного общества вообще не нашлось места. Получалось, что главный торговый порт страны на Черном море лишался железнодорожного сообщения!

Смириться с этим было просто невозможно, и вскоре составила частная компания влиятельных и, главное, состоятельных лиц, замышлявших железную дорогу от Одессы в направлении на Киев и далее до соединения с сетью дорог

Главного общества. Проектом удалось заинтересовать иностранцев — лондонский торговый дом «Томсон, Бронар и К^о». Необходимый капитал предполагалось собрать выпуском в обращение ценных бумаг. Будущие акционеры просили у российской казны малого: гарантию доходности по бумагам в размере 5,5% годовых в первые 48 лет и 4% — в последующие 27. Просьба была встречена «несочувственно» — император и его окружение посчитали сметную стоимость запланированной железнодорожной линии сильно завышенной.

Только преемнику М. С. Воронцова в должности новороссийского генерал-губернатора, графу А. Г. Строганову, удалось достучаться до сердца императора. Его личный доклад был выслушан благосклонно, и в 1859 году, находясь на Южном берегу Крыма, Александр II решил окончательно: Одесской железной дороге быть. По высочайшему повелению составился Особый комитет для обсуждения вопроса о том, чтобы соединить Одессу с внутренними губерниями рельсовой магистралью. Председательство в комитете царь возложил на себя самого.

Главные проблемы, о которые разбивались благие порывы, остались те же: высокая стоимость работ и большие сложности с добыванием денег на вольном рынке. Когда в декабре 1862 года составилось уже второе по счету Общество Одесско-Киевской железной дороги, то оказалось, что сметная стоимость составила уже 85 тыс. руб. на версту. На некоторых участках поперечная стоимость оказалась вообще запредельной: от Крыжополя до Брацлава 148 тыс. и от Брацлава до Киева — 123 тыс. руб. И это при всем при том, что дорогу к Киеву собирались вести по водоразделам! Строительный капитал при тогдашнем положении рынка не удалось бы реализовать (превратить ценные бумаги в денежную наличность) дороже, чем 80 за 100. Иными словами, облигацию нарицательной ценой 100 руб. пришлось бы продавать за 80 руб.

Проект устава Общества Одесско-Киевской железной дороги был подписан графом Э. Т. Барановым, графом А. В. Адлербергом, графами А. В. и К. В. Браницкими, князем Л. В. Кочубеем, графом А. Г. Строгановым, графом М. Д. Толстым, обер-гофмейстером высочайшего двора И. М. Толстым — сплошь богатейшими помещиками. Тем не менее новый генерал-губернатор, генерал-адъютант императора Павел Евстафьевич Коцебу не верил в то, что им удастся достать деньги и запустить предприятие в ход. Он решил строить дорогу немедленно, не откладывая дело в долгий ящик — и так за разговорами и проектами прошло целых 18 лет.

Новый генерал-губернатор отличался решительностью и пробивными способностями. Уже 15 января 1863 года последовало высочайшее повеление: железную дорогу от Одессы до Паркан будет строить бывший эстляндский предводитель дворянства, камергер барон К. К. Унгерн-Штернберг под личным надзором генерал-адъютанта П. Е. Коцебу. Такое необычное управление создали, чтобы определить самый дешевый в российских условиях способ постройки железных дорог⁴.

Опытный администратор, побывавший в Америке, К. К. Унгерн-Штернберг подал идею строить дорогу солдатами штрафных рот и уверял, что их труд обойдется почти что даром. «Само собою, — вспоминал К. А. Скальковский, — как всякий обязательный труд, работа солдат была плоха и обошлась вдвое, но Главное управление путей сообщения не могло уже помешать делу, и выдумка барона положила начало сооружению на юге России целой сети железных дорог»⁵.

На строительные работы 1863 года П. Е. Коцебу был отпущен из казны 1 млн руб. Все технические проекты утверждались лично генерал-губернатором. При нем для консультаций состоял инспектор из числа штаб-офицеров корпуса инженеров путей сообщения.

4 мая 1863 года начались самые трудоемкие работы — возведение земляной насыпи. На них, как и было задумано, использовали подневольный труд — вначале солдат-штрафников, а затем и заключенных близлежащих тюрем. Работа арестантов вообще была особенностью того времени. К. А. Скальковский помнил, как «...в цепях, с бритыми головами, арестанты чинили в городах мостовые, сажали деревья на бульварах, а в свободные минуты просили у проходящих милостыню, что нисколько не возбранилось, ибо казенное содержание арестантов оставалось в карманах начальников арестантских рот. Это были офицеры из “бурбонов”, сидевшие лет по двадцать в каждом чине; мундиры они имели с зелеными выпушками, тогда как роты состояли в путейском ведомстве»⁶.

Поначалу в штрафных бригадах, трудившихся на строительстве дороги, было 300 человек. К 1 июля 1863 года их число возросло до 2,5 тыс. Однако наиболее сложные работы выполняли артели вольнонаемных.

Строительство шло быстро. Уже 7 ноября 1863 года была совершена пробная поездка, а 3 декабря 1865 года состоялось торжественное открытие дороги — пассажирский поезд отправился из Одессы в Балту от временного дебаркадера, устроенного внизу Николаевского бульвара на берегу моря⁷. 4 декабря 1865 года открылось регулярное движение между

Балтой и Одессой и между станцией Раздельной и Кучурганом. Длина дороги составила чуть больше 210 верст.

Для приемки дороги от строителя в казенную эксплуатацию была назначена особая комиссия. Она проработала почти год. Все железные дороги и тогда, и в более поздние времена принимались от строителей в эксплуатацию с большим или меньшим объемом недоделок. На Одесской дороге не было произведено укрепления откосов, ширина балластного слоя не соответствовала проектным размерам, верхний щебеночный слой был рассыпан не везде, а кое-где даже не заготовлен; нижний песчаный слой был где более, а где менее должной толщины; в трубах через глубокий Тилигульский овраг (в 13 верстах от станции Балта) оказались серьезные повреждения, потребовавшие немедленной переделки; дома для дорожных мастеров и сторожевые будки вообще отсутствовали. Еще одно слабое место дороги состояло в средствах связи. Комиссия записала в приемочном акте: «Телеграфная линия устроена в одну проволоку и требует перестройки, по недостаточному размеру и углублению в землю столбов, недостаточному числу и диаметру проволочных проводов и неудовлетворительному укреплению к столбам, к чему во время освидетельствования дороги было уже приступлено»⁸.

1 сентября 1866 года Одесско-Балтская дорога поступила в заведование Министерства путей сообщения. Приемочная комиссия министерства обратила внимание на то, что снабжение дороги подвижным составом было «крайне недостаточным». По предположению комиссии, 28 паровозов, 85 пассажирских вагонов, 12 багажных и 770 товарных (включая сюда и платформы) не в состоянии обеспечить должную рентабельность всего хозяйства. Комиссия постановила для «...усиления... подвижного состава заказать 23 паровоза, 8 тендеров для подвозки воды к станции, где водоснабжение неудовлетворительно, 600 товарных вагонов для возки зернового хлеба; приспособить поезд для императорской фамилии и приобрести запасные части для паровозов» на сумму 1 млн. 700 тыс. руб.⁹

1 млн. 100 тыс. было ассигновано для сооружения складов под зерновой хлеб, под удлинение платформ, увеличение мастерских для ремонта подвижного состава. Паровозы и тендеры были заказаны заводу Зигеля в Вене (своего паровозостроения Россия тогда еще не имела). Одесским мастерским предстояло построить 600 крытых товарных вагонов для зернового хлеба и соли: Куяльницкая ветка протяженностью 8 с небольшим верст проходила по предместью Пере-

сыпь в направлении Куяльницкого соляного лимана. Вся дорога, по оценке Министерства путей сообщения, обошлась в 16 млн 400 тыс. руб., или 68 тыс. в пересчете на версту, не считая процентов и расходов на приобретение строительного капитала.

Ее эксплуатация обещала массу трудностей. Одесско-Балтская линия проходила по территории малонаселенной, со слабо развитой промышленностью. В целях удешевления строительства ее прокладывали по водоразделам, тогда как населенные пункты располагались вдоль глубоких балок. Подъезд к станциям железных дорог в ряде случаев был сильно затруднен. И это еще не все. Как известно, паровозам требуется вода, причем в больших количествах. Дорога же проходила по местности безводной. Вырытые на станциях колодцы, местами со значительной глубиной (до 50 и даже до 80 саженей), не давали необходимого количества воды, так что потребовалось развозить по станциям воду из Одессы почти по всей дороге в особо устроенных тендерах и вагонах, которые должны были возвращаться в Одессу порожняком¹⁰.

Еще одной головной болью должен был стать дефицит топлива. Поначалу паровозы использовали исключительно английский уголь, доставлявшийся морем в Одессу. Затем были сделаны пробные топki донецким антрацитом. Оказалось, что антрацита расходуется на треть менее, чем английского каменного угля, но, с другой стороны, колосники в паровозных топках скорее перегорали вследствие сильного жара от горения антрацита, а ремонт их обходился в три раза дороже первоначальной цены. Несмотря ни на что, употребление антрацита сулило несомненные выгоды при условии, если Одесская дорога будет соединена с Донецкими угольными копиями.

Еще до того времени, когда Одесско-Балтская дорога была закончена постройкой, неутомный П. Е. Коцебу задумал изменить ее первоначальное направление. Вместо Киева он предложил тянуть рельсы на Кременчуг и далее на Харьков; другую линию вести к австрийской границе до Новоселиц. Уязвимым местом его плана было то, что Киев оказывался вне связи с крупнейшим черноморским портом России. Помимо этого, соединение Одессы с обеими столицами отодвигалось на неопределенное время. Предложение Коцебу наделало много шума. Оно обсуждалось и в прессе, и в ученом мире, и в правительственных кругах.

2 и 7 декабря 1864 года состоялось специальное заседание статистического отдела Русского географического обще-

ства, где скрестили копыта сторонники киевского и кременчугского направлений. Киевскую партию возглавляли М. Н. Катков и И. С. Аксаков (не явившиеся на заседание); противную — П. Е. Коцебу и директор статистического отдела Министерства внутренних дел П. П. Семенов.

Приверженцы киевского направления оперировали геополитическими и стратегическими аргументами. Лишь В. П. Безобразов — известный экономист либерального направления — доказывал, что дорога через Киев облегчит сбыт на южной Украине изделий московских текстильных фабрик.

Одесский банкир Рафалович прочел доклад на французском языке. Он указал на исключительную важность кременчугского направления для расширения российского экспорта через Одессу. Ни в Подольской, ни в Киевской губерниях производство товарной пшеницы не могло быть увеличено, тогда как посевные площади Харьковской и Екатеринославской губерний постоянно росли. Далее трехсотверстного расстояния вывоз хлеба он вообще считал нецелесообразным ввиду высокой стоимости провоза.

Большинство участников дискуссии высказались в пользу киевского направления. Но император решил иначе: 28 декабря 1864 года состоялось высочайшее повеление, которым предложение П. Е. Коцебу о направлении дороги от Балты на Харьков получило силу закона. 28 марта 1865 года были утверждены и основные условия контракта. Его удостоился проверенный в деле контрагент казны — барон К. К. Унгерн-Штернберг. Для производства строительных работ в его распоряжение назначались две бригады штрафных солдат общей численностью 9 тыс. человек.

Дорога должна была иметь протяженность 234 версты, сметная стоимость ее составляла 45 тыс. руб. на версту, а всего 10,5 млн. Предварительные изыскания были сделаны подрядчиком, он же выбрал и основное направление пути. Условиями контракта допускалось и отклонение от избранного направления, но не свыше 5 верст в сторону. За строительством наблюдал инспектор от Министерства путей сообщения; в министерство представлялись и все технические отчеты по работам. Подрядчик обязался не только построить магистраль со всей положенной инфраструктурой, но еще и снабдить ее подвижным составом. Он должен был поставить 9 паровозов весом до 28 т, 25 — до 35 т; вагонов пассажирских — 90, товарных — 560.

Контроль за расходованием казенных денежных сумм осуществлял бессарабский и новороссийский генерал-губер-

натор. Вся денежная и материальная отчетность в установленные сроки представлялась государственному контролю.

Барона К. К. Унгерн-Штернберга, уроженца острова Эзеля, одесские острословы прозвали «Эзелем с острова Унгерна». Над ним посмеивались, вспоминал К. А. Скальковский, но уважали — «...ослом барон не был — напротив, это был хотя и чудаковатый, но бойкий и даже остроумный человек... Женщин барон не выносил, и если кто из приближенных к нему людей задумывал жениться, барон без церемоний увольнял его от службы. Барон вообще отличался странностями. Он, например, прочел где-то, что смеяться полезно во время еды, ибо это приводит в движение желудка и селезенку. И вот барон во время завтрака и обеда рассказывал... без конца анекдоты, вовсе не смешные, но от которых сам добросовестно покатывался от смеха»¹¹.

В среде железнодорожных концессионеров той поры барон был чем-то вроде белой вороны: он добросовестно и аккуратно выполнял свои обязательства и, главное, был честен. Другие строили из рук вон плохо и воровали у казны самым бессовестным образом при заинтересованном участии самых высоких сфер. По слухам, даже император Александр II был причастен к безобразным концессионным махинациям. По этому поводу Д. А. Милютин, бывший у него военным министром, несколько меланхолически заметил: «...Остается только дивиться, как самодержавный повелитель 80 миллионов людей может до такой степени быть чуждым обыкновенным, самым элементарным началам честности и бескорыстия»¹².

Строитель Балто-Елисаветградской дороги получил от казны ряд исключительных прав: потребные для проведения пути земли и имущества отчуждались в обязательном порядке; казенные земли, не сданные в арендное пользование, занимались бесплатно; строительные материалы для дороги ввозились из-за границы беспошлинно; потери на курсах валют при расчетах с иностранными поставщиками казна принимала на свой счет; рабочих, служащих и материалы, потребные для строительства, Одесско-Балтская железная дорога обязывалась провозить по льготному тарифу. Срок сдачи дороги был определен 26 марта 1871 года.

Сбережение в расходах от оптовой подрядной суммы К. К. Унгерн-Штернберг имел право положить себе в карман, но в размере не свыше 3% валовой контрактной суммы. Большой излишек экономии доставался казне. При расчете премии от экономии расходов потери на курсе рубля не включались.

Работа велась в обстановке полной гласности: основные условия контракта казны с подрядчиком были опубликованы для всеобщего сведения¹³.

В мае 1866 года Унгерн-Штернберг приступил к работам, а в конце лета 1870-го магистраль (в ходе постройки первоначальная длина ее была увеличена на 10 верст) уже принимала специальная комиссия. По отчету строителя, дорога протяженностью 244 версты обошлась в 41 тыс. руб. за версту. Барыш строителя составил 315 тыс. руб. В заключении приемочной комиссии говорилось, что дорога выстроена так солидно и прочно, что лучшего и желать нельзя; станции построены красиво и добротно; водой дорога обеспечена вполне достаточно.

Подряд на строительство Киево-Балтской ветки получила компания иностранцев — французов и бельгийцев, среди которых были представители знаменитой банкирской фирмы «Сосьете Женераль» со штаб-квартирой в Брюсселе. Длиной 428 верст она должна быть сдана не позднее 24 мая 1870 года. Льготы подрядчики получили беспрецедентные, а расценки на работы — наивыгоднейшие. Более того, работы начались на средства казны еще до подписания контракта. Расходы, правда, подрядчикам ставились в счет, но они были минимальные — самые трудоемкие земляные работы выполнялись солдатами регулярной русской армии. На стройку были направлены военнослужащие 5, 14 и 33-й пехотных дивизий императорской армии. 19 мая 1866 года близ города Балты первый батальон Волынского пехотного полка приступил к работе по сооружению земляной насыпи.

Служба солдатская вообще не из легких, а тогда она была особенно тяжела. Российская империя поставила под ружье огромную регулярную армию, но содержать ее достойно не могла по причине скудости казны. Даже в начале XX века денежное жалованье нижних чинов было смехотворно низким — по 2 руб. 10 коп. в год на человека. Белье и сапоги выдавали такого низкого качества, что солдатам приходилось продавать их за бесценок и покупать взамен собственные вещи. Одежд и постельного белья не полагалось. Солдатам сочувствовали, но смотрели на их нищенское положение как на нечто нормальное или по крайней мере неизбежное. Армии приходилось самой себя содержать, занимаясь хозяйственными работами.

Расчеты с солдатами за земляные работы по сооружению ветки от Балты до Киева производились следующим образом: за сооружение насыпей солдатам было назначено

по 45 коп. в день, но с выдачей на руки 10—15 коп.; остальная сумма удерживалась для оплаты стоимости инструмента.

1 августа 1866 года компания во главе с бароном А. де Вриером приступила к руководству строительством.

Организация работ была настолько безобразной, что когда в ноябре 1867 года техники Министерства путей сообщения принимали почти готовые земляные насыпи, лишь 40% их были признаны удовлетворительными. Подрядчики крали так немилосердно, что весной строители остались лишь с подневольными рабочими из Черниговской губернии и Белоруссии, которые были отданы им сельскими обществами для отработки податей. Да и те жаловались администрации и властям на плохие условия содержания. Чтобы не выйти из сметы, генеральный подрядчик обратился к правительству с просьбой о назначении на работы солдат. Ходатайство было удовлетворено, и администрация получила около 6 тыс. военнослужащих, из них около половины штрафников. Их усилиями были преодолены все препятствия, и 26 мая 1870 года открылось движение от Киева до Одессы.

Путь от Жмеринки до Волочисска, отошедший к Одесской дороге, строился частной компанией, во главе которой стоял прославившийся своими хищениями «грюндер» из разорившихся парижских маклеров по фамилии Фильоль (или Фелиоли). Как свидетельствовал К. А. Скальковский, «...за свой роскошный образ жизни в Виннице за счет русской казны он получил прозвище *duc de Vinnitza*»¹⁴.

Вот на такой-то железной дороге и началась, говоря современным языком, «трудовая биография» С. Ю. Витте. Путь его к вершинам успеха и всемирной славы был усыпан совсем не розами.

* * *

Построенные частными концессионерами железные дороги поступали в ведение Министерства путей сообщения. В 1870 году министром был граф В. А. Бобринский, который очень хорошо знал Р. А. Фадеева. Находясь по делам службы в Одессе, граф встречался с ним у генерал-губернатора П. Е. Коцебу. В то время затевалась война между Францией и Пруссией, и губернатор вместе с близкими ему лицами, преимущественно военными, увлеченно обсуждал ее перспективы. В. А. Бобринский, только что назначенный министром, столкнулся со сложными проблемами. Мало построить хорошую дорогу, нужно еще укомплектовать ее

толковой администрацией, способной организовать эксплуатацию так, чтобы поскорее окупилась немалые строительные расходы. Тут ему и подвернулся молодой и перспективный кандидат математики Сергей Витте. Начались уговоры, и С. Ю. Витте после некоторых колебаний дал согласие поступить на службу в администрацию Одесской железной дороги. Ему положили такое жалованье, какое не получали профессора его *alma mater* — 200 руб. в месяц.

Опыт казенной эксплуатации построенной магистрали оказался не вполне удовлетворительным. Поэтому 22 июля 1870 года Одесскую дорогу передали, а точнее — продали, Русскому обществу пароходства и торговли (сокращенно РОПИТ), которое стало теперь называться «Русское общество пароходства, торговли и Одесской железной дороги». Директор общества, флигель-адъютант и капитан первого ранга Н. М. Чихачев покровительствовал молодому Сергею Витте. В январе 1871 года князь А. И. Барятинский обратился к Н. М. Чихачеву с рекомендательным письмом, в котором, ссылаясь на близкое знакомство с семьей Фадеевых, просил дать С. Ю. Витте ход по службе при том условии, что он оправдает оказанное ему доверие¹⁵. В ответном послании Чихачев дал молодому человеку самую лестную аттестацию.

Работал С. Ю. Витте уже тогда не за страх, а за совесть. В течение полугода он стажировался на различных должностях службы эксплуатации. «Так, я сидел в кассах станционных, грузовых и билетных, затем изучал должности помощника начальника станции и начальника станции, потом контролера и ревизора движения; затем занимал должности на различных станциях, где преимущественно было грузовое движение, и на станциях, где было преимущественно пассажирское движение. ...Когда я прошел все эти должности, я сразу получил место начальника конторы движения»¹⁶. Во второй половине 1870-х годов он оказался во главе службы эксплуатации одной из самых протяженных железных дорог страны с довольно оживленным товарным и пассажирским движением.

Одесская железная дорога состояла из нескольких участков. Первый участок включал в себя линию протяженностью 513 верст от Одессы до станции Балта (станция отстояла от одноименного города на 12 верст) с ветвями к Карантинному порту и магазинам у Тираспольской заставы в Одессе и от станции Балта до города Елисаветграда. Второй участок (187 верст) — линия Бирзуло-Жмеринская; третий (154 версты) — линия Жмеринско-Волочисская; четвертый (67 верст) — линия Тирасполь-Кишиневская; пятый участок (101 верста) —

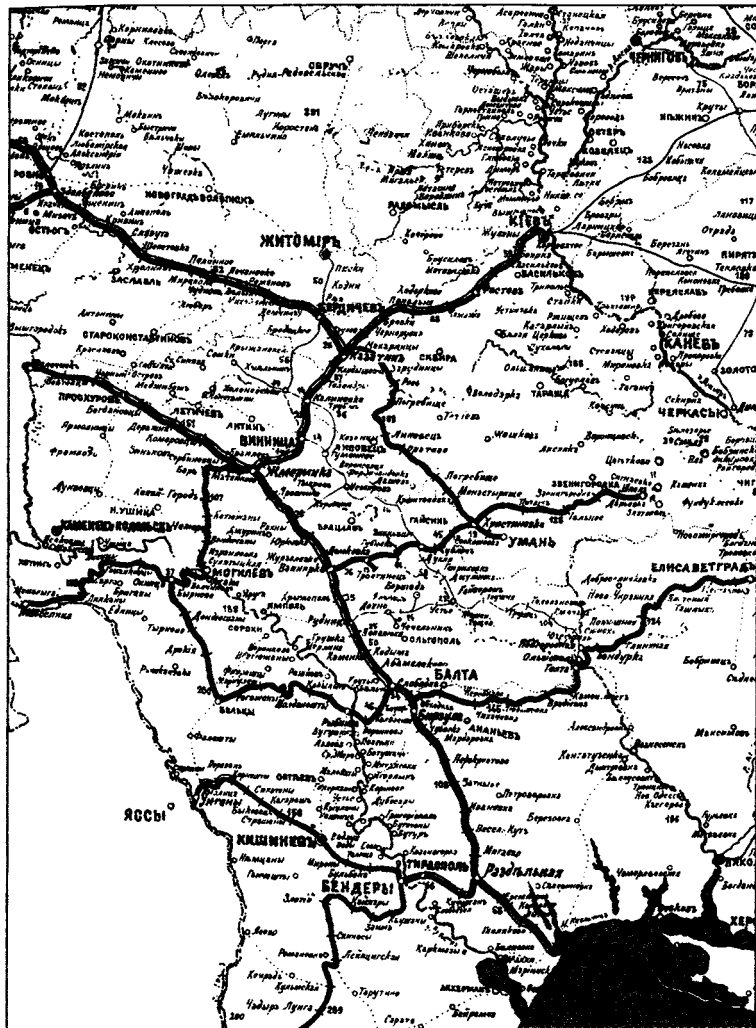
линия Кишинев-Унгени. Всего, таким образом, 1022 версты, из которых только 72 версты было в два пути¹⁷.

При строительстве дороги укладывались железные рельсы английского и бельгийского производства. Вскоре началась замена железного полотна на стальное — железные рельсы приходилось менять примерно раз в два года, на стальные заводчики давали десятилетнюю гарантию, фактически же они служили гораздо дольше. К концу 1877 года на Одесской дороге было уложено стальных рельсов на протяжении 352 верст¹⁸.

В 1876 году дорога имела собственных 222 паровоза (59 пассажирских, 150 товарных и 13 станционных, то есть маневренных) и 4807 вагонов (409 пассажирских и 4398 товарных вместе с багажными). Поскольку на Одесской дороге в тот год выросли воинские перевозки, ей были переданы с других магистралей дополнительно 81 паровоз, 45 пассажирских и 1530 товарных вагонов¹⁹. В 1878 году по дороге ходило 220 паровозов, из которых только 23 были произведены на отечественных заводах. Они тянули 462 пассажирских вагона (все вместе они имели 16 тыс. мест), в том числе 13 императорских, 1 директорский и 205 вагонов 3-го класса, и 4390 товарных вагонов общей грузоподъемностью 2,7 млн пудов²⁰. Паровозы использовали английский (ньюкаслский и кардиффский) и силезский уголь; русского совсем мало. Ньюкаслский уголь признавался лучшим²¹.

Железнодорожное движение в те годы разительно отличалось от того, с чем мы сталкиваемся в наши дни. На узловых станциях грузы перегружались и часто гужевым транспортом перевозились от конечной станции одной дороги на станцию другой, из-за чего образовывались постоянные завалы. Получил известность случай, когда партия скоропортящегося крымского винограда простояла на станции Лозовая около 8 суток в ожидании перегрузки на Курско-Харьково-Азовскую железную дорогу. Животные перевозились в непригодных вагонах, лишенных вентиляции, вследствие чего бывали случаи их массовой гибели²². Племенной скот, выпущенный из-за границы графом А. П. Бобринским для своего Тульского имения, весь погиб, так как перевозился в вагонах, в которых ранее везли зараженный скот; вагон не был дезинфицирован.

Поезда ходили медленно. По Бессарабской ветви Одесской дороги скорость почтового поезда составляла 30 верст в час, пассажирского — 20 верст. Оптимальная скорость грузового поезда считалась 27 верст в час²³. Книги из Петербурга в Одессу доставлялись за месяц, если отправлялись

Карта Одесской железной дороги начала XX века.

малой скоростью. Поезд со скотом как-то раз шел от Воронежа до станции Перово под Москвой около 64 час., из которых 30 час. прошли в стоянках на станциях. От Петербурга до Москвы курьерский поезд шел 15, пассажирский — от 23 до 25 часов. Расписание движения пассажирских поездов по железным дорогам разных обществ не было согласовано между собой. Чтобы добраться из Сызрани в Ростов-на-Дону, нужно было затратить 76 час. 36 мин. В 1876 году пассажиры одного поезда добирались из Сызрани в Ростов 26 дней.

Большие проблемы создавали снежные заносы. На Ростово-Владикавказской железной дороге зимой 1875/76 года случались такие заносы, что поезда с пассажирами опаздывали на 10—12 дней. Однажды новобранцы добирались из Ростова во Владикавказ целых 22 дня²⁴.

При строительстве Закаспийской дороги заботились о защите ее от зыбучих песков, а не от вод: в низменных местах не устраивалось ни мостов, ни труб для пропуска воды. Год дорога простояла вполне благополучно, но затем выпал такой дождь, что полотно оказалось размывшим во многих местах²⁵.

Пассажирские поезда делились на две категории: «курьерские», «почтовые» или «скорые», которые составлялись из вагонов 1—2-го классов, и пассажирские из вагонов 1—3-го классов или только 2—3-го классов. На пути следования от Москвы до Одессы курьерский поезд не задерживался нигде; путники, следовавшие обычным пассажирским поездом, останавливались в Елисаветграде и ждали 7 с лишним часов, пока не будет подан поезд другой — Одесской — железной дороги. Справедливости ради укажем, что сходные порядки были в ту пору и в Западной Европе. В Англии, например, пассажиров 3-го класса долгое время вообще возили на открытых платформах; во Франции без утомительных процедур пересаживания с поезда на поезд можно было передвигаться только 1-м классом.

Единое железнодорожное хозяйство во всех странах еще только-только складывалось. Российские железные дороги, построенные в разное время, разными подрядчиками и по разным проектам, отличались поразительным разнообразием. Концессионерам Московско-Брестской, Тамбовско-Саратовской, Грязе-Царицынской и некоторых других магистралей Министерство путей сообщения шло на всяческие уступки. Им утверждали проекты на строительство железнодорожных путей такого профиля, что последующее движение по ним сопрягалось с немалыми трудностями. Так, в день по Московско-Брестской дороге могло быть отправле-

но не более 5—7 поездов в каждую сторону. Если исключить пассажирские поезда, отправлявшиеся по разнарядке Министерства путей сообщения, то на долю товарного движения оставалось не свыше 3—5 поездов в день, причем небольших — 18—25 вагонов, тогда как на дорогах с более правильным профилем мощный паровоз мог тянуть до 45 вагонов. Российские туристы предпочитали морской путь из Петербурга в Западную Европу поездке по железной дороге на Брест²⁶.

Показным благоустройством отличалась Николаевская дорога, принадлежавшая в 1868—1894 годах Главному обществу. К. А. Скальковский, не раз ездивший по ней, на скло-не лет вспоминал: «Действительно, трудно было найти в мире другую железную дорогу, где можно с таким комфортом выспаться и сыграть в вист, на которой трясло бы, точно на скверной ухабистой дороге, и где в течение 20 часов встречалось бы шесть больших буфетов, не считая возможности выпить и закусить почти на каждой станции. Шесть буфетов! Когда самые скотообразные люди не принимают пищи чаще трех раз в сутки»²⁷.

По уровню комфорта пассажирские поезда дальнего следования напоминали современные российские пригородные электрички. За исключением Николаевской и отчасти Варшавской дорог в те годы вообще не было спальных вагонов. Спать в лежащем положении удавалось, если в вагонах случалось мало пассажиров²⁸. Зимой в вагонах без парового отопления пассажиры страдали от угара, шедшего от печки. Сидеть вблизи нее было невозможно из-за сильного жара; в противоположном конце вагона стоял невыносимый холод.

Одесская железная дорога была на дурном счету и у начальства, и у публики. Пассажиров на ней укачивало, как на море; поезда часто сходили с рельсов. Однажды неподалеку от узловой станции Жмеринка сошел с рельсов императорский поезд, следовавший по маршруту Киев — Брест, и Александр II пришел на станцию пешком. «Император спросил: “В чем дело?” Ему объяснили, и так как убедились, что тут злого умысла не было, то он отнесся к этому случаю чрезвычайно добродушно»²⁹. Быстро подали вагон, поезд поставили на рельсы, и монарх продолжил свой путь. В другой раз после остановки на станции Бирзула царский поезд отправили в путь без главного пассажира, который вышел на платформу размять ноги. С. Ю. Витте вспоминал об этом событии: «Конечно, это сейчас же заметили, поезд вернули, и государь поехал дальше, причем он отнесся к этому происшествию весьма добродушно»³⁰. По оплошности началь-

ника станции Одесса как-то раз чуть было не столкнулись два поезда, на одном из которых С. Ю. Витте самолично доставлял из порта на станцию железной дороги княжну Е. А. Долгорукую, морганатическую жену императора Александра II³¹.

Начальники получали хорошее содержание, а заработная плата простого люда на русских железных дорогах была ниже, чем где бы то ни было в Европе. Жалованье кондукторов в 1870-е годы составляло в среднем 15 руб. в месяц, стрелочников — 12—15 руб. Женщины, помощницы железнодорожных сторожей, получали 24 руб. в год и считали себя избранницами судьбы, так как в крестьянском хозяйстве они зарабатывали неизмеримо меньше.

Машинисты пассажирских поездов получали нищенскую заработную плату, нередко находясь на паровозе 6 часов сряду, иногда при двадцатиградусном морозе. Согреваться приходилось алкоголем. Один машинист паровоза проделал путь в 700 верст без отдыха и подмены³².

В 1876 году в службе пути Одесской железной дороги обыкновенным ремонтом пути, а также заменой рельсов и шпал занимались исключительно постоянные рабочие. Старшие рабочие числом 172 человека получали от 144 до 420 руб. в год на человека; простые рабочие в количестве 956 человек еще меньше — от 96 до 300 руб. в год³³.

Пенсия рабочим и служащим на русских железных дорогах была не законной наградой за долгую и беспорочную службу, а рассматривалась как особая милость со стороны начальства. На одном из съездов представителей железных дорог второй половины 1870-х годов предложение об учреждении единого для всех эмеритального (пенсионного) капитала вообще было отклонено. В 1874 году на всех русских железных дорогах числилось всего-навсего 6 пенсионных касс, в которых участвовало 8 железнодорожных обществ.

Высшая железнодорожная администрация, составленная из инженеров путей сообщения, плохо знала действительные нужды железных дорог и не вполне понимала важность в этом деле серьезного, квалифицированного и ответственного труда. Вообще к корпусу инженеров путей сообщения С. Ю. Витте питал плохо скрываемую антипатию — будучи строителями, в основной своей массе они неважно знали службу движения, не отличались дисциплиной и организованностью. По окончании института их причисляли к Министерству путей сообщения и оттуда сразу назначали на руководящие посты в администрации дорог, часто без опыта службы на низших должностях.

Нужен был ряд чрезвычайных происшествий, чтобы российское железнодорожное сообщество наконец поняло, чем оборачиваются невнимание к подбору персонала и несоответственная оплата его труда. Профессиональные знания в сочетании с крепкой дисциплиной и организованностью требовались на железных дорогах более чем где бы то ни было в тогдашнем народном хозяйстве.

По мере интенсификации движения и перехода на более совершенную тягу число железнодорожных катастроф росло. Если в 1873 году общее число несчастных случаев на железных дорогах составило 720, то в 1874-м — уже 948. Общее число пострадавших составило соответственно 782 и 1045, причем в последнем случае 398 погибли, а 647 человек отделались ранами, увечьями и ушибами. Непосредственная причина всех несчастий на железных дорогах лежала в неосторожности служащих: то стрелочник неправильно установил путь, то усталый машинист не заметил нужного сигнала. Большая часть пострадавших приходилась на самих служащих железных дорог, но и пассажирам доставалось тоже. Одна из самых страшных катастроф в истории отечественного железнодорожного транспорта случилась на Одесской дороге.

В декабре 1875 года поезд с новобранцами должен был следовать из Балты в Одессу, но не по расписанию, а по телеграфному соглашению между смежными станциями, если путь между ними был свободен. В то самое время на участке насыпи, проходившей у Тилигульского оврага между станциями Балтой и Бирзулой, производилась замена лопнувшего рельса; рутинная работа, о которой начальники станций понятия не имели. Дорожный мастер, руководивший работой, по халатности не обставил опасное место сигналами (об опасности сигнализировали красными флажками), как он по инструкции должен был сделать для того, чтобы проходящий поезд смог вовремя остановиться.

Разыгралась сильная вьюга и метель; мастер, сняв рельс и оставив его на месте, отправился со своей бригадой в будку передохнуть, отогреться и выпить чаю. Как раз в это самое время вне расписания и был отправлен транспорт с новобранцами из Балты. Поезд рухнул с насыпи как раз в том самом месте, где был снят рельс. Под насыпью была устроена труба для отвода талых вод (диаметром в 4 сажени). Упав с насыпи, поезд загорелся, а сильный ветер, проходя сквозь трубу, раздувал огонь еще больше. Когда С. Ю. Вите со своим начальством прибыли на место происшествия (в 186 верстах от Одессы), они увидели страшную картину — та

часть поезда, которая упала в овраг под трубу, сгорела дотла. 67 молодых парней нашли смерть в Тилигульском овраге; 70 человек были изувечены. Многочисленных раненых увезли в Одессу и там поместили в военный госпиталь.

Тилигульская катастрофа наделала много шума ввиду невиданного числа пострадавших. Либеральная общественность, а ее голос в эпоху Александра II был силен, требовала козлов отпущения, каковые и явились в лицах Н. М. Чихачева (адмирал свиты его величества, которому подчинялась дорожная администрация) и С. Ю. Витте (начальник службы движения дороги). Хотя С. Ю. Витте формально был ни при чем, так как служба пути ему не подчинялась, он, Н. М. Чихачев и дорожный мастер, непосредственный виновник, скрывшийся с места трагедии, были приговорены судом к одинаковой мере наказания — четырехмесячному заключению в тюрьме. Однако к отбытию наказания приступить он не успел — грянула Русско-турецкая война 1877—1878 годов.

* * *

Главный театр военных действий находился на Дунае, и Одесская железная дорога сделалась важнейшей магистралью, по которой войска и военные грузы доставлялись к местам боевых сражений. В обратном направлении перемещались раненые и больные, которых было немало. Под одной только Плевной русские войска потеряли десятки тысяч ранеными и больными, не говоря уже о массе убитых.

Как начальнику службы движения, С. Ю. Витте пришлось общаться с самим императором Александром II: являясь фактическим управляющим дорогой, он был обязан сопровождать монарха в передвижениях по магистрали. Встречался он и с наследником престола, будущим императором Александром III: «Первый раз я видел его, когда он, только что женившись на принцессе Дагмаре (нынешней императрице Марии Федоровне), приезжал в Одессу и посетил Новороссийский университет в то время, когда я был там студентом»³⁴.

Одесская железная дорога, как прифронтовая магистраль, была передана под начало главнокомандующего русскими войсками брату царя великому князю Николаю Николаевичу.

Опыта железнодорожных перевозок крупных войсковых соединений на дальние расстояния Россия накопить еще не успела. Составы, как уже говорилось, ходили с небольшой скоростью; почти на всем протяжении Одесская дорога бы-

да вообще в одну колею. Катастрофически не хватало вагонов и паровозов. Для переброски пехотной дивизии в составе 4 полков тогда требовалось примерно 20 поездов; шестибатарейной артиллерийской бригады — 11 поездов; подвижного дивизионного лазарета — 2 поезда. Пришлось учиться на собственных ошибках. То количество подвижного состава, которое по мобилизационным планам причиталось Одесской дороге, она получила лишь частично и с нарушением всех графиков передачи. В то же самое время в спешном порядке и с немалыми трудностями сооружалась Бендеро-Галацкая стратегическая дорога, что еще в большей степени увеличило нагрузку на линию.

Надо отдать должное С. Ю. Витте — в экстремальных ситуациях он всегда проявлял себя с самой лучшей стороны, неуклонно стремясь к поставленной цели и достигая ее. Так было в Русско-турецкую войну 1877—1878 годов, так случилось и впоследствии. Одну кавалерийскую бригаду своей властью он отправил походным порядком из Жмеринки на Кишинев. Для увеличения пропускной способности дороги С. Ю. Витте ввел важное новшество — он стал формировать паровозные бригады. Если раньше машинист к своему паровозу относился точно так же, как крестьянин к лошади (отдыхает крестьянин, вместе с ним отдыхает и лошадь), то теперь паровозы стали двигаться непрерывно, днем и ночью, менялись только локомотивные бригады. Такая система движения принята была в Америке, «...я тогда, признаться, о существовании американской системы и понятия не имел, а пришел к этому решению по необходимости»³⁵.

Воинские поезда начальник движения стал пускать друг за другом с промежутком в 20—25 мин. По действовавшим в те времена правилам поезд с одной станции нельзя было отправлять в путь до тех пор, пока предыдущий не прибудет на следующую станцию и не сообщит о своем прибытии на станцию отправления по телеграфу. С. Ю. Витте страшно рисковал — ведь семафоров и электрической сигнализации в ту пору на Одесской дороге еще не было, — но обошлось без наездов состава на состав.

Другая проблема, которую он решил, — это перевозка раненых с театра военных действий во внутренние губернии. К началу войны Россия имела всего-навсего 5 специальных санитарных поездов. Они были оснащены всем необходимым оборудованием, укомплектованы специально подготовленным персоналом, куда входили и священники (по два священнослужителя Русской православной церкви на состав). Кухни санитарных поездов были настолько хорошо

оборудованы, что их тяжесть едва выдерживали вагонные рессоры. Одна беда — в такой поезд можно было поместить только 30 — максимум 50 человек. Таким образом, потребность действующей армии в санитарных поездах удовлетворялась на мизерном уровне. Раненых и больных страдалцев, которых прибывало с полей сражений по несколько сотен в день, просто некуда было девать.

Начальник службы движения Одесской дороги изобрел так называемые «приспособленные» поезда: «...Я прямо распорядился класть в товарные вагоны солому, на солому класть раненых и больных и таким образом везти на соломе в Россию»³⁶. Такой «приспособленный» поезд хотя и поднимал до 500 человек, но имел массу неудобств. У него не было штатных сестер милосердия, вагоны сильно трясло в пути, медицинскую помощь раненые могли получить только на остановках — товарные вагоны, как известно, до сих пор не сообщаются друг с другом. Вагоны не имели лестниц и ватерклозетов, поэтому пассажирам, рискуя здоровьем, а нередко и жизнью, приходилось спрыгивать прямо на путь. Можно представить себе мучения несчастных больных дизентерией, которых в каждом поезде было помногу³⁷. По пути следования поезда теряли раненых и больных, а станции Одесской железной дороги превращались в вонючие клоаки.

К разгильдяйству в России во все времена относились терпимо — в оправдание всегда можно сослаться на различные объективные обстоятельства. По-видимому, задержку с передачей подвижного состава с внутренних линий на прифронтовые дороги, о чем С. Ю. Витте негодовал и много лет спустя, оставили без последствий для непосредственных виновников. Зато полезные инициативы, именуемые на бюрократическом жаргоне «самоуправством», раздражали всевластное российское чиновничество. По поводу самовольных действий молодого начальника движения Одесской дороги был поднят страшный шум и даже назначено служебное расследование.

Справедливость на сей раз восторжествовала. Проверяющий, а им был начальник управления военных перевозок Военного министерства генерал-лейтенант М. Н. Анненков, доложил по инстанции, что лучше отправлять раненых и больных в товарных поездах на соломе, нежели оставлять в Яссах, где всех их ожидала неминуемая смерть. Действия С. Ю. Витте по перевозке войск на театр военных действий и обратно были признаны блестящими. Он получил высочайшую благодарность, объявленную в приказе по Министерст-

ву путей сообщения, и своеобразное поощрение: в 1878 году по повелению императора Александра II вместо тюремного заключения за Тилигульскую катастрофу он был наказан «по-отечески» — посажен на две недели на гауптвахту. К тому времени С. Ю. Витте уже переехал на жительство в Петербург, где служил в правлении акционерного Общества Юго-Западных железных дорог и участвовал в занятиях так называемой Барановской комиссии. Так вот, днем он трудился в комиссии и правлении, а ночевать отправлялся на гауптвахту на Сенную площадь. Такой своеобразный режим заключения был ему определен самолично императором по ходатайству графа Э. Т. Баранова.

Пробуждая «спящие силы»

Высочайше учрежденная комиссия для исследования железнодорожного дела в России была создана 22 июня 1876 года. Председателем ее стал личный друг императора Александра II генерал-адъютант граф Эдуард Тимофеевич Баранов, отчего комиссию прозвали «Барановской».

«Граф Баранов был весьма почтенный человек. Он вместе с тем был еще и председателем Департамента экономии Государственного Совета. Говорил он чрезвычайно важно, произнося слова и отдельные фразы, как Пифия. Он был очень доброжелательным, воспитанным человеком, по манерам крайне важным, а в действительности весьма простым и добрым, но, конечно, железнодорожного дела, да и вообще никакого серьезного дела он не знал»³⁸.

Управляющим делами комиссии был назначен генерал-лейтенант Михаил Николаевич Анненков. Типичный офицер Генерального штаба, большой болтун и любитель уклоняться от истины — такую аттестацию дал ему в «Воспоминаниях» С. Ю. Витте³⁹.

М. Н. Анненков представлял в Барановской комиссии Военное министерство. От Министерства путей сообщения в ее работах участвовал тайный советник инженер Канут Генрихович Шернваль, от Государственного контроля — тайный советник Третий Иванович Филиппов, от Министерства юстиции — статский советник Анатолий Федорович Кони. Были представители и других ведомств: Второго отделения собственной его величества канцелярии, Министерства финансов и др. Все вместе они составили так называемую «высшую комиссию». Ниже рангом стояли местные подкомиссии: Петербургская, Варшавская, Киевская и др. С. Ю. Витте

входил в Барановскую комиссию как член Петербургской подкомиссии.

Члены комиссии изучали разнообразную документацию и разъезжали по дорогам для непосредственного ознакомления с их состоянием. Товарищ министра финансов Федор Густавович Тернер как-то раз взобрался на локомотив и совершил поездку от Петербурга до Колпина, желая ощутить себя машинистом во время пути⁴⁰. Членов комиссии интересовала положительная и, главным образом, отрицательная информация о состоянии станционного хозяйства, положении рабочих и служащих, о фактах залежей и пропаж грузов, неправильного применения тарифов. Результаты произведенных исследований публиковались в виде объемистых трудов.

Барановская комиссия сыграла большую и еще не вполне оцененную роль в истории российского железнодорожного хозяйства. Идея об объединении железнодорожных линий в несколько больших групп родилась в ее недрах; она была изложена и тщательно аргументирована в специальной записке, напечатанной в первом томе трудов комиссии⁴¹. Первоначально Одесскую железную дорогу намеревались слить с Харьковско-Николаевской и Фастовской, затем — с Киево-Брестской и Брестско-Граевской. Из них составилось акционерное Общество Юго-Западных железных дорог. 9 июня 1878 года император Александр II утвердил его устав.

В новом транспортном предприятии С. Ю. Витте получил должность начальника эксплуатационного отдела при правлении. Так как правление находилось в Петербурге, то С. Ю. Витте перебрался туда на жительство. К переезду в столицу его побудили еще и важные обстоятельства личной жизни, которые редакторы первого издания «Воспоминаний» С. Ю. Витте посчитали нужным опустить.

Как раз в то самое время он собирался жениться на Н. А. Спиридоновой, урожденной Иваненко. Из хорошей дворянской семьи — ее отец был предводителем дворянства в Чернигове, она к тому же была еще и настоящей красавицей. Выйдя замуж за И. А. Спиридонова очень молодой девушкой, не достигшей еще и 17 лет, она бросила супруга, оказавшегося совершенно беспутным, и переселилась в Одессу, где С. Ю. Витте ее повстречал и влюбился. А влюбившись, начал хлопотать о разводе, в чем преуспел лишь после того, как заплатил ее мужу небольшую сумму денег в качестве отступного.

И. А. Спиридонов был сыном корпусного военного врача и жил в Киеве. Он был заядлым картежником и на этой поч-

ве втянул свою юную жену в скверную историю. Нуждаясь в деньгах для оплаты карточных долгов, он подговорил ее украсть у старшей сестры ценный браслет, рассчитывая на то, что родственники не станут поднимать шума. Негодяй просчитался — история получила огласку, а жертва несчастной любви к мужу была предана суду. Исключительно благодаря Сергею Сергеевичу Гончарову, председателю Киевской судебной палаты, которого она в отчаянии посвятила во все обстоятельства своего проступка, Н. А. Спиридонова была спасена от позора, оправдана судом и уехала из Киева. Поскольку шум от всей этой истории еще не успел улечься, С. Ю. Витте посчитал неудобным приезжать в Киев вместе с Н. А. Спиридоновой как женой. Поэтому он был даже рад назначению в Петербург, где и отпраздновал свадьбу⁴².

* * *

Как вспоминал много лет спустя А. Ф. Кони, на заседаниях Барановской комиссии С. Ю. Витте держал себя чрезвычайно скромно. Не раз он приходил на помощь М. Н. Анненкову, который говорить совершенно не умел и запутывался в своих предложениях без сказуемого и бесконечных «так сказать». Веское и дельное разъяснение обсуждаемого вопроса молодым С. Ю. Витте сразу все ставило на свои места⁴³.

В «Воспоминаниях» С. Ю. Витте называет себя «душою комиссии» графа Баранова, и это было, судя по всему, действительно так: он составил очерк истории железнодорожных съездов в России, напечатанный в одном из томов трудов комиссии⁴⁴, и, главное, разработал проект устава русских железных дорог. Этим уставом, после одобрения его Государственным советом и утверждения императором, все казенные и акционерные железнодорожные общества должны были руководствоваться как законом.

К тому времени, когда С. Ю. Витте принялся за работу над железнодорожным уставом, у него уже сложились ясные представления о том, как русские железные дороги должны управляться. Он планировал создать автономный от Министерства путей сообщения совет по железнодорожным делам («Высший железнодорожный совет») по образцу аналогичных учреждений Западной Европы: Франции, Пруссии, Австрии, Саксонии. В него должны были войти как представители государственных ведомств, так и деловых кругов страны⁴⁵.

В замечании на представленный С. Ю. Витте проект ми-

нистр путей сообщения адмирал К. Н. Посьет указал, что им создаются фактически два министерства путей сообщения: один — единоличный орган, другой — коллегиальный. В виттевской идее дополнить бюрократическое централизованное управление коллегиальными структурами с участием цензовой общественности министр путей сообщения усмотрел крамолу: «Подобный совет представляет собой совершенно новый тип высшего государственного установления, в основание коего легли начала, не присущие нашему государственному строю. Этому совету предоставляются такого рода полномочия по железнодорожным делам, которые превосходят, в иных случаях, степень власти высших государственных установлений»⁴⁶.

Слух о том, что С. Ю. Витте замышляет что-то невиданно радикальное, мгновенно разнесся по чиновному Петербургу и достиг ушей министра внутренних дел и начальника Верховной канцелярии графа М. Т. Лорис-Меликова. Всесильный временщик императора Александра II, хорошо знавший подполковника Нижегородского драгунского полка Александра Витте, вызвал виновника на беседу. Разговор шел за завтраком во флигеле Царскосельского дворца, где жил в то время «диктатор государева сердца» (выражение М. Н. Каткова) Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Между ним и С. Ю. Витте состоялся следующий диалог:

«— А скажи, пожалуйста, душа мой, ты составлял устав?

— Да, — говорю, — я.

— Да, — говорит, — знаю, кто же другой. Ведь Баранов, почтенный человек, не мог же составить так; Анненков — тоже не мог... Да мне и сказали, что все это ты написал.

— Да, — говорю, — я.

— А скажи, пожалуйста, как ты думаешь, вот этот устав — против устава, в сущности, никто сильно и не возражает, а возражают против совета по железнодорожным делам, — скажи мне по совести, нужно, чтобы этот совет прошел или не нужно? Вот, — говорит, — министр путей сообщения Посьет рвет и мечет против этого совета, а почтенный Баранов настаивает на необходимости этого совета; вот ты мне по совести и скажи: нужно проводить этот совет, как ты думаешь?

— Я ему говорю: видите, граф, с одной стороны, в сущности, если министр путей сообщения порядочный человек, если он знает свое дело, то, конечно, совета не нужно, потому что это есть известный тормоз для деятельности министра, а с другой стороны — я вот с тех пор, как существуют у нас железные дороги, не видел и не помню ни одного министра путей сообщения, который бы знал свое дело и ко-

торый действительно был бы более или менее авторитетен. Вот при таких условиях, конечно, лучше управляться коллегией, т. е. советом по железнодорожным делам, нежели министром путей сообщения»⁴⁷.

Аргументация С. Ю. Витте не убедила графа, а только привела его в состояние крайнего раздражения: «Что ты, душа мой, мне одно и то же толкуешь. Проведи да проводи... Тебе хорошо говорить, а ты думаешь, это так же легко сделать, как сказать?» И граф рассказал Витте поучительную историю из своей офицерской юности. История эта была о том, как фельдфебель учил писарей танцевать мазурку: «Вы, — говорит, — чтобы танцевать мазурку, должны так делать: ногами делайте, что хотите, а в голове такт держите, тогда и выйдет мазурка. Так вот (продолжал Лорис-Меликов) ты мне говоришь: сделай да сделай, ты болтаешь, болтаешь, а мне в голове надо такт держать, если я, — говорит, — не буду в голове такт держать, то, пожалуй, меня государь, — говорит, — выгонит»⁴⁸.

Такт держать в голове С. Ю. Витте за свою жизнь так и не научился. Танцевать бюрократические мазурки у него никогда хорошо не получалось. Проект общего устава железных дорог обсуждался в Барановской комиссии в декабре 1881 года, когда Александра II уже не было в живых, а «диктатор его сердца» был низвергнут с бюрократических вершин. Для С. Ю. Витте обсуждение устава не представляло большого интереса, поскольку раздел с планом реформ управления дорогами вообще был выведен за рамки дискуссии. Тем не менее он выступил несколько раз, после чего отбыл к новому месту службы в Киев.

Проект общего устава железных дорог, составленный С. Ю. Витте, открывался разделом, озаглавленным «Железнодорожные установления. Общие положения». Тот устав, который получил высочайшее утверждение 12 июня 1885 года и стал законом, начинался разделом: «О перевозке пассажиров и грузов по железным дорогам»⁴⁹.

* * *

Последняя четверть XIX столетия стала временем невиданно быстрого количественного и качественного развития железнодорожного транспорта. Европа и Северная Америка покрывались сетью железных дорог не по дням, а по часам. Только построенные и едва пущенные в эксплуатацию магистрали перестраивались в духе новых требований эксплуатации и новых транспортных технологий.

Приход С. Ю. Витте на железнодорожное хозяйство совпал с окончанием первого периода в истории транспортного машиностроения. На смену старым паровозам пришли новые системы компаунд. Они отличались от своих предшественников тем, что имели цилиндры как высокого, так и низкого давления. Отработанный пар из цилиндра высокого давления переходил в цилиндр большего диаметра, где вторично расширялся, после чего выпускался в атмосферу. Паровозы системы компаунд давали большую экономию на топливе (примерно 15—30%); с конца 1870-х годов они стали быстро распространяться⁵⁰. За 70 лет (1829—1899) скорость паровозов увеличилась в 5 раз, мощность — в 100 раз, сила тяги — в 30 раз. Их вес возрос с 4 т до 112 т, а вес состава поездов увеличился в 10 раз⁵¹. Немалый вклад в совершенствование компаунд-паровозов внесли русские инженеры, особенно А. П. Бородин (1848—1898).

Затем в эксплуатацию были пущены так называемые сочлененные или гибкие паровозы. В паровых машинах стал применяться перегрев пара, который повышал коэффициент полезного действия паровой машины, не усложняя при этом конструкции паровоза и способов управления им. Паровозостроители начали применять новые качественные стали; машины оснащались более точными приборами и совершенными механизмами. Обновлялся и вагонный парк железных дорог: создавались новые конструкции кузовов рессорного подвешивания, тяговых приборов, буферного устройства. Пассажиры с удовлетворением встретили спальные вагоны системы «лульман», созданные в США в конце 60-х годов XIX века. Были сконструированы специальные вагоны для перевозки заводского оборудования большой тяжести, цистерны для наливных грузов и т. п.

Исключительное значение для безопасности перевозок имели сконструированные в этот период пневматические тормоза Вестингауза. С 1872 года, после того как действие этого тормоза было автоматизировано (ранее кондукторы каждого вагона должны были производить торможение вручную), он получил всеобщее признание.

В конце века начинается реконструкция и путевого хозяйства: в зависимости от интенсивности движения стали сооружаться однопутные, двухпутные и многопутные дороги; после введения бессемеровского способа литья железные рельсы начали заменяться более надежными и долговечными стальными; создавались более тяжелые типы рельсов.

Исторический опыт показал, что конкуренция среди железных дорог, как и вообще в крупном промышленном про-

изводстве, ведет к концентрации, а затем и к появлению монополий. В Англии из большого числа мелких дорог в 70-х годах XIX века путем слияний составилось 7 крупных компаний, которые устанавливали монопольные цены на перевозки. Австрийские железные дороги достигли соглашения о прекращении тарифной конкуренции. Во многих странах государство начало вмешиваться в железнодорожное хозяйство.

Русская сеть железных дорог была поделена между несколькими десятками предприятий, казенных и акционерных. В апреле 1876 года, как уже говорилось выше, родился проект ее радикального преобразования: 53 железнодорожные линии предполагалось объединить в 10 крупных обществ. Первой ласточкой и явилось Общество Юго-Западных железных дорог.

Оно уже в самом начале обещало сделаться крупнейшим в стране перевозчиком грузов и пассажиров. Общество эксплуатировало рельсовую сеть общей протяженностью 2300 верст, и при присоединении Бендеро-Галацкой дороги — 3695 верст. Протяженностью своих линий оно немногим уступало знаменитому Главному обществу российских железных дорог, которому принадлежали магистрали длиной в 2221 версту⁵². Правда, в отличие от линий Юго-Западного общества, дороги Главного общества непосредственно не смыкались друг с другом.

Юго-Западные дороги имели 7 конечных станций (Одесса, Киев, Унгени, Елисаветград, Волочисск, Радзивиллов, Граево) и 10 узловых (Раздельная, Бендеры, Бирзула, Жмеринка, Казатин, Фастов, Здолбуново, Ковель, Брест, Белосток). Линии общества проходили почти параллельно юго-западной границе России и составляли кратчайший путь между Черным и Балтийским морями. Они пересекали Херсонскую, Бессарабскую, Подольскую, Волынскую, Киевскую, Гродненскую и Ломжинскую губернии; соединялись с магистралями, которые вели вглубь России; сами непосредственно выходили к границам Германии, Австро-Венгрии и Румынии. Дороги Юго-Западного общества имели важное стратегическое и политическое значение; в перевозках коммерческих грузов их роль также была весьма велика.

Какие экономические выгоды давало объединение трех железнодорожных компаний в одну? О них подробно говорилось в специальной записке, рожденной в недрах комиссии графа Э. Т. Баранова, с длинным названием «О причинах постоянных задержек грузов на русских железных дорогах и о мерах, которые необходимо принять для устранения означенных задержек»⁵³.

На первое место было поставлено уменьшение эксплуатационных расходов ввиду снижения издержек по центральному управлению. Затем предприятие с магистралями длиной 2—3 тыс. верст могло позволить себе роскошь устроить и эксплуатировать крупные, хорошо оборудованные мастерские вместо многих мелких. Большой компании легче обзавестись и значительным оборотным капиталом, без которого немыслимо ведение транспортного предприятия немалых размеров. Наконец, необходимое единообразие служб облегчало перевозку грузов и делало проезд по российским железным дорогам безопаснее.

Общество Юго-Западных дорог сделалось крупнейшим в империи еще и по размерам капиталов. Акционерный капитал общества составил 50 млн кредитных рублей. Каждая его акция имела от государства 5%-ную гарантию доходности. Это значило, что если Общество закончит финансовый год с убытком или с малой прибылью, то доход в размере 5% на акцию держатели бумаг получают из средств Государственного казначейства. Серьезная льгота, она вынуждалась плачевным техническим состоянием всех его магистралей.

* * *

При переходе на службу в новую компанию С. Ю. Витте был фактически понижен в должности — начальник службы движения входил в число ближайших помощников управляющего дорогами и по своему статусу был выше, чем начальник эксплуатационного отдела правления. При чтении «Воспоминаний» С. Ю. Витте трудно отделаться от впечатления, что своим новым назначением он был слегка уязвлен. Блестяще справившись с труднейшими воинскими перевозками по одной из самых проблемных дорог страны, он имел полное право претендовать на то, чтобы сохранить свою должность в новой компании. Ко всему прочему, Одесская дорога была крупнейшей в Юго-Западном обществе.

Однако его обошли назначением. Как объясняет сам С. Ю. Витте, правление Общества начало тянуть на руководящие посты в администрации своих людей. В действительности все обстояло гораздо сложнее. Дело было в том, что на первый план выдвинулись не эксплуатационные вопросы, в решении которых С. Ю. Витте был признанным специалистом, а строительные и технические, относившиеся к службам пути и тяги.

Тщательное обследование Юго-Западных дорог, прове-

денное экспертами комиссии графа Э. Т. Баранова, вскрыло неприглядные картины.

Одесская дорога, старейшая и самая крупная на юге России, занимала «...первое место по крайней непозволительной небрежности к нуждам служащих. Нигде на остальных дорогах этой группы нельзя найти таких станций, как Бирзула. ...На станции Бирзула поселение в вагонах разрослось в правильную колонию под названием Молдаванка. Это есть... временное помещение, существующее со времени основания дороги и состоящее из 30—40 вагонов системы Шевалье... Вагоны сняты с колес и поставлены прямо на землю, отчего, конечно, все испарения земли идут прямо в жилой вагон, что не может выгодно отражаться на здоровье его обитателей»⁵⁴.

Дежурная часть для кондукторов Жмеринского участка и Елисаветградской ветки имела 5 кроватей и двухэтажные нары без тюфяков, подушек и одеял; для каждого отдыхающего в изголовье было положено по большому полену⁵⁵. Антисанитарные условия вели к росту заразных болезней среди железнодорожного персонала.

Будки, казармы и товарные платформы находились в крайне запущенном состоянии; станции Киев, Брест, Белосток, Товарная, Одесса и Казатин не удовлетворяли элементарным требованиям движения. Ремонтных мастерских имелось недостаточно; железнодорожные пути и даже балластный слой нуждались в срочном ремонте. Наконец, в ходе обследования было выявлено «...полнейшее неустройство службы тяги и крайне расстроенное состояние подвижного состава, который к тому же распределен нерационально...»⁵⁶.

Хотя подвижной состав на всех дорогах Общества во время военных действий был значительно увеличен, в нем ощущался крайний недостаток. Из 640 паровозов 130 нуждались в капитальном ремонте⁵⁷. 94 паровоза и 1600 вагонов были полностью изношены и возобновлению не подлежали⁵⁸. Несмотря на принятые экстренные меры, к 1 января 1880 года уже 219 паровозов нуждались в безотлагательном капитальном ремонте⁵⁹.

Невольным виновником создавшегося чрезвычайного положения являлся С. Ю. Витте. В отчете Общества Юго-Западных дорог за 1879 операционный год говорилось: «...Одесская железная дорога, обладавшая 303 паровозами, прибегла к крайней, оправдываемой только чрезвычайными обстоятельствами, мере: употреблять паровозы в дело беспрерывно, сменяя лишь паровозную прислугу. Таким образом, паровозы находились в распоряжении лиц, не ответст-

венных за их состояние, и на одних и тех же паровозах постоянно ездили другие машинисты и кочегары. Система эта, употребляемая в Америке на дорогах новых, не имеющих еще достаточных средств для ремонта, ведет к тому, что паровозы весьма скоро приходят в совершенную негодность и за сим уже не ремонтируются, а отдаются паровозостроительным заводам для разборки»⁶⁰.

Для выработки экстренных мер по исправлению сложившегося тяжелейшего положения была образована специальная комиссия, куда вошли инженер И. Ф. Кениг (Николаевская железная дорога), профессор Н. П. Петров, профессор И. А. Вышнеградский, инженер А. П. Бородин. Комиссия пришла к выводу о необходимости безотлагательного увеличения «...сборочных помещений мастерских на 30 паровозов с соответствующим увеличением всех остальных цехов киевских и одесских мастерских, увеличением стоил паровозов, устройством больших вагонных мастерских в Одессе и Бресте и расширением средств для малого ремонта паровозов и вагонов всех главных депо и передаточных узловых станций»⁶¹.

Эта задача была возложена на нового управляющего дорогами. В 1880 году, когда формирование организационных и управленческих структур Юго-Западных железных дорог завершилось, на эту должность был назначен Дмитрий Акимович Андриевский. Строитель-путеец по специальности, он сосредоточил внимание на вопросах строительного характера, предпочитая капитальные сооружения с использованием лучших материалов дешевым временкам. Он полагал, и не без основания, что всякая экономия, которая идет в ущерб прочности постройки, — безрассудная и нерасчетливая трата денег. При нем линейные служащие дороги были обеспечены квартирами.

Ввиду того что в состав Общества вошли линии, строившиеся в разное время, разными людьми и по разным проектам, во всех сооружениях наблюдалась огромная разница и в типах, и в системах, и в материалах, из которых они были выполнены. Вот один лишь пример: на дорогах Общества имелось 12 типов различных профилей рельсового полотна и систем скреплений. Уже с 1879 года начал осуществляться переход на единый тип рельсов, ремонт главных путей производился укладкой дубовых шпал. На второстепенные участки шли сосновые шпалы, а на шпалы из других пород дерева требовалось специальное разрешение Министерства путей сообщения.

Незаурядный администратор и организатор, Д. А. Андри-

евский находился во главе всего хозяйства Общества Юго-Западных железных дорог в течение шести лет. Затем, в 1886 году, он был назначен председателем его правления. После выкупа дорог Общества в казну в 1895 году Д. А. Андриевский возглавил Департамент шоссейных и водных сообщений и торговых портов Министерства путей сообщения. Умер он в Петербурге 9 июня 1900 года 57 лет от роду.

Вся работа по капитальному ремонту и реорганизации службы тяги легла на плечи другого инженера, А. П. Бородина. Не кто иной, как А. П. Бородин 15 марта 1879 года был первым назначен на должность управляющего дорогами Юго-Западного общества. Однако, получив замечание в приказе по Министерству путей сообщения, он обиделся, подал в отставку, но был оставлен главным инженером службы подвижного состава, тяги и мастерских.

Александр Парфеньевич Бородин родился 28 сентября 1848 года в семье потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. После окончания Санкт-Петербургского технологического института он поступил в Институт инженеров путей сообщения, окончив его в три года вместо положенных пяти. 28 лет от роду Бородин стал работать на ответственной должности управляющего Киево-Брестской дорогой. Коллеги считали его за средний тип «...между чисто кабинетным ученым и практическим деятелем; тип этот является тем более ценным, что в нем исключается возможность крайностей в выводах, свойственных как отвлеченному мыслителю, так и профессиональному практику»⁶².

А. П. Бородин любил технику и знал в ней толк. Его вклад в дело последующего процветания Юго-Западных дорог трудно переоценить. Именно он обратил внимание на то, что имевшиеся железнодорожные мастерские не отвечали своему назначению. Когда дороги только сооружались, к ним относились как к чему-то второстепенному; впоследствии мастерским также не уделяли должного внимания, прежде всего потому, что скудные эксплуатационные доходы не позволяли привести их в надлежащий вид. Приняв в свое ведение службу подвижного состава, тяги и ремонта, А. П. Бородин ее реорганизовал коренным образом.

Русская паровозостроительная промышленность и в то время, и впоследствии не могла конкурировать с европейской и американской. По ряду причин, обсуждать которые здесь нет возможности, в России не появилось специализированного паровозостроения: производством паровозов и подвижного состава для железных дорог занимались многопрофильные машиностроительные заводы, выпускавшие

широчайший ассортимент продукции от садовых лопат до двигателей внутреннего сгорания.

Всякому понятно, что специализация повышает производительность труда и этим снижает стоимость выпускаемой продукции. Цена русских паровозов была довольно велика сравнительно с европейскими и американскими. В среднем она составляла для пассажирского паровоза 23 тыс. руб., товарного 8-колесного — 30 тыс., товарного 6-колесного — 25 тыс. руб.⁶³ Ввиду дороговизны паровозов в России очень большое внимание уделялось их текущему и капитальному ремонту. Все крупные работы по поддержанию подвижного состава в надлежащем состоянии А. П. Бородин сосредоточил в двух больших прекрасно оборудованных мастерских — одесской и киевской. В сущности, им были созданы даже не мастерские, а целые заводы. Они могли самостоятельно собирать как товарные и пассажирские вагоны, так и паровозы.

А. П. Бородин был последовательным сторонником систематического обновления подвижного состава усовершенствованными типами машин; он внес большой вклад в дело распространения паровозов системы компаунд на русских железных дорогах и на дорогах Юго-Западного общества в первую очередь. Им была устроена первая в России опытная станция для испытания паровозов в стационарных условиях. А. П. Бородин основал первые в России железнодорожные лаборатории: химическую и механическую. Он разработал и предложил идею испытания паровозов в поездных условиях по принципу двойной тяги. Написанная А. П. Бородиным книга под названием «Опытные исследования над применением системы “компаунд” и паровых рубашек к паровозным машинам», опубликованная в 1886 году, получила широкую известность во всем мире⁶⁴.

А. П. Бородин фактически создал новую организацию службы подвижного состава, тяги и мастерских на Юго-Западных дорогах, основанную на принципах подвижности управления и материальной заинтересованности персонала в добросовестном и производительном труде. Введенная в 1880 году система премий по службе подвижного состава и тяги считалась уникальной не только в России, но и в мире. Новые методы управления, им примененные, дали блистательный результат — число случаев порчи паровозов на дорогах Общества за период с 1879 по 1889 год снизилось в три раза, средний пробег паровозов между капитальными ремонтами увеличился в 1,9 раза. Эффективное использование транспортных средств удешевляло перевозки⁶⁵.

Инженер А. П. Бородин мыслил широко. Он полагал, что усиленная таможенная защита отечественной фабрично-заводской промышленности от внешней конкуренции таит в себе угрозу ее технического застоя и регресса. Поэтому он являлся убежденным сторонником принципов свободной торговли и отстаивал их в печати, публикуя полемические статьи в газете «Киевлянин».

А. П. Бородин был учеником и личным другом Ивана Алексеевича Вышнеградского.

* * *

Первым председателем правления Общества Юго-Западных железных дорог стал Иван Станиславович Блюх. Его правой рукой в деле устройства разных предприятий и управления ими на протяжении многих лет был И. А. Вышнеградский.

Личность И. С. Блюха, железнодорожного грюндера, варшавского банкира и автора ценных научных трудов на экономические и политические темы, до сих пор во многом остается неразгаданной. С. Ю. Витте так и не смог понять, почему И. А. Вышнеградский, с его «сильным, хотя и резким характером», относился к И. С. Блюху с необычайной почтительностью, стоящей на грани утраты чувства собственного достоинства: «И вот меня всегда крайне поражало низкопоклонство перед Блюхом со стороны Вышнеградского. Все-таки в это время Вышнеградский был и тайным советником, и более или менее известным профессором, и членом совета министра народного просвещения, а между тем он держал себя с Блюхом так, что я, будучи совсем молодым человеком, скорее пошел бы по миру, чем стал бы держать себя так по отношению к Блюху, и не потому, что он был еврей, а потому, что в сущности он ничего собою не представлял; в конце концов вся сила этих господ заключалась в кармане»⁶⁶.

Когда С. Ю. Витте писал эти строки в «Воспоминаниях», его пером, скорее всего, водили уязвленная дворянская гордость и спесь. Все-таки он принадлежал к благородному сословию и знатному роду, пусть и со стороны матери. Преувеличенная почтительность И. А. Вышнеградского объясняется довольно просто: И. С. Блюх, как и он сам, был самородком, человеком, который всего в жизни добился самостоятельно, без всяких протекций, благодаря упорству, трудолюбию и способностям. К тому же И. С. Блюха как ученого профессор И. А. Вышнеградский знал куда лучше,

чем С. Ю. Витте. В 1875 году они вместе участвовали в издании «Трудов комиссии по учреждению железнодорожных пенсионных касс».

Впрочем, как и всякой крупной личности, С. Ю. Витте в полной мере было присуще чувство справедливости. В явном противоречии с мнением, высказанным в приведенной цитате, страницей выше он аттестует И. С. Блюха как человека чрезвычайно способного, по природе не глупого, в высшей степени образованного и талантливого⁶⁷. Люди такого типа даже несколько уязвляли С. Ю. Витте, который, не уступая им почти ни в чем, многого достигал все-таки благодаря помощи и поддержке со стороны.

Именно уязвленным самолюбием и можно объяснить язвительные эскапады С. Ю. Витте в адрес И. С. Блюха. Да и самому И. А. Вышнеградскому, которому он искренне симпатизировал, досталось в «Воспоминаниях» за его человеческие слабости: житейскую скупость и умеренное женолюбие.

Тем не менее С. Ю. Витте, который не смог удержаться от понятного чувства зависти к чужим достижениям, успехам и добродетелям (А. П. Бородин он в мемуарных записках не упоминает вообще, о Д. А. Андриевском пишет крайне скупое), никогда не стремился задвинуть человека талантливого и способного, унижить его. Наоборот — как и всякая значительная историческая фигура, он окружал себя людьми незаурядными, поддерживал их в сложных ситуациях и всячески содействовал их служебному продвижению. Точно таким же был Иван Алексеевич Вышнеградский — непосредственный начальник С. Ю. Витте на протяжении целых 15 лет.

Ему суждено было сыграть огромную, даже решающую роль в карьере С. Ю. Витте. И. А. Вышнеградский был одним из немногих государственных деятелей России, которого С. Ю. Витте глубоко и искренне уважал, к которому был по-настоящему привязан, которого по-своему любил, у которого многому научился. И это при том, что они были очень разными людьми и по происхождению, и по воспитанию, и по умственному складу.

Сын дьячка, И. А. Вышнеградский добился жизненного успеха и материального благополучия благодаря своим выдающимся талантам к точным наукам, прилежанию и исключительной работоспособности. Как и многие крупные ученые (он был учеником академика М. В. Остроградского), И. А. Вышнеградский любил заниматься самой что ни на есть черновой работой по своей профессии, не перекладывая ее на подчиненных. Во время поездки вместе с Витте в

Среднюю Азию он самолично сделал расчет прочности плотины для орошения, которая сооружалась в Мургабском царском имении⁶⁸. Когда в должности министра финансов ему выпадала работа по заключению государственных займов, все расчеты он делал собственноручно. «Каждое вычисление, которое ему делали в Кредитной канцелярии (Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов. — С. И.), он непременно сам проверял и находил в этом большое наслаждение»⁶⁹.

По свидетельству С. Ю. Витте, всякие общие рассуждения в своей науке (например, «философию математики») он решительно отвергал, «...утверждая, что философия эта не что иное, как бесполезное глупое блуждание»; суть математики — «в цифрах и формулах»⁷⁰.

Помимо работы в качестве профессора Технологического института И. А. Вышнеградский участвовал в различных коммерческих начинаниях (Обществе петербургских водопроводов, нескольких железнодорожных обществах) и на них составил себе некоторое состояние. О его размерах в петербургских гостиных рассказывали всевозможные небылицы, ни одна из которых до сих пор не нашла документального подтверждения. Своему сыну Александру он оставил солидное, но все же небольшое наследство, если иметь в виду, какие колоссальные деньги проходили через его руки.

Александр Иванович Вышнеградский, ученик и сотрудник С. Ю. Витте по службе в Министерстве финансов, сделавший блестящую деловую карьеру (в начале XX века он занимал пост председателя совета Петербургского международного коммерческого банка), также не озолотился. Очувтившись после Октябрьской революции эмигрантом в Америке, бедствовал и Сергей Васильевич Рахманинов, великий русский пианист и композитор.

Иван Алексеевич Вышнеградский своей скупостью в части не только собственных, но и государственных средств вызывал насмешки и явное недоброжелательство окружающих, которое находило себе выход в злых сплетнях. Он был прекрасным государственным деятелем, не говоря уже о том, что являлся выдающимся ученым; сплетни же были ему наказанием за стойкое недоверие к людям. Когда при И. А. Вышнеградском хвалили чью-либо честность, он сдвигал на лоб очки и задумчиво вопрошал: «До какой суммы он честен?»⁷¹

И. А. Вышнеградский был членом правления Общества Юго-Западных дорог с 1878 года, а с 1881 по 1886 год являл-

ся его председателем. В официальной историографии Общества ему в заслугу поставлено умение выбирать себе сотрудников, предоставлять им самостоятельность, пробуждать в них инициативу и желание самостоятельно выполнить порученное дело⁷². За собой Вышнеградский оставлял общее руководство и контроль, которые понимал весьма неординарно.

Он сам занимался многими вопросами огромного и сложного железнодорожного хозяйства, причем вопросами специальными. К каждому делу он относился внимательно, вникал в него, поражая сослуживцев феноменальной памятью, всесторонним знакомством с самыми разнообразными вопросами и, наконец, удивительной способностью при чрезвычайно разнообразных и многочисленных занятиях иметь возможность вникать во все детали и подробности каждого дела. На полях докладов своих подчиненных он оставлял ряды заметок и замечаний, которые можно смело назвать самостоятельными исследованиями. По вопросу о заготовке каких-нибудь строительных материалов И. А. Вышнеградский приводил целый ряд указаний на то, где и на каких именно выставках экспонировались материалы, о заготовке которых шла речь в докладе, данные о технических достоинствах и недостатках отдельных сортов и сообщал такую информацию, которая нередко оказывалась совершенно новой для лиц, специально занимавшихся этим вопросом⁷³.

И. А. Вышнеградский вообще любил трудиться в присутствии своих сотрудников. Отличаясь невероятной работоспособностью, все доклады он выслушивал чрезвычайно внимательно, вникал в подробности, в случае необходимости тут же производил надлежащие вычисления и подсчеты. Доклады тянулись часами, а докладчики чувствовали себя студентами на экзамене в институте. Послав часок после обеда, он был в состоянии работать и за полночь. Иногда И. А. Вышнеградский вызывал к себе сотрудников для совместной работы в 11 и даже 12 часов ночи. Нередко он самолично готовил подчиненных по вопросам, в которых они чувствовали себя малосведущими. Даже занимая высокие служебные посты, он, в сущности, оставался профессором, сохранив привычку все скрупулезно объяснять и растолковывать, не считаясь с собственным временем. И не только подчиненным.

Однажды, когда И. А. Вышнеградский уже был министром финансов, император Александр во время одного из всеподданнейших докладов заявил ему, что не понимает, что такое конверсия государственных займов. Иван Алексе-

евич удалился в соседнюю комнату, быстренько подготовил пару наглядных примеров, с помощью которых доходчиво разъяснил императору трудный вопрос. Довольный самодержец пригласил его к высочайшему завтраку, за которым, обращаясь к императрице Марии Федоровне, весело сказал: «Муся, я благодарен Ивану Алексеевичу: он хорошо рассеял мои недоразумения по поводу конверсии». Скорее всего, именно И. А. Вышнеградскому император Александр III адресовал следующее замечание: «Министр внутренних дел, может быть, и понимает, что докладывает, но я его не понимаю; министр путей сообщения ни сам не понимает, ни я его не понимаю; министр финансов хорошо понимает сам, понимаю его и я»⁷⁴.

Ответственный и неравнодушный человек, И. А. Вышнеградский искренне переживал за беспорядки в государственном хозяйстве. В 1888 году случился обильный урожай; железные дороги не справлялись с перевозками. В. И. Ковалевский, один из доверенных сотрудников И. А. Вышнеградского, был свидетелем того, как мучился Иван Алексеевич при одной мысли о том, что десятки миллионов пудов хлеба могут сгнить на платформах железных дорог. Однажды в три часа ночи Ковалевский получил от него письмо: «Спать не могу — хлеб гниет. Как может министр путей сообщения относиться безразлично к государственному бедствию!» Текст писем И. А. Вышнеградский всегда писал собственноручно и даже конверты неизменно подписывал сам.

На простоту и даже некоторую грубоватость его манер никто не обижался, так как и от других он не требовал соблюдения форм внешнего приличия. Сроки выполнения заданий своим служащим И. А. Вышнеградский назначал с большой пунктуальностью, определяя не только день сдачи работ, но еще и час. «Праздников у вас всех не будет, но Бог труды любит», — утешал он подчиненных⁷⁵.

«Словом, у него можно было научиться многому и по предмету, и по методу работы», — резюмировал впечатления от работы со своим начальником В. И. Ковалевский⁷⁶.

Фактически именно И. А. Вышнеградский вместе со своими ближайшими сотрудниками, в число которых входил С. Ю. Витте, и управлял Юго-Западными дорогами, поскольку И. С. Блюх был птицей слишком высокого полета и не находил времени вникать в многочисленные, разнообразные и сложные проблемы огромного транспортного предприятия.

Научные знания и организаторские таланты Вышнеградского в сочетании с энергией, целеустремленностью, про-

фессиональными навыками и деловой хваткой Андриевско-го, Бородина и Витте сделали Юго-Западные дороги одними из лучших в России.

* * *

16 февраля 1880 года С. Ю. Витте получил назначение на должность начальника службы эксплуатации в администрации Общества Юго-Западных железных дорог. Вместе с женой и ее дочерью от первого брака он переехал на жительство в Киев и поселился на служебной квартире в доме, находившемся прямо напротив дворца генерал-губернатора. Не прекращая занятий в Барановской комиссии, он полностью отдался знакомому делу — оперативному управлению большим и сложным транспортным хозяйством. У себя на квартире С. Ю. Витте устроил телеграф с круглосуточным дежурством телеграфиста.

Приняв бразды правления в свои руки, он прежде всего преобразовал управление дорогами для большей, чем прежде, централизации. Главной задачей его было максимальное увеличение эксплуатационных доходов, без чего никак нельзя было устранить дефицит, уже успевший стать хроническим. Эту задачу он решил — за период с 1881 по 1885 год чистый доход Общества от эксплуатации его дорог вырос с 4 млн 300 тыс. руб. до 13 млн 600 тыс. руб., или в 3 с лишним раза!⁷⁷

Более всего прибыли давали грузовые перевозки. Первое место в них занимала пшеница, далее шли: рожь, сахарный песок, кукуруза, соль, ячмень, каменный уголь, лесные строительные материалы.

Размер дохода от перевозок находился в прямой зависимости от их объемов. Нужно было придумать, как привлечь грузы на дороги Общества. Одесская железная дорога, построенная, как уже говорилось, специально для облегчения доставки зерна (прежде всего пшеницы) в порт, не отвечала своему назначению. Из всего хлеба, поступившего в Одессу для отправки за границу в 70-е годы XIX века, лишь немногим более половины (52—54%) прибывало по железной дороге, остальное — по воде и гужевым транспортом. Из окна пассажирского поезда, следующего в Одессу или из нее, можно было видеть обозы из сотен подвод, запряженных волами. Они везли хлеб из Киевской и Подольской губерний в Одессу. Построенная в 1875 году эстакада для перегрузки пшеницы из железнодорожного вагона прямо в трюмы пароходов почти не использовалась. Корень зла за-

ключался в архаичной организации южнорусского хлебного экспорта в целом.

Все одесские хлебные торговцы делились на три категории: скупщики, комиссионеры и хозяева крупных экспортных домов.

Скупщики запасались хлебом на местных рынках в основном у крестьян и сами доставляли его в город. Некоторое время зерно лежало на станции «Одесса» (в том случае, если прибывало по железной дороге), затем подводами перевозилось в чей-нибудь магазин (или склад) и там хранилось более-менее продолжительное время (нередко до нескольких месяцев). «Улицы Одессы представляли своеобразное зрелище, — вспоминал К. А. Скальковский, — треть домов представляла магазины или амбары для склада хлебов, преимущественно пшеницы... В сухую погоду улицы устилались “рядном”, грубым холстом, на которое насыпали содержимое хлебных магазинов, и полунагие рабочие, преимущественно из евреев, “перелопачивали” по целым дням зерно, кидая его из одного конца кучи в другой и увеличивая пыль на улицах. Рядом с этим извозчики, тоже полунагие, но непременно с цветным платочком вокруг шеи, возили рысью и вскачь зерно в мешках в гавань, где при помощи грузчиков из одесских “кадет” и “шарлатанов” носили на спинах бегом на суда и пароходы, ссылая в трюмы»⁷⁸.

Комиссионеры чаще всего выступали по доверенности от производителей — крупных или средней руки землевладельцев. Они сбывали продукт по определенным заранее условиям, высчитывая в свою пользу комиссионные (от 1 до 2% от суммы сделки) и при продаже хлеба куртажных до 1%. Отправками русского хлеба за границу комиссионеры не занимались; они продавали его целиком в Одессе. Нередко они выдавали помещикам авансы (3—4 руб. на четверть) под будущий урожай, но с тем неременным условием, что весь собранный хлеб будет сдан на комиссию непременно им. Дохода от такого партнерства сельские хозяева получали совсем мало.

Главным покупателем у комиссионеров были крупные экспортные дома. Их в Одессе было не так много — всего 10—15, — и в 40-х годах XIX века они цепко держали в своих руках всю хлебную торговлю юга России. Мировые хлебные цены составляли их сокровенную тайну. Сведения о биржевой стоимости зерна доставлялись им из Лондона через специальных нарочных и держались в большом секрете. Пользуясь этим, экспортеры скупали зерно у помещиков по необыкновенно низким ценам и наживали большие состоя-

ния. На неэквивалентной торговле хлебом в зерне сколотили свои богатства российские финансовые воротилы греческого происхождения — Маврокордато, Родоканаки, Петрококкино, Скараманга.

Спустя сорок лет многое переменилось, но все же мировая цена зерна не всегда соответствовала его стоимости внутри России. Даже если сравнить цену хлеба в Одессе и на каком-нибудь базаре в сельской глубинке Херсонской или Бессарабской губернии, то разница составляла до 4,5—5 руб. на четверть. Во многие российские захолустья сведения о хлебных ценах на мировых рынках почти не доходили.

Одесские экспортеры сами отправляли зерно за границу. Они фрахтовали пароходы, делая это либо за собственный счет, либо за счет своих заграничных корреспондентов. У крупных торговцев они покупали зерно непосредственно, у средних и мелких — через перекупщиков, местных торговцев-спекулянтов и комиссионеров. В конце 70-х — 80-е годы XIX века они взялись за непосредственные закупки в местах производства, и значение самостоятельных комиссионеров упало. Если в 1860-х годах через руки комиссионеров проходило $\frac{3}{4}$ всех хлебных грузов, отправленных из Одессы, то в конце 1870-х — лишь около половины.

Представители экспортных домов пользовались исключительным правом производства закупок в известном районе. Они распоряжались деньгами своих доверителей, выдавали помещикам задатки и авансы под зерно будущего урожая и за свои труды получали вознаграждение — от 2 до 3 коп. с пуда купленного ими хлеба. Выгодная операция — один представитель крупного одесского торгового дома отказался от 25 тыс. руб. ежегодного жалованья и предпочел совершать покупки для своей фирмы на комиссионном основании. Прибыль посредников от этих операций доходила до 21% годовых⁷⁹.

Главной приманкой для производителей товарного зерна — помещиков и хуторян — выступали ссуды под будущие поставки, которые им предоставлял посредник, не важно, от своего имени или, что было чаще всего, от имени экспортной фирмы. Вообще выдача авансов и ссуд тогда, как и в более позднее время, имела самое существенное значение при определении тех путей, по которым товар доставлялся к месту потребления.

Главным центром торгового кредита в России XIX и начала XX века оставалась Москва. Поэтому, вместо того чтобы кратчайшими путями следовать в провинцию, к местам производства и потребления, многие грузы (например, чай)

попадали в распределительный центр — Москву. При этом их владельцам приходилось нести дополнительные транспортные расходы, что, естественно, увеличивало цену товара. Все дело было в кредите — экспедиторские фирмы для развития операций вынуждены были заниматься банкирским промыслом. Ряд крупных личных состояний в России вырос на дисконте, то есть на предоставлении лично-вещных денежных ссуд. В качестве примера можно привести крупнейшую отечественную чаоторговую фирму А. С. Губкина, основатель которой сколотил громадный капитал на экспедиторстве (он доставлял чайные караваны из Кяхты на Нижегородскую ярмарку), сопряженном с торговлей деньгами. Дисконтом (иначе говоря, продажей денег) промышленяли Мария Федоровна Морозова, глава крупнейшей текстильной фирмы России, мать знаменитого Саввы Морозова, и ее двоюродный брат Козьма Терентьевич Солдатенков, прославившийся щедрыми благотворительными делами и меценатством.

Русские коммерческие банки залоговыми ссудами под товары в XIX веке интересовались очень мало. У них было более выгодное занятие — кредитование спекулятивных сделок с ценными бумагами и наличной валютой. Даже обычный учет векселей (или покупка личных долговых обязательств) купцов и промышленников у них стоял на заднем плане. Владельцам товаров приходилось обращаться за ссудами к частным лицам и платить 12% годовых законных, либо того хуже — к ростовщикам, взимавшим за свои услуги совершенно несуразные проценты.

Об обычаях и условиях южнорусской хлебной торговли С. Ю. Витте был осведомлен очень хорошо. Метод, который он и его подручный (Василий Владимирович Максимов) применили для увеличения объемов грузоперевозок, был совсем не нов — они завели и принялись развивать у себя на дороге ссудные и комиссионные операции.

Первый опыт был произведен в 1883 году в Приднестровском районе. На пристанях Днестра, куда подвозился хлеб для последующей отправки его баржами в Одессу, Юго-Западным обществом были устроены специальные агентства. Они выдавали под зерно ссуды для транспортировки его до Варницкой пристани. Там оно перегружалось в железнодорожные вагоны и следовало к месту назначения посуху. От станции Бендеры к Варницкой пристани был проложен рельсовый путь длиной 4 версты.

К специальному назначению железных дорог — перевозке грузов — эти операции имели лишь косвенное отноше-

ние. Свободных оборотных средств (а для выдачи ссуд требовались наличные деньги ходячей валюты) у дороги не было, поэтому сумма на первоначальные расходы была занята у богатого одесского купца по фамилии Родоканаки.

Опыт дал превосходные результаты, и с 1884 года для ссудных операций дорогой был выделен специальный оборотный капитал в сумме 250 тыс. руб. Вскоре и ее оказалось недостаточно, поэтому начиная с 1885 года комиссионно-ссудная деятельность Общества велась на деньги, занятые в коммерческих банках — сначала в Киевском промышленном, а затем в Санкт-Петербургском международном коммерческом банке. В 1888 году Санкт-Петербургский международный банк открыл дороге неограниченный кредит для хлебных операций под 7% годовых⁸⁰. В ряду банкиров Общества Юго-Западных железных дорог он вышел на первое место.

Денежные ссуды выдавались начальниками станций либо особыми агентами. При выдаче от получателей ссуд отбирался дубликат накладной на отправленный груз, который и служил ее обеспечением. Дубликат пересылался на станцию назначения, где его выкупал получатель груза. С получателя удерживали, помимо платы за провоз, еще и сумму ссуды с процентами в пользу банка и комиссией в размере от 1 до 2,5% на каждую ссуду. За счет комиссии дорога возмещала свои расходы по производству ссудных операций. 67% общей суммы выданных Обществом Юго-Западных дорог транспортных ссуд приходилось на товары, направлявшиеся в Одессу, 22% — в Кенигсберг и Данциг. В 1888 году Обществом было выдано подтоварных ссуд на сумму 4 млн 673 тыс. руб. По абсолютной величине не так много, но фокус в том, что главную часть дохода приносило не комиссионное вознаграждение, а плата за грузовые перевозки.

Спустя некоторое время к выдаче ссуд под залог дубликатов железнодорожных накладных подключились и петербургские банки коммерческого кредита. Скоро эта операция сделалась для них самой предпочитаемой ввиду исключительной доходности. В Киевской губернии, к примеру, мелким и средним торговцам зерном банки выдавали в ссуду от 90 до 100% стоимости груза на срок 7—8 дней; под видом разных процентов и комиссий они вносили в свою пользу от 0,5 до 1%⁸¹. В Херсонской губернии банки брали с клиентов 25 коп. за 100 руб. за 4—5 дней в городах, на станциях железных дорог — 50 коп. со 100 руб. и еще порто 15—20 коп. за каждый дубликат железнодорожной накладной. Этот дубликат надлежало выкупить на 4-й или 5-й день; за просрочку взимались

пени в размере 12% годовых; сама же ссуда выдавалась в размере 100% и даже 102% стоимости хлеба⁸².

В 1892 году Русское общество пароходства и торговли прикрыло свои днестровские хлебные операции — не выдержало конкуренции с Обществом Юго-Западных железных дорог⁸³. РОПИТ доставляло зерно самым примитивным способом: сначала по Днестру до города Маяки, расположенного вблизи устья реки. Там товар перегружался в железные морские баржи и далее следовал в Одессу.

Из своего личного опыта работы по привлечению грузов и их перевозке С. Ю. Витте извлек немало ценных уроков. Он вообще обладал редкой способностью учиться у жизни. «Должны быть избегаемы всякие формальности в отношениях с отправителями», — говорил он⁸⁴. Фразы типа «Это написано не по форме», «Приложите документ о вашем звании», «Приходите завтра» и тому подобная казенщина, очень распространенная во всяком управлении, как в государственном, так и частном, убивают любое живое дело, а коммерция есть занятие очень живое.

Для облегчения утомительных процедур по приему и сдаче грузов в Киеве, Одессе и других крупных центрах Юго-Западного края Общество открыло городские станции и транспортные конторы. В Одессе рельсовые пути подводились прямо к хлебным складам; коренной реконструкции подверглись железнодорожные станции «Одесса — Застава» и «Одесса — Пересыпь».

Движение пассажирских поездов (курьерских: Киев — Одесса и Одесса — Петербург) и поездов товарных стало совершаться быстрее; для ценных грузов, требовавших срочной доставки, вводились ускоренные поезда.

После ликвидации в 1862 году кяхтинской чайной монополии Одесса стала главным перевалочным пунктом, через который чай поступал на внутренний российский рынок. Ее значение как торгового порта еще более возросло после открытия в 1869 году для судоходства Суэцкого канала, но не сразу, а примерно с 1878 года, когда рейсы стали совершать суда русского Добровольного флота, организации, которая поддерживалась правительственными субсидиями⁸⁵. По инициативе С. Ю. Витте и его администрации в расписание были введены специальные чайные поезда Одесса — Москва; образцы чая в Первопрестольную доставлялись с пассажирскими поездами. Благодаря четкой организации грузовых перевозок свежие фрукты из Одессы и Бессарабии стали появляться на столичных рынках.

Чтобы увеличить грузооборот по сухопутной границе, С. Ю. Витте заключил серию конвенций с германскими, ав-

стрийскими и румынскими железными дорогами. На всех пограничных станциях (Граево, Радзивиллов, Волочиск, Унгени), а также в Одессе Юго-Западным обществом были открыты агентства для совершения таможенных обрядностей по поручениям получателей грузов.

Производство погрузочно-разгрузочных работ на станциях было решительно изменено. Если ранее ими занимались подрядчики, то теперь — специальные дорожные службы. Эта новация принесла клиентам дороги большую экономию на накладных расходах: вместо прежних 7 руб. с них стали взимать в среднем 3 руб. с вагона.

Как и его коллега А. П. Бородин, С. Ю. Витте был сторонником премиальной системы. За сбережение в расходах по погрузке и выгрузке и за утилизацию подвижного состава работникам службы эксплуатации причиталось дополнительное денежное вознаграждение⁸⁶.

Трудно, даже, пожалуй, невозможно, выразить в цифрах все то, что было сделано С. Ю. Витте и его подчиненными для улучшения перевозок пассажиров и грузов. Как выразился один современник, это «...можно только понимать и чувствовать»⁸⁷.

Блестящее управление С. Ю. Витте движением на дорогах Юго-Западного общества вскоре получило общественное признание. Как вспоминал на склоне лет генерал Ю. Н. Данилов, «...еще в родном мне Киеве, будучи юношей, я много слышал о выдающихся дарованиях этого незаурядного человека, обнаруженных им в период управления местными железными дорогами»⁸⁸.

В России «...срочность и вообще исправность доставки имеют гораздо большее значение, нежели скорость», — обобщил С. Ю. Витте свои многолетние наблюдения над передвижениями пассажиров и грузов по русским железным дорогам. В подавляющем большинстве случаев 3—4 лишних дня совершенно не принимались в расчет. С. Ю. Витте запал в память случай, когда, несмотря на все усилия администрации дороги побудить население передвигаться скорыми поездами, курьерские поезда по маршруту Киев — Одесса ходили полупустыми, а обыкновенные пассажирские — битком набитыми. Один путешественник предпочитал обычный пассажирский поезд потому, что он подолгу стоял на станциях с шикарными буфетами, где можно было выпить и славно закусить, другой — потому что не надо рано вставать, третий вообще заявлял: «А куда мне спешить?»⁸⁹ Даже выгодный тариф на поездки скорыми поездами мало соблазнял ленивых российских пассажиров.

С. Ю. Витте смог увеличить объемы перевозок не только малоценных грузов, таких как зерновой хлеб, но и более дорогих продуктов сельскохозяйственной и горной промышленности. В борьбе за грузы он использовал еще один действенный инструмент — гибкую тарифную политику. При управлении дорогами им было создано особое тарифное отделение⁹⁰.

Тарифы на донецкий уголь, введенные на дорогах Юго-Западного общества, вели к росту его потребления в крае. Дешевый английский каменный уголь, доставлявшийся в Одессу в качестве балласта на пароходах, перевозивших пшеницу, перестал продаваться на юге России.

Чтобы побудить сахарозаводчиков отправлять как можно больше продукции по железным дорогам, С. Ю. Витте понизил тарифы на свекловицу. Потери на полуфабрикате с лишкой возмещались выручкой от перевозок сахара и сахарного песка по более высокому тарифу.

Тарифное дело С. Ю. Витте внимательно изучал на своем и чужом опыте. Уже с начала 1870-х годов вместе с Н. Н. Сущовым, членом правления РОПИТ, он участвовал в заседаниях всероссийских и региональных съездов представителей железных дорог⁹¹.

В те далекие времена всякая дорога устанавливала такие тарифы, какие хотела. Крайнее разнообразие, большая неравномерность, сложность и постоянная изменчивость платы за грузовые перевозки осложняли жизнь и дорогам, и их клиентам. Так, за перевозку абажуров Московско-Курская дорога взимала $\frac{1}{25}$ коп. с пуда и версты; Николаевская — 40 коп. с пуда за все расстояние; Варшавско-Тереспольская при повагонных отправлениях — $\frac{1}{36}$ коп. с пуда и версты. Каждая дорога выпускала свои тарифные сборники; разобраться в них было непросто. В сборнике Петербургско-Варшавской дороги было 720 названий грузов, Николаевской — более 1000, Московско-Курской — 1289, а в алфавите сводного тарифа русских железных дорог — 2254 названия. Жидкая смола на 19 дорогах относилась к третьему классу тарифа, на 16 — ко второму классу, а на одной — к первому с назначением тарифа от $\frac{1}{27}$ до $\frac{1}{50}$ коп. с пуда и версты⁹².

И курьезы можно было найти в тарифных справочниках. Курско-Харьково-Азовской дорогой навоз перевозился по более высокому тарифу, нежели кизяк, хотя должно было быть как раз наоборот, поскольку кизяк — изделие из навоза⁹³. Тарифный сборник Харьковско-Николаевской железной дороги для перевозки драгоценных камней (самоцветов,

жемчуга, бриллиантов и т. п.) установил два тарифа — один попудный (с пуда груза и версты расстояния), а другой по-вагонный, для отправок весом не менее 610 пудов (! — С. И.). Должностные лица, ответственные за организацию перевозок, в тарифные сборники и не заглядывали, как будто те составлялись лишь для проформы. Отчасти так оно и было — назначение тарифов походило на дружескую сделку: «Дай мне на этот груз одну восемнадцатую, а я тебе сегодня такой обед закачу в Эрмитаже, что все пальчики оближешь».

Это были подлинные несуразицы. Но были несуразицы и мнимые. В среде русских железнодорожных деятелей считалось за непреложную истину, что дороги непременно должны сокращать расстояния. Следовательно, грузы надо обязательно перевозить по кратчайшему пути. Так думал, в частности, Александр Иванович Чупров — выдающийся российский экономист, автор капитального труда по экономике железнодорожного транспорта.

Когда Общество Юго-Западных железных дорог еще только затевалось, он выражал опасение, что, пользуясь своей монополией, оно начнет отбивать грузы у других дорог и, чтобы заработать на провозе, направит их по более длинному маршруту или вообще туда, куда не следовало бы их доставлять. Например, вместо Одессы в Кенигсберг — торговый порт соперничающей державы: «Во всяком случае, предполагаемое слияние обещает Юго-Западному краю никак не пользу, а один ущерб»⁹⁴.

Общее возмущение вызывали, например, факты, когда хлебные грузы, предназначенные для Прибалтийских губерний, со станции Ровно Юго-Западной железной дороги направлялись сначала на запад, до Бреста, а затем — на север, уже на Барановичи и Вильно, хотя имелось и простое решение: передать их на Полесские казенные железные дороги и направить по кратчайшему расстоянию⁹⁵. Но не всем было ведомо, что тарифы за перевозки по краткому расстоянию назначались более высокие, поскольку Полесская железная дорога была новая и на грузы, по ней перевозимые, раскладывался процент на немалый строительный капитал.

Юго-Западное общество придерживалось полностью самостоятельной и совершенно независимой тарифной политики. На региональных железнодорожных съездах, где путем соглашения устанавливались «нормальные» тарифы, его представитель заявлял, что он уполномочен участвовать в разработке нормальных тарифов лишь в том случае, если эти тарифы будут впоследствии представлены на утверждение правления дороги.

Тарифный разноречивый и беспредел, обогащая одних, удалял по другим и в конечном счете — по государственному карману. Дело в том, что русские железные дороги, действовавшие в юридической форме акционерных обществ, были частными только с виду. Фактически же они поддерживались из государственного кошелька, поскольку их облигационные займы и даже акционерные капиталы имели от правительства гарантию 5%-ной доходности. Долги железных дорог казне вызвали большое напряжение в государственных финансах. Министр финансов Н. Х. Бунге как-то сказал, что, если бы железнодорожные общества погасили свои долги казначейству, дефицит русского государственного бюджета был бы с лихвой покрыт.

Острая полемика по тарифным вопросам выплеснулась на страницы печати. В полемике участвовал и С. Ю. Витте. Управляющий Полесскими дорогами инженер путей сообщения Н. Н. Изнар опубликовал статью, где указывал на противоречие между требованиями тарифного единообразия, которые отстаивал С. Ю. Витте в прессе, и его повседневной деятельностью, которая якобы находилась с этими взглядами в полном противоречии. После этой статьи, вспоминал много лет спустя Н. Н. Изнар, «...я удостоился возражения, подписанного самим Витте, смысл которого был следующий: С. Ю. Витте — как экономист, знаток тарифного дела — мог проповедовать какие угодно воззрения на тарифы, как управляющий Юго-Западных дорог — он мог и обязан был отступаться от своих воззрений, если они в чем-либо не соответствовали интересам вверенной ему дороги»⁹⁶.

Один из коренных принципов своей тарифной политики, гласивший, что понижение тарифа на дальние перевозки может обернуться не потерями, а чистой прибылью, С. Ю. Витте, возможно, почерпнул из своего опыта службы на Одесской дороге. Все время она эксплуатировалась настолько плохо, что выручки не хватало для выплат доходов акционерам и держателям облигаций. Исключение составили только годы Русско-турецкой войны, когда выручка по пассажирскому движению увеличилась примерно в два раза. Чистый доход дороги возрос только за один год на полтора с лишним млн руб. (в 1876 году — 3 млн 106 тыс. руб., в 1877-м — 4 млн 670 тыс. руб.) преимущественно за счет пассажирских воинских перевозок⁹⁷. И это несмотря на то, что военнослужащим — пассажирам вагонов 1-го и 3-го классов предоставлялась скидка с тарифа в размере от 35 до 70%!

До объединения Киево-Брестская дорога жестко конкурировала с Одесской и даже успела отбить у нее часть грузов. Из 43 млн пудов хлебных грузов, перевезенных Одес-

ской дорогой в 1873 году, в 1875-м у нее осталось всего 19 млн пудов. Орудием в конкурентной борьбе явилось большое понижение тарифов, произведенное Киево-Брестской дорогой. В 1886 году конкурентная борьба за хлебные грузы путем понижения тарифов обострилась до крайней степени. В том же году С. Ю. Витте был повышен в должности — он получил желанный пост управляющего всеми дорогами Юго-Западного общества.

Обстоятельства получения этой должности в его воспоминаниях получили несколько одностороннее и потому не совсем правильное освещение. Та часть мемуаров, которая касается обстоятельств перехода на пост управляющего дорогами, создавалась, скорее всего, по памяти. С. Ю. Витте был назначен управляющим вскоре после того, как И. А. Вышнеградский в 1886 году сложил с себя полномочия председателя правления Общества Юго-Западных железных дорог ввиду назначения в Государственный совет, а через год и на должность министра финансов. Поскольку Д. А. Андриевский занял освободившееся место в правлении дорог, то встал вопрос о кандидатуре управляющего. «Так как им (Андриевским. — С. И.) были не вполне довольны, потому что Юго-Западные дороги все время приносили или дефицит, или давали очень мало дохода, то обратились вторично в Министерство путей сообщения с просьбой утвердить меня управляющим Юго-Западными железными дорогами»⁹⁸. Доля правды в том, что пишет С. Ю. Витте, безусловно есть. Состоит она в том, что валовая доходность дорог при управлении ими Д. А. Андриевским была невелика. Но она и не могла быть значительной, поскольку все три магистрали к моменту их объединения находились в тяжелейшем кризисе. К 1885 году он был в основном преодолен, и на передний план выдвинулись задачи эффективной эксплуатации обновленного дорожного хозяйства. Свою готовность справиться с ними С. Ю. Витте вполне доказал. Он успел зарекомендовать себя не только в качестве превосходного администратора службы движения громадной рельсовой магистрали, но еще и в качестве теоретика тарифного дела. Его имя приобрело широкую известность в России, чему способствовал еще и выход в свет его первой крупной печатной работы.

* * *

Свою книгу о тарифах С. Ю. Витте создавал за границей, в Мариенбаде. Там он проходил курс лечения⁹⁹. Первоначально книга печаталась частями в журнале «Инженер». Ле-

том 1883 года автор подготовил ее к публикации целиком и издал под названием «Принципы железнодорожных тарифов» (авторское предисловие к первому изданию датировано сентябрем 1883 года). Работа эта — лучшее из всего, написанного С. Ю. Витте, если не считать «Воспоминаний».

Книга вызвала очень большой интерес и многочисленные отклики, в том числе и полемические. Писал С. Ю. Витте, несмотря на свою колоссальную служебную занятость, очень быстро — уже в 1884 году появилось второе дополненное издание.

Почти во всех критических отзывах указывалось на противоречивость общей экономической концепции автора. Одни критики причисляли С. Ю. Витте к «манчестерцам», другие — к «государственным социалистам». Третьи считали его «непоследовательным оппортунистом», так как находили, что фундамент своей тарифной теории автор возводит на принципах классической политической экономии, а затем из этого фундамента начинает вынимать камни. Поэтому второе издание книги было дополнено двумя параграфами — в одном (девятом по счету) автор определил свое отношение к государственному вмешательству в экономические процессы, а в другом (пятом) впервые изложил свои взгляды на теоретические вопросы экономики.

Заниматься экономическими и финансовыми науками С. Ю. Витте начал в бытность свою начальником службы движения Одесской железной дороги, когда ему непосредственно пришлось овладевать непростой тарифной проблематикой. Запутавшись в дебрях понятий «цена» и «ценность», он обратился за консультацией к А. С. Посникову, занявшему в 1870-е годы профессорскую должность в Новороссийском университете. Тот посоветовал молодому человеку не забивать себе голову профессорской ученостью: «Вся теория спроса и предложения, нормирующая стоимость предметов и услуг, есть выдумка людская. Это все сочинили те люди, которым сочинение это выгодно для эксплуатации труда. Один только труд дает цену; всякая цена будет лишь тогда справедлива, если она будет справедливо выражать затраченный труд»¹⁰⁰. А. С. Посников, по-видимому, многим дал этот совет, но далеко не всем, в отличие от С. Ю. Витте, он пошел впрок.

В теории С. Ю. Витте оказался близок московской школе экономистов, прославленной именем А. И. Чупрова, а также А. С. Посникова и академика И. И. Янжула. Александр Иванович Чупров удостоил книгу С. Ю. Витте хвалебным отзывом.

В построении своих тарифных принципов С. Ю. Витте в общем исходил из положений трудовой теории стоимости. Он указывал: перевозка товаров из одного места в другое не создает новой стоимости. Следовательно, товар должен платить за перевозку столько, сколько он сможет заплатить. «Что именно вызывает необходимость в передвижении товаров из одного места в другое?» — задает вопрос автор и отвечает на него так: «Разность между ценами, существующими на эти товары в местах, откуда товары направляются, к существующим или возможным в тех местах, куда товары эти следуют. Если б не существовало этих разностей, то не вызывалась бы и потребность в передвижении. Следовательно, провозные цены должны соответствовать исключительно этим разностям»¹⁰¹.

При определении размеров провозной платы по железной дороге следует отталкиваться не от накладных расходов транспортных предприятий, а от условий образования цен на товары в пунктах отправления и назначения, условий производства и потребления этих товаров. Сумма капитала, затраченного на сооружение дороги, вообще не должна сильно влиять на размер тарифа.

Автор тарифных принципов предлагал учитывать закон спроса и предложения, который он считал столь же древним, сколь древен сам человек¹⁰². При практическом применении его С. Ю. Витте советовал руководствоваться экспериментальным методом: исследовать, насколько это возможно, все условия, которые определяют спрос на тот или иной товар и на предложение его. Главным ориентиром выступал баланс интересов производителей грузов, их потребителей и железнодорожных предприятий. Они как-никак должны возместить себе расходы по перевозке¹⁰³.

Автор «Принципов» рассуждал как государственный деятель. Первостепенная задача текущего момента ему виделась в том, чтобы уменьшить, а по возможности и вовсе устранить общий дефицит русской железнодорожной сети. Поэтому те дороги, которые дают наибольшие доходы, должны получить законные преимущества в борьбе за грузы. И не следует увлекаться покровительством промышленности посредством тарифов — есть более важные задачи. «Когда железные дороги будут жить на свой счет, а не питаться податями, собираемыми преимущественно с относительно неимущей массы народа, тогда может выступить на очередь во всем своем объеме не только вопрос о покровительстве железнодорожными тарифами отечественному производству, но еще гораздо более важный и, можно думать, более неот-

ложный вопрос — о покровительстве железнодорожными тарифами неимущим классам, т. е. с понижением тарифов для передвижений беднейших, а также о понижении тарифов на все продукты, составляющие предмет первой необходимости для массы населения»¹⁰⁴.

С. Ю. Витте наверняка знал, что кардинальное обновление всего путевого хозяйства Юго-Западного общества было произведено главным образом на казенные деньги. Из 153 млн руб. облигаций, выпущенных к 1 января 1886 года Обществом на эти цели, Государственный банк за счет казначейских средств приобрел 111 млн 650 тыс. руб., или почти 73%¹⁰⁵.

С. Ю. Витте мыслил широко и оригинально: «Для придания нашему Отечеству надлежащего экономического роста необходимо достичь возможности наиболее легкого распространения естественных богатств по всему обширному протяжению империи. Недостаточно, чтобы производства однородных произведений распространялись порайонно, в ближайших местностях от пунктов производства, но необходимо стремиться, чтобы каждый производитель имел как можно более обширный район распространения своих продуктов, ибо через такое распространение предложения будут значительно выигрывать интересы потребителей. Повсеместное распространение внутренних производств необходимо в особенности в стране, держащей протекционные таможенные тарифы, вся тяжесть которых ложится исключительно на потребителей. Если действительно таковы должны быть стремления, то как достигнуть их на пространстве более 5 млн квадратных верст, представляющем Европейскую Россию, и как в будущем достигнуть того же самого на пространстве более 18 млн квадратных верст, представляющем Европейскую Россию с Сибирью и среднеазиатскими владениями? Очевидно — только посредством крайне низких тарифов на дальние расстояния. Русские тарифы на дальние расстояния непременно должны выйти из установившихся европейских норм»¹⁰⁶.

Но как этого достичь? Прежде всего не ограничивать железнодорожные общества в назначении провозной платы на близкие расстояния. Опыт эксплуатации Одесской дороги показал, что на малоценные грузы, не выдерживающие дорогих фрахтов, дороги должны держать низкие тарифы. При этом С. Ю. Витте делает важную оговорку — только не за счет Государственного казначейства¹⁰⁷.

Пример, когда пониженный тариф на близкое расстояние оборачивается чистым доходом, — это перевозка свек-

ловицы. «Дорога может согласиться на перевозку свеклы до какого-либо сахарного завода по тарифу ниже эксплуатационных расходов, зная, что перевезенная свекла даст дороге новый груз — сахар, который имеет такую ценность, что, вообще говоря, выдерживает высокий тариф, если при этом коммерческий расчет убеждает, что убыток от перевозки свеклы покроется перевозкой сахара»¹⁰⁸.

В наши дни подобные рассуждения могут показаться вполне тривиальными, но тогда они были в новинку. Ушло то время, когда транспортные, торговые и кредитные предприятия паразитировали на производителе, теперь им надлежало поддерживать, стимулировать и направлять производство товаров. В этом заключался главный интерес железнодорожных предприятий, еще не вполне ими осознанный.

Из сказанного вовсе не следует, что С. Ю. Витте считал допустимым и оправданным забыть о посредниках между производителями и потребителями продукции: «Тем не менее, вообще говоря, провозные цены не должны быть ниже стоимости производства, т. е. расходов эксплуатации»¹⁰⁹. Но это вообще, а при решении практических задач общими принципами руководствоваться крайне опасно — нужно установить, как они преломились в действительности.

С. Ю. Витте — противник простых и шаблонных решений сложных проблем. Тотальная унификация тарифного дела ему казалась нежелательной — железные дороги есть принципиально новое экономическое явление. «...Избегнуть разнообразия железнодорожных тарифов, насколько оно зависит от самого существа дела, невозможно»¹¹⁰. Путь применения абстрактных формул ему представляется легким и, в сущности, неправильным. Следовало двигаться опытным путем — изучать практику и обобщать ее результаты.

Желаемый принцип государственной политики в тарифном вопросе автор формулирует так: каждый товар должен платить за свою перевозку такой сбор, какой он в состоянии заплатить на основании «совокупности условий спроса и предложения»¹¹¹.

«Мы идем далее и скажем, что, по нашему убеждению, на обязанности железных дорог лежит, не ожидая посторонних заявлений, будить спящие силы, толкать вперед предприимчивость и вызывать к жизни те богатства страны, которые до настоящего времени находятся в полумертвом состоянии»¹¹².

Не бояться понижений тарифов рекомендует С. Ю. Витте, а следить с цифрами в руках за тем, как эти понижения

вливают на чистую доходность дорог. Ведь понижения тарифов могут доходность уменьшать, а могут и, наоборот, увеличивать. Если чистая доходность растет, то тарифная политика железной дороги верная.

Хотя его попытка устроить некоторое подобие общественного контроля за железными дорогами не удалась, С. Ю. Витте от нее не отступился. Широкую и свободную критику положения в железнодорожном хозяйстве он считал крайне необходимой. Даже пристрастная, тенденциозная и некомпетентная критика гораздо лучше полного отсутствия таковой.

Классическая английская политэкономия имеет громадные заслуги перед человечеством. Но ее законы были сформулированы в эпоху расцвета капитализма, когда принципы свободной конкуренции казались незыблемыми. Затем наступили иные времена. Промышленные предприятия разрослись до таких огромных размеров, что развиваться исключительно за счет собственной прибыли они уже не могли. Появление промышленных монополий уже в 1880-е годы стало фактом. Акционерная форма предпринимательства начала преобладать в промышленности, а на железнодорожном транспорте с его громадными капиталами она вообще сделалась единственной.

С другой стороны, усилилась неравномерность в экономическом и политическом развитии европейских государств, чего не наблюдалось так явно в эпоху Просвещения. Хотя многие современные политологи, похоже, считают закон неравномерности вечным, а Россию изначально отсталым государством, у историков иной взгляд: один из корифеев российской и советской историографии, академик Евгений Викторович Тарле написал и опубликовал работу под характерным названием «Была ли екатерининская Россия экономически отсталою страной?»¹¹³.

Постулаты классической политэкономии с ее идеями свободного рынка, государственного невмешательства в экономические процессы во второй половине XIX века зашатались. Появились иные направления и школы, которые С. Ю. Витте в своем труде именует «социалистической» и «реалистической». Его симпатии однозначно на стороне второй, поскольку ее концепции доказали на практике свою эффективность. Да и сами они возникли не из чистого разума, а явились во многом обобщением жизненного опыта.

С. Ю. Витте приводит в пример Германию и блестящую деятельность князя О. Бисмарка по разумному упорядочению экономических и социальных отношений без коренной

ломки существующего политического устройства. Князь Отто Бисмарк был одним из тех немногих государственных деятелей, перед которыми С. Ю. Витте преклонялся. С гордостью он вспоминал на склоне лет, как отставной канцлер проявил интерес к его персоне. Бисмарк, писал он, стоит «вне критики настоящего поколения». Ошибался он в экономических вопросах или нет, покажет история¹¹⁴. Рост национального богатства Германской империи в последней четверти XIX — начале XX века экономисты считали беспримерным явлением во всемирной истории¹¹⁵.

* * *

В жизни С. Ю. Витте был период, когда его увлекли некоторые популярные идеи переустройства общественной жизни по абстрактным законам науки. Вообще он был человеком увлекающимся, но только из тех, которые, имея холодную голову, не дают своим увлечениям зайти слишком далеко. Каким-то образом он познакомился с первым томом труда Огюста Конта «Курс положительной философии». Том имел подзаголовок «Философия математики». Полный перевод этой книги был сделан на русский язык в 90-е годы, так что С. Ю. Витте либо читал книгу по-французски, либо пользовался каким-то изложением содержащихся в ней идей.

Строго говоря, это были идеи не Конта, а его великого учителя А. де Сен-Симона, которые Конт лишь подобрал и талантливо систематизировал в некую концепцию. Одна из этих идей состояла в том, что всю работу по рациональному преобразованию социальной действительности должны возглавить именно математики, как представители самой абстрактной и наиболее точной из наук. «Математики! Ведь вы находитесь во главе, начинайте!» — призывал А. де Сен-Симон¹¹⁶.

С. Ю. Витте математические идеи О. Конта очень приглянулись. Когда он рассказал об этом И. А. Вышнеградскому, тот вылил на него ушат холодной воды, заявив, «...что Огюст Конт — не что иное, как осел, и что он никакого понятия о математике не имел, а всякий человек, не знающий математики, не может быть хорошим философом»¹¹⁷.

В «Принципах железнодорожных тарифов» С. Ю. Витте продемонстрировал важное достоинство своего выдающегося ума; достоинство, которое затмевает многие его недостатки. Оно заключается в склонности к конкретному мышлению. Для правильных суждений о сущем требуется прежде всего поставить его в пространственно-временные рамки. В

частности, к идее огосударствления железнодорожного хозяйства нельзя относиться ни положительно, ни отрицательно вне этих рамок. В одних странах железные дороги находятся в частном владении многих лиц (Соединенные Штаты Северной Америки), в других они объединены в крупные структуры и находятся под совместным контролем общества и государства (большинство европейских держав), третьи (Германия) переходят к казенному управлению рельсовыми магистралями.

Выбор оптимальных путей требует обязательного учета обстоятельств исторического развития данной страны. Что для одной стороны хорошо, для другой может быть плохо. Если в Пруссии казенное железнодорожное хозяйство имеет перспективы, в России оно может их и не иметь, потому что у нас нет такого аккуратного, дисциплинированного и честного в своей массе чиновничества, какое историей было создано в германских государствах.

«Мы привыкли не воспроизводить жизнь, изучая и принимая во внимание течения западной жизни, а строить ее, копируя самые факты из жизни то одного, то другого западного государства, часто даже без изучения ее течения. От этого происходит наше умственное и житейское шатание между различными теориями, между противоположными течениями, действиями и мероприятиями. Это шатание выражается не только в сфере умственной и нравственной жизни, но также и в материальной. Ради одних западных учений мы становимся на путь свободного обмена, убивая некоторые отрасли промышленности; затем ради других учений мы силимся возродить эти промышленности путем усиленного покровительства»¹¹⁸. Против этих рассуждений автора «Принципов железнодорожных тарифов» трудно возражать.

В практической работе разумный оппортунизм приносит неизмеримо больше пользы, чем слепое следование неким, пусть даже и очень умным, теоретическим построениям. Ничто не принесло столько вреда нашей стране, как тупое доктринерство. Правда, замечает С. Ю. Витте, оппортунизм тоже бывает разный. Глупый оппортунизм вырождается в беспринципность, разумный же совсем не исключает научные принципы, а лишь приспособливает их к потребностям жизни.

Самая опасная сторона доктринерства — экспериментирование над живой жизнью, стремление перекроить ее по меркам чужого опыта или по абстрактным законам разума. «Всякий, кто когда-либо управлял большим частным хозяйством: имением, заводом и проч., знает, что ничто не может так подорвать благосостояние его, как постоянные крупные

эксперименты, с ним производимые, нарушающие равновесие в его отправлениях. Он знает также, что если раз решится сделать эксперимент, то прежде всего нужно выждать результатов, и если эти результаты окажутся сравнительно не особенно благоприятными, то большей частью лучше исправлять и улучшать дело постепенно, нежели производить постоянные ломки»¹¹⁹.

Если постоянно лихорадить хозяйство экспериментами, то результат будет один — полное банкротство. «Никакие мероприятия в области русского народного хозяйства, будут ли они делаться на основании экономических трактатов светил западной науки или служить копиями мер, давших благотворные результаты в одном или нескольких западных государствах, или, наконец, внушены словами какого-либо заграничного признанного гения, сказанными им для своей страны, — если не будут созданы наличные условия русской жизни и сказанные мероприятия не будут к ним систематически и последовательно приспособляться, — не выведут наше народное хозяйство на путь независимого процветания, на путь естественного роста»¹²⁰.

Никакой финансовый гений не способен создать устойчивой финансовой системы без наличия соответствующих предпосылок в виде материальных ценностей, «правильно производимых, распределяемых и потребляемых»¹²¹.

С. Ю. Витте совершенно правильно указывает, что наиболее заметные экономические мероприятия Бисмарка — выкуп казной железных дорог и государственное страхование рабочих — к научному социализму не имеют ровным счетом никакого отношения. Государственное предпринимательство как одна из форм общественного хозяйства всегда было, есть и будет, социализм тут совершенно ни при чем. «Государство обязано делать то, что более полезно для общего блага. Если казенная эксплуатация может быть более полезною, то государство само должно эксплуатировать железные дороги... Одно государство не может справиться, а другое может. При существующей организации государственного управления правительство одной и той же страны не справится с эксплуатацией железных дорог, а когда историческое ее развитие водворит в ней другую организацию, то правительство, пожалуй, справится»¹²².

К либеральным ламентациям вроде той, что «бюрократия представляет собою государство в государстве» или «каждое министерство представляет государство в государстве», автор «Принципов железнодорожных тарифов» относится с плохо скрываемым презрением: «Одна применимость этой

фразы к самым разнообразным явлениям жизни указывает на ничтожность ее практического смысла»¹²³.

Классическая политическая экономия требовала полной автономии для деятельности хозяйствующих субъектов. «Если бы великие основатели классической политической экономии жили в настоящее время борьбы против привилегий капиталов, свободы спекуляций, необеспеченности труда и паразитической жизни одних государств за счет производительных сил других, то, несомненно, в их произведениях по вопросу о сфере государственной деятельности были бы высказаны несколько иные соображения»¹²⁴.

Переход железных дорог в руки казны, полагал С. Ю. Вите, есть шаг вовсе не к социализму, а к большему благосостоянию либо к вящему разорению. Казенная эксплуатация железных дорог в принципе весьма желательна, поскольку русская государственная власть во главе с самодержавным бессловесным царем не преследует никаких иных целей помимо общего блага. Но это только в принципе. В действительной жизни все обстоит существенно иначе, а именно: за редкими исключениями со времен Петра Великого казенное хозяйство показывало самые плачевные результаты. При этих условиях железные дороги, оставаясь достоянием государства, были отданы во временную эксплуатацию частным обществам с оставлением за государственной властью права самого широкого контроля и вмешательства¹²⁵.

Недостатки и злоупотребления на железных дорогах во многом объясняются не чем иным, как неудовлетворительным состоянием этого контроля, а совсем не тем, что частными обществами дороги управляются плохо. На собственном опыте автор постиг справедливость той истины, что «...управлять значительно труднее и сложнее, нежели контролировать и направлять»¹²⁶. Собственно говоря, эксплуатация железных дорог частными обществами дает только первые результаты, а они вовсе не плохие, будучи взяты в совокупности. Главное — езда по железным дорогам стала и безопаснее, и комфортабельнее. «Нужно было учиться железнодорожному делу, начиная с азов, создавать железнодорожный персонал, вырабатывать известные административные, хозяйственные и технические приемы и нормы. Как это все нужно делать — легко пишется при знакомстве с верхами заграничных брошюр; но далеко все не так легко делается на практике»¹²⁷.

Эксплуатация такого сложного общественного хозяйства, как железнодорожное, оказалось делом большой трудности

еще и потому, что для этого требуются свойства, почти не присущие массе русского народа, а именно: пунктуальность и аккуратность. «У нас народ чрезвычайно сметливый, быстро понимает дело, весьма выносливый; если затронуть некоторые струны его души, как это было во время усиленной перевозки войск в последнюю войну, то он будет работать как вол, не раздеваясь и почти не отдыхая десятки дней, но пунктуальность и аккуратность — столь необходимые для железнодорожной эксплуатации — не в его характере, а потому у нас все железнодорожные неисправности преимущественно основываются на этой черте характера народа»¹²⁸.

«Mixtum compositum»

Беспорядками на железных дорогах возмущались, о них писали, однако до поры власть с ними мирилась. Как гласит известная русская пословица, «пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Гром грянул 17 октября 1888 года, когда царский поезд потерпел катастрофу во время движения по Курско-Харьково-Азовской железной дороге.

О крушении поезда в Борках ходило много всяких слухов и легенд. Выдвигалась версия, будто бы это дело рук злодеев-нигилистов, заложивших адскую машину в вагон-мастерскую царского поезда, от которого почти ничего не осталось, настолько его разметало. Все было иначе — бестолковщина и разгильдяйство свили себе гнездо на самом верху.

С. Ю. Витте вспоминал: «Расписание императорских поездов составлялось обыкновенно Министерством путей сообщения безо всякого спроса и участия управляющих дорогами. Я своевременно получил расписание, по которому поезд из Ровно до Фастова должен был идти такое-то количество часов, причем в такое количество часов это расстояние мог пройти только поезд легкий, пассажирский; между тем в Ровно вдруг явился громаднейший императорский поезд, составленный из массы тяжелейших вагонов. О том, что поезд пойдет такого состава, меня предупредили телеграммой только за несколько часов до прихода этого поезда в Ровно. Так как такой поезд, и притом с такой скоростью, какая была назначена, не только не мог везти один пассажирский, но даже и два пассажирских паровоза, то нужно было приготовить два товарных паровоза и везти его двумя товарными паровозами, т. е., как говорится, в двойной траксе, потому что тяжесть его была вдвое больше, нежели тяжесть обыкновенного товарного поезда, между тем как ско-

рость была назначена такая, с какой обычно идут пассажирские поезда»¹²⁹.

Всю ночь, пока поезд следовал от Ровно до Фастова, С. Ю. Витте совершенно не спал, «...ехал как в лихорадке... ожидая, что в каждый момент может случиться несчастье». Вернувшись из Фастова обратно в Киев, он немедленно направил рапорт министру путей сообщения адмиралу К. Н. Посьету со всеми необходимыми предостережениями и их детальным обоснованием. «Я представил расчеты, из которых было ясно, что при наших русских путях — со сравнительно легкими рельсами (у нас в то время рельсы были обыкновенно в 22 и 24 фунта в погонном футе, а за границей в то время были от 28—30 и более фунтов в погонном футе), при наших деревянных шпалах (за границей — металлические шпалы), при нашем балласте (у нас балласт песочный, тогда как за границей почти везде балласт из щебенки), — путь, естественно, является неустойчивым. Быстрое движение при двух товарных паровозах с таким тяжелым поездом так расшатывает путь, что поезд может вышибить рельсы, вследствие чего может произойти крушение»¹³⁰.

С. Ю. Витте потребовал увеличить на три часа время следования состава императорского поезда по Юго-Западным дорогам, в противном случае он отказался принимать на себя ответственность за поездку. Требование удовлетворили, но император Александр III выразил недовольство строптивостью молодого управляющего дорогой, заявив: «Я на других дорогах езжу, и никто мне не уменьшает скорость, а на вашей дороге нельзя ехать просто потому, что ваша дорога жидовская. (Это намек на то, что председателем правления был еврей Блюх.)»¹³¹.

Чтобы потрафить императору, а заодно и наверстать потерянное время, на других участках скорость движения увеличили против расписания. Инспектор движения императорских поездов барон А. Ф. Таубе во время последней остановки перед Харьковом подошел к паровозным бригадам (поезд тянули два товарных паровоза) и в присутствии управляющего Курско-Харьково-Азовской железной дорогой В. А. Кованько посулил машинистам щедрые подарки за молодецкую езду. В ответ на замечание управляющего дорогой, что ускорение хода против назначенного расписания крайне нежелательно, А. Ф. Таубе заявил, что железнодорожный путь в образцовом порядке и поэтому в увеличении скорости поезда нет ровным счетом никакой опасности. В результате случилось то, что рано или поздно непременно должно было произойти.

В 1 час 14 минут пополудни на перегоне уклона насыпи 277-й версты между станциями Тарановка и Борки, при скорости движения императорского поезда около 60 верст в час, произошла катастрофа.

Управляющий дорогой В. А. Кованько, по долгу службы сопровождавший царский поезд, впоследствии рассказывал своему другу Н. Н. Изнару, как вдруг в верхнем углу того отделения вагона, где он сидел на диване, раздался странный звук, как будто ломались корзины, после чего наступила темнота и он явственно слышал, что со всех сторон неслись какие-то тяжелые предметы. Потом опять стало светло, и В. А. Кованько увидел себя по-прежнему сидящим на диване, но уже не в вагоне, а на откосе насыпи. Встав и взглянув наверх, он увидел — поезд стоит на рельсах, но стал значительно короче, чем был. Передний паровоз сошел с рельсов и отклонился в сторону от пути¹³².

В. А. Кованько начал подниматься по насыпи, обогнул паровозы, и перед ним предстала картина страшного разрушения — разбитые вдребезги вагоны лежали на откосе. Сделав несколько шагов, он встретил целого и невредимого императора Александра III с какой-то щепкой в руках¹³³. В катастрофе 21 человек погиб и 36 были ранены¹³⁴. В числе раненых со сломанной рукой оказался и барон К. Г. Шернваль — главный инспектор казенных железных дорог.

Вскоре подали экстренный поезд, которым царскую семью доставили на станцию Лозовая, где был устроен обед и отслужен благодарственный молебен. Раненые проходили курс лечения в Харькове. Там их навестил и расспрашивал о самочувствии сам император Александр III.

Следствие по делу о катастрофе царского поезда возглавил обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената А. Ф. Кони. Главный подозреваемый по этому делу В. А. Кованько от пережитого потрясения совершенно пал духом и на допросах стал заговариваться. Он принялся уверять А. Ф. Кони, что скоро его будут судить военно-полевым судом и обязательно приговорят к смерти. Несчастливого поместили в клинику для душевнобольных, где В. А. Кованько лечился около двух месяцев¹³⁵.

Был вызван для дачи показаний и управляющий дорогами Юго-Западного общества. Допрос С. Ю. Витте производился в кабинете прокурора Харьковской судебной палаты 3 ноября 1888 года. А. Ф. Кони вспоминал, что С. Ю. Витте настойчиво просил выслушать его наедине еще до дачи им показаний. С холодными и дрожащими руками, крайне встревоженный чем-то, С. Ю. Витте сказал ему: «...Мне

предстоит очень важное назначение, зависящее от министров финансов и путей сообщения, которым определится вся моя будущая служебная карьера. Мне не только крайне неудобно, но и совершенно невозможно восстанавливать против себя Вышнеградского или Посьета. Это может разрушить всю созревшую комбинацию. Я не знаю, что делать, прошу у вас дружеского совета. Скажите, как выйти из этого положения? Я решительно не могу рассказать все, что мне известно». Говоря эти слова, С. Ю. Витте был чрезвычайно взволнован, жестикулировал и старался не глядеть в глаза собеседнику. Добрый человек, хотя и прокурор, А. Ф. Кони нашел приемлемый способ облегчить душевные страдания важного свидетеля. По указанию обер-прокурора судебный следователь предложил С. Ю. Витте дать письменные ответы на предварительно составленные вопросы¹³⁶.

«Показание Витте, — пишет А. Ф. Кони, — было дано очень искусно. Ссылаясь на возможность ошибок со своей стороны вследствие субъективности своих взглядов, открепчиваясь от невыгодных или опасных для министра путей сообщения предположений и утверждений и всячески выгораживая Посьета (которому в действительности он передал в Ковеле через Шернвалья [предупреждение] о крайней неправомерности состава и скорости поезда, грозящей несчастьем, на что получил от отходившего ко сну министра чрез того же Шернвалья совет написать о том в департамент железных дорог), Витте тем не менее не мог не указать, хотя и в очень осторожных выражениях, на такие стороны в снаряжении и движении поездов чрезвычайной важности, которые получили огромное значение для дальнейшей экспертизы»¹³⁷.

С. Ю. Витте долго не мог простить А. Ф. Кони пережитого унижения, при встречах был холоден и поглядывал волком¹³⁸. Затем эпизод был забыт, и они сделались если не приятелями, то добрыми знакомыми.

В мемуарной литературе о С. Ю. Витте лучшими являются воспоминания Анатолия Федоровича Кони. Написанные в советское время, они были навеяны опубликованными в берлинском издательстве «Слово» воспоминаниями С. Ю. Витте в обработке Гессена. Когда мемуары А. Ф. Кони вышли из печати, автор получил письмо от крупного российского историка С. Ф. Платонова с лестным отзывом: «...Я видел и слышал Витте несколько раз и потому могу судить о том, насколько Ваша оценка тонка и точна: Витте встает как живой при чтении Вашей книжки»¹³⁹.

В воспоминаниях А. Ф. Кони С. Ю. Витте предстает как весьма противоречивая фигура. С одной стороны, он — че-

ловец, искренне болеющий за свое дело, с другой — законченный карьерист. Историки, руководствуясь личными симпатиями и политическими пристрастиями, выдвигают на передний план либо ту, либо другую сторону этой крупной личности.

Как писал Владимир Иванович Ковалевский, много лет проработавший с ним бок о бок и знавший С. Ю. Витте как никто другой, в суждениях о его нравственной природе очень часто впадают в распространенную ошибку — берут не всю совокупность черт, «...определяющих общую физиономию, а отдельные, чисто случайные проявления внутреннего мира, притом оцениваемые по субъективной мерке, нередко в зависимости от результатов их приложения к данному лицу или случаю. К тому же не всегда делается различие между индивидуальной и общественной нравственностью, между моральными требованиями к частному лицу и государственному деятелю. Границы между этими категориями не были вполне ясны и для самого Витте»¹⁴⁰.

«В нем, — продолжает далее В. И. Ковалевский, — уживались самые расходящиеся моральные черты: великодушие с его оборотной стороной, доверчивость и подозрительность, скрытность и экспансивность, граничащая с болтливостью, добродушие и жалость к людям с эгоизмом и даже жестокостью, серьезность умного и вдумчивого человека рядом с наивностью. Короче говоря — “*mixtum compositum*”»¹⁴¹.

Правильное объяснение довольно противоречивому, если не сказать сомнительному, поведению С. Ю. Витте на следствии по делу о крушении царского поезда есть самое тривиальное. Имея печальный опыт предвзятого судебного разбирательства по делу о тилигульской катастрофе, он не верил, что следствие докопается до истины. В этом он не ошибся — А. Ф. Кони, назначенный руководить следственными действиями, из самых лучших побуждений повернул дело таким образом, что главным виновником оказывалось путейское ведомство, которое содержало свое хозяйство не в должном порядке.

Следствие осмотрело книги правления общества Курско-Харьково-Азовской железной дороги, как пишет А. Ф. Кони, «...для определения доходности предприятия в связи с уменьшением расходов на ремонт». Кто ищет нарушения, тот непременно их находит — увеличение чистого дохода магистрали, всячески поощряемое Министерством финансов (вот к чему С. Ю. Витте вспомнил И. А. Вышнеградского), с 1 млн руб. в 1881 году до 5,5 млн руб. в 1887-м достигалось сокращением штата всевозможных дорожных служб,

употреблением шлака вместо песка для ремонта насыпи, несвоевременной заменой старых шпал на новые...

23 ноября 1888 года А. Ф. Кони сделал доклад о результатах следствия в высочайшем присутствии. Александр III слушал его с таким напряженным вниманием, какого многоопытный судебный деятель никогда еще в своей жизни не встречал. В глазах императора, «...глубоких и почти трогательных, светилась душа, испуганная в своем доверии к людям, беспомощная против лжи, к которой сама была неспособна». Изложив все обстоятельства дела по порядку, начав с неправильного составления императорского поезда, А. Ф. Кони закончил доклад «...сильной, но вполне правдивой картиной выдачи концессий, хищнических действий правления и того безответственного растления служебного персонала, которое создавалось наглым стремлением к наживе, с одной стороны, и формальным отношением Министерства путей сообщения, с другой, приводившим к бессознательному попустительству»¹⁴².

Н. Н. Изнар, дипломированный инженер-путеец, хорошо знакомый как с порядками на русских железных дорогах, так и с обстоятельствами происшествия, вспоминал: «Все следственное производство, или, вернее, заключительная его часть, на основании которой мог бы быть составлен обвинительный акт, было в моих руках, и я с ним подробно ознакомился. Тяжелое на меня произвело впечатление чтение этих документов. Видно было в каждой строчке желание непременно кого-либо обвинить и притянуть к ответственности, но видно было также, что искали виноватых не там, где их могли бы найти. Все стремление следователей и обвинителей свелось к отысканию виновных среди агентов дороги, технического персонала поезда, но не среди лиц, распорядившихся движением поезда совершенно бесконтрольно помимо всего технического персонала»¹⁴³.

Для Н. Н. Изнара, как и для С. Ю. Витте, было абсолютно ясно, что непосредственными виновниками крушения и гибели многих людей были придворные лизоблюды. Как было установлено следствием, в момент крушения состава у большинства вагонов поезда новейшие воздушные автоматические тормоза Вестингауза не действовали. Их отключили — императора раздражал звук, который издавали колеса в момент торможения¹⁴⁴.

Первоначально обвинение, стремясь выгородить высокое начальство из придворного и путейского ведомств, выдвинуло версию гнилых шпал, которые якобы послужили главной причиной страшной катастрофы. Однако, как на грех, на

том самом участке дороги, где случилась трагедия, как раз накануне производилась сплошная смена шпал. Тогда была назначена ученая экспертиза: при помощи приборов профессора определяли, какое нужно усилие, чтобы вырвать забитый в шпалу металлический костыль. «После этого такой же костыль забивался в кусок отборной рудовой сосны, и опять производился опыт на выдергивание. При этом, конечно, получалось, что сопротивление костыля, забитого в рудовую сосну, чуть ли не в полтора раза больше костыля, забитого в обыкновенную шпалу, какие укладываются с самого начала постройки у нас железных дорог. Отсюда делался вывод, что крушение могло не произойти, если бы шпалы были из рудовой сосны»¹⁴⁵.

По личному повелению императора дело было оставлено без последствий. Никто не понес наказания, но адмиралу К. Н. Посьету пришлось уйти в отставку. Его преемником стал военный инженер генерал-лейтенант Герман Егорович Паукер, профессор нескольких учебных заведений по кафедре строительного искусства и механики. Новый министр путей сообщения был большим приятелем И. А. Вышнеградского и во многом походил на него. Прежде всего он был стойким приверженцем порядка, организованности и дисциплины. Как-то раз ему прислали для утверждения проект стропил, предназначавшихся для перекрытия харьковских железнодорожных мастерских. Министр объявил, что теоретическое основание расчетов неверно, и прямо на заседании совета министерства сам принялся рассчитывать стропила.

Г. Е. Паукер полностью поддержал давно вынашиваемое И. А. Вышнеградским предложение о передаче всего тарифного дела в ведение Министерства финансов. При нем создавался специальный Железнодорожный департамент.

Император Александр III, по-видимому, движимый чувством вины за содеянное, предложил назначить главой департамента единственного, кто прилюдно заявлял несогласие с самоуправством высоких придворных чинов — управляющего дорогами Юго-Западного общества, титулярного советника С. Ю. Витте.

Поначалу С. Ю. Витте вообще испытывал сомнение относительно того, стоит ли ему переходить с хорошо оплачиваемой должности управляющего крупнейшей частной дорогой страны на чиновничью должность, пусть даже и довольно высокого ранга. Когда ему было сделано это предложение и в какое время вообще сложился план учреждения специального правительственного органа для контроля над тарифами, в точности неизвестно. Но твердо установлено,

что И. А. Вышнеградский выступил в поход против адмирала К. Н. Посьета из-за финансовых беспорядков на железных дорогах в самом скором времени после того, как был назначен на пост управляющего Министерством финансов, а произошло это в январе 1887 года.

После того как С. Ю. Витте поставили в известность — его назначения желает сам император, он смирился с судьбой. Едва ли кто-либо помимо него мог претендовать на эту должность. К тому же назначение зависело от министра финансов, а И. А. Вышнеградский придерживался самого высокого мнения о своем бывшем подчиненном. Скупой на похвалу, он как-то раз сказал князю В. П. Мещерскому о С. Ю. Витте: «Да, это хорошая голова»¹⁴⁶.

* * *

Идею о том, как в короткое время можно поднять доходность дорог и тем самым понизить, если не совсем устранить, дефицитность русской железнодорожной сети в целом, И. А. Вышнеградскому подкинул С. Ю. Витте. Его план состоял в следующем. Во-первых, нужно внести в тарифное дело порядок. Издать закон, который устранил бы тарифный произвол. Число тарифных схем надлежало сократить до разумного минимума; контроль над тарифами возложить на правительство и сделать так, чтобы ни один тариф не имел законной силы до той поры, пока он не будет опубликован в определенном правительством установленном порядке. Для руководства всей тарифной работой и для наблюдения за всей финансовой частью железных дорог (неоплатных должников Государственного казначейства) в Министерстве финансов создавалось особое структурное подразделение.

11 января 1889 года в Государственный совет за подписями четырех министров — государственного контроля, путей сообщения, финансов и государственных имуществ — поступили два документа: представление о способах осуществления правительственного надзора за железнодорожными тарифами и проект правил о государственном руководстве тарифным делом в империи. 8 марта 1889 года Закон о тарифах был утвержден императором.

Согласно закону, надзор над тарифами, а через них и над доходами железных дорог должен быть сосредоточен не в Министерстве путей сообщения, а в Министерстве финансов, поскольку именно оно отвечает перед держателями железнодорожных облигаций за регулярную выплату причитающегося им купонного дохода.

Департамент железнодорожных дел состоял из тарифного и счетоводного отделений. Помимо того, при департаменте работал межведомственный тарифный комитет из представителей Министерства путей сообщения, Министерства финансов, Министерства внутренних дел и Министерства земледелия. Для подготовки законов, касающихся тарифов, и с арбитражными целями создавался еще и Тарифный совет из представителей разных ведомств под председательством министра финансов.

Директором Железнодорожного департамента был назначен С. Ю. Витте — автор упомянутого тарифного закона. Перейдя на государственную службу из частной компании, он много потерял в заработке. На железной дороге он получал свыше 50 тыс. руб. в год, жалованье директора департамента равнялось 8 тыс. руб. На эту сумму трудно было прожить с молодой и красивой женой. Поэтому помимо казенного жалованья ему было назначено пособие еще в 8 тыс. из личного кошелька императора. «Таким образом, вопреки моему желанию, я начал новую карьеру»¹⁴⁷. В обход всех существующих правил он был произведен из титулярных советников (IX классный чин) сразу в действительные статские советники (IV класс).

На государственной службе перед ним открывалось гораздо более широкое поле деятельности. Именно это С. Ю. Витте всегда считал главным для себя, а совсем не материальные блага, которые он мог приобрести. Даже самые пристрастные недоброжелатели не могли обвинить С. Ю. Витте в корыстолюбии и стяжательстве — пороках, весьма распространенных в чиновной среде. «Полагаю, что все знавшие хорошо С. Ю. Витте могут удостоверить, что никакие миллионы не могли заставить его покривить душою», — заметил осведомленный Н. Н. Изнар. То же мнение высказывал и Н. Н. Покровский, высокопоставленный служащий Комитета министров: «Никогда и ни от кого из лиц, близко знавших С. Ю. Витте, я не слышал, чтобы он в какой-либо мере был нечестным человеком»¹⁴⁸.

Новые тарифные учреждения С. Ю. Витте организовал замечательно быстро и умело. Штат служащих был подобран им из числа людей, которых он хорошо знал по совместной многолетней работе на железной дороге. Важным его достоинством как руководителя было умение поставить нужного человека на должное место (*the right man on the right place*). Нравственные качества сотрудников его интересовали ровно в той степени, в какой они соответствовали их должностям.

Однако если они препятствовали выполнению ими должностных обязанностей, то тут С. Ю. Витте был беспощаден.

Вице-директорами департамента стали Г. С. Якубов, инженер по профессии, хорошо знавший тарифное дело, и П. М. Романов, человек толковый и добросовестный, который ранее служил начальником отделения кредитной канцелярии Министерства финансов.

Членами тарифного комитета были, помимо С. Ю. Витте, два представителя от Министерства финансов (В. В. Максимов и В. И. Ковалевский) и по одному от Государственного контроля (Н. Е. Гиацинтов), Министерства государственных имуществ (А. А. Шульц) и Министерства путей сообщения (Н. Н. Изнар). В. В. Максимов, Н. Е. Гиацинтов, П. М. Романов и В. И. Ковалевский впоследствии сделались ближайшими сотрудниками С. Ю. Витте, когда он сменил И. А. Вышнеградского в должности министра финансов.

Помещение для нового департамента было выбрано на Большой Морской улице, в доме над рестораном Кюба. «Бывало часто, во время вечерних заседаний, в самый разгар прений по какому-нибудь важному вопросу, вдруг врывались в зал заседаний звуки разухабистого мотива, проникавшего из кабинетов, в которых заседала кутящая компания», — вспоминал Н. Н. Изнар¹⁴⁹. Тем не менее работа в новом учреждении под руководством переполненной энергией С. Ю. Витте буквально кипела.

Он немедленно приступил к пересмотру хлебных тарифов, введенных совсем недавно Министерством путей сообщения (с 1 октября 1888 года), возглавил выработку новых правил «честной конкуренции» между дорогами по привлечению грузов и решил массу более мелких вопросов. Заседания комитета вели споро, без излишней суеты и пустых разговоров.

По свидетельству Н. Н. Изнара, «...когда приглашались в заседание представители железных дорог, если кто-либо из них пытался затянуть рассмотрение вопроса излишними разговорами, С. Ю. Витте его останавливал и заставлял близко придерживаться к вопросу. О строгости председателя в этом отношении скоро все узнали, и сами ораторы не рисковали нарываться на замечания с его стороны. Не любил С. Ю. Витте, когда его старались убедить в чем-нибудь статистическими выкладками. На этой почве у него выходили иногда стычки с почтенным М. П. Федоровым, которому он с большим раздражением сказал: “Вы опять, Михаил Петрович, жонглируете цифрами”. При таком составе членов комитета, деловитости и талантливости его председателя работа шла очень ус-

пешно, и в короткий срок было внесено на нашей сети много существенных улучшений в тарифное дело»¹⁵⁰.

Тарифной реформой С. Ю. Витте гордился как своим крупным достижением. Прежде всего он обратил внимание на сельскохозяйственные, и в первую очередь хлебные грузы, которые занимали до 35% всех грузоперевозок по стране. Для регулирования хлебных тарифов при Железнодорожном департаменте было образовано специальное хлебное отделение. 22 мая 1889 года открылся общий тарифный съезд с участием представителей государственных ведомств, транспортников и грузоотправителей. Хлебное отделение и тарифный комитет провели более 100 заседаний¹⁵¹.

Новые хлебные тарифы были утверждены на трехлетие (фактически даже больше — с 15 ноября 1889-го по август 1893 года). Плата за перевозку хлебов по всем железным дорогам была резко понижена (до 35%). Мера эта в советской историографии оценивалась совершенно неправильно — якобы в барышах оставались одни помещики, железные дороги страдали, так как их дефициты росли. На самом деле пониженные тарифы увеличивали грузооборот, наполняли железнодорожные кассы наличными деньгами и, главное, способствовали росту валовой доходности железнодорожных предприятий. Увеличить валовую доходность при малом грузообороте представлялось делом немыслимым. Однако чистая доходность оставалась в целом невысокой по двум причинам: во-первых, часть валовой выручки шла на покрытие дефицитов прежних лет; во-вторых, дорогостоящие промышленные грузы все еще перевозились по русским дорогам в относительно небольшом количестве. Между тем именно они очень сильно влияли на чистую доходность как отдельных обществ рельсовых магистралей, так и всей железнодорожной сети.

Главой департамента С. Ю. Витте пробыл недолго — около трех лет. Вскоре в его карьере наступил очередной крутой поворот.

* * *

Назначение С. Ю. Витте управляющим Министерством путей сообщения в феврале 1892 года явилось для него совершенной неожиданностью. Самые смелые ожидания его не простирались далее должности товарища министра. Когда освободилось место главы министерства, никто всерьез не принимал в расчет С. Ю. Витте — чиновника конкурирующего ведомства.

У императора Александра III имелось несколько подобранных кандидатур на замещение должности министра. Они вызывались им поочередно для беседы. Первому претенденту был задан вопрос: кого он намечает себе в товарищи? Была названа фамилия Витте — компетентен, безупречно честен и весьма энергичен. Второй и третий кандидат также желали иметь его своей правой рукой. Тогда Александр III, уже ни с кем не советуясь, прямо назначил С. Ю. Витте управляющим министерством¹⁵².

Известный журналист, главный редактор газеты «Биржевые ведомости» С. М. Проппер находился в кабинете директора Железнодорожного департамента как раз в тот самый момент, когда было получено известие о состоявшемся назначении.

С. Ю. Витте был тогда еще и руководителем комитета помощи голодающим. Для сбора средств выпускалась специальная лотерея; план первого выпуска этой лотереи был уже разработан, встал вопрос о втором выпуске. По этому делу С. М. Проппер и находился в кабинете у С. Ю. Витте. Только они собрались приступить к работе, которая носила строго секретный характер, вспоминал С. М. Проппер, как в кабинет ворвался служащий, держа высоко в руке голубой конверт, надписанный большими буквами «Его превосходительству управляющему Министерством путей сообщения Сергею Юльевичу Витте».

«Я видел, как Витте побледнел, он хотел подняться со своего места, его члены отказывались служить, и он должен был, глубоко вздохнув, опуститься на стул. Дрожащей рукой он взял письмо и долго не открывал конверт. Я хотел поздравить. Движением руки — говорить он еще не мог, — он попросил меня подождать, подошел к иконе в углу комнаты, перекрестился с глубоким поклоном (Витте был очень религиозен), вновь приблизился к столу, перекрестил надпись на конверте, перед тем как вскрыть его, долго читал отношение министра двора с указом императора; прикрыл на некоторое время глаза рукой, и вновь подняв их искрящимися от счастья, он сказал все еще дрожавшим от волнения голосом:

— А сейчас Вы можете меня поздравить. Я назначен управляющим Министерством путей сообщения.

По русскому обычаю мы трижды поцеловались. Между тем в комнате собрались высшие чины департамента. Здесь были оба вице-директора Романов и Якубов, члены Тарифного комитета Ковалевский и Максимов, секретари Зельманов и Циглер фон Шафгаузен, все — сотрудники Витте со

времени, когда он был управляющим Юго-Западных железных дорог. Поздравления, объятия, оживленное обсуждение планов на будущее и трудных задач, предстоявших новому министру»¹⁵³.

Министру путей сообщения полагалась служебная квартира на Фонтанке. Это была не квартира, а целый дворец, пристроенный к зданию министерства, с собственным выходом в прекрасный Юсуповский сад. Ни один другой царский министр не имел такой пышной резиденции. С. Ю. Витте переехал туда на следующий день после назначения. Почти вся ночь прошла в горячих беседах с С. М. Проппером. Они ходили по огромной комнате со сводчатым потолком и роскошными фресками, вступали в длинные коридоры, странствовали по блестящим покоям, спускались в сад. «Ночь была сухой и безветренной и, несмотря на февраль, почти теплой»¹⁵⁴.

Совсем не планы административных реорганизаций строил новый министр. «Все время Витте развивал свою программу преодоления железнодорожной нужды, помощи голодающему населению, своевременного снабжения голодающего населения посевным зерном. Господа губернаторы о последнем совсем не думали, оставалось лишь несколько недель, чтобы можно было перевести грузы от железнодорожных станций в деревню». Непролазная грязь, как говорил еще император Наполеон, — это в России пятая стихия. «...С приходом оттепели, когда замерзшая земля превратится в грязь, неделями нельзя будет и думать о гужевом транспорте; деревенские жители будут отрезаны от всякого сообщения с железнодорожными станциями, пока солнце вновь не просушит грязь и сельские дороги вновь не станут проезжими»¹⁵⁵.

Много интересного узнал в ту ночь С. М. Проппер. Оказывается, в Тарифном департаменте Министерства финансов тайно от Министерства путей сообщения разработали расписание, согласно которому товарному движению в голодающие губернии должно быть подчинено движение пассажирское. Отставленный министр А. Я. фон Гюббенет, так же как и его предшественник адмирал К. Н. Посьет, более всего заботился о перевозке пассажиров, но не всех, а тех, у кого тугие кошельки. С. Ю. Витте планировал устроить все совершенно иначе. Первостепенная задача общегосударственной важности — помощь голодающим губерниям. Расписание движения уже просмотрено в министерстве и сразу же вводится телеграфной директивой. Для спасения умирающих от голода безвинных земледельцев хороши все средств-

ва. Чтобы снабдить их посевным зерном, министр собирался использовать даже хорошо знакомую ему «бердичевскую гвардию» — еврейских хлеботорговцев губерний Юго-Западного края.

И еще одну новость в ту ночь узнал С. М. Проппер, любопытный, как и все газетчики, — С. Ю. Витте собрался жениться во второй раз. Год прошел после смерти первой жены (в молодом возрасте она скончалась от болезни сердца); одиночество он переносил трудно. Избранница министра — Матильда Ивановна Лисаневич, в девичестве Нурок, была небезызвестна С. М. Пропперу. Она славилась красотой, умом и «особым талантом вести беседу».

Матильда Ивановна вышла замуж, но неудачно, хотя ее муж являлся родным племянником генерал-адъютанту О. Б. Рихтеру, воспитателю царствующего императора, занимавшему пост главноуправляющего Комиссией по принятию прошений на высочайшее имя. Вскоре на горизонте замаячил еще сравнительно молодой, интересный внешне и, главное, очень перспективный вдовец, стремительно делающий административную карьеру, — Сергей Юльевич Витте.

Влиятельный редактор журнала «Гражданин» князь В. П. Мещерский впервые познакомился с Витте в кабинете И. А. Вышнеградского. Князь, большой знаток, ценитель и любитель мужской красоты, увидел перед собой «...высокого роста, хорошо сложенного, с умным, живым и приветливым лицом человека, который всего сильнее впечатлил меня полным отсутствием всякого подобия чиновнического типа; это сказывалось наглядно в отсутствии двух черт, отличающих одного чиновника от другого: деланой приниженности и деланого самопоклонения. Витте мне сразу стал симпатичен своей естественностью, безыскусственностью в проявлении им своей личности. В черном сюртуке, развязный и свободный в своей речи и каждом своем действии, он мне напомнил наружностью английского государственного человека. Я также обратил внимание на тот замечательный внимательно-умный взгляд, с которым он слушал обращенные к нему слова своего министра и потом, в беседах с ним с глазу на глаз, этот же внимательный слушающий взгляд, столь редкий на лицах наших бюрократов, я видел обращенным ко мне»¹⁵⁶.

Произношение С. Ю. Витте было неправильным, к тому же оно имело ярко выраженные южнорусские особенности: «ходатайство», «вёрства», «учёбный», «платформа», «сельские хозяева». В письменной и, по-видимому, устной речи он употреблял просторечные выражения: «втюрнулись в вой-

ну» и т. п. Все это резало слух петербургским снобам. Однако мало-помалу внешняя экстравагантность частью прошла, частью к ней просто привыкли¹⁵⁷.

Как сообщает С. М. Проппер, С. Ю. Витте познакомил с М. И. Лисаневич во французском Михайловском театре директор Горного департамента Константин Аполлонович Скальковский. Его С. Ю. Витте знал по совместным трудам в Барановской комиссии. К. А. Скальковский считался «добрым другом» М. И. Лисаневич¹⁵⁸.

С. Ю. Витте был ею совершенно покорен. Стройная, с серо-зелеными грустными глазами и загадочной улыбкой, блуждающей на устах, она излучала ум и какое-то сверхъестественное обаяние. Чувство С. Ю. Витте усилилось еще больше, когда он выяснил, что Матильда Ивановна отличается строгостью нравственных правил: любовную связь с мужчиной она не представляла вне супружеских уз.

Именно С. М. Пропперу С. Ю. Витте в ту ночь открыл свое сердце: «Прежде всего я люблю эту женщину. Это мое личное дело, и я имею на это право. Сейчас, когда я достиг того, к чему стремился, когда я еще был начальником станции, я хочу, чтобы у меня была своя семья. С моим характером и известным вам отрицанием существующих в обществе условностей мне ни одна женщина из высших сфер не может предложить того, что я ищу. Вы знаете, каким несчастливым был мой первый брак. Я представляю себе трудности, с которыми столкнусь, и я их преодолею»¹⁵⁹.

С. Ю. Витте излил ему сердце не без задней мысли — как узнал С. М. Проппер, он срочно нуждался в 30 тыс. руб. для уплаты отступного мужу М. И. Лисаневич. У министра не было ни поместья, ни хорошей денежной ренты; он жил на жалованье, правда, жалованье хорошее. Неимуший газетчик не мог помочь министру в денежном затруднении. По слухам, С. Ю. Витте выручил директор Русского для внешней торговли банка Френкель¹⁶⁰. Сплетня о том, что Витте выкупил жену у Лисаневича, упорно гуляла по гостиним Петербурга. Называлась, правда, другая, меньшая сумма отступного — 20 тыс. руб.

Влюбленные преодолели все трудности. С. Ю. Витте был вполне счастлив в новом браке. Вторую жену он любил страстно, горячо и нежно. Вместе с женой С. Ю. Витте получил еще и дочь Веру, которую любил как свою собственную. Матильда Витте на самом деле была не только хороша собой, но еще безупречно любезна и очень умна. При этом чисто женского тщеславия в ней было хоть отбавляй. Много лет спустя, уже будучи графиней и в качестве супруги

«первого конституционного премьера» переехав в запасную половину Зимнего дворца, она немедленно заказала почтовую бумагу с золотыми буквами «Palais d'Hiver».

Много переживаний М. И. Витте доставляло то, что ее очень долго, целых десять лет, никак не хотели принимать при царском дворе. Ее муж считал это «...совершенно естественным и совершенно правильным»¹⁶¹. Браки с разведенными женами, да еще еврейками, в царствование высоко нравственного императора Александра III категорически не приветствовались.

По версии С. Ю. Витте, чтобы соединиться с любимой женщиной, он решился идти ва-банк: для очередного всеподданнейшего доклада, помимо документов к императорской подписи, он захватил еще и мотивированное прошение об отставке с поста министра путей сообщения.

Император прошение вернул, заявив, что дело ему известно во всех подробностях и уже одно то, что Витте при всех сопутствующих обстоятельствах твердо решил жениться, говорит о нем как о честном человеке; поэтому он только увеличил к нему свое доверие и уважение¹⁶². Факт очень правдоподобный — прямота характера императора Александра III и его честность общеизвестны. Правдоподобной выглядит и сплетня, пущенная недоброжелателями С. Ю. Витте.

Царь симпатизировал прямым, честным, простым людям, похожим на него самого; он хранил святость семейных уз. Но его отличала некоторая несдержанность в резолюциях — писал первое, что приходило в его бесхитростную голову. Официальное разрешение на совмещение поста министра путей сообщения с женитьбой на разведенной еврейке было дано, но, по слухам, прошение С. Ю. Витте на брак с М. И. Лисаневич император украсил резолюцией: «А хоть бы и на козе!»

* * *

Барон Андрей Иванович Дельвиг, племянник поэта и друга А. С. Пушкина, известный железнодорожный деятель, на склоне лет сообразил, из какого теста в России пекутся министры. Чтобы занять в Российской империи министерский пост, писал он, совершенно необходимо: «а. — Смолodu быть известным государю; б. — Принадлежать к одной из сильных придворных партий, угождая её (sic!) во всем; в. — По месту воспитания, роду службы или другим отношениям принадлежать к тому обществу, из которого берутся люди на высокие должности с тем чтобы хотя с некото-

рыми из них состоять в товарищеских или по крайней мере приятельских отношениях; г. — Иметь такое состояние, чтобы жить наравне со всеми прочими, находящимися в положении, одинаковом с министрами, и, главное, д. — Исполнять со всей покорностью все, чего пожелают государь и, даже предугадывая его желания, приводить их в исполнение»¹⁶³.

С. Ю. Витте отвечал по крайней мере четырем из перечисленных требований. От рождения он принадлежал к знатному роду, был накоротке с многими лицами из ближайшего царского окружения. По крайней мере с 1880-х годов он примыкал и к «партии власти», у знамени которой тогда стояли три человека — К. П. Победоносцев, В. П. Мещерский и М. Н. Катков. Историки ее называют то националистической, то славянофильской, то консервативно-охранительной. Политическая часть программы этой партии выражается в двух словах — неограниченное самодержавие, а экономическая — национальная промышленность.

Несмотря на свою занятость, С. Ю. Витте всегда сохранял живой интерес к политике, отчасти под влиянием своего дяди Р. А. Фадеева, отчасти в силу своей деятельной натуры. С середины 70-х годов XIX века он участвовал в Одесском благотворительном славянском обществе и на почве движения в пользу «единения славян» сблизился с М. Н. Катковым.

События 1 марта 1881 года повергли его, как и многих в России, в состояние шока. Вечером того дня, когда пришла телеграмма с трагическим известием, он с женой находился в театре. Узнав страшную новость, С. Ю. Витте немедленно покинул театр, сел за письменный стол и написал дяде взволнованное письмо, в котором, как он вспоминал много лет спустя, «чувства преобладали над разумом»¹⁶⁴. С. Ю. Витте не был бы самим собой, если бы он ограничился только излиянием на бумагу переполнявших его чувств. Он составил план, с помощью которого предлагал бороться с гидрой революции.

Революционеры, писал он, слишком микроскопическая величина («песчинка»), чтобы огромная государственная машина смогла их сокрушить (С. Ю. Витте уподобил ее кузнечному молоту киевских мастерских Юго-Западных железных дорог). Следовательно, бороться с ними необходимо их же собственным оружием: составить тайное общество из людей безусловно порядочных и на каждое покушение «анархистов» отвечать совершенно адекватно — убийством их самих. Иными словами, око за око и зуб за зуб.

Здесь самое место вкратце остановиться на отношении его к революционному движению. Как и во всех других вопросах, С. Ю. Витте отличал зерна от плевел. В рядах революционеров есть люди, воодушевленные идеями самими что ни на есть возвышенными. К этим людям и к их идеям невозможно относиться только враждебно. С другой стороны, как в революции, так и в контрреволюции участвуют люди, которые движимы исключительно низменными, корыстными интересами. В том, что революционеры совершают кровавые действия, повинны власть предержащие, которые не смогли или не захотели сделать так, чтобы всякая почва для революционного экстремизма исчезла.

Р. А. Фадеев в то время жил в Петербурге, и у него там был своего рода салон, который посещался представителями высшей аристократии. Получив письмо своего племянника, он показал его начальнику дворцовой охраны графу И. И. Воронцову-Дашкову. С. Ю. Витте был вызван в Петербург для беседы. В особняке флигель-адъютанта графа П. П. Шувалова С. Ю. Витте узнал, что его идея воплощена в жизнь — составилось тайное общество под названием «Святая дружина» для борьбы с революционерами всеми возможными средствами. На Евангелии он принес присягу верности этому сообществу, был назначен главным в Киевском районе и получил задание создать сеть ячеек на юго-западе России.

К своим новым обязанностям он относился ревностно, о чем свидетельствуют письма его к министру императорского двора графу И. И. Воронцову-Дашкову. С. Ю. Витте участвовал в некоторых литературных предприятиях «Дружины» и даже получил ответственное задание по участию в организации убийства революционера-народника Л. Н. Гартмана.

Однако весьма скоро С. Ю. Витте убедился, что из всей этой его затеи ничего путного выйти не может. О кровожадных намерениях «дружинников» скоро узнала не только вся Россия, но и Европа: при участии писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина в иностранную печать проникли сведения о том, что «Святая дружина» замышляет убийства русского теоретика анархизма князя П. А. Кропоткина и французского журналиста Анри Рошфора. Последний заслужил смертный приговор за то, что инициировал во французской прессе статьи, сочувственные к русским революционерам. М. Е. Салтыков-Щедрин назвал членов «Святой дружины» «взволнованными лоботрясами» — лучшего они не заслуживали.

Дружине покровительствовал министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев, человек несерьезный — в бытность его

послом в Турции он заслужил там прозвище Враль-паша. Через некоторое время после его смещения, весной 1882 года, дружина была ликвидирована. С. Ю. Витте покинул ее несколько ранее. Из командировки за границу (естественно, никакого покушения на Гартмана произведено не было) он вернулся полностью разочарованным — за каких-нибудь полгода «Святая дружина» обратилась «...в самое по меньшей мере смешное, если не постыдное учреждение», наполненное субъектами, которым порядочные люди руки не поддают. Он направил письмо И. И. Воронцову-Дашкову с оригинальным планом реорганизации «Святой дружины», предложив открыть забрало — опубликовать список членов общества и его программу в «Правительственном вестнике» и других изданиях. «Так как в этом случае имена всех этих лиц станут известны анархистам и революционерам, то, конечно, эти последние направятся прежде всего на всех нас, а поэтому я уверен, что масса лиц, даже, вероятно, большинство не пожелают участвовать в обществе и откажутся от того, чтобы их фамилии были опубликованы; таким образом, общество очистится от дурных элементов». С. Ю. Витте предупредил графа, что ждет ответ на свое предложение месяц. Если ответ не получит, то он будет считать себя вышедшим из членов «Святой дружины». Естественно, ответа никакого не последовало, и С. Ю. Витте отослал графу все документы организации, которые находились у него. «Тем эта смешная история — постольку поскольку я в ней участвовал, — и кончилась»¹⁶⁵. Конец ее не только смешной, но и грустный.

К «Святой дружине» был причастен дядя С. Ю. Витте Р. А. Фадеев — горячий поборник идеи «живого народного самодержавия» без бюрократии, но с земскими соборами. Эта идея, пропагандировавшаяся в заграничных изданиях «Дружины», по-видимому, должна была сделаться и ее идейной платформой. С проектом земских соборов носился министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев. Но она была отвергнута на самом верху, а Игнатьев получил от императора коротенькое письмо: «Вместе мы служить России не можем», означавшее отставку. Вскоре бывшие единомышленники стали покидать Р. А. Фадеева. После ликвидации «Дружины» он вернулся в Одессу к сестре, где скончался в конце 1883 года.

Участью С. Ю. Витте в делах и днях «Святой дружины» отведено немало интересных страниц в замечательной книге Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина «С. Ю. Витте и его время». Нам же остается добавить одно — сентенцию самого

Сергея Юльевича, запечатленную на страницах его «Воспоминаний»: «Нет также такого честнейшего и благороднейшего человека (конечно не святого), который когда-либо дурно не помыслил и даже при известном течении обстоятельств не сделал гадости... Нет такого умного, который когда-либо не сказал и не сделал чего-либо глупого».

* * *

В 1880-е годы С. Ю. Витте печатался под своей фамилией и под псевдонимами в изданиях «почвеннической» направленности. Печататься в изданиях славянофильского направления еще не значит принадлежать к нему умственно и духовно. К тому же один из самых светлых умов в нашей истории, каким был и остается Александр Иванович Герцен, призывал не забывать, что противоположность между западничеством и славянофильством имеет относительный (в значении несерьезности) характер. Две стороны одной медали — так он отозвался об этих двух направлениях русской общественной мысли.

Славянофилы привлекали многих честных людей (например, В. Г. Белинского) своим живым национальным чувством и искренним, незамутненным патриотизмом. Но эти чувства не всегда бывают окрашены в романтические тона. Многочисленные и разнообразные неурядицы русской жизни вызывали у С. Ю. Витте совсем не романтические переживания. «Витте был патриот, любил русский народ, хотя и недостаточно знал его»¹⁶⁶. К сожалению, В. И. Ковалевский, автор этого верного суждения, не указал на критерии достаточности знания упомянутого народа.

Весьма прогрессивная идея создания национальной промышленности отстаивалась М. Н. Катковым, который у нас долгое время почитался за охранителя и вообще врага прогресса. Но ее поддерживали и люди, которых никак не назовешь реакционерами, например Д. И. Менделеев.

Карьера С. Ю. Витте в русском чиновном мире конца XIX века считалась поразительной: из титулярных советников — одним скачком сразу в статские советники; едва сделавшись директором департамента и получив свой первый орден (Станислава) — сразу в управляющие министерством. Действительный статский советник — министр! Его находили грубым, неотесанным: в заседаниях он сидел развалившись, с обоими локтями на столе, говорил сильным голосом, каким-то совершенно необычным языком, со странным акцентом и необыкновенными ударениями.

Одной из отличительных сторон его характера была страстность. Он сильно привязывался к людям, но если человека долго не было рядом, он окончательно о нем забывал. С. Ю. Витте обладал способностью сильно желать и добиваться своей цели во что бы то ни стало¹⁶⁷.

Придворные сплетники пустили слух, что якобы С. Ю. Витте из честолюбия подселел И. А. Вышнеградского, коварно спихнул его с места, которое тот занимал по полному праву. Именно так истолковала поступок С. Ю. Витте во время высочайшей аудиенции небезызвестная Александра Васильевна Богданович, хозяйка великосветского петербургского салона. Ее дневник, впервые изданный еще в 20-х годах XX века, до сих пор историки используют с полным доверием.

Истина состоит в том, что после ухода И. А. Вышнеградского он был едва ли не единственным реальным претендентом на пост главы финансового ведомства — один из ключевых в административной иерархии царской России. Это было ясно многим, в том числе и императору, который вовсе не был таким ничтожеством, как его долгие годы изображали в советской историографии. К тому же, как сообщает информированный Ф. Г. Тернер, когда И. А. Вышнеградский рекомендовал С. Ю. Витте на должность директора Департамента железнодорожных дел, он указывал на него как на будущего кандидата на пост министра финансов¹⁶⁸. Мнение Л. Е. Шепелева о неподготовленности С. Ю. Витте к занятию должности главы финансового ведомства ошибочно¹⁶⁹. И. А. Вышнеградский сразу стал рассматривать его в качестве своего будущего преемника и держал в курсе своих дел, в частности, операций по конверсии государственных займов¹⁷⁰.

С. Ю. Витте был душевно привязан к И. А. Вышнеградскому. Всю свою жизнь он испытывал к императору Александру III самое искреннее уважение как к государственно-му деятелю и самые искренние симпатии как к человеку. «Император Александр III был очень простой, скромный и тихий человек, с очень мягкими манерами...»¹⁷¹ «Он производил впечатление своей импозантностью, спокойствием своих манер и, с одной стороны, крайней твердостью, а с другой стороны — благодушием в лице»¹⁷².

«...Император Александр был совершенно обыденного ума... по наружности — походил на большого русского мужика из центральных губерний, к нему больше всего подошел бы костюм: полушубок, поддевка и лапти; и тем не менее своей наружностью, в которой отражался его громадный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и вместе с тем твердость, несомненно, импонировал, и, как я

говорил выше, если бы вы не знали, что он император и он вошел бы в комнату в каком угодно костюме, — несомненно, все обратили бы на него внимание. Поэтому меня не удивляет то замечание, которое я, помню, сам слышал от императора Вильгельма II, а именно, что он завидует царственности, самодержавной царственности, которая проявлялась в фигуре Александра III»¹⁷³.

Человек средних умственных способностей и скудного образования, Александр III отличался здравомыслием — качеством, едва ли не более ценным у государственного деятеля, чем способность к анализу и синтезу. Он был еще и человеком, не лишенным чувства чести, справедливости и внутреннего благородства. Александр неплохо разбирался в людях, и в его окружении появлялись незаурядные фигуры. С другой стороны, выбор у императора, в силу обстоятельств «гатчинского затворника», не был особенно велик. Правящий класс к тому времени уже оскудел талантами, и С. Ю. Витте оказался одним из немногих, кто еще был способен на большие дела. С другой стороны, простоватость императора, наглядно проявлявшаяся в его знаменитых теперь резолюциях, очень сильно навредила ему в глазах потомков. Будучи довольно деликатным в повседневном общении человеком, Александр III мог публично сделать подданному замечание.

С. Ю. Витте запомнился следующий эпизод. Во время похорон великой княгини Екатерины Михайловны из Михайловского дворца процессия шла в Петропавловский собор, где должна была состояться служба по усопшей. Певчие шли впереди гроба, перед духовенством; за гробом все время пешком шел император Александр со свитой и всеми высшими лицами государства, в числе которых был и С. Ю. Витте. «Когда мы вошли в Петропавловскую крепость, духовенство и певчие остановились около собора, и вдруг я вижу, что у певчих крайне засаленные и замаранные одеяния, на что обратил внимание и император, которого это ужасно покорило».

Когда митрополит (а в то время митрополитом был Палладий) отслужил литию и должен был войти в собор, император подошел к Палладию и сказал ему: «Посмотрите, владыко, как певчие одеты, — ведь это просто постыдно». Этот бедный старец, Палладий, весь затрясся»¹⁷⁴.

Несдержанностью императора Александра III и объясняется поведение С. Ю. Витте во время неожиданного заболевания министра финансов.

Крайне напряженная работа подорвала здоровье

И. А. Вышнеградского. Помимо этого, на него посыпались обвинения в том, что его финансовая политика повлекла за собой страшный голод 1891 года. По гостиним пошла гулять сказанная им когда-то неосторожная фраза по поводу русского хлебного экспорта: «Недоедим, а вывезем». Во время заседания департамента Государственного совета, где Вышнеградский делал доклад, ему стало плохо, и он, прервав выступление, уехал домой. Как сообщает В. И. Ковалевский, «...у него в 1892 году явилось так называемое “двойное зрение”: при чтении бумаг для представления на другой день у Александра III ему показалось, что каждая строка написана два раза»¹⁷⁵.

На следующий день, несмотря на болезнь, он отправился со всеподданнейшим докладом в Гатчину. В поезде его повстречал С. Ю. Витте, который в тот день недели также должен был представлять всеподданнейший доклад. Он обратил внимание на то, что И. А. Вышнеградского сопровождает врач, что он нервен и что он говорит странные речи. На вопрос коллеги о цели поездки И. А. Вышнеградский начал объяснять, что ехать к императору на доклад есть долг каждого министра и министр не может отказаться от поездки к своему государю точно так же, как военный человек не имеет права отказываться следовать на войну¹⁷⁶. Из боязни, что несдержанный император может сделать ему во время доклада бестактное замечание, из-за которого И. А. Вышнеградскому будет совсем плохо, С. Ю. Витте решил предупредить царя о болезни министра финансов заблаговременно. Его поступок получил огласку и был истолкован светской чернью как проявление самого беспринципного карьеризма.

Прибыв в царскую резиденцию, И. А. Вышнеградский едва смог дойти до стола императора, где тот принимал доклады. Уже предупрежденный о случившемся, Александр III уговорил Ивана Алексеевича ехать домой, сказав ему, что он может доложить о текущих делах, как только поправится. С. Ю. Витте немедленно вызвал к больному из Москвы терапевта доктора Захарьина. Прославленный своими чудачествами, доктор Захарьин вел себя с Вышнеградским чрезвычайно просто и естественно. Поговорив со знаменитым эскулапом, Ф. Г. Тернер убедился, что доктор человек очень умный и тонкий, который хорошо знает, с кем как себя вести¹⁷⁷.

И. А. Вышнеградскому был предоставлен отпуск для лечения, а исполнение обязанностей министра финансов было возложено на его заместителя Ф. Г. Тернера. Его С. Ю. Витте аттестует как человека замечательной порядочности, чес-

ти и благородства, «но с немецким неповоротливым умом; он во всех делах замечал блох и не видел слонов»¹⁷⁸.

Возвратившись из отпуска и получив высочайшее повеление приступить к своим обязанностям, И. А. Вышнеградский представил императору план реорганизации своего министерства. Он предлагал выделить из Министерства финансов Департамент торговли и промышленности, Таможенный департамент, передать их в Министерство путей сообщения, из которого образовать новое Министерство торговли и промышленности. Усеченное Министерство финансов он собирался передать Ф. Г. Тернеру, оставив за собой общее руководство. По всей видимости, умственные способности Ф. Г. Тернера Вышнеградский оценивал примерно так же, как и С. Ю. Витте, раз он собирался сделать-ся по отношению к нему как бы губернатором.

Станный план министра финансов одобрения царя не получил, хотя в этом плане было несомненное рациональное зерно — выделение в самостоятельное министерство подразделений, ведавших промышленным развитием страны. И. А. Вышнеградский получил почетную отставку. Его пост Александром III был предложен С. Ю. Витте, который ответил в том смысле, что готов сделать все, что прикажет самодержец и его согласия тут не требуется. Некоторое время император по каким-то причинам еще колебался. «Только через несколько недель, 30 августа 1892 года, я получил указ о назначении меня министром финансов» — читаем мы в мемуарных записях С. Ю. Витте. На самом деле он был назначен не министром, а управляющим Министерством финансов, своего рода стажером на министерскую должность. Полноправным министром он назначен 1 января 1893 года с одновременным производством в тайные советники (III класс по Табели о рангах).

* * *

Владимир Иванович Ковалевский делит пребывание С. Ю. Витте в должности министра финансов на два периода, рубежом между которыми называет 1900 год. Сам Сергей Юльевич, судя по его биографическим заметкам, склонен придерживаться иной периодизации. «Золотое время» его как министра продолжалось примерно до 1896 года, когда впервые возникло разногласие с августейшим начальником; разрастаясь, оно переросло в скрытый конфликт, который закончился почетной отставкой С. Ю. Витте в 1903 году.

Немало язвительных строк отведено Николаю II в «Вос-

поминаниях» С. Ю. Витте. При всех несомненных человеческих достоинствах последнего российского императора — воспитанности, вежливости, недюжинном уме — ему не хватало простого здравого смысла. В высшей степени неразумно отстранять от власти людей незаурядных и способных к продуктивной государственной деятельности, для того чтобы сменить их приспособленцами, глупцами и карьеристами.

В воспоминаниях бывшего директора Департамента полиции А. А. Лопухина есть намек на то, что С. Ю. Витте не исключал возможности насильственного устранения императора Николая II от власти. Может быть, что-то подобное и было сказано в запальчивости — С. Ю. Витте был способен, как и всякий смертный, на опрометчивые слова и поступки. Но все то, что мы знаем о С. Ю. Витте, все его поступки говорят в пользу его безусловной лояльности по отношению к императору и преданности самодержавию.

Его политические взгляды впервые, по-видимому, были им изложены в 1901 году в письме князю В. П. Мещерскому. Император тогда находился во Франции, и французская социалистическая печать использовала этот визит как повод для разносторонней критики существующих в России порядков. В ответ на возмущение В. П. Мещерского этой критикой С. Ю. Витте заявил, что душой он возмущается статьями социалистической прессы Франции, но рассудком их понимает и даже считает неизбежными. Почему? А потому, что «...в душу человека вложена идея справедливости, которая не мирится с неравенством — с бедствием одних в пользу других, — от каких бы причин сие ни происходило. В сущности, по моему убеждению, это корень всех исторических эволюций. С развитием образования народных масс — образования не только книжного, но и общественного (железные дороги, воинская повинность, пресса и проч.) — сказанное чувство справедливости, вложенное в душу человека, будет все более и более расти в своих проявлениях»¹⁷⁹.

В том случае, если власть пытается противодействовать этой поступательной исторической эволюции, общественные перевороты закономерны и неизбежны. «Эти проявления могут являться и в формах закономерных, если законодательство считается с этими естественными проявлениями, и в формах эксцессов, если этому чувству не дается закономерного выхода (гильотина, санкюлоты, разрывные бомбы), в формах возмутительных, но едва ли устранимых»¹⁸⁰.

Пробуждение масс к общественной жизни С. Ю. Витте связал с социалистическим движением. «Везде социализм

делает громадные успехи, в Германии он более научен и серьезен, а потому, может, и более опасен. Это, как я вам писал, неизбежное, по моему убеждению, течение, в основе исходящее из природы вещей. Его не минешь»¹⁸¹. Спасение в одном — в самодержавии, но таком, которое будет стоять на страже интересов народной массы и действовать для общего блага¹⁸².

«...Многие, как прежде, так и теперь не понимают, что сила царя, как и всякого монарха, в своего рода таинстве — секрете, недоступном познанию людей, наследии, наследственности... Никто ближе меня не знает Николая II, никто лучше меня не знает его пороки и слабости как государя, но тем не менее я по убеждению, как перед Богом, говорю, что не дай Господь, если что-нибудь с ним случится. Любя Россию, я ежедневно молю Бога о благополучии императора Николая Александровича, ибо покуда Россия не найдет себе мирную пристань в мировой жизни, покуда все расшатано, она держится только тем, что Николай II есть наследственный законный наш царь, т. е. царь милостию Божией, иначе говоря — природный наш царь. В этом его сила, и в этой силе, дай Бог, чтобы Россия скорее нашла свое равновесие. Покуда правительство есть правительство государя, т. е. покуда государь был неограниченный, покуда он, как теперь, будет самодержавный, покуда в России не будет парламентаризма, нападающие не на отдельные личные действия министров, а на их государственную деятельность нападают тем самым на императора»¹⁸³.

Сомнений в искренности автора этих проникновенных строк нет абсолютно никаких. Работая в полную силу на ответственном посту министра финансов, С. Ю. Витте старался привести российский государственный корабль в мирную гавань, где войны и революции не грозили бы ему крушением.

Глава третья
МИНИСТР ФИНАНСОВ

«Не налагать руку на самостоятельность, а развивать ее...»

Служебная квартира министра финансов помещалась в здании министерства на Мойке. Апартаменты состояли главным образом из гостиных: «голубой», «красной», бильярдной комнаты, зимнего сада и др. Жилых помещений почти не было. Чтобы попасть из спальни в служебный кабинет, находившийся в самом конце квартиры, С. Ю. Витте приходилось идти пешком чуть ли не через всю Мойку.

Меблировка комнат была самая обыкновенная. Матильда Ивановна разыскала на чердаке министерского дома множество прекрасной старинной бронзы, которой украсила голые громадные помещения. Но по-домашнему уютно было только там, где стояла собственная обстановка супругов Витте. Министр финансов был совершенно неумолим в расходовании казенных денег на личные нужды. Смета на ремонт министерских апартаментов им урезалась до самой последней степени.

Рабочий день С. Ю. Витте начинался в 8.30, когда за чашкой кофе он успевал быстро просмотреть свежие газеты. В 9 часов министр уже был в рабочем кабинете и занимался делами. С. Ю. Витте был в общем-то равнодушен к комфорту и удобствам; он почти ничего не переменял в кабинете своего предшественника. Большое помещение было обставлено шкафами с книгами и бумагами, кожаная мебель придвинута к стене — во время работы министр любил расхаживать взад-вперед по комнате. Стены украшали портреты российских императоров. Огромный письменный стол был завален бумагами. Вокруг стола стояли деревянные стулья для посетителей.

Чиновники министерства боялись своего шефа. Директор одного из департаментов всегда принимал порцию успокоительного лекарства, прежде чем идти к министру на доклад. Как руководитель С. Ю. Витте был строг и требователен, в обращении резок. Несмотря на все это, подчиненные его це-

нили и даже любили. Во-первых, за уважение к чужому труду. Во-вторых, за подлинный, а не показной, демократизм в обращении: С. Ю. Витте совершенно одинаково относился к людям, будь то рабочий, канцелярский служащий или титулованный сановник. В-третьих, за сверхчеловеческую работоспособность. С. Ю. Витте трудился ежедневно с утра до позднего вечера и без выходных. Единственная поблажка, которую он себе позволял, — это ежедневный час езды верхом в манеже. От продолжительных пеших прогулок пришлось отказаться за недостатком времени, а зимой еще из-за частых простуд. Собственной загородной резиденцией (или дачей) С. Ю. Витте не обзавелся за ненадобностью. Вся жизнь министра финансов была посвящена работе и заведена как часы. В трудах он не щадил ни времени, ни собственного здоровья. Каждый вечер перед отходом ко сну он прочитывал главу из Евангелия, которое всегда лежало на столике у изголовья его кровати.

На обеденный перерыв отводилось всего 20 минут, и то за семейный стол приглашались посетители, которых министр хотел видеть, но не смог принять в течение дня. В еде С. Ю. Витте не был привередлив, но хороший стол любил. За обедом министр взбадривался шампанским, предпочитая его всем другим горячительным напиткам. После обеда подавался кофе, за которым продолжалось обсуждение текущих вопросов. С. Ю. Витте говорил сжато и кратко; вздорные мысли и пустословие совершенно выводили его из себя, и он становился резок до грубости. Матильда Ивановна по мере сил старалась смягчать резкость мужа.

Рабочий день министра продолжался не менее 12 часов. За это время он успевал встретиться со многими людьми, прочесть кипу бумаг, отдать массу распоряжений и указаний о направлении тех или иных дел. Заметки С. Ю. Витте на полях документов показывают, как внимательно он читал и как быстро схватывал суть любого вопроса. В делах его интересовали руководящие идеи и общее направление, к мелочам он никогда не придирался. Однако при необходимости он вникал во все подробности, как это было в 1894 году при работе над проектом нового торгового договора с Германией. Тут для него не было мелочей и частных дел. Для разработки многочисленных и сложных вопросов таможенного тарифа С. Ю. Витте образовал комиссию из авторитетных профессоров учебных заведений. Ее украшением стал Д. И. Менделеев. В комиссию передавались все материалы, доставлявшиеся специальными курьерами из Берлина от агента Министерства финансов В. И. Тимирязева. Решения

по докладам комиссии принимались министром без задержек. С. Ю. Витте очень спешил как можно скорее подписать выгодный договор с Германией — главным торговым партнером России.

«Работать с ним, — вспоминал В. И. Ковалевский, — было и приятно, и легко. Усваивал он новый предмет, что называется, на лету. К ближайшим сотрудникам он относился с большим доверием и предоставлял им широкую самостоятельность и большой почин. За час — полтора времени проходило в его кабинете немало докладов. Шаблонные он пропускал либо молчаливым кивком головы, либо лаконическим “далее”. К возражениям Витте, вообще говоря, относился терпимо; основательные доводы и твердая, по его убеждению, защита на него действовали. Нервность у него проявлялась разве в тех случаях, когда он связывал себя словом дать определенное направление делу, а между тем встречал возражения со стороны своих товарищей по работе»¹.

Министр проявлял полное равнодушие к собственной внешности, и если бы не жена, то ходил бы, наверное, в обтрепанной одежде и стоптанных сапогах. Чувства его с годами не потускнели. Он сильно переживал, когда ее не было рядом. Уцелели и хранятся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге более 100 писем С. Ю. Витте к жене. Вот отрывок одного из них, написанного в январе 1897 года: «Мой ангел, не беспокойся, моя ненаглядная. Ты, конечно, знаешь, как я теперь жажду быть с тобою, именно твоим мужем. Если бы это было ранее, когда я терзался, когда я плакал, как ребенок, через тебя и за тобою, то мне тогда было счастьем покончить с собою. Но теперь у меня есть то, что меня привязывает к жизни, это ты»². Как мог, С. Ю. Витте старался скрасить монотонную жизнь Матильды Ивановны. Ежедневно министр выкраивал полчаса времени, чтобы поговорить с женой и сыграть с ней партию в безик. Время, которое он проводил в ее обществе, было его единственной отрадой. М. И. Витте отлично вела дом и, можно сказать, посвятила собственную жизнь своему выдающемуся мужу. Она была его верной спутницей по жизни. Никто так не радовался успехам С. Ю. Витте, как она.

С. Ю. Витте был сильно привязан и к приемной дочери, красавице Вере. Он часто рассказывал ей, пока она была маленькая, какие-нибудь случаи из своего детства на Кавказе. Рассказчиком он был отменным.

Министр финансов всегда был рад приезду из провинции

своих университетских товарищей. В их компании он с наслаждением пускался в воспоминания о молодости³.

С членами императорской фамилии у С. Ю. Витте сложились весьма прохладные отношения, исключая великих князей Михаила Александровича и Владимира Александровича. Министр финансов решительно пресекал все попытки знатных персон обогатиться незаконным путем. Как-то раз два великих князя задумали учредить золотопромышленную акционерную компанию. Директор Департамента торговли и мануфактур В. И. Ковалевский дал отрицательное заключение по делу — принцы крови, почти все занимавшие высокие государственные посты, по закону не могли становиться учредителями либо состоять на службе в акционерных обществах. Великие князья от своего не отступились и создали все-таки компанию с учредителями из подставных лиц. Во время обсуждения ее устава в Комитете министров С. Ю. Витте разразился горячей филиппикой, в числе прочего заявив, что нельзя допускать создание акционерных обществ с явно спекулятивными намерениями и подставными лицами⁴. Впрочем, он иногда уклонялся от ратоборства с влиятельными персонами, если того требовал государственный или его личный интерес. К просьбам частных лиц министр финансов относился благосклонно, если эти просьбы облегчали проведение в жизнь его планов. Особенно трудно было ему отказывать своим старым друзьям по Киеву и Одессе — они оказывали ему услуги собиранием ценных фактов, сообщением важных для него слухов и разоблачением интриг⁵.

В должности министра финансов С. Ю. Витте узнал, что собой представляет петербургская знать на самом деле. «Они отличаются от обыкновенных людей не столько большими положительными качествами, как большими качествами отрицательными. На свете, конечно, много есть алчных людей, даже большинство людей алчно, так как это чувство до известной степени есть закон природы, это есть самозащита, — у знати чувство же это в сто раз больше, чем у обыкновенных людей. Если обыкновенный человек эгоистичен и алчен, то он эгоистичен и алчен вследствие сознания, что ему нужно жить, что иначе он, а если не он, то его семейство, — умрет, что нужно обеспечить жизнь своего семейства. У знати же алчность очень часто является из-за любви к богатству, из-за любви к роскоши, из-за любви к власти внешней, которую это богатство дает. Мне приходилось видеть таких знатных лиц, которые при различных высочайших выходах, высочайших балах держат себя так важ-

но, что со стороны кажется, что к ним подобраться нельзя, а между тем эти же самые лица в моем кабинете из-за какой-нибудь денежной выгоды — из-за 10 тысяч или 100 тысяч рублей — готовы ползать чуть ли не на коленях, оказывая мне всякое ухаживание и проявляя всякое подобиострастие. Я не говорю это в отношении всех лиц; между ними, конечно, есть много лиц и семейств в высокой степени порядочных, благородных и честных, вполне достойных того высокого имени, которое они носят, но многие из них — величайшие лицемеры, подлецы и негодяи, а в особенности жадны бесконечно!»⁶

По пятницам министр финансов отправлялся в царскую резиденцию для текущего доклада императору по делам, которые требовали высочайшей резолюции. Сначала в Гатчину, к Александру III, а затем в Царское Село, где затворничал в кругу семьи под надежной охраной его царственный сын. Докладывать надлежало в парадном облачении. Для военных это был сюртук, для штатских министров — мундирный фрак при белом галстуке и ленте.

Большая часть всеподданнейших докладов С. Ю. Витте пришлась на Царское Село. Туда министров доставляли специальным поездом. На вокзале в Царском высокопоставленных визитеров ждали придворные кареты, которые везли их прямо в Александровский дворец. Дворец и парк вокруг него охранялись усиленно: у каждого из многочисленных ворот, хотя и запертых, стояло по вооруженному солдату и по одному или два полицейских из дворцовой охраны. По периметру ограды парка разъезжали вооруженные гвардейские казаки таким образом, что весь круг ограды находился под непрерывным наблюдением. У главных ворот дежурила группа полицейских, которая отбирала пропуск у сидевшего на козлах кареты дворцового лакея. Внизу дворцовой лестницы министра ждал младший швейцар. Он принимал у него портфель с бумагами к высочайшей резолюции. В сенях министра встречали старший швейцар и скороход, который брал портфель и нес его в царскую приемную. Двери приемной охраняли два гвардейских казака.

После доклада, занимавшего от нескольких минут до нескольких часов, министру полагался завтрак с гофмаршальского стола. О завтраках времени императора Александра С. Ю. Витте был невысокого мнения, говоря, что таким столом можно испортить себе желудок. Николай II больше внимания уделял удобствам личной жизни, и придворная кухня, можно думать, несколько улучшилась. Завтракать министров возили в Большой дворец, где каждому предостав-

лялся небольшой апартамент для приема пищи и последующего отдыха. Завтрак подавался на небольшом столике в гостиной, рядом была спальня с кроватью, всегда постланной и накрытой стеганым шелковым одеялом. Во всех апартаментах стоял большой письменный стол с принадлежностями для работы. Гофмаршальский завтрак был довольно простой для тех времен, почти домашний: закуска с двумя графинчиками водки, английской горькой и русской очищенной, порция свежей икры и порционное холодное мясо, неизменная чашка пресного бульона с пирожками. Затем шло рыбное блюдо (обычно гатчинская форель) и мясное — бифштекс, котлеты с зеленью либо что-то другое в том же роде. На сладкое предлагалось мороженое, компот и выпечка. На стол ставились вина: херес, мадера и т. п. После завтрака подавался кофе⁷. Официантам, прислуживавшим министру во время трапезы, полагалось три рубля на чай, столько же всякий раз получали придворный кучер и лакей.

Работал министр финансов год от года со все возрастающим напряжением, а жалованье его при этом оставалось неизменным — 17 640 руб. в год. Его заместители получали по 12 800 руб. От императора министру полагалось еще и регулярное вознаграждение, именуемое по старинке «арендой», хотя выплачивалось оно наличными деньгами по 4 тыс. руб. в год. Оформлялась аренда именным высочайшим указом на шестилетний срок и выдавалась из денежных средств Государственного казначейства⁸.

* * *

Министерство финансов было одним из самых больших ведомств в системе государственного управления Российской империи. В его ведении находились государственный бюджет и все дела по государственному кредиту. До 1905 года, когда было учреждено специальное министерство, оно занималось и вопросами торгово-промышленной политики страны.

Права и обязанности министра определялись наказом, изданным еще в 1811 году. Ему одному принадлежала вся совокупность исполнительной власти в области государственных финансов. В его непосредственные обязанности входили составление ежегодного бюджета и подготовка проектов законодательных актов, относящихся к промышленности и торговле.

При министре финансов состояли заместители, совет министра и ряд органов частью совещательного, частью адми-

нистративного характера для коллегиального обсуждения текущих вопросов. Это Совет по делам казенной продажи питей, Совет по железнодорожным тарифным делам, Комитет по железнодорожным тарифам, Особое присутствие по вопросам применения железнодорожных тарифов, Главное присутствие по фабричным и горнозаводским делам, Совет торговли и мануфактур, Совет по делам торгового мореплавания и Совет по учебным делам.

В совет министра входили его заместители, начальники структурных подразделений министерства, командир отдельного корпуса пограничной стражи и особые члены, назначаемые по представлению министра императором. Совет министра был также своего рода дисциплинарным органом для наложения взысканий на чинов министерства либо для предания их суду.

При Александре III министру финансов полагался только один товарищ. И. А. Вышнеградский настойчиво просил себе второго, но безуспешно — император неизменно отказывал. Аргументы С. Ю. Витте действовали на царя сильнее — с 7 сентября 1892 года у министра финансов было уже два заместителя (А. П. Ивашенков и А. С. Ермолов), а с 1900 года — целых четыре (П. М. Романов, В. И. Ковалевский, М. Д. Дмитриев и князь А. Д. Оболенский). Объем работ, выполняемых Министерством финансов, год от года увеличивался.

Собственно Министерство финансов включало девять структурных подразделений. Общая канцелярия ведала личным составом и делами общего характера. При ней состоял ученый комитет, занимавшийся составлением и анализом различных финансовых проектов, а также изучением финансового дела за рубежом, и юрисконсультская часть.

Особенной канцелярии по кредитной части (кредитной канцелярии, как ее чаще называли) подчинялись Экспедиция заготовления государственных бумаг, Монетный двор и Государственная комиссия погашения долгов, которая вела государственные долговые книги. Особенная канцелярия фактически управляла всем фондовым рынком страны.

Эмиссия (выпуск в обращение) и последующая циркуляция не только государственных, но и частных ценных бумаг — акций и облигаций — строго и тщательно контролировались кредитной канцелярией и лично министром финансов. Взять, к примеру, ипотечный кредит. Каждый выпуск ипотечных облигаций, которые заемщики получали в счет ссуд, должен был обеспечиваться заложенными в банке недвижимыми имуществами рубль в рубль. Для полного и неусыпного контроля за текущей работой акционерных

земельных банков — главных эмитентов частных ипотечных облигаций — С. Ю. Витте ввел в состав их правлений уполномоченных от Министерства финансов с правом приостанавливать те административные распоряжения, которые вступали в противоречие с их уставами. Ипотечный кредит тогда носил не потребительский, как в наши дни, а исключительно производительный характер. Он был важным источником снабжения крупных землевладельцев и домовладельцев необходимыми оборотными средствами.

Работы для чиновников кредитной канцелярии прибавилось после того, как в апреле 1902 года С. Ю. Витте провел закон, предоставивший министру финансов право назначать правительственные ревизии акционерных земельных банков и городских кредитных обществ (кредитных кооперативов городских домовладельцев, которые были созданы во многих крупных городах России)⁹. К акционерным банкам, коммерческим и ипотечным, министр финансов всегда питал нескрываемое подозрение: «Что касается частных кредитных учреждений, то над деятельностью их признавалось необходимым иметь зоркое наблюдение, дабы направлять их на развитие операций, наиболее полезных для народного хозяйства, и всемерно удерживать от операций, для народного и финансового хозяйства вредных»¹⁰. Школу кредитной канцелярии прошли такие воротилы русского финансового капитала, как Александр Иванович Вышнеградский, Александр Августович Давидов и Алексей Иванович Путилов — ученики С. Ю. Витте и его близкие сотрудники.

Департамент государственного казначейства (директор И. П. Шипов) ведал приходом и расходом денежных сумм по казначействам; счетоводством казенных палат и казначейств. Главным назначением департамента было составление проекта государственного бюджета. В его обязанности входило и управление пенсионным делом в империи. Департаменту подчинялось Главное казначейство, финансировавшее царский двор и органы центрального управления.

Департамент окладных сборов (директор Н. Н. Кутлер) занимался прямыми налогами, делопроизводством по выкупной операции и земскими повинностями. Департамент неокладных сборов — косвенными налогами (табачным, сахарным, дрожжевым, нефтяным и спичечным акцизами). После введения государственной винной монополии он стал называться «Главным управлением неокладных сборов и казенной продажи питей». Бюджет департамента на 1902 год был исчислен в громадной сумме — 185 млн руб. Управлению подчинялся специальный технический комитет.

В формировании российского бюджета крупная роль отводилась таможенным пошлинам. Ими ведал Департамент таможенных сборов. Высокие таможенные пошлины способны сделать контрабанду чрезвычайно выгодным занятием. Для борьбы с незаконным ввозом импортных товаров по настоянию С. Ю. Витте был сформирован военизированный Отдельный корпус пограничной стражи, подчинявшийся министру финансов.

С. Ю. Витте вместе с Д. И. Менделеевым участвовал в разработке знаменитого «запретительного» тарифа 1891 года. Он включал такие меры, которые были своего рода «протекционизмом в кредите», — защищались отрасли промышленности, которые либо отсутствовали, либо пребывали в зародыше: производство соды, минеральных удобрений, хлорной извести и белильного щелока, красителей, винного и рвотного камня, кокосового и пальмового масла (! — С. И.), изготовление математических, физических, хирургических, химических инструментов, очков, лорнетов и биноклей¹¹.

Политика протекционизма для Российской империи в то время не имела реальной альтернативы, поскольку крупная фабричная промышленность не смогла бы возникнуть и развиваться без защиты от внешней конкуренции. Протекционизм представлялся вопросом не принципа, а главным образом степени: сам принцип был неизбежен¹².

Отрицательные последствия усиленной таможенной защиты отечественной перерабатывающей промышленности новый министр финансов видел очень хорошо. Но он искренне полагал, что выбора покуда нет, и поэтому категорически отметал всяческие предположения об ослаблении таможенного покровительства, шедшие от либерально настроенного помещного дворянства и печальников русского народа из среды университетской профессуры. Предложение вернуться ко временам свободной торговли выдвигал, например, профессор Б. Н. Чичерин.

Многие русские купцы и промышленники требовали сохранения жесткого протекционизма, но неприязненно относились к иностранному капиталу. Большой шум поднялся, когда в конце 90-х годов XIX века англичане, поощряемые С. Ю. Витте, усилили проникновение в бакинскую нефтепромышленность. «Некоторые увидели в этом начало светопредставления и кричали, точно с них сняли кожу... Кричать о вреде иностранных капиталов и держаться в то же самое время покровительственной системы — явное противоречие. Покровительственная система еще со времен Кольбера состоит в том, что иностранцы переносят целиком свои фабрики и

свои готовые познания из одной страны в другую»¹³, — не без ехидства писал по этому поводу К. А. Скальковский.

Колоссальные прибыли, которые иностранцы якобы получали от своих русских дел, существовали только в воспаленном воображении авторов статей в изданиях «патриотической» направленности. «...Я принимаю с выхода в отставку в 1896 году непосредственное участие в нескольких больших иностранных предприятиях в России, — замечал К. А. Скальковский. — Из них рельсовое, каменноугольное и механическое, все прекрасно устроенные, не дали еще никогда дивиденда своим акционерам; железорудное, несмотря на удвоение цены криворожской руды, стало только недавно давать 5% дивиденда; нефтяное, существующее лет двадцать, в среднем за это время не дало и 4%, хотя в настоящий момент находится несомненно в хорошем положении. Вот примеры, взятые из жизни, а не из фантазии и вовсе не исключительные»¹⁴.

Собственную позицию по вопросу о перспективах таможенного протекционизма С. Ю. Витте предельно ясно обозначил в речи на совещании по вопросам хлебной торговли в марте 1899 года: «...С общенациональной государственной точки зрения покровительственная система имеет своей конечной целью освобождение народного хозяйства из-под зависимости от чужого труда и поднятие страны на уровень самодовлеющей хозяйственной единицы. Как и всякое средство, протекционизм должен иметь лишь временное значение — впредь до достижения той конечной цели, ради которой он и был выдвинут. Прямая логика его заключается в самоупразднении. С созданием крепкой национальной промышленности, с рождением деятельной внутренней конкуренции должна наступить кончина протекционизма»¹⁵.

Департамент железнодорожных дел регулировал железнодорожные тарифы, финансовые расчеты железных дорог с казной и между собой, а также государственные сборы с пассажиров и грузов, отправляемых большой скоростью. На нем лежала обязанность рассматривать сметы расходов и доходов по железным дорогам, участвовать в разрешении вопросов, связанных с проведением новых железнодорожных линий.

В ведении Министерства финансов находились казенные банки: Государственный банк, Дворянский земельный банк и Крестьянский поземельный банк, Ссудная казна (казенный ломбард) и Государственные сберегательные кассы. Они подчинялись непосредственно министру. Управляющие банками (у Дворянского и Крестьянского банков был один управляющий) назначались императором по его представлению.

Как установил Л. Е. Шепелев, одна из самых первых инициатив С. Ю. Витте в должности управляющего Министерством финансов была направлена на преобразование Департамента торговли и мануфактур, на расширение его штатов и бюджета. Этому когда-то второстепенному подразделению министерства отводилось особое место в планах С. Ю. Витте. Оно должно было стать проводником новой экономической политики страны. Покровительственные пошлины, выгодные торговые трактаты и железнодорожные тарифы ложились в основание этой политики, но отнюдь не исчерпывали всего ее содержания. Отечественная промышленность, изрядно отставшая в своем развитии от ведущих стран Запада, не в силах была самостоятельно выйти на широкую дорогу индустриального прогресса. На помощь ей должно прийти государство.

На Западе государственная власть также помогала национальной промышленности развиваться, создавая общие условия экономического роста. В Российской империи функции государства этим исчерпываться не могли, считал С. Ю. Витте, так как приходилось учитывать интересы отдельных предприятий и даже физических лиц. Отсюда следовало по крайней мере то, что содействие промышленности со стороны государственной власти должно выражаться не столько в регламентации, сколько «...в положительной помощи в каждом отдельном случае — нравственной и материальной — там, где частный почин или невозможен, или встречает слишком сложные затруднения»¹⁶.

«...Центральное управление, — говорил С. Ю. Витте, — должно всегда отчетливо осознавать, что народное богатство создается не только в крупных, но в средних и мелких средоточиях народного труда, и что, укрепляя каждую часть и даже отдельную промышленную единицу, оно тем самым придает прочность и способность дальнейшего здорового развития целому организму русского народного хозяйства... Лишь при условии такого ближайшего и строго практического попечения о развитии каждой отдельной отрасли нашей промышленности и торговли центральное управление может разрабатывать и свои общие меры на пользу народного хозяйства»¹⁷.

Прямая государственная поддержка позитивных процессов в народном хозяйстве министром рассматривалась как верное средство преодоления общего экономического и культурного отставания России от передовых стран Запада¹⁸.

Государственное вмешательство в экономическую жизнь

и покровительство отечественной промышленности посредством торговых договоров и таможенных тарифов имеют давнюю историю. Во всех странах абсолютные монархии, лавируя между дворянством и буржуазией, проводили политику защиты своей буржуазии от конкуренции извне. В пореформенной России эта политика получила новый импульс и направленность. И. Ф. Гиндин, выдающийся советский историк-экономист, написал серию работ, где доказывал, что государственный капитализм в царской России выступил в качестве средства ускорения развития отечественной промышленности по индустриальному пути¹⁹.

Его аргументы прозвучали не вполне убедительно, и немало отечественных и зарубежных исследователей российской экономической истории думают иначе: самодержавие не столько ускоряло промышленное развитие, сколько деформировало его, пытаясь приспособить это развитие к существующим политическим и социальным структурам. Было бы гораздо лучше, если бы оно не вмешивалось в хозяйственные процессы, положившись на благотворную частную инициативу и стихийные рыночные механизмы²⁰.

Вопрос о вмешательстве самодержавного государства в рыночные процессы капиталистического развития требует конкретного рассмотрения. Невозможно отрицать, что экономическая политика государства в пореформенной России направлялась не только на покровительство промышленности, но и на прямое создание с помощью государственных средств целых отраслей индустриального производства, например черной металлургии и транспортного машиностроения. Возникшие с помощью казенных вложений предприятия затем в случае необходимости поддерживались государством, причем не косвенным образом, как это часто делается и ныне, а напрямую, путем непосредственного государственного финансирования.

В экономической политике государства в пореформенной России апологетика капиталистической индустриализации, особенно заметная в годы управления государственными финансами М. Х. Рейтерна и Н. Х. Бунге, причудливым образом сплеталась с мероприятиями, относящимися к экономическому романтизму.

Николай Христианович Бунге, виднейший представитель так называемой киевской школы либеральных экономистов, считается стойким приверженцем рыночной экономики. Особенностью этой школы было то, что в ней напрочь отсутствовало критическое отношение к капиталистическому строю, характерное для самых разных направлений общест-

венной мысли России XIX века. Ее отличало и неприязненное отношение к трудовой теории стоимости — одному из краеугольных камней классической политической экономии.

Как экономист-теоретик профессор Н. Х. Бунге был очень слаб — он качался между Д. С. Миллем и Ж. Ш. Сисмонди. Но возглавив Министерство финансов, он проявил недюжинное здравомыслие, немало сделав полезного для насаждения в стране крупной фабрично-заводской промышленности. В частности, поворот к таможенному покровительству отечественной индустрии начался именно при нем. С другой стороны, Н. Х. Бунге проявлял заботу об укреплении мелкого крестьянского индивидуального хозяйства, для поддержки которого по его инициативе государство устроило специальный мелкий кредит.

Современные российские историки очень хвалят Н. Х. Бунге за отмену подушной подати с крестьян — прямого налога, введенного еще Петром Великим, — соляного налога и вообще за стремление облегчить налоговое бремя, падающее на мелкого товаропроизводителя. В. И. Ковалевский сообщает любопытные подробности о том, как была проведена отмена подушной подати с крестьян: «Абаза (Александр Агеевич Абаза, председатель Департамента экономики Государственного совета. — *С. И.*) обещал полное содействие Бунге в проведении его проекта отмены подушной подати, но в свою очередь, как крупный сахарозаводчик на юге России, получил от Бунге (обещание. — *С. И.*) провести сахарную нормировку»²¹.

В своих воспоминаниях С. Ю. Витте с большим почтением отзывается о Н. Х. Бунге, — светлая личность, Николай Христианович пользовался всеобщим уважением, — но когда читаешь его уничижительные эскапады против экономических доктринеров, трудно отделаться от мысли, что мемуарист отчасти имел в виду киевского профессора и его единомышленников.

* * *

XIX век занимает почетное место в истории экономической науки. Именно тогда были намечены те пути и проложены те дороги, которыми ныне идут ученые-экономисты во всем мире. Классическая политическая экономия Адама Смита и Давида Рикардо нашла завершение в монументальном «Капитале» Карла Маркса. Его идеи до сих пор волнуют миллионы людей. Лауреат Нобелевской премии, амери-

канский экономист В. Леонтьев назвал К. Маркса «великим знатоком природы капиталистической системы», труд которого сохранил свое непреходящее значение прежде всего потому, что он является «неистощимым источником прямых, непосредственных наблюдений действительности», в то время как значительная часть современных экономических теорий — производные, вторичные и потому крайне ненадежные концепции. «Если, перед тем как попытаться дать какое-либо объяснение экономического развития, некто захочет узнать, что в действительности представляют собой прибыль, заработная плата, капиталистическое предприятие, он может получить в трех томах “Капитала” более реалистическую и качественную информацию из первоисточника, чем та, которую он мог бы найти в десяти последовательных выпусках “Цензов США”, в дюжине учебников по современной экономике и даже, осмелюсь сказать, в собрании сочинений Торстена Веблена», — замечает выдающийся ученый²².

Россия не стояла в стороне от новейших течений экономической мысли, о чем содержательно и ярко говорится в работах Андрея Владимировича Аникина. Первый перевод «Капитала» был выполнен на русский язык. Распространялись в нашей стране труды представителей и других направлений, в частности «исторической школы». Еще в 1857 году в Казани на русском языке вышла работа классика этого направления В. Рошера «О хлебной торговле и мерах против дороговизны»; в 1860—1861 годах в Москве увидело свет другое его сочинение под названием «Начала народного хозяйства» (том 1), а в 1891 году в Петербурге — написанная еще в 1840-х годах книга «Краткие основы курса политической экономии с точки зрения исторического метода». На русском языке публиковалось сочинение другого классика «исторической школы» — Б. Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего» (СПб., 1860).

«Историческое» направление окончательно порвало с классической политической экономией и на место трудовой теории стоимости поставило оценочную деятельность отдельных людей. Крайний субъективизм, являвшийся его атрибутом, таил в себе немало опасностей.

Среди самых видных представителей экономико-математического направления А. В. Аникин называет Владимира Карповича Дмитриева. Его первая работа по математическому истолкованию теории стоимости Д. Рикардо увидела свет в 1898 году. В. К. Дмитриев едва ли не первым начал заниматься межотраслевым балансом (анализ модели «затраты —

выпуск»), исследовал монополистическую конкуренцию, размышлял над тем, как включить фактор полезности и потребительские оценки товаров в их стоимость. В. К. Дмитриев одно время служил в акцизном ведомстве Министерства финансов. Он хорошо изучил дело производства и сбыта алкогольной продукции²³.

Из многообразия экономических идей, школ и направлений С. Ю. Витте выбрал далеко не самое худшее. Как уже говорилось в предыдущем изложении, еще в первой своей крупной работе он высказывал симпатии к «реалистическому направлению» в экономической теории (А. Вагнеру). Впоследствии предпочтение было отдано Фридриху Листу. При всех своих колебаниях Ф. Лист оставался на позициях классической политической экономии, хотя сильно вульгаризовал трудовую теорию стоимости: по Ф. Листу, собственность создает не только труд физический, но еще и умственный. Это его положение, сильно уязвимое с точки зрения теории, в практическом смысле имело некоторое положительное значение. Другая идея «листианства» была унаследована им от классиков английской политэкономии. Это требование равноправия и свободы для деятельности хозяйствующих субъектов. В странах с политическим и экономическим господством поземельной аристократии взгляды Ф. Листа звучали почти что революционно. К. Маркс с одобрением цитирует следующее его замечание из сочинения 1842 года: «Преобладание самодовлеющего хозяйства в крупных поместьях свидетельствует только о недостаточном развитии цивилизации, средств сообщения, отечественной промышленности, богатых городов. Потому-то мы и находим его повсеместно в России, Польше, Венгрии, Мекленбурге. Прежде оно преобладало и в Англии; с развитием торговли и промышленности на его место приходит образование хозяйств и аренда»²⁴. Борьба Ф. Листа против привилегий земельной аристократии закончилась его эмиграцией в Соединенные Штаты Америки, откуда он вернулся на родину богатым человеком.

Считая за благо государственное вмешательство в экономику, Ф. Лист, а вслед за ним и С. Ю. Витте призывали к соблюдению разумных ограничений. В лекциях наследнику российского престола министр финансов делал акцент на том, что «...роль государства в развитии капитализма далеко не является исчерпывающей. Государство не столько создает, сколько воспоспобляет; истинными же созидателями являются все граждане. Чем дальше идет прогресс, тем сложнее становятся все отправления производственного

процесса и тем труднее роль его участников — всех граждан. Чтобы справиться с этой ролью, они должны обладать не только капиталами, но и личными качествами — предприимчивостью и энергией, развивающимися на основе самостоятельности. Не налагать руку на самостоятельность, а развивать ее и всячески помогать ей, создавая благоприятные для ее применения условия — вот истинная задача государства в наше время все усложняющегося народного хозяйства»²⁵. Мысль эта, пусть и не очень глубокая, все же достаточно здравая. Ею руководствовались в своей практической деятельности С. Ю. Витте и его сотрудники.

* * *

В скором времени Департамент торговли и мануфактур был сделан одним из ключевых подразделений Министерства финансов. С. Ю. Витте благодаря неограниченному доверию императора Александра III удалось добиться увеличения его штатов с 87 до 152 человек, а числа отделений с 11 до 16²⁶. Целенаправленное и разностороннее руководство промышленным развитием страны требовало должного финансирования. За один 1893 год бюджет департамента был увеличен с 3,6 млн до 5 млн руб. 5 июня 1900 года департамент был реорганизован и стал называться «Учреждения Министерства финансов по части торговли и промышленности». В его составе были образованы четыре отдела: торговли, промышленности, торгового мореплавания и учебный. Их курировал товарищ министра финансов — Владимир Иванович Ковалевский, правая рука С. Ю. Витте во всех делах промышленности и торговли.

В. И. Ковалевский отличался большим талантом организатора, работоспособностью и редким даром убеждения, совершенно необходимым в трудных переговорах с купцами и фабрикантами. Интересный собеседник, он досконально знал промышленность и банковское дело, высказывал любовь к сельскому хозяйству. Он мог кого угодно обворожить медовыми речами, хотя некоторые собеседники чувствовали в нем двоедушие²⁷.

Владимир Иванович пережил бурную молодость. Он привлекался к суду и даже сидел в Петропавловской крепости за то, что пустил к себе переночевать С. Г. Нечаева, когда после убийства студента И. И. Иванова тот бежал из Москвы и скрывался некоторое время в Петербурге.

С. Ю. Витте ценил В. И. Ковалевского едва ли не выше всех своих подчиненных как толкового, высокообразован-

ного, талантливое специалиста и умного человека, хотя иронизировал над его бурными романами с женщинами.

Брак В. И. Ковалевского с Е. Н. Лихутиной завершился разводом. В конце 1890-х годов, будучи уже немолодым человеком, Владимир Иванович сблизился с Е. А. Шабельской — писательницей и хозяйкой небольшого театра в Петербурге. Затем он влюбился в М. И. Благодетелю, которая и стала его женой. Желая отомстить неверному любовнику, Шабельская предъявила к оплате векселя с бланком (обязательством платежа. — С. И.) и подписью В. И. Ковалевского на большую сумму — 150 тыс. руб. В. И. Ковалевский заявил, что векселя подложные (что и выяснилось весной 1903 года в результате экспертизы, проведенной в Департаменте полиции), но, чтобы не доводить дело до суда, согласился заплатить по ним треть суммы. Судебного процесса и громкого скандала избежать не удалось. В. И. Ковалевскому было предложено подать в отставку с поста товарища министра финансов, что он и сделал в ноябре 1902 года. Так министр финансов лишился самого дельного из всех своих сотрудников. С 1906 по 1916 год В. И. Ковалевский был председателем Русского технического общества. Умер он 1 ноября 1934 года в звании заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, присвоенном ему в 1928 году в связи с 80-летием со дня рождения.

Чем конкретно занималось подразделение, управляемое В. И. Ковалевским? Об этом могут рассказать его финансовые сметы. Самой крупной расходной статьей департамента в 1893 году были пособия акционерным обществам (1,9 млн руб.), которые составили 39% от общей суммы его годового бюджета (4,9 млн руб.). К ней примыкало несколько мелких статей того же характера: пособие Обществу добровольного флота (600 тыс. руб.); возвращение владельцам русских паровых судов пошлин, уплаченных за проход судов через Суэцкий канал (205 тыс. руб.); пособие на устройство и содержание склада русских товаров в Бухаресте (10 тыс. руб.); суммы на «воспособление развитию русского каботаж в Приамурском крае» (4 тыс. руб.).

Десять лет спустя подобные расходы, взятые все вместе, несколько уменьшились в относительном измерении, составив 31% сметы. Пособия акционерным компаниям из бюджета министерства перестали выдаваться вообще, а по смете расходов на «Общие меры по развитию промышленности и торговли» проводились суммы, выданные мореходным предприятиям: упоминавшееся пособие Добровольному флоту, плата за содержание паровых рейсов и возврат

пошлин, взимаемых за прохождение русских паровых судов через Суэцкий канал.

В подчинении у В. И. Ковалевского находилась фабричная инспекция, созданная еще при Н. Х. Бунге для руководства процессом гармонизации отношений между капиталом и трудом. Расходы на ее содержание за один только 1893 год были увеличены более чем в три раза — с 127 тыс. до 393 тыс. руб. В 1902 году они составили уже свыше 1 млн руб. Такое увеличение делается совершенно понятным, если принять во внимание то обстоятельство, что рабочий вопрос выходил на одно из первых мест в социальной политике российского самодержавного государства.

Фабричная инспекция не пользовалась особыми симпатиями работодателей. Русские заводчики и фабриканты предпочитали действовать по старинке — кнутом и пряником. Они с одобрением встретили предложение об учреждении фабричной полиции. На русских фабрично-заводских предприятиях применялись разнообразные методы из арсенала эпохи первоначального накопления, например, потребительские ссуды рабочим под векселя и усадьбную недвижимость. Они служили могущественным средством понижения заработной платы. Ими квалифицированный персонал как бы прикреплялся к фабрикам.

Фабричной инспекции С. Ю. Витте придавал громадное значение. С ее помощью он намеревался двинуть как можно дальше разработку фабричного законодательства. Еще до того, как провалилась затея с «полицейским социализмом» (зубатовщиной), С. Ю. Витте провел через Государственный совет закон об обязательном страховании рабочих от несчастных случаев, первый такого рода в России. Ему же принадлежит и развернутый проект организации врачебной помощи фабричным рабочим за счет предпринимателей, по оценке И. Ф. Гиндина, «...в масштабах, неизвестных Западу и выходящих даже за пределы бисмарковского законодательства о страховании рабочих»²⁸.

В отклике на кончину С. Ю. Витте профессор Максим Максимович Ковалевский писал, что покойный «...дорожил интересами трудящихся людей... враждовал с крестьянским малоземельем, был сторонником протекционизма не потому, что желал обогащения предпринимателей, а потому, что...связывал с ним рост заработной платы»²⁹. В этих словах нет особого преувеличения, хотя интересы промышленных капиталистов министр финансов принимал в первую очередь в расчет при разработке фабричных законов.

Попытки изъять инспекцию из состава Министерства финансов и передать ее Министерству внутренних дел испортили немало крови С. Ю. Витте и его сотрудникам.

Поддержку промышленности С. Ю. Витте повел широким фронтом с разных направлений. Интересно, что бюджет департамента В. И. Ковалевского увеличивался за счет тех расходных статей, по которым проходили денежные средства на поддержку культурной и научной сторон индустриализации. За один только 1893 год смета Главной палаты мер и весов — государственного метрологического учреждения, где главным хранителем с 1892 года и до конца своих дней работал Д. И. Менделеев, — была увеличена со 158 тыс. до 352 тыс. руб.

Со временем в подчинении у В. И. Ковалевского оказалось немало учебных заведений и научных обществ. Многие из них получали от казны денежное пособие по смете Министерства финансов. В их числе Бакинский технический комитет, учебные заведения торгово-промышленного профиля (Строгановское центральное училище технического рисования и др.), музеи прикладных знаний, Императорское общество содействия русскому торговому мореходству, Императорское общество поощрения художеств. Пособие Императорскому обществу поощрения художеств, например, за один год увеличилось с 900 руб. до 26 тыс. руб.

По инициативе С. Ю. Витте Министерство финансов принялось распространять в России высшее техническое и коммерческое образование.

Непростое это дело — учить будущих коммерсантов. Итальянский математик Лука Пачоли (1445—1517), основоположник двойной бухгалтерии, автор знаменитого трактата «О счетах и записях», не без основания полагал, что «...гораздо труднее приготовить хорошего коммерсанта, чем доктора прав». Одним из самых первых начинаний С. Ю. Витте в должности министра финансов стал закон 1894 года о подчинении всех вновь открываемых коммерческих училищ Министерству финансов. 15 апреля 1896 года было выработано и получило законодательное утверждение нормальное положение об учебных заведениях этого профиля. До его обнародования во всей России имелось только восемь коммерческих училищ. Жизнь требовала разнообразия и наряду с училищами — средними учебными заведениями — по всей России начали создаваться многочисленные торговые школы, классы и курсы коммерческих знаний. Взрослые люди, занятые маклерством, агентурой, комиссионерством или коммивояжерством, могли получить в торговых классах,

весьма разнообразных по своей организации, те знания, которые нужны были им в данных условиях места и времени. Торговые школы в составе одного или трех классов создавались специально для детей крестьян, мещан и ремесленников. В них давалась элементарная специальная подготовка, необходимая для занятия торговым делом. Курсы коммерческих знаний были открыты для всех желающих без различия пола и возраста; каждый сам выбирал для изучения подходящие ему учебные дисциплины.

Коммерческие учебные заведения делились на общественные и частные, мужские и женские. По закону 1896 года их могли открывать общества, города, сословные организации и земства. Начали создаваться и специальные «общества для распространения коммерческих знаний». Особенной энергией отличалось московское общество. За время с 1896 по 1905 год оно учредило два коммерческих училища (мужское и женское) и до 19 коммерческих классов в разных частях огромного города. Всего же за 10 лет в стране было вновь открыто свыше 180 коммерческих учебных заведений³⁰. Министерство финансов осуществляло над ними ведомственный надзор, разделив с этой целью всю страну на 5 районов: Петербургский, Варшавский, Киевский, Поволжский и Кавказский. В каждый округ учебным отделом Министерства финансов назначался особый инспектор, подчинявшийся главному инспектору. Он наблюдал за тем, что и как изучалось в высших, средних и низших коммерческих школах. В. И. Ковалевский в одном из выступлений сказал: «Центром, вокруг которого группируются все учебные вопросы нашей школы, является гармоническое сочетание между общим и специальным образованием»³¹.

Коммерческое образование в России предоставлялось за плату. Обучение одного ученика в коммерческих училищах обходилось родителям в сумме 100—300 руб. в год, в торговых школах — 40—110 руб. Посещение общественных торговых классов стоило 5—12 руб., частных — 2 руб. за урок в месяц; курсов коммерческих знаний — в среднем от 35 до 125 руб.³²

«Высшая школа, существующая исключительно на взносы слушателей — это чистейший абсурд в лучшем случае, а в худшем — плохо замаскированная недобросовестность»³³. По смете Министерства финансов ежегодно отпускались крупные денежные суммы на содержание политехнических институтов. При непосредственном участии министра финансов создаются Киевский, Варшавский (оба в 1898 году)

и Санкт-Петербургский (осенью 1902 года) политехнические институты. Они ведут свою полезную работу и в наши дни.

Петербургский политехнический институт открылся с первым в нашей стране факультетом, готовившим дипломированных экономистов. С. Ю. Витте являлся убежденным противником узкой специализации высших учебных заведений. Во-первых, университеты обеспечивают подготовку специалистов с широким кругозором; во-вторых, их содержание обходится дешевле.

Одно из самых больших ассигнований на 1893 год по смете департамента В. И. Ковалевского предназначалось на участие России во всемирной выставке 1893 года в Чикаго — 512 тыс. руб.³⁴ Большой резонанс в России получила грандиозная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде, приуроченная к коронованию императора Николая II. На нее государство выделяло крупные суммы — 1,5 млн руб. в 1894 году и 2,5 млн в 1895 году³⁵.

Нижегородская выставка создавалась при непосредственном и живом участии министра финансов. В павильоне искусств выставлялись все русские художники. Живописные панно «Микула Селянинович» и «Принцесса Греза» для украшения павильона С. Ю. Витте заказал М. А. Врубель. Художник сделал дивные эскизы, и министр финансов показал их Николаю II. Император долго их рассматривал, затем похвалил и одобрил. Прекрасные панно в 20 метров длиной были выставлены в большие просветы над галереей картин. Затем произошел скандал. «Художники Академии (Академии художеств. — С. И.) и другие взбесились как черти, — вспоминал живописец К. А. Коровин. — Приехало специальное жюри из Академии, смотрели панно и картоны, было заседание, где поставлен был вопрос — быть или не быть панно Врубеля на выставке... Панно были сняты... Что за озлобленная ругань и ненависть и проклятия сыпались на бедную голову Михаила Александровича. Я поражаюсь, почему это, что, в чем дело, почему возбуждают ненависть эти чудные невинные произведения. Я не мог разгадать, но что-то звериное в сердце зрителей чувствовалось. Я слушал, какие проклятья несли они, глядя на эти панно. Михаил Александрович еще больше убедился в своем непризнании и еще больше почувствовал себя сиротой этой жизни»³⁶. Специально для творений М. А. Врубеля на средства С. И. Мамонтова было построено большое деревянное помещение за пределами выставки. Там посетители могли их увидеть.

Нижегородская выставка понравилась не всем. Промышленник Н. А. Варенцов поехал на открытие, увидел мало

народу и вернулся с плохим впечатлением³⁷. Писатель А. М. Горький доказывал, что «...выставка народного труда — не народна и что народ в ней никакого участия не принимает»³⁸.

Затяя С. Ю. Витте с выставкой, полагал Н. Н. Изнар, потерпела полное фиаско только из-за неудачного выбора места. Число лиц, посетивших эту «великолепную во всех отношениях выставку», не достигло и миллиона человек, в то время как число посетителей менее знаменитой Московской выставки 1882 года составило более миллиона человек. По его мнению, если бы вместо Нижнего был выбран Петербург или Москва, то выставка имела бы гораздо больший успех. «А между тем нужно отдать справедливость как устроителям, так и экспонентам. Всероссийская выставка могла быть сравнима с любой даже всемирной как по богатству экспонатов, так и по устройству. Я осматривал в 1900 году Парижскую выставку, — продолжает Н. Н. Изнар, — и должен сказать, что многие отделы, как, например, текстильный, на Нижегородской выставке мало уступал такому же отделу Парижской»³⁹.

Н. И. Изнар относился к выставочному движению сугубо утилитарно. Он видел в нем только средство для установления новых торгово-промышленных связей и контактов⁴⁰. Совершенно в ином усматривал назначение Нижегородской выставки Д. И. Менделеев: «Всероссийская выставка 1896 года назначена быть “смотром” результатов прошлых 14 лет и дает указание на то, чего достигнет Россия, когда все ее просвещение встанет в надлежащее соответствие с задачами предстоящего широкого нашего промышленного развития, которое немыслимо без мировой торговли и без прочной постановки всех отраслей народного образования». Для этой цели ярмарка, «...где сходятся Волга с Окою, бухарец с поляком и где сводится много торговых счетов всей страны», — самое место⁴¹.

Промышленные выставки, впервые возникшие во Франции в XVIII веке⁴², содействовали преодолению косности, рутины и разобщенности, которые все еще царили в среде русских предпринимателей. 20 ноября 1902 года, выступая перед представителями русских биржевых комитетов, С. Ю. Витте говорил: «Старайтесь возможно чаще видаться, совещаться о своих нуждах. Если вы будете объяснять правительству ваши нужды в обстоятельной и убедительной форме, вы скорее получите их удовлетворение... Имейте свои органы печати для выяснения ваших интересов и прав... Постарайтесь влиять на общественное мнение... Для

вас всего важнее возможность публичного выяснения ваших мыслей, а этого вы достигнете лишь путем своей организации... Организуйтесь так, чтобы вы могли периодически съезжаться на общие и областные съезды, чтобы у вас были свои постоянные бюро или иные учреждения, которые объединили бы вас»⁴³.

По всей вероятности, выставочное движение в России призвано было еще и рассеять сомнения насчет той пользы, которую несла с собой индустриальная промышленность. Эти сомнения имели место не только в широких кругах помещного дворянства, чье эфемерное благополучие фабричная индустрия как раз и подрывала, но и на самом верху бюрократической пирамиды.

В 1899 году С. Ю. Витте представил царю свой знаменитый всеподданнейший доклад, где убедительно защищал основы проводившейся им экономической политики (прежде всего таможенный протекционизм), доказывал желательность привлечения в страну иностранного капитала для быстрого роста ее национальной промышленности⁴⁴. Как выяснил И. Ф. Гиндин, знакомившийся с этим документом в подлиннике, доклад министра финансов не содержит ни одной царской пометки. Зато записка трубадура консервативного дворянства И. Н. Дурново, где упрочение помещного землевладения дворян названо «государственной потребностью первостепенной важности», имеет царскую резолюцию следующего содержания: «Прочел с живейшим интересом и большим удовольствием»⁴⁵.

Министр финансов С. Ю. Витте вовсе не был принципиальным противником крупного дворянского землевладения. Но он резонно полагал, что жизнеспособным оно станет при условии, во-первых, индустриального прогресса страны в целом и, во-вторых, полного развития тех промышленных производств, которые перерабатывают сельскохозяйственную продукцию. Последнее, среди прочего, он имел в виду, когда устраивал ставшую знаменитой во всем мире казенную винную монополию.

* * *

С. Ю. Витте всегда самым категорическим образом отрицал какой-либо корыстный умысел со стороны казны, когда устраивалась государственная монополия на оптовую продажу крепкой алкогольной продукции. По версии, которой он цепко держался, монополия преследовала высокогуманную цель — обезопасить простой народ от спаивания и

разорения его темными дельцами первоначального накопления. Для нас совершенно очевидно, что она была лишь одним из звеньев в цепи мероприятий определенной направленности. Одним из первых стал закон 24 мая 1893 года против ростовщичества.

Законодательная борьба с ростовщичеством (или «лихвенным ростом») началась еще в царствование Елизаветы Петровны. До 1879 года действовали правила, основанные на «узаконениях» 13 мая 1754 года, 3 апреля 1764 года, 28 июня 1786 года, 28 октября 1808 года и 5 июня 1854 года. Ими разрешалось займодавцам «...брать рост с капитала, отданного в долг, но не свыше шести процентов на сто в год». Взимание более высоких процентов называлось «лихвою» и преследовалось в судебном порядке.

В царствование Александра II лихоимцы получили послабление. Когда в Государственном совете обсуждалась судьба «указного процента», то было отмечено: ссудосберегательные товарищества, учреждения благотворительные для простого народа, взимают за свои услуги до 18% годовых и не могут брать менее. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 6 марта 1879 года было постановлено: «указный процент» отменить, а определение размера платы за ссуды предоставить взаимному соглашению сторон. Правительство все же не до конца спустило флаг перед ростовщиками — министру юстиции поручалось внести на рассмотрение Госсовета проект правил о мерах взыскания за злоупотребления займодавцев.

Преемник «царя-освободителя» не только восстановил «указный» процент. Закон 24 мая 1893 года установил два вида наказуемого ростовщичества — сельское (натуральные ссуды) и денежное, делившееся на общее денежное ростовщичество и денежное ростовщичество ссудных капиталистов. Состав деяния последнего вида исчерпывался, во-первых, принадлежностью виновного к числу профессионалов ссудного ремесла, во-вторых, «...чрезмерностью выговоренного или полученного роста, именно превышением 12% в год», наконец, в-третьих, «...сокрытием такой чрезмерности роста»⁴⁶.

Во всех странах абсолютистские режимы отнюдь не бескорыстно защищали простой народ от эксцессов буржуазного развития. Потому-то среди защитников абсолютных монархий встречалось немало выходцев из низов. Крестьяне Вандеи, яростно сражавшиеся на стороне свергнутых Бурбонов против буржуазного республиканского правительства Франции, — самый известный тому пример. Читателю интересно, наверное, будет узнать, что последний в нашей стра-

не закон, воспрещавший ростовщические операции, датируется 1927 годом («О ростовщичестве». Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 августа 1927 года).

Почти в одно время с антиростовщическим законодательством и устройством «казенной продажи питей» правительство Александра III осуществило еще одно менее известное мероприятие из той же области. Речь идет о казенном обандероливании чая.

С 1822 по 1862 год оставался в силе запрет на ввоз чая в Россию через европейскую границу. Весь чай поступал на внутренний рынок через Кяхту — торговую слободу Троицкосавского округа Забайкальской области. После отмены кяхтинской чайной монополии наступил период демократизации торговли этим популярным в России продуктом. Оптовые и розничные обороты возросли; потребителю стал предлагаться более широкий ассортимент чая. В то же самое время необычайно распространилась порча чайного продукта посредством подмешивания к нему разного рода суррогатов. «Фальсификация чая достигала в 1880-х годах благодаря высоким ценам на настоящий чай небывалых размеров. Целые деревни занимались в Петербургской губернии сбором копорского чая; кавказская брусника вывозилась десятками тысяч пудов. На западной границе спитой чай продавался по 50 копеек за 1 фунт», — писал современник, 20 лет проработавший таможенным чиновником в чайном деле⁴⁷.

Лабораторные анализы чаев показали, что для подмесей и подделок байхового чая широко использовались листья шиповника, земляники, кавказской брусники, «иван-чая», или кипрея, ясеня, клена, рябины, ивы, тополя, осины, боярышника, бузины, а также листья уже спитого чая. Для окрашивания подмесей умельцы применяли такие составы: берлинскую лазурь, жженный гипс, хромовокислый калий, свинец, мышьяковистую медь, графит, индиго, известь, углекислую магнезию, лакмус и др. Чтобы состав имел соответствующий аромат, в качестве отдушки употреблялись пахучие цветы. Обработка спитого чая включала в себя также придание ему характерного вяжущего вкуса. С этой целью его sprыскивали отваром веществ, содержавших дубильную кислоту, а чтобы листья скручивались при сушке, использовалась аравийская камедь либо крахмальный клейстер. В Москве центром чайных фальсификаций сделались Рогожская часть и некоторые пригородные деревни. Приготовлением и продажей так называемого «капорского чая» занимались жители окрестностей Петербурга и Казани. Следы

такого промысла полиция обнаружила в Одессе, Киеве, Шклове и некоторых других городах⁴⁸.

Одной из причин, породивших это прискорбное во многих отношениях явление, стало значительное удорожание чая в пореформенную эпоху, особенно после введения в 1880-х годах поистине драконовских таможенных пошлин, доходивших до 200% его стоимости в России. В Петербурге, например, по сведениям за 1886 год, обыкновенный черный чай стоил от 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 80 коп. за фунт, чай высших сортов («цветочный») — от 2 до 7 руб. за фунт. Для сравнения — тогда же на петербургских рынках средняя цена первосортной парной говядины при продаже в розницу составляла 16,4 коп. за фунт, селедка продавалась бабами-селечницами («селетки, галандские селедки») по 3—4 коп. за штуку.

После узаконения 1895 года, разрешавшего розничную продажу чая только с казенной бандеролью (специальной наклейкой), его подделывателей, можно сказать, совершенно перевели. «Бандероль от 16 до 64 полосок в листе, при цене листа в 4 копейки, не может удорожить цены товара, так как при обандероливании мелкие купцы, наживавшиеся на фальсификации, были отстранены от чайного дела, то правильная торговля оказалась как бы гарантированной этой мерой, и она сконцентрировалась в руках крупных фирм, что удешевило развес, ибо при большом количестве развешиваемого чая на 1 пуд падает меньше накладных расходов на наем зданий, администрации и т. п., а это обстоятельство дало возможность, в общем, понизить цену товара, как это бывает при росте капиталистического строя в известной сфере торгово-промышленных отношений», — говорится в специальном исследовании чайной торговли⁴⁹. Производство в России развесного чая перешло в руки нескольких крупных фирм (А. С. Губкина — А. Г. Кузнецова, Высоцкого и К^о, К. С. Попова), которые сами боролись с фальсификациями, поскольку терпели от них колоссальные убытки.

Полный хаос царил и в пореформенной винной торговле. Свободная продажа водки распивочно при умелой постановке дела сулила громадные барыши. Кабаки с подачей горячительных напитков после реформы 1861 года открывали не только смекалистые крестьяне-кулаки, но и оборотистые помещики, причем последние нередко через подставных лиц. Об этом писал М. Е. Салтыков-Щедрин («Благонамеренные речи»), а уж он-то хорошо знал, чем жила и дышала пореформенная деревня. На спаивании простого народа держа-

лась и вся южнорусская хлебная торговля. Вот свидетельство очевидца.

«Мои личные воспоминания из недавнего прошлого рисуют безотрадные картины. Место их — юг России — наша, и в значительной части европейская житница. Август. Едва рассветает, а у корпусов хлебных амбаров, около весов, шумная толпа мужиков с подводами, нагруженными хлебом в зерне. Большинство продавцов в лоск пьяны, их уже на пути в город, на большой разъезжей дороге споили купеческие молодцы-приказчики. Я отчетливо помню даже запах и цвет той водки, которую в больших бутылках, в каких нынче продают серную кислоту, или в бочонках, устанавливали с вечера, на возок, в сено, приказчики и выезжали за город “на охоту”. Нередко в водку клали так называемого “дурману”. И вот в такой-то одурманенной атмосфере происходили изо дня в день, из года в год сделки купли-продажи. В такой атмосфере протекала столь занимающая умы многих экономистов “борьба двух контрагентов за цену”. И это называлось торговлей, хотя здесь были налицо все элементы простой кражи.

Такие методы торговли практиковались не отдельными купцами, а господствовали во всей хлебной торговле, составляя как бы основу ее организации, основу настолько прочную и распространенную, что отдельный купец, отрицавший такую систему воровских действий, рисковал банкротством своего предприятия. Я знал несколько крупных хлеботорговых фирм, которые после смерти их владельцев были ликвидированы, так как сыновья-наследники, побывав в университетах, не желали и не могли заниматься скрывым воровством и уходили в либеральные профессии»⁵⁰.

* * *

Казенные монополии вводились странами, разными по экономическому, социальному и культурному уровню развития: табачная — во Франции, Австрии, Италии, Румынии и Сербии; соляная — в Австрии, Италии, Турции, Сербии, Румынии, Греции, Японии; спичечная — во Франции, Италии, Испании, Греции, Сербии, Румынии и Венесуэле; пороховая — во Франции и Сербии; хинная — в Италии; керосиновая — в Греции и Сербии; винная — в России, Швейцарии и Сербии⁵¹.

Всепопданнейший доклад С. Ю. Витте с проектом казенной продажи водки император утвердил в 1893 году в великий день 19 февраля. С лета 1894 года винная монополия

вводилась в 25 западных и юго-западных губерниях. В течение четырех лет — в 1895—1898 годах — казенные винные склады были устроены в 35 губерниях, а затем и в других районах империи. 26 февраля 1901 года принимается закон о распространении винной монополии на Восточную Сибирь.

Основные положения закона о казенной винной монополии таковы. Производство спирта-сырца, а равно и изготовление водок были оставлены в руках частных лиц, но с некоторыми ограничениями: спирт водочные фабриканты приобретали только от казны; открытие новых винокуренных заводов и увеличение производства на старых поставлены в зависимость от разрешения Министерства финансов, согласованного с Министерством земледелия и государственных имуществ.

Заготовка спирта казной производилась тремя способами: по разверстке между заводчиками ($\frac{2}{3}$ потребности), с торгов и хозяйственным способом. Разверстка производилась в соответствии с наибольшей годовой выкуркой каждого завода в одном из трех предшествовавших периодов винокурения. Цены на разверсточный спирт-сырец, условия поставки и способы расчета устанавливал министр финансов. Он же диктовал способ очистки сырого спирта перегонкой на частных и казенных заводах. Лишь в исключительных случаях министр разрешал продавать спирт, очищенный холодным способом.

Оптовая продажа спирта и водочных изделий составляла исключительную монополию государства. Казенные винные склады торговали водкой оптом и в розницу, но только навynos и исключительно в стеклянной запечатанной посуде. Они принимали на комиссию от частных лиц для продажи пиво, брагу, мед и виноградные вина.

Частная торговля вином производилась из оптовых магазинов пива, меда и русского виноградного вина, а также в трактирах, пивных лавках, погребах для продажи русских виноградных вин, ренсковых погребах.

Спирт и водка поступали в продажу крепостью не ниже 40°. Низший и высший размеры цен на вино определялись законодательно. В этих пределах продажные цены устанавливались министром финансов. Посуда с водкой обязательно оклеивалась этикеткой с обозначением крепости вина и ее цены.

В трактирах водка и вино отпускались как навynos, так и распивочно, но не иначе как в запечатанной посуде и по цене, указанной на этикетке. Управляющие губернскими акцизными сборами имели право, по согласованию с губер-

натором, разрешать продажу водки для распития путем налива из графинов и по вольной цене. Такая продажа алкоголя могла производиться в буфетах, а также в сельских трактирах.

Для полной и окончательной победы над пьянством и алкоголизмом государственная монополия была дополнена «попечительствами о народной трезвости» с участием представителей власти, духовенства и общественности. В губернских попечительствах председательствовал губернатор, в уездных — местный предводитель дворянства. Средства попечительств складывались из казенных ассигнований по смете Министерства финансов, пожертвований, штрафов с нарушителей правил винной торговли и доходов от устраиваемых обществами мероприятий (продажи литературы о здоровом образе жизни, от чайных и пр.)⁵².

Главный устроитель винной монополии — С. Ю. Витте — писал впоследствии, что ее главной целью было возможное уменьшение пьянства. «Я говорю “возможное”, поскольку это уменьшение может быть достигнуто путем механическим, полицейским и путем регламентации, так как не подлежит никакому сомнению, что общее отрезвление народа, прочное его отрезвление возможно и мыслимо только посредством широкого распространения культуры, образования и материального достатка»⁵³.

С. Ю. Витте и в зрелом возрасте сохранил былую непоседливость. За период своего управления государственными финансами он объездил на поезде, в коляске, верхом и на пароходе чуть ли не всю Россию. Так, он взял себе за правило каждый год посещать губернии, где вводилась винная реформа, для самоличного внушения акцизным чиновникам: «Реформа эта вводится не с целью увеличения дохода, а с целью уменьшения народного пьянства, и что действия чинов акцизного ведомства будут цениться совсем не в зависимости от того, какой доход от этой реформы получается, а исключительно с точки зрения благоустройства, порядка и уменьшения народного пьянства»⁵⁴. Попробовала бы мелкая акцизная сошка послушаться министра, действительного тайного советника и статс-секретаря его императорского величества!

Спустя некоторое время Министерство финансов провело опрос с целью выяснить: как проведенное мероприятие отразилось на народной нравственности? Уменьшилось ли пьянство в среде простого народа? Ответы от корреспондентов — священнослужителей и местных властей разных рангов — были получены самые обнадеживающие.

Архиепископ Холмский и Варшавский сообщал в послании от 17 апреля 1900 года: «С закрытием кабаков и с прекращением праздничной продажи вина народ проводит праздничные дни в храме Божиим, а вечера в школах, слушая устраиваемые для него духовенством чтения и беседы религиозно-нравственного характера, или по вопросам, полезным в крестьянском быту. По деревням не слышно шума, прекратились драки, уменьшилось воровство и другие пороки. Свободную копейку, за неимением возможности свободно пропить ее, крестьянин обращает на улучшение хозяйства и домашние надобности или жертвует на храмы. По отзывам некоторых священников, сами крестьяне с радостью приветствуют мудрую меру правительства, выражая сожаление, что она не была принята раньше»⁵⁵.

Ему вторил виленский губернатор (26 декабря 1899 года): «Влияние реформы питейной торговли в Виленской губернии за истекший период времени, главным образом, обнаружилось в повсеместном уменьшении пьянства в крестьянской среде, на волостных и сельских сходах и волостных судах, вследствие чего замечается изменение к лучшему в крестьянском самоуправлении... Судя по наблюдениям полиции, распивание вина на улицах, несмотря на случаи замечаемого при этом быстрого опьянения, сопровождается менее вредными для здоровья последствиями, чем в прежнее время, когда крестьянин и рабочий часто выпивали чрезмерное количество вина, нередко с разными вредными примесями. При этом констатируется немало фактов, свидетельствующих о том, что ныне, несмотря на проявления уличного пьянства, заработок рабочего стал чаще полностью поступать в распоряжение его семьи. Даже привычные пьяницы из рабочей среды, в прежнее время оставлявшие в кабаке весь свой дневной, недельный или шестимесячный заработок, ныне чаще возвращаются домой, хотя и в пьяном виде, но вместе с тем с значительной долей заработанных денег. Кроме того, замечено, что инстинкт самосохранения, опасение замерзнуть на улице, стать жертвой преступного покушения со стороны лиц злонамеренных, а также нежелание очутиться в полицейском участке удерживают даже привычных пьяниц от распивания вина на улице»⁵⁶.

Витебский губернатор восторгался реформой: «Что же касается вопроса о том, какая система питейной торговли представляется... более предпочтительною — прежде действовавшая или ныне существующая, — то я нахожу, что вряд ли между этими двумя системами можно делать какое-нибудь сравнение. Старая система преследовала исключитель-

но фискальные цели казны и предоставляла народ самой грубой эксплуатации и развращению особому классу хищников. Корчмари-евреи и кабатчики споили русский народ от мала до велика, и нужна была коренная реформа всей питейной торговли, чтобы спасти народ от поголовного пьянства. Такою мерою величайшей государственной важности явилась ныне действующая стройная система, которая, с одной стороны, устранила от прибыльного кабачного промысла целый сонм эксплуататоров народных слабостей, а с другой — создала попечительства о народной трезвости с их гуманной и широкой программой. Я лично думаю, что питейная реформа составляет одно из самых крупных событий конца этого века»⁵⁷.

Председатель Самарской губернской земской управы привел факты о том, что алкогольная продукция для народа подешевела, следовательно — жить стало лучше: «Цена ведра вина* без посуды до реформы была совершенно произвольная, в зависимости от хода товара и спроса на него — колебалась она при ведерной продаже от 6—8 руб., в разлив от 10—12 руб., причем по высшим ценам в разлив отпускалось 75% проданного вина, а по ведерной цене 25%, в среднем вино стоило около 10 руб. (Здесь кстати заметить, что тогда достоинство вина допускалось 38 с десятými градусов; но оно редко достигало и этих качеств, так как в нем было много посторонних жидких примесей.) Нынешняя цена на ведро вина без посуды колебалась в зависимости от продажи столового вина от 7 руб. 25,8 коп. до 7 руб. 27 коп., в среднем 7 руб. 26,5 коп. Таким образом, при прежней системе питей население переплачивало на каждое ведро около 2 руб. 73,5 коп.». До реформы питейного дела в руки частных виноторговцев одной только Самарской губернии попадало ежегодно 2,8 млн руб. дохода⁵⁸.

Священник Харьковской епархии Змиевского уезда села Ивановки писал министру: «Жители, за упразднением старого кабака и неимением под рукой винной лавки, — этого рожна, противу которого простому люду трудно пройти, — в нравственном отношении заметно исправились, так как больше не слышно буйства пьяных и срамных ругательств, производивших большой соблазн для детей, в семьях существует мир и тишина, и почти нет воровства, и стали религиозны, что видно из того, что в большинстве посещают в воскресные и праздничные дни храм Божий... В физическом отношении жители сравнительно стали пользоваться здоро-

* 1 ведро = 12,299 литра.

вьем, так как нет таких частых заболеваний, какие происходили, когда существовал кабак, когда, например, пьяным приходилось валяться в грязи или в луже в осеннее время, а в зимнее — лежать на снегу, отчего заполучались болезни: тиф, горячка, водянка, чахотка и т.д.»⁵⁹.

Некоторые корреспонденты (например, архиепископ Херсонский и Одесский) указывали на недостатки питейной реформы: «...Нельзя не обратить внимания на то, что пьянствующему люду, в особенности в базарные дни в больших селах, нет удобного для сего угла, а потому можно видеть пьющих свободно на улицах и площадях и слышать их бранные и скверные слова, что, без сомнения, служит большим соблазном для лучшей части общества, а для иноверцев и сектантов — основанием для всякой укоризны в чистоте православия»⁶⁰. Киевский губернатор отмечал: вино стало лучше, и денег у народа больше, но сельские общества потеряли богатый источник доходов, употребляемых на церкви и школы.

Председатель Полтавской губернской земской управы информировал Министерство финансов о том, что жертвами питейной реформы стали 2637 семейств, существовавших исключительно продажей вина. Почти все они, будучи евреями, двинулись в города черты оседлости, где умножили и без того многочисленный еврейский пролетариат⁶¹.

«Не знаю, менее ли теперь пьяниц, чем было прежде, — но несомненно, пьянство индивидуальное существует и теперь. Алкоголиков и идущих к алкоголизму имеется значительное количество. Следовательно, с этой точки зрения, чего-то еще недостает нашему законодательству. Пьянство коллективное теперь несомненно уменьшилось. На свадьбах и храмовых праздниках выпивается теперь если не менее, то, во всяком случае, не так безобразно, как пили прежде. Справедливость требует, однако, приписать этот факт не одной только питейной реформе, но и общему поднятию культуры. К этому считаю нужным прибавить: если бы, в силу каких-нибудь соображений, мы возвратились к прежнему порядку питейной торговли, — пьянство, хотя временно, немедленно увеличилось бы», — писал председатель Черниговской губернской земской управы⁶².

Радомский губернатор доносил (21 декабря 1900 года): «Народ расстался с питейными заведениями прежнего типа, по-видимому, совершенно спокойно, и этот факт в особенности знаменателен потому, что в жизни народа корчмы играли роль клубов, где не только удовлетворялась страсть к пьянству, но где совершались сделки, давались советы,

писались прошения и население попадало в руки разных эксплуататоров»⁶³.

Что получила российская казна от винной монополии? Ответить на этот вопрос непросто. В годы, когда российскими финансами управлял С. Ю. Витте, выкурка спирта росла не особенно быстро. Настоящий всплеск винокурения наблюдался при В. Н. Коковцове. Среднегодовая выкурка всех винокуренных заводов в 1886—1896 годах составляла 77 млн ведер, в 1895—1904-м — 78,4 млн ведер, в 1905—1914-м — 109,9 млн ведер⁶⁴.

С. Ю. Витте признавал за государством право извлекать доход от повышения водочных цен только в исключительных обстоятельствах, например, во время войн — когда дом горит, все средства хороши для тушения пожара. При его преемниках питейный доход сделался постоянным источником латания дыр государственного кармана. Цены на крепкие алкогольные напитки повышались неоднократно, и качественное вино сделалось не по карману людям малого и даже, пожалуй, среднего достатка. Последствия не замедлили сказаться в виде массового самогоноварения, корчемства и отсутствующих отрицательных явлений.

Вместе с тем предпринимательский доход государства от собственного винного хозяйства едва ли был особенно большим. Предоставим слово экономисту Михаилу Исидоровичу Фридману, автору двухтомной монографии о питейной монополии. «...Изучение вопроса приводит нас к заключению, что неправильно утверждать, будто монополия велась исключительно для того, чтобы доставить казне наибольший доход. Совершенно сознательно правительство приносило в жертву свои фискальные интересы ради достижения других: морально-этических и социально-экономических». Если бы правительство действительно заботилось о достижении наибольшего дохода, то оно могло бы принять более энергичные меры для развития водочной торговли, вроде допущения кабаков, продажи водки в праздники и т. п. «Не делалось этого, — продолжает М. И. Фридман, — по весьма понятным и очень элементарным заботам о том, чтобы население окончательно не спилось. Каково бы ни было правительство, и какой доход от водки оно ни получало, как бы от этого дохода ни зависел бюджет, правительство не может совершенно махнуть рукой на губительные для населения последствия от окончательного пропойства. История России показывает нам, что известные заботы о том, чтобы пьянство не загубило народ, — правда, спорадически и не всегда в достаточно энергичной мере, — но все-таки постоянно замечались»⁶⁵.

Монополия конечно же не устранила тех злоупотреблений, которые были при частной торговле вином. «Такой результат монополии не был конечно же роковым и неизбежным. Он обуславливался политикой монопольного управления, которая могла бы быть при иных обстоятельствах и иной»⁶⁶.

Если кто и выиграл от казенной винной монополии, так это были владельцы винокуренных заводов. Сама реформа продажи питей была задумана еще и как средство поддержать падающее хозяйство среднего и крупного землевладельца-помещика. Цена на спирт казной устанавливалась таким образом, чтобы дать хорошие барыши заводчикам. Даже ректификация, которая обходилась дешевле на крупных казенных заводах, предоставлялась в пользу тех помещиков, которые открыли при своих винокурнях ректификационные отделения или устроили специальные спиртоочистительные заводы. Все это делалось с благословения монопольного управления. «Точно так же, при договорных отношениях относительно поставки спирта в казну и относительно провоза, правительство не пользуется выгодами момента и нередко даже делает прибавки к договорным ценам, если находит, что контрагент ошибся и терпит убытки»⁶⁷. Занятия промышленным винокурением поправили хозяйство многих помещиков, и процесс перераспределения дворянской земли стал затухать.

Для корректных суждений об экономическом эффекте казенной винной монополии, пишет М. И. Фридман, требуется детальное и всестороннее изучение сложных операций приготовления и продажи водки. Несомненно, что рабочим и служащим винной монополии работалось и жилось несравненно лучше, чем их собратьям на частных предприятиях. «Правильно указывают, — говорит М. И. Фридман, — что наша казенная торговля вином слишком много заботится о внешности, и это делает справедливым упрек в недостаточной бережливости. Начиная с грандиозного дворца, принадлежащего главному управлению, и кончая внешностью бутылки с водкой, все носит в монопольном хозяйстве щеголеватый характер. Лавки помещаются на главных улицах, в дорогих помещениях, и о необходимости не жалеть на это расходов издаются особые циркуляры. Доходит до того, что в селах лучшие помещения — под казенной торговлей водкой, и это вызывает справедливые жалобы со стороны местных обывателей с указанием, что школа находится в невозможных условиях. Сидельцы получают жалованье более высокое, нежели учителя, а среднего калибра чиновники

монополии больше, чем учителя средних школ, судьи и профессора. Привилегированное положение это создается, конечно, за счет недоборов казны»⁶⁸.

«Кредит есть основа всякой промышленности»

Имел ли С. Ю. Витте, возглавив Министерство финансов, собственную программу неотложных экономических преобразований? Безусловно, хотя он и не составлял подобающей случаю программной записки. Его программа в самых общих и вместе с тем наиболее существенных чертах изложена во всеподданнейшем докладе о государственной росписи доходов и расходов на 1893 год.

Руководимое С. Ю. Витте ведомство ставило своей задачей «...разумное содействие экономическим успехам и развитию производительных сил страны. Такая политика может дать наилучшие результаты и в отношении финансового хозяйства, возвышая вместе с народным благосостоянием платежные силы населения и умножая источники государственных доходов. Для достижения сих целей имеется в виду прежде всего возможное устранение неблагоприятных условий, стесняющих экономическое развитие страны, и возбуждение духа здоровой предприимчивости в соответствии с естественными условиями и потребностями отечественной промышленности»⁶⁹.

Уже первыми своими шагами на посту министра С. Ю. Витте дал понять, как он собирается содействовать «экономическим успехам» российской державы и какими методами устранять «неблагоприятные условия», противодействующие этим успехам. В силу обстоятельств начинать пришлось со второго.

Едва только С. Ю. Витте принял Министерство финансов, как к нему явился давний знакомый — Александр Федорович Рафалович, глава крупного банкирского дома в Одессе. Визитер пришел с просьбой о выдаче крупной «неуставной» ссуды из средств Госбанка для расплаты с неотложными долгами.

Государственный банк Российской империи был своеобразным учреждением среди себе подобных. Выполняя функции центрального банка страны, он занимался еще и коммерческими операциями, принимал деньги на вклады и текущие счета под проценты, учитывал торговые векселя и выдавал краткосрочные ссуды под залог ценных бумаг. Займы на долгий срок под недвижимость или под векселя явно

финансового характера, как противоречащие уставу («неуставные»), им предоставлялись всякий раз на основании всеподданнейшего доклада министра финансов императору. Именно о таком неуставном займе и просил А. Ф. Рафалович управляющего Министерством финансов. Основания для просьбы были следующими.

Одесский банкир уже получил через И. А. Вышнеградского ссуду в 800 тыс. руб., которые были целиком употреблены для удовлетворения кредиторских претензий к нему в полном размере — рубль за рубль. Но денег не хватило, и часть кредиторов не получила вообще ничего. Вот для них-то А. Ф. Рафалович и просил у С. Ю. Витте дополнительных казенных денег заимообразно, пригрозив в случае отказа крупным скандалом. Банкир разъяснил, что если ему придется объяснять причины своей неплатежеспособности в суде, то общественность узнает — деньги были им потеряны на спекуляциях, которые производил не кто иной, как председатель Департамента экономии Государственного совета Александр Аггеевич Абаза. Операции эти заключались в следующем.

На рубеже 80—90-х годов XIX века курс бумажного рубля начал повышаться, и это сильно беспокоило И. А. Вышнеградского. Министр финансов работал над исправлением русского торгового баланса, а повышение рублевого курса было совсем не на руку экспортерам русского хлеба. Получив санкцию императора, И. А. Вышнеградский начал этому повышению противодействовать, применяя методы валютной интервенции. Операции, которые производил министр, являлись строго секретными, но А. А. Абаза по должности председателя Департамента экономии Госсовета был о них информирован. Он решил играть на понижение рубля, рассчитывая на этом сильно обогатиться, ибо игра велась наверняка. Сам А. А. Абаза был крупным помещиком и сахарозаводчиком, денег у него было в избытке, а занялся спекуляцией он потому, что по натуре был азартный игрок со стяжательскими наклонностями.

А. Ф. Рафалович занимался коммиссионной продажей сельскохозяйственных продуктов из имений А. А. Абазы и был его банкиром. На протяжении нескольких месяцев он выполнял поручения на покупку золота и продажу кредитных рублей за счет своего клиента. Увидев, что курс рубля продолжает повышаться и А. А. Абаза потерял уже около 800 тыс. руб., банкир решил, что председатель Департамента экономии ошибся в своих расчетах. А. Ф. Рафалович стал

производить противоположные операции, играть на повышение рубля: продавать золото и покупать бумажные рубли за собственный счет.

Но куда бирже тягаться с русским Министерством финансов, во главе которого стоял один из лучших математиков своего времени! Наступил момент, когда курс бумажного рубля остановился в своем повышении и начал обратное движение. А. А. Абаза отыграл потерянные 800 тыс. и выиграл еще 900 тыс. руб., тогда как одесский банкир ровно столько же проиграл. Вследствие крупных потерь банкирский дом Рафаловичей лопнул — прекратил текущие платежи.

Поначалу С. Ю. Витте не поверил рассказу А. Ф. Рафаловича. Но когда банкир принес и показал ему всю переписку с Абазой, переписку шифрованную (если Абаза телеграфировал о покупке столько-то пудов кукурузы, это означало продать столько-то рублей на твердую, золотую, валюту), С. Ю. Витте пришел к выводу, что это дело возмутительное сверх всякой меры — действительный тайный советник, статс-секретарь, председатель департамента Госсовета использовал секретную служебную информацию для своего личного обогащения! О происшествии было немедленно доложено императору Александру III. Банкир получил просимую ссуду под залог всего имущества, которое он имел, а расследованием проступка А. А. Абазы занялась специальная комиссия под председательством Н. Х. Бунге, созданная по предложению С. Ю. Витте. Она подтвердила все обвинения, которые выдвинул против него министр финансов. С. Ю. Витте запала в память своеобразная реакция Н. Х. Бунге на этот инцидент, о чем ему, простодушно улыбаясь, поведал Александр III.

Председатель Комитета министров и бывший министр финансов не усмотрел в действиях А. А. Абазы серьезного нарушения этических норм, поскольку эти действия были направлены к той же цели, что и действия министра финансов И. А. Вышнеградского — понижению курса рубля, что представлялось тогда важной государственной задачей. Вот если бы Абаза играл в противоположном направлении, тогда было бы совсем другое дело.

В те времена к спекуляциям не было такого однозначно негативного отношения, какое установилось в годы советской власти. Так, арбитражные сделки, нацеленные на выравнивание цен в отдаленных друг от друга местах продажи, рассматривались весьма положительно. Но спекуляции с целью искусственного возвышения цен в низменных интересах личного обогащения не одобрялись общественным мне-

нием и преследовались государственной властью. Такая распространённая ныне фондовая операция, как составление фьючерсных контрактов (тогда она называлась срочной сделкой), многие годы находилась в Российской империи под запретом.

Министр финансов С. Ю. Витте имел ясные представления насчет того, какую спекуляцию считать вредной, а какую нет. В 1893 году по непонятным причинам на внутреннем рынке начали расти цены на сахар и сахарный песок. С разрешения императора Министерство финансов произвело крупную закупку песка за границей. С. Ю. Витте доложил императору о полном успехе предпринятых действий: «Мера эта, принятая в видах удержания цен на сахар, возвысившихся не соответственно с условиями рынка, оказала желаемое действие, так как покупкой по 1 сентября сего года и обращением во внутреннюю торговлю около 1,7 млн пудов сахарного песка, цена за пуд сахара-сырца на станциях Юго-Западных железных дорог удерживалась на уровне около 5 руб. 10 коп. Операция эта, при расходе около 6,2 млн руб. и выручке за проданный сахар около 9,4 млн руб., в общем дала казне дохода около 3,2 млн руб., которые и подлежат причислению к таможенным сборам»⁷⁰.

Немалый ущерб денежному хозяйству и государственно-му кредиту России приносила азартная игра на курсе бумажного рубля. Ее вели на Берлинской бирже многочисленные любители легкой наживы: «...“зайцы”, ходившие в отрепанных костюмах и чуть ли не в опорках, имевшие для задатка несколько сот рублей, тоже, вероятно, призанятых, выигрывали на антипатичном деле спекуляции на понижении русского рубля целые состояния, переоблачались в смокинги, в дорогие шубы, заводили собственные экипажи и лошадей. И обратно, люди, имевшие некоторое состояние, разъезжавшие в ландо на резиновых шинах, поневоле перешли на резиновые калоши. Фотографируя этих людей в разные фазы их биржевого счастья, можно было бы составить интересную и поучительную коллекцию жизненных и характерных портретов банковых игроков»⁷¹.

Борьбу с этим очевидным злом С. Ю. Витте повел настойчиво и энергично, используя весь арсенал доступных методов и средств. В январе 1893 года Министерство финансов обратилось ко всем российским акционерным коммерческим банкам с предупреждением: «Всякое содействие с их стороны такой, направленной в ущерб экономическим и финансовым интересам России, игре заграничных спекулянтов на курсе рубля признается несовместимым с данным

сим учреждениям правом производить коммерческие операции и с той поддержкой, которой учреждения эти пользуются от правительства во всех их законных потребностях»⁷². Поток наличных рублей, направлявшихся из России на Берлинскую биржу, стал иссякать, а для контроля 29 марта 1893 года Министерство финансов обложило вывозимые рубли статистической пошлиной.

8 июня 1893 года высочайше утвержденным мнением Государственного совета все спекулятивные биржевые сделки (с премией, кратные, стеллажные и т. п.) с русской валютой, писанной на золото, запрещались.

В борьбе с валютной спекуляцией С. Ю. Витте отпраздновал первую победу. Вексельный курс на протяжении всего 1893 года стоял устойчиво. Почивать на лаврах министр финансов не собирался. Во всеподданнейшем докладе императору по проекту бюджета на 1894 год он сообщил: борьба с «...вредными спекуляциями составляла и будет впредь составлять одну из важнейших забот министерства»⁷³. Ресурсы для этой цели в Государственном казначействе и Госбанке имелись в достаточном количестве.

Вскоре С. Ю. Витте нанес валютным спекулянтам окончательное поражение. Когда в конце 1894 года распространилась весть о тяжелой болезни императора Александра III, берлинские спекулянты затеяли масштабную игру на понижение курса рубля. Как и прежде в подобных случаях, стали распускаться слухи о внутреннем положении России, один нелепее другого. Одновременно производились запродажи крупных партий русской валюты с обязательством доставить наличные деньги к установленному сроку. В ответ на эти запродажи Министерство финансов России через своих агентов на бирже начало кредитные рубли у спекулянтов скупать по цене около 219 марок за 100 руб., ассигновав на эти цели примерно 30 млн руб. казенных денег.

Российские банковские учреждения были строго предупреждены министром финансов: доставка за границу наличных денег повлечет за собой самые суровые кары. И вот, когда в Берлине наступил срок исполнения биржевых контрактов, покупатели (они же агенты русского Министерства финансов) потребовали не уплаты разницы в курсе, как рассчитывали продавцы, а сдачи наличных рублей, на что они имели полное право и по закону, и по обычаям Берлинской биржи. Рублевой наличности благодаря предпринятым мерам на рынке не оказалось, и спекулянтам пришлось принести повинную русскому Министерству финансов. По личному распоряжению С. Ю. Витте, который стоял за ку-

лисами событий и дергал за все веревочки, валютчикам было продано 2,4 млн руб. по цене 234 марки за 100 руб., и они получили возможность выполнить часть своих обязательств по заключенным контрактам. В обмен на эту милость берлинские дельцы вынуждены были дать обязательство никогда впредь не спекулировать на курсе русского рубля⁷⁴.

Чтобы исключить всякую возможность злонамеренного колебания цен, операции с ценными бумагами и валютой внутри страны были взяты под неусыпный контроль Министерства финансов. Начиная с 1895 года по указанию С. Ю. Витте в уставы акционерных предприятий включалась статья, по силе которой все акции вновь открывающихся компаний надлежало вносить в Государственный банк. Там они должны были храниться без права отчуждения вплоть до того времени, пока не будет утвержден установленным порядком финансовый отчет эмитента за первый операционный год. В 1900 году по инициативе С. Ю. Витте при Петербургской общей бирже создается отдел для торговли фондами и валютой. Круг ее участников был ограничен представителями акционерных банков, банкирских домов и контор (всего 248 человек в 1903 году).

Фондовый отдел связался с аппаратом Министерства финансов персональной унией. Пост председателя отдела до 1913 года занимал глава Петербургского биржевого комитета Алексей Яковлевич Прозоров — типичный представитель русской финансовой олигархии. Унаследовав коммерческую фирму «Яков Прозоров с сыном», он вел на Петербургской бирже крупную торговлю льном и зерновыми товарами. А. Я. Прозоров также участвовал в делах Сибирской золото-промышленности, финансировал добычу котиков на Камчатке, являлся вице-председателем совета Волжско-Камского коммерческого банка и председателем правления крупнейшего в стране страхового общества «Россия». Действительный статский советник (а затем и тайный советник), чиновник особых поручений 5-го класса при Министерстве финансов, он был вхож в самые высокие правительственные сферы.

В Министерстве финансов утверждались все выборы должностных лиц фондового отдела. Облигации русских государственных займов допускались к биржевым торгам по прямому указанию министра. Согласия членов биржевой организации вообще не требовалось. Представители Министерства финансов имели право непосредственной покупки и продажи государственных облигаций, а также валюты за счет казначейских средств.

В конце каждого биржевого собрания представитель Государственного банка закупал за счет казны на 5 тыс. руб. 4%-ной государственной ренты. Курс этой покупки являлся официальным. Если на рынке царило угнетенное настроение, то финансовое ведомство не ограничивалось 5 тыс., а увеличивало эту цифру во много раз⁷⁵. Таким устройством валютной и фондовой биржи государственный и частный кредит предохранялся от негативных воздействий рыночной спекулятивной стихии.

* * *

Борьба с вредными спекуляциями составляла задачу, так сказать, отрицательного свойства. Первым крупным положительным делом, которое С. Ю. Витте провернул для оздоровления русского кредита, стала реформа Государственного банка, а затем и Крестьянского поземельного банка.

Государственный банк являлся стержнем кредитной системы Российской империи. Его устав был утвержден 31 мая 1860 года. В январе 1893 года открылись работы комиссии по составлению нового устава. На протяжении семи заседаний (с 11 по 25 января 1893 года) обсуждались проекты важнейших новаций, намеченные министром. Заседания комиссии проходили через день; в промежутках подкомиссии готовили все необходимые материалы. В заседаниях участвовали 22 человека: высокопоставленные чиновники Министерства финансов, управляющий Государственным банком и Дворянским земельным банком, представители деловой общественности — автор первой редакции устава, тайный советник Евгений Иванович Ламанский, председатель правления Московского купеческого банка И. И. Билибин, член совета Варшавского коммерческого банка Н. К. Флиге.

С. Ю. Витте направлял работу комиссии с обычной четкостью и организованностью — выступал с программными заявлениями, репликами, вопросами; подводил итоги прений. Всего за 7 дней заседаний министр финансов выступил 219 раз! Читая стенограммы заседаний, поражаешься тому, как быстро он, не получивший базового экономического образования, схватывал тонкости кредитного дела.

В первый день обсуждался главный вопрос: что банк может и должен сделать для укрепления национальной промышленности? Одних покровительственных пошлин и выгодных торговых договоров, говорил С. Ю. Витте, совершенно недостаточно для того, чтобы поставить «...нашу промыш-

ленность на вполне твердые основания». Нужно сделать общедоступным банковский кредит⁷⁶.

С. Ю. Витте был настроен решительно. Он не боялся, что расширение кредитных операций Госбанка может привести к потерям казначейских средств, которыми банк оперировал *prima facie*. Потери неизбежны в любом деле; важно, чтобы они были возмещены и чтобы в конце пути оказаться в плюсе. Главное — спекулянтам всех мастей необходимо перекрыть доступ к деньгам банка. «...Государственный банк ни за какие проценты не дает деньги для спекуляций. Вот первое положение, которое надлежало бы поместить в уставе», — решительно заявил министр финансов⁷⁷.

Государственный банк предназначался для решения общегосударственных задач. Это бесспорно, говорил С. Ю. Витте, но давайте исходить из реалий, а они неутешительны: «...Государственный банк, по моему мнению, служит теперь только, с одной стороны, целям Государственного казначейства, а с другой, надобностям торговли, а задачи государственно-народные в истинном смысле этого слова оставляет в стороне. Поэтому назначение настоящей комиссии в том и заключается, чтобы выработать такие начала преобразования Государственного банка, при которых была бы обеспечена помощь банка народу и тем отраслям промышленности, от которых зависит вся жизнь страны. В случае осуществления этого деятельность банка должна измениться коренным образом, и те операции, которые он теперь производит, должны отойти на второй план, а главной его задачей станет открытие доступа кредиту в самую глубь народной экономической жизни... Факт заключается в том, что до сих пор кредит развивался исключительно в интересах торговли, для надобности которой была открыта масса коммерческих банков; нужды же промышленности и в особенности сельского хозяйства в пользовании кредитом почти вовсе игнорировались»⁷⁸.

Торговый кредит, поддерживаемый вексельными ссудами Госбанка (главной активной операцией Государственного банка являлся учет соло-векселей⁷⁹) и коммерческих банков, в крестьянской России теснейшим образом переплетался с самым что ни на есть патриархальным ростовщичеством. Питательной средой для ростовщичества служила большая прослойка мелких товаропроизводителей — крестьян и ремесленников, а также тех капиталистов, которые по своему положению приближались к ним.

Ростовщичество, как давно установлено, держится еще и на монополии благородного металла, которую депозитные банки подрывают, эмитируя кредитные деньги. Одним из

самых распространенных видов таких денег в Англии, Германии и Франции были векселя. Во Франции, к примеру, обращалось громадное количество вексельных обязательств на самые мелкие суммы. У парижских книжных издателей и торговцев вошло в обычай открывать кредит студентам Латинского квартала для составления личных библиотек по избранной специальности. Размер такого кредита колебался от 25 до 50 франков в месяц. 25-франковые векселя, да еще подписанные студентами, охотно учитывали (покупали) тамошние кредитные учреждения, не исключая самого Французского банка.

Учет векселей — основную операцию русских коммерческих банков — довольно часто в научных трудах не вполне корректно называют кредитованием товарооборота. Подоплека русского векселя XX столетия очень мало изменилась по сравнению с теми временами, когда были изданы первый (1729) и второй (1832) вексельные уставы. Во внутреннем обращении России преобладали не переводные, а простые (соло-) векселя. Если переводной вексель вырос из операции денежного перевода, то простой «...соответствует заемному письму и разнится от последнего только в том, что в нем указывается не на заем, а — на другое основание долга, с обозначением, что выдаваемый документ есть вексель»⁸⁰. Выдача простого векселя свидетельствовала о денежном процентном займе, который осуждался церковью и преследовался властями из-за его «лихвенного» характера⁸¹.

С. М. Барац уверял, что соло-вексель изначально не способен сделаться добротным кредитным денежным знаком, даже если он и возник для торговых целей: «В сущности его выдача последовала не в замен купленных товаров, а — на предмет покупки товаров или уплаты за них наличных денег»⁸². Настоящим векселем он называл переводной вексель — тратту.

В России не было лучшего специалиста в делах банковского и коммерческого (торгового) кредита, чем Семен Моисеевич Барац (1850—1913). Большую часть жизни — а это свыше 26 лет — он проработал служащим известного петербургского банкирского дома Г. О. Гинцбурга. В 90-е годы XIX века, после ликвидации дома, С. М. Барац перешел на научно-педагогическую работу в Санкт-Петербургское коммерческое училище, а затем и в Санкт-Петербургский политехнический институт.

У Гинцбурга С. М. Барац занимался учетной операцией, самой сложной и ответственной в банковском деле. Как он сам пишет в одной из работ, через его руки проходило еже-

годно до нескольких тысяч векселей, российских и зарубежных. Накопленный им бесценный опыт дисконтера С. М. Барац использовал при создании учебника «Курс вексельного права в связи с учением о векселях и вексельных операциях», который первым изданием вышел еще в 1893 году.

С. М. Барац рано почувствовал вкус к занятиям наукой. Публиковать статьи научно-прикладного характера он начал, еще будучи совсем молодым человеком. Так, в «Финансовом обозрении» № 32 за 1874 год была напечатана его статья «Векселя, трассированные на Россию».

Впоследствии он много времени уделял пропаганде коммерческих знаний, выступая с докладами в «Обществе распространения коммерческого образования», печатая статьи в энциклопедии Брокгауза и Ефрона и периодических изданиях. В журнале «Счетоводство» появились такие публикации С. М. Бараца, как «Безоборотный учет и страхование коммерческого кредита», «Бухгалтерия и ее значение», «Внутренняя организация ипотечных учреждений и их делопроизводство», «Коммерческая корреспонденция как самостоятельный предмет коммерческого образования», «О залоговых свидетельствах в области ипотечного кредита», «Органы управления ипотечных учреждений», «О счетах *postro* и *loro*», «Справочные конторы о кредитоспособности», «Специальный текущий счет с вексельным обеспечением», «Ссуда (залог), дополнительная ссуда и перезалог (пересрочка) в ипотечных кредитных учреждениях», «Техника тиражей погашения», «Хранение и управление вкладами» и ряд других.

Отличаясь высокими нравственными качествами (о них лестно отзывался такой строгий судья, как М. Е. Салтыков-Щедрин), С. М. Барац проявлял большую принципиальность в вопросах науки. Некоторые его выступления против безграмотных попыток реформирования бухгалтерского учета носили остро полемический характер*. В 1896 году он напечатал книгу «Задачи вексельной реформы в России» с серьезным и ярким разбором правительственного проекта вексельного устава 1893 года.

Вершиной творчества ученого выступает фундаментальный вузовский «Курс двойной бухгалтерии», над которым он работал до конца своих дней (в 1912 году вышло третье издание, переработанное и дополненное, объемом более 700 страниц убористого текста).

С. М. Барац собирал исторический материал о векселях разных стран и народов — собирался написать фундамен-

* Например: *Барац С. М. Реформаторские попытки и бухгалтерская азбука // Счетоводство. 1898. № 5.*

тальный труд на эту тему — и частично публиковал его в своих учебниках по прикладным экономическим дисциплинам. Эмиссия переводного векселя в изображении С. М. Бараца выглядит следующим образом.

«В маленьком курортном городе Наугейме всевозможные торговцы получают каждодневно по несколько раз товары (провизию, колониальные товары, говядину и пр.) из Ганновера, Дармштадта, Франкфурта-на-Майне и других пунктов, не исключая и Потсдама, откуда ежедневно прибывает свежий ячменный хлеб. Все это идет *conto*-образно, по книгам, а затем, по мере накопления сумм, вытрассируется в круглых суммах на наугеймских торговцев с домицированием* этих векселей у их банкиров во Франкфурте, отстоящем от Наугейма в $\frac{3}{4}$ часа езды. Ганноверские, дармштадтские и прочие торговцы продают на месте свои тратты на Франкфурт, получают таким путем авансированные ими наугеймским торговцам суммы (в товарах) и ликвидируют таким образом свои счетные отношения»⁸³.

Выдача переводного векселя, как явствует из приведенной цитаты, служила для мобилизации долга, заключенного в торговых книгах предпринимателя. По мере необходимости кредитор трассировал — выставлял вексель — на своего должника и продажей его добывал необходимые наличные средства или погашал свой долг банку. По своей доброкачественности такие долговые обязательства ничуть не уступали самой твердой валюте.

Эмиссия русского векселя как небо от земли отличалась от описанной выше процедуры. «Продавец товара и покупатель протягивают, каждый в отдельности и оба вместе, одновременно все имеющиеся у них четыре руки... продавец, держа в одной руке продаваемый товар, протягивает в то же самое время другую руку для заполучения соло-векселя, без которого он товара не отпускает; покупатель товара с своим соло-векселем в одной руке собирается вручить самый вексель продавцу товара, протягивая в то же время другую руку за товаром, без заполучения которого он боится выдать вексель». Доминирование в российской торговле простого векселя С. М. Барац объясняет обоюдным недоверием *сторн-контрагентов*⁸⁴.

По стандартам европейского делового мира русский торговый кредит относился к категории долгосрочного. Векселя со сроком погашения через три месяца во внутреннем то-

* Трассировать — выставить переводной вексель и продать его; домицировать — назначить вексель к платежу.

варообороте почти не встречались; преобладали шестимесячные, а то и девятимесячные срочные платежные обязательства. При расчетах с мелкими покупателями оптовики-торговцы предпочитали наличную валюту; в случае уплаты векселем цена товара возвышалась и процент за ссуду платился вперед. «Западные канонисты рано заметили, что договор купли-продажи очень легко может получить лихвенный характер, преимущественно когда при отсрочке платежа возвышается покупная сумма... Они поставили поэтому правилом, что время платежа или передачи проданного имущества не должно иметь влияния на размер покупной суммы»⁸⁵.

Долгосрочность старого русского векселя считается его самым уязвимым местом. Почти не обращается внимания на такой его важный недостаток, как малоподвижность — производное колониального облика русской внутренней торговли. В России вексель один раз учитывался и в лучшем случае 2—3 раза переучитывался. И. И. Кауфман сообщает факт, когда в английской глубинке (Ланкашире и Йоркшире) в XIX веке циркулировали векселя со 120 подписями ремитентов на каждом, прошедшие через многие руки (будучи именными обязательствами, векселя переходили из рук в руки по передаточной надписи, делавшейся на обороте. — *С. И.*)⁸⁶.

Из промышленных центров и экспортных торговых портов на окраины России направлялись дорогие промышленные товары, а обратно шла дешевая сельскохозяйственная продукция. Провинция поэтому почти всегда была в долгу перед центрами, тогда как обратное встречалось редко. Торговцы в Рыбинске, Харькове, Полтаве, не говоря уже о провинциальной глуши, имели в Петербурге, Москве, Одессе много кредиторов и лишь изредка — должников. С. М. Барац указывает, что применение во взаиморасчетах векселей предполагает некоторое равновесие между долгами и поступлениями. «Равным образом не представляется должнику возможным приобрести римессу для своего кредитора, ибо в месте его жительства нет надлежащих банковских оборотов, нет торговли векселями»⁸⁷.

К кредитованию экспортно-импортной торговли Госбанк относился более чем сдержанно: в отдельные годы он покупал тратты, затем почти прекратил это делать. Некоторое развитие эта операция получила лишь в Одесской конторе, и то в довольно своеобразных формах. Контора Государственного банка в Одессе учитывала тратту лишь в том случае, если на ней за комиссионное вознаграждение ставил свою подпись один из крупных местных купцов — директоров

конторы. Ввиду таких порядков вексельный (или валютный) курс в Одессе превышал таковой в других центрах экспортно-импортной торговли на 6—8%⁸⁸.

Эмиссия торговых векселей в России очень тесно сопрягалась с промышленными ссудами. Отсюда и несколько настороженное отношение банков к дисконту — покупке векселей на деньги или в счет открытого заемщику кредита. Даже простой учет безупречных товарных векселей многими кредитными учреждениями признавался нежелательной операцией, чреватой иммобилизацией банковских капиталов, составленных преимущественно из бессрочных пассивов — простых текущих счетов наподобие тех, которыми нынешние россияне пользуются в отделениях Сберегательного банка по месту жительства. Неудивительно, что вексельный кредит в русских банках обставлялся многочисленными строгостями: в сумму открытого кредита включался как кредит по векселедательству, так и по предъявительству; нередко требовалось представить дополнительное имущественное обеспечение, личное поручительство и т. д. и т. п. Банки всячески стремились перевести кредит в форме специальных текущих счетов под обеспечение векселями (деньги можно было снимать со счета по мере нужды в них, а на вексельное обеспечение банк имел только залоговое право. — *С. И.*) в неудобный и невыгодный для клиентов, но менее опасный для банков простой учет (сумма клиенту выдавалась целиком за вычетом учетного процента. — *С. И.*).

Министр финансов не признавал беспорядочную ломку старых форм. Промышленный кредит С. Ю. Витте предлагал усовершенствовать, дополнив вексельный учет целевым кредитом без имущественного обеспечения, но с поручительством. «...Что касается кредита для крестьян, то это — вопрос первостепенной государственной важности. Между тем, организованный кредит для них совершенно отсутствует, а это ведет к тому, что они переплачивают ростовщикам, пожалуй, больше процентов, чем государству податей. Обдумывая вопрос об организации этой формы кредита, я пришел к заключению, что можно было бы прийти на помощь крестьянам или при посредстве известных помещиков, которым выдавались бы Государственным банком для этого определенные суммы, а они от себя раздавали ссуды крестьянам соседних селений и отчитывались потом перед банком; или же при посредстве земств»⁸⁹.

Гарантией возврата промышленных ссуд должна была сделаться высокая нравственность кредитующегося, а правильности открытия кредита — личные качества исполните-

лей: банковских служащих и представителей деловой общест-венности, входивших в учетно-ссудные комитеты филиа-лов Государственного банка⁹⁰. Правильная организация та-кого кредита могла снизить до минимальных размеров процент по нему, так как в состав этого процента по необ-ходимости включалась еще и страховая премия за риск.

Министр финансов предлагал обязать учетно-ссудные комитеты филиалов Госбанка «входить в каждом отдельном случае в оценку цели, для которой испрашивается кредит, или, иначе, в обсуждение векселя по существу, и сообразно с сим принимать или отказывать в учете векселя»⁹¹. На прак-тике такое было сложно осуществить, что С. Ю. Витте хоро-шо понимал. С другой стороны, никакой утопии в его про-екте не было, поскольку российская сахарная индустрия выросла и расцвела именно благодаря соло-вексельному кредиту. Промышленные кредиты в соло-вексельной форме открывал и Польский банк⁹².

В такой постановке вопроса не было ровным счетом и ничего романтического. Как известно, экономисты народ-нического направления носились со всевозможными проек-тами дешевого кредита для простого народа, страдающего от ростовщиков. С. Ю. Витте полагал, что проблемами мелкого кредита не следует слишком увлекаться, тем более превра-щать его в благотворительность. Вопрос, который действи-тельно стоит на повестке дня, — это вопрос о кредите про-мышленном. «Я, по крайней мере, придаю ему очень большое значение, в особенности в применении к сельско-хозяйственной промышленности, и думаю, что если Мини-стерству финансов и предстоят даже некоторые потери на этом пути, то это обстоятельство не должно служить поме-хой к осуществлению наших предположений, так как разви-тие такого кредита является одним из самых действительных средств для устранения в нашей экономической жизни тех болезненных явлений, которые в ней встречаются»⁹³.

В проект устава Государственного банка редакции 1894 года было внесено немало важных новаций. Они относились и к кредиту для мелких заемщиков, и к промышленному кредиту. Самой распространенной формой поддержки пере-рабатывающей промышленности сделалась выдача денег в ссуду под залог товаров (подтоварные ссуды). Номенклатура товаров, принимаемых в залог учреждениями Государствен-ного банка на местах, была необычайно расширена. Им вы-давались ссуды под такие обеспечения, которые акционер-ным коммерческим банкам были наистрожайше запрещены их уставами.

Ученых знатоков банковского дела всегда сильно смущал тот очевидный факт, что Государственный банк Российской империи после утверждения нового устава еще более отдалился от центральных банков ведущих капиталистических стран. Где это видано, чтобы центральный банк страны выдавал ссуды под залог муки, коровьего масла, кишмиша, шелковичных коконов, коньячного спирта?

Затяя С. Ю. Витте с усовершенствованием традиционных форм банковского обслуживания полностью не осуществилась. Банкиры — народ консервативный, и Государственный банк включил в правила подтоварных ссуд новеллу, по силе которой с заемщика, помимо и сверх залогового обязательства на товар, брались еще и соло-векселя на всю сумму выданной ссуды. В случае его неисправности в платежах взыскание могло быть обращено, «...независимо от представленного залога, на всякое принадлежащее заемщику имущество. Если срок ссуды не превышает 12 месяцев... сей вексель должен быть написан сроком по предъявлению»⁹⁴. На тех же условиях, по настоянию Госбанка, предоставлялись займы населению и ссудосберегательными товариществами⁹⁵. Производители и переработчики сельскохозяйственной продукции получали льготный кредит; на торговцев льготы не распространялись.

22 декабря 1894 года правила о выдаче подтоварных ссуд Государственным банком утвердил министр финансов С. Ю. Витте. В конце концов всякая политика, даже банковская, есть искусство возможного.

* * *

Государственный долгосрочный ипотечный кредит, в отличие от краткосрочного коммерческого, устраивался на словесных началах. В 1882 году появился Крестьянский поземельный банк, а к столетнему юбилею «Жалованной грамоты дворянству» (в 1885 году) был создан Дворянский земельный банк. Деятельность обоих банков преследовала цели не столько экономические, сколько социально-политические. Ее итоги к началу 1890-х годов оказались крайне неутешительными: крестьяне по-прежнему мучились от угнетающего малоземелья, а дворяне-помещики продолжали терять земли с пугающей быстротой. Надо было что-то предпринять, а что именно, никто толком не знал, кроме, разумеется, министра финансов.

Мало кто из биографов С. Ю. Витте упоминает о том факте, что следом за реформой Государственного банка им

были намечены преобразования в области государственного ипотечного кредита, а конкретно — реформа Крестьянского поземельного банка.

Этот банк представлял собой своеобразное кредитное учреждение. На него возлагалась важная педагогическая функция — внедрить в крестьянскую среду зачатки гражданского правосознания и прежде всего уважение к чужой собственности, которая создается собственными трудами, а не получается в дар от государства.

В положении о Крестьянском поземельном банке, утвержденном императором Александром III 18 апреля 1882 года, было сказано, что он учреждался «...для облегчения крестьянам всех наименований способов к покупке земли», но лишь в тех случаях, «...когда владельцы земель пожелают продать, а крестьяне приобрести оные»⁹⁶. Ссудами банка могли пользоваться все «свободные сельские обыватели», как состоятельные, так и маломощные.

Дела Крестьянского банка с самого начала пошли не особенно хорошо — недоимки за должниками накапливались. Его кредитное посредничество обставлялось слишком обременительными для заемщиков условиями.

Ссуды предоставлялись Крестьянским банком на срок от 24,5 до 34,5 лет — более короткий, чем по условиям выкупной операции 1861 года, когда платежи за землю крестьянам рассрочивались на 49 лет. Чем короче срок ссуды, тем выше в составе выплачиваемых ежегодно процентов погасительная квота, то есть та часть платежа, которая предназначалась на ликвидацию капитальной задолженности. В Крестьянском банке она составляла 2% и 1% соответственно (по условиям выкупной сделки 0,5%. — С. И.). Но это еще не все. Процент роста или платы за пользование банковской ссудой был определен в более высоком размере, чем в 1861 году. Он составлял 5,5% (в 1861 году — 5%). Помимо процентов и погашения с крестьян взымали еще 1% комиссионных расходов. Итого получалось, что банковская ссуда обходилась крестьянину в 7,5—8,5% годовых (выкупные платежи составляли 6%). Но тяжесть банковских платежей состояла не только (может быть, даже и не столько) в их размерах. Она заключалась еще и в том, что платежи требовалось вносить наличными деньгами ходячей валюты. Наконец, продавцы земель, а ими были почти исключительно дворяне-помещики, сами назначали цену на землю, не признавая мнения на сей счет посредника — Крестьянского банка. В этом их поддерживали земские управы.

Продажа земель неисправных должников банка затруд-

нялась враждебным отношением бывших владельцев земли к новым покупателям. Им угрожали даже убийством. Крестьянскому банку волей-неволей приходилось оставлять земельные участки неплатежеспособных заемщиков за собой и нести обременительные хлопоты по управлению ими. В 1896 году в собственности у него находилось 112,9 тыс. десятин земли⁹⁷.

Выход из сложившейся ситуации был найден авторами проекта нового устава Крестьянского банка. Во-первых, ему разрешили выйти за рамки простого кредитного посредничества. Во-вторых, из состава заемщиков исключались некредитоспособные члены сельских обществ. В начале 1895 года министр финансов представил проект на рассмотрение Государственного совета.

Перед банком ставилась новая задача — содействовать развитию «мелкой частной земельной собственности крестьян». Ссуды выдавались не всем желающим поголовно, как было прежде, а единичным зажиточным домохозяевам и «немногочисленным по составу товариществам».

С. Ю. Витте выдвинул предложение о покупке банком за собственный счет земли у помещиков для последующей перепродажи ее крестьянам. Предлагаемая мера должна быть в одинаковой степени выгодна как первым, так и вторым. Приобретение банком земель целыми имениями, по мнению министра, было в интересах тех помещиков, которые не испытывали влечения к сельскому хозяйству и для которых выгодное отчуждение земли представлялось единственным способом спастись от полного разорения. Разбивка крупных имений на участки и продажа их солидным заемщикам с рассрочкой платежа на многие годы могли поправить и финансы банка.

Министр финансов не думал ограничиваться одним только расширением операций банка покупкой земли для перепродажи. В первой статье нового устава банка говорилось, что он преследует цель «...оказывать крестьянам содействие в приобретении предлагаемых к приобретению земель в собственность или в бессрочное наследственное за договоренную плату пользование», то есть бессрочную земельную аренду.

С. Ю. Витте заявлял, что бессрочная аренда гораздо предпочтительнее, чем срочная — земледелец, заарендовав участок даже на предельные сроки, допускаемые законом (30 и 36 лет), все же избегает вкладывать деньги в капитальные улучшения, предпочитая заниматься этим пусть даже на клочке земли, зато собственном.

Bacon

Князь А. И. Барятинский, наместник Кавказа в 1856—1862 годах.

Р. А. Фадеев, адъютант князя Барятинского, дядя С. Ю. Витте.

Пленение имама Шамиля. *Т. Горшельд. Гравюра XIX в.*

А. М. Фадеев, тайный советник,
дед С. Ю. Витте.

Ю. Ф. Витте,
отец С. Ю. Витте.

Тифлис. Фото второй половины XIX в.

Новоросийский университет. *Открытие начала XX в.*

Одесский порт. *Открытие начала XX в.*

И. С. Блюх,
первый председатель
правления общества
Юго-Западных
железных дорог.

Кременчугский мост
на Днепре.
Фото начала XX в.

М. Н. Анненков, начальник
управления военных перевозок
Военного министерства.

В. А. Бобринский,
министр путей сообщения
в 1869—1871 годах.

Рабочие сахарного завода.

Д. А. Андриевский, первый управляющий Юго-Западными железными дорогами.

А. П. Бородин, главный инженер службы подвижного состава Юго-Западных железных дорог.

Одесская биржа. *Открытка начала XX в.*

Адмирал К. Н. Посьет,
министр путей
сообщения
в 1874—1888 годах.

Катастрофа
императорского поезда
в Борках.
1888.

Император Александр III.

Н. Х. Бунге, министр финансов
в 1881—1886 годах.

И. А. Вышнеградский, министр
финансов в 1888—1892 годах.

Петербург, Невский проспект. *Фото начала XX в.*

Железнодорожный мост через реку Енисей, сооруженный в 1899 году.
Фото начала XX в.

Железнодорожная станция «Иркутск».
Фото начала XX в.

Вагон-ресторан скорого поезда Транссибирской дороги.
Фото начала XX в.

Работы каторжных на постройке Уссурийского участка
Сибирской железной дороги. Фото начала XX в.

Работы по образованию переселенческих участков
в Тобольской губернии. Фото начала XX в.

Постройка ветки Екатеринбург — Челябинск.
Фото начала XX в.

М. И. Хилков, министр
путей сообщения
в 1895—1905 годах.

Арочный
каменный мост
на Китайско-Восточной
железной дороге.
Фото начала XX в.

Памятник императору Александру III — «державному основателю» Сибирского рельсового пути. *Скульптор П. Трубецкой.*

Николаевский вокзал в Петербурге.
Отсюда начинался великий Сибирский рельсовый путь. 1900.

В бессрочной земельной аренде министр финансов увидел не переходную ступень к другой, постоянной форме владения, «...а самостоятельную и окончательную форму, на которой земледелец мог бы, если бы нашел для себя это выгодным, и остановиться, ибо эта форма представляла для него практически те же гарантии прочности, наследственности и неотъемлемости, как и собственность, и в известном смысле даже более гарантии, так как арендованный участок есть достояние, недоступное посягательствам на него третьих лиц»⁹⁸.

Отвечая на упрек министра юстиции в том, что форма бессрочной аренды якобы представляет собой новинку в российском законодательстве, С. Ю. Витте утверждал: она ни в коей мере не противоречит сложившемуся укладу крестьянского землепользования. Если смотреть на нее как на форму владения землей, «...как на род ограниченной собственности, то не лишено было бы основания обратное положение, а именно, что начала *полного права личной собственности* сравнительно мало знакомы народу: так, участники в столь распространенном общинном владении не могут считать себя полными собственниками своей земли; при первоначальном наделении помещичьих крестьян земля отводилась им лишь в “постоянное пользование”; затем, даже и после выхода на выкуп, право распоряжения землей, приобретенной им при посредстве выкупной ссуды, настолько ограничено... что весьма значительная часть населения фактически вовсе не имела возможности освоиться с правом неограниченной собственности во всей ее полноте»⁹⁹ (курсив источника. — С. И.). Даже крестьянам — переселенцам Сибири казенные земли отводились не в собственность, а в постоянное (или бессрочное) пользование за плату.

Далее С. Ю. Витте делает весьма характерное для него замечание: «Впрочем, если бы форма бессрочного, за известную плату пользования землею у нас вовсе не встречалась до сего времени, то обстоятельство это само по себе едва ли было бы достаточно для того, чтобы отвергнуть предлагаемую в проекте устава Крестьянского банка бессрочную аренду, ибо это во всяком случае форма факультативная, принимаемая по добровольному желанию приобретателя земли. Приобретатель волен не только взять землю на условии бессрочной аренды, но и во всякое время прекратить этого рода отношения к казне (в данном случае к Крестьянскому банку) или отказом от аренды, или выкупом арендной платы».

Преимущества бессрочной аренды этим не исчерпывались. Далеко не у всех крестьян имелись деньги для внесе-

ния первоначального взноса (доплаты) при покупке земли с рассрочкой платежа. Главный довод, приведенный министром финансов в пользу проектируемой им формы землевладения, был таков — «...скудость сбережений в среде сельского населения у нас, готовых средств, дающих возможность приступить к самой покупке земли».

Крестьянский поземельный банк, подчеркивал министр финансов, это не благотворительное учреждение, у которого крестьяне получают бесплатные ссуды и покупают землю ниже ее действительной стоимости. «Он непременно должен считаться с современными экономическими условиями доходности земли, спроса на нее и предложения; а потому указанное выше обстоятельство, т. е. недостаток средств для производства доплаты, неизбежно лишило бы очень многих возможности воспользоваться содействием банка, если бы банк остановился на одной лишь продаже купленных им земель и не испытал сдачи их в бессрочную аренду»¹⁰⁰. Лишь практика в конце концов покажет, насколько аренда без срока удобна для крестьянина и выгодна государству.

Предложение С. Ю. Витте ввести в России наследственную крестьянскую бессрочную земельную аренду не прошло¹⁰¹. А жаль!

Появление на российском земельном рынке такого крупного покупателя земли, как Крестьянский банк, должно было несколько умерить эгоистические поползновения благородного дворянства, стремившегося драть с крестьян три шкуры за продаваемую им землю и взимавшего высокие платы при краткосрочной аренде. Специально для земельных покупок Крестьянскому банку был выделен капитал в сумме 50 млн руб.

Прямые банковские покупки дворянских имений помогали крестьянам обзаводиться землей по более низкой цене, чем на вольном рынке. Вот пример: в 1900 году десятина земли, купленная у частных владельцев при содействии банка, обходилась крестьянину в среднем по 82 руб., тогда как та же десятина, но купленная у самого банка, — по 59 руб.¹⁰²

Крестьянский поземельный банк, конечно, много помогал распространению крестьянских хозяйств фермерского типа. Цена оказалась слишком высокой — со временем он превратился в крупнейшего сельского хозяина страны. В 1913 году в «непосредственном хозяйственном заведении» у банка было уже 836 млн десятин земли, в том числе: 197 млн десятин под сельскохозяйственными угодьями (пашнями и сенокосами), 545 млн десятин под лесом и

94 млн десятин под малоудобными и неудобными землями (болотами, оврагами, песком, водой). 4 тыс. десятин банк предоставлял бесплатно собственным служащим, занятым охраной этих колоссальных земельных богатств — сторожам, лесным объездчикам и т. п.¹⁰³ В западных губерниях Крестьянский банк приобретал имения вместе с винокуренными заводами. Их приходилось оставлять за собой, в собственном хозяйственном управлении, ввиду отсутствия платежеспособных покупателей. Таким образом, завязался тугой узел, развязывать который пришлось уже деятелям другой исторической эпохи.

* * *

С. Ю. Витте всегда гордился принадлежностью к «сливкам» русского дворянства. В прекрасной вступительной статье ко второму изданию его «Воспоминаний» Аркадий Лаврович Сидоров совершенно правильно указывает, что С. Ю. Витте своей государственной деятельностью выражал дворянские интересы в целом¹⁰⁴. Им делалось максимум возможного, для того чтобы помочь русскому помещичьему дворянству адаптироваться к капиталистическому развитию страны, перестроить хозяйство своих латифундий на прогрессивных рыночных началах.

В киношедевре режиссера Лукино Висконти «Леопард» (фильм удостоен «Золотой пальмовой ветви» Каннского кинофестиваля) есть такая сцена. Молодой прогрессивно мыслящий аристократ говорит своему дяде — убежденному поклоннику старины: «Чтобы все осталось по-прежнему, мы сами должны перемениться». Российская империя конца XIX и начала XX века — это не Сицилия эпохи движения Гарибальди. Русское помещичье дворянство в основной своей массе перемениться либо не могло, либо просто не хотело.

В «Воспоминаниях» С. Ю. Витте разделил российское благородное сословие на две неравные половины. Лучшие его представители, к которым он причислил себя самого, не отделяют собственного блага от блага общего. Другие, которых оказалось громадное большинство, преследовали исключительно свои личные эгоистические интересы, во многих случаях даже не трудясь маскировать их высокопарной риторикой. Их С. Ю. Витте не без яда именует «дегенератами». Такая язвительная классификация порождена отнюдь не чувством личной обиды на тех, кто изо всех сил старался вышвырнуть его на обочину политической жизни. Вся го-

сударственная деятельность С. Ю. Витте говорит о том, что это было его глубоким внутренним убеждением¹⁰⁵.

«Дворяне-дегенераты» имели право на занятие высоких постов в государственном управлении по одному факту принадлежности к высшему сословию. Бороться с этой несправедливостью С. Ю. Витте предлагал следующим способом: дворянские права должны приобретаться не только за отличия на государственной службе, но и за заслуги на поприще общественного служения, занятий промышленностью, сельским хозяйством, торговлей, науками и искусством¹⁰⁶. Его предложение не встретило поддержки ни в кругах высшей бюрократии, ни у императора Николая II.

Какие только мысли и чувства не уживались в голове и душе русского помещика! Владельцы родовых дворянских усадеб, сдававшие крестьянам землю в краткосрочную аренду на грабительских условиях, исповедовали самые передовые либеральные взгляды, метали громы и молнии в адрес правительства за его бессовестную налоговую политику и одновременно вождели дешевых, а еще лучше бесплатных, ссуд из Дворянского банка.

Свои домогательства они обращали непосредственно к престолу. В 1895 году подвернулся удобный предлог — предстоящие коронационные торжества. Когда до министра финансов дошли слухи, что в дворянских кругах что-то затевается, он направил К. П. Победоносцеву обеспокоенное письмо (датировано 29 апреля 1895 года): «Сегодня мне передал Анатолий Павлович Иващенко, что... И. Н. Дурново к 6 мая готовит какой-то новый указ о льготах дворянству. Ведь это будет просто беда! Уже теперь рескриптом взбаламучено море всяких вожделений — что же будет потом? Еще вчера Третий Иванович (Т. И. Филиппов, государственный контролер. — С. И.) спрашивал меня, не случилось ли что-либо особенного, так как утром его камердинер спрашивал: “Правда ли, барин, что вышел царский приказ, чтобы нас опять обратить в крепостных?” Ведь наверху, по далекости расстояния, а И. Н. Дурново и К^о по близорукости, не видят, какую они готовят смуту»¹⁰⁷.

Профессор Константин Петрович Победоносцев, обер-прокурор Святейшего синода Русской православной церкви, был крупнейшей фигурой из всех окружавших в то время царский престол. Высокодаровитый человек, правовед выдающейся учености, он страдал тем недостатком, каким и ныне страдают многие почтенные юристы, а именно: полным отсутствием творческого жизненного начала. Относясь ко всему остро критически, необыкновенно сильно и ярко жи-

вописуя язвы государственного и общественного устройства России, ничего конструктивного предложить он не мог. Это свойство его ума отмечено в заслуживающих доверия мемуарных источниках, например, воспоминаниях Е. М. Феоктистова, откуда взята следующая цитата: «По-видимому, он полагал, что, излив свои сетования, он сделал все, чего можно от него требовать, и затем остается только уповать на милосердие промысла. Конечно, трудно было согласиться с этим; Константину Петровичу возражали, что бездействие правительства должно привести Россию к страшным бедствиям, — в ответ на это он приводил странный аргумент, он указывал на то, что никакая страна в мире не в состоянии была избежать коренного переворота, что, вероятно, и нас ожидает подобная же участь и что революционный ураган очистит атмосферу. Хорошее утешение! Однажды кто-то весьма основательно заметил ему на это, что если все государства подверглись революционным потрясениям, то не было еще примера, чтобы правительство, так сказать, включало революцию в свою программу, считало ее таким неизбежным явлением, с которым бесполезно бороться»¹⁰⁸.

Твердая жизненная позиция К. П. Победоносцева внушала уважение, а ум и образованность делали общение с ним полезным и приятным. «...Из всех государственных деятелей России, — писал С. Ю. Витте, — с которыми мне пришлось иметь дело во время моей, хотя и недолгой государственной карьеры, но столь разнообразной по различным событиям, случавшимся во время моей государственной деятельности, Константин Петрович Победоносцев был человек, наиболее выдающийся по своему таланту или, вернее, не столько по таланту, сколько по своему уму и образованию; мне было гораздо приятнее беседовать с Победоносцевым, гораздо приятнее, нежели со всеми остальными моими коллегами и другими государственными деятелями России, с которыми мне приходилось встречаться»¹⁰⁹.

В начале XX века звезда Константина Петровича начала закатываться. У молодого царя он не пользовался таким авторитетом, как у его отца. 12 мая 1901 года в дневнике генеральши А. В. Богданович появляется запись: «Вчера встретила Победоносцева. Выглядит он совсем больным, высохшим. Он очень самолюбивый человек, любит доминировать, а за последнее время он у царя никакой роли не играет, влияния у него нет никакого, потому и сохнет»¹¹⁰. Но в середине и второй половине 1890-х годов влияние обер-прокурора Синода на императора было еще велико.

Поход против С. Ю. Витте «дворяне-дегенераты» откры-

ли в 1896 году, когда предводители дворянства 27 губерний подали царю записку с резкой критикой проводимой им экономической политики. 9 января 1897 года Николай II распорядился, чтобы министр финансов дал ответ по всем пунктам предъявленных обвинений. Так появилась знаменитая работа под названием «Замечание министра финансов С. Ю. Витте на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения»¹¹¹. Она была подготовлена и представлена императору не ранее апреля 1897 года. Ленинградский историк Юрий Борисович Соловьев называет ее в числе «наиболее важных и значительных документов», когда-либо вышедших за подписью С. Ю. Витте¹¹².

Когда дворяне домогались всевозможных льгот и казенных субсидий, они козыряли тем, что реформой 1861 года их обобрали — лишили не только дармового труда крестьян, но еще и земли, которую они совершенно искренне считали своей частной собственностью (хотя в своей сущности они имели на нее лишь феодальное право собственности). С. Ю. Витте уверял Николая II, что главная причина кризиса дворянского землевладения состоит не в этом, равно как и не в тарифной политике и не в железных дорогах, а в том, что многие помещики не только не могут, но еще и не хотят рационально вести хозяйство. Они слишком привыкли широко жить за чужой счет. Министр финансов противопоставил «диким помещикам» (выражение М. Е. Салтыкова-Щедрина) средней полосы России прогрессивных дворян северо-западных и юго-западных районов страны, очень удачно приспособившихся к новым временам и даже ставших как бы их составной частью, а вовсе не инородным телом.

Воззрения С. Ю. Витте на причины кризиса крупного российского землевладения, в целом правильные, все же несли оттенок излишней пристрастности. Указав на прогрессивное хозяйство дворянских латифундий западных и южных губерний как на образец, министр финансов несколько хватил через край — многие передовые помещичьи экономии, паразитируя на земельной нужде крестьян, широко применяли архаичную отработочную систему.

Русское поместное дворянство, несомненный виновник собственного критического положения, оказалось отчасти жертвой внешних обстоятельств. Государственный кредит, как краткосрочный, так и сословный ипотечный, устраивался и действовал на капиталистических принципах. Дворянский банк явился для помещиков даром данайцев, который впутал их в неоплатные долги. Обслуживать дворян так, как они того желали — под пониженный процент, — означало

превратить банковский ипотечный кредит из предпринимательского в благотворительный, на что в конце XIX века пойти было никак невозможно из-за напряженного состояния государственных финансов. И без того И. А. Вышнеградский, чтобы хоть как-то поддержать дворянское землевладение, вынужден был пойти на крайне непопулярную меру.

В 1889 году для подкрепления средств Дворянского земельного банка был выпущен специальный 5%-ный выигрышный заем на сумму 80 млн руб. Он обошелся Государственному казначейству совсем недешево. Государственному банку — главному посреднику по размещению бумаг займа среди публики — пришлось приобрести облигаций «дворянского» выигрышного займа на немалую сумму¹¹³.

Средства для выдачи ссуд банк черпал на рынке путем продажи облигаций с 5%-ной ежегодной доходностью. Ссуды им предоставлялись безостановочно — в случае необходимости за счет кредитов в Государственном банке. Ежегодные платежи заемщиков (плата за пользование ссудой плюс погашение капитальной задолженности и комиссионное вознаграждение банка-посредника) составляли 5,75% от суммы первоначального долга. Но и они казались заемщикам чрезмерно высокими.

При всех громадных преувеличениях в жалобах дворян на тяжесть банковских ссуд доля истины все же была. В 1880-е — первой половине 1890-х годов сельское хозяйство страны переживало не самые лучшие времена из-за невыгодных мировых цен на зерно. Трудно было получить от крупного сельского хозяйства средний доход в размере, необходимом для простого и расширенного воспроизводства капитала.

С учетом всех обстоятельств Министерство финансов делало максимум возможного, чтобы уменьшить процент по ссудам. В первую очередь оно взялось за понижение нарицательного процента по облигациям Дворянского банка. Уже в конце 1892 года начались досрочный выкуп и конверсия в 4,5%-ные закладные листы всех ранее выпущенных бумаг с 5%-ным купонным доходом. В 1895—1896 годах Дворянский банк выпускал для реализации уже 4%-ные бумаги, а в 1897-м начал предлагать рынку даже 3,5%-ные ипотечные облигации. С. Ю. Витте удалось соблазнить закладными листами Дворянского банка и заграничных капиталистов, поскольку кредит России за рубежом тогда стоял очень высоко. Листы вначале продавались по высокому курсу — 97 за 100, однако скоро курс начал падать и в 1904 году дошел до 81. Банку пришлось вернуться к 4%-ным облигациям, что было, конечно же, не к выгоде заемщиков.

Дворянский банк стремился иметь прибыль от операций. Часть ее употреблялась на предоставления заемщикам банка разного рода льгот. По абсолютной величине чистой прибыли Дворянский банк приближался к наиболее благополучным из числа акционерных земельных банков, таким как Московский, Виленский и Харьковский¹¹⁴.

Министр финансов С. Ю. Витте пошел навстречу крупным сельским хозяевам и еще в одном вопросе. Помимо Дворянского банка их интересы обслуживали 10 акционерных ипотечных банков. Но они, в отличие от Дворянского банка, выдавали помимо сельских еще и ссуды под крупную городскую недвижимость. В период 1895—1901 годов городские залоги вышли в их операциях деятельности на первый план.

Министерство финансов, обеспокоенное таким направлением работы акционерных земельных банков, 24 мая 1901 года издало памятный циркуляр. В нем отмечалось, что банки отклонились от своей первостепенной задачи, которая состояла в обслуживании сельского землевладения в первую очередь. Прозвучал и плохо замаскированный упрек в неблагодарности — ведь именно ссуды сельским земельным собственникам позволили банкам накопить значительные запасные капиталы и с их помощью уменьшить сборы с заемщиков, в том числе и городских, до вполне умеренных размеров. Беспрепятственный доступ городских заемщиков к кредиту, говорилось в циркуляре, чрезмерно увеличивает объемы эмиссии ипотечных облигаций, что неблагоприятно влияет на их биржевые курсы. Падение рыночной стоимости ипотечных бумаг ведет к удорожанию кредита — заемщики получают ссуды закладными листами по их нарицательной цене, но продавать бумаги им приходится по биржевому курсу, который ниже номинала. Помимо всего этого, земельные банки несли убытки почти исключительно на городских ссудах, поскольку реализация крупных залогов в городах крайне редко обходилась без значительных потерь ввиду ограниченного спроса на дорогостоящее недвижимое имущество.

Ссылаясь на практику некоторых земельных банков, сдержаннее других относившихся к городской недвижимости, С. Ю. Витте предложил ограничить городские ссуды до $\frac{1}{3}$ общего объема всех ссуд. В циркуляре министр финансов недвусмысленно грозил ослушникам: «Со своей стороны я придаю столь важное значение полнейшему преобладанию земельных имуществ в составе банковских залогов, что не премину поставить в зависимость от успешного выполнения

этой задачи разрешение банкам новых выпусков акций, обусловливающих увеличение закладных листов в обращении».

Направление, выраженное в министерском циркуляре, встретило полное понимание и в Государственном совете, и у носителя верховной власти. 29 апреля 1902 года император Николай II подписал закон, где говорилось: «В акционерных земельных банках сумма ссуд под залог городских недвижимых имуществ не должна превышать $\frac{1}{3}$ общего итога остающихся непогашенными ссуд. Если в банке превзойдено это соотношение, то впредь до его возобновления ссуды под городские недвижимые имущества могут быть ежегодно выдаваемы на сумму не свыше одной пятой доли всех выданных в течение того года ссуд».

Земельные банки, немало заинтересованные в развитии городских операций — как-никак крупная недвижимость в столицах приносила чистого дохода в среднем 12% на капитал, что было значительно выше прибыли от сельских имений, — предпринимали все возможное, чтобы обойти закон 12 апреля 1902 года. Получил огласку следующий факт. В 1903 году на утверждение министра финансов поступило дело о приеме Донским земельным банком имения с устроенной в нем лечебницей-санаторием. Лечебница была расположена в местности, которая относилась к категории городских поселений, однако оформление банком залога было произведено по правилам для сельских ссуд. Министр финансов нашел производство всей операции по сути совершенно неправильным¹¹⁵.

* * *

Российское дворянство поддерживало курс на индустриальное развитие страны капиталистическими методами, но лишь до тех пределов, пока не были затронуты его классовые интересы. Прежде всего дворян заботило сохранение их земельной монополии, естественно, при помощи государства. Этого они добивались в ходе работы созванного 14 марта 1897 года по высочайшему повелению Особого совещания по делам дворянского сословия.

«В городе все поговаривают о каком-то указе, который должен появиться по дворянскому делу, — писал С. Ю. Вите своему единомышленнику К. П. Победоносцеву, — очень этого боюсь. Опять обещания, надежды — которые не будут выполнены уже потому, что они неисчерпаемы, а следовательно, последуют разочарования. Ужасно обидно, что госу-

даря наводят на такой неверный путь. С другой стороны, сегодня слышал от кн. Мещерского, что ему будто Плеве жаловался, что государь нерешителен и не поддается влиянию на приманки Дурново и К^о. Все это очень тревожно»¹¹⁶.

Когда С. Ю. Витте вступил в должность министра финансов, внутренними делами занимался Иван Николаевич Дурново — человек, который со всеми умел ладить, но крупной фигуры собой не представлял. Его главным преимуществом было то, что в нравственном отношении он был совершенно безупречен. Своей блистательной карьерой он был обязан исключительно себе самому, точнее сказать, своему необыкновенно привлекательному характеру. И. Н. Дурново был в полном смысле слова хороший человек, который испытывал удовольствие, когда мог оказать кому-нибудь услугу, отзывчивый и не способный покривить совестью ни при каких обстоятельствах¹¹⁷. Он и был назначен царем председателем дворянского совещания.

Его товарищ представлял собой фигуру гораздо менее симпатичную. Вячеслав Константинович Плеве отличался в лучшую сторону от своего начальника только умом. Вежливый, невозмутимо спокойный, никогда не повышавший интонацию голоса, не способный проронить ни единого лишнего слова, Плеве распространял вокруг себя холод. Его несомненный ум, громадная память и удивительная работоспособность наряду с полной беспринципностью были замечены и оценены еще Александром III. Когда министр внутренних дел сказал императору, что у В. К. Плеве отличные убеждения, император возразил: «Да, у него отличные убеждения, пока вы тут, а когда не будет вас, то и убеждения у него будут другие»¹¹⁸.

С. Ю. Витте и И. Н. Дурново в целом ладили, хотя по ключевым вопросам социальной политики последнего десятилетия XIX столетия — рабочему, крестьянскому и дворянскому — у них не было полного взаимопонимания. Единодушие с министром внутренних дел, «курировавшим» сословную политику, имело решающее значение для успеха всех тех мер, которые намечал и пытался осуществить министр финансов С. Ю. Витте. Разумеется, требовалась еще и поддержка императора.

Назначение после отставки И. Н. Дурново Ивана Логгиновича Горемыкина было несомненным шагом назад. И. Л. Горемыкин был верным слугой императора — в этом состояло его единственное и наиболее ценное в глазах Николая II достоинство. При императоре Александре II И. Л. Горемыкин придерживался либеральных взглядов; ког-

да на престол взошел Александр III, он переменял направление и сделался консерватором. Как только И. Л. Горемыкин был назначен министром внутренних дел, а произошло это в 1895 году, он принялся проводить реакционную политику, правда, иногда в либеральной оболочке. Так, им был составлен проект введения земских учреждений в губерниях западного края. После отставки И. Л. Горемыкина 20 октября 1899 года Министерство внутренних дел возглавил Д. С. Сипягин.

Дмитрий Сергеевич Сипягин и Сергей Юльевич Витте не просто дружили, они были на «ты». Большого роста, внушительного телосложения, с крупными чертами лица, большим носом и оттопыренными ушами, Д. С. Сипягин был цельной, но простой и бесхитростной личностью. Трудоголик, он до глубокой ночи просиживал за письменным столом, вникая во все мелочи административного управления огромной страной, тем самым стремясь, может быть и сам того не желая, сделаться губернатором всероссийским.

От природы Д. С. Сипягину был дан изрядный запас здравого смысла. Он немало помогал ему легко ориентироваться в сложной обстановке. «Последний боярин Московской Руси», по определению одного остро слова, он имел репутацию человека справедливого и не лишенного благородства. Д. С. Сипягин был всецело предан царю, любил историю родной страны и был очень религиозен. Он свято исполнял все старинные обряды, твердо держал все посты и, как простой русский человек, очень любил хорошо покушать, причем в поглощении разных блюд ему не было равных. На груди, под рубахой, на толстом шелковом шнурке Дмитрий Сергеевич носил ворох различных талисманов. Тут были крестики, иконки, мешочки, ладанки, какие-то кольца, по предположению сослуживцев, родительские венчалные, и многое другое. Но талисманы и амулеты не уберегли его от пули террориста. Смертью друга С. Ю. Витте был опечален еще и потому, что очень хорошо догадывался, кто его сменит. На место Д. С. Сипягина пришел не кто иной, как В. К. Плеве, ставший прямо-таки врагом министра финансов¹¹⁹.

Отношения В. К. Плеве и С. Ю. Витте испортились окончательно на заседаниях дворянского совещания. В. К. Плеве был начисто лишен творческих задатков. Более того, его порой посещали такие странные идеи, что нам, историкам, остается, следуя персидской пословице, «засунуть в рот пальцы удивления и сесть на ковер для размышления». Вот пример, взятый из книги Ю. Б. Соловьева.

В. К. Плеве был горячим сторонником насаждения в Си-

бири дворянского землевладения. Но где найти таких дворян, которые согласятся уехать с насиженных имений в далекий край? «Я бы хотел знать, где те русские люди американского закала, которые согласятся переселиться в Сибирь на 1000 десятин земли с неотмерзающей подпочвой и которые при этом пожелают затрачивать большие средства на обработку этой земли. Я думаю, что такие люди будут редким исключением и едва ли найдется какой-нибудь десяток».

Но проблему требовалось безотлагательно решать, и вот в голове В. К. Плеве родился план. Чтобы создать в Сибири землевладение дворян, следует отступить на несколько столетий назад — в XVI век. Все сибирские земли надо разделить на две части: на одной жизнь будет идти нормальным капиталистическим путем, а на другой, дворянской, будет заведен особый порядок, а именно: имения будут предоставляться дворянам только в пользование, за службу, как много веков назад, без права продажи и покупки в течение трех поколений, как временно заповедные. Другими словами, из землевладения предлагалось образовать тягло и прикрепить помещиков к земле. По плану В. К. Плеве, в Сибири начала XX века предлагалось образовать дворянство тем же способом, как много столетий назад было сделано на территории Европейской России¹²⁰.

Закон 8 июня 1901 года открыл дворянам льготный доступ к сибирским землям. Как вскоре оказалось, годы, потраченные на разработку этого закона (В. И. Ленин откликнулся на него статьей «Крепостники за работой»¹²¹), были выброшены впустую. «Сибирских конкистадоров из дворян не получилось», — справедливо указывает Ю. Б. Соловьев¹²².

Как и его недруг министр финансов С. Ю. Витте, глава Министерства внутренних дел В. К. Плеве был этатистом. Но этатизм бывает разный. Он может вывести из пропасти, но он может в нее и завести.

* * *

Дворянское совещание собиралось для того, чтобы выяснить «современные нужды дворянского сословия» и наметить меры, «...которые могли бы обеспечить помещному дворянству способы нести и впредь службу престолу»¹²³. Следуя формулировкам монаршего повеления, дворянские заправила составили проект программы работ совещания, который был переслан для отзыва министру финансов.

В своем заключении на проект С. Ю. Витте совершенно иначе подошел к вопросу о том, как помочь дворянству най-

ти достойное место в новой жизни. Прежде всего, полагал он, следует обсудить общие условия сельского хозяйства, в том числе и хозяйства поместных дворян, а затем уже планировать меры к улучшению этих условий.

Министр финансов не был сторонником той точки зрения (она имеет некоторое хождение и в наши дни), что мелкое сельское хозяйство, устроенное на семейных началах, имеет неоспоримые преимущества перед крупным, ведущимся с применением наемного персонала¹²⁴. Противник всякого социального иждивенчества, С. Ю. Витте категорически отметал претензии дворян на особые заслуги перед государством — по его представлению, не дворяне только, но все сословия несли тягло, налагаемое на них государством во имя общей пользы¹²⁵. По мнению министра финансов, работа Особого совещания по делам дворянского сословия окажется благотворной лишь в том случае, если сословные интересы дворян будут учитываться лишь в той мере, в какой они совпадают с общегосударственными. В документе было прямо сказано: денежные средства, собираемые государством со всех сословий, не могут быть потрачены на нужды только одного из них.

В «Воспоминаниях» С. Ю. Витте заметил, что если журналы Особого совещания по делам дворянского сословия будут когда-нибудь опубликованы (а они не опубликованы полностью до сих пор), то эта публикация будет сильнее-шим ударом по престижу российского дворянства.

Когда С. Ю. Витте узнал, что дворяне пытаются добаться до казенного кошелька через посредство Дворянского банка, то принял самые решительные контрмеры. Он доложил царю — дворянские домогательства государственных денег крайне вредно влияют на обороты самого банка. В ожидании новых льгот его заемщики перестали вносить регулярные платежи в расчете на то, что эти льготы будут дарованы прежде, чем банк вынужден будет приступить к взысканию недоимок.

2 апреля 1899 года Витте добился от царя положительной резолюции на доклад, где говорилось, что впредь до завершения конверсии 4%-ных и 4,5%-ных закладных листов «...не были возбуждаемы и не могли подлежать рассмотрению в высших государственных установлениях, полагая в числе оных и... Особое совещание по делам дворянского сословия, какие-либо вопросы, касающиеся пересмотра или частичного изменения действующего устава государственного Дворянского земельного банка, равно как и иных существующих о нем узаконений, иначе как в порядке испроше-

ний на сие министром финансов непосредственных у его императорского величества указаний»¹²⁶.

Своей твердой позиции по дворянскому вопросу С. Ю. Витте не изменил и впоследствии. Когда в конце 1905 года Крестьянский банк получил неограниченное право покупки земель за собственный счет для перепродажи их крестьянам, помещики собирались хорошо поживиться на этом. Но у них ничего не вышло — во главе управления сословным ипотечным кредитом С. Ю. Витте поставил своего верного ученика и единомышленника А. И. Путилова. Тогда предводители дворянства, собравшись в Москве, направили жалобу императору, где писали, что банк им мешает процветать, отказываясь участвовать в сделках с явно завышенной оценкой недвижимости.

С. Ю. Витте настаивал, чтобы банк финансировал земельные покупки по ценам, которые выражают действительную стоимость земли, хотя крестьяне были готовы покупать землю и втридорога, уповая на то, что долги им все равно простят. По этому вопросу им была составлена специальная записка для императора Николая II под названием «Справка о ходе дел в Крестьянском банке». В ответ на очередной поток дворянских жалоб С. Ю. Витте писал в характерном для него стиле: «Это старая история. В течение 20 лет все подобные собрания (имеется в виду собрание представителей дворянства в Москве. — С. И.) кончались тем, что просили давать им больше денег из Дворянского банка, как можно меньше брать с них платежей на занятые деньги (для чего был выпущен выигрышный заем на 215 млн руб.), прощать недоимки и держать крестьян в полной опеке: не давать им ни общих судов (суды особые — волостные), ни общей администрации (земские начальники), ни уменьшать их выкупные платежи (это баловство) и проч. Вот и дожили до того, что крестьяне озверели. Теперь новая песнь: купите для них нашу землю, но заплатите нам по нашей оценке. Для того, чтобы согласовать несогласуемое, то есть, с одной стороны, продать землю подороже, а с другой — облагодетельствовать крестьян, предлагают часть платежей крестьян взять на счет казны. Но что есть такое казна? Это тоже деньги народа, и их должен будет заплатить тот же народ»¹²⁷.

* * *

Отношения министра финансов с верхами русского торгово-промышленного мира также складывались непросто. Российская буржуазия никогда не считала его вполне своим.

Журнал отечественных деловых кругов «Промышленность и торговля» писал о С. Ю. Витте: «Вся его многосторонняя деятельность была направлена к одной цели: к организации государственного порядка»¹²⁸.

Очень сильно навредила С. Ю. Витте в глазах крупного капитала позиция, которую он занял по отношению к нему в годы экономического кризиса начала XX века. Надо сказать, что С. Ю. Витте вовсе не отказался от прежнего курса на поддержку магнатов капиталистической индустрии ссудами из государственных средств. Но он резонно полагал, что между финансовой поддержкой крупных частных компаний и их субсидированием за счет казны дистанция довольно большого размера. Между тем в предшествующем финансовом управлении она совершенно стиралась. Например, Путиловский завод, один из самых крупных российских производителей рельсов, паровозов и вагонов, в 1878 году был взят Государственным банком в полное управление, после чего в 1883 году продан в частные руки с потерей больших банковских средств (3,2 млн руб.). Министр финансов Н. Х. Бунге, полностью оправдывая такую практику, писал: «Создав с значительными пожертвованиями государственного казначейства отрасли отечественной промышленности по выделке рельсов и по изготовлению подвижного состава для железных дорог и тем поставив себя в большую независимость от иностранных рынков, правительство не могло безучастно относиться к дальнейшим судьбам этой промышленности»¹²⁹.

Государство спасало от разорения дельцов-учредителей, поскольку, по мнению властей, они принадлежали к сливкам торгово-промышленного класса и их крах вызвал бы многочисленные и трудно предсказуемые несчастья. Поддержка всем известных грюндеров В. А. Кокорева, П. И. Губонина, С. Д. Башмакова государственным финансированием в 1876—1880 годах, по подсчетам И. Ф. Гиндина, обошлась в 17 млн 82 тыс. руб.¹³⁰

Капиталистическая банковская система также родилась на свет с помощью прямого казенного финансирования. При учреждении в 1866 году Московского купеческого банка Государственный банк оставил за собой пакет его паев на сумму 1 млн руб. из общего выпуска 5 млн руб.

Один из постулатов классической политэкономии гласит, что банк в своей сущности есть не более чем посредник между ссудными и функционирующими капиталистами. Соответственно тому функция любого кредитного учреждения, в том числе и государственного, в процессе создания материальных ценностей чисто служебная. «Ни одно государст-

во, даже самое могущественное, не в силах созидать капиталы» — эта фраза из всеподданнейшего доклада министра финансов императору 1899 года выражает суть взглядов С. Ю. Витте на проблемы денежно-кредитной политики.

Отношения между государством и крупным капиталом С. Ю. Витте стремился перевести на здоровую деловую основу. К зарвавшимся дельцам он проявлял полную беспощадность, как это было в случаях с банкротствами Алчевского и Мамонтова.

В самом конце позапрошлого столетия культурная и деловая Москва была взбудоражена скандальной историей, в центре которой оказался Савва Иванович Мамонтов — знаменитый российский меценат и крупный предприниматель.

11 сентября 1899 года бывший председатель правления Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги коммерции советник С. И. Мамонтов был арестован, а 23 июня 1900 года предстал перед судом, предъявившим ему обвинения по статьям 1198 и 1199 Уложения о наказаниях.

В обвинительном заключении говорилось, что С. И. Мамонтов и другие члены прежнего правления Архангельской дороги, стремясь поддержать принадлежавшее им же Товарищество Невского судостроительного и механического завода, «...совершенно произвольно субсидировали его деньгами Московско-Архангельской железной дороги и таким образом перевели из ее кассы заводу около 9 млн руб., затем этот долг завода перевели на Савву и Николая Мамонтовых, для чего постановлением правления общества открыли им многомиллионный кредит, в обеспечение которого приняли от Мамонтовых пай Невского завода по номинальной их цене, превышавшей действительную стоимость на 70%, и тем самым причинили Обществу Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги убыток в размере свыше 5 млн руб.». Им инкриминировалось еще и получение из кассы общества, как бы под отчет, значительных денежных сумм, «...из них свыше 750 тыс. Саввою Мамонтовым присвоены или растрачены».

Обвинению не удалось доказать корыстный умысел в действиях С. И. Мамонтова, суд присяжных его оправдал, и дело было передано в гражданское судопроизводство. Управление дороги предъявило бывшему составу правления иск в размере 6,5 млн руб. Савву Ивановича объявили несостоятельным должником. Его предпринимательской карьере и меценатству пришел конец.

Долго в Москве не утихали споры и кривотолки. Одни считали причиной краха Мамонтова его собственную не-

осторожность и непредусмотрительность, другие — роковое стечение обстоятельств. Во время предварительного следствия и на процессе делались намеки на причастность ко всей мамонтовской истории директора петербургского Международного коммерческого банка А. Ю. Ротштейна и даже всемогущего в ту пору министра финансов С. Ю. Витте. Впоследствии родилась и была растиражирована версия, что именно эти лица и явились главными виновниками неслыханного позора, постигшего на склоне лет одного из самых славных сынов России. Так ли это?

Вот что рассказал на процессе по делу Мамонтова П. С. Хитрово — чиновник по особым поручениям Министерства финансов. Летом 1899 года он получил от своего министра предписание безотлагательно познакомиться с финансовым состоянием акционерного Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. «Это предписание было вызвано жалобой Международного банка его превосходительству (С. Ю. Витте. — С. И.) на то, что Московско-Ярославско-Архангельская железная дорога не вносит платежей по своим облигациям, вышедшим в тираж». Ревизия установила: касса дороги пуста, вместо денежной наличности — долговые расписки членов правления, счетоводство и отчетность ведутся с вопиющими нарушениями, а само Общество находится в преддверии банкротства. Отчета о расходе 766 тыс. руб. Савва Иванович представить не мог — заподозрив неладное, чиновники Министерства финансов обратились к прокурору.

В ходе следствия выяснилось, что правление Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги с 1890 по 1898 год заключило целый ряд договоров с товариществом Невского судостроительного и механического завода (всего 10 договоров) об изготовлении пароходов, товарных и пассажирских паровозов на сумму всего 4,1 млн руб. Однако финансирование заказов находилось в полном противоречии с узаконенной практикой выдачи авансовых ссуд.

По всем заключенным договорам покупная сумма была авансирована заводу не частью, как это практиковалось тогда и практикуется в наши дни, а полностью под обеспечение векселями. Мало того, «...правление Общества Московско-Ярославско-Архангельской дороги продолжало выдавать товариществу новые суммы под те же самые вполне оплаченные заказы. Таковые суммы выдавались либо по постановлению всего правления, состоявшего из трех директоров: С. И. Мамонтова, Н. И. Мамонтова и К. Д. Арцыбушева, ли-

бо в большинстве случаев даже без соблюдения этой формальности, по отдельному ордеру или записке одного из директоров правления»¹³¹.

Впрочем, не в том беда, что Мамонтов в обход инструкций финансировал предприятие, с которым дорога поддерживала тесные коммерческие отношения. Беда в другом: ее оборотные средства замораживались на долгий срок в основном капитале Невского завода. Быстрый рост основных производственных фондов предприятия в очень небольшой степени компенсировался расширением выпуска продукции. Например, инвентарь Невского завода возрос с 2 млн 403,9 тыс. руб. в 1895 году до 7 млн 315 тыс. в 1898-м, то есть в 3 с лишним раза, тогда как выпуск готовой продукции за тот же период возрос только в 1,5 раза (с 3,9 млн до 5,8 млн руб.)¹³².

Фактически переоборудование завода производилось за счет оборотных средств рельсовой магистрали. С. И. Мамонтов затеял превращение его в гигантскую мастерскую для проектируемого им Общества Северных железных дорог. Произведенные расходы производились лишь в небольшой степени за счет средств, собранных с рынка капиталов. В юбилейной истории завода сказано, что львиную долю расходов несли на себе пайщики, а они широко пользовались кассой Московско-Ярославско-Архангельской дороги. На 16 февраля 1898 года долг Товарищества Невского завода Обществу Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги равнялся 8,9 млн руб., причем даже не вся эта сумма была покрыта векселями.

Добывались деньги и другими способами. После того как Московский купеческий банк в 1895 году отказался финансировать Невский завод на сумму 250 тыс. руб. в форме учета финансовых векселей с бланком (или поручительством) С. И. Мамонтова, коммерсант обратился в Русский для внешней торговли банк, где на текущем счету лежали деньги Московско-Архангельской магистрали. Там в 1898 году ему удалось-таки учесть два векселя Невского завода на 1 млн руб. каждый. Векселя были выписаны на 6 месяцев и по наступлении срока платежа их заменили другими документами. В Московском купеческом обществе взаимного кредита С. И. Мамонтову был открыт счет под залог соло-векселей и ценных бумаг для приобретения акций основанного им Общества Восточно-Сибирских заводов.

В 1898 году предприниматель затеял масштабную биржевую аферу, втянув в нее петербургский Международный коммерческий банк. Являясь крупным акционером руко-

водимой им дороги, он заключил в августе договор с банком о спекуляции ее бумагами на бирже за общий счет («conto meta»). Одновременно Савва Иванович изъял из Купеческого общества взаимного кредита заложенные там акции и соло-векселя и перезаложил их уже в Международном банке как обеспечение девятимесячной ссуды в размере 3 млн руб.

По уверению С. И. Мамонтова, его биржевые спекуляции предполагалось финансировать по специальному текущему счету «on call» (до востребования). По условиям такого счета покупка бумаг велась на деньги банка, но по приказам клиента и за его счет. До полной расплаты ценные бумаги на руки ему не выдавались, а хранились у банка-кредитора в качестве залога.

Все без исключения кредитные учреждения ставили довольно жесткие условия кредитования клиентов по «онкольным счетам». Залоговая стоимость обеспечения устанавливалась на 10—20% ниже рыночной расценки бумаг; кредит мог быть закрыт в любое время по желанию банка без объяснения причин; в случае понижения биржевой цены залога заемщик обязывался в течение трех дней покрыть разницу, в противном случае банк немедленно приступал к исполнительской продаже ценностей, обеспечивающих ссуду.

Крупные убытки на операциях с одним клиентом могут совершенно расстроить дела любого банка. После того как курс акций Московско-Ярославской дороги покачнулся из-за распространившихся на бирже слухов о злоупотреблениях ее правления, а Мамонтов не внес недостающую по залогу сумму, правление банка во главе с А. Ю. Ротштейном посчитало необходимым ликвидировать свои сделки с Мамонтовым: закрыло кредит, расторгло договор и потребовало безотлагательного возвращения ссуды. Это стало началом конца. Но конец еще не наступил — С. И. Мамонтов обратился за поддержкой к своему хорошему знакомому министру финансов С. Ю. Витте.

«Теперь не времена Канкрина». Эту фразу министр финансов, статс-секретарь С. Ю. Витте произнес во время беседы с ходатаем по делам Саввы Ивановича, известным писателем и инженером-путейцем по основной профессии Н. Г. Гариным-Михайловским. По всей вероятности, министр имел в виду те формы поддержки отечественной промышленности, которые получили некоторое распространение в царствование Николая I.

В 1824 году министр финансов Е. Ф. Канкрин ввел новое «Положение» о выдаче ссуд из Государственного заемного

банка, вскоре распространенное и на другие казенные кредитные учреждения — Сохранную казну и приказы общественного призрения. Им предусматривалось инвестирование государственных средств в основной капитал частных промышленных предприятий с личного разрешения министра финансов. Оно оформлялось как долгосрочные ссуды под залог недвижимого имущества, главным образом строений производственного назначения.

Образованному в 1860 году Государственному банку промышленные ссуды, обеспеченные неликвидами, безусловно запрещались. Тем не менее, как уже говорилось выше, он широко практиковал, особенно в 1870—1880-е годы, «воспособление» крупным промышленным фирмам, заботясь скорее о надежности залога, нежели о его ликвидности (то есть о возможности безубыточной реализации в короткие сроки).

После принятия в 1894 году нового устава Государственного банка его деятельность на поприще поддержки отечественной промышленности и торговли претерпела существенные перемены со стороны формы. Во-первых, претендовавшие на «воспособление» предприятия подвергались предварительному обследованию и в случае принятия положительного решения в их руководящие и контрольные органы вводились полномочные представители Госбанка. Во-вторых, принимались всевозможные меры к скорейшему высвобождению банковских средств. В-третьих, банк в большей степени, чем прежде, интересовался кредитоспособностью самих хозяев опекаемых фирм и требовал от них личных поручительских векселей различной срочности в качестве дополнительного обеспечения открываемому кредиту. Тем самым при необходимости погашение капитальной задолженности и уплата процентов осуществлялись из средств, полученных от реализации движимого и недвижимого имущества векселедателей.

Судорожные метания С. И. Мамонтова в поисках средств для поддержки своих широкомасштабных экономических проектов не могли остаться вне поля зрения банкиров и финансистов. Они создавали серьезные подозрения насчет кредитоспособности его самого и руководимых им фирм. В такой ситуации реакция С. Ю. Витте на предложение Н. Г. Гарина-Михайловского — промышленный кредит Невскому заводу под обеспечение вторым выпуском паев на сумму 6 млн руб. — выглядит вполне логичной. Просителю министр отказал, посоветовав Савве Ивановичу поискать частные капиталы, а предлагаемый залог обозвал «ватерклозетной бумагой». Уже из сокращенных балансов, опубликованных в «Ежегодни-

ке Министерства финансов», можно было с серьезными основаниями предположить, что Товарищество Невского завода находится на грани финансового краха.

По итоговому балансу предприятия за 1897/98 операционный год имущество без погашения оценивалось в 7,3 млн руб., стоимость товаров и материалов — 4 млн руб., дебиторская задолженность — 2,9 млн руб., прочие статьи актива (товары в производстве) — 1,5 млн руб. Им противостояли в пассиве: уставный (акционерный) капитал в сумме 1,5 млн руб., амортизационный капитал — 451 тыс. руб. и прибыль в размере всего 337 тыс. руб. — собственных средств имелось, таким образом, всего на 2,3 млн руб. Зато претензии разных кредиторов к предприятию были показаны в балансе в сумме 12,2 млн руб. Получается, что не только весь оборотный, но и значительная часть основного капитала, а также счет дебиторов С. И. Мамонтов сформировал из заемных средств! Даже обязательный для всех акционерных компаний запасный капитал, предназначенный для покрытия случайных убытков и для выдачи пайщикам дивиденда в бездоходные годы за все 7 лет существования Товарищества так и не был образован — вся прибыль уходила на погашение долгов.

Дивиденд пайщикам не выплачивался, а раз так, то заместить новый выпуск бумаг на бирже предприниматель не смог — кто же будет покупать бездоходные бумаги! Поэтому второй выпуск паев на сумму 6 млн руб. Савве Ивановичу пришлось оставить за собой. Бумаги не были им оплачены из-за отсутствия средств, поскольку все личное его имущество было уже заложено и перезаложено. В нарушение всех правил Мамонтов использовал паи второго выпуска в качестве залога. В материалах следственного дела читаем: «Сделав новый выпуск паев... они (Савва и Николай Ивановичи. — С. И.) внесли эти паи в кассу Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги и просили списать со счета Невского товарищества соответствующую сумму и этой суммой дебетовать их счета с обеспечением этих счетов внесенными паями. При этом следует, однако, заметить, что эти паи Невского товарищества никакой биржевой действительной цены не имели, не пользовались правом биржевого обращения и не приобретались посторонними лицами. За эти паи Мамонтовы ничего не уплатили Невскому товариществу, а получили их взамен принятого на себя обязательства перевести на свой счет часть вексельного долга товарищества Обществу Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги»¹³³.

С. Ю. Витте по-человечески совершенно искренне сочувствовал С. И. Мамонтову в постигшем его несчастье. Художнику К. А. Коровину он сказал: «Я знаю, что Мамонтов честный человек, и в этом совершенно уверен». Прощаясь с ним, он обронил странную фразу: «Что делать, сердца нет...»¹³⁴ По-видимому, С. Ю. Витте имел в виду себя — государственного деятеля.

Совершенно напрасно иные публицисты отводят С. Ю. Витте роль инициатора крушения «мамонтовского дела». Наоборот, Мамонтова не без участия главы финансового ведомства спасли единственно возможным в сложившейся ситуации способом, а именно: выкупили завод и дорогу в казну, выплатив кредиторам Мамонтова 30% номинальной стоимости акционерного капитала. Среди бумаг пухлого следственного дела сохранилась копия официального письма старшего маклера фондового отдела Петербургской биржи, в котором сообщается о неудаче попытки реализовать на рынке ценных бумаг паи Товарищества Невского завода за 30% их нарицательной стоимости. Не нашлось желающих купить их и по более низкой цене. Так что Савва Иванович еще легко отделался — ведь в случае продажи завода за бесценок с аукциона он вообще мог остаться без гроша в кармане.

Мамонтовское «дело» (заводы, дороги) продолжалось, но уже без Мамонтова. Савва Иванович при всей своей яркости и незаурядности совершенно не подходил для роли организатора крупных предприятий. Даже адвокат С. И. Мамонтова на процессе, знаменитый московский златоуст Ф. Н. Плевако, вынужден был признать, что его подзащитный — «...человек общих идей, принципиальных вопросов, но не их детального выполнения».

Валютный ренессанс

Переход к золотой валюте принято считать вершиной реформаторского творчества С. Ю. Витте. Как говорится в сочинении о русском рубле, это был ни много ни мало как «прорыв из прошлого в будущее», неразрывно связанный с его именем. При всем при этом предлагается учитывать заслуги предшественников и «несомненную и однозначную поддержку», которую «...получали конкретные предложения и проекты Витте на самом верху иерархической пирамиды»¹³⁵.

Учет заслуг предшественников поднимает вопрос об оригинальном авторском вкладе С. Ю. Витте в валютную реформу, как, впрочем, и во все другие проведенные им пре-

образования. Иначе он предстает перед нами как компилятор, хотя и незаурядный, чужих идей и талантливый продолжатель чужих начинаний: идея ускоренного роста национальной промышленности при поддержке государства была наваяна Фридрихом Листом (на эту тему С. Ю. Витте была написана специальная брошюра¹³⁶), проект винной монополии предложил М. Н. Катков, механизм перехода от плохой валюты к хорошей был успешно испробован в ходе денежной реформы Е. Ф. Канкрин (1839—1843 годы); большую часть подготовительной работы для перехода к золотому рублю проделали М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге и главным образом И. А. Вышнеградский.

Впрочем, едва ли найдется хотя бы один феномен культуры оригинальный в абсолютном значении этого термина. Исторический (или генетический) анализ непрерывного процесса культурного становления представляет нам любое его звено в качестве продукта предшествующего развития. Термин «оригинальность» правильнее употреблять не в абсолютном, а в конкретном значении, включив в понимание его связь с преемственностью, а не отрицание ее¹³⁷.

Если разложить денежную реформу С. Ю. Витте на составляющие ее элементы, то она выглядит следующим образом: 1) накопление золотого запаса и введение в обращение золотых денег; 2) достижение благоприятного торгового и расчетного баланса; 3) фиксация курса бумажной валюты; 4) девальвация на основе существующего курса рубля; 5) введение в обращение новых денежных знаков; 6) превращение Государственного банка в центральное эмиссионное учреждение; 7) чеканка новых монет.

* * *

Система денежного обращения представляет собой совокупность денежных знаков, имеющих легальное хождение. Обыкновенно она складывается исторически, без какого-либо плана, и никогда не отвечает абстрактным началам планомерности, целесообразности и рациональности. В XIX веке считалось принципиально важным, чтобы в полном порядке были валютные деньги. Все остальные денежные знаки обязательно приспособляются к ним и помогают им служить средством обращения товаров и средством платежа за товары.

В XIX век Российская империя вступила с бумажными деньгами (изобретены знаменитым шотландским финансистом Джоном Ло). Поскольку они ходили по принудительно-

му курсу, то Россия на собственном опыте испытала действие закона Грэшэма.

Сэр Томас Грэшэм (1519—1579), богатый лондонский купец, строитель знаменитой Лондонской биржи, финансовый советник английских королей, оставил след в истории финансов как организатор современных государственных займов. Наблюдая хождение различных металлических монет, подпорченных и настоящих, он вывел закон: «Деньги худшего качества вытесняют из обращения деньги лучшего качества». Но закон этот не действует, если плохая валюта не имеет принудительного курса.

В 1810 году официальной денежной единицей Российской империи был провозглашен серебряный рубль достоинством 4 золотника и 21 долю чистого серебра. В обращение должны были поступить банковые монеты (рубль и полтинник), разменные монеты номиналами 20, 10 и 5 копеек на серебро, а также медные в 2 копейки и полкопейки (или в одну деньгу).

Серебряных монет нового достоинства было начеканено совсем немного, и, самое главное, все счета продолжали производиться по старой системе (то есть на ассигнации), перевод их на серебро так и не состоялся. Ассигнации имели принудительный курс и падали в своем достоинстве. Инфляция остановилась только в 1812 году.

Согласно положениям Манифеста 9 апреля 1812 года все расчеты между казной и частными лицами следовало производить в государственных ассигнациях, как и прежде, но не по принудительному, а по биржевому курсу на серебро в день уплаты. Таким образом, серебряные деньги обращались совместно с сильно понизившимися в курсе ассигнациями и даже вытеснялись последними. Возникло удивительное явление — «лаж» (ажю) на ассигнации. В чем причина? А в том, что металлические деньги уже тогда стали дорогостоящим и весьма неудобным орудием обращения. Всякий понимал, что хотя серебряные рубли и надежнее — их можно было перечекивать в иностранную валюту либо превратить в предметы быта или украшения, — но бумажными деньгами удобнее пользоваться, при том, однако, решающем условии, что они хорошие, не подпорченные инфляцией. Ассигнационный курс, зафиксированный в 1812 году на уровне 25 коп. серебром за бумажный рубль, остался таковым до 1839 года. Устойчивость курса рубля облегчала проведение денежной реформы.

К тому времени мировая практика выработала три приема исправления расстроенного денежного обращения. Во-

первых, можно было поднять курс бумажных денег до паритета с металлической валютой. Во-вторых — вообще аннулировать бумажные деньги. В-третьих — девальвировать их номинальную стоимость. Второй и третий приемы признавались нежелательными, поскольку подрывали доверие к государственной власти. Полное восстановление ценности бумажных денег явилось счастливым жребием стран с богатой экономикой — Франции, Англии и Соединенных Штатов Америки. Богатства природные в этом деле играли совершенно ничтожную роль, и Россия своим очевидным преимуществом воспользоваться никак не могла.

Реформа 1839—1843 годов, получившая название от фамилии министра финансов Е. Ф. Канкрин, была в сущности своей девальвацией.

С. Ю. Витте вовсе не был финансовым гением, как его ради красного словца именуют ныне сочинители исторических книг. Его валютные мероприятия очень сильно походили на реформу Канкрин, но за одним серьезным отличием.

Что же было сделано в 1839 году Егором Францевичем Канкриным? Все налоги, все пошлины, все частные сделки в обязательном порядке должны были основываться на серебре. Оно, серебро, что важно подчеркнуть, уже заняло прочное место в каналах внутреннего денежного обращения. Заняло вполне естественным образом — и торговый и расчетный балансы страны сводились с положительным результатом, отчего металлические деньги направлялись в Россию из-за рубежа, а не наоборот. Таможенный тариф 1822 года сильно ограничил приток иностранных промышленных товаров. Понемногу развивался экспорт — на европейских рынках Россия тогда еще не сталкивалась с сильной конкуренцией. Долгов государство делало сравнительно немного, русские путешественники вывозили денег за границу ограниченное количество. Внутриполитическое положение Российской империи казалось более чем стабильным по сравнению с Западной Европой, где бушевали революции.

Ассигнации, выпущенные когда-то в качестве представителей медных денег, теперь были привязаны к серебряным по зафиксированному курсу 3 руб. 50 коп. за 1 руб. серебра. В 1843 году были учреждены государственные кредитные билеты специально для обмена ассигнаций, которых в обращении оставалось на 595,7 млн руб.

В 1843 году валютной единицей России был сделан серебряный рубль. Его можно было обменивать на государственные кредитные билеты, иногда пишут, что неограниченно, но это не так. В неограниченных суммах разрешалось ме-

нять бумажные деньги на серебро только в Петербурге; в Москве в одни руки полагалось не свыше 3 тыс. руб., в провинции — 100 руб. Обращались еще и золотые монеты достоинством 10 и 5 руб. (империалы и полуимпериалы). Но золото выступало в роли товара по отношению к деньгам — серебру.

Первые трудности с разменом возникли в 1855 году из-за Крымской войны. К 1858 году ценность кредиток упала на 20%. В 1863 году обмен их на металл был прекращен на целых 35 лет. Страна начала жить с бумажным рублем: налоги, пошлины и другие казенные сборы взимались кредитными деньгами по их нарицательной стоимости. Частные сделки на серебряную и золотую монету во внутренних расчетах перестали защищаться законом. Вывоз золота за границу запрещался.

В ученом мире того времени большой популярностью пользовалась так называемая «металлическая теория» денег. Один из ее постулатов гласил, что золото и серебро по природе своей являются деньгами. Другим денежное обращение полностью отождествлялось с товарным. Соответственно тому падение курса русской валюты напрямую связывалось с выпусками бумажных денег, лишенными надлежащего металлического покрытия. Российская финансовая администрация, возглавляемая профессором-экономистом Н. Х. Бунге, решительно отказалась от выпуска бумажных денег без обеспечения драгоценными металлами и взялась за постепенную замену в обращении кредиток на металл¹³⁸.

В результате эмиссионной бдительности Н. Х. Бунге страна получила денежный голод. Какими только приемами не утоляли его хитроумные россияне! А. П. Чехов написал об этом целый фельетон. «...В народе кроме купонов от государственных бумаг ходит масса купонов, выпущенных всякой всячиной: симбирско-чухломским, скопинским и сапожковским банками, Сызрано-Бердянско-Якутской железной дорогой, 1, 2, 3, 4 и 10-м обществами конножелезнок, пивными заводами, табачными фабриками, пожарными каланчами, трактирами, бакалейными лавками, дворницкими будками и проч. Купонам, какое бы смутное происхождение они ни имели, присвоится у нас хождение наравне с кредитными бумажками и серебряною монетою. Хождение это самое смелое... На купоны покупают, но несравненно чаще ими платят. Платят рабочим, водовозам, учителям, гувернанткам, сотрудникам, переписчикам; ими платят долги, помогают родственникам. Черти платят за покупаемые души, отцы дают их вместо приданого, дети питают ими ста-

рых родителей. Вообще с ними живется очень недурно, и слава тому, кто их первый выдумал. Если людям, которых вынуждают получать купонами заработную плату, и приходится иной раз кисло и жутко, зато — платящие чувствуют себя на эмпиреях: дома наживают и чин коммерции советника получают»¹³⁹.

Самое большое зло, приносимое неразменной бумажной валютой, заключалось в резких, сильных и непредсказуемых колебаниях ее курса. В торговых и финансовых операциях важным являлся не столько пункт, на котором стоял курс бумажного рубля, сколько постоянное и неизменяемое его значение. Этого-то как раз не удавалось достичь долгие годы. Курс рубля то падал (в начале 1860-х годов), то повышался (в первой половине и середине 1870-х). Большое падение случилось в 1878 году из-за последствий Русско-турецкой войны. За время с 1877 по 1879 год сумма кредитных билетов в обращении возросла с 790 млн до 1 млрд 188,1 млн руб., металлический фонд Государственного казначейства сократился с 231,2 млн руб. (1876 год) до 171,4 млн руб. (1881 год). Курс рубля по отношению к золоту упал с 80,7 (1876 год) до 64,8 (1880 год) коп.¹⁴⁰

Русский бумажный рубль мог обвалиться по причинам, никак не связанным с проблемами внутренней и внешней политики России. Годовые колебания курса имели большую амплитуду — до 10% и даже до 20%. Многолетний управляющий Государственным банком Е. И. Ламанский вспоминал, как в 1888 году после огромного вывоза русского зерна в Германию курс рубля по отношению к немецкой марке упал до 166 марок за 100 руб. В 1890 году он подскочил до 224 марок¹⁴¹. Но если границы курсовых колебаний бумажного рубля невозможно было предвидеть, то колебания курса твердой валюты оказывались полностью предсказуемыми, поскольку они не превышали затрат на пересылку благородного металла за границу (их называли «золотыми точками»). Расходы по пересылке золота из Петербурга в Лондон составляли перед мировой войной 1,8% пересылаемой суммы, в Париж — 2%, в Берлин — 0,8% и в Нью-Йорк — 4,5%.

На сильных колебаниях курса бумажного рубля богатели валютные спекулянты и всякого рода гешефтмахерствующие субъекты. Народное хозяйство России постоянно лихорадило. Когда курс понижался, страдали импортеры, а вместе с ними и промышленники, сильно зависевшие от поставок заграничной техники и сырья. Если курс повышался, в убытке оказывались экспортеры — крупные аграрии, поскольку русский экспорт во второй половине XIX века сле-

лался по преимуществу зерновым. Устойчивое денежное обращение было в общих интересах.

В 1863 году министр финансов М. Х. Рейтерн сделал попытку открыть свободный размен. В Англии был совершен заем, на него куплено золото. Но оно было моментально изъято из обращения. Поэтому в дальнейшем плане действий во главу угла была поставлена задача — ввести золото в наличный денежный оборот и накопить его в Государственном казначействе. Началом подготовительного периода реформы можно считать 1878 год, когда было разрешено принимать таможенные платежи в золотой валюте. Это означало повышение их на 48%, так как за один рубль золотом тогда давали 1 руб. 48 коп. кредитными билетами.

Накопление золота в казне само по себе не могло гарантировать устойчивости валюты. Главное — удержать его в качестве валютной единицы, не допустить исчезновения из обращения. Для этого признавалось необходимым, во-первых, добиться положительного торгового баланса (превышения экспорта над импортом) и, во-вторых, сбалансировать в максимально возможной степени баланс платежный или расчетный, как его теперь называют. Затем важно было изжить дефициты в обыкновенном бюджете, чтобы не возникало соблазна печатать необеспеченные бумажные деньги. Наконец, требовалось решить, что же делать с бумажным рублем. Выбор был из трех вариантов действий: оставить его в наличном бытии, но с фиксированным курсом, поднять его стоимость до паритета с драгоценным металлом или девальвировать.

Со второй половины 1880-х годов, когда торговый баланс стал сводиться с неизменным положительным результатом (сальдо), падение курса рубля приостановилось. Но платежный баланс сальдировать с плюсом никак не удавалось. За период с 1881 по 1897 год поступления по экспорту составили 10 млрд 775 млн руб., расходы по импорту — 8 млрд 140 млн руб. Но Россия имела немалый внешний долг, и иностранным держателям русских ценных бумаг было выплачено 2 млрд 900 млн руб.¹⁴² Немало денег вывозили за границу и русские туристы. Таким образом, внешняя задолженность России не покрывалась вывозом товаров. Ее требовалось погашать золотом, сменившим серебро в роли мировых денег. Имелся и другой вариант — жить в долг, пока кредиторы дают. Устойчивость бумажного рубля зависела от состояния государственного кредита.

В 1880-е годы были приняты дополнительные меры по ограничению импорта и развитию экспорта. Этим отчасти

предотвращалась утечка золота из страны. Удалось ликвидировать дефицит обыкновенного государственного бюджета. Таким образом, сложились условия для восстановления твердой валюты. В 1887 году эта задача была поставлена в повестку дня.

Но каким все же быть металлическому рублю — золотым или, возможно, серебряным? У серебряного монометаллизма имелось немало сторонников. Главный их аргумент заключался в дешевизне серебряной валюты. Однако во многих европейских странах (исключение составляла Великобритания) и в США была не серебряная, а «хромающая валюта»: обоим металлам — и золоту и серебру — присваивалась неограниченная платежная сила, но ограничивалась свободная чеканка серебра. Тем не менее «хромающая» или смешанная (биметаллическая) валюта опиралась на золотой стандарт. Золотой монометаллизм, принятый Соединенным Королевством еще в 1816 году, устанавливал, что только золото имеет неограниченную платежную силу. Серебро употребляется на чеканку исключительно разменной монеты и обязательно к приему только для мелких платежей.

К «хромающей валюте» склонялся министр финансов И. А. Вышнеградский. В январе 1888 года он внес в Государственный совет представление о восстановлении металлического денежного обращения на принципах биметаллизма: обоим металлам присваивалась неограниченная платежная сила; размен денег производился как на золото, так и на серебро¹⁴³. По-видимому, и Н. Х. Бунге испытывал какие-то колебания в этом вопросе. По крайней мере именно при нем в 1881 году была возобновлена запрещенная царским указом 9 октября 1876 года свободная чеканка серебра, но не по фиксированному, а по биржевому курсу¹⁴⁴.

Не кто иной, как С. Ю. Витте с характерной для него решительностью поставил точку в споре со сторонниками серебряной валюты. 16 июля 1893 года царским указом были запрещены перечеканка серебра и прием его от частных лиц на монетный двор. Помимо того, ввоз в страну серебряной монеты, за исключением китайских, персидских, хивинских и бухарских денег, также запрещался. Одна из причин, мешавших свободному хождению дешевевших серебряных денег, заключалась в том, что России не удалось наладить у себя значительной добычи серебра. Его, так же как и золото, приходилось покупать за границей в обмен на товары или в счет открытых там кредитов.

Для введения свободного размена усилиями государственной власти создавался очень большой золотой фонд. В

этом и заключается едва ли не главное отличие реформы Витте от реформы Канкрин. Из-за неважного расчетного баланса и слабого государственного бюджета золото шло во внутреннее обращение крайне туго. В крупных платежах оно было не нужно — в качестве денег легально ходили государственные векселя (серии Государственного казначейства, изобретенные графом Е. Ф. Канкриным), государственные и частные (почти исключительно ипотечные) облигации. Меньшее значение имело неудобство ввиду несоответствия между нарицательной и рыночной ценой золотых денег: империалы и полуимпериалы с обозначением на них 5 и 10 руб. принимались по 7 руб. 50 коп. и 15 руб. Русским крестьянам для их копеечных денежных оборотов золотые монеты совершенно не требовались. Многие из них за всю свою жизнь никогда не держали в руках золотых денег. Собственную задолженность по поставкам русских товаров иностранцы покрывали не наличной валютой, а так называемыми «римессами», в функции которых могли выступать облигации русских государственных займов, заключенных на металлическую валюту.

За счет свободных бюджетных средств и заграничных займов Государственный банк усиленно скупал золото в слитках и монете как внутри страны, так и за ее пределами. Разменный фонд, доставшийся С. Ю. Витте в наследство от И. А. Вышнеградского, был им не только сохранен, но и значительно приумножен. Если в 1891 году в подвалах Госбанка и в его кассе было в наличии золота и иностранной валюты на 211,5 млн руб., то к концу 1893-го — уже на 361,5 млн руб. (увеличение составило 71%).

Мысль о неотложности валютной реформы явилась С. Ю. Витте не сразу. Поначалу его увлекала совсем не плохая идея о финансировании неотложных государственных потребностей (в частности, строительства Сибирской железнодорожной магистрали) путем эмиссии бумажных денег без металлического покрытия. Но колебания министра финансов в этом важном вопросе были недолгими. «В России нужно проводить реформы быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются или затормаживаются», — обобщил С. Ю. Витте собственный опыт государственных преобразований.

* * *

По прошествии времени реформатору стало казаться, что против его валютных преобразований была «...почти вся мыслящая Россия: во-первых, по невежеству в этом деле,

во-вторых, по привычке и, в-третьих, по личному, хотя и мнимому, интересу некоторых классов населения. По невежеству, потому что этот теоретический вопрос был в то время чужд даже большинству русских экономистов и финансистов»¹⁴⁵.

Сетования С. Ю. Витте на косность мышления российского образованного общества имели под собой веские основания. Во всем цивилизованном мире, по авторитетному свидетельству Е. И. Ламанского, всякие кредитные знаки (банковые билеты, бумажные кредитные знаки) признаются только потому, что за них можно получить всеми признаваемый товар — золото. В России же, поражался он, говорили, что размена не нужно, давайте только деньги. Даже во времена сильного падения рубля московские коммерсанты требовали больше денежных знаков и недоумевали: «Почему правительство церемонится, мы все рады принимать деньги, выпускаемые нашим царем». Всякие меры к восстановлению денежной единицы и к упорядочению монетной системы русскому народу представлялись крайне несимпатичными¹⁴⁶.

Что касается русских экономистов и финансистов, то перспективы русской валюты были в центре их внимания. Публиковались и специальные исследования, причем такого высокого научного уровня, какой в наши дни почти не встречается. Теорию денежного обращения сам С. Ю. Витте осваивал по работам Н. Х. Бунге, А. Вагнера и А. Я. Антоновича. Несколько высокоценных публикаций по валютным проблемам осуществил Илларион Игнатьевич Кауфман — сотрудник Министерства финансов, один из авторов денежной реформы 1895—1897 годов¹⁴⁷. Именно ему не без оснований приписывается план скрытой девальвации, осуществленный в ходе виттевской денежной реформы¹⁴⁸.

Многие полагали, что фиксацией курса рубля следовало бы и ограничиваться, избегая дальнейших шагов, поскольку удержать золото в качестве денег вряд ли удастся. Им возражали специалисты из Министерства финансов: прочного курса невозможно добиться без девальвации и без поддержки ее результатов в последующем времени¹⁴⁹. Наибольшая опасность для золотого рубля таилась в неважном состоянии русского платежного баланса. Ее признавали даже самые решительные сторонники золотой валюты. Ф. Г. Тернер, защитник виттевских проектов в Государственном совете, рассуждал так: «Наш торговый баланс стоял постоянно в нашу пользу, но ввиду значительных платежей по заграничным займам и другим расходам правительства наш общий меж-

дународный баланс требовал некоторой приплаты. Но нельзя не принять в соображение, что и при бумажном обращении приходится от времени до времени поправлять наш курс займами, потому что нельзя же было допускать безграничного падения вексельного курса. Так что по существу в этом отношении ничего не должно было измениться со введением у нас золотой монетной единицы, а между тем непоколебимость денежного обращения на золотом основании, кроме пользы для внутренних оборотов, не могла не послужить еще и к укреплению нашего заграничного кредита»¹⁵⁰.

Непоколебимо прочного золотого рубля требовал прежде всего растущий государственный бюджет, равно как и разбухавшее казенное хозяйство. На эту важную предпосылку реформы 1895—1897 годов советская историография обратила до обидного мало внимания. «Когда страна дорастает до громадного и обильного государственного бюджета в миллиардных суммах, — писал И. И. Кауфман, — то такой бюджет нуждается в соответственном фундаменте, прочном, не боящемся колебаний, способном выносить тяжесть стоящего на нем сооружения. Для такого фундамента необходимы: во-первых, соразмерно развившиеся производительные силы страны, а во-вторых, отнюдь не неразменные бумажные деньги, а правильная денежная система, состоящая из звонкой монеты и разменных на нее бумажных денег. Из этих двух условий первое так очевидно и бесспорно, что не нуждается ни в каких объяснениях. Но не менее бесспорно и то, что министр финансов, имеющий дело с миллиардным государственным бюджетом, не может оставаться равнодушным к тому, на какой почве происходят денежные обороты, которыми он управляет: на почве ли бумажного рубля, который то больше, то меньше на несколько копеек, а иногда даже на много копеек, или на почве металлического рубля, остающегося незыблемым. В миллиардном бюджете каждая копейка означает несколько десятков миллионов рублей, на которые покупательная сила государственного хозяйства то увеличивается, то уменьшается. При скромном бюджете и скромных денежных оборотах государственного хозяйства это неудобство может еще не бросаться в глаза, хотя оно всегда имеет значение; но при очень значительных денежных оборотах государственного хозяйства каждое колебание бумажного рубля производит очень болезненные финансовые последствия и не может не вызвать забот и стараний об устранении таких колебаний. Преобразование расстроенной денежной системы становится условием финансового самосохранения и по-

тому насущной необходимостью. Такой смысл преобразование денежной системы получило у нас в 1890-х годах»¹⁵¹.

8 мая 1895 года рубикон был перейден — закон взял под свою защиту сделки на золотой рубль. Государственный банк получил право принимать денежные вклады в золотой валюте; в золоте стали взиматься акцизные и другие казенные сборы. Кредитные билеты продолжали принимать во все платежи, но уже не по нарицательной цене, как прежде, а по биржевому курсу. С 1887 года он поддерживался на уровне 1 руб. кредиток за 66 ²/₃ коп. золотом.

Нельзя вечно жить в страхе, что с рублем вот-вот произойдет что-то непредвиденное, и напрягать все свои силы, чтобы этого не случилось, — убеждал С. Ю. Витте членов Государственного совета в правильности принимаемых мер. «Вечная осада не дает такого спокойствия, — и денежное обращение, требующее постоянной искусственной охраны и защиты, не может служить прочной основой государственному и народному хозяйству»¹⁵².

Министерство финансов устроило широкое общественное обсуждение затеваемой реформы. 15 марта 1896 года газета «Новое время», издаваемая известным журналистом А. С. Сувориным, напечатала статью с изложением проекта «Правил об исправлении денежного обращения». Основные его положения таковы.

Параграф первый «Правил» передавал все эмиссионное дело в руки Государственного банка. «Государственные кредитные билеты выпускаются Государственным банком только для коммерческих операций банка; за счет Государственного казначейства (то есть для покрытия бюджетных дефицитов. — С. И.) билеты на будущее время не выпускаются»¹⁵³.

Третьим параграфом в стране вводилась новая валюта — золотая. «Обращение государственных кредитных билетов обеспечивается всем достоянием государства. Достоинство государственных кредитных билетов определяется на рубли в золотой монете нового чекана»¹⁵⁴. Билеты беспрепятственно разменивались на золото в Госбанке: неограниченно по предъявлению — только в Петербургской конторе, в других же конторах и отделениях банка — «...в зависимости от имеющейся в них золотой наличности».

Практикой денежного хозяйства было установлено, что условием прочности валюты служит не только некоторый запас звонкой монеты, но и соответствие банкнотной эмиссии текущим потребностям народного хозяйства в денежных знаках. Германская система эмиссии банкнот получила название системы минимального резерва. В соответствии с ней лишь

часть банковских билетов — одна треть — покрывалась полностью наличностью (звонкой монетой, золотом в слитках или свидетельствами императорской кассы). Остальное обеспечивалось торговыми векселями, которые учитывал (точнее — переучитывал) центральный эмиссионный банк. Иначе говоря — всей массой потребительских товаров, которую эти векселя представляли. Английская (и французская) система максимального выпуска требовала, чтобы все превышавшее известный максимум имело 100%-ное золотое покрытие.

Из перечисленных вариантов эмиссионного закона российское правительство выбрало, возможно, не самый лучший. Оно совершенно отказалось от обеспечения эмиссии вексельным материалом и связало выпуск в обращение кредиток исключительно с золотым запасом Государственного банка. Аргументируя свой проект банкнотной эмиссии, С. Ю. Витте говорил: «...Принятие минимальной нормы, вполне соответствующей западноевропейским образцам, было бы вряд ли осторожно. Сообразуясь с ходом торгово-промышленной жизни в России, привыкшей к кредиту более долгосрочному, Государственный банк вынужден учитывать векселя на 6 и даже до 12 месяцев. Средняя продолжительность векселя в Государственном банке определяется 180 днями, векселей трехмесячных и короче в Государственном банке находится 13%, между тем в банках французских и германских средняя продолжительность векселя не более 24 дней в первом и 30—60 дней во втором; векселей же трехмесячных эти банки вовсе не имеют права учитывать. Это обстоятельство, в связи со значительной суммой вкладов в Государственном банке, побуждает к особой осторожности при определении той доли билетного обращения, которая могла бы остаться не покрытой металлом»¹⁵⁵.

С. Ю. Витте предложил следующее: «Определив известную минимальную наличность золота в отношении к обращающимся билетам, установить в то же время наибольшую абсолютную сумму билетов, которая может остаться непокрытой»¹⁵⁶. Сумма не покрытых золотом кредитных билетов по проекту Министерства финансов не могла превышать 500 млн руб. Все кредитки, выпущенные сверх того, надлежало обеспечивать золотом рубль за рубль¹⁵⁷.

* * *

Проект дал материал для публичной полемики вокруг намерений финансовой администрации. Споры кипели в «Обществе для содействия русской промышленности и торгов-

ле», в «Петербургском собрании сельских хозяев» и других местах. Но главная дискуссия о правительственном проекте денежной реформы развернулась в Вольном экономическом обществе.

Репортер газеты «Новое время» передал обстановку первого дня дискуссии: «Большой зал в два света. Ряд столов, сдвинутых в виде сплюсненной подковы и покрытых традиционным зеленым сукном. По стенам — большие и малые портреты, с которых глядят и екатерининские вельможи в напудренных париках, и деятели позднейших эпох. В центре наружной стены ютится возвышение с пюпитрами старинного фасона, — это кафедра; влево от нее, так же по стене, стол журналистов. Две массивные хрустальные люстры, спускающиеся посередине зала, свидетельствуют, что этот обширный зал может принять очень торжественный вид. На сей же раз он скромно освещен только свечами, расставленными по столам, и в этом скромном освещении не без труда разглядываются лица многочисленной публики, плотно облепившей не только все столы, но и все простенки и наполняющей все свободное пространство между столами и стенами. Кого тут нет? Вот группа военных с штабными аксельбантами — генералы и офицеры. Вот убеленные сединами почтенные сановники и кандидаты в сановники. Вот солидные деятели и дельцы разных поприщ и профессий, которых вы не раз встречали на общественных собраниях. Кое-где мелькают знакомые лица ученых и журналистов; достаточно число чиновников разных ведомств; порядочная группа студентов — университетских, медиков, правоведов и лицеистов. Всего меньше дам, среди которых две-три типические фигуры студенток. Добрая половина публики вынуждена стоять, несмотря на то, что усердные сторожа обшарили, по-видимому, все соседние покои, чтобы добыть стулья для посетителей. Кругом говор: вон сенатор такой-то, а такой-то член Государственного совета сегодня отсутствует... А зал все наполняется и наполняется. На лицах публики ожидание. Но вот — маленькое движение, посередине подкововидного поднимается пожилой человек, легкое бречание колокольчика — и заседание открыто»¹⁵⁸.

Дебаты продолжалась целых пять дней: 16, 19 и 30 марта, 2 и 5 апреля 1896 года. Правительственный проект защищали чиновники Министерства финансов: А. Н. Гурьев и В. И. Касперов. Они ушли неудовлетворенными. В заключительном слове А. Н. Гурьев посетовал: «Все, что говорилось, было известно составителям проекта и ранее, тогда как от почтенных профессоров, при желании их поработать над

проектом, Министерство финансов могло бы выслушать много для себя поучительного»¹⁵⁹. Ему не виделось в реформе такого содержания, которое могло бы внушить большие опасения. «В сущности, все уже сделано и остается только “отвердить” фактически существующее положение вещей»¹⁶⁰.

Некоторое противодействие своим планам денежной реформы С. Ю. Витте встретил в Государственном совете в апреле 1896 года. «Противодействие это, конечно, не заключалось в том, чтобы прямо сказать “нет”, но в том, чтобы замедлить это дело и поставить такие препятствия, при которых дело было бы провалено»¹⁶¹. Ход обсуждений реформы в департаментах высшего законосовещательного органа империи убедил министра финансов, что через него денежную реформу не провести. Тогда он совершил обходной маневр.

Судьба реформы решилась 2 января 1897 года на расширенном заседании Финансового комитета, составленном из единомышленников С. Ю. Витте, под личным председательством императора Николая II. Высочайшим манифестом 3 января 1897 года («О чеканке и выпуске в обращение золотых монет») русской серебряной валюте был нанесен окончательный удар: монетной единицей был объявлен золотой рубль, равный 17,424 доли чистого золота¹⁶². Манифест предписал чеканить золотую монету с измененным номиналом, но без изменения в отношении содержания чистого золота, пробы веса и размера: империал — 15 руб., полуимпериал — 7 руб. 50 коп.¹⁶³ Золотой рубль являлся идеальной денежной единицей и не чеканился.

Новый рубль был слишком дорог для внутреннего рынка России, наполненного малоценными товарами. Даже Е. И. Ламанский — безусловный сторонник твердой валюты и золотого рубля — и тот не скрывал скептического настроения: «Ходячая монета в 7 руб. 50 коп. может быть удобна только для половины России, если не меньше — для богатых людей, которые тратят в день больше этой суммы. Русский мужик, живущий на семь с полтиной чуть ли не целый месяц, конечно, не может брать подобную монету. Таким образом, при введении золотой валюты в России крестьяне окажутся поставленными в необходимость искать другую, более мелкую монету. Значит, им придется предпочитать или бумажные деньги или понизившиеся во внутренней цене серебряные»¹⁶⁴.

«Безденежье и неустойчивость валюты равно опасные болезни: трудно даже сказать, какая из них опаснее... Неправильная денежная и банковая политика, вообще одно-

сторонняя экономическая политика с резким преобладанием фискализма может привести к безденежью при любом монетном режиме», — резонно заметил П. Х. Шванебах¹⁶⁵. О сохранении и даже усилении безденежья в стране много говорилось в собраниях Вольного экономического общества. «По деревням, в районе 25 верст, нельзя разменять четвертного билета. На мельнице в мае и июне месяцах не достанешь двугривенного...» — свидетельствовал С. Ф. Шарапов, эксперт «диких помещиков» по финансово-экономическим вопросам¹⁶⁶. Вольное экономическое общество инициировало еще одну дискуссию о денежном обращении. Застрельщиком ее стал куда более одиозный, чем С. Ф. Шарапов, защитник интересов поместного дворянства — Г. В. Бутми.

Он представил на обсуждение чрезвычайного общего собрания доклад под названием «Золотой монометаллизм и его значение для России»¹⁶⁷. Прения по докладу Г. В. Бутми длились два дня — 7 и 30 апреля 1897 года. В дискуссии приняли участие 11 человек, разделившиеся на сторонников и противников биметаллизма. «Реформа завершит разорение нашего земледелия, нашей промышленности, реформа прямо пагубна для России», — заявил Г. В. Бутми. Выход ему виделся в том, чтобы двинуться вспять — к паритету на серебряную валюту: «Только возвращение к законному серебряному паритету освободит нас от кризиса, подобно тому, как от него защищены все другие страны с серебряной валютой»¹⁶⁸. Во всем мире, внушал докладчик доверчивой публике, усилилось движение в сторону биметаллизма: «Торговые палаты: Нидерландская, Ливерпульская, Манчестерская, Марсельская, настойчиво требуют возвращения к биметаллизму, как к единственному средству освободить торговлю, промышленность и земледелие от тяжкого кризиса»¹⁶⁹.

Помещики и тут рядились в тогу защитников народных интересов, хотя руководствовались всецело своекорыстными расчетами. Им представлялось весьма заманчивым требовать с дебиторов платежи дорожающим золотом, а собственные долги рабочим и ипотечным кредиторам платить серебром, которое понижалось в цене относительно золота.

Уязвимость реформы со стороны ее монетной системы прекрасно видел и министр финансов С. Ю. Витте. Первоначально ему явилась мысль о замене рубля более мелкой денежной единицей — «русью»¹⁷⁰. Жить с нею простому народу, возможно, стало бы и дешевле, однако «...тут замешаны интересы личные и известных классов населения, но не

общегосударственные, не затрагиваются общегосударственные интересы всей страны»¹⁷¹. Но самое главное — замена денежной единицы должна была произвести «полную пертурбацию в ценах», которая неминуемо обеспокоила бы низшие классы населения. В цитированном выше выступлении перед членами Государственного совета С. Ю. Витте особенно упирал на эту сторону дела. Возрождая правильное денежное обращение, говорил он, следует пуще всего бояться «...всяких сотрясений, всяких искусственных перемен — в каком бы то ни было направлении». Почему? А потому что на денежной системе покоятся оценки, с которыми связаны многообразные имущественные и трудовые интересы всех слоев населения страны. «Вся оценка должна остаться на своем месте».

От правильно проведенных валютных преобразований никто не должен ни пострадать, ни разбогатеть. Их цель заключается прежде всего в том, чтобы под всякий доход или заработок подвести устойчивый фундамент, «...на котором все стояло бы твердо, крепко, не боясь сотрясений, не опасаясь неожиданностей»¹⁷². Главное условие для успеха денежной реформы — «...никоим образом не мудрить, а, напротив, самым строгим образом придерживаться лишь тщательно выверенных указаний опыта, правильно повторяющегося и постоянно себя подтверждающего»¹⁷³.

Мысль о введении «руси» С. Ю. Витте отбросил и оказался прав — реформа прошла гладко и совершенно незаметно, по крайней мере для основной массы населения.

14 ноября 1897 года последовал указ о чеканке новых золотых монет достоинством 5 руб. — третья часть империала. Золотое содержание нового рубля было уменьшено на треть по сравнению со старым. Оно находилось в полном соответствии с курсом бумажных денег по отношению к золоту. Тем самым его ценность была приспособлена к тогдашнему курсу бумажного рубля.

Золотой рубль впервые был введен в 1897 году в качестве валютной единицы, девальвирован был рубль бумажный. Поэтому девальвация рубля (уменьшение ценности валюты) не произвела обычного в таких случаях изменения товарных цен, которые проставлялись в бумажных деньгах. Вспомогательные денежные знаки — монеты дробные или, как сейчас говорят, разменные — выпускались из менее благородных металлов — серебра и меди.

Был подтвержден указ 1893 года о запрете свободной чеканке серебра. Серебряные монеты достоинством 1 руб., 50 и 25 коп. были обязательны к приему только в платежах

до 25 руб. Однако серебряной банковской монеты было начеканено сверх всякой потребности, и это еще больше удорожало и без того дорогую реформу. За удовольствие иметь твердую валюту народ заплатил дорого.

Золотой рубль стал основной монетной единицей; кредитный же рубль сделался простым его представителем. На новых кредитных билетах стали указывать, что они разменны на золото. Закон 29 августа 1897 года установил новый порядок выпуска билетов и их размена. Эта дата считается днем рождения золотого рубля, днем введения золотой валюты в России.

Государственный банк по закону 29 августа получил права центрального эмиссионного учреждения. Российское законодательство предусматривало только золотое покрытие бумажных денег. Госбанку законом разрешалось напечатать необеспеченных кредитных билетов даже меньше, чем предполагалось первоначальными планами — только на 300 млн руб. Вся остальная эмиссия должна была покрываться золотом рубль в рубль. Таким образом, выпуск банкнот связывался не с развитием банковского кредита, а с золотым фондом. Поэтому русские кредитные билеты с полным правом считаются не банкнотами, а скорее золотыми сертификатами. По первому эмиссионному балансу Госбанка золотой запас страны составил 1 млрд 131,7 млн руб. на новый счет. Этой цифре противостояло кредитных денег на сумму 1 млрд 068,7 млн руб. — кредитные билеты, следовательно, обеспечивались золотой наличностью свыше требуемой законом нормы. Золото из обращения постепенно изымалось и оседало в кладовых Госбанка. В 1900 году золотое покрытие эмиссии составило уже 170%.

По сравнению с золотым запасом банка циркуляцию золотых монет в обращении можно считать ограниченной. 1 января 1909 года в обращении находилось золотых монет на 561,1 млн руб., банкового серебра на 110,5 млн руб., кредитных билетов на 1087,1 млн руб. Золото Госбанка составляло сумму 1 млрд 220 млн руб. Для того чтобы перевезти его золотой запас, требовалось два состава по 50 вагонов в каждом.

Столь тесная привязка эмиссии к золоту не явилась изобретением С. Ю. Витте; она была позаимствована у англичан. Знаменитый акт Роберта Пиля 1844 года, которым вводилась в Англии золотая валюта, имел очень сильных критиков, например Карла Маркса. Но на Британских островах неудобства денежной системы, порождавшие недостаток средств обращения, сводились к минимуму обраще-

нием предъявительских чеков и именных векселей в качестве денег, а также развитой системой безналичных расчетов¹⁷⁴.

Как из депозитных сертификатов выросло банкнотное обращение, так из приказов платежа, не выходивших ранее за пределы клиентов жиробанков, выросло чековое обращение. В отличие от векселей чеки имели очень краткий период циркуляции. Например, Учетно-ссудный банк Персии оплачивал чек не позже 10 дней с момента его эмиссии. Посредством чекового и вексельного обращения достигалась экономия денежной наличности. Все платежи компенсировали друг друга в расчетных палатах.

Эти палаты возникли в Лондоне еще в XVIII столетии. Клерки лондонских торговых домов, вместо того чтобы бегать с чеками по большому городу, условились регулярно в определенное время встречаться в ресторане лондонского Сити для обмена чеками. Хозяева одобрили их инициативу. В следующем столетии вексельное и чековое обращение и связанная с нею система безналичных расчетов достигли в Великобритании своего апогея.

Тут надо иметь в виду, что настоящее вексельное и чековое обращение имеет предпосылку к европейски развитой кредитной системе с густой сетью банковских учреждений, расчетных плат и т. п. Она не могла сложиться в России с ее хозяйством, носящим родимые пятна натуральности. Валютная реформа и должна была содействовать росту кредитного хозяйства, подключив к нему внешний фактор. «Закон о металлическом обращении, — говорил А. Н. Гурьев, — имеет громадное значение для страны, выходящей уже из изолированного положения. В нее будут приливать металлические деньги, ищущие краткосрочного помещения, и капиталы, ищущие долгосрочной затраты (так в источнике. — С. И.). Наша задолженность не так страшна, как ее расписывают. Самый закон о металлической валюте упрочит наш престиж и скорее удержит бумаги от возвращения к нам; заграничные держатели русских бумаг получают больше гарантий в уплате процентов, в особенности по бумагам на кредитную валюту»¹⁷⁵.

В 1898 году при учреждениях Государственного банка были созданы расчетные палаты, для того чтобы уменьшить обращение наличных денег в крупных сделках хотя бы между банками. Так что отрицательные стороны золотого монометаллизма принимались в расчет министром финансов. При данных обстоятельствах С. Ю. Витте делал все, чтобы свести их последствия к минимуму.

Постройку железных дорог С. Ю. Витте считал среди своих главных приоритетов. За время его службы в должности министра финансов в Российской империи для пассажирского и товарного движения открылось около 25 тыс. верст железных дорог. Общая протяженность железнодорожной сети, составлявшая к концу 1892 года 29 тыс. верст, таким образом, почти удвоилась. Без всякого опасения ошибиться можно утверждать, что в 1890-е годы в стране происходил подлинный железнодорожный бум, невиданный ранее и непревзойденный впоследствии.

Именно железнодорожное строительство и сделалось первейшим фактором колоссального количественного и немалого качественного роста тех отраслей российской индустрии, что выпускали предметы производственного потребления. Только за время с 1895 по 1900 год, когда был промышленный подъем, выплавка чугуна, производство прокатного железа и стали в России увеличились более чем в два раза. Во второй половине 1880-х — 1890-е годы на карте страны появился новый очень перспективный экономический район — Южнорусский металлургический. Там использовались домы новейшей конструкции, прекрасные угли Донбасса, замечательная железная руда Кривого Рога. Он стал играть первую роль в металлургическом производстве всей страны. Выплавка металлов на юге России возросла почти в три раза.

По темпам роста производства пальму первенства держало транспортное машиностроение. Выпуск железнодорожных вагонов увеличился в 3 раза (за период с конца 1880-х годов), паровозов — в 7 раз. В 1900 году паровозы делали 7 машиностроительных заводов. Семь заводов — много это или мало? Ежегодно все российские предприятия могли произвести 1200 штук паровозов, французские — 500, германские — 1400, американские — 3153. За исторически короткий срок в России было создано крупное транспортное машиностроение. Но оно едва ли могло полностью удовлетворить потребность дорог страны в подвижном составе — по протяженности железнодорожных магистралей Российская империя вышла на второе место в мире после США. Нашей стране так и не удалось полностью освободиться от импорта паровозов (около 25% общего числа)¹⁷⁶.

Громадный скачок произошел в строительной индустрии опять-таки под воздействием развития железнодорожного транспорта. Рост производства цемента внутри страны составил 583%, и он совершенно вытеснил привозной. Характер-

но, что его потребителями явились не города, а железнодорожные общества.

Железные дороги строились с расчетом на использование в интересах экономики. Линии Царицын — Тихорецкая, Уральск — Покровская слобода, Ставрополь — Екатеринодар обеспечивали хлебу юга и юго-востока Европейской России выход на внешние рынки. Для экспорта керосина в Западную Европу Баку соединился железной дорогой с Батуми. К общей сети железных дорог были подключены рельсовые линии Урала и Закавказья, которые до того имели лишь местное значение. В 90-е годы XX века был выстроен ряд линий, улучшивших транспортные артерии Донецкого каменноугольного бассейна.

Под нажимом военных сооружались магистрали военно-стратегического назначения: Бологое — Полоцк, ответвление Закаспийской дороги в направлении на Кушку и некоторые другие. В результате многолетних занятий железными дорогами С. Ю. Витте пришел к убеждению: «...в громадном большинстве случаев все стратегические соображения о направлении дорог суть химеры и фантазии»¹⁷⁷. Если государство берется за железнодорожное строительство, то ему следует руководствоваться исключительно экономическими соображениями. Они всегда (или почти всегда) будут соответствовать потребностям военной стратегии.

Так случилось и с Сибирской железнодорожной магистралью. Инициатором ее постройки стал император Александр III. Еще в начале 1882 года на журнал Комитета министров, где предлагалось провести изыскания на начальном участке рельсовой дороги в Сибирь, была наложена царская резолюция: «Изыскания провести безотлагательно и рассмотреть в Комитете министров для обсуждения направления Сибирской магистральной линии»¹⁷⁸.

Благая мысль о соединении Европейской России с Дальним Востоком рельсовой магистралью крепко засела в голове у императора. Но лишь в 1891 году дело наконец сдвинулось с мертвой точки — Александр III дал цесаревичу Николаю поручение заложить магистраль и облек его в форму, соответствующую важности события. 17 марта появился высочайший рескрипт, данный на имя наследника российского престола. В нем говорилось: «Ваше императорское высочество. Повелев ныне приступить к постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги, имеющей соединить обильные дарами природы Сибирские области с сетью внутренних рельсовых сообщений, я поручаю Вам объявить таковую волю мою, по вступлении Вами вновь на русскую землю,

после обозрения иноземных стран Востока. Вместе с тем возлагаю на Вас совершение во Владивостоке закладки разрешенного к сооружению, на счет казны и непосредственным распоряжением правительства, Уссурийского участка Великого сибирского пути.

Знаменательное Ваше участие в начинании предпринимаемого мною сего истинно народного дела да послужит новым свидетельством душевного моего стремления облегчить сношения Сибири с прочими частями империи и тем явить сему краю, близкому моему сердцу, живейшее мое попечение о мирном его преуспевании. Призывая благословение Господне на предстоящий Вам продолжительный путь по России, пребываю искренне Вас любящий Александр»¹⁷⁹.

19 мая 1891 года Николай Александрович выполнил поручение отца, заложив первый камень в основание железной дороги, которой Владивосток должен был соединиться с Хабаровском. Но это было лишь слабое начало.

Исполнение высочайшего пожелания о проведении дороги через Сибирь к Тихому океану столкнулось с многочисленными затруднениями. Из них главными были финансовые. И. А. Вышнеградский разумно полагал, что, прежде чем пускаться в область неизведанного, каким представлялся ему проект сооружения гигантской транспортной артерии на средства казны, необходимо привести в порядок действующие магистрали, то есть сделать их безубыточными. По его настоянию фактически было свернуто строительство новых железнодорожных линий за счет средств государственного бюджета.

Денег из казны на «истинно народное дело» было отпущено смехотворно мало — всего 1,1 млн руб. по смете 1892 года. Если бы финансирование проекта велось такими гомеопатическими суммами, то осуществление его растянулось бы на долгие годы, если не десятилетия. Посетившему его С. Ю. Витте император Александр III пожаловался — подданные саботируют исполнение высочайшей воли. «Он взял с меня как бы слово, что я эту мысль приведу в исполнение. Поэтому, когда я был министром путей сообщения и затем, когда я сделался 30 августа 1892 года министром финансов как во время царствования императора Александра III, так и после его царствования, я усердно проводил эту мысль о сооружении Великого сибирского пути, и насколько прежние министры задерживали это предприятие, настолько я, памятуя заветы императора Александра III, старался как можно быстрее осуществить этот путь»¹⁸⁰.

С. Ю. Витте объявил строительство Сибирской железной дороги государственной задачей первостепенной важности, не терпящей более отлагательства. 24 февраля 1893 года для скорейшего осуществления царской мечты был учрежден, опять-таки с его подачи, Комитет Сибирской железной дороги. У проекта строительства Сибирской магистрали в среде высшей бюрократии оказалось не так много сторонников. Будучи смышленным человеком, С. Ю. Витте довольно скоро уяснил себе роль интриги в управлении российскими государственными делами. Спланированная им комбинация состояла в том, что Комитет Сибирской железной дороги наделялся исключительными правами — все законодательные решения, относящиеся до строительства магистрали, принимались самим Комитетом, правда, на соединенном заседании с Департаментом экономии Государственного совета.

Комитет Сибирской дороги осуществлял общее руководство строительством; исполнительная часть была оставлена за подлежащими министерствами. Его председателем был сделан наследник российского престола. Цесаревич Николай Александрович совершал поездку из Владивостока через всю Сибирь на почтовых, и идея прославиться освоением огромного региона не могла не увлечь его. Он живо интересовался делами Комитета Сибирской железной дороги еще и потому, что это было первое крупное государственное дело, которым ему довелось заниматься. До этого цесаревич, следуя романовской традиции, проходил воинский ценз в Преображенском полку, где дослужился до батальонного командира.

Назначение цесаревича оказалось удачным сразу в двух отношениях. Во-первых, как признавал С. Ю. Витте, по своим умственным способностям Николай II был гораздо выше своего августейшего отца. Он очень быстро все схватывал и все очень быстро понимал. Во-вторых, наследник цесаревич, сделавшийся в самое непродолжительное время императором, оставил за собой председательство в Комитете Сибирской железной дороги. Поскольку монархия в России была неограниченная, то решения Сибирского комитета получали значение законов. В тех случаях, когда законопроекты попадали в Государственный совет, они уже фактически были предрешены. Вице-председателем Комитета Сибирской железной дороги стал опытейший Н. Х. Бунге.

Приступая к стройке невиданных ранее масштабов, С. Ю. Витте старался использовать накопленный ранее опыт. Вместо сооружения дороги малыми участками в меру наличных средств, как это делалось прежде не только кон-

цессионерами, но и казной, он предложил руководствоваться планом, строить крупными участками и возможно быстрее. Быстроте сооружения железной дороги придавалось важнейшее значение. В 1902 году она должна была вступить в строй целиком.

Все работы были распределены на три этапа, или очереди. К первой очереди относились участок от Челябинска до Иркутска протяженностью 3082 версты, подсоединение к нему Уральской горнозаводской дороги и окончание постройки линии Владивосток — Графская. Ко второй — участок от Графской до Хабаровки (347 верст) и от станции Мысовской, находившейся по ту сторону Байкала, до Сретенска (1009 верст). К третьей — кругобайкальская линия в 292 версты и участок от Сретенки до Хабаровки длиной около двух тысяч верст¹⁸¹.

Быстрота строительства и огромный размах работ должны были, что С. Ю. Витте знал по опыту, уменьшить стоимость дороги, будущее значение которой, экономическое, политическое и культурное, оправдывало все жертвы на это колоссальное предприятие, «...имеющее все права занять одно из видных мест в ряду самых крупных и самых обильных важными последствиями начинаний истекающего столетия не только в нашем Отечестве, но и во всем мире»¹⁸².

Введение в народно-хозяйственный оборот еще нетронутых богатств Сибири позволило бы решить сразу несколько нестложных экономических и социальных проблем государства. Сибирской железной дороге предстояло возбудить к деятельности дремлющие производительные силы огромного края, вызвать расширение существующих и возникновение новых видов промышленности и торговли, привлечь к богатствам Сибири рабочие руки и капиталы, в том числе и иностранные. Все это в совокупности должно было умножить народное богатство России и дать государственному бюджету новые обильные источники доходов¹⁸³.

С помощью железнодорожной магистрали министр финансов надеялся извести патриархальные формы товарообмена в глубинных районах Сибири, разорительные для коренного населения. Например, в Енисейской губернии меновая торговля с «иностранцами» производилась на условиях, которые иначе как грабительскими не назовешь: за шкурку песка скупщики давали охотнику фунт махорки или бутылку разведенного спирта, за пуд хлеба брали 1,5 песка, за кирпич чаю — 2 песка и т. п. На Ирбитской ярмарке в оптовой продаже шкурка енисейского песка шла от 3 руб. 50 коп. до 5 руб. 50 коп.¹⁸⁴

С проведением дороги жизнь простого люда могла стать более обеспеченной. Колебания цен на продукты первой необходимости в Сибири бывали очень значительны. Например, в Иркутске ржаная мука продавалась по 1 руб. 50 коп. за пуд, в то время как в Томске она стоила 45 коп. за пуд. В Томской губернии цена муки колебалась от 15 копеек до 1 руб. 10 коп. в зависимости от объемов спроса на хлеб со стороны местных рынков. Нередко в земледельческих округах Сибири хлеб не имел сбыта по отсутствию спроса, а в промышленных дневное содержание чернорабочих иногда доходило до 5 руб. из-за дороговизны хлеба. «Железная дорога, — полагал С. Ю. Витте, — без сомнения, устранил эти невыгодные для края аномалии хлебной торговли»¹⁸⁵.

Еще до того как началось строительство магистрали, в Министерстве финансов размышляли о тех мерах, какие могли бы сделать ее будущую эксплуатацию доходной. Много лет спустя С. Ю. Витте вспоминал: «Я возбудил и старался двинуть вопрос об организации переселения из Европейской России в Сибирь по мере сооружения Сибирской дороги... В моих понятиях устройство Великого Сибирского пути неразрывно связывалось с вопросом о переселении. Этим путем, с одной стороны, разрежалось население в Европейской России и там (в Европейской России) являлось больше свободы для земельного быта крестьян, а с другой стороны — этим оживлялась великая наша сибирская окраина; затем благодаря переселению можно было надеяться на то, что Сибирский путь в ближайшем будущем сам себя будет окупать»¹⁸⁶.

Так оно и было на самом деле. В докладе по проекту государственной росписи доходов и расходов на 1893 год С. Ю. Витте предложил параллельно строительству провести серию «вспомогательных мероприятий». В их ряду первое место отводилось колонизации земледельческих округов Западной Сибири выходцами из Европейской России¹⁸⁷.

Эта затея министра встретила мощное противодействие влиятельных кругов дворянства. Оно, как полагал С. Ю. Витте, «...основывалось на крепостнических чувствах и идеях»¹⁸⁸. Поместному дворянству избыточное сельское население, доходившее в ряде мест Европейской России до 75% всего трудоспособного населения, доставляло немало выгод. Прежде всего оно позволяло поддерживать высокий уровень арендных цен на землю — чтобы не умереть с голоду, крестьянам приходилось арендовать землю на условиях, выгодных в первую очередь землевладельцам, то есть за отработ-

ки. Из-за высокой арендной платы помещичья земля стояла значительно больше, нежели крестьянская, хотя крестьянин свой участок обрабатывал лучше и ухаживал за ним тщательнее, нежели помещик, применявший труд крестьян-арендаторов.

Мысль о том, что переселение в Сибирь лишит их почти дарового крестьянского труда и понизит уровень земельных цен, приводила поместных дворян в смятение. Летом 1893 года они предприняли попытку укрепить и законсервировать старые порядки крестьянского общежития, прежде всего общинное землевладение. Законом 8 июня 1893 года частные переделы общинных земель запрещались, а общие переделы дозволялись только через 12 лет. Приговоры сельских сходов об общих переделах вступали в силу, только если они были приняты $\frac{2}{3}$ голосов домохозяев.

Закон 14 декабря 1893 года имел еще более консервативный характер. Некоторые нормы статьи 165 Положения о выкупе 1861 года были им отменены. Этой статьей крестьянину предоставлялось право требовать выдела причитающегося ему участка полевой земли к одному месту и свободно распоряжаться им (с правом продажи) в случае досрочного внесения всей суммы выкупных платежей. Закон 14 декабря постановил, что для досрочного выкупа необходимо также согласие $\frac{2}{3}$ сельского общества с последующим утверждением такого согласия земским начальником. Закон запрещал залог надельных земель в частных кредитных учреждениях и продажу их посторонним лицам, не принадлежавшим к сословию «свободных сельских обывателей». Иначе говоря, крестьянскую надельную землю можно было продавать только крестьянам. Огромный земельный фонд изымался из свободного рыночного товарооборота и этим в определенной степени обесценивался. Теперь крестьянину, желающему переселиться в Сибирь на свободные земли, приходилось уступать свой надел с большой скидкой в цене или вообще за бесценок.

Тогда, как и в последующие времена, самые реакционные законодательные поползновения преподносились как забота о народном благе. Закон 14 декабря 1893 года был направлен на защиту крестьян от мироедов-кулаков и купцов, которые снабжали бедняков деньгами для внесения досрочных выкупных платежей за наделы единственно для того, чтобы увеличить таким путем площадь собственных земельных владений. Однако получилось в полном соответствии с известным афоризмом «хотели как лучше, а получилось как всегда»: мероприятие, направленное на ограничение аппети-

тов кулачества, способствовало как раз обратному — еще большей концентрации надельных крестьянских земель в руках местных лихоимцев.

В Государственном совете С. Ю. Витте явился одним из самых ревностных защитников антикрестьянских законопроектов. Здесь мы имеем тот редкий случай, когда интересы «диких помещиков» и прогрессивного министра финансов на какое-то время совпали. Но совпадение это чисто внешнее. Суть дела состоит в том, что С. Ю. Витте из некоторых соображений не сочувствовал беспорядочной или стихийной колонизации восточных окраин государства. Одна из самых главных проблем переселенческого движения была не полицейская, а финансовая. Чтобы переселенец мог сносно устроиться на новом месте, по расчетам Министерства внутренних дел требовалось не менее 300 руб. на хозяйство, а по выкладкам чиновников переселенческого управления — 250—500 руб. для Тобольской губернии и 364—500 — для Акмолинской¹⁸⁹. Активизация переселения означала дополнительный и немалый расход казначейских средств.

В начале 1893 года Министерство финансов подготовило целую программу организованного заселения Сибири: порядок вызова туда поселенцев из крестьян, способ ликвидации поземельных отношений в местах выхода, перевозку поселенцев по железной дороге, выбор и отвод поземельных участков. К заселению громадных пустынных территорий собирались привлечь состоятельных людей из дворянства и служилый элемент¹⁹⁰. Принятый по инициативе министра финансов в 1894 году новый закон о паспортах облегчал передвижения «свободных сельских обывателей» по стране.

Закон 15 апреля 1896 года вводил следующий порядок переселения в местности, прилегающие к Сибирской железной дороге. Тем крестьянам, которые получили разрешение переселиться, предоставлялись льготы в отбывании государственных повинностей и небольшие ссуды: 77 руб. в Енисейской губернии, 113 руб. в Тобольской и Семипалатинской. Самовольные переселенцы никаких льгот не получали, землей обеспечивались в последнюю очередь и худшего качества¹⁹¹.

Экономическое освоение Сибири в Министерстве финансов планировалось таким образом, чтобы помещичьи и крестьянские хозяйства Европейской России не выводились из равновесия. В замыслах министра финансов была постройка железнодорожной линии от Перми в направлении на Котлас. По ней дешевое сибирское зерно получало само-

стоятельный выход на заграничные рынки. Тем самым хлебные цены в центральных губерниях России предохранялись от сильного понижения.

* * *

Сибирская железная дорога должна была сооружаться на средства казны, за счет займов и остатков обыкновенного бюджета. От предварительного создания обильного деньгами железнодорожного фонда С. Ю. Витте отказался. Однако идею специализированного железнодорожного фонда он не отбросил. Ему придавалось страховое назначение на тот случай, если произойдут заминки по линии государственного кредита или, что также не исключалось, свободных остатков обыкновенного бюджета будет недоставать для покрытия всех намеченных расходов.

Затевая гигантский народно-хозяйственный проект, министр финансов руководствовался известным принципом — сначала надо ввязаться в сражение, а там видно будет. Смета была готова лишь по участкам первой очереди, и то не полностью. Приблизительную сумму всех расходов на сооружение линии от Челябинска до Иркутска управляющий министерством вывел в размере 150 млн руб. Ее намеревались добыть из следующих источников: от кредитных операций С. Ю. Витте рассчитывал выручить 68,5 млн руб.; расход в 13,5 млн руб. покрыть излишками по обыкновенному бюджету; 10,6 млн руб. — за счет специальных средств, вкладов в Государственный банк на вечные времена и т. п.; остальное — из средств специального фонда в 92,7 млн руб., который составил из кредитных билетов, переданных Государственному банку для уничтожения, но не уничтоженных им¹⁹².

8 мая 1892 года император разрешил приступить к работам на первом участке дороги протяженностью 1328 верст (от Челябинска до реки Обь). Строительство шло быстро. Временное движение на участке от Челябинска до Омска было открыто уже 1 сентября 1894 года; к 1 октября рельсовый путь был уложен на протяжении 1328 верст, а 15 октября года началось регулярное движение на всей Западно-Сибирской дороге.

Проектом предусматривалось строительство ветки от Челябинска до Екатеринбурга длиной 226 верст. 27 февраля 1893 года было получено разрешение на строительство, а в декабре 1895-го началось временное движение на всем участке.

На всю Западно-Сибирскую дорогу длиной от Челябин-

ска до Омска было ассигновано вместе с подвижным составом и рельсами 47,4 млн руб., или по 35,8 тыс. руб. в пересчете на 1 версту. Дорога проходила по безлюдным местам — приходилось строить много жилья для служащих дороги. Не хватало воды, на топливо для паровозов употреблялись дрова.

По мере продвижения дороги вглубь Сибири трудности нарастали. Среднесибирская магистраль (от реки Обь до Иркутска) длиной 1729 верст была разделена на два участка. Первый участок от Оби до Красноярска имел 711 верст главного пути; второй участок от Красноярска до Иркутска — 1011 верст главного пути и 5 верст ветвей. Помимо того, предполагалось построить ветку от станции Таежная до Омска длиной 89 верст. Разрешение Александра III на производство работ было получено 27 февраля 1893 года. В декабре 1895 года на участке от Оби до станции Болотная протяженностью 119 верст открылось временное движение. Согласно расценочной ведомости, на Обь-Красноярский участок было ассигновано 25 млн руб. без подвижного состава, Красноярск-Иркутского участка — 46,8 млн руб. и от Таежной до Томска 1,8 млн руб. Здесь строителям приходилось преодолевать огромные реки, болота, непроходимую тайгу. Перерасход по смете Обь-Красноярского участка определен в 3,5 млн руб. Окончание работ на участке Красноярск — Иркутск ожидалось не ранее 1898 года.

Что касается дальнейшего пути, то поначалу его собирались вести по южному берегу озера Байкал. Однако впоследствии направление изменили в пользу ветки от Иркутска по левому берегу Ангары до Байкала. Через озеро поезда должны были переправляться на пароме. Окончание сооружения паромной переправы намечалось в 1898 году. Паром-ледокол был заблаговременно приобретен и в разобранном виде привезен в Красноярск; далее его намеревались доставить в Иркутск на лошадях и пароходом по Ангаре к месту назначения.

К постройке паромной переправы готовились как следует: наблюдения за погодными явлениями велись на станции Мысовская, у истока Ангары и на самом озере Байкал. Зимой на льду посередине озера была устроена временная метеорологическая станция. Наблюдения показали, что паромная переправа могла действовать примерно 10 месяцев в году; остальное время поезда самостоятельно могли передвигаться по льду, толщина которого достигала 95 см.

На строительстве Сибирской дороги работали иностранные подданные (более 15 тыс. китайцев и корейцев), заклю-

ченные острова Сахалин и Александровской каторги. За примерную работу им обещали скостить срок на треть. С. Ю. Витте спешил как можно быстрее пустить дорогу в эксплуатацию, рассчитывая впоследствии обустроить ее как следует. Сибирская магистраль сооружалась в один путь, земляная насыпь была уже, а толщина балластного слоя меньше, чем в Европейской России. Многие мосты возводились из дерева, на путь укладывались облегченные рельсы — 18-фунтовые вместо распространенных 24-фунтовых¹⁹³.

Летом — осенью 1896 года министр путей сообщения князь М. И. Хилков по повелению императора на месте ознакомился с ходом строительных работ. 25 октября того же года им был представлен всеподданнейший доклад о результатах поездки.

Впечатление от хода строительства в целом было благоприятное. Министр не скрыл от монарха своего беспокойства относительно перспектив строительства магистрали в направлении далее Иркутска. На кругобайкальском участке проводились еще лишь изыскательские работы. Их окончание можно было ожидать только к концу 1897 года. «...Что же касается до постройки Кругобайкальской линии, — если таковая признана будет необходимой, — в настоящее время трудно определить срок окончания сооружения ее, ввиду весьма сложных работ, которые придется при этом исполнить», — честно признался министр¹⁹⁴.

Крайне медленно продвигалась стройка Уссурийской дороги из-за отсутствия точных карт местности, ошибок проектирования и сложных природно-климатических условий. На некоторых участках дождевыми паводками разрушалось дорожное полотно. Строительные рабочие мучились от цинги и болотной лихорадки; вольнонаемные уходили, не отработав задатков, а на ссыльнокаторжных надежда была плохая. Квартирный вопрос в Уссурийском крае стоял острее, чем где бы то ни было. По решению Комитета Сибирской дороги от 5 июля 1895 года рабочие получали в аренду участки земли вдоль рельсового полотна для возведения жилищ и устройства огородов. Деньги на постройку домов для жилья можно было получить в кредит на условиях его частичного погашения¹⁹⁵.

Продвижение дороги вглубь Сибири осложнялось еще и тем, что принадлежности для укладки пути и строительные материалы требовалось подвозить из центра страны и с Урала. К вспомогательным мероприятиям, о которых говорилось выше, помимо заселения, относилось еще развитие пароходного сообщения по рекам Сибири и расшире-

ние горнозаводской деятельности на всем протяжении магистральной.

В Иркутской губернии, неподалеку от селения Братский острог на реке Ангаре, уже имелось довольно крупное металлургическое предприятие — Николаевский железоделательный завод. На него возлагались очень большие надежды. М. И. Хилков нашел завод в запущенном состоянии: одна из трех доменных печей была полностью разрушена, другая требовала крупного ремонта и лишь третья могла быть пущена в работу после небольших исправлений. Сталеплавильная печь нуждалась в капитальной переделке, рельсопрокатного стана в наличии вообще не оказалось, а здание завода было до того ветхим, что могло вот-вот рухнуть.

В 1896 году предприятие приобрела группа коммерсантов во главе с Саввой Ивановичем Мамонтовым. Она учредила акционерную компанию под названием «Общество Восточносибирского железоделательного, рельсопрокатного и механических заводов». Новые хозяева энергично принялись за реконструкцию комбината: спроектировали новую доменную печь, увеличили помещение мартеновского цеха для установки второй мартеновской печи, отремонтировали здание, где предполагалось производить железнодорожные скрепления. Для рельсопрокатного производства за границей был заказан рельсопрокатный стан. Уже в начале марта 1897 года завод собирался приступить к прокатке рельсов.

Основное затруднение, которое новая администрация комбината не могла преодолеть своими силами, — это полное отсутствие рабочих рук. Главные надежды возлагались опять-таки на каторжников, но вместо ожидавшихся 600 человек в распоряжение заводского управления прибыли только две партии по 100 заключенных в каждой¹⁹⁶. Успех всего дела зависел главным образом от того, будет ли завод снабжаться подневольной рабочей силой или же нет.

Забайкальская железная дорога в 1896 году еще только начала строиться. На линии работало 14 300 человек и 1078 подвод казенного обоза. Параллельно создавалась и промышленная инфраструктура. В Забайкалье частными заводчиками, в расчете на обильные заказы Комитета Сибирской железной дороги, спешно возводились два цементных предприятия. Один был построен близ города Верхнеудинска с производительностью 20 тыс. бочек цемента в год и один неподалеку от города Нерчинска с годовым выпуском в 40 тыс. бочек. Казна заключила с заводчиками контракт на по-

ставку 300 тыс. бочек в течение пяти лет. Нерчинский завод уже начал давать продукцию, Верхнеудинский был выстроен и собирался начать производство в конце 1896 года.

Хотя работы по сооружению Забайкальского участка велись весьма энергично, князь М. И. Хилков сомневался, удастся ли справиться с укладкой пути к 1898 году. Выполнение намеченной программы строительства зависело в первую очередь от того, смогут ли оба частных амурских пароходства перевезти нужные железнодорожные грузы.

Еще одной большой проблемой обещало стать привлечение на дорогу квалифицированной рабочей силы. В Чите сооружались большие железнодорожные мастерские для ремонта подвижного состава, а при них — рабочий поселок на 300 человек мастеровых с семьями. В самом городе, где имелось тогда всего около девяти тысяч человек, трудно было найти жилплощадь на 900 человек. Рабочих железнодорожных специальностей в Забайкалье не имелось вовсе, а потому их собирались выписать из Европейской России.

Одним из наилучших способов прикрепления квалифицированного персонала к предприятию в те времена считалось предоставление ему хорошего жилого помещения за сравнительно невысокую плату. Рабочих собирались поселить компактно в непосредственной близости от места работы. Для будущей рабочей колонии в Министерстве путей сообщения разработали проекты жилых домов двух типов — одного четырехквартирного, другого двухквартирного. Жилая площадь квартиры, состоявшей из комнаты и кухни, в домах первого типа составляла 4,6 кв. сажени. Такая квартира предназначалась для семейных рабочих. Холостяков селили по двое в каждой квартире. Квартиры второго типа (две комнаты и кухня) имели несколько большую жилую площадь — 9,2 кв. сажени и были рассчитаны на заселение монтерами, мастерами и служащими со сравнительно высокими заработками.

Каждый из таких домов имел внутренней жилой площади 18,40 кв. сажени. Стоимость одной сажени жилой площади дома вместе с приусадебными постройками была определена в 160 руб., следовательно, общая стоимость дома равнялась округленно 3 тыс. руб. На постройку всей колонии из 70 домов министр М. И. Хилков испрашивал у казны кредит в сумме 210 тыс. руб.

Затраты на жилищное строительство предполагалось возместить из квартирной платы. Она составляла бы 7,5% от строительной стоимости квартиры. Эти 7,5% распределялись следующим образом: 4% роста на капитал, 1% на амор-

тизацию и 2,5% на ремонт дома. На основании произведенных расчетов квартирная плата за площадь в 9,2 кв. сажени должна была составить 112 руб. в год, или 9 руб. 33 коп. в месяц, за квартиру в 4,6 кв. сажени — 56 руб. или 4 руб. 66 коп. в месяц¹⁹⁷.

Министр признал весьма желательной организацию таких рабочих колоний во всех крупных железнодорожных центрах Сибири. «Совместная жизнь в одной колонии, на глазах железнодорожного начальства, в отдалении от города, поведет к большему порядку и дисциплине среди рабочих и устраним массу тех недоразумений, которые могут возникнуть среди рабочих при размещении их в городе, не имеющем достаточно полицейских сил», — докладывал М. И. Хилков императору¹⁹⁸.

«Россия будет прирастать Сибирью» — так, кажется, выразился М. В. Ломоносов.

При всех многочисленных недостатках Транссибирская магистраль все же оказалась несравнимо лучше прежнего конного тракта — по мнению А. П. Чехова, безобразнейшей дороги на всем белом свете. На участке от Челябинска до Иркутска было построено 107 станций и еще 144 разъезда, где поезда пропускали друг друга. Когда-то пустынный край быстро обжился. Открылось 16 православных храмов, 9 церковно-приходских школ и 19 школ Министерства народного просвещения, 4 больницы и 30 приемных покоев. На 35 станциях государственные сберегательные кассы принимали у населения вклады и продавали облигации 4%-ной государственной ренты, вели переводную операцию. При всех станциях имелось телеграфное сообщение, а при 38 — еще и почта. Повсеместно были устроены кубы с горячей водой, которую все проезжающие могли получать совершенно бесплатно; «буфетные столы» с продажей чая, горячительных напитков и холодных закусок.

Экономическое значение магистрали возрастало с каждым годом. На 17 станциях управление Сибирской дороги построило ледники для масла и хранилища льда для снабжения им специальных поездов, перевозивших сливочное масло со станций Сибирской железной дороги в столичные центры и в порты Балтийского моря для экспорта.

В 1901 году казна приступила к труднейшим работам по прокладке кругобайкальского участка протяженностью 244 версты. В 1905 году строительство было завершено и путешественникам стало доступным одно из самых красивых мест на земле¹⁹⁹.

План Витте по строительству магистрали был весьма рискованным и даже, можно сказать, отчасти авантюрным. Но какое крупное хозяйственное начинание не включает в себя элемента авантюры? Предвидеть все повороты судьбы невозможно. Как уже говорилось, проектно-изыскательские и сметные работы были произведены не для всего протяжения Великого сибирского пути. Во всеподданнейшем докладе по росписи на 1893 год стоимость участка магистрали по левому берегу реки Амур вообще определена не была. Лишь 15 марта 1894 года император утвердил положение Комитета Сибирской железной дороги, где называлась стоимость изысканий для проведения Амурской железной дороги — 1 млн руб. 1 апреля 1894 года министр финансов представил Комитету Сибирской дороги расчеты сроков ее строительства. Изыскания и строительные работы на Амурской линии следовало вести с таким расчетом, чтобы вся она вступила в строй не позднее 1901 года. Но лишь в 1896 году предварительные работы были закончены и приблизительная сметная стоимость заключительного участка дороги протяженностью 1305 верст вместе с подвижным составом и рельсами была выведена в сумме 100 млн 250 тыс. руб., или 76,8 тыс. руб. в пересчете на одну версту пути²⁰⁰.

Большая сметная стоимость вызывалась многими техническими трудностями. Та часть пути, которая прилежала к Хинганскому хребту, не имела дорог для колесного транспорта; не было их и на некоторых участках между станцией Михайло-Семеновской и Хабаровском, а также между Благовещенском и Сретенском. Во время весенней и осенней распутицы Приморье вообще не сообщалось с Сибирью.

Почтовый тракт длиной 1664 версты имел ничтожное значение ввиду отсутствия переправ через 117 притоков Амура. Лишь реки Зея, Бурея и сам Амур вблизи города Хабаровска имели постоянные переправы. Тракт не везде был доступен для колесной езды — на 57% пути, или 949 верстах, было возможно исключительно выючное передвижение. Да и колесная дорога на некоторых участках могла использоваться только в сухое время года.

И это еще не все. Амурской магистрали предстояло пролегать по безлюдной территории, так что местные перевозки грузов по ней не предполагались, а перспективы грузового транзита рисовались в самых туманных очертаниях. Наконец, будущей дороге предстояло вступить в конкуренцию с амурскими пароходствами. Несмотря на краткую навигацию (всего около 170 дней), 100 пароходов и около 200

барж вполне удовлетворяли скудные потребности края. Судов с мощными двигателями для движения против течения парохозяйства не имели — слишком дорого обходилась их эксплуатация.

Князю М. И. Хилкову предпочтительнее всего казалось устроить добротную гужевую дорогу по направлению, избранному для рельсовой магистрали. Стоимость ее должна была составить всего 11 млн руб. или 9,3 тыс. руб. в пересчете на одну версту. Но главным аргументом в пользу устройства шоссе явилось то обстоятельство, что в 1896 году уже решился вопрос об изменении направления заключительного участка Великого сибирского железнодорожного пути²⁰¹.

* * *

Первоначальные проекты Министерства финансов предусматривали спрямление Сибирской магистрали через проведение ее по территории сопредельного государства — Китая.

В практическую плоскость вопрос был поставлен около 1896 года. Великий сибирский путь тогда уже подходил к Забайкалью, пишет С. Ю. Витте в «Воспоминаниях», и нужно было решить, как вести его дальше. «Весьма естественно, у меня родилась мысль вести железную дорогу далее напрямик во Владивосток, перерезывая Монголию и Северную часть Маньчжурии. Этим достигалось значительное ускорение в его сооружении. При этом сибирский путь являлся действительно транзитным мировым путем, соединяющим Японию и весь Дальний Восток с Россией и с Европой»²⁰².

Впоследствии С. Ю. Витте пеняли за эту идею, указывая, что из-за нее Россия ввязалась в самую позорную за всю свою историю войну, закончившуюся кошмарной революцией. В архиве дипломатических документов российского Министерства иностранных дел хранится дневник товарища министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа. Благодаря усилиям и таланту Ирины Алексеевны Дьяконовой, подготовившей его к публикации, первоклассный исторический источник стал доступным для широкого круга исследователей. Особую ценность дневнику придает то, что В. Н. Ламздорф помещал в него копии с важных дипломатических документов, проходивших через его руки.

В октябре 1895 года в дневнике появляется запись: «Продолжаю вскрывать все пакеты, обычно проходящие через

руки товарища министра. В одном из них нахожу официальное отношение министра путей сообщения князя Хилкова князю Лобанову (министру иностранных дел. — С. И.); отвечая на запрос нашего министра, Хилков сообщает, что в самом деле несколько инженеров, получив отпуск, в частном порядке отправились в Маньчжурию для проведения некоторых изысканий; результаты их обещают быть столь интересными, что министр путей сообщения оставляет за собой право сообщить их нам дополнительно в соответствующее время... Итак, в то время как мы со всей настойчивостью опровергаем всякое намерение строить дорогу через Маньчжурию, наши инженеры проводят там изыскания крупного масштаба!»²⁰³

Под 15 ноября 1895 года мемуарист поместил копию секретной телеграммы по поводу франко-китайской конвенции, дававшей право французам прокладывать железные дороги вглубь территории Китая, и резолюцию царя на ней следующего содержания: «Прошу переговорить с министром финансов. Я думаю, что теперь именно время на переговоры с Китаем для получения концессий на постройку через Маньчжурию железной дороги из Забайкалья прямо во Владивосток»²⁰⁴. Запись от 21 ноября содержит уже полный текст условий эксплуатации данной магистрали, составленный министрами иностранных дел и финансов²⁰⁵.

Контракт на постройку Китайско-Восточной железной дороги С. Ю. Витте провернул очень ловко. Произошло это во время торжеств по случаю коронации Николая II.

Посланником Китая — дружественной России державы — на коронационных торжествах предстояло быть Ли Хунчжану. По настоянию Витте, которому император поручил вести переговоры с Ли Хунчжаном, китайского сановника привезли не в Москву, где должны были проходить торжества, а в Петербург. Там начались церемонии, предваряющие дипломатические переговоры по существу. Все происходило в доме Министерства финансов. Первый день переговоров с Ли Хунчжаном оставил у С. Ю. Витте неизгладимые впечатления.

«И вот, когда вошел ко мне Ли Хун-чжан в гостиную, я вышел к нему навстречу в вицмундире; мы с ним очень поздоровались, очень низко друг другу поклонились; потом я провел его во вторую гостиную и приказал подать чай. Я и Ли Хун-чжан сидели, а все лица его свиты, так же как и мои чиновники, стояли. Затем я предложил Ли Хун-чжану, не желает ли он закурить? В это время Ли Хун-чжан на-

чал издавать звук, подобный ржанию жеребца; немедленно из соседней комнаты прибежали два китайца, из которых один принес кальян, а другой табак; потом началась церемония курения, которая заключалась в том, что Ли Хун-чжан сидел совершенно спокойно, только втягивая и выпуская из своего рта дым, а зажигания кальяна, держание трубки, внимание этой трубки изо рта и затем вставление ее в рот — все это делалось окружающими китайцами с большим благоговением»²⁰⁶.

Переговоры С. Ю. Витте вел с большим дипломатическим искусством. Необходимость в постройке дороги через китайскую территорию он мотивировал прежде всего потребностью в оказании Китаю экстренной помощи в случае покушения Японии на его территориальную целостность, которую Россия свято обещала соблюдать на вечные времена. С другой стороны, дорога могла бы помочь поднять производительность как китайских, так и русских территорий, через которые ей предстояло пролечь. Наконец, ею должна быть довольна и Япония, так как по ней она сможет гораздо быстрее общаться с Европой. Против такой аргументации устоять было трудно, и стороны установили секретное соглашение.

В 1896 году в Берлине был подписан и сам контракт об условиях постройки и эксплуатации Общества Китайско-Восточной железной дороги. По условиям контракта банкиром дороги должен был стать специально учрежденный Русско-Китайский банк. Акции общества могли приобретать как русские, так и китайские подданные; председатель Общества должен был назначаться китайским правительством. Ширина железнодорожной колеи соответствовала стандартам, принятым на русских дорогах. За китайским правительством было зарезервировано право досрочного выкупа дороги. Условия концессии были утверждены как русским, так и китайским правительством. Заключительную часть работы по контракту проделал товарищ министра финансов П. М. Романов — сам С. Ю. Витте после коронации отправился на Нижегородскую ярмарку, а затем в поездку по губерниям Поволжья²⁰⁷.

Хотя в контракте на постройку и эксплуатацию КВЖД был предусмотрительно включен пункт, которым России разрешалось провозить по ней войска и военные грузы, С. Ю. Витте был по существу прав, когда признавал за дорогой культурное и коммерческое значение, но не оборонно-стратегическое. Как показали последующие события, с проблемой своевременной доставки крупных войсковых

соединений и военной техники на удаленный театр военных действий Транссибирская магистраль, частью которой была КВЖД, справлялась с огромным трудом.

* * *

Летом 1897 года в Маньчжурию уже официально прибыли первые партии инженеров для производства изыскательских работ. Они столкнулись здесь с такими трудностями, что все предыдущие им показались цветочками. В наличии не имелось ни планов, ни даже карт той местности, где предстояло прокладывать железнодорожный путь. Поэтому изыскатели первоначально занимались топографическими съемками местности, совершая маршрутные поездки в разных направлениях.

Сносных гужевых дорог в крае не было вообще. Зимой тут дули сильнейшие ветры и стояли крепкие морозы, летом случались исключительные по силе и продолжительности ливни, вызывавшие затопление пространств на десятки верст. Отверстия искусственных сооружений приходилось увеличивать в полтора раза против европейских норм.

Начальник одного из участков в августе 1897 года сообщал главному инженеру: «Что ни шаг, то или непроходимые болота, где каждый воз приходится вытаскивать на руках, или реки без мостов, через которые приходится переходить вброд при 2-х аршинной глубине, так что каждый раз чуть не весь груз перекладывается, во избежание подмочки, или, наконец, камни, расположенные в хаотическом беспорядке, делающие дорогу положительно опасной не только для колес, которых за время пути пришлось возобновить чуть ли не половину, но и для людей. Но ведь это бы все ничего, если бы не идущие беспрерывно целыми сутками ливни, после которых движение становится невозможным, так как всякая лужа обращается в реку и всякое болото делается окончательно непроходимым. Немыслимо перечислить той массы гатей из хвороста, сена и бревен, которые пришлось устраивать, и притом некоторые настолько солидно, что ими смогут, вероятно, пользоваться и другие партии. О мостах в Маньчжурии почти нет понятий: на одной реке имелась, например, переправа в виде двух лодок, становящихся рядом, так что одна служит для правых колес перевозимой телеги, другая — для левых. Эта переправа отняла ровно сутки»²⁰⁸.

Сильно досаждали и местные разбойники — хунхузы. Центральное китайское правительство не смогло обеспечить безопасность дороги и ее персонала — слишком уж большой

размах приобрело разбойничество в Северной Маньчжурии. Хунхузы действовали крупными отрядами (иногда до 100 человек и более) по нехитрому сценарию: пока одна группа разбойников с закрытой позиции обстреливала дома охраны и служащих дороги, другая спокойно занималась грабежом. Властями было установлено, что в шайках хунхузов участвовали выходцы с Кавказа. Для безопасности КВЖД пришлось учредить особую охранную стражу, организованную по военному образцу. К весне 1899 года в ее составе числилось 66 офицеров, 9 гражданских чинов, 2 священника и 4612 солдат²⁰⁹.

В конце концов и эти трудности преодолели. Сибирская магистраль соединилась с Владивостоком по кратчайшему расстоянию. Управление Китайско-Восточной железной дороги находилось в Харбине — городе, который своим возникновением был обязан исключительно ей. Общая протяженность линий, принадлежавших КВЖД, составила 2442 версты. Природные, климатические и социальные факторы очень сильно увеличили строительную стоимость магистрали. Она составила 241,9 млн руб., или 101,9 тыс. руб. на версту. Для сравнения: поперстная стоимость пущенных несколько позже Кругобайкальской дороги — 259 тыс. руб., Средне-Амурской — 85,9 тыс. руб., Восточно-Амурской — 146,2 тыс. руб.²¹⁰

В начале осени 1902 года министр финансов С. Ю. Витте побывал на КВЖД. Он был очень оживлен, доволен своим путешествием и говорил спутникам, что, будучи в Петербурге, не имел понятия, что в настоящее время представляет собой Дальний Восток. Особенно сильное впечатление произвел на С. Ю. Витте Харбин. Город рос с такой быстротой, с какой росли только новые города в Америке. С. Ю. Витте радовался оживлению коммерческой деятельности, но русская будущность там внушала ему серьезные опасения.

Министр финансов увидел и беспорядок на КВЖД: поезд, назначенный прибытием в 9.00, сошел с рельсов (у одного из вагонов лопнула ось) и был отложен до 11.00, а затем и до 12.00. У С. Ю. Витте сразу испортилось настроение, и он накричал на начальника движения: «Я и раньше не верил вашим докладам, и теперь не верю... Поезд придет не тогда, когда вы говорите, а когда сам придет»²¹¹. Опоздавший поезд пришел не в 12 часов пополудни, а в 17 часов вечера. Уж кто-кто, а С. Ю. Витте на собственном опыте знал, что при таких порядках будет происходить на дороге в случае открытия военных действий. До начала Русско-японской войны осталось чуть более года.

Крупный российский и советский экономист Михаил Иванович Боголепов как-то заметил, что в финансовой истории России конца XIX — начала XX века «...прежде всего бросаются в глаза три изумительных факта: необычайно быстрый рост государственного бюджета, быстрое накапливание государственного долга и непомерное увеличение косвенных налогов. Все эти три факта находятся между собой в непрерывной связи, они — результат общих условий русской политической и экономической истории»²¹².

Государственный бюджет в царской России назывался росписью доходов и расходов. Заведование им являлось первой обязанностью министра финансов. Ежегодно в декабре министр финансов представлял проект росписи, к тому времени прошедший обсуждение и утвержденный в Департаменте экономии Государственного совета, на подпись императору. Высочайшая резолюция на проекте со словами «быть по сему» означала, что он становился законом.

В Министерство финансов С. Ю. Витте пришел с твердым убеждением — экономия в государственных расходах не всегда благо для страны и ее населения. Коль скоро выявлены действительные, а не мнимые, государственные потребности, писал С. Ю. Витте в первом своем всеподданнейшем докладе по росписи от 28 декабря 1892 года, финансовое управление поставлено перед необходимостью изыскивать средства для их удовлетворения. «В этом отношении сдержанность (в расходах. — С. И.) имеет свои пределы, за которыми отклонение предъявляемых требований о разрешении расходов может угрожать серьезными затруднениями нормальному развитию гражданской и экономической жизни страны»²¹³.

Предшественники С. Ю. Витте — Н. Х. Бунге и особенно И. А. Вышнеградский — проводили курс на всемерное ограничение государственных расходов с целью, с одной стороны, сбалансировать государственный бюджет, лишить его дефицитности, а с другой — несколько ослабить налоговый пресс на трудящиеся массы.

С. Ю. Витте полагал, что все сущее на белом свете, в том числе и сдержанность в государственных расходах («спасительная бережливость»), имеет свою цену и цена эта безмерно высока для страны, чьи природные богатства освоены в мизерной степени, а колоссальные людские ресурсы вообще пребывают в дремотном состоянии. Финансовое управление должно поставить своей задачей прямое, а не только косвен-

ное, содействие развитию производительных сил страны. Этим, во-первых, возвысится народное благосостояние и, во-вторых, умножатся источники государственных доходов. Но содействие это должно осуществляться разумными методами и в разумных пределах, иначе результат будет как раз обратный. Теоретически этих пределов установить невозможно, они определяются только повседневной практикой. Не стесняться расходами, но зорко и неустанно следить, чтобы государственное хозяйство было в порядке, чтобы государственный бюджет сводился с положительным сальдо оптимальных размеров (или, как сейчас говорят, «с профицитом»).

Взгляды С. Ю. Витте на задачи и принципы бюджетного управления встретили поддержку у носителя верховной власти. Расходная часть государственного бюджета при С. Ю. Витте возросла более чем вдвое — с 947 млн руб. в 1892 году до 1 млрд 935 млн руб. в 1903 году. За предшествующее десятилетие рост составил только 25,8% — с 724 млн до 911 млн руб. В начале министерства Н. Х. Бунге (1881—1886) доходная часть бюджета выражалась суммой 652 млн руб., в конце — 781 млн руб. За период пребывания И. А. Вышнеградского министром финансов (1887—1892) бюджет в его расходной части увеличился с 830 млн до 970 млн руб.²¹⁴

Какие статьи расходной части бюджета росли скорее всего? Ответить на этот вопрос точными цифрами непросто, так как составители росписи использовали не предметную классификацию, как в наши дни — расходы на оборону, на просвещение, науку и т. п., — а ведомственную: расходы по Министерству императорского двора, Министерству финансов, Министерству внутренних дел, Военному и Морскому министерствам. Сам С. Ю. Витте употребление ведомственной классификации объяснял «историческим происхождением» государственной росписи и отсутствием в России «единства министерств» (то есть Кабинета министров)²¹⁵.

Бюджет Российской империи не отличался особой ясностью еще и в силу двух обстоятельств. Во-первых, он являлся брутто-бюджетом (то есть валовым): показывались полные цифры доходов без вычета издержек по взиманию этих доходов, которые фигурировали в расходной части, наряду с расходами на управление государственными делами и др. В нетто-бюжете (то есть чистом) доходы выводились за исключением упомянутых издержек. Министр финансов отдавал предпочтение брутто-бюджету за полноту, хотя и видел его недостатки, прежде всего отсутствие прозрачности в ще-

котливом вопросе о действительной стоимости государственных доходов²¹⁶.

Во-вторых, особенностью государственной росписи доходов и расходов являлось то, что она делилась на две неравные части: обыкновенные и чрезвычайные расходы (и доходы). И если обыкновенный бюджет строился на основе ведомственного принципа, то расходы чрезвычайного бюджета определялись предметным способом.

Номенклатура чрезвычайных расходов государственного бюджета складывалась стихийно. По счетам чрезвычайного бюджета покрывались издержки по единовременной досрочной уплате капитала по государственным займам; по ведению военных действий; по приобретению казной в крупных размерах имущественных прав (вознаграждение за отмену права пропинации), по строительству новых железных дорог и по выкупу в казну частных рельсовых линий²¹⁷. Такое устройство государственных финансов позволяло превратить бюджетный баланс в бухгалтерский фокус — железнодорожные и военные расходы частью проходили по счетам обыкновенного бюджета, а частью — чрезвычайного.

Одним из первых шагов С. Ю. Витте в должности министра стало упорядочение номенклатуры счетов чрезвычайного бюджета. Согласно положениям закона 4 июня 1894 года в отдел чрезвычайных расходов стали заноситься расходы по сооружению новых железных дорог вместе с затратами на изготовление и приобретение подвижного состава, а также железнодорожных принадлежностей. 22 мая 1900 года бюджетные правила были еще раз изменены: суммы, израсходованные на приобретение подвижного состава для уже существующих казенных линий, были отнесены к обыкновенным расходам. Общая сумма расходной части чрезвычайного бюджета сильно колебалась по годам — то раздуваясь до 413,9 млн руб. (1898), то сжимаясь до 170,6 млн руб. (1902).

Рост государственного бюджета страны, если взять его в целом, вызывался прежде всего экономической деятельностью Российского государства, которая отражалась в сметах Министерства путей сообщения и Министерства финансов.

Самой большой статьей чрезвычайного бюджета являлись железнодорожные расходы. Они носили регулярный характер, хотя относились к чрезвычайному бюджету, и выражались ежегодно в очень крупных суммах. В 1892 году эти расходы составили 100,9 млн руб., в 1902-м — 165,7 млн руб.

Крупнейшим государственным ведомством страны при

С. Ю. Витте стало Министерство путей сообщения. Его бюджет возрос с 67,4 млн руб. в 1892 году до 435,5 млн руб. в 1902-м или в 6,5 раза за 10 лет! Помимо строительства новых рельсовых путей сообщения государство выкупало в казенную эксплуатацию действующие линии. Выкуп производился для изгнания из государственного бюджета железнодорожного дефицита. Как подсчитали в Министерстве финансов, за 15 лет (1880—1894 годы) казенные приплаты по гарантии облигационных и акционерных капиталов частных обществ железных дорог выразились в колоссальной сумме — 640,7 млн руб.²¹⁸

При И. А. Вышнеградском в казенное управление было приобретено 10 железных дорог протяженностью 5456 верст²¹⁹. На государственную казну перешли их обязательства на сумму 168,7 млн руб. в металлической валюте и 35,7 млн руб. — в кредитной²²⁰.

Начатое им дело энергично продолжал С. Ю. Витте. С его подачи собственностью государства стали линии 13 железнодорожных обществ²²¹ и 30 облигационных займов на 417,5 млн руб. и акционерными капиталами, большая часть которых также пользовалась правительственными гарантиями. Для замены частных облигаций и акций на государственные ценные бумаги было выпущено новых займов на 463,3 млн руб.; наличными деньгами приплачено держателям 11,4 млн руб.²²²

У бывших хозяев железных дорог не было ни малейших оснований обижаться на финансовое ведомство. Судите сами: за бездоходные акции Варшавско-Тереспольской железной дороги на нарицательную сумму 7,3 млн руб. их владельцы получили от казны 8,3 млн руб. облигациями 4%-ной государственной ренты, не считая денежных доплат²²³.

Железные дороги сделались крупнейшей отраслью государственного хозяйства, но ими хозяйственная деятельность казны не ограничивалась — были еще казенные заводы, огромное лесное хозяйство, наконец, кредитные учреждения, принадлежащие исключительно государству. В американской прессе Российскую империю называли самым крупным строителем железных дорог, самым крупным землевладельцем и самым крупным банкиром во всем мире.

К государственному предпринимательству в XIX веке относились несколько иначе, чем в наши дни. И государственные деятели, и многие ученые мужи склонялись к тому, что выгодно поставленное казенное хозяйство, как это удалось сделать в Пруссии, позволяет умерить бремя государственных налогов и тем самым способствует процветанию част-

ной хозяйственной деятельности. Их не смущал тот факт, что в большинстве стран — Австрии, Италии, Франции и России — государство несло крупные убытки на эксплуатации железнодорожного хозяйства. «Если бы... русское казенное железнодорожное хозяйство могло освободиться от своей хронической дефицитности, то это обстоятельство сразу упрочило бы положение русского бюджета и отдалило бы от него дефицит»²²⁴, — полагал М. И. Боголепов.

С. Ю. Витте расширил сферу государственного предпринимательства включением в него грандиозного по своим размерам винного хозяйства, о чем речь шла выше. Расходная часть сметы Министерства финансов при нем увеличилась с 120,2 млн руб. до 335,2 млн руб., или в 2,8 раза.

«В нашем Отечестве, — писал С. Ю. Витте монарху в докладе от 28 декабря 1892 года, — по особым историческим условиям его государственного сложения и развития, финансовое хозяйство не может замкнуться в строго определенных рамках, предустанавливаемых потребностями государственными в общепринятом значении этого слова. В понятиях русского народа глубоко коренится исконное убеждение, что царской власти принадлежит почин во всем, до пользы и нуждах народных касающихся»²²⁵.

К пользе народной С. Ю. Витте ни прямо, ни косвенно не относил военные расходы государства. Ужасы войны, писал он в мемуарах, постоянно увеличиваются. Однако сами войны теперь случаются довольно редко и то потому, что «...происходит постоянная война — война всеобщего вооружения, со всеми бедствиями, от сего проистекающими»: масса населения отрывается от производительного труда, лишается благосостояния, увеличиваются бедность, нищета, болезни и смертность»²²⁶.

Расходы по двум оборонным ведомствам при нем росли, но скромнее по сравнению с другими. Заметнее всего повышались расходы по Морскому министерству — с 48,2 млн руб. до 98,3 млн руб.

Отметая упреки военных в «недофинансировании» оборонной части бюджета, министр финансов указывал, что Россия по произведенным ею затратам на военные надобности не только не отстает от других европейских держав, но и обгоняет их почти что по всем статьям. Если в 1892 году ее затраты на армию и флот составляли 293 млн руб., то в 1902-м — уже 421 млн руб. (увеличение на 47,7%). Для сравнения им приводились военные расходы Германской империи, которые за тот же период времени возросли с 223 млн до 303 млн руб., или на 35,9%²²⁷.

Аппетиты оборонных министерств разгорелись со второй половины 90-х годов XIX века, а если быть точным, то с 1898 года. Помимо обыкновенных расходов армии и флота (на перевооружение, новое судостроение и т. п.) в 1898 и 1900 годах им было выделено дополнительно 151,8 млн руб. по сметам чрезвычайного бюджета²²⁸.

* * *

Доходная часть чрезвычайного бюджета слагалась почти исключительно из сумм, полученных от реализации государственных займов.

Российская империя последних десятилетий своего существования стяжала нелестную славу величайшего должника во всемирной истории. Если в конце министерства И. А. Вышнеградского российский государственный долг составлял 4 млрд 905 млн 410 225 руб. (счетоводы финансового ведомства выводили его с точностью до рубля. — *С. И.*), то в 1903 году, когда С. Ю. Витте распрощался с Министерством финансов, он выразился суммой (по официальным данным) 6 млрд 651 млн руб., увеличившись, таким образом, на 1 млрд 746 млн руб., или на 35,6%²²⁹. В этом отношении Россия не была исключением из общего ряда — быстро росла государственная задолженность у других стран «второго эшелона» капиталистического развития: Германии, Италии, Австро-Венгрии, Японии.

Однако суммы, выделяемые ежегодно из бюджета на обслуживание государственного долга (уплата текущих процентов и погашение тиражируемых облигаций государственных займов), при некотором абсолютном росте (с 251 млн руб. в 1892 году до 287 млн в 1902-м) сократились относительно других расходных статей. Если в 1892 году они составляли 27,5% от общей суммы расходов обыкновенного бюджета, то в 1902-м — только 16,2%²³⁰. Относительное, а в отдельные годы и абсолютное снижение платежей по системе государственного кредита достигалось за счет конверсионных операций с облигациями русского государственного долга.

В 1894 году император подписал законодательный акт, в соответствии с которым займы могли совершаться только для покрытия расходов чрезвычайного характера. Все государственные займы Российской империи имели строго целевое назначение. Каждый сопровождался специальным законом, где были подробно прописаны и условия выпуска, и его цели. В основном займы эмитировались на общегосударственные потребности и на потребности железнодорожного

хозяйства. Конверсии ранее сделанных займов относились к общегосударственным потребностям.

Операция конверсии в сущности довольно проста. Владелец конвертируемой (или изымаемой досрочно из обращения) облигации предлагался выбор: либо получить ее нарицательный капитал наличными деньгами, либо поменять на другую, с более низким процентом дохода, но на льготных условиях. Если учетный процент (цена денег) стоял высоко и банки платили хороший доход по денежным вкладам, то держатели облигаций предпочитали наличные деньги. Если, наоборот, учетный процент снижался, а вслед за ним и ставки по депозитам — то новую облигацию.

Подготовительный период конверсионных операций пришелся на министерство Н. Х. Бунге; развернулись они при И. А. Вышнеградском. Прежде всего Вышнеградским были конвертированы бумаги, выпущенные на цели выкупной операции. По условиям реформы 1861 года за уступленную крестьянам землю помещики получали от государства вознаграждение, но не наличными деньгами ходячей валюты, а специальными облигациями бессрочного характера (так называемыми 5% и 5,5%-ными рентами).

Для конверсии 5,5%-ной ренты предназначался 4%-ный внутренний заем второго выпуска на сумму 70 млн руб. кредитных.

Условия конверсии были самые выгодные. 100-рублевая облигация ренты менялась на бумагу такого же номинала с прибавкой на каждую бумагу 7 руб. наличных денег. Конверсионному 4%-ному займу был дарован ряд льгот (пониженный процент за ссуды под нее в Государственном банке, выгодная кредитная маржа и т. п.), проценты по займу платились по полугодиям, а сам заем был сделан тиражным со сроком погашения 40 лет. По свидетельству аналитика, «...биржа вполне оценила эти выгоды, котируя в январе и феврале 1891 года (перед объявлением конверсии, слухи о которой усердно распространялись в течение всего 1890 года), 5,5% ренту по 106,5—108 за сто, а 5% банковые билеты, которые предполагалось назначить к конверсии тотчас же вслед за конверсией 5,5% ренты, но на менее выгодных условиях для конвертентов, — по 103—105 за сто. Первый восточный 5% заем, который имелось ввиду конвертировать в третью очередь на еще менее выгодных условиях, котиrowался всего по 102—104,5 за сто. Соответственно этим ценам улучшились цены и на 4% займы. Так, 4% внутренний заем 1887 года, в конце 1890 года не котиrowавшийся выше 92,5 за сто, с начала 1891 года быстро пошел в гору и в мае до-

стиг 98,25 за сто. Поэтому цену в 93 за сто, по которой новый 4% заем (совершенно аналогичный займу 1887 года, кроме срока погашения) уступался владельцам 5,5% ренты, нельзя не признать вполне для них выгодной»²³¹.

Взятый курс на реструктурирование государственного долга С. Ю. Витте продолжал энергично и настойчиво. За годы его управления российскими финансами было конвертировано 13 займов на общую сумму 1 млрд 451,5 млн руб. с расходом на это 1 млрд 474,7 млн руб. Сверх того, ряд займов был сделан безотносительно конверсии: 4,5%-ный внутренний заем 1893 года (100 млн руб.), остаток 3%-ного займа 1891 года (74,9 млн руб.), 3%-ный заем 1894 года (62,4 млн руб.), 3,5%-ный заем 1894 года (150 млн руб.), 3%-ный внешний заем 1896 года (150 млн), 4%-ный заем 1901 года (159 млн руб.) и такой же 1902 года (181,9 млн руб.)²³².

8 апреля 1894 года началось одно из самых масштабных конверсионных мероприятий. В тот день был дан высочайший указ министру финансов с повелением приступить к изъятию из обращения тех облигаций 5%-ных государственных займов, в отношении которых правительство не отказалось от плана их погашения, путем предоставления держателям права обменять их на бумаги нового образца под названием «4%-ная государственная рента». Именно 4%-ная государственная рента и стала главной конверсионной бумагой в эпоху Витте. Ее было выпущено на сумму 2 млрд 650 млн руб. нарицательных.

Стремясь сделать обмен максимально дешевым для казны, что достигалось высоким выпускным курсом ренты, правительство пошло на предоставление новым облигациям беспрецедентных льгот и преимуществ. В частности, рентный заем был отчасти сделан срочнопогашаемым: правительство, не приняв на себя никаких конкретных обязательств по выкупу бумаг, оставило за собой право во всякое время их изымать из обращения не только по нарицательной цене, но и по биржевой, сразу и по частям путем тиражей²³³.

27 октября 1895 года во все учреждения Госбанка был разослан секретный циркуляр правления с подробным разъяснением преимуществ, доставляемых 4%-ной рентой: «...Так, прием текущих купонов в казенные платежи дает возможность желающим получать свой доход за три месяца вперед без учета; платеж производится четыре раза в год и в том числе на сроки 1 марта и 1 декабря, т. е. перед праздниками Св. Пасхи и Рождества Христова, что представляет некоторую выгоду по сравнению с получением дохода два раза в год; обмен рент крупных достоинств на мелкие и обратно

производится Комиссией погашения долгов беспрепятственно; наконец, в случае необходимости приобретения наличных средств путем залога процентных бумаг, владельцы 4% ренты пользуются ныне более дешевым (на 1%) ссудным процентом по ссудам, выдаваемым из учреждений Госбанка сравнительно с другими процентными бумагами». В залоги по казенным подрядам, поставкам и обеспечению взноса отсроченных акцизных платежей рента принималась не по биржевой, а по нарицательной цене. Министр финансов С. Ю. Витте получил разрешение императора на то, чтобы купоны от ренты, до срока платежа по которым оставалось не более 6 месяцев, равно как и сами облигации, лишенные купонов, подлежали свободному обращению наравне с деньгами²³⁴. 4%-ная государственная рента образца 1894 года ввиду громадной суммы эмиссии сделалась лидером на российском рынке ценных бумаг.

* * *

Воспособление со стороны государства «правильному и успешному ходу промышленного развития» требовало дополнительных немалых затрат. С. Ю. Витте предлагал не останавливаться «...даже перед некоторым временным напряжением платежных сил страны, которое, впрочем, с избытком вознаграждается умножением, вследствие того, способов к дальнейшему развитию и нарастанию этих сил»²³⁵. Главным плательщиком государственных налогов было российское крестьянство, поэтому упомянутое «напряжение» коснулось прежде всего именно его.

Министр финансов разработал и представил в Государственный совет целую серию налоговых законопроектов: проект восстановления налога на соль; повышение всех акцизов на предметы потребления (спирт, пиво, табак, сахар, керосин, спички); повышение таможенной пошлины на хлопок; проект нового налога на квартиры; проект нового налога на лиц, освобожденных от воинской повинности; проект повышения сбора с городских недвижимых имуществ; раскладочного промыслового сбора. Прошло все, кроме налога на соль и налога на лиц, освобожденных от воинской повинности. В 1900 году произошло очередное увеличение налогов: акциза на спирт, с пива, дополнительного акциза с водочных изделий, таможенной пошлины на хлопок и ряд импортных товаров. По подсчетам М. И. Боголепова, доход государства от взимания разного рода податей за период с 1891 по 1901 год возрос с 654 млн руб. до 1 млрд 40 млн руб., или на 60%²³⁶.

В доходной части государственный бюджет Российской империи сохранил в неприкосновенности все главные черты, присущие финансам абсолютных монархий. Прежде всего — это явное преобладание косвенного обложения над прямым. В ряду косвенных налогов главное место принадлежало акцизам: на спирт, табак, сахар и керосин.

С. Ю. Витте решил сохранить прежнее магистральное направление налоговой политики. Косвенные налоги, по его мнению, стали привычными населению и являлись наименее болезненными для него — увеличение поступлений от них производилось как бы автоматически и находилось в прямой пропорции с ростом народного благосостояния.

К косвенным налогам непосредственно примыкали доходы от таможни. От либерально-фритредерской таможенной политики 1860-х годов страна перешла вначале к покровительственным, а затем к почти запретительным тарифам. В первой половине 1880-х годов таможенные пошлины составляли 18% к общей ценности ввезенных товаров, в 1885—1891 годах — 27%, а после введения тарифа 1891 года — 34%.

Тариф 1891 года не только оградил отечественную фабрично-заводскую промышленность от конкуренции извне, но еще и сделался источником крупных доходов казны.

Драконовскими пошлинами были обложены предметы широкого потребления: текстильные изделия, чай, сахар, сельскохозяйственные орудия, кровельное железо, гвозди и т. п. Чай, который в Лондоне стоил 50 коп., в Петербурге продавался за 1 руб. 50 коп. Пошлины на сахар составляли 100—150% от стоимости его привоза. За 20 лет (1881—1900) доход казны от таможенных сборов увеличился с 86 до 204 млн руб. (около 10% всех доходов). Как писал, может быть, чуть преувеличивая, один публицист, «...не хочешь спать зимой по 17 часов, а работать при огне, плати акциз на спички и керосин; хочешь покурить — плати акциз на спички и табак; хочешь выпить рюмку водки — плати в 15 раз дороже действительной стоимости, а если хочешь водку заменить чаем, плати за чай и сахар втрое дороже, чем они стоят на самом деле; хочешь пахать плугом — плати таможенную пошлину на железо и т. д. и т. д. Вообще, куда ни повернись сельский обыватель, везде он чувствует, что с него берут, берут и берут»²³⁷.

Авторы тарифа 1891 года как могли старались устранить несоразмерность в обложении дорогих и дешевых товаров, характерную для тарифов 1850, 1857 и 1868 годов. И в этом они вполне преуспели, если не считать отдельных немногочисленных фактов. Так, пошлина на косметическое мыло

составила 19,7% к стоимости, тогда как на простое — 30,3%; на табак в листах — 46%, а сигары — 26,9%²³⁸.

Оговоримся сразу же: С. Ю. Витте вовсе не был принципиальным сторонником косвенных налогов. Против них восставало и нравственное чувство министра финансов, который очень хорошо понимал несправедливость такого обложения, поскольку главная тяжесть государственных налогов падала на малоимущие слои россиян. Когда ему показалось, что начали созреть для того условия, он предпринял усилия для постепенного перехода к более справедливому принципу обложения — в зависимости от размера получаемых доходов. Способность в каждом деле видеть перспективу составляла отличительную черту С. Ю. Витте как государственного деятеля.

Непомерная тяжесть косвенного налогообложения признавалась и верховной властью. В 1896 году государственный контролер написал в своем ежегодном всеподданнейшем отчете об исполнении государственной росписи доходов и расходов: «Платежные средства сельского населения находятся в чрезмерном напряжении». Высочайшая отметка против этого места гласила: «Мне тоже так кажется». Министр финансов думал несколько иначе, хотя и не подавал виду — ему приходилось жить и работать в абсолютистском государстве, где воля монарха значила если не все, то очень многое. Плыть против течения всегда тяжело, и люди, которые берут на себя такую смелость, заслуживают уважения вне зависимости от целей, которыми они при этом руководствуются. С. Ю. Витте ставил перед собой всегда цели самые высокие. Главная проблема, полагал министр финансов, заключается совсем не в тяжести налогообложения, а в том, на какие цели и как расходуются государственной властью народные деньги.

Жанр научной биографии не предполагает детального разбора всех больших и малых мероприятий, осуществленных С. Ю. Витте в области управления русскими финансами. Это задача специальных научных исследований. Упомянем лишь одну из проведенных им бюджетных реформ, важную, но, к сожалению, малоизвестную специалистам. 23 июня 1899 года был подписан закон о реформе «податного надзора», или способа взимания прямых налогов. Касался он прежде всего крестьян. Раньше казенные платежи с них собирала полиция в лице исправников, станowych приставов и даже сельских урядников. Они, как деликатно говорится в официальном издании Министерства финансов, не представляли «...по своему образовательному и нравственному

цензу достаточных гарантий верного понимания ими требований фиска»²³⁹. Правильно понимаемые государственные фискальные интересы требовали бережного отношения к плательщикам налогов. Оставив до поры до времени крестьянскую круговую поруку (отмененную в 1903 году), С. Ю. Витте отвел полиции чисто исполнительные функции по взиманию недоимок. В этом состояло существенное нововведение, внесенное им в действующий податной строй.

С 1896 года у российского бюджета появился новый перспективный источник дохода — казенная винная операция. Заметную статью доходной части бюджета составляли прибыли казенных предприятий: железных дорог, банковских учреждений, лесного хозяйства. Но доходы от государственного предпринимательства являлись оборотными (за исключением банковских учреждений), так как из них надо было вычесть еще и расходы. Железнодорожное хозяйство начало давать чистый доход казне только в самом конце управления С. Ю. Витте Министерством финансов, и то в микроскопических дозах. Тем не менее главная причина хронической дефицитности государственного бюджета несколько ослабила свое действие.

* * *

Дефициты бюджета бывают двоякого рода. Кассовые дефициты являлись довольно обычным делом и тревоги не вызывали. Они объяснялись несовпадением во времени доходов с расходами. Такие дефициты обыкновенно покрывали из кассовых резервов либо путем выпуска в обращение государственных векселей — краткосрочных обязательств казначейства («билетов государственного казначейства»), которые затем погашались либо конвертировались в облигации государственного долга.

Гораздо опаснее во многих отношениях являлись действительные дефициты бюджета, вызываемые недостатком средств на покрытие неотложных государственных расходов. Именно они стали причиной отставки такого блестящего министра, каким был Николай Христианович Бунге. Борьба с дефицитом стала главным делом И. А. Вышнеградского. Уже в 1887 году сальдо обыкновенного бюджета оказалось положительным. С. Ю. Витте удалось сделать обыкновенный бюджет бездефицитным. Бюджетные остатки накапливались в виде так называемой «свободной наличности государственного казначейства».

С 1862 года началась публикация во всеобщее сведение

проекта росписи государственных расходов и доходов с объяснительной запиской министра финансов. На критике финансового управления оттачивали перья поколения российских журналистов. Министр финансов, согласно популярной шутке, смелее других твердит пословицу: «Не любо — не слушай, а врать не мешай». Мнимая бездефицитность бюджета, по представлениям авторов газетных статей, достигалась путем нехитрого фокуса: при составлении росписи доходы выводились в преуменьшенном размере, затем к этим преуменьшенным цифрам подгонялись расходы. Когда финансовый год заканчивался, то оказывалось, что доходы значительно превышали расходы, и в Государственном казначействе образовывалась немалая сумма так называемой «свободной наличности».

Государственный бюджет, указывал критикам С. Ю. Витте, должен отвечать прежде всего требованиям точности и осторожности. Поэтому смета строилась на цифрах действительного поступления доходов и действительно произведенных расходов, но не последнего года, а ряда бюджетных периодов, например, по средним данным за пять лет или три года. Цифры прошлогодней росписи давались лишь для сравнения²⁴⁰.

Накопление «свободной наличности» служило также предметом постоянных порицаний. Еще бы — имея немалый профицит обыкновенного бюджета, Российское государство не вылезало из долгов, уподобляясь тому странному человеку, который, имея полный кошелек в кармане, непрерывно занимает деньги. С. Ю. Витте, напротив, был убежден, что без накопления «свободной наличности» государственный бюджет Российской империи прочным не будет никогда. «Те лица, которые критикуют эту систему, не принимают во внимание следующих обстоятельств, а именно, что, с одной стороны, Россия — страна исключительно иностранной задолженности; ни Англия, ни Франция, ни Германия в этом отношении несравнимы с Россией; это есть одна из слабейших сторон русской государственной жизни. И раз страна имеет столь громадную задолженность за границей, необходимо держать такой резерв, который при неблагоприятных обстоятельствах мог бы остановить паническое движение русских фондов, находящихся за границей и в России, а следовательно, и падение русских фондов»²⁴¹.

Народное хозяйство земледельческой России все еще оставалось на весьма низкой ступени культурного развития. Не только материальное благополучие, но и сама жизнь миллионов россиян зависела от погодно-климатических

факторов. Для спасения их от голодной смерти в случае неурожая С. Ю. Витте считал необходимым держать наготове крупные денежные суммы.

В странах «экономически недоразвитых», к которым он причислял и Россию, «...очевидно, запасные средства “про черный день” являются существенным условием для поддержания бездефицитного государственного хозяйства. Помимо этого, — говорил министр финансов, — бюджетные избытки, во всяком случае, свидетельствуют о благоприятном положении баланса обыкновенных доходов и расходов страны. А так как по этому балансу судят об общем состоянии ее финансов, то с этой стороны понятно крупное значение бюджетных избытков для упрочения международного доверия к государству и его финансовым обязательствам»²⁴².

Наконец, свободная наличность могла пригодиться и на случай военных осложнений. В отличие от своего отца в вопросах внешней политики Николай II проявлял мальчишеское легкомыслие. С. Ю. Витте вспоминает, как в 1896 году молодой император, преследуя цель навсегда утвердиться на берегах черноморских проливов, чуть было не втянул страну в военную авантюру. Только благодаря твердой позиции министра финансов удалось предотвратить крупный международный конфликт²⁴³. «Я указывал, что эта затея приведет в конце концов к европейской войне и поколеблет то прекрасное политическое и финансовое положение, в которое поставил Российскую империю император Александр III».

* * *

Министра финансов у нас в стране не ругает только ленивый. Смелая, и отчасти даже рискованная, бюджетная политика С. Ю. Витте вызвала волну критики как справа, так и слева. Об остроте ее читатель может судить по цитате из сочинения правого публициста С. Ф. Шарапова, относящейся, правда, ко времени, когда С. Ю. Витте был уже не у дел: «За гения приняли самого обыкновенного шарлатана, невежду и проходимца и целых 11 лет позволяли ему бесконтрольно и безотчетно позорить и ломать Россию, как ему вздумается»²⁴⁴.

Однако разумной альтернативы курсу министра финансов правая оппозиция предложить не смогла. Призывы к сокращению налогов, в обилии рассыпанные по статьям дворянских публицистов, несли в себе изрядную долю лицемерия. Дворян-помещиков беспокоило не обнищание крестьян само по себе, их волновало то, что в результате

виттевской политики индустриализации они лишаются дешевой, почти дармовой рабочей силы. Русскому помещику, ведущему рыночное хозяйство, безземельный батрак был невыгоден. Русскому помещику требовался батрак с собственной лошадей, сохой, домом и нищенским наделом, да еще и прикрепленный к этому наделу юридически.

С иных позиций вели критику финансового управления С. Ю. Витте левые публицисты. Будущий вождь российского пролетариата В. И. Ленин посвятил всеподданнейшему докладу по росписи 1902 года специальную статью.

В. И. Ленин не был против расширения сферы казенного хозяйства. Строительство железных дорог вещь самая полезная с точки зрения прогрессивного развития страны по капиталистическому пути. Однако с вопиющими злоупотреблениями при постройке железнодорожных линий царская администрация, похоже, свыкла. Хорошо известно, что казна много переплачивала за рельсы и за подвижной состав. При мировой цене рельсов 85—95 коп. за пуд государство платило уральским заводчикам по 1 руб. 11 коп.²⁴⁵ Не прекращалась и поддержка казенными средствами предприятий черной металлургии.

В. И. Ленин не упустил случая уколоть С. Ю. Витте за допущенный им непонятно как промах. В докладе по росписи министр указал, что российский государственный долг обеспечивался государственными имуществами, назвав в их числе такие, которые уже по своей природе никакого дохода приносить не могли — военные крепости на западной границе. Обычно так поступали должники накануне заявления о прекращении ими текущих платежей. Итог — «...Витте ведет хищническое хозяйство... самодержавие медленно, но верно идет к банкротству, ибо нельзя же без конца повышать налоги и не всегда же будет русского царя выручать французская буржуазия»²⁴⁶. Суть критики будущего лидера партии большевиков сводилась к установлению общественного контроля над расходами денег из государственного кошелька. «...Народу следует как можно скорее прогнать распоряжающихся его имуществом хищников... Не пора ли в самом деле передать это действительно ценное имущество в более надежные руки?»²⁴⁷

В. И. Ленин не преминул отметить, что огромные средства были потрачены на военные действия в Китае — 80 млн руб. только чрезвычайных расходов, не считая значительных сумм, издержанных за счет обыкновенного бюджета²⁴⁸. К чести С. Ю. Витте, не было в правящих кругах более решительного противника внешнеполитических авантур цариз-

ма, чем министр финансов. Но ему, как и почти всем государственным деятелям, текущие обстоятельства не оставляли выбора.

Министр финансов старался уйти от «хищнического» способа ведения государственного хозяйства. С. Ю. Витте писал в докладе по проекту росписи на 1902 год, что средний процент, платимый страной по ее заграничным обязательствам, понизился за 10 лет с 4,19% до 3,86%; что в 1900 году казна получила небольшую чистую прибыль от всего своего железнодорожного хозяйства, выведенную с учетом расходов по тем магистралям, которые находились еще в постройке²⁴⁹. «Признавая... дальнейшее увеличение нашей рельсовой сети вопросом первостепенной важности, министр финансов полагает, однако, что и в этом деле надлежит неуклонно держаться основного правила хозяйственной деятельности — строго соотносить расходы с источником их удовлетворения»²⁵⁰. Средства на постройку железных дорог, утверждал С. Ю. Витте, лишь частично черпались в займах. Основным источником денег для строительства рельсовых магистралей стали доходы обыкновенного бюджета²⁵¹.

Советские историки, следуя за В. И. Лениным, строго судили царских финансистов за «фокусничанье» с бюджетом. «При действительном... бюджетном равновесии все государственные расходы, как обыкновенные, так и чрезвычайные, должны были покрываться за счет внутренних источников без помощи займов... Чрезвычайный бюджет был необходим царскому правительству потому, что он маскировал истинное финансовое положение страны, скрывая растущую дефицитность и задолженность»²⁵².

Читать мораль историческим деятелям — неблагоприятное занятие. Достичь бюджетного равновесия без помощи займов тогда не удавалось ни одной великой державе. Не получалось это и у Советского Союза даже в лучшие времена его истории. Отличие состояло в том, что экономически развитые европейские государства занимали главным образом у своих собственных народов, тогда как Российскому государству за финансовой поддержкой приходилось обращаться за границу — дома занять было не у кого. Это была та реальность, от которой убежать было никак нельзя. Ее можно было только преодолеть упорной работой многих поколений. Именно такой работой и занимался С. Ю. Витте все 11 лет своего управления российскими финансами.

Дальневосточные дела стали в центр внешней политики России с середины 90-х годов XIX века. В 1894 году Япония начала войну против Китая из-за Кореи. Японские войска, не встречая нигде серьезного сопротивления, овладели Корейским полуостровом, захватили крепость Порт-Артур и стали угрожать Пекину. Китай вынужден был просить мира. Военные успехи Японии обеспокоили Петербург, поскольку ими создавалась реальная угроза распада Поднебесной империи.

Для оценки непростой ситуации, сложившейся на дальневосточных рубежах страны, император Николай созвал Особое совещание из высших сановников империи. Большинство высказалось за сближение с Японией и участие вместе с ней в дележе Китая. Во главе меньшинства встал С. Ю. Витте. Он рассуждал следующим образом. Огромные владения России на Дальнем Востоке освоены экономически крайне слабо. Это не подлежит ни малейшему сомнению. А раз так, то основной задачей дальневосточной политики Российской империи должно стать поддержание «status quo»²⁵³. Выступая против открытых территориальных захватов, министр финансов предлагал придерживаться курса на мирное экономическое проникновение в Китай под флагом сохранения его территориальной целостности и неприкосновенности.

8 марта 1895 года в городе Симоносеки начались мирные переговоры враждующих сторон. Япония потребовала от Китая отказаться от суверенитета над Кореей, уступить южную часть Маньчжурии (Ляодунский полуостров с прилегающими островами), остров Тайвань и острова Пэнхуледао (Пескадорские), уплатить огромную контрибуцию и предоставить целый ряд торговых привилегий.

Условия Симоносекского мирного договора С. Ю. Витте расценил как весьма опасные для России, поскольку Япония получала территорию на континенте и «...благодаря этому приблизилась к нам в том смысле, что наши приморские владения, Приморский край, прежде отделялись от Японии морем, а теперь Япония переходила уже на материк и завязывала интересы на материке, на том самом материке, где были и наши весьма существенные интересы, а тому являлся вопрос: как же поступить?».

30 марта 1895 года Особое совещание выработало, а император Николай II утвердил следующее решение. Во-первых, русской дипломатии ставилась задача добиваться сохранения status quo ante bellum на севере Китайской империи.

В этих видах ей надлежало посоветовать Японии, сначала дружелюбным образом, отказаться от занятия южной части Маньчжурии, так как оно нарушает российские интересы и будет служить постоянной угрозой спокойствию на Дальнем Востоке. В случае же решительного отказа Японии последовать советам России — объявить японскому правительству, что она оставляет за собой свободу действий и будет поступать сообразно со своими интересами. Во-вторых, сообщить официально европейским державам, а также Китаю, что, не стремясь с своей стороны ни к каким захватам, Россия считает необходимым для охраны своих интересов настаивать на отказе Японии от занятия южной части Маньчжурии²⁵⁴.

Министр иностранных дел России князь А. Б. Лобанов-Ростовский немедленно установил контакт с Германией и Францией. Обе страны изъявили согласие поддержать требования России. После этого без промедления Россия предъявила Японии ультиматум. Очутившись в дипломатической изоляции, Япония была вынуждена принять его. Взамен Ляодунского полуострова она потребовала значительную денежную контрибуцию.

В мае 1896 года Россией был подписан договор с Японией о совместном протекторате над Кореей, а месяц спустя — соглашение с правительством Кореи о передаче руководства финансами страны в руки русского советника и об обучении корейской армии русскими инструкторами.

С. Ю. Витте снесся с правительством Китая и предложил посреднические услуги своей страны в деле заключения займа для выплаты контрибуции японцам. Российская империя давала этому займу свою гарантию. 24 июня 1895 года в Петербурге был подписан контракт о предоставлении французскими банками займа китайскому правительству на сумму в 100 млн руб. золотом под гарантийные обязательства России. По инициативе русского министра финансов был создан Русско-Китайский банк. Его учредителями выступила группа французских банков и банкирских домов, которые взяли себе $\frac{5}{8}$ частей акционерного капитала, определенного в размере 6 млн руб. $\frac{3}{8}$ пришлось на долю единственного русского участника — Санкт-Петербургского международного коммерческого банка. Однако 5 членов правления из восьми были русскими и только 3 — французами. Председателем правления был назначен князь Э. Э. Ухтомский, приятный императору Николаю человек.

Европейские державы не принимали миролюбие России за чистую монету. 16 мая 1895 года В. Н. Ламздорф поместил в дневник обширную выдержку из конфиденциального

письма государственного секретаря А. А. Половцова императору. В конце письма говорилось: министр иностранных дел Франции Габриэль Аното со слов германского посла сообщил, что «...у английского правительства есть основания думать, что Россия хочет взять Порт-Артур себе. Франция не имеет ничего против и стала бы нам помогать в осуществлении такого проекта...»²⁵⁵.

Дыма без огня, как гласит пословица, не бывает. В русских военно-морских кругах давно носились с проектом устройства незамерзающего порта для боевых кораблей. «Моряки критикуют дислокацию наших судов на Балтике, где они окажутся запертыми в случае войны и где их броня чаще всего не выдерживает более пяти лет, поскольку морозы оказывают на нее губительное действие... Все больше и больше поговаривают о необходимости иметь для флота незамерзающий порт на Тихом океане. Как передают, вчера, во время открытия нового морского клуба в Галерном порту, великий князь Александр Михайлович даже будто бы предложил тост за осуществление такого пожелания», — читаем запись дневника В. Н. Ламздорфа от 7 мая 1895 года²⁵⁶.

Японо-китайская война 1894—1895 годов сыграла немалую роль в обострении противоречий между великими державами на Дальнем Востоке. Китай, резко ослабленный в результате проигранной войны, стал объектом открытой экономической экспансии европейских государств. За три года, прошедших после окончания войны, китайское правительство выдало 19 железнодорожных концессий, в том числе и России.

Предпринимались попытки и открытого раздела Срединной империи. В ноябре 1897 года Германия, воспользовавшись удобным предлогом, захватила порт Циндао в Шаньдуне. Этот провокационный акт император Вильгельм совершил если не с одобрения, то с ведома русского царя.

1897 год С. Ю. Витте считал рубежом между двумя этапами дальневосточной политики России. Вначале все шло как надо (выгодные договоры с Китаем и Японией, контракт на постройку и эксплуатацию КВЖД и пр.), а затем события повернулись таким образом, что Россия, вопреки ее собственным интересам, втянулась в трагическую для нее войну с Японией.

Несчастья начались, по убеждению С. Ю. Витте, с того самого момента, когда было принято роковое решение о захвате Порт-Артура, который за несколько лет до этого отстояли у зарившихся на него японских империалистов. В декабре 1897 года отряд русских боевых кораблей бросил

якорь на рейде Порт-Артура, а в марте 1898-го Китаю был навязан договор об аренде сроком на 25 лет южной части Ляодунского полуострова (Квантунской области) с портами и прилегающими островами. Этот поступок России С. Ю. Витте расценил как «акт неслыханного коварства». Как мог, он протестовал, но не преуспел. Чтобы хоть как-то убогатить Японию, в апреле 1898 года Россия признала преобладание ее экономических интересов в Корее.

Порт-Артур начали превращать в главную базу всего русского Тихоокеанского флота (во Владивостокской гавани стоял лишь отряд крейсеров). Место это было выбрано неудачно. Порт-Артурская гавань имела узкий проход и не в состоянии была вместить большое число крупных судов. Поэтому боевым кораблям постоянно приходилось стоять на внешнем рейде под парами. Русское правительство вложило немалые деньги в постройку соединительной ветки с КВЖД и в крепостные сооружения.

Средства, полученные в счет репараций с Китая, Страна восходящего солнца употребила на модернизацию своих военно-морских сил. Чтобы прочно защитить родные дальневосточные берега от коварного агрессора, всего нужнее были боевые корабли среднего класса — быстроходные крейсера и миноносцы. Еще в 1881 году руководство страны приняло мудрое решение: оборонять тихоокеанские владения России одними инженерно-артиллерийскими и минными средствами, вызывая в случае необходимости эскадры из состава Балтийского и Черноморского флотов, а для ограждения общих интересов иметь на Тихом океане достаточное число крейсеров. Но с 1898 года наращивание боевой мощи русской тихоокеанской эскадры пошло главным образом за счет крупных судов с толстой броней и мощной артиллерией. Для действий на коммуникациях противника броненосцы были малоэффективны. Их задача состояла в другом — прикрывать высадку десантов и сокрушать портовые сооружения противника.

Морское министерство России настаивало на всемерном ускорении постройки боевых кораблей для Тихоокеанского флота. Против выступили Военное министерство и Министерство финансов. Еще в 1894 году, в заключении на проект строительной программы военно-морских вооружений на 1895 год, С. Ю. Витте написал, что Россия — континентальная держава; она не сможет угнаться за Японией, развивающей свои морские силы на Тихом океане. В складывающихся обстоятельствах куда важнее сообразить, как быстро отмотилизовать сухопутные силы России на Дальнем Восто-

ке в случае возникновения там крупного вооруженного конфликта²⁵⁷. Первое, что требуется сделать, — это как можно скорее завершить постройку Сибирской железнодорожной магистрали.

Ее актуальное и потенциальное стратегическое значение историки склонны переоценивать. Пропускная способность дороги не позволяла в короткое время сосредоточить на Дальнем Востоке значительные войсковые соединения. Одним из крупных недостатков Сибирской железной дороги была одна колея, из-за чего она не могла пропускать более 8 пар поездов в сутки (если исходить из расчета скорости движения 25—30 верст в час). Чтобы ускорить движение поездов хотя бы до 40 верст, министр путей сообщения князь М. И. Хилков предложил заменить 18-фунтовые рельсы рельсами тяжелого типа. Но на это нужно было найти в бюджете 50 млн руб. (на рельсы — 36 млн, на балласт — 4 млн и на замену деревянных конструкций мостов металлическими еще 10 млн руб.)²⁵⁸. На финансирование работ по укладке тяжелых рельсов, по замене деревянных мостовых конструкций на металлические и т. п., которыми пропускная способность дороги должна была подняться хотя бы до 10 поездов, с 1899-го и до 1902 года казной было ассигновано 32 млн руб.²⁵⁹

В ходе поездки на Дальний Восток в июне — сентябре 1902 года С. Ю. Витте с прискорбием обнаружил — дорога имеет существенные конструктивные недостатки. В первую очередь он отметил неудачную систему трассировки Средне-сибирского участка. «Чем меньше радиусы закруглений линии и чем круче уклоны, тем меньше должен быть состав поездов, а следовательно и провозоспособность дороги, тем труднее и дороже ее эксплуатация, — докладывал он императору. — Чрезмерная крутизна кривых уклонов может сделать дорогу почти совершенно непровозоспособною»²⁶⁰. Вследствие халатно проведенной трассировки участка протяженностью 1160 верст (от Ачинска до Иркутска) длина состава не могла быть выше 16 вагонов, тогда как на участке от Челябинска до Оби он мог быть увеличен до 36 вагонов. «По моему убеждению, — говорилось далее в докладе министра финансов, — до тех пор, пока трассировка пути... не будет исправлена, затраты на усиление ее провозоспособности должны почитаться малопродуктивными и преждевременными. Особенно неосторожно было бы проложение второго пути по подобному тяжелому профилю, так как это явилось бы повторением сделанной раз ошибки»²⁶¹.

Давая оценку характеру внешнеполитической борьбы великих держав вокруг Китая, Евгений Викторович Тарле в 1927 году писал: «Нужно помнить, что Китай играл тогда... несколько своеобразную роль: европейский империализм не мог рассчитывать поглотить его путем, например, раздела. Этому прежде всего мешала торговая конкуренция между всеми заинтересованными в Китае великими державами, затем слишком выгодное, сравнительно со всеми прочими, географическое положение двух держав — Японии и России, которые еще могли иной раз подумывать о полюбовном между собой размежевании (да и то думала больше Япония, чем Россия), но уж во всяком случае подпускать на равных правах каких-нибудь третьих лиц не желали. Наконец, громадной помехой для всяких без исключения проектов раздела были Соединенные Штаты, которые желали сохранить торговые возможности во всем Китае и противились каким бы то ни было особым правам европейских держав в этой стране и дележу ее на “сферы влияния”. Были еще и препятствия, мешавшие распорядиться с Китаем так, как в свое время было поступлено с Индией или Африкой; но можно ограничиться и этими, главными»²⁶².

В сентябре 1899 года Соединенные Штаты Америки выдвинули так называемую доктрину «открытых дверей», или «доктрину Хэя» (названную так по имени государственного секретаря). Ею предусматривалось сохранение за всеми странами абсолютно равных прав в Китае, включая права на арендованные у него территории. Портовые сборы, тарифы, таможенные пошлины должны были быть одинаковыми для всех.

Из всех великих держав, имевших в Китае значительные торговые и иные интересы, лишь Российская империя уклонилась от присоединения к доктрине Хэя. С этого момента Америка стала поддерживать Японию и Англию в их совместных действиях против России на Дальнем Востоке.

Очередное обострение обстановки в Китае случилось в 1900 году, когда для подавления восстания ихэтуаней (или «боксерского») в страну были введены войска Англии, Франции, Германии, Японии, США и России. Летом 1900 года ими была взята и разграблена столица Китая — Пекин.

Русские войска под предлогом «боксерского» восстания оккупировали всю Маньчжурию и не спешили оттуда уходить. Российская дипломатия добивалась от Китая сепаратного соглашения относительно условий вывода войск. Япония, США и Англия категорически этому противились.

Японская дипломатия развернула усиленную и многостороннюю подготовку к грядущей войне с Россией. Осенью 1901 года в Петербург прибыла миссия маркиза Ито для заключения соглашения по спорным вопросам; японский посол в Лондоне получил полномочия для выработки проекта союзного договора с Англией. Ито покинул Петербург, так и не добившись желаемого — Корею предстояло остаться за Японией, но Россия должна была вывести войска из Маньчжурии. 30 января 1902 года был подписан англо-японский союзный договор о взаимопомощи в случае вмешательства в вооруженный конфликт третьей державы. Таким образом, Россия в будущей войне с Японией оставалась без союзников.

Это крупное дипломатическое поражение заставило русскую дипломатию пойти на уступки. 26 марта 1902 года Россия приняла на себя обязательство эвакуировать войска из Маньчжурии в течение полутора лет. Был разработан и план эвакуации — в три срока, через каждые шесть месяцев.

Министр финансов С. Ю. Витте категорически настаивал на скорейшей эвакуации Маньчжурии. В этом его поддерживал министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф. Военные были против. Особенно усердствовал военный министр генерал-лейтенант А. Н. Куропаткин. Он носился с планом полной аннексии Маньчжурии, для того чтобы обезопасить русский флот в Порт-Артуре, а заодно и весь русский Дальний Восток, от японской агрессии. К милитаристам примкнул и министр внутренних дел В. К. Плеве. При дворе активизировалась так называемая «безобразовская группировка», для изображения которой С. Ю. Витте не жалеет темных красок.

Возникла она в 1898 году. Группа лиц, входивших в ближайшее окружение императора, учредила акционерное общество для эксплуатации естественных богатств Кореи. У Владивостокского купца Бриннера (отца голливудской кинозвезды 50—60-х годов XX века Юла Бриннера) «безобразовцы» приобрели лесную концессию на реке Ялу. С. Ю. Витте пишет в «Воспоминаниях», что великий князь Александр Михайлович и граф И. И. Воронцов-Дашков «...ввели Безобразова к его величеству, вполне поддерживая его идею захвата Кореи по системе паука, посредством фальсифицированных частных обществ, руководимых и поддерживаемых как материально, так и в случае нужды силою авторитета русского правительства»²⁶³.

Среди акционеров и учредителей общества назывались: шурин царя великий князь Александр Михайлович, граф

И. И. Воронцов-Дашков, князь Ф. Ф. Юсупов, камергер М. В. Родзянко, И. П. Балашов, контр-адмирал А. М. Абаза. Главную роль в нем играл отставной ротмистр кавалергардского полка А. М. Безобразов, в молодые годы служивший адъютантом у И. И. Воронцова-Дашкова.

Деятельность «безобразовцев» явно противоречила договору 1898 года России и Японии относительно Кореи.

В литературе, мемуарной и научной, считается, что в разработку лесных богатств на Ялу были вовлечены значительные казенные средства, полученные в Государственном банке безвозвратным образом²⁶⁴.

Выдающийся советский историк Борис Александрович Романов написал об этом специальное исследование, с приведением точных цифр казенных денег, вложенных в «безобразовское» предприятие и бесследно там сгинувших. Министр финансов С. Ю. Витте, как сообщает историк, всеми силами противившийся корейской авантюре А. М. Безобразова, вынужден был смириться и уступить. В январе 1903 года по его распоряжению был открыт кредит Безобразову в сумме 2 млн руб., как пишет Б. А. Романов, «...с отнесением его частью на 12 миллионный фонд (520 800 руб.), частью временно на секретный фонд Русско-Китайского банка (256 640 руб.), частью на прибыли иностранного отделения при Особенной канцелярии по кредитной части (1 227 060 руб.). Кредит был им исчерпан к ноябрю 1903 года без остатка. Сверх того, на канцелярию статс-секретаря, каковым А. М. Безобразов был назначен 6 мая 1903 года, было отпущено еще 200 000 руб.»²⁶⁵.

Военный министр А. Н. Куропаткин вел личный дневник. Под 31 октября 1903 года он поместил запись о своей беседе с Витте по делам Дальнего Востока. С. Ю. Витте показал ему два документа. «В первом из них были изложены основания действий лесного предприятия на реке Ялу, а на обороте государь написал почти всю страницу карандашом. Тут значилось, что барыши с предприятия на Ялу должны поступать в доходы кабинета в соответствии с теми расходами, которые произведены на это предприятие из сумм кабинета. Что потом дальнейшие барыши должны идти на содержание войск на Дальнем Востоке, и наконец, на эти же документы следует развить церковное строительство. Документ, по-видимому, 1900 года. Того же года Витте показал мне собственноручное письмо государя, которое начиналось так: «Любезный Сергей Юльевич, сделайте распоряжение об открытии А. М. Безобразову в Русско-Китайском банке кредита в 2 млн руб.» Витте прибавил, что эти два миллиона израсхо-

дованы без толка, что теперь сам Безобразов признает неудачу своих предприятий; что никакого отчета в этих двух миллионах он никому не дает; что дела ведутся очень темные»²⁶⁶.

Один лишь министр финансов сохранил голову в обстановке безграничного национального самохвальства и опаснейшего самодовольства, господствовавшего при дворе Николая II. С шапкозакидательскими заявлениями выступали даже такие несомненно способные военные, как А. Н. Куропаткин и П. С. Ванновский. Громадным своим умом, большим жизненным опытом, наконец, политическим инстинктом, развитым у него более чем у кого бы то ни было в окружении Николая II, С. Ю. Витте понимал, что Россия не может, не должна воевать ни в коем случае. «Именно тут и проявлялась интуиция, так могущественно развитая в Витте: он мог там и сям обронить хвастливое, шовинистическое словцо, но всем нутром своим он понимал страшную опасность новых войн для всего бытия основанной Петром I петербургской империи», — справедливо замечает Е. В. Тарле, автор лучшей, пожалуй, биографической работы о С. Ю. Витте во всей отечественной литературе²⁶⁷.

В цитированном выше всеподданнейшем докладе по итогам поездки на Дальний Восток С. Ю. Витте без обиняков предупреждал императора: «По-моему мнению, вооруженная борьба с Японией в ближайшие годы была бы для нас большим бедствием. Я не сомневаюсь, что из этой борьбы Россия вышла бы победительницей (sic! — С. И.), но победа при настоящем положении досталась бы ей ценою больших жертв и тяжело отразилась бы на ее экономическом положении». Япония, полагал министр, вовсе не слабый противник. До вооруженного столкновения с нею желательно выполнить следующую программу действий: окончательно оборудовать КВЖД и полностью ввести ее в строй, усилить Среднесибирскую дорогу и достроить кругобайкальский участок; закончить оборудование Порт-Артура, рассчитанное на 10 лет, и улучшить «...в военном отношении Владивосток, так как в противном случае наш флот будет лишен одного из важнейших условий успеха в морской войне — возможности быстрой починки поврежденных судов»²⁶⁸. В настоящее же время следует эвакуировать Маньчжурию и уступить Японии во всех ее требованиях, касающихся Корейского полуострова: «...Пока мы хотя бы на время не откажемся определенно от притязаний на Корейский полуостров, Япония из чувства самосохранения будет неизменно противником всех наших начинаний не только в Корее, но и вообще на Дальнем Востоке»²⁶⁹.

Борьба против опаснейших безумств царского окружения очень тяжело далась С. Ю. Витте. В июне 1903 года А. Ф. Кони повстречал его на Сестрорецком курорте. «Он приехал верхом и ходил, то ускоряя, то замедляя шаг, по длинной крытой галерее близ морского берега, досадливо и с явным невниманием слушая какие-то объяснения старшего врача курорта. Я, — пишет А. Ф. Кони, — едва узнал в этом согнувшемся, мешковатом, с потухшим взором и тревожным лицом, человеке самоуверенную и энергичную фигуру министра финансов. Он любезно пошел мне навстречу, задержал мою руку в своей и стал меня расспрашивать о том, как мне живется на курорте. Я видел, что это лишь машинальные фразы, что он даже не слушает моих ответов и что он, “оглушенный шумом внутренней тревоги”, среди злобного торжества многочисленных врагов, радуется встрече с человеком, который не учинил ему никакой неприятности»²⁷⁰.

15 августа 1903 года С. Ю. Витте во время своего всеподданнейшего доклада у императора неожиданно узнал, что он отставлен с поста министра финансов. На его место был назначен управляющий Государственным банком Э. Д. Плеске. Отставка была преподнесена как повышение. 16 августа С. Ю. Витте получил назначение председателем Комитета министров, а на следующий день — еще и членом Государственного совета. В награду за многолетнее успешное управление государственными финансами он получил от царя крупную сумму денег — 400 тыс. руб. Жалованье его было увеличено и составляло теперь 26 тыс. руб. в год²⁷¹. С. Ю. Витте наконец-то стал обеспеченным материально человеком. Он смог дать за дочерью хорошее приданое и обзавестись собственным комфортабельным жилищем. Его двухэтажный особняк на Каменноостровском проспекте в Петербурге, уютный и изящный, был выстроен в виде белого загородного коттеджа.

Перемещение С. Ю. Витте с поста министра финансов означало устранение его от участия в дальневосточных делах. На Дальнем Востоке было учреждено особое наместничество во главе с адмиралом Е. И. Алексеевым, командующим Тихоокеанским флотом. Всем стало ясно — политике уступок и компромиссов, которую пытался проводить С. Ю. Витте в отношениях с Японией, наступил конец. Принимаются решения об увеличении гарнизонов на Дальнем Востоке, о

прекращении эвакуации воинских частей из Маньчжурии и о занятии войсками бассейна реки Ялу. Русские войска вторично вошли в оставленный ими ранее Мукден.

Е. И. Алексеев был низкого роста, плотный, с пронизательными черными глазами. Подвижный и деятельный человек, он обладал живым практическим умом и хорошо знал флот. В качестве главы Квантунской администрации он был совершенно не на месте — ему более подошла бы должность морского министра. Главными его недостатками как руководителя были нерешительность, склонность к лести и нетерпимость к чужому мнению²⁷².

Он совершенно не верил в просветительскую миссию культурно отсталой России на Дальнем Востоке и особенно в ее способность к мирной колонизации Маньчжурии. Так же как и С. Ю. Витте, адмирал считал захват Порт-Артура большой ошибкой. России следовало бы укрепиться в Корее и на берегах Цусимского пролива, чтобы обезопасить подступы к Владивостоку. Но коль скоро Порт-Артур сделался русской военно-морской базой, то его нужно всячески укреплять и прежде всего обезопасить его сообщение с Россией, которое весьма легко прервать. Поэтому так называемая «безобразовская авантюра» в Корее не вызывала у него принципиальных возражений.

Для С. Ю. Витте такой поворот событий явился колоссальным ударом, повергшим его в состояние растерянности. В октябре 1903 года состоялось заседание Государственного совета. Для А. Н. Куропаткина оно ознаменовалось большой радостью, запечатленной на страницах дневника: «...Витте, три года не соглашавшийся со мной в необходимости присоединения к России Северной Маньчжурии, наконец, сдался. После разных оговорок, что мы сами испортили положение, он признал, прочитав мою записку по Маньчжурскому вопросу, представленную государю, что ныне нам ничего другого не остается, как присоединить к России Северную Маньчжурию, как мною проектировано»²⁷³.

Сник и единомышленник С. Ю. Витте — министр иностранных дел граф Владимир Николаевич Ламздорф. 24 ноября того же года он долго беседовал с А. Н. Куропаткиным по дальневосточным делам. Министр иностранных дел был преисполнен крайнего скепсиса в отношении перспектив переговоров России с Японией. По его мнению, переговоры русской стороной затягиваются намеренно, чтобы выиграть время для подготовки к войне. На мирные предложения японцев некоторое время вообще не давалось никакого ответа. «Но, по мнению Ламздорфа, идти так неопределен-

но, как мы идем, так нельзя, пусть ему скажут: надо присоединить всю Маньчжурию или часть ее, и он это сделает. Поводов достаточно. Когда он указывал государю, что Алексеев вновь занимает некоторые пункты в Маньчжурии, государь ответил, *что он всегда был того мнения, что Маньчжурию не следует очищать*» (выделено в источнике. — С. И.)²⁷⁴.

Не кто иной, как генерал А. Н. Куропаткин явился автором удивительного проекта об обмене у Китая Северной Маньчжурии на Квантун вместе с южной ветвью железной дороги. Его подлинник был направлен императору в Дармштадт, где тот находился в октябре 1903 года, а копия помещена в личный дневник военного министра.

В проекте А. Н. Куропаткин предается рассуждениям о плюсах и минусах присоединения как Северной, так и Южной Маньчжурии. Плюсов в аннексии одной только северной части ему видится целых десять. В их числе, например, следующие: «Мы получаем возможность приостановить заселение китайцами свободных земель», «мы получаем государственную границу, на 1300 верст более короткую, чем ныне», «за рекою Сунгари мы найдем отличную позицию как для обороны, так и прочную базу для перехода в наступление»²⁷⁵. Невыгод министр усматривает только две: во-первых, присоединяя Маньчжурию, Россия создает опасность более быстрого проникновения «желтолицых» в Приамурский край; во-вторых, присоединяя эту страну, Россия должна готовиться к энергичному протесту со стороны Китая и даже к разрыву дипломатических отношений с Поднебесной²⁷⁶.

В отношении Южной Маньчжурии все обстояло как раз наоборот: плюсов только два, зато минусов целых девять: «присоединение Южной Маньчжурии может нарушить наше согласие с европейскими державами, Америкой и прочими из-за Инкоу, устья Ялу, Мукдена и других пунктов», «заяятие только Северной Маньчжурии может обойтись без войны с Китаем и Японией. Занимая Южную Маньчжурию, мы должны готовиться к войне с Японией из-за Кореи, с Китаем — из-за Мукдена» и т. д. и т. п.²⁷⁷ Рассуждения государственного деятеля украшал вывод: «Сравнение выгод и невыгод занятия нами Южной Маньчжурии не может не привести к выводу, что нам в настоящий исторический период необходимо ограничиться только присоединением к России Северной Маньчжурии»²⁷⁸.

В развитие своих планов А. Н. Куропаткин предложил еще ряд мер. В записке, поданной монарху 28 ноября 1903 года, помимо обмена с Китаем территориями, принадлежавшими

ему же, военный министр советовал заплатить китайцам 250 млн руб. за будущие территориальные приобретения.

С. Ю. Витте, с которым 3 декабря 1903 года Куропаткин поделился своими идеями, полностью их одобрил. «Он, Витте, если бы государь пожелал, взялся бы убедить в необходимости этого решения и графа Ламздорфа. Он же, Витте, взялся бы реализовать указанные мною в записке 250 млн руб. за Южную ветвь и сооружения на Квантуне и вполне согласен, чтобы употребить их на дела устройства Дальнего Востока. Результаты получились бы огромные. Конечно, он возражал мне и доказывал ошибочность мнения, что занятие Порт-Артура явилось следствием постройки, по предложению Витте, магистрали через Северную Маньчжурию»²⁷⁹.

С аннексионистскими устремлениями А. Н. Куропаткина в конце концов согласился и неуступчивый В. Н. Ламздорф. Он прочел записку военного министра и одобрил ее. «Тут есть определенность»²⁸⁰.

Свой план А. Н. Куропаткин отстаивал в совещании, которое состоялось у императора по поводу депеши адмирала Е. И. Алексеева с советом немедленно прервать переговоры с Японией. Если судить по дневниковой записи А. Н. Куропаткина, то император Николай II был против очищения и Южной Маньчжурии. По-видимому, девять доводов военного министра его не очень убедили: «Государь по вопросу о Южной Маньчжурии высказал, что там у нас есть интересы в таможне в Инкоу; что мы можем четвертую часть расходов перечислить в Русско-Китайский банк, что нам надо взять движение по Ляохе в свои руки»²⁸¹. Император высказал соображение, что управление присоединенными территориями следовало бы оставить в руках самих китайцев²⁸². Граф В. Н. Ламздорф говорил, что бессрочная оккупация Южной Маньчжурии влечет за собой ее необходимое присоединение.

Колебания в правящих сферах продолжались. Министр иностранных дел сеял панику, говоря, что передавать распри России и Японии на решение третейского суда в Гааге не имеет никакого смысла — все международные трактаты против России. Военный министр советовал ему настаивать, чтобы японцы не смели пользоваться корейской территорией севернее 39-й параллели для стратегических целей, а также ни в коем случае не обещать, что «...мы обязываемся соблюдать территориальную целостность Маньчжурии». Император был также против того, чтобы Россия согласилась признавать суверенитет Китая: «...Государь назвал дерзкими требования Японии, чтобы мы обязывались уважать территориальные права Китая в Маньчжурии». Предложения военного

министра о подготовке театра военных действий в Маньчжурии были одобрены Верховным главнокомандующим²⁸³.

7 января 1904 года военный министр записал в дневник: «Японские дела тревожат всех». По американо-китайскому торговому трактату уже состоялся обмен ратификационными грамотами и сенат США утвердил штаты генеральных консульств в важнейших городах Маньчжурии. Англичане запросили российского посла Бенкендорфа, что же Россия хочет и собирается делать с Маньчжурией. Русский посол от ответа уклонился²⁸⁴.

Правящие круги страны никак не соглашались на требование об уважении территориальной целостности своего дальневосточного соседа и друга. Даже когда дело уже шло к разрыву, царь, глава внешнеполитического ведомства и военный министр твердо стояли на своем. 12 января 1904 года А. Н. Куропаткин совещался с В. Н. Ламздорфом по поводу последних требований Японии. «Ламздорф полагает, что по отношению к Корее ему легче... настоять, чтобы Япония не занимала со стратегическими целями никаких пунктов во всей Корее. Относительно Маньчжурии он надеется какой-либо общей фразой избавиться от требования Японии, дабы мы обязались уважать территориальную неприкосновенность Китая в Маньчжурии»²⁸⁵.

15 января состоялось еще одно совещание, на сей раз у великого князя Алексея Александровича, для составления ответа на контрпредложения Японии. Военного министра особенно беспокоил вопрос о территориальной неприкосновенности Китая, и он отстаивал свою точку зрения — пункт об уважении территориальных прав Китая в Маньчжурии Россия принять не может. «Я говорил, что если бы мы такую статью дали, то скоро вынуждены были бы ее нарушить. Гр. Ламздорф обещался и не допускать обсуждения этой статьи, выработав такую редакцию, в которой о территориальных правах Китая в Маньчжурии ничего не говорилось бы»²⁸⁶.

Под 25 января 1904 года А. Н. Куропаткин оставил интересную дневниковую запись, разъясняющую позицию русской дипломатии по маньчжурскому вопросу — Россия надеялась выдержать военно-морское противоборство с Японией. Адмирал Авелан считал, что силы у русских достаточно, чтобы атаковать японский флот. «Броненосных кораблей у них столько же, но есть и старого типа. Крейсеров малых больше, но малые плохи и будут привязаны к берегам. Минный флот у них сильный. Мы технически и по составу сильнее, но Авелан выразил сомнение в способности

адмирала Старка вести самостоятельно такую огромную морскую операцию»²⁸⁷.

Расчеты политиков и военно-морских стратегов вовсе не были построены на песке. Первая эскадра, направленная на Дальний Восток, состояла почти целиком из кораблей новейшей постройки. На Балтике остались суда преимущественно устаревших типов. По расчетам военно-морского ведомства России, 6 японским и 5 английским эскадренным броненосцам на Тихом океане должны были противостоять 10 российских²⁸⁸.

25 января 1904 года японская дипломатическая миссия покинула Петербург, а на следующий день у царя заседали министры иностранных дел, военный и морской. В дневнике последнего российского самодержца осталась запись (под 26 января 1904 года): «Утром у меня состоялось совещание по японскому вопросу; решено не начинать самим»²⁸⁹.

На усиление русской Тихоокеанской эскадры с Балтики был направлен еще один отряд боевых кораблей в составе 1 броненосца, 2 крейсеров и 7 миноносцев под командованием контр-адмирала Вирениуса. Однако ему не суждено было добраться к месту назначения. Японцы не стали ждать, пока русские станут еще сильнее, и первыми открыли боевые действия нападением на корабли, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура. Произошло это в ночь на 27 января 1904 года.

* * *

После захвата Квантунской области в 1904 году японцы ее совершенно преобразили. Всюду были проложены добротные шоссейные дороги. Голые, скалистые сопки покрылись густым хвойным лесом, посаженным японской администрацией. Украсить сопки лесом собирались и русские, но дальше совещаний и комиссий дело так и не сдвинулось²⁹⁰.

Глава четвертая

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ

За делами важными и неважными

Комитет министров был учрежден в 1802 году как совещательное собрание представителей высшей исполнительной власти. В него входили министры, главноуправляющие отдельными частями государственного хозяйства, председатели департаментов Государственного совета и государственный секретарь — всего 24 человека по состоянию на 1903 год. Комитет министров никакой исполнительной властью не располагал, никакие его заключения не могли быть приведены в действие без санкции монарха¹. Председатель Комитета назначался царем бессрочно. Ему, в отличие от других министров, регулярного всеподданнейшего доклада не полагалось.

Заседал Комитет министров в Мариинском дворце. Еще со времен графа М. М. Сперанского он был тем «присутственным местом», где разбирались дела важные и не очень. На его рассмотрение поступали текущие вопросы, за которые министры не могли или не желали брать на себя единоличную ответственность. Но у Комитета был и постоянный круг занятий. Главное место в нем принадлежало железнодорожным делам (учреждение новых железнодорожных обществ, выкуп частных линий в казенное управление и т. п.), Комитет министров разбирал их совместно с Департаментом экономии Государственного совета.

Затем шли дела по акционерному учредительству. До 1917 года в России порядок открытия и последующей деятельности акционерных обществ определялся законом 6 декабря 1836 года («О товариществах по участкам и компаниям на акциях») и уставами. Каждый устав акционерной компании или паевого товарищества представлял собой сепаратный законодательный акт, утвержденный верховной властью. Законодательство Российской империи официально не располагало нормальным (иначе говоря, типовым) акционерным уставом. Но практикой он был выработан, и все

различия между уставами многочисленных акционерных предприятий заключались лишь в тех статьях, где излагались цели их деятельности. Во всем остальном они были совершенно одинаковы.

В канцелярии Комитета министров все вновь поступающие на рассмотрение уставы считывались, то есть сверялись с предыдущими, уже утвержденными. Если обнаруживались какие-либо отклонения, то о них докладывалось Комитету. На заседаниях Комитета министров споры вскипали вокруг статей с политическим содержанием. Императорское российское законодательство ограничивало лиц «иудейского вероисповедания» и иностранцев в операциях с земельным имуществом. Заправила акционерных компаний такие ограничения разными способами старались обойти. На этой почве шла многолетняя напряженная борьба между двумя ведомствами — Министерством финансов и Министерством внутренних дел. Первое стремилось пойти навстречу учредителям, второе отстаивало действующий порядок. Выбатывались различные компромиссные варианты.

В те годы, когда С. Ю. Витте был министром финансов, за одно заседание Комитета проходило до 12 акционерных уставов. В 1894 году разрешение Комитета на открытие действий получили 63 акционерных общества, в 1895 году — 95, в 1896-м — 133, 1897-м — 138, 1898-м — 196, 1899-м — 318².

Комитет министров рассматривал дела по всеподданнейшим прошениям, если просители ходатайствовали о допущении в свою пользу изъятий из действующих законов. Однажды Министерство внутренних дел выступило с ходатайством о том, чтобы капитал, образовавшийся путем отчислений из сборов за представления оперы А. П. Бородина «Князь Игорь», из собственности Военно-медицинской академии, профессором которой состоял покойный композитор, был передан в собственность Санкт-Петербургского отделения Императорского русского музыкального общества. Всесторонне обсудив важную проблему, Комитет постановил: признать допустимым, чтобы капитал был передан в Санкт-Петербургское отделение Императорского русского музыкального общества, «...обратив оный на помощь лицам, посвятившим себя музыкальному искусству, столь близкому покойному композитору... В суждениях по сему делу было обращено внимание на то, что означенное имущество по свойствам своим никакого отношения к службе Бородина при академии иметь не может, так как заключается исключительно в музыкальном произведении умершего композитора, состоявшего притом, помимо службы в академии, од-

ним из директоров Императорского русского музыкального общества». Мнение Комитета министров было высочайше утверждено 17 декабря 1899 года³.

Комитет министров регулировал прохождение губернаторских и генерал-губернаторских всеподданнейших отчетов. Рукописи отчетов в типографии Комитета печатали, затем направляли императору. После высочайшего рассмотрения отчеты возвращались обратно и, в случае обнаружения в них отметок царской руки, поступали в Комитет министров. Он, по сути, контролировал исполнение высочайшей воли — заслушивал объяснения подлежащих должностных лиц, обсуждал их, по результатам обсуждения составлял специальный журнал и представлял его императору на утверждение. Именно таким путем была, в частности, преобразована западносибирская ссылка.

В одном из годовых отчетов томского губернатора было высказано соображение о том, что прекращение ссылки составляет одно из коренных условий «возрождения и процветания Сибири», которая уже объединяется с империей железной дорогой и начинает жить с нею одной жизнью. На отчет была наложена резолюция Александра III следующего содержания: «Давно пора избавить Сибирь от наводнения ее всеми отбросами Европейской России».

Отметки императора Александра III на губернаторских отчетах были довольно редкими, зато его сын любил украшать поля читаемых документов разного рода сентенциями. Благодаря резолюции Николая II была создана печально знаменитая фабричная полиция. В 1897 году владимирский губернатор предложил учредить на фабриках и заводах специальную полицию для обуздания беспокойного фабричного люда. Николай II немедленно ухватился за эту идею: «Что сделано в этом смысле? Скорейшее создание такой полиции настоятельно необходимо». Закон 1 февраля 1899 года постановил: ввести для усиления надзора «за населением фабрик, заводов и промыслов особые должности полицейских надзирателей»⁴. Так что с воцарением императора Николая II работы у Комитета прибавилось.

Комитет министров занимался и некоторыми чисто политическими вопросами, например введением в той или иной местности усиленной охраны. С его подачи для обеспечения должного порядка в Москве на время «священного коронования их императорских величеств» московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович получил временные особые полномочия для удаления в административном порядке из Первопрестольной «неблагонадежных и особо порочных лиц»⁵.

Исключительной обязанностью Комитета являлось составление проектов всемилостивейших манифестов по случаю бракосочетания императора и его коронации. Он ведал массой разнообразнейших вопросов, касающихся лесного, горного, местного, городского хозяйства, торгового мореплавания и судоходства; давал разрешение городам на заключение облигационных займов, земствам — на получение ссуд для удовлетворения потребностей нуждающегося населения; назначал повышенные пенсии и пособия; запрещал книги; увольнял и принимал в русское подданство; устраивал быт сельского и инородческого населения и т. д. и т. п. Для того чтобы барон Г. Е. Гинцбург в 1898 году смог устроить в собственном имении Дженан-Абад Бессарабской губернии поселение соплеменников-евреев для занятия ими земледелием, потребовалось специальное разрешение Комитета министров⁶.

С приходом С. Ю. Витте работа в Комитете за бурлила. Текущие мелочи управления нового председателя совершенно не интересовали. Его занимали крупные политические вопросы, и он постоянно спрашивал мнение по ним своих подчиненных. Решительный противник всяких общих рассуждений и трафаретных мыслей, С. Ю. Витте на заседаниях Комитета не стеснялся обрывать и министров: «Такие речи, ваше превосходительство, хорошо произносить в Петербурге и во дворцах, а в России они встречают совершенно другой отклик»⁷. Действительно, обстановка в стране шла от плохого к худшему, особенно после начала злополучной Русско-японской войны.

С. Ю. Витте предвидел революцию. Угрожающим симптомом явилась консолидация революционных элементов русского общества. В 1902 году образовалась партия социалистов-революционеров, а в 1903-м на базе разрозненных кружков — Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). Обе партии поставили в повестку дня низвержение самодержавия, введение в России конституции и демократической республики с однопалатным парламентом.

В январе 1904 года зашевелилась либеральная оппозиция царизму. Очередную годовщину освобождения крестьян — 19 февраля — либералы собрались отпраздновать на банкетах по всей России. По замыслу инициаторов из «Союза освобождения», во время торжеств на всю страну следовало озвучить настоятельное пожелание — «увенчать здание великих реформ» 60—70-х годов XIX века конституционным устройством государства в целом. Однако неожиданно вспыхнула война с Японией, и либералы постановили: на время войны свернуть оппозиционные действия.

Свое решение они не выполнили. После поражения под Ляояном профессор философии Московского университета князь Е. Н. Трубецкой в еженедельнике «Право» напечатал статью под названием «Война и бюрократия». В ней всю вину за поражения он взвалил на правящую бюрократию и призвал поставить ее под контроль общества, имея в виду, разумеется, либеральную его часть⁸. Завсегдатаи кружка земских деятелей под названием «Беседа» на собрании 31 августа 1904 года постановили: в России должен появиться орган выборных народных представителей.

Пока был жив В. К. Плеве, с оппозицией боролись посредством неослабных полицейских репрессий. Но 5 июля 1904 года министр внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве был убит бомбой члена боевой дружины партии социалистов-революционеров Егора Сазонова. Встал вопрос о его преемнике и о возможной перемене всего курса внутренней политики.

Покойный В. К. Плеве собирал на председателя Комитета министров компрометирующий материал, причем не только собирал, но еще его и готовил⁹. По петербургским гостиным пошла гулять сплетня, что С. Ю. Витте после кончины своего недруга якобы претендовал на пост главы МВД и даже предпринимал в этом направлении определенные действия. Сплетня перекочевала и в мемуаристику — воспоминания журналиста И. И. Колышко (он был другом князя В. П. Мещерского), в дневник А. С. Суворина и мемуары директора Департамента полиции А. А. Лопухина, написанные уже после выхода в свет первого издания «Воспоминаний» С. Ю. Витте.

Запись в дневнике А. С. Суворина сделана со слов А. А. Столыпина — журналиста, брата будущего «кандидата в российские Бисмарки» Петра Аркадьевича Столыпина: «Рассказывал о заговоре князя Мещерского и Витте против Плеве; дело шло о диктатуре Витте на 4 года. Сочинено было подложное письмо якобы из провинции, где говорилось, что положение дел отчаянное; что только Витте мог бы его поправить и проч.»¹⁰.

Этот злой вымысел противоречит всему тому, что известно о С. Ю. Витте. С другой стороны, в нем все же есть некоторая доля правды. Положение в стране складывалось таким образом, что власти как воздух нужен был решительный, смелый и умный человек, способный погасить разгоравшийся пожар революции. Такой, как С. Ю. Витте.

12 декабря 1904 года генеральша А. В. Богданович записала в дневник: «Теперь дело очень трудное: идти назад, по

пути, которым вел Плеве, — невозможно, идти путем, которым ведет Мирский, — немыслимо, это — идти в пропасть... Сколько ни думаю, никто, кроме Витте, не сумеет найти этот средний, но quasi-средний путь»¹¹.

Мирский, о котором упомянула генеральша, — это генерал-адъютант императора князь П. Н. Святополк-Мирский. Его после долгих раздумий и колебаний Николай II назначил на освободившийся пост министра внутренних дел. «Благороднейший, честнейший и благонамереннейший человек с малым государственным опытом, довольно слабый физически, но по природе умный и образованный» — такую характеристику дал князю С. Ю. Витте¹². «Мирский почему-то считал, что я должен быть назначен вместо Плеве, а потому, когда он сделался министром, то дал мне телеграмму, как будто оправдывая себя. Я ему от всей души ответил, выражая глубокую радость и удовлетворение по поводу его назначения»¹³.

С приходом П. Н. Святополк-Мирского на управление внутренними делами, по выражению либерально настроенных россиян, в стране «повеяло весною», хотя на дворе стояла осень. Новый глава МВД называл себя «человеком земским» и сторонником «единения власти и общества». В выступлении перед служащими аппарата своего министерства он поделился с ними мыслями и планами: «Административный опыт привел меня к глубокому убеждению, что плодотворность правительственного труда основана на искренне благожелательном и искренне доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще»¹⁴.

У нового министра была жена, урожденная графиня Бобринская. Почти ровня по происхождению царю — Бобринские вели генеалогию от Екатерины Великой, — она отличалась умом и женской взбалмошностью: своего мужа, генерал-адъютанта императора, министра, князя из рода легендарного Рюрика, она звала просто «Пепка». Как только П. Н. Святополк-Мирского уговорили занять министерский пост, она принялась вести дневник для оправдания себя и мужа перед потомками.

Когда через полтора месяца после своего назначения князь услышал от царя: он «...хочет, чтобы все поняли, что перемен не будет», княгиня не смогла сдержать своих чувств. В дневнике появились следующие строки, касающиеся венценосца и его семейного окружения: «Несчастный человек! Я его ненавидела прежде, но теперь жалею. Тип немощного вырождения, вбили в голову, что он должен быть

тверд, а хуже нет, когда слабый человек хочет быть твердым. И кто это имеет такое дурное влияние? Кажется, Александра Федоровна (царица. — С. И.) думает, что так нужно, Мария Федоровна (вдовствующая императрица. — С. И.) другого мнения, она Пепке сказала: “Эти свиньи заставляют моего сына делать Бог знает что и говорят, что муж этого хотел”. Но кто эти свиньи?»¹⁵

Досталось от княгини и С. Ю. Витте за двусмысленную, на ее взгляд, позицию, занятую им в вопросе о грядущих политических преобразованиях. Речь идет об указе 12 декабря 1904 года.

«Политика доверия», провозглашенная князем П. Н. Святополк-Мирским, воодушевила либерально настроенных россиян. Съезд председателей губернских земских управ и видных земских гласных, проходивший в Петербурге 6—9 ноября 1904 года, высказался за созыв народного представительства. Разногласия возникли по вопросу относительно объема его прав. Большинство требовало права вотировать законы, меньшинство во главе с председателем московской губернской земской управы Д. Н. Шиповым настаивало на законосовещательных функциях. После закрытия съезда от его имени П. Н. Святополк-Мирскому была подана коллективная записка, составленная князем С. Н. Трубецким, с пожеланиями безотлагательно провести такие политические реформы, которые предохранили бы страну от надвигающейся революции.

Под влиянием земцев оживились деятели городских общественных управлений, до того стоявшие в стороне от политики. 30 ноября на совещании 65 гласных Московской городской думы было одобрено заявление с требованиями «твердого установления начала законности» и участия выборных от населения в общегосударственном законодательстве.

По всей стране развернулась «банкетная кампания» с вынесением резолюций о поддержке постановлений земского съезда. Поводом для кампании послужило празднование 40-летия судебных уставов.

24 ноября П. Н. Святополк-Мирский представил императору всеподданнейший доклад с приложением проекта указа о различных вольностях, в том числе и о привлечении в Государственный совет выборных от населения. В нем говорилось еще и о том, что общественное развитие страны требует изменения политических форм: не трогая самодержавия, нужно установить в стране законность и широкую веротерпимость.

Для обсуждения мер, предложенных Мирским, собралось «особое совещание» высших сановников империи. Большинство его участников высказались за привлечение выборных от народа к законодательству. В своей речи С. Ю. Витте заявил: управлять прежними методами невозможно, политика реакции приведет всех к гибели, но предлагаемая министром внутренних дел мера, необходимость которой он, С. Ю. Витте, признает, поколеблет существующий государственный строй. Император утвердил мнение большинства и поручил подготовить проект указа председателю Комитета министров. Когда указ был готов и поднесен ему на подпись, император вдруг призвал С. Ю. Витте к себе (это было 11 декабря) и в присутствии своего дяди, великого князя Сергея Александровича, спросил у него совета: оставить пункт о привлечении выборных к законотворчеству или нет. С. Ю. Витте ответил, что он за эту меру, но она ведет к конституции, и если император считает, что это недопустимо, то, «...конечно, с этой точки зрения осторожнее было бы пункт этот не помещать»¹⁶.

Указ 12 декабря 1904 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» был опубликован без пункта о привлечении выборных представителей общественности к законотворческой работе. Для председателя Комитета министров С. Ю. Витте этот пункт не был главным. «Если бы указ 12 декабря, даже с вычеркнутым пунктом, получил быстрое, полное, а главным образом искреннее, осуществление, то я не сомневаюсь в том, что он значительно бы способствовал к успокоению революционного настроения, разлитого во всех слоях общества»¹⁷.

На Комитет министров указом возлагалась обязанность подобрать меры для водворения в стране законности, расширения свободы слова, веротерпимости, местного всеобщего самоуправления, устранения всяких ограничений для инородцев и отмену исключительных законов, которыми регулировалась общественная жизнь на значительной части ее территории. «Я употреблял все усилия, дабы реформы, намеченные в указе, были проведены возможно полнее и спешно. По каждому вопросу давал инициативу; канцелярия представляла богатый материал. Я питал надежду, что если указ этот будет скоро приведен в исполнение, то значительно ослабят недовольствия, но по обыкновению сначала я встретил апатию, затем интриги, а в заключение недовольствие государя ко всем реформам, намеченным указом», — вспоминал С. Ю. Витте о своих трудах по исполнению указа 12 декабря¹⁸.

Механизм упомянутых им интриг был предельно прост. Комитету министров, возглавляемому С. Ю. Витте, предстояло вырабатывать лишь базовые основания законодательных актов по каждому из пунктов царского указа. Затем они передавались в специально создаваемые «особые совещания», где готовились уже сами акты на утвержденных царем основаниях. Так вот, руководители и члены особых совещаний назначались из таких лиц, которые намечаемым преобразованиям либо не сочувствовали в принципе, либо сочувствовали в очень малой степени. Так было с предполагаемой отменой «исключительных положений», которыми местной государственной администрации предоставлялась ничем не ограниченная свобода действий.

Комитет министров оперативно представил свои соображения Особому совещанию, председателем которого император назначил ультрареакционера графа Алексея Павловича Игнатьева. Его С. Ю. Витте аттестовал как «...человека неглупого, но гораздо более хитрого, нежели умного, продукта петербургской великосветской военно-чиновнической атмосферы»¹⁹. А. П. Игнатьев не спешил с трудами — спустя год С. Ю. Витте с прискорбием обнаружил, что по вопросу об отмене «исключительных положений» не было сделано ровным счетом ничего.

Сильнейшее сопротивление встретило намерение ввести в стране религиозную веротерпимость. Председатель Комитета министров С. Ю. Витте подготовил текст указа, который был подписан царем 17 апреля 1905 года и сделался законом. Но им устанавливались лишь общие положения. Пределы свободы вероисповеданий следовало установить частными актами законодательства. Для их разработки было назначено совещание во главе с все тем же А. П. Игнатьевым. Оно угасло, ничего серьезного так и не совершив.

Указом 17 апреля С. Ю. Витте гордился как своей крупной победой. Ему он придавал особенное значение еще и потому, что вполне сознавал — господствующая идеология находится в состоянии глубочайшего кризиса: «...Если взирать на будущее не с точки зрения, как прожить со дня на день, то, по моему мнению, наибольшая опасность, которая грозит России, — это расстройство церкви православной и угашение живого религиозного духа... Никакое государство не может жить без высших духовных идеалов. Идеалы эти могут держать массы лишь тогда, если они просты, высоки, если они способны охватить души людей, — одним словом, если они божественны. Без живой церкви религия обращается в философию, а не входит в жизнь и ее не

регулирует. Без религии же масса обращается в зверей, но зверей худшего типа, ибо звери эти обладают большими умами, нежели четвероногие. У нас церковь обратилась в мертвое, бюрократическое учреждение, церковные служения — в службы не Богу, а земным богам, всякое православие — в православное язычество. Вот в чем заключается главная опасность для России. Мы постепенно становимся меньше христианами, нежели адепты всех других христианских религий»²⁰.

Указ был подписан царем ввиду единогласного положительного заключения по нему всего состава Комитета министров вместе с приглашенными в его заседания лицами. Помимо указа о веротерпимости были приняты некоторые частные меры в том же направлении, например свобода применения украинского языка. Тем не менее заседания Комитета по выполнению указа 12 декабря 1904 года были председателем свернуты ввиду их малой полезности. Реформы не пошли, поскольку ни одно из созданных особых совещаний не оказалось в достаточной мере продуктивным. За исключением одного, возглавлявшегося самим С. Ю. Витте. Речь идет об Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

* * *

Инициатива разработки программы нового аграрного курса исходила от С. Ю. Витте. Как он сам признавался, в начале министерской карьеры его знакомство с крестьянским вопросом было крайне поверхностным. Имелись у него и некоторые иллюзии в отношении крестьянской поземельной общины. Это действительно так. В 1893 году С. Ю. Витте ратовал за неотчуждаемость крестьянских наделных земель и рассуждал о тех выгодах, которые крестьянству доставляет поземельная община. Но уже вскоре он стал говорить о необходимости срочно заняться крестьянским вопросом во всей его совокупности.

Все осложнялось тем, что крестьяне с их проблемами подлежали ведению Министерства внутренних дел, а оно из соображений удобства управления ими считало за благо защищать общину от всяческих на нее покушений. Крестьянская поземельная община министерству представлялась «...чем-то вроде стада, хотя и не животных, а людей, но людей особенного рода, не таких, какие “мы”, а в особенности дворяне»²¹. Пасти это человеческое стадо надлежало земским начальникам.

Законопроект о земских участковых начальниках явился настолько ретроградным, что при прохождении через Государственный совет он получил только 13 голосов; 39 были поданы против. Даже К. П. Победоносцев и тот вошел в оппозицию. Но император Александр III утвердил мнение не большинства, а меньшинства Госсовета. «Соглашаясь со мнением 13 членов, желаю...» — гласила высочайшая резолюция, превратившая 12 июля 1889 года законопроект в закон. С введением института земских начальников «...явился режим, напомилавший режим, существовавший до освобождения крестьян от крепостничества, но только тогда хорошие помещики были заинтересованы в благосостоянии своих крестьян, а наемные земские начальники, большей частью прогоревшие дворяне и чиновники из высшего образования, были больше всего заинтересованы в своем содержании»²².

Попытку своего кумира возродить и укрепить принцип «стадного» управления крестьянами С. Ю. Витте считал ошибкой, но ошибкой извинительной, поскольку она происходила от доброй совести и большой души. «Император Александр III относился глубоко сердечно ко всем нуждам русского крестьянства в частности и русских слабых людей вообще. Это был тип действительно самодержавного монарха, самодержавного русского царя; а понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано с понятием о царе как о покровителе, печальнике русского народа, защитнике русского народа, защитнике слабых, ибо престиж русского царя основан на христианских началах: он связан с идеей христианства, с идеей православия, заключающейся в защите всех слабых, всех нуждающихся, всех страждущих, а не в покровительстве нас, которым Бог дал по своему рождению нашему или вообще благодаря каким-нибудь благоприятным условиям особые привилегии, т. е. нас, русских дворян, и в особенности русских буржуа, которые не имеют того хорошего, того благородного, что встречается во многих русских дворянах, но зато в избытке имеют все то нехорошее, что дают излишества жизни, обесценение ценности чужого труда, а иногда и чужого сердца»²³.

Земские начальники назначались министром внутренних дел только из числа потомственных дворян. Они наделялись правом по собственному усмотрению назначать и смещать лиц сельской администрации; штрафовать и арестовывать крестьян; подвергать их наказаниям, в том числе и телесным. Деревенский мировой суд был упразднен, судить крестьян стали все те же начальники. Подобно помещикам при кре-

постном праве они соединили в себе административную и судебную власть над крестьянским миром.

Когда в 1895 году С. Ю. Витте попытался склонить министра внутренних дел к ограничению их судебных полномочий, И. Н. Дурново, неглупый и неплохой человек, категорически заявил ему, что у него скорее руки отсохнут, нежели он подпишет какое бы то ни было постановление, умаляющее власть земских начальников.

Некоторые надежды С. Ю. Витте связывал с Иваном Логгиновичем Горемыкиным, сменившим И. Н. Дурново на посту главы Министерства внутренних дел. В бытность свою товарищем министра юстиции И. Л. Горемыкин категорически высказывался против положения о земских начальниках. Став министром внутренних дел, он резко переменял фронт и в присутствии С. Ю. Витте грубо оборвал А. А. Рихтера, когда тот предложил начать работы по крестьянскому вопросу с изменения положения о земских начальниках. И. Л. Горемыкин сказал, что он никогда этого не допустит. А. А. Рихтер был высоко ценимым С. Ю. Витте знатоком крестьянского вопроса.

Невзирая на настойчивые призывы с разных сторон, молодой император не спешил с реформами в деревне, хотя, как писал С. Ю. Витте, «...не нужно было иметь ни много ума, ни дара пророчества, чтобы понять, что, с одной стороны, в этом заключается вся будущность Российской империи... с другой — в неправильном и пренебрежительном отношении к этому вопросу кроется ядро всяких смут и государственных переворотов»²⁴.

От своего намерения сдвинуть с места решение крестьянских дел во всей их совокупности С. Ю. Витте не отступился. В 1898 году он предложил назначить для рассмотрения крестьянского вопроса «...особую комиссию с исключительными полномочиями, которая могла бы заняться крестьянским вопросом, памятуя, что этим путем был разрешен крестьянский вопрос и в 60-х годах». Комитет министров поддержал С. Ю. Витте своим решением, но император оставил его без движения, повелев ждать «высочайших указаний»²⁵. Не успокоившись, в октябре того же года С. Ю. Витте направил императору собственноручное письмо. Суть этого послания заключалась в предложении сделать из крестьянина «персону», поскольку в теперешнем своем виде он был «полуперсона» и рассматривался значительной частью русского благородного дворянства как нечто среднее между человеком и волком. Копию письма С. Ю. Витте сохранил в своем архиве и впоследствии поместил в качестве приложе-

ния к «Воспоминаниям». Никакой реакции на письмо не последовало.

В 1901 году, в связи с сильным торгово-промышленным и сельскохозяйственным кризисом, перед царем был вплотную поставлен вопрос о причинах упадка крестьянских хозяйств губерний земледельческого центра. Дальше тянуть было нельзя — 16 ноября 1901 года, на основании всеподданнейшего доклада министра финансов императору, по высочайшему повелению была учреждена «Комиссия по исследованию причин оскудения земледельческого центра». Председателем комиссии был назначен товарищ министра финансов тайный советник Владимир Николаевич Коковцов.

Комиссия была укомплектована в соответствии с представлениями С. Ю. Витте о том, как следует готовить решения по крупным народно-хозяйственным проблемам. В нее вошли 15 представителей различных ведомств, в том числе видные чиновники Министерства финансов и Министерства земледелия В. И. Покровский, М. П. Кашкаров, П. Х. Шванебах, управляющий земским отделом МВД В. И. Гурко, а также делегаты от земств скудеющих губерний в числе 19 человек. Комиссия начала заседания только в начале октября 1903 года, когда получила в свое распоряжение необходимый статистический материал. Деятельность «Комиссии центра» получила широкий общественный резонанс главным образом благодаря выступлению земцев.

Комиссия В. Н. Коковцова призвана была решать задачи прикладного характера. Ее занятия не должны были выходить из круга дел, находившихся в компетенции Министерства финансов. Предварительная работа по сбору необходимого статистического материала проводилась Департаментом окладных сборов.

Как сообщает С. Ю. Витте, лицом, убедившим императора Николая II образовать «крестьянскую комиссию» с более широкими задачами и назначить министра финансов ее председателем, был Д. С. Сипягин. К нему царь испытывал личную симпатию — они сблизились на почве общего увлечения охотой. Д. С. Сипягин, министр внутренних дел, имел придворное звание егермейстера, заведующего царской охотой.

22 января 1902 года царским указом было учреждено Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С. Ю. Витте. «Я, конечно, был очень доволен этим назначением», — вспоминал С. Ю. Витте много лет спустя. Современники, однако, зафиксировали

совершенно иную реакцию министра финансов. «Витте был мрачнее тучи... что он назначен председателем сельскохозяйственной комиссии, так как это для него опасное место» — так прокомментировала назначение Витте главой Особого совещания А. В. Богданович на страницах своего дневника. В широких дворянских кругах упорно считали, что именно политика министра финансов вызвала невиданной силы экономический, социальный и политический кризис в стране, начало которого пришлось на 1899—1902 годы.

Реакция С. Ю. Витте на свое новое назначение могла быть вызвана совершенно иными мотивами, нежели те, на которые намекала генеральша А. В. Богданович. Несколькими днями ранее, а именно 14 января 1902 года, своим указом император повелел создать при Министерстве внутренних дел редакционную комиссию для пересмотра законоположений о крестьянах. Тем самым главное направление работ по крестьянскому вопросу уводилось из-под контроля С. Ю. Витте. Ему достались проблемы, относящиеся исключительно к сфере сельскохозяйственной промышленности. Тем не менее рук он не опустил, а энергично и напористо принялся за исполнение новых обязанностей. Уже 22 марта 1902 года начинается комплектование местных комитетов совещания, которым надлежало снабжать его материалом и идеями, а 12 мая получила высочайшую санкцию и программа занятий Особого совещания из 40 пунктов.

Состав Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности был утвержден императором в количестве 19 постоянных членов: П. П. Семенов-Тянь-Шанский и Ф. Г. Тернер, члены Госсовета, действительные тайные советники; генерал-адъютант Н. М. Чихачев, председатель Департамента промышленности, наук и торговли Государственного совета; действительный тайный советник П. А. Сабуров, член Госсовета; тайный советник В. Н. Кокцов, товарищ министра финансов; действительный тайный советник Н. Н. Герард, председатель Департамента гражданских и духовных дел Госсовета; тайный советник В. В. Калачов, сенатор; гофмейстер А. Х. Стевен, товарищ министра земледелия и государственных имуществ; князь В. С. Кочубей, исполнявший должность начальника Главного управления уделов; статс-секретарь А. Н. Куломзин, управляющий делами Комитета министров; обер-гофмаршал императорского двора князь А. С. Долгорукий; статс-секретарь А. А. Половцов, член Госсовета; граф М. П. Толстой; статс-секретарь В. К. Плеве, государственный секретарь;

егермейстер граф С. Д. Шереметев, член Госсовета; князь А. Г. Щербатов, президент Общества сельского хозяйства; генерал-адъютант граф И. И. Воронцов-Дашков, член Госсовета; тайный советник А. С. Стишинский, товарищ министра внутренних дел.

Для предварительной разработки материалов с высочайшего разрешения при совещании были созданы подготовительные комитеты. Комиссия по исследованию причин оскудения земледельческого центра вошла в состав совещания на правах подкомитета.

В течение первых двух лет работы совещание совершенно не касалось проблем юридического положения крестьян в Российском государстве, занимаясь только тем, что было отнесено к его компетенции. За эти два года состоялось 47 заседаний. Из членов совещания на всех заседаниях присутствовали только С. Ю. Витте, П. П. Семенов-Тянь-Шанский и А. С. Стишинский.

По тематике заседания распределились так. 5 заседаний было отведено определению круга задач совещания и выработке программы занятий; 3 — обмену мнениями по общим вопросам; 7 — мелкому народному кредиту; 9 — хлебной торговле; 4 — местным дорогам; 6 — вопросам сельскохозяйственной аренды; 2 — крестьянским отхожим промыслам; 2 — вопросу о сокращении нерабочих дней в сельском хозяйстве; 2 — «улучшению естественных условий сельского хозяйства»; по одному заседанию — вопросу об улучшении крестьянского землепользования, травосеянию, «облегчению последствий лесоохранительного закона», птицеводству, мелиоративному кредиту, содействию молочному хозяйству и хмелеводству, тарифам на перевозку хлебных грузов²⁶.

Для консультаций приглашались авторитетные лица из соответствующих ведомств. Например, вопрос о нерабочих днях в сельском хозяйстве обсуждался с участием обер-прокурора Священного синода К. П. Победоносцева. Проблема заключалась в том, что число дней, празднуемых русским людом, оказалось слишком уж большим. Как выяснило исследование, проведенное Министерством земледелия и государственных имуществ, в некоторых местностях оно доходило до 120—140 в году и даже более — чересчур много по сравнению с другими странами, где число праздничных дней составляло лишь 60—70. Даже Государственный совет забеспокоился по этому поводу, поскольку был уверен, что именно праздники являлись фундаментальной причиной отставания производительности русского сельского хозяйства от других культурных стран. Наконец, вред усугублял-

ся еще и тем, что в России всякое празднество обычно сопровождалось пьяным разгулом, выходившим далеко за пределы собственно праздничного дня. Далеко не все праздники находили себе основание в церковном уставе, были и такие, которые несли на себе следы древних языческих верований.

Совещание постановило: обратиться через обер-прокурора к Священному синоду с просьбой, чтобы сельскому духовенству вменили в обязанность объяснять прихожанам истинное назначение праздников и всячески располагать их к труду в праздничные дни, отговаривать от устройства новых праздников, не установленных ни церковными, ни гражданскими «узаконениями».

Совещание коснулось еще одной стороны этой проблемы, а именно административной. Нередко случалось, что низшие полицейские и сельские власти в служебном рвении не только запрещали крестьянам работать в праздничные дни, но и сгоняли их с полей, подвергали взысканиям и даже привлекали к суду, причем некоторые судебные дела такого рода попадали в поле зрения Правительствующего сената. Совещание нашло полезным, чтобы в самом тексте закона было постановлено: добровольный труд в праздничные дни предоставляется усмотрению каждого, и никто не вправе чинить в этом препятствий. Представление совещания, одобренное императором, было направлено в Государственный совет²⁷.

Обсуждение каждого пункта программы завершалось составлением журнала, представлявшегося на «высочайшее благоволение». Все журналы были утверждены императором. На трех из них оказались еще и пометки, сделанные царской рукой.

Особое совещание, понятно, не могло обойти стороной общие вопросы устройства крестьян в Российском государстве, тем более что они были включены в программу занятий как факультативные. Формулировались эти вопросы следующим образом: «Улучшение условий землепользования и землевладения, мероприятия в отношении административного и правового строя сельского населения, учреждение мелкой хозяйственно-попечительской единицы, предупреждение роста общественных и мирских повинностей, привлечение к уплате этих повинностей живущего в деревнях постороннего населения, упорядочение земского обложения крестьянских сельскохозяйственных промысловых заведений, поощрение к добровольному расселению в пределах надела и к сокращению чересполосного пользования, образование пе-

реселенческих участков в малонаселенных районах Европейской России, привлечение сельских обществ к расходам по выселению прироста населения и по выдаче выселяющимся лицам пособий»²⁸.

Члены совещания благоразумно заключили, что по ним по всем следует ограничиться лишь представлением императору своих соображений, а не готовых законопроектов. Правильность хода мыслей своих слуг Николай II подтвердил репликой: «Именно так».

Один раз императору пришлось одернуть членов совещания, когда они вторглись в чужую сферу. В журнале по итогам обсуждения арендных отношений в русской деревне наряду с предложением разрешить крестьянам сдавать свои земли в аренду без согласия общества был изложен еще и проект устранения чересполосицы крестьянских земель. Император наложил резолюцию: «Согласен, но меры для устранения чересполосности наделов должны быть разработаны в Министерстве внутренних дел в связи с прочими предположениями по пересмотру крестьянского законодательства»²⁹.

Из других пунктов программы совещания Николай II почему-то заинтересовался лишь скотоводством. На полях журнала против места, где предлагалось увеличить сбыт русского скота за границу «путем улучшения его качеств», появилась высочайшая пометка: «Без излишнего увлечения»³⁰.

К маю 1904 года совещание С. Ю. Витте разработало в подготовительных комитетах, обсудило в заседаниях и составило заключения по следующим вопросам: мелкий народный кредит, «выяснение руководящих принципов по некоторым общим вопросам сельского хозяйства», опыт улучшения крестьянского землепользования в сельскохозяйственном отношении, травосеяние, железнодорожные тарифы на перевозку хлебных грузов, облегчение для землевладельцев последствий лесоохранительного закона, птицеводство, хлебная торговля, местные дороги, земледельческий отход крестьян, аренда, мелиоративный кредит, особые меры для поднятия благосостояния губерний земледельческого центра, молочное хозяйство, хмелеводство, улучшение естественных условий сельского хозяйства и уже упомянутые меры по уменьшению числа нерабочих дней.

Помимо разработки программных вопросов, совещание Витте реализовало еще и некоторые практические мероприятия. В государственную роспись был внесен расход в сумме 2 млн руб. для выдачи ссуд учреждениям мелкого кредита на образование ими основных капиталов; 12 млн руб. было ассигновано на сооружение местных дорог; в 18 губер-

ниях земледельческого центра предусматривалось производить ежегодное понижение выкупных платежей на сумму 20 млн руб.; в виде опыта в некоторых губерниях предполагалось улучшить землеустройство крестьян при помощи правительства и т. д.³¹ Но и это еще не все.

На протяжении 1902—1903 годов в Европейской России было создано 49 губернских и 482 уездных комитета Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Комитеты создавались повсеместно, за исключением Приамурского генерал-губернаторства, Уральской, Тургайской и Якутской областей. Составлялись они из помещиков и чиновников. Крестьян было мало — всего 17% от общей численности уездных комитетов. В губернских комитетах членов из крестьян было всего 2%. Они принимали участие в работе лишь 240 уездных и 6 губернских комитетов³².

Приблизительное число участников местных комитетов определилось в 15 тыс. человек. Губернские комитеты провели за два года в общей сложности свыше 350 заседаний, уездные — свыше 1800. В губернские комитеты было представлено свыше 300 докладов, в уездные — 1600—1700. К концу 1903 года комитеты закончили свои заседания и представили совещанию отчеты о них в виде трудов. По распоряжению императора труды публиковались. Всего Особое совещание напечатало 58 томов трудов местных комитетов общим объемом 1593 листа, или 25 488 страниц. Самыми крупными по листажу оказались труды местных комитетов Киевской (1139 страниц), Подольской (1104), Курской (875) и Полтавской (830) губерний; самыми малыми — Курляндской (80) и Санкт-Петербургской (99 страниц).

По мере поступления и печатания трудов проводились систематическая разработка содержащихся в них материалов и составление сводов ответов местных комитетов на вопросы программы. Всей этой работой ведал чиновник особых поручений Министерства финансов действительный статский советник А. А. Рихтер. Именно он был правой рукой С. Ю. Витте в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

В совещании Витте работа вовсю кипела, тогда как редакционная комиссия МВД еще не была даже создана. Ее образование относится к июню 1902 года. В. К. Плеве, пришедший на пост главы МВД после убийства 2 апреля 1902 года Д. С. Сипягина, провел на пост председателя комиссии своего заместителя А. С. Стишинского, известного реакционными убеждениями. Интеллектуальные силы Редакционной комиссии МВД оказались значительно слабее,

поэтому конструктивные идеи она черпала с заседаний Особого совещания Витте. Недаром А. С. Стишинский так усердно их посещал.

* * *

Душой Редакционной комиссии был Владимир Иосифович Гурко, сын героя последней Русско-турецкой войны. По поручению В. К. Плеве им были подготовлены положения для царского Манифеста 26 февраля 1903 года³³. Манифест постановил: оставить все как есть — общинное землевладение, особый крестьянский суд и неотчуждаемость наделов, — одновременно изыскивая способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины³⁴. Поэтому работать комиссии оказалось просто, и в ноябре 1903 года в Министерстве внутренних дел был уже готов проект предложений по изменению крестьянского законодательства. Его собирались передать для обсуждения на места — в губернские совещания. Но когда проект обсуждали в Комитете министров, то выяснилось, что большинство относится к нему отрицательно, в том числе и С. Ю. Витте. Особенно критически были настроены министры юстиции и военный. Но Николай II поддержал В. К. Плеве и своим указом от 8 января 1904 года передал проект в губернские совещания для согласования с местными условиями при непременном сохранении оснований, изложенных в Манифесте 26 февраля 1903 года.

10, 11 и 12 января 1904 года суворинское «Новое время», а также официальный орган Министерства финансов — «Вестник финансов, промышленности и торговли» — напечатали «Очерк работ Редакционной комиссии по пересмотру законодательства о крестьянах»³⁵. Из него читатели узнали, что комиссия твердо стоит за охранение «коренных начал» быта русской деревни: общинной формы землевладения, сословной обособленности крестьян, особой формы управления ими, волостного суда и неотчуждаемости наделных земель, полученных ими в результате выкупной операции. Что же касается имевшихся недостатков, то они этим началам полностью соответствовали. Более того, недостатки «настолько укрепились в сельской жизни, что, можно сказать, органически с нею слились». Поэтому будущие реформы должны быть такими, чтобы ни в коем случае не были поколеблены фундаментальные основы действующего крестьянского миропорядка. Дело в том, что крестьяне из-за исторически сложившихся своеобразных условий их жизни более твердо, чем

другие сословия, «...стояли и стоят на стороне созидających и положительных основ общественности и государственности и, таким образом, силою вещей являются оплотом исторической преемственности в народной жизни против всяких разлагающих сил и беспочвенных течений».

Община должна быть непременно сохранена, но выход из нее нужно несколько упростить, чтобы легче было избавляться от членов, давно порвавших связь с землей и с миром. На крестьян ни в коем случае нельзя распространять действие общегражданских законов — это ни к чему хорошему не приведет, а только «...отвлечет народную правовую жизнь от ее естественного развития». Для того чтобы сделать волостной суд скорым и правым, ему просто нужно преподать от начальства должные указания. Надельные земли категорически нельзя приравнять к частным, тем самым включив их в свободный рыночный товарооборот, поскольку при наделении крестьян землей в 1861 году имелись в виду интересы не их самих, а прежде всего государства.

Но что же в проекте МВД было нового? Некоторые весьма сведущие историки-аграрники решения Редакционной комиссии, ее проекты напрямую связывали со столыпинским аграрным курсом. П. И. Ляшенко прямо заявлял, что решения Редакционной комиссии МВД суть предшественники знаменитого указа 9 ноября 1906 года. Сам П. А. Столыпин от такого сомнительного родства отрекся: издавая указ 9 ноября, его правительство «отступало от предположений Редакционной комиссии и удовлетворяло требованиям прогрессивной части общества».

Улучшить материальное положение крестьян и погасить существующее в их среде недовольство (отрицать его после событий весны 1902 года не могли даже твердолобые консерваторы) надлежало исключительно путем совершенствования землепользования. Для этого не нужно разрушать общину, требуется просто устранить чересполосицу, дробность наделов и зависимость каждого отдельного земледельца от общих хозяйственных распоряжений всего крестьянского общества. Переход к участковому землепользованию — вот ключ к решению всех проблем российской деревни, да и государства в целом. Но поскольку большинству крестьян землеустройство было просто не по карману, перво-наперво следовало облегчить выдел земли к одному месту наиболее зажиточным из них. Они-то и станут опорой существующего порядка, ибо, по предположениям комиссии, «...непосредственно заинтересованы в охране принципа собственности».

Было бы серьезной ошибкой полагать, что комиссия МВД выступила за насаждение единоличных крестьянских хозяйств. Сохранение принципа семейной собственности на наделную землю она считала необходимым для всех категорий земледельцев — общинников, подворников и хуторян.

В Положении 19 февраля 1861 года природа крестьянской собственности не была юридически четко определена: признавалась и собственность общины, и двора, и личная собственность. Семейная собственность получила признание в практике Сената лишь в 80-е годы XIX века. Даже в случае подворного владения земельным участком закон признавал только право личной собственности. Но вопрос о ее субъекте в законе не был решен. Практика же склонялась не к личной, а к семейной собственности. Отсюда такое несомненное зло, как разделы и неизбежное измельчение земельных участков. Подворникам не выдавали документов на владение, границы земельных участков оставались размытыми, так как межевания не проводилось.

Право семейного владения, установленное толкованиями Сената, сводилось к признанию подворного участка и усадьбы оседлости коллективной собственностью крестьянской семьи. Но семьи не родственной, а рабочей, непременно в составе крестьянского двора. Соответственно Сенат признавал, что такое имущество не может быть завещаемо; смерть домохозяина не открывает наследства, пока жив кто-либо из членов двора. В сущности, происходила только смена домохозяина. Наряду с этим домохозяину предоставлялось право распоряжаться имуществом единолично, не спрашивая согласия членов двора, пусть даже они и были боковыми родственниками — кандидатами в домохозяева. Такая противоречивая правовая конструкция порождала массу злоупотреблений. Поэтому время от времени возбуждались предположения о распространении на крестьян общегражданского права личной собственности.

Чтобы обсуждение проекта Редакционной комиссии на местах прошло успешно, ее шеф В. К. Плеве предусмотрительно озаботился подбором членов губернских совещаний. Он приказал вообще устранить из них лиц, которые не считали проект полезным, а также ограничить участие крестьян в обсуждении. Несмотря на все старания министра, подготовленный его ведомством проект аграрных реформ ожидал полный провал. За сохранение крестьянской поземельной общины высказалось только три совещания, и то меньшинством голосов. Многие протестовали против сохранения словесного крестьянского суда; большинство вообще предлага-

ло уравнивать крестьян в главных правах с другими сословиями. Ряд губернских совещаний выражал несогласие с официальным курсом на консервацию коллективных, в частности, семейных форм владения землей и другим крестьянским имуществом. Широкие круги поместного дворянства, отказавшись поддержать главные положения проекта Редакционной комиссии, поставили тем самым «неуд» В. К. Плеве как реформатору.

И все же будем справедливы — В. К. Плеве немало сделал для облегчения положения крестьян. Весной и летом 1903 года были приняты два законодательных акта первостепенной важности. 12 марта была отменена круговая порука, а 17 августа — телесные наказания для крестьян. Наконец, Плеве убедил царя подписать новый переселенческий закон 6 июня 1904 года. Теперь за оставляемый переселенцем участок наделной земли полагалось вознаграждение. Это уже было серьезным новшеством.

Указом 12 декабря 1904 года Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности С. Ю. Витте было поручено «...привести законы о крестьянах к объединению с общим законодательством империи, облегчив задачу обеспечения пользования лицами этого сословия признанным за ним царем-освободителем положением полноправных свободных сельских обывателей». Особая роль в решении поставленной царем задачи отводилась трудам местных комитетов³⁶. В этом духе была составлена известная «Записка по крестьянскому делу», опубликованная С. Ю. Витте в начале декабря 1904 года.

* * *

Материал для «Записки» С. Ю. Витте дали труды местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Она претендовала на то, чтобы обобщить те мнения, которые высказывались на местах по ключевым проблемам аграрной политики.

Первое положение «Записки» состояло в следующем. Ее автор объявил себя непротивником сословного строя как такового. Он справедливо полагал, что рамки сословных отношений очень широки, не являются неизменными и от узких, в виде различий в почетных преимуществах, доходят до самых широких при рабстве и крепостном праве³⁷. С. Ю. Витте ратовал за гражданский закон, общий для всех сословий, и нападал на крестьянское обычное право, трактуя его как источник «всяческого беззакония», поскольку оно не опре-

делено и не исследовано. К тому же волостные суды (в 46 губерниях Европейской России их было 9390) подчинялись администрации³⁸. Низший суд С. Ю. Витте предлагал реформировать — ввести его в общую систему судебного управления и вверить людям с образовательным цензом. Он самым категорическим образом поддержал идею местных комитетов своего совещания о необходимости безотлагательно устранить «...существующую ныне резкую обособленность крестьян в сфере гражданского права»³⁹.

Второе касалось сельского управления. По земской реформе 1863 года низшей бессословной самоуправляющейся ячейкой являлось уездное земство. С. Ю. Витте предлагал уездную земскую администрацию дополнить поселковой на местах. При этом он ссылаясь на положение высочайшего Манифеста 8 января 1904 года, которым предписывалось сельское сословное общественное управление сблизить с приходскими попечительствами, которые были органами сословными. Низшую административную единицу — «поселковое общество» или «земский округ» — предстояло основать на начале сословном. С. Ю. Витте вовсе не замыслил уничтожить сельское крестьянское общество насильственным путем, он предлагал преобразовать его в частичноправовой союз по владению землей при общинной и подворной формах землевладения⁴⁰. В конструкции местного управления, предложенной С. Ю. Витте, земским начальникам не оставалось места.

В мемуарах С. Ю. Витте замечает, что затея с ними вполне не удалась и сильно навредила России. «Но самый большой вред заключается в том, что его в настоящее время не решаются уничтожить, потому что в этом институте видят опору порядка, опору консерватизма. Хотя такая мысль представляет собою полное заблуждение, ибо прочный консерватизм и прочный порядок могут основываться только на законности, а до тех пор, пока в население не войдет в плоть и кровь законность, до тех пор можно будет всегда ожидать самых невероятных сюрпризов. Институт же земских начальников не может внедрить законности, потому что действия земских начальников основаны не на законе, а большей частью на административном усмотрении»⁴¹.

Главной темой «Записки» стал вопрос о судьбах крестьянской поземельной общины. Ее автор заявил себя принципиальным противником общины. Регулярные земельные переделы неизбежно влекут за собой хищническую эксплуатацию земли. Поэтому экономически община совершенно бесперспективна. Но это еще не все. Она опасна и политически —

«уравнительные порядки расшатывают понятие о твердости и неприкосновенности прав собственности». Наконец, объяснялось в «Записке», община полностью доказала свою несостоятельность как форма крестьянского землевладения. Она не обеспечивает сохранения мелкой собственности, не мешает концентрации земель в руках зажиточной верхушки крестьянского мира, не препятствует, а способствует появлению пролетариата. Община — враг всякой свободной ассоциации, тормоз для развития кооперативного движения в стране. Но община по ряду причин может быть до поры до времени выгодной крестьянину. Поэтому не следует ни по-нуждать, ни препятствовать к выходу из нее. Выход из общины должен быть свободным, не требующим согласия общества. «Вопрос о такой свободе выхода из общинного землепользования представляется мне основным в области упорядочения крестьянского землепользования»⁴², — заявил С. Ю. Витте.

Автор «Записки по крестьянскому делу» высказался за мелкую крестьянскую собственность. Ее он предлагал поддерживать, но иными средствами, чем это делалось раньше. С. Ю. Витте признавал желательным сохранить сословное наделное землевладение. Оно в принципе способно ограничить товарооборот крестьянских земель, но не исключить его совсем. Новым в его проекте было то, что оборот этих земель должен быть подчинен действию общегражданских законов.

Ранее русский крестьянин был лишен права личной собственности на свой надел пахотной земли. «...При отсутствии личной собственности субъект права распоряжения не выяснен, вместе с тем устойчивые защищаемые законом способы передачи и укрепления прав не установлены. При таких условиях получается как бы абсолютная замкнутость владения, и крестьянин не может отчудить своего владения крестьянину же, т. е. фактическая возможность, конечно, есть, но юридической нет, что и ведет к непроизводительной трате денег на испрошение согласия мира и к непрерывным злоупотреблениям и тяжбам сторон, вступающих в не предусмотренные и не защищенные законом сделки»⁴³.

«...Я полагаю, что навязывать крестьянину семейное владение и лишать его личных имущественных прав, на которых зиждется гражданское право всех цивилизованных народов, это — закрывать глаза на современные нужды и потребности и жить воспоминаниями патриархального прошлого»⁴⁴. С. Ю. Витте недвусмысленно предлагал ликвидировать начала личной зависимости, существовавшие внутри крестьян-

ского двора: когда во главе его стоит боковой родственник, «...то по гражданскому праву это владение будет признано общим с правом выдела наследственных частей, иначе говоря, добровольным хозяйственным союзом сонаследников»⁴⁵.

Таковы общие черты плана аграрных преобразований, предложенного председателем Комитета министров. В любой реформе важен не только вопрос «что делать», но еще и «как сделать» — хороший план можно испортить и даже извратить негодным исполнением. С. Ю. Витте был принципиальным противником открытой насильственной ломки существующего уклада деревенской жизни. Ведь всякие принудительные меры в отношении устройства жизни крестьян, писал он в «Записке по крестьянскому делу», игнорируют то обстоятельство, что «...крестьяне не только рабочая сила, которую полезно объединить для эксплуатации и продуктивности труда, но и живые люди, которым, как и всем нам, дороги начала личной независимости, семейной самостоятельности и неприкосновенности домашнего очага»⁴⁶.

«Записка» должна была сделаться своего рода программой для работ Особого совещания, поскольку именно в нем теперь сосредоточилась разработка аграрных реформ. В этой программе было одно уязвимое место — она не вполне отвечала интересам крестьян так, как они себе эти интересы представляли. Проблем крестьянского малоземелья она совершенно не касалась.

А было ли оно, это малоземелье? Точно ответить на вопрос о том, сколько нужно было крестьянину земли для безбедного существования, достаточно сложно. В 50 губерниях Европейской России 10,1 млн крестьянских дворов имели пригодной для обработки наделной земли в среднем по 7,1 десятины на двор, 410 тыс. мелких собственников имели в среднем по 4 десятины. По расчетам В. И. Ленина, для обеспечения же минимальных потребностей средней крестьянской семьи требовалось не менее 15 десятин. Таких хозяйств, не считая казачества, было всего 1 млн дворов, на остальные 430 тыс. сельской буржуазии приходилось в среднем по 40,4 десятины на двор⁴⁷. Все, кто имел ниже 15 десятин, относились к деревенской бедноте. Ныне ученые-историки пишут, что и 8—9 десятин для середняков было вполне достаточно и эта норма позволяла достичь определенного уровня благосостояния⁴⁸. Так это или нет, сказать непросто. По данным за 1982 год, средний размер фермы в североамериканском штате Айова составляет 324 акра земли, или 131,22 га (в 1 акре 0,405 га). Крупное хозяйство имеет 481 акр и продает ежегодно продуктов в среднем на 100 тыс. долларов⁴⁹.

Но вернемся к Особому совещанию. Хотя его местные комитеты корень зла видели именно в бескультурье крестьян, малоземелье российского крестьянства ими не отрицалось. Устранение его следовало производить за счет казенных, удельных, монастырских и церковных земель. Но значительное число местных комитетов (191 уездный и 37 губернских) высказалось за принудительное отчуждение частновладельческих земель на условиях справедливого вознаграждения прежних собственников, то есть по существу за второе издание реформы 1861 года.

О чаяниях российских крестьян председатель Особого совещания был осведомлен. Но он твердо стоял на своем: политические реформы главнее всего. 12 марта 1905 года, выступая на заседании совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, С. Ю. Витте говорил: «В последнее время мне приходится получать массу крестьянских записок и писем. Читая выраженные в них убеждения крестьян о праве дополучить землю, так как наделной не хватает, я часто задавал себе вопрос, что это — полная наивность? Но, в конце концов, кажется, можно прийти к заключению, что это вовсе не наивность, а убеждение, как бы внедренное в сознание крестьян государством. Освобождая крестьян, государство дало им землю, но не в собственность, а в пользование. Затем крестьянство осталось обособленным от всех прочих сословий как в порядке управления, так и суда. Суд, в сущности, у крестьян не оказался, а получилась грубая форма расправы в лице волостного суда... И мне представляется, что, если идея воспитания крестьян в условиях уравнительного землепользования и вообще в условиях, отдаляющих их от общего правопорядка, будет и далее проводиться с таким же упорством, то Россия может дожить до грозных исторических событий...»⁵⁰

30 марта 1905 года Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности было неожиданно закрыто. Почему? Историк Марлена Сергеевна Симонова справедливо замечает, что план, изложенный в «Записке по крестьянскому делу», был хорош для мирного времени. С. Ю. Витте с его правильными мыслями и разумными предложениями несколько отстал от жизни. Между тем весной 1905 года, когда было закрыто совещание, в стране уже штормило. Для многих сделалось очевидным, что крестьяне хотят не расширения своих имущественных прав и гражданских свобод, а дополнительного наделения землей, лучше всего за счет помещиков, потому что на протяжении десятилетий помещичью землю они обрабатывали фактически бесплатно и пото-

му искренне считали ее своей. Левые партии, в частности социал-демократы, отреагировали включением в партийную программу требования ликвидации помещичьего землевладения. Правые круги решение вопроса усмотрели в экстренном реформировании крестьянского землепользования.

Главным организатором интриги против С. Ю. Витте и его совещания, как оказалось, был А. В. Кривошеин. 19 января 1905 года он подал царю записку, где изложил альтернативный виттевскому план кардинального решения крестьянских проблем⁵¹.

8 марта 1905 года аналогичный по характеру документ лег на стол царя уже за подписью Д. Ф. Трепова — товарища министра внутренних дел и петербургского генерал-губернатора. В своей «Записке» С. Ю. Витте, вместо того чтобы «рассмотреть реальные экономические причины, угнетающие крестьянство», перенес вопрос в «область юридических построений». Такой подход «чреват печальными событиями», — грозил Д. Ф. Трепов. Нужно провести срочные меры для подъема крестьянства. Какие? А вот: «Изменение поземельных отношений и широкое развитие экономических реформ... представляет в данный момент более настоятельный и существенный вопрос, чем какая бы то ни было реформа политическая»⁵².

На место закрытого совещания С. Ю. Витте было поставлено другое, в название которого уже была включена программа — «Особое совещание о мерах к укреплению и расширению крестьянского землевладения». Его председателем был назначен И. Л. Горемыкин. Либеральным земцам, предлагавшим дополнительное наделение крестьян землей за счет помещиков, 30 марта 1905 года император Николай II ответил — это невозможно.

Планы Кривошеина — Горемыкина вполне устраивали поместное дворянство и реакционных бюрократов, поскольку ими вовсе не предполагалось в качестве первоочередной задачи превращение крестьянина «в персону» — то, что поставил во главу угла председатель Комитета министров.

Портсмутский триумф

Новый год был и ныне остается самым светлым русским праздником. По воспоминаниям современников, встреча 1904 года отличалась особенным весельем. Шампанское лилось рекой в ту новогоднюю ночь, все лучшие и самые дорогие рестораны обеих столиц были переполнены состоя-

тельной публикой: дамами в мехах, усыпанных бриллиантами и цветами, представительными мужчинами во фраках. Люди ложились спать с ожиданием большего счастья. Но вместо большего счастья случилось большое горе.

Война с Японией разразилась совершенно неожиданно; никто ее не ожидал так скоро — ни политики, ни биржевики. Накануне 27 января московский промышленник Н. А. Варенцов — глава крупного промышленного и торгового дела Товарищества Большой Кинешемской мануфактуры — купил себе новый дом и собирался утром следующего дня в 11 часов быть в конторе нотариуса для совершения купчей крепости. «В этот день за утренним чаем разворачиваю газету и с ужасом прочитываю: война объявлена. Спешу в банк, чтобы ликвидировать процентные бумаги для уплаты Серебрякову (прежний владелец дома. — С. И.), но получаю там ответ: “Кто же у вас в данную минуту купит? Бумаги, несомненно, в цене должны упасть...”» От покупки недвижимости расстроенному Н. А. Варенцову пришлось отказаться⁵³.

Мало кто верил, что маленькая Япония способна победить могучую Россию с ее огромными вооруженными силами. Назначением А. Н. Куропаткина главнокомандующим Маньчжурской армией многие были довольны — как-никак боевой генерал, воевал начальником штаба у легендарного М. Д. Скобелева, за храбрость награжден двумя «Георгиями». Н. А. Варенцов отложил все дела и отправился на вокзал, чтобы лично проводить полководца в его боевой поход. А. Н. Куропаткина он не застал — тот был на приеме у великого князя Сергея Александровича, — зато с любопытством осмотрел его поезд: «...Салон-вагон был залит электричеством, но, что меня удивило, все стены вагона были увешаны разных размеров иконами в серебряных и золотых ризах, подносимые Куропаткину обществами, учреждениями и частными лицами, и все они ехали с ним на войну; мне же казалось, чтобы только перекреститься перед каждой иконой, потребовалось бы несколько часов времени»⁵⁴.

Иконы не помогли. С каждым месяцем дела на Дальнем Востоке шли хуже и хуже. Поражения русской армии следовали одно за другим — сначала Ляоян, затем Шахе, сдача Порт-Артура и в феврале 1905 года Мукден. Внутренняя атмосфера в государстве как бы сгущалась в преддверии грозы. Вот строки из письма С. Ю. Витте А. Н. Куропаткину: «Я того мнения, что, при данных обстоятельствах и людях, выхода, от людей зависящего, нет; если он явится, то не от людей, а от Промысла. Одно ясно, что с Петра Великого Россия еще в таком грозном положении не была. Это

несомненно. И более всего трагично то, что не обстоятельства, а безумие (явное безумие), слабость, мелкота характера и помышлений, т. е. люди, привели Россию в такое положение. Не внешние исторические течения нас довели до сего, а мы сами себе все это уготовили, сами искали, как бы найти вонючее болото, чтобы окунуться в него по уши. Нашли и окунулись, а вылезти не можем. Пожалуй, еще как-нибудь вылезли бы, а тут со всех углов повылазили пчелы, летучие мыши и проч. само по себе дрянь — да давай кусать и щипать. А ведь если простая муха отравит свое жало, то от укуса смерть. А если она укусит большого человека, то масса мелких падает...»⁵⁵

В середине мая 1905 года русское общество было потрясено страшным разгромом эскадры Рождественского в Цусимском проливе. Страна резко сдвинулась влево — даже московские купцы, которые раньше и слышать не хотели ни о каких реформах в государстве, теперь сочувственно внимали речам «болтунов», как они прежде называли глашатаев либеральных воззрений.

Где выход? 24 мая 1905 года в Царском Селе под председательством императора Николая II состоялось совещание с высшими чинами армии для обсуждения дальнейших военных планов. Большинство присутствовавших высказались за немедленное окончание войны.

Политическое руководство Японии, несмотря на победы, стремилось к скорейшему заключению мира. 18 мая, через три дня после Цусимского сражения, министр иностранных дел Японии Ютаро Комура направил японскому послу в Вашингтоне предписание. Ему поручалось выяснить, не возьмет ли американский президент на себя инициативу усадить воюющие стороны за стол мирных переговоров. 23 мая американский посол в России Дж. Мейер получил от президента Теодора Рузвельта указание просить царя о личной аудиенции, в ходе которой постараться убедить его, что дальнейшее продолжение войны абсолютно безнадежно и может привести к потере всех дальневосточных владений России.

Беседа Дж. Мейера с Николаем II состоялась 25 мая, на другой день после военного совещания. Приведенные Мейером аргументы убедили царя, все еще находившегося под впечатлением высказанных русскими военными неприятных истин, и он дал принципиальное согласие на участие в мирных переговорах. 26 мая американский президент Т. Рузвельт официально обратился к России и Японии с предложением начать переговоры о мире. Местом для них

был выбран небольшой курортный город Портсмут в штате Нью-Гемпшир.

Главой русской делегации предстояло стать А. И. Нелидову, русскому послу в Париже. После его отказа выбор пал на Н. В. Муравьева, посла в Риме. На докладе В. Н. Ламздорфа с предложением послать на переговоры председателя Комитета министров император наложил резолюцию: «Только не Витте». Затем к его кандидатуре пришлось вернуться ввиду того, что и Н. В. Муравьев уклонился от назначения. Министр иностранных дел нанес С. Ю. Витте личный визит и от имени царя просил его возглавить русскую делегацию на мирной конференции. В. Н. Ламздорфа Николай II выбрал для этой миссии не случайно — он был в дружеских отношениях с С. Ю. Витте и так же, как он, совершенно открыто выступал против политики, проводившейся накануне войны в Маньчжурии и Корее.

В. Н. Ламздорфа, его деловые и нравственные качества С. Ю. Витте всегда оценивал высоко — «прекрасный человек, отличного сердца, друг своих друзей, человек в высшей степени образованный». Единственный недостаток, который С. Ю. Витте в нем отмечал, — излишняя мягкость, податливость и уступчивость. «Государь знал, что он далее мнений, выраженных в очень дипломатической форме, не пойдет, и не обращал на него внимания. Ему даже дали мысль, что граф Ламздорф так говорит потому, что я так говорю, а как только я буду устранен, он переменит свое мнение. Мнения он не переменял, но продолжал ограничиваться мягкими, а иногда и несколько противоречивыми дипломатическими нотами на имя его императорского величества»⁵⁶.

Согласие свое С. Ю. Витте дал и 1 июля 1905 года был утвержден в качестве первого уполномоченного для ведения мирных переговоров с Японией⁵⁷. Николай II сердечно поблагодарил С. Ю. Витте за то, что он не отказался от назначения, а за разъяснением обстоятельств текущей военной ситуации отправил к великому князю Николаю Николаевичу.

Великий князь Николай Николаевич в 1905 году возглавлял Совет государственной обороны. Следовало ожидать, что он располагает самой полной информацией о положении на театре военных действий. Она оказалась неутешительной. По данным русского Генштаба, на 17 июня 1905 года в трех маньчжурских армиях в строю находилось не свыше 327,5 тыс. штыков. С учетом ожидавшихся подкреплений их число к началу октября могло быть доведено до 385 тыс. Японцы же, по русским данным, имели под ружьем 385 тыс. да еще около 200 тыс. ожидали отправки в Маньчжурию у

себя на родине⁵⁸. Самое большее, на что можно было рассчитывать, предупредил С. Ю. Витте великий князь, это оттеснить японцев в пределы Кореи и Квантунского полуострова. Для этого потребуется около миллиарда рублей денег и год времени. Но без военного флота последующие успехи и победоносное завершение войны были невозможны. С флотом покончено — по-военному коротко очертил ситуацию управляющий Морским министерством.

В мемуарах С. Ю. Витте не упомянул еще об одном своем визите. 4 июля 1905 года он посетил генерала А. Ф. Редигера, только что назначенного военным министром. У него в кабинете С. Ю. Витте застал начальника Генерального штаба А. А. Поливанова. «Я ему сказал, — пишет А. Ф. Редигер, — что оборона представляется мне надежной, так как войска уже не вытянуты в нитку, как у Куропаткина, а сосредоточены, и армии снабжены всем нужным; но в успех наступления я не верю, так как мы уже пытались наступать, да не сумели, на Линевица я надежд не возлагаю, да и не видно с его стороны какой-либо подготовки к наступлению. Поливанов присоединился к моему мнению. Тогда Витте заявил, что он совершенно согласен со мною, и просил меня так и говорить государю, дабы мы не противились напрасно заключению мира»⁵⁹.

Императору об этом говорить не пришлось, так как он сам с А. Ф. Редигером на эту тему не заговаривал, считая мирные переговоры не его делом. До самого начала августа о ходе переговоров в Портсмуте военный министр не имел никаких сведений, кроме газетных.

Николай II не очень сочувствовал идее заключения скорейшего мира. Втайне он рассчитывал на перелом ситуации на Дальнем Востоке — все время, пока в Портсмуте шли переговоры, в Маньчжурию направлялись подкрепления: пехотные, кавалерийские и артиллерийские части. В своих мечтах и надеждах монарх получал поддержку обоих «выдающихся» полководцев — А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевица. После поражения под Мукденом в командном составе Маньчжурской группировки русских войск произошла рокировка: Н. П. Линевиц вступил в верховное командование армиями, а Куропаткин переместился на должность командующего армией, которую прежде занимал Н. П. Линевиц.

В поздравительном письме А. Ф. Редигеру от 30 июля 1905 года по случаю назначения его военным министром А. Н. Куропаткин делился с ним своими мыслями о будущем: «Наши теперь главные заботы — это как бы Россия не заключила позорного мира. Наши армии сохранены, закале-

ны и настолько теперь усилены, что могут с упованием взирать на будущее. Уже ныне успешный переход в контрнаступление японцев маловероятен. Надеюсь, что скоро нам можно будет и самим перейти в наступление... Лично ожидаю с нетерпением возобновления решительных военных действий. Верю, что победа, наконец, склонится на нашу сторону, но во всяком случае, если великая Россия хочет остаться великой и не быть вынужденной после позорного мира быстро готовиться к новой войне, надо настоящую войну вести с желательной настойчивостью еще год, два, три, до победы. В этом спасение не только России, но и Европы. Иначе семьсот миллионов азиатов под главенством Японии сделают попытку прописать законы Европе, начав с России в Сибири, Франции в Индокитае и Англии в Индии. Зашевелятся Персия и Турция. Такого ли результата мы желаем вместо преждевременного мечтательного идеала: стать без права и без нужды хозяевами на берегах Тихого океана?»⁶⁰

А. Н. Куропаткину, как видно из процитированных строк, в полной мере была присуща общая черта весьма многих русских людей — игнорировать неприятные факты, приукрашивать действительность и увлекаться беспочвенными фантазиями.

Японцы не мечтали, а действовали — ведь соглашения о перемирии не было. К середине июля, воспользовавшись своим господством на море, они оккупировали весь остров Сахалин. Сопротивление российских войск полностью сломить им не удалось. Части русской армии, оставив населенные пункты японцам, отступили в тайгу и продолжали сражаться.

К военной партии примкнул, как это ни странно, министр финансов В. Н. Коковцов. В. Н. Ламздорфу он говорил, что Россия находится в таком положении, что ей не нужно стремиться к заключению мира во что бы то ни стало. «...Вообще, как министр финансов, не могу не признать, что продолжение войны при нынешнем положении дел на театре войны и в особенности внутри страны представляется весьма трудным и что с финансовой точки зрения заключение мира крайне желательно. Но само собой разумеется, решение вопроса о войне или мире, от которого должны зависеть жизненные интересы и достоинство России, не может быть поставлено в зависимость от соображений финансового характера»⁶¹. Узнав о назначении С. Ю. Витте первым уполномоченным на мирных переговорах с японцами, министр финансов выразил сожаление по этому поводу, поскольку ему казалось, что С. Ю. Витте примет любые усло-

вия мира, которые будут ему предложены. Как выяснилось, В. Н. Коковцов лавировал между сторонниками мира и «ястребами». Переписка С. Ю. Витте с В. Н. Коковцовым посредством шифрованных телеграмм во время Портсмутской мирной конференции целиком опубликована Б. А. Романовым еще в 1926 году.

Более реалистично оценивали ситуацию японское командование и правящие круги Страны восходящего солнца. Почти все ресурсы, материальные и отчасти людские, которые Япония могла употребить для продолжения военных действий, были близки к исчерпанию. Ее Маньчжурская армия, вопреки представлениям русских военных, уступала по численности противнику почти в три раза. Действительно, к концу войны полная численность русских войск в Маньчжурии составляла 940 тыс. человек, в том числе 450 тыс. штыков. На вооружении они имели 1672 орудия и 270 пулеметов⁶².

Качественное отношение тоже менялось в пользу России. Значительная часть кадровых офицеров японской армии была выбита. Уже в битве под Ляояном обнаружился недостаток боеприпасов. Нехватка вооружений не могла быть пополнена из внутренних источников, так как серьезной военной промышленности тогда Япония еще не имела. Необыкновенно остро для Страны восходящего солнца стал вопрос финансовый. Япония истратила на эту войну в 8,5 раза больше средств, чем на войну с Китаем. Без заграничной помощи она была не в состоянии справиться с военными расходами, а поскольку не являлась в те годы великой державой, то деньги ей не давали без имущественных гарантий. В залоге у зарубежных кредиторов (Англии, США и Германии) уже находились доходы японской казны от таможни, табачной монополии и железных дорог. Эти доходы в военное время увеличены быть не могли, следовательно, шансов на получение дополнительных кредитов у японского правительства почти не оставалось. Поэтому японские правящие круги были заинтересованы в мире едва ли не больше, чем их противник. У русских в то время разведка была поставлена из рук вон плохо, поэтому царское правительство и генералитет не представляли себе истинных масштабов трудностей, с которыми столкнулись японцы.

Перед отъездом С. Ю. Витте получил прощальную аудиенцию у императора. Инструкции монарха были кратки: он желает мира, но не ценой территориальных уступок противнику или уплаты ему контрибуции⁶³. 6 июля С. Ю. Витте направился на переговоры, заехав по пути в Париж. Там он уз-

нал, что французы настоятельно рекомендуют ему заключить мир на японских условиях. Самым сложным им представлялся вопрос о контрибуции. Поскольку виновницей войны считалась Россия и проигравшей стороной также была она, ей вменяли в обязанность возместить произведенные Японией военные расходы. Франция желала скорейшего окончания войны. Пока у России связаны руки на Дальнем Востоке, она не могла оказать помощь Французской республике в случае каких-либо осложнений в Европе.

Из Парижа русская делегация направилась в Шербур для посадки на океанский лайнер. Состав ее был следующий: второй уполномоченный барон Р. Р. Розен, специалист по международному праву профессор Ф. Ф. Мартенс, знаток Китая Д. Д. Покотилов, представитель Министерства финансов И. П. Шипов. Военное ведомство представляли генерал-майор Н. С. Ермолов и полковник В. К. Самойлов, морское — капитан 1-го ранга А. И. Русин (он присоединился к делегации уже в Америке). Секретарями делегации были назначены И. А. Коростовец и К. Д. Набоков. Коростовец С. Ю. Витте знал раньше. Их семьи были знакомы еще по Одессе. Ему было поручено вести дневник поездки. Этот дневник С. Ю. Витте собирался использовать для каких-то своих целей.

Глава русской делегации не пытался скрыть свой пессимистический настрой. «Нравственно тяжело быть представителем нации, находящейся в несчастье, тяжело было быть представителем великой военной державы России, так ужасно и так глупо разбитой! И не Россию разбили японцы, не русскую армию, а наши порядки, или, правильнее, наше мальчишеское управление 140-миллионным населением в последние годы»⁶⁴.

Царь его недолюбливал по причинам чисто личным и не мог по своему злопамятству забыть, что именно С. Ю. Витте предостерегал его от дальневосточной авантюры. «Мы обещали осчастливить Маньчжурию, развить торговлю и ввести культуру, а вместо того принесли туда войну», — записал Коростовец слова С. Ю. Витте. И еще одно рассуждение первого уполномоченного занес он в дневник: «Мир России необходим, потому что дальнейшее продолжение войны грозит захватом японцами всего Тихоокеанского побережья, не говоря уже о внутренней разрухе и расстройстве денежного обращения, что может закончиться общим крахом». С Японией, полагал С. Ю. Витте, нужно восстановить добрые отношения: в Корее России делать совершенно нечего, а доктрина «открытых дверей» в Китае, провозглашенная

американцами, не так уж и плоха. Во всяком случае, иностранная конкуренция русским купцам и промышленникам пойдет только на пользу.

В поездке по Европе С. Ю. Витте сопровождали жена и дочь. С ними он не расставался вплоть до самой посадки на корабль. Океанский лайнер «Император Вильгельм Великий» вышел в море 14 июля в 14.00. Пассажиров оказалось много: писатель Д. Маккензи-Уоллес, близкий к Витте журналист Э. Диллон, корреспонденты ведущих европейских газет. Русских было двое — А. Н. Брянчанинов от «Слова» и Б. А. Суворин от «Нового времени». А. Н. Брянчанинов запомнился первому уполномоченному как молодой человек со способностями, пронырливый, крайне беспокойный, «...весьма неосновательный и легкомысленный... проводил мысль о необходимости для России мира во что бы то ни стало и своею болтовнею вредил переговорам не в пользу России, насколько, конечно, мог им навредить молодой, неглупый болтун корреспондент Брянчанинов»⁶⁵.

Главе русской делегации выделили комфортабельную каюту из двух отделений с ванной. Остальные члены делегации разместились в каютах поплотнее. С первым уполномоченным ехало двое слуг — русский и англичанин.

Из первого дня общения с С. Ю. Витте Коростовец вынес впечатление: надолго в Америке оставаться им не придется. Уже 15 июля он получил указание разузнать расписание обратных рейсов. Своими мыслями о безотрадных перспективах еще неначавшихся переговоров — японские условия мира неприемлемы и разрыв неминуем — С. Ю. Витте поделился с корреспондентом газеты «New York Herald». Они произвели фурор среди газетчиков. Вообще на корабле С. Ю. Витте много общался с корреспондентами, охотно раздавал автографы многочисленным пассажирам огромного корабля. С членами русской делегации говорил о наблевшем: наместнике Е. И. Алексееве, А. Н. Куропаткине, беспорядках во внутреннем управлении. Особенное возмущение у него вызвало награждение Е. И. Алексеева Георгиевским крестом. И. А. Коростовцу запомнилось, с каким негодованием С. Ю. Витте рассказывал о том, что раненных в Маньчжурии русских солдат довозили до Челябинска без перемены белья.

17 июля капитан показал С. Ю. Витте свой корабль: помещения второго класса, кладовые, кухню, холодильники и даже пивной погреб. «За обедом опять говорили о будущих переговорах. Витте сказал, что хотя общее направление обнаружится с первых же заседаний, но он в состоянии будет

принять решение и вообще выяснить положение дела лишь после прибытия в Америку капитана Русина, едущего с театра войны и имеющего точные сведения об армии»⁶⁶.

Кормили пассажиров обильно и вкусно: первый завтрак между 8 и 10, в 13 часов второй завтрак с огромным списком блюд на выбор; между ними бульон и сэндвичи, поглощаемые где придется. Первый уполномоченный завтракал у себя в каюте, обедал вместе с делегацией. Из напитков за обедом предпочитал свое любимое шампанское, которым угощал сидевших рядом с ним. Одевались просто, С. Ю. Витте — в свой неизменный темно-серый костюм. Вообще к своей внешности он относился довольно пренебрежительно.

Развлекались игрой в шары и карты по маленькой. Партнерами С. Ю. Витте за карточным столом обычно становились Ф. Ф. Мартенс и И. П. Шипов. «Витте любит Шипова и питает к нему неограниченное доверие, ценя его как добросовестного и талантливого исполнителя своих идей и преданного человека», — записал И. А. Коростовец⁶⁷. Вечера проходили в курительной комнате за чаем (С. Ю. Витте взял с собой в Америку запас чая) и разговорами. Выяснилось, что профессор Ф. Ф. Мартенс скучен, любимая тема его — воспоминания о тех международных конференциях, где он работал экспертом; генерал Ермолов — «мил и корректен», Набоков — «умен и сдержан». Иногда С. Ю. Витте отправлялся в гостиную послушать игру и пение пассажиров. И. А. Коростовец вынес впечатление, что его начальник понимал в музыке толк⁶⁸.

Члены делегации не уклонялись от неформального общения с корреспондентами. Уже упоминавшийся корреспондент газеты «New York Herald» был аккредитован при штабе русской армии в Маньчжурии. Под Мукденом он попал в плен к японцам, был ими отпущен под честное слово не общаться более с русской армией. Он рассказывал, что японцы совсем не утомлены войной, их армия отличается высоким боевым духом — даже раненые рвутся из госпиталей обратно на боевые позиции.

Свою будущую тактику на переговорах с японцами С. Ю. Витте обдумывал в паровой каюте целых шесть дней. Наконец он решил остановиться на следующем поведении: во-первых, не показывать, что Россия желает мира — русский царь согласился на переговоры только ввиду «...общего желания всех стран, чтобы война была прекращена»; во-вторых, держать себя как подобает представителю великой державы, «у которой приключилась маленькая неприятность»; в-третьих, учитывая громадную роль прессы в Аме-

рике, «вести себя особливо предупредительно и доступно ко всем ее представителям»; в-четвертых, демократизмом поведения постараться привлечь к себе симпатии американцев; в-пятых, не относиться враждебно к евреям, что, впрочем, «совершенно соответствовало моим взглядам на еврейский вопрос вообще»⁶⁹.

В соответствии с выработанным планом он и действовал. 20 июля «Вильгельм Великий» прибыл в Нью-Йорк. На борту С. Ю. Витте обступили журналисты с традиционными вопросами. Профессор Ф. Ф. Мартенс прочел составленное лично С. Ю. Витте и переведенное на английский язык Э. Диллоном приветствие к американскому народу. В заключении приветствия говорилось: «И если бы моя миссия в некоторых отношениях оказалась непроизводительной и попытка найти общую основу для мирных переговоров в данную минуту не удалась, то это явное доказательство дружбы, данное его императорским величеством царем и русским народом, все же останется, как памятное событие, чреватое, надеюсь, глубокими благодетельными последствиями для великих народов Запада и Востока»⁷⁰.

Прием русской делегации американским правительством и народом превзошел все ожидания. Русские были поселены в гостинице «St. Regis» на углу 5-й авеню, недалеко от Центрального парка. Японцы, прибывшие неделей ранее русских, разместились в гостинице «Waldorf Astoria» на той же улице. Запись в дневнике И. А. Коростовца: «Витте отведено в третьем этаже четыре больших комнаты, спальня, гостиная, кабинет и столовая, так называемый suite. Обстановка комнат роскошная, но без банальности и совсем не напоминает отеля. Барон в седьмом этаже, я в пятом (плата по 6 долларов в день). Остальные наши товарищи расположились между 5 и 18 этажами. При каждой спальне отдельная комната с ванной и уборной. Кроме того, в комнатах большие чуланы для платья. Светло, чисто, просторно, а главное, комфортабельно. Телефон в самой комнате, несколько электрических лампочек. Таких гостиниц я в Европе еще не видел. В первом этаже огромная столовая, приемная, читальня, несколько гостиных, бар, телеграф, телефон, внизу парикмахер; во втором этаже также ряд гостиных и залы. Обстановка богатая, но без вычурности... Я уже бывал в Америке раньше и несколько знаком с американской жизнью и американцами. Сначала они кажутся расчетливыми материалистами, чуждыми идеализма и человеческих слабостей. Затем, когда их узнаешь ближе, начинаешь ценить вы-

ские нравственные качества этих мужественных свободолюбивых граждан этой великой страны»⁷¹.

21 июля С. Ю. Витте вместе с агентом русского Министерства финансов Г. А. Вилениным и в сопровождении двух полицейских в штатском отправился на экскурсию по городу. Заглянул на Нью-Йоркскую фондовую биржу; проезжая через бедный эмигрантский квартал, остановился, зашел в садик, где играли дети, взял на руки ребенка и поцеловал его. Местные жители, преимущественно еврейской национальности, узнав, что это С. Ю. Витте, устроили ему овацию. Затем он поднялся на крышу самого высокого из нью-йоркских небоскребов и полюбовался панорамой города. Нью-Йорк произвел сильнейшее впечатление на русскую делегацию, даже на И. А. Коростовца, который бывал в нем раньше: «Недостает разве отпечатка времени и истории, составляющих прелесть старых европейских городов, но зато много оригинальности и безграничного размаха. Мои товарищи подавлены грандиозным масштабом всего окружающего, лихорадочностью и демократичностью американцев, столь мало похожих по своим идеям и привычкам на нашего брата. Впрочем, демократичность не мешает классовой розни, которая, по-моему, даже заметнее, чем в Европе. Американец-миллионер, пожалуй, дальше от рабочего, чем наш барин от мужика»⁷².

В тот же день С. Ю. Витте дал интервью газете «The Evening Mail»: Россия потерпела неудачу, но не перестала быть великой державой, Японии улыбнулось военное счастье, но от этого она не сделалась непобедимой.

К переговорам враждующих сторон в Портсмуте было привлечено внимание всего мира. На имя Витте и Розена приходила масса писем и телеграмм со всего света. Разбор корреспонденции был поручен секретарю делегации. Большая часть писем содержала просьбу прислать автограф С. Ю. Витте; некоторые присылали конверты с марками и обратными адресами. Автор одного из писем советовал С. Ю. Витте поучиться в Америке, как управлять Россией; другого — не давать японцам денег, но уступить территорию и т. д. и т. п. Одно послание было адресовано прямо Николаю II. Его автор — дама, по предположению И. А. Коростовца, ясновидящая, ссылаясь на свои предчувствия, советовала заключить мир с Японией и ввести реформы, иначе России грозят страшные бедствия. В письмах жалели Николая II, который не по своей вине занимает русский престол, приглашали С. Ю. Витте в гости. Один изобретатель предложил купить за 2 млн долларов чудесное устройство, способ-

ное повернуть ход войны в пользу России. Некто Эльза Витте утверждала, что она родственница Сергея Юльевича и желала бы с ним познакомиться. Некоторые из писем Коростовец переводил для своего шефа. Глава делегации настаивал на том, чтобы секретарь отвечал всем, даже банальными словами любезности.

Барон Р. Р. Розен был доволен назначением С. Ю. Витте, особенно его заявлением, что он намерен действовать независимо от посторонних обстоятельств. «Это истинно русский человек, с русской душой, и я спокоен за результат», — заявил барон. Секретарь миссии вспоминал много лет спустя: «Прежде всего нас, бывших при нем, поразила удивительная легкость, с которой он, не имея профессиональной подготовки, вошел в выпавшую на его долю роль дипломата, его находчивость, гибкость и умение приспосабливаться к новой, чужой обстановке»⁷³. Еще до начала переговоров он шокировал профессора Ф. Ф. Мартенса заявлением, что не считает нужным руководствоваться нормами международного права, а поведет дело так, как ему подскажут здравый смысл и обстановка.

С. Ю. Витте в полном смысле слова покориł американскую публику своим умом, добродушным своеобразным юмором и искренним, живым интересом к их образу жизни, порядкам и мировоззрению. В беседах с корреспондентами он не избегал острых тем о внутреннем положении своей страны. С. Ю. Витте заявлял, что оно не нормально, но это обстоятельство не может серьезно отразиться ни на развитии страны, ни на результатах переговоров с японцами. Один из корреспондентов поинтересовался: правда ли, что положение рабочего класса России невыносимо? Витте ему объяснил, что правительство императора Николая II делает все возможное для улучшения жизни рабочих, но главный вопрос внутренней жизни страны — положение крестьянства, которое гораздо многочисленнее и с которым связан «важнейший вопрос о земле»⁷⁴.

22 июля — завтрак в семейном кругу у президента Т. Рузвельта, после которого состоялась беседа длительностью 2,5 часа. Впечатление президента от С. Ю. Витте — «блестящий малый» (*splendid fellow*). Президент Соединенных Штатов желал победы японцам в этой войне. После Цусимы он направил победителям поздравительную телеграмму, полную самых сердечных, теплых слов и неподдельного восхищения. В беседе с Т. Рузвельтом С. Ю. Витте заявил, что не согласится ни на какую контрибуцию, что это противоречит национальному достоинству России, которая после всех по-

несенных неудач вовсе не побеждена. Явно против своих убеждений он утверждал, что внутреннее положение России не так плохо, как его изображают газеты. Если японцы не станут на нашу точку зрения, сказал он, то мы будем вести оборонительную войну и тогда уж посмотрим, кто кого⁷⁵.

Член делегации и ближайший сотрудник С. Ю. Витте И. П. Шипов уже 23 июля сообщал в Петербург: «Телеграфирую Вам мое глубокое убеждение, основанное, кроме личного чувства, на разговорах со многими авторитетными и влиятельными лицами, местными и русскими. Приезд Витте безусловно произвел во враждебном и даже злорадном к нам отношении американского общества как бы перемену; в части публики замечаются признаки симпатии к России; независимо от прекрасной — пока в общем — прессы мы окружены, благодаря умению и такту Сергея Юльевича, всеобщим вниманием»⁷⁶. Перелом в общественном мнении Соединенных Штатов от сочувствия «справедливой войне», которую вела Япония, в сторону симпатии к России явился всецело заслугой личной дипломатии С. Ю. Витте. Роль свою, по единодушному признанию, он сыграл блестяще. Впрочем, он не играл никакой роли — притворяться он не умел и актер был плохой. С. Ю. Витте просто был самим собой.

В Америке С. Ю. Витте решал и еще одну важную задачу, помимо достижения мира с Японией. Он прощупывал почву для заключения крупного ликвидационного займа и вообще подумывал о том, как бы открыть необъятный американский рынок для русских ценных бумаг. Прежде всего нужно было добиться, чтобы простые американцы — потенциальные держатели русских облигаций — прониклись симпатией к России. В Америке более чем в какой-либо другой стране мира биржевикам и банкирам приходилось считаться с общественным мнением. Представлялось весьма желательным закрепить перелом в общественном мнении США в пользу России. С этой целью предполагалось устроить С. Ю. Витте поездку по стране.

«Крупные и мелкие банкиры, печать, страховые и разные другие общества, конгрегации, влиятельные лица, корпорации, — сообщал своему петербургскому начальству И. П. Шипов, — наперерыв стараются устраивать в честь его обеды, представиться, заручиться его автографом и пр. Какой бы оборот мирные переговоры ни приняли, крайне важно было бы, чтобы подобные обеды и общественные начинания осуществились и, сверх того, чтобы С. Ю. Витте предпринял поездку по некоторым главнейшим городам Соединенных Штатов, ибо Нью-Йорк — лишь первый этап Америки. Од-

нако С. Ю. Витте очень уклончиво относится ко всем таким знакам внимания и также к поездке, ибо кроме личного не-расположения к подобным чествованиям, он, по-видимому, сомневается в отношении к этому Санкт-Петербурга и после переговоров о мире собирается скорее в Санкт-Петербург. Необходимо упросить его или настаивать на том...»⁷⁷

С. Ю. Витте правильно сомневался — император Николай II завидовал чужой популярности и, как явствует из телеграммы министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа от 31 июля, «благосклонно» отнесся к отказу С. Ю. Витте от путешествия по Соединенным Штатам. И. П. Шипов же был опечален. «Мирить общественное мнение Америки с нами — тяжелая, неблагоприятная задача. Поэтому указание, что нет препятствий к посещению центров, произвело впечатление, будто в Петербурге думают, что это желательно для Витте. Напротив, он измучен, удручен и склонен по окончании порученного дела махнуть на все», — телеграфировал он своему начальнику, министру финансов В. Н. Коковцову⁷⁸.

Утром 23 июля С. Ю. Витте и сопровождавшие его лица погрузились на крейсер «Чатануга» и направились в резиденцию президента Т. Рузвельта. Там, на борту личной яхты президента состоялось представление делегаций друг другу. Затем они направились к месту переговоров — в курортный город Портсмут. С присущим им тактом американцы развели делегации: русские плыли на президентской яхте, а японцы — на военном крейсере. Из-за тумана путешествие затянулось, и к месту назначения делегации добрались лишь 26 июля.

С. Ю. Витте, не будучи большим любителем морских путешествий (хотя море и морскую качку он переносил спокойно), отправился в Портсмут посуху, на поезде. По дороге он остановился в Бостоне, посетив тамошний университет и отобедав с его профессорами. Американская публика везде встречала его очень сочувственно, даже, можно сказать, искренне доброжелательно, помня давние дружеские отношения России с их страной. Симпатии к русской делегации подогревались еще и сообщениями газет о намерении царя ввести конституцию и законодательное собрание. Впрочем, японцам тоже симпатизировали: в американской печати Россия изображалась как страна самого мрачного абсолютизма, деспотизма и реакции; ей противопоставлялась конституционная и либеральная Япония, которая защищала принципы цивилизации и свободы, борясь за угнетенный Китай и раздавленную Корею.

Большую часть времени первый уполномоченный пребы-

вал в плохом настроении. Причины он объяснил в оброненной мимоходом фразе: «До сих пор я доставлял работу только своему желудку; интересно знать, когда же придется работать мозгами»⁷⁹.

По прибытии в Портсмут делегаты осмотрели административное здание на территории Портсмутской верфи, предоставленное американским правительством для переговоров. Помещение всем пришлось по вкусу: «Вообще американское правительство, видимо, постаралось. Высокие светлые комнаты с большими окнами, все изящно и комфортабельно. Столы со всевозможными письменными принадлежностями, несколько машинок Ремингтона, устроенных так, что они могут быть откидываемы в стол, который затем закрывается на ключ. Всюду электрические веера, поддерживающие приток воздуха. Невольно любуешься умением американцев устроиться и сравниваешь с убогим видом нашего Министерства иностранных дел»⁸⁰.

Курортная гостиница, отведенная для размещения обеих делегаций, понравилась меньше. Она находилась на берегу морского залива и состояла из трех больших деревянных корпусов, соединенных крытыми переходами. Главным уполномоченным отвели по две небольшие комнатки с ваннами. Потолки низкие, комфорта минимум, зато рядом с гостиницей — теннисный корт, площадка для гольфа и плавательный бассейн.

Американцы по простодушию своему полагали: можно защищать интересы Отечества, не жертвуя при этом своими. Этим они и руководствовались, когда выбирали курортную гостиницу, совершенно не приспособленную для работы, в качестве места проживания обеих делегаций. Государственный департамент, чьими гостями были в Портсмуте делегации России и Японии, предполагал, что участники конференции будут себя вести как обычные нормальные люди: после дневных трудов играть в теннис или гольф, купаться в бассейне, любезничать с дамами, танцевать и сражаться за карточным столом. Вместо этого гости устроили себе канцелярии в жилых комнатах и работали по ночам. С. Ю. Витте все время выглядел уставшим и сильно не в духе.

В 10 часов утра следующего дня состоялось предварительное совещание делегаций, в ходе которого была выработана схема работы мирной конференции. Каждый день — два заседания общей продолжительностью пять часов (с 9.30 до 12.00 и с 15.00 до 17.30); режим — абсолютная секретность; информация для прессы только совместная. На каждом заседании составлялся протокол с приложением доку-

ментов и заявлений. Заседания проводились только в составе делегаций, без экспертов. Два уполномоченных и три секретаря с каждой стороны, всего 10 человек.

Официальным языком конференции был сделан французский (на котором говорил С. Ю. Витте), дополнительным — английский (на котором свободно изъяснялся выпускник Гарварда Ютаро Комура). С. Ю. Витте говорил тихо, но быстро. Иногда переводил сам себя — скажет фразу по-французски, затем переведет ее на русский язык. Никаких перекуров — дымили прямо в зале. Особенно много курил С. Ю. Витте.

Накануне первого дня переговоров С. Ю. Витте сделал свое знаменитое предложение об открытии заседания конференции для представителей прессы всех направлений. Евгений Викторович Тарле, находившийся во время портсмутских переговоров в Париже и внимательно следивший за английской, французской и американской прессой, на всю жизнь запомнил «то колоссальное впечатление, которое произвело на весь мир это изумительное по своему широчайшему, неслыханному либерализму заявление главы русской делегации»⁸¹. С. Ю. Витте в данном случае действовал без всякого риска, ибо хорошо знал, что его японские партнеры ни за что на это не пойдут.

Первым официальное заявление сделал барон Ю. Комура — инициатива в переговорах как-никак принадлежала японцам. По писаному тексту он произнес: Япония готова сделать все, «чтобы достигнуть мирного соглашения»⁸². После этого русской делегации вручили листок с японскими условиями мира. Глава японской делегации просил письменный ответ, на что русские ответили согласием.

Предложения Японии были немедленно переданы шифрованным текстом по телеграфу в Петербург на имя В. Н. Коковцова: «Предъявлены требования. Преобладание Японии в Корее, эвакуация Маньчжурии, уступка Сахалина, Квантуна, южной ветви до Харбина, уплата контрибуции в размере стоимости войны, выдача судов в нейтральных портах, ограничения морских сил, льготы в морских промыслах. Ответ, понятный вам по существу, скоро последует»⁸³.

На совещании членов делегации С. Ю. Витте заявил, что необходимо дать ответ возможно скорее, еще до получения заключения из Петербурга. Если ждать ответа, то дело вообще затянется «...благодаря нашей нерешительности и обычным бюрократическим промедлениям».

При обсуждении проекта ответа Д. Покотилов предложил затеять дискуссию с японцами о защите прав частных лиц и

компаний в Маньчжурии. С. Ю. Витте решительно отmel прочь идею перевести споры в область частностей: «В Маньчжурии частных русских предприятий, в действительном значении этого слова, нет, а... подобные возражения и оговорки с нашей стороны дадут повод к пререканиям и к обвинению нас державами в несговорчивости и в неискренности. Нужно, напротив, действовать возможно шире в вопросах, не представляющих для нас существенного значения, отстаивать действительно важные условия и показать нашу сговорчивость с тем, чтобы, в случае разрыва, вина пала на японцев»⁸⁴. Его занимал вопрос: как бы заинтересовать японцев перспективой установления прочных добрососедских отношений с Россией?

Ответ на японские предложения было поручено составить Шипову и Покотилову; профессору Мартенсу — перевести его на французский язык.

Уже 29 июля текст японских предложений был напечатан в бостонских газетах в редакции, весьма близкой к оригинальной. И. А. Коростовец подозревал, что тут не обошлось без С. Ю. Витте: накануне он подозрительно долго общался с представителем агентства «Associated Press».

30 июля после завтрака секретарь делегации засел за расшифровку полученных телеграмм. В одной из них высказывалось высочайшее повеление отказаться по пяти японским предложениям: о Сахалине, контрибуции, Южноманьчжурской железной дороге, военно-морских судах и рыболовных правах. «Как-то странно читать телеграмму с указаниями по вопросам, которые уже решены здесь третьего дня самим Витте. Непонятным представляется, почему в числе неприемлемых условий значится также уступка южноманьчжурской ветви и предоставление рыболовных прав на нашем побережье. По-видимому, в Петербурге думают, что японцы хотят мира во что бы то ни стало и готовы на все уступки, или же там хотели поставить Витте и Розена в затруднительное положение. Во всяком случае, если в Петербурге рассчитывают на последнее, то ошибаются. Насколько я мог заметить, петербургская несговорчивость не произвела на Витте серьезного впечатления»⁸⁵. Тут же зашифрованной телеграммой полетело сообщение, что ответ русской делегации уже отослан японцам.

Большую часть отсылаемых телеграмм С. Ю. Витте писал сам, в перерывах между заседаниями, прямо на глазах у секретарей. Лишь иногда он просил оставить его в комнате одного и не говорить слишком громко.

Из 12 японских условий 6 и в Портсмуте, и в Царском

Селе были признаны неприемлемыми: 4 — в абсолютном смысле, 2 — в относительном, то есть предусматривающими переговоры. Пункт 8 в той его части, где говорилось об исключительно мирном использовании КВЖД, Царским Селом был отклонен.

После завтрака перед началом переговоров И. А. Коростовец был послан в гостиницу за инструкциями. С. Ю. Витте попросил его также разузнать время отбытия ближайших пароходов, потому что «...на днях, верно, придется уезжать»⁸⁶. И. А. Коростовцу показалось, что он совершенно искренне думал, что японцы прервут переговоры из-за отказа по главным, на его взгляд, пунктам.

Барон Р. Р. Розен был доволен неуступчивостью С. Ю. Витте. Он ожидал противоположного — как-никак С. Ю. Витте имел репутацию стойкого приверженца мира с японцами. Набоков и Коростовец думали, что шансы на мир велики: ведь не стал бы Т. Рузвельт понапрасну рисковать своей репутацией, если бы не знал наверняка, что шансы договориться у противников все же имеются. И. П. Шипов заключил с И. А. Коростовцом пари, что мира не будет.

Из членов русской делегации лишь Ф. Ф. Мартенс к переговорам относился резко отрицательно в целом. Он все время повторял, что они ведутся с нарушениями дипломатических традиций. По предположению И. А. Коростовца, профессору не улыбалось быть простым спутником планеты по имени С. Ю. Витте. Он предпочел бы роль наставника малоопытного в дипломатических ухищрениях руководителя русской делегации. Ее профессор не получил, оттого и раздражался.

Когда И. А. Коростовец вернулся из гостиницы (она находилась от места переговоров на расстоянии 30 миль), переговоры продолжались — японцы, как было видно, решили их не прерывать. В полном разгаре был спор вокруг Кореи — С. Ю. Витте настаивал на гарантиях того, что ее территория не будет использоваться для агрессивных действий против России. Глава русской делегации нервничал, японцы тоже, и секретарю русской делегации показалось, что японская сторона намерена сорвать переговоры. Заседание затянулось до 19 часов.

1 августа заседание началось с обсуждения статьи об эвакуации Маньчжурии, передаче ее китайской администрации и о железной дороге. Читаем запись в дневнике секретаря русской делегации: «Барон Ю. Комура говорит отдельными фразами, останавливаясь после каждого предложения, чтобы дать возможность перевести. Перед ним документы, по

которым он справляется. Перед Витте нет никаких справок, кроме инструкции министерства и белой бумаги. Витте отвечает также спокойно, но как бы по вдохновению, причем речь его не так плавна и закончена. Он приводит иногда неожиданные доводы, видимо, не предусмотренные японцами. Барон Ю. Комура обнаруживает добросовестное изучение всех подробностей, он менее талантлив, но более подготовлен... Кроме того, он гораздо сдержаннее Витте, который не всегда может умерить природный пыл и прерывает барона Комуру... каким-нибудь колким возражением... Импровизации Витте не всегда удачны, особенно когда он увлекается и говорит больше, чем следовало бы. Например, при обсуждении вопроса о Сахалине, когда барон Розен стал настаивать на жизненной важности острова для Японии, Витте заметил, что, в сущности, Россия могла бы обойтись без Сахалина, но что по принципиальным причинам она не может делать территориальных уступок. Японцы, конечно, воспользовались этим *lapsus linguae* и при редактировании протоколов потребовали включения сказанного в протокол. Стоило некоторых усилий убедить их в неизменности такого включения, причем мы указали на то, что заявление было сделано между прочим и неофициально, и японцы высказывали подобные же частные мнения»⁸⁷.

В перерыве между заседаниями гостей кормили завтраком. Меню состояло из холодных блюд. Пища была однообразная, зато обильная, с многочисленными хорошими винами и шампанским. На столе благодаря предупредительности американских хозяев всегда стояла русская водка и лежали папиросы. От этой пищи С. Ю. Витте заболел желудком и сел на диету. 7 августа его осмотрел врач и нашел у него расстройство кишечника от отсутствия движения и нервного возбуждения. Прописал диету, моцион и запретил принимать журналистов.

Главным вопросом заседания 2 августа была судьба Сахалина. Япония требовала Сахалин на том основании, что она якобы уже осуществляла суверенитет над некоторыми частями этого острова еще до того, когда в 1803 году на нем появились русские. По-видимому, Ю. Комура не знал, что в книге Степана Крашенинникова «Описание земли Камчатки», опубликованной в 1752 году, имелась карта, на которой Сахалин изображался в виде острова. К тому же 25 апреля 1875 года в Петербурге был подписан трактат между Россией и Японией, по которому Япония отказывалась от всех своих претензий на Сахалин в обмен на уступку ей северных островов Курильской гряды. Эти и другие факты использо-

вал С. Ю. Витте в споре с японским уполномоченным по поводу злополучного острова. «Русское самосознание никогда не примирится с тем, что территория, которой она владела много лет, у нее отнята», — заявлял он. Следовало бы помнить, что отнятие чужой территории поведет не к прочному миру между странами и народами, а к неистребимой вражде. Российской империи принадлежали безусловные права на остров Сахалин в силу первенства открытия и освоения⁸⁸. В этом духе и был составлен ответ русской делегации на пункт пятый японских условий: «Давние права России на остров Сахалин существовали уже в те времена, когда Япония не имела или по крайней мере не проявляла никаких прав собственности на большую часть этого острова. С другой стороны, Сахалин является продолжением русских владений в Азии, ибо этот остров отделен от материка проливом весьма малой глубины и шириной всего лишь в 7 верст. Ввиду этих соображений, Россия не может согласиться на уступку этого острова, но она готова признать за Японией право самой широкой эксплуатации рыбных ловел и иных торговых предприятий на этом острове...»⁸⁹

После двухчасовых прений выяснилось, что никто не может уступить и соглашение по этому вопросу недостижимо. По предложению Ю. Комура перешли к обсуждению следующих пунктов.

В парке, окружавшем здание, где шли переговоры, в особом павильоне играл оркестр. «Вообще американцы, видимо, стараются нас развлечь и облегчить нашу работу. Так, например, чтобы упростить сношения зала конференции с гостиницей, они провели отдельную телефонную линию»⁹⁰.

3 августа пришли к соглашению по всем главным пунктам японских требований. Россия уступила полностью, оставив свои уступки рядом условий, которые были в основном приняты японской стороной. «Интересно наблюдать, как держат себя наши и японские уполномоченные. Барон Ю. Комура говорит отдельными фразами, по-видимому, по обдуманному плану, справляясь по лежащей перед ним программе, по временам останавливаясь, чтобы секретарь мог перевести. Витте же говорит залпом, часто повторяясь, так что переводчику трудно за ним уследить; в тоне речи много чувства и патетических выражений. Во время заседаний он встает, ходит по комнате, жует бумагу и обращается к Розену. Следующие пункты японских требований неприемлемы; скоро, значит, выяснится, чем окончится Портсмутское совещание. До сих пор заседания наши носили дружелюбный характер. Невозмутимее всех Такахира и барон Розен. Пер-

вый говорит лишь по приглашению барона Ю. Комура и курит папиросу за папиросой, второй не выступает, кроме случаев, когда ему кажется, что секретари неточно переводят. Взаимное раздражение обнаружилось, когда обсуждался корейский вопрос и вопрос об эвакуации (Маньчжурии. — С. И.). Когда Витте недоволен, он начинает ерзать на стуле, закидывать ногу на ногу и вертеть ступней. Барон Ю. Комура хладнокровнее; его неудовольствие выражается в том, что он с силой стряхивает пепел с папиросы, стуча об стол пальцами, и говорит резче. На втором или третьем заседании Витте спросил чаю, на следующий день японцы последовали его примеру. Теперь пьют чай почти каждый день, впрочем, одни послы. Секретарям не полагается. Да это было бы и невозможно, так как приходится писать не отрываясь. Когда стемнело, Витте захотел сам зажечь электрические люстры. Это представляло некоторые затруднения, так как лампы высоки, и ему пришлось вытянуться во весь рост, чтобы захватить шнуры. Барон Ю. Комура и остальные с интересом следили за этой операцией, видимо, завидуя росту нашего посла»⁹¹.

4 августа приступили к обсуждению требований о возмещении русской стороной японских военных расходов. Русская делегация заявила категорический отказ, указав, что на Парижском конгрессе, после взятия англичанами и французами русского города Севастополя, вопрос о военном вознаграждении даже не поднимался. «Только побежденные страны возмещают военные издержки. Россия же не побеждена. Никакое государство не может признать себя таковым, когда его территория едва затронута неприятельским нападением. Даже если бы Япония завладела всей приморской областью, жизненные силы России не были бы нисколько затронуты, она продолжала бы борьбу. Только в том случае, если бы победоносные японские войска вторглись внутрь России, народ мог бы понять возможность возбуждения вопроса о возмещении военных издержек...»⁹² Каждый свой отказ русская делегация сопровождала предложением компромисса. На сей раз она согласилась компенсировать расходы на содержание военнопленных и т. п. Пункты 10 и 11 были отложены ввиду разногласий.

В тот памятный день первый уполномоченный направил в Петербург 8 телеграмм. В последней он намекал на необходимость уступок японцам, ибо они, по его мнению, ни за что не откажутся ни от Сахалина, ни от контрибуции. «Ввиду бесконечной важности предмета мне кажется, что необходимо еще раз взвесить положение и принять срочное ре-

шение. Для меня несомненно, — писал С. Ю. Витте, — что продолжение войны будет величайшим бедствием для России»⁹³. Признавая важным не уступать в вопросе о контрибуции, он предлагал пожертвовать Сахалином, тем более что он в руках японцев и выручить его не представляется возможным. На телеграмме император Николай раздраженно написал: «Сказано было — ни пяди земли, ни рубля уплаты военных издержек. На этом я буду стоять до конца».

По-видимому, тогда же С. Ю. Витте заготовил депешу на имя императора о провале переговоров: «Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что, к прискорбию, мирные переговоры не увенчались успехом. Докладываю об этом с болью в сердце, так как глубоко сознаю, как важен и желателен мир для России и для всего света, с каким бы облегчением вздохнуло человечество без различия государств, народов и рас, если бы ужасы войны сменились благословенною тишиною...»⁹⁴ Черновик ее написан рукой И. П. Шипова, затем текст был переписан набело и в таком виде сохранился в бумагах русской делегации.

Когда 5 августа русские делегаты прибыли из гостиницы на катере к месту переговоров, японцы были уже в сборе. Начиная заседание, барон Ю. Комура сообщил, что русская редакция статьи об ограничении русских военно-морских сил на Дальнем Востоке не удовлетворяет японское правительство. Поскольку японское предложение русской делегацией отклонено, он предложил совсем отложить обсуждение этой статьи, о чем занести в протокол, и перейти к обсуждению последней, 12-й статьи японских мирных предложений. «Затем барон Ю. Комура молча передал Витте какой-то документ. Прочтя бумагу, Витте сказал: “Я хочу сказать несколько слов барону Комуре и прошу вас, гг. секретари, удалиться”. Секретное совещание уполномоченных продолжалось до половины первого. Когда Витте выходил из совещательной комнаты, то имел довольный вид. Он поручил мне сообщить прессе, что в утреннем заседании обсуждался 11-й пункт и что, не приходя к соглашению, конференция будет продолжать обсуждение»⁹⁵.

Вечером И. А. Коростовец узнал от барона Р. Р. Розена, что именно было в той бумаге, которую Ю. Комура передал С. Ю. Витте. Там было предложение компромисса. Японцы выражали готовность отказаться от требования выдачи судов в нейтральных портах и ограничения морских вооружений на Дальнем Востоке в обмен на половину Сахалина плюс 1 млн 200 тыс. иен в качестве компенсации за возвращение России северной его части⁹⁶. Японские предложения, судя

по всему, приглянулись С. Ю. Витте, и он обещал проконсультроваться с Петербургом.

6 августа министр иностранных дел В. Н. Ламздорф довел до сведения первого уполномоченного содержание царской резолюции на его телеграмме от 4 августа. Она привела С. Ю. Витте в состояние, близкое к паническому. На имя В. Н. Коковцова полетела зашифрованная телеграмма: «Совершенно личное. Настоящий момент Петербург должен решить вопрос войны или мира. Необходимо экстренное, но мудрое, твердое решение, ввиду громадной ответственности перед потомством. Усердно прошу вас употребить все усилия, чтобы решение последовало экстренно, но по совещании с нашими мудрейшими государственными деятелями, главным образом, графом Сольским и Победоносцевым. Телеграмму эту можете показать только Сольскому. Надеюсь вашу энергию и молчание»⁹⁷.

В телеграмме В. Н. Ламздорфу он написал: «...Считаю, что дальнейшие переговоры будут совершенно бесполезны»⁹⁸.

6 и 7 августа был перерыв в заседаниях. 6 августа барон Р. Р. Розен был срочно вызван к президенту США. Выяснилось, что Т. Рузвельт предложил свое посредничество. Утро 8-го прошло в лихорадочном ожидании ответа из Петербурга на последнее предложение японцев и компромиссный план Рузвельта. Репортеры пытались проникнуть к С. Ю. Витте, и слугам с большим трудом удалось отстоять неприкосновенность его жилища.

В утренних газетах была напечатана телеграмма из Лондона с известием, что на совещании в Петергофе японские предложения были отвергнуты. Днем оба главных уполномоченных от России в сопровождении И. А. Коростовца ездили в купальное местечко Йорк-Бич и там провели в разговорах большую часть дня. «По возвращении в гостиницу нашли телеграмму графа Ламздорфа с подтверждением лондонского известия о решении в Петербурге признать японские предложения неприемлемыми. Таким образом, дело идет, по-видимому, к прекращению конференции. Витте отнесся к этому известию наружно совершенно хладнокровно и ушел обедать в свою комнату»⁹⁹.

Поползли слухи: кто-то сообщил, что японцы вернули гостинице взятый напрокат несгораемый шкаф; другой — что И. П. Шипов и еще кто-то из членов русской делегации забрали свое белье из стирки.

9 августа в 10.30 Витте, Розен и Набоков направились для встречи со специальным посланником президента. Заседание конференции было перенесено на 10 августа под пред-

логом, что протоколы для подписания еще не были подготовлены. С. Ю. Витте наружно держался просто, самоуверенно, всех принимал, всех выслушивал, отвечал на все вопросы и всем импонировал своим умственным превосходством. Можно только догадываться, какие кошки скребли у него на душе — в инструкции, полученной С. Ю. Витте 9 августа, ему предписывалось прекратить переговоры, если японцы не откажутся от своих «чрезмерных притязаний». Однако в качестве мотивировки разрыва переговоров предлагалось выставить не требование уступки Сахалина, а притязания на контрибуцию. Идеей, подкинутой ему из Петербурга, первый уполномоченный российской делегации блестяще воспользовался.

10 августа, перед началом заседаний, он составил телеграмму графу В. Н. Ламздорфу в ответ на вчерашнюю, обращая его внимание на то, что в случае отказа от компромисса, предложенного японцами, против России будет все общественное мнение Европы и Америки. Содержание телеграммы было доведено до сведения русской делегации, после чего С. Ю. Витте поставил на голосование вопрос: посылать ее или нет? Против был лишь барон Р. Р. Розен. Телеграмма была отправлена.

На заседании барон Ю. Комура передал С. Ю. Витте официальное предложение последних возможных уступок, сделанных еще 5 августа частным образом. Обсуждая тему, С. Ю. Витте вроде невинно спросил своего визави, как бы он отнесся к тому, если бы Россия отказалась от острова, а Япония — от контрибуции. Ю. Комура ответил, что военное вознаграждение необходимо при любых обстоятельствах. Маневр С. Ю. Витте оказался очень удачным — в случае разрыва переговоров весь мир бы увидел, что Япония воюет только ради денег, а вовсе не из тех возвышенных принципов, которые ею неоднократно декларировались. Следующее заседание было отложено до 13 августа.

«Вечером Витте спустился в гостиную, чтобы послушать игру Ганзена на рояле. Это настоящий артист! Американцы, видя, что в гостиной одни русские, остались на террасе и слушали музыку через окна, несмотря на то, что мы приглашали их войти»¹⁰⁰.

Получив телеграмму с запрещением дальнейших уступок, С. Ю. Витте решил, что заседание 13 августа будет последним. Утром 13 августа он позвал секретаря делегации и поручил ему заплатить по счетам гостиницы, так как он полагал, что переговоры окончатся разрывом и придется уезжать.

Заседание началось около 2 часов с совещания послов.

«Когда нас позвали в зал, Витте казался сумрачным. Японцы же имели довольный вид»¹⁰¹. Комура было объявлено, что японское предложение о последнем возможном компромиссе отвергнуто. В ответ на вопрос Комуры, на что бы они согласились, Витте и Розен по своей инициативе заявили: щедрая компенсация за содержание военнопленных, лечение раненых и больных плюс половина Сахалина без какого бы то ни было вознаграждения. Русские уполномоченные предупредили, что они пришли на заседание, чтобы прервать переговоры. Из объяснений С. Ю. Витте на закрытом совещании уполномоченных Ю. Комура сделал вывод, что надежды на изменение царского решения нет никакой¹⁰². Николай II, похоже, верил, что русская армия в Маньчжурии сильнее японской и что победа не за горами. Ю. Комура еще не было известно, что в тот самый день Николай II принял американского посланника, которому удалось склонить русского императора к уступке половины Сахалина без контрибуции.

Получив инструкции из Токио, Ю. Комура попросил перенести заседание на 15 августа, затем попросил еще один день отсрочки — ему нужно было снестись со своим правительством. Передавая телеграмму для шифровки, С. Ю. Витте заметил: «Был уверен, что завтра уедем в Нью-Йорк, а пришлось остаться еще на два дня. Но все равно, в понедельник разедемся, хотя они, верно, сократят свою претензию и потребуют только 600 миллионов (вместо миллиарда 200 миллионов назначенных раньше)»¹⁰³.

«Вообще в воздухе чувствуется неуверенность, которая поддерживается загадочным поведением японцев, которые, как всегда, непроницаемы. Да и с нашей стороны, по-видимому, стараются создать впечатление, что конференция лопнула», — записал в дневник И. А. Коростовец 14 августа. Глава русской делегации заявил корреспондентам, что дальнейших уступок Россия сделать не может и что бессмысленно оттягивать решение, которое все равно придется принять.

15 августа перед обедом русские уполномоченные вновь ездили гулять в Йорк-Бич. «Это сделалось излюбленным местом прогулок С. Ю. Витте, куда он скрывается от журналистов и, кажется, от своих собственных секретарей»¹⁰⁴.

Барон Р. Р. Розен был доволен ходом переговоров, чего не скажешь о С. Ю. Витте. Первый уполномоченный русской делегации пребывал в отчаянии. До самой последней минуты у него не было уверенности, будет заключен мир или нет. «Я был убежден в том, — писал он спустя некото-

рое время, — что мир для нас необходим, так как в противном случае нам грозят новые бедствия и полная катастрофа, которая может кончиться свержением династии, которой я всегда был и ныне предан до последней капли крови, но, с другой стороны, как-никак, а мне приходилось подписать условия, которые превосходили по благоприятности мои надежды, но все-таки условия не победителя, а побежденного на поле брани. России давно не приходилось подписывать такие условия; и хотя я был ни при чем в этой ужасной войне, а, напротив того, убеждал государя ее не затевать, покуда он меня не удалил, чтобы развязать безумным шовинистам руки, тем не менее судьбе угодно было, чтобы я явился заключателем этого подавляющего для русского самолюбия мира, и поэтому меня угнетало тяжелое чувство. Не желаю никому пережить то, что я пережил в последние дни в Портсмуте. Это было особенно тяжело потому, что я уже тогда был совсем болен, а между тем должен был все время быть на виду и играть роль торжествующего актера»¹⁰⁵.

Состояние С. Ю. Витте все эти последние дни — 10—15 августа — отражает телеграмма, посланная им В. Н. Коковцову 11 августа: «Передайте совершенно лично графу Сольскому и Трепову следующее: думая всегда о пользе моего государя, не считаю себя вправе скрыть от вас, что, по моему убеждению, для пользы государя было бы весьма важно, чтобы окончательные решения его величества относительно мирных условий были приняты в совещании под председательством государя, с участием хотя бы некоторого числа видных представителей сословий»¹⁰⁶.

Исполнительный В. Н. Коковцов выполнил поручение: председателю Государственного совета была направлена депеша с экстренным курьером, а с петербургским генерал-губернатором министр финансов переговорил лично. Д. Ф. Трепов заявил, что он решительно не вправе передавать предложение Витте императору, тем более что последнее его слово было уже им сказано в двухчасовой беседе с американским посланником. Помимо того, съехидничал Д. Ф. Трепов, он решительно не представляет себе, о каких видных представителях сословий идет речь и как можно отсрочить передачу японцам окончательного решения на то время, которое необходимо на созыв сословных представителей и совещание с ними. «Для личного сведения Вашего сообщаю, что вчера на всеподданнейшем моем докладе государь император прямо мне сказал, что готов уступить южную половину Сахалина, но ни в коем случае не согласен на выкуп северной, ибо, по его словам, всякий молодец поймет, что это —

контрибуция». Министр финансов спрашивал у него указаний насчет того, должен ли он показать его телеграмму вместе с собственным ответом императору.

Спохватившись, на следующий день, 12 августа, С. Ю. Витте послал В. Н. Коковцову еще одну телеграмму: «...Прошу не представлять государю мою телеграмму, так как она совершенно частная и касается внутренней политики. Очень сожалею, что она не была понятна — но согласен, что при нашей неподвижности моя мысль, вероятно, не может быть осуществлена своевременно»¹⁰⁷.

Эпизод с телеграммой С. Ю. Витте от 11 августа в мемуарах В. Н. Коковцова был изложен совершенно иначе. О содержании телеграммы он якобы узнал от графа Д. М. Сольского, когда тот пригласил В. Н. Коковцова прибыть к нему по очень спешному делу. У Сольского он застал министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа, который высказался совершенно отрицательно по поводу предложения С. Ю. Витте. «Мнение Сольского было тождественно по существу, но шло еще гораздо дальше с точки зрения простой невыполнимости намеченного предложения. По его словам, переговоры в Портсмуте и без того настолько затянулись, что еще на днях была получена телеграмма от нашего главного уполномоченного с извещением, что президент Рузвельт начинает терять терпение. Созыв совещания, даже если бы он мог быть допущен и осуществлен, настолько замедлил бы ответ России, что вся ответственность за неразрешение вопроса падала бы неизбежно на нее, и это одно делает мысль Витте неприемлемой. Еще более неосуществимым кажется самый выбор участников совещания и выработка каких-либо справедливых и приемлемых для общественного мнения оснований для участия в таком небывалом совещании.

Особенно подробно останавливался граф Сольский на соображениях об особой щекотливости применения такого приема в данном случае и решительно поддержал графа Ламздорфа в его резко отрицательном отношении к поднятому вопросу. Он просил нас обоих составить совместно краткое изложение высказанных мнений и представить его в письменной форме не далее как завтра утром непосредственно государю с тем, чтобы он имел возможность обдумать все высказанное и принять свое решение.

Вечером того же дня (12 августа) содержание телеграммы С. Ю. Витте и мнение, высказанное нами тремя по ее содержанию, было передано графу Сольскому и отвезено за общими нашими подписями в Петергоф»¹⁰⁸.

Трудно сказать, зачем В. Н. Коковцову нужно было так исказить действительную картину событий. Вполне вероятными представляются две вещи: так или иначе, но о содержании телеграммы С. Ю. Витте от 11 июля узнал царь, и к этому был причастен В. Н. Коковцов, хотя, как видно из подлинного ее текста, она была совершенно личной. Отсюда становятся понятными и крутая перемена в отношении С. Ю. Витте к своему бывшему сослуживцу после Портсмута, и те резкие характеристики, которые были им даны В. Н. Коковцову в «Воспоминаниях». «Коковцов — это тип петербургского чиновника, прошедший всю жизнь в бумажной петербургской работе, в чиновничьих интригах и угодничестве... Коковцов — человек рабочий, по природе умный, но с крайне узким умом, совершенно чиновник, не имеющий никаких способностей схватывать финансовые настроения, т. е. способности государственного банкира. Что касается его моральных качеств, то он, я думаю, человек честный, но по натуре карьерист, и он не остановится ни перед какими интригами, ложью и клеветой, чтобы достигнуть личных карьеристических целей». Другими словами, пузырь, «...наполненный петербургским чиновничьим самолюбием и самооболащиванием»¹⁰⁹.

* * *

Последнюю ночь накануне решающего дня С. Ю. Витте не спал — провел ее «...в какой-то усталости, в кошмаре, в рыдании и молитве»¹¹⁰. Он чувствовал бы себя гораздо лучше и, вероятно, крепко спал бы в ту ночь, если бы знал или хотя бы догадывался, какие инструкции получил перед отъездом в Портсмут Ю. Комура и что творилось в то самое время в высшем японском руководстве.

Положение японской делегации на переговорах было куда сложнее, чем русской. Общественное мнение Японии было самым решительным и категорическим образом настроено в пользу продолжения войны до полной и окончательной победы над Россией. Мир признавался только на основе возмещения сделанных Страной восходящего солнца военных расходов и больших территориальных уступок со стороны России вплоть до передачи Японии всего Уссурийского края с Владивостоком в придачу. Требование контрибуции считалось одним из главных наряду с Кореей и Маньчжурией. Огромная сумма, выплаченная Японии побежденным Китаем, вдохновляла это требование. Высказывалось опасение, что если убытки не будут возмещены, то военные на-

логи не уменьшатся, ибо не на что будет восстанавливать послевоенную экономику и нечем будет погашать займы, сделанные за границей.

Позиция правящих кругов была совершенно иной. 5 июля император утвердил инструкции своим представителям на переговорах. Список требований, которые надлежало предъявить России, был разделен на три части: «абсолютно необходимые требования», «относительно важные требования» и «дополнительные требования»¹¹¹. К первым относилось признание Россией за Японией полной свободы рук в Корее; вывод войск из Маньчжурии в установленные сроки с одновременным выводом японских войск; передача Японии всего Ляодуна с железной дорогой между Харбином и Порт-Артуром. В ряду требований второй степени важности первое место занимало возмещение Россией военных расходов Японии. Сумма должна быть установлена в ходе переговоров. Дополнительных требований было всего два: ограничение военно-морской мощи России на Дальнем Востоке и превращение Владивостока в мирный торговый порт¹¹².

После того как было получено сообщение об отказе России принять компромиссный вариант, предложенный 10 августа Комурой русской делегации, 14 августа состоялось совещание гэнро (совета старейшин), правительства и высших военачальников в присутствии императора. Ему было доложено: иного решения, кроме заключения мира, не существует. Японскому уполномоченному на переговорах была направлена телеграмма: принять русские предложения.

Ю. Комура был сильно разочарован, члены его делегации выглядели подавленными. Буквально накануне совещания японского руководства Ю. Комура послал еще одну телеграмму, в которой сообщал, что, хотя сам по себе С. Ю. Витте ищет мира, царь находится под влиянием группировки, желающей продолжения войны. С. Ю. Витте, по словам Комуры, дал ему понять, что Россия отказывается не только платить контрибуцию, но и уступать хотя бы часть Сахалина. Поэтому Японии ничего не остается делать, как продолжать войну до тех пор, пока не появится другая возможность для заключения мира. Японский историк Сьюмпей Окамото полагает, что телеграмма Комуры по неизвестной причине не попала на совещание высшего японского руководства¹¹³.

Ю. Комура совсем было уже приготовился к отъезду и 13 августа даже выписал чек на 20 тыс. долларов в пользу благотворительного фонда города Портсмута в знак признательности американскому народу и жителям города за проявленное гостеприимство. Но все повернулось иначе.

В ночь на 16 августа С. Ю. Витте получил телеграмму от графа В. Н. Ламздорфа с категорическим приказом царя прервать переговоры. С. Ю. Витте в своем ответе подчеркнул, что если русская делегация уедет, не выслушав нового предложения японцев, то Россию обвинят в желании вести войну во что бы то ни стало. У И. А. Коростовца сложилось впечатление, что Витте продолжал думать, что мир, даже на тех условиях, которые предлагали японцы, для России гораздо выгоднее войны. «Настроение среди корреспондентов повышенное. Они считают разрыв вероятным. Нас уже обвиняют в неуступчивости, вызванной как будто известиями от генерала Линевича»¹¹⁴.

Когда 16 августа русская делегация приехала на переговоры, японцы ее уже ждали. Заседание началось около 10 часов с секретного совещания послов. В комнате русской делегации обсуждали создавшееся положение, секретари шифровали телеграммы. Как раз накануне С. Ю. Витте передал зашифрованную заранее телеграмму о разрыве переговоров, будучи уверен, что таковой неизбежен.

«Часов в одиннадцать Витте вышел из зала совещания; он был красен и улыбался. Остановившись посреди комнаты, он взволнованным голосом сказал: “Ну, господа, мир, поздравляю, японцы уступили во всем”. Слова эти прорвали плотину светских условностей. Все заговорили вместе, перебивая друг друга, пожимали руки, обнимались. Витте поцеловал меня и некоторых моих товарищей. Довольны были все, даже барон Розен, не сочувствовавший последнему компромиссу, утратил свойственное ему бесстрашие и улыбался, говоря: “Молодец Сергей Юльевич”. Минут 10 продолжался оживленный говор, после чего Витте отправил телеграмму Ламздорфу и мы все вошли в зал заседаний». Наступил самый ответственный миг переговоров.

Японцы выглядели совершенно невозмутимыми, как будто ничего не произошло и не было сделано столь важного заявления. Ю. Комура открыл заседание предложением дать официальный ответ на японское заявление, сделанное 10 августа. Первый уполномоченный от России прочел ответную ноту с отказом от выкупа северной части острова Сахалин.

«На несколько секунд воцарилось молчание. Витте, по обыкновению, отрывал кусочки от лежавшего перед ним листа бумаги, Розен сосал папиросу, Набоков смотрел на Витте. Барон Комура прервал молчание и совершенно спокойным голосом сказал, что японское правительство, стремясь восстановить мир и привести к успешному концу перегово-

ры, изъявляет согласие на предложение России разделить Сахалин пополам без уплаты денежного вознаграждения. Витте тотчас же ответил, что он принимает японское предложение и что демаркационной линией на Сахалине будет считаться пятидесятый градус.

Это был решающий момент переговоров. Хотя мне говорили еще накануне о намерении японцев отказаться от вознаграждения, но этому как-то плохо верили, и можно сказать, что уступка Японии явилась неожиданностью»¹¹⁵.

Вечерние газеты вышли с сенсационными заголовками о мире между Россией и Японией, с портретами членов конференции. С. Ю. Витте превозносили до небес за достигнутый им дипломатический успех, Т. Рузвельта — за проявленное им миролюбивое посредничество, а японцев — за их великодушие. «Последнее, по-моему, несколько обидно для нашего самолюбия и к тому же несправедливо»¹¹⁶, — заметил И. А. Коростовец.

И. П. Шипов в телеграмме министру финансов от 16 августа признавался, что «...полное согласие японцев для всех здесь совершенная неожиданность. Все было готово к нашему отъезду. Ожидали условного телефонного сообщения для окончательных сборов»¹¹⁷.

Договор несколько ухудшил стратегическое положение русских сил на Дальнем Востоке. В нарушение царской инструкции в текст договора была вставлена статья 7, по силе которой стороны обязывались эксплуатировать принадлежавшие им в Маньчжурии железнодорожные линии исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никоим образом не стратегических. Ограничение это не касалось дорог на арендованном Японией Ляодунском полуострове. Следовательно, военные грузы теперь уже не могли переправляться по КВЖД в направлении Владивостока.

Похоже, что августейший начальник С. Ю. Витте совсем не обрадовался, когда в ночь на среду 17 августа пришла телеграмма с извещением о подписании мира. «Весь день ходил как в дурмане после этого». На следующий день Николай II записал в личный дневник: «Сегодня только начал осваиваться с мыслью, что мир будет заключен и что это, вероятно, хорошо, потому что так должно было быть! Получил несколько поздравительных телеграмм по этому поводу...» Но всеобщее ликование по поводу мира не исправило удрученного настроения повелителя 140 миллионов россиян. Запись в дневнике от 25 августа: «В 2 1/2 часа во дворце начался выход к молебну по случаю заключения мира. Должен сознаться, что радостного настроения не чувствовалось!»¹¹⁸

Ранняя осень — «бабье лето» — прекрасная пора для беззаботного времяпрепровождения. Император Николай II никогда не упускал случая отдохнуть на природе от государственных дел. Так было и в 1905 году. Погрузившись с семьей на яхту «Штандарт», он направился в финляндские шхеры. 17 сентября к нему на военном корабле с отчетом прибыл С. Ю. Витте, вернувшийся в Петербург из-за границы днем ранее (16 сентября). Император выразил ему признательность за успешное завершение труднейших переговоров, объявил, что возводит С. Ю. Витте в графское достоинство, и пригласил к высочайшему обеду. Новоиспеченный граф в порыве благодарности целовал монарху руку.

С. Ю. Витте был доволен царской милостью и не протестовал, когда его величали «ваше сиятельство». Матильду Ивановну он при всяком удобном случае именовал графиней. Радость от монаршей милости подпортили ненавистники — они принялись величать его «графом Полу-Сахалинским».

«Этот тон стали проводить и некоторые военные царедворцы, различные генерал-адъютанты, флигель-адъютанты и просто генералы и полковники, одним словом, военная дворцовая челядь, которая делает свою военную карьеру, занимаясь дворцовыми кухнями, автомобилями, конюшнями, собаками и прочими служительскими занятиями. Этот тон был весьма на руку тем военачальникам, которые шли на войну для хищений и разврата, и в особенности для главных виновников нашего военного позора — генерала Куропаткина “с душою штабного писаря”, и старой лисицы, никогда не забывающего своих материальных выгод, — генерала Линеви́ча, недурного фельдфебеля для хорошей роты, ведущей партизанскую войну на Кавказе»¹¹⁹.

Из намерений С. Ю. Витте отдохнуть и полечиться за границей ничего не вышло — обстановка в стране приняла уже опаснейший оборот. Возвращение его на родину совпало с началом невиданных в истории России политических потрясений. После указа, даровавшего университетам автономию, высшая школа забурлила — в стенах учебных заведений начались ежедневные митинги с выдвижением самых радикальных политических требований. В них участвовали как студенты, «...так еще в большей степени рабочие, настоящие или подложные, учителя, чиновники, лица в военных мундирах, в том числе нижние чины, курсистки, дамы, а также публика, даже из высшего общества, которая приходила дивиться таким необычным представлениям и энерви-

роваться, т. е. получать особые психические ощущения, подобные тем, которые получаются от шампанского, боя быков, скабрёзного представления и проч.»¹²⁰.

19 сентября забастовку с экономическими требованиями объявили рабочие самой крупной в Москве типографии И. Д. Сытина. Вслед за ними забастовали рабочие всех типографий, и 24 сентября газеты вообще не вышли. Затем пошло по нарастающей — стачку объявили рабочие и служащие мебельных, табачных фабрик, коммунальных предприятий. К ним присоединились металлисты. Господствовали политические лозунги. Частные экономические требования были задвинуты на второй план.

С. Ю. Витте своим быстрым умом понял, что главная и самая большая опасность заключается в том, что «...вся Россия была недовольна существующим положением вещей, т. е. правительством и действующим режимом»¹²¹.

6 октября с забастовки рабочих мастерских Общества Казанской железной дороги в Москве началась Всероссийская октябрьская политическая стачка. По стечению обстоятельств как раз в этот самый день председатель Комитета министров граф С. Ю. Витте, побуждаемый к тому председателем Государственного совета графом Д. М. Сольским, ходатайствовал о высочайшей аудиенции для изложения соображений о возможных путях выхода из крайне тревожного политического положения. Ответ на ходатайство был получен лишь через сутки — 8 октября — и, по-видимому, неспроста, так как в тот день прекратилось движение пассажирских и товарных поездов на всех дорогах Московского железнодорожного узла, кроме Николаевской. Даже до императора, изолированно жившего с семьей в загородной резиденции, наконец-то дошло, что дела в стране идут все хуже и хуже.

9 октября в 18.00 председатель Комитета министров «имел счастье» явиться к императору и в беседе поставил царя перед выбором: либо встать на путь политических реформ, либо найти подходящего человека, облечь его диктаторскими полномочиями, «...дабы с непоколебимой энергией путем силы подавить смуту во всех ее проявлениях»¹²². В качестве кандидатов в диктаторы были предложены адмирал Н. М. Чихачев и граф А. П. Игнатьев. Реформы представлялись С. Ю. Витте наиболее подходящими обстановке, и он предложил императору обсудить детали с высшими сановниками империи и членами царской семьи.

Накануне, 8 октября, управляющий делами Комитета министров сенатор Н. И. Вуич подготовил «Всепоподданней-

шую записку» с изложением общего плана преодоления глубочайшего политического кризиса. «Записка» составлялась по указаниям С. Ю. Витте; он читал и самолично правил ее текст. На следующий день документ редактировался, затем был переписан набело в двух экземплярах в канцелярии Комитета министров и 9 октября вручен адресату — императору Николаю II. «Записка» была первым программным политическим документом, вышедшим из-под пера С. Ю. Витте и уже поэтому заслуживает того, чтобы на ней остановиться настолько подробно, насколько это возможно в биографической книге.

Главная тема «Записки» — обоснование необходимости самых серьезных реформ в области государственного устройства и управления. Государство как общественный институт, объяснял С. Ю. Витте императору, абсолютной ценностью не обладает, поскольку его главная функция по своему существу чисто служебная, а именно: обеспечение «моральных и реальных жизненных благ». Первые включают в себя разнообразные проявления поступательного развития «свободного по природе человеческого духа»; вторые слагаются из совокупности экономических условий существования человеческих индивидов. И то и другое требует в качестве необходимой предпосылки установление гражданской свободы — «...обращения естественной свободы лица в свободу, регулирующую и ограничиваемую объективными нормами права»¹²³. Во имя права и создается государство; главное его предназначение как раз состоит в защите права. Что касается конкретных форм государственного устройства — абсолютных либо конституционных монархий и республик, — то они носят преходящий, исторический характер.

Но в истории человечества нередко случается так, что формы жизнедеятельности отрываются от его содержания, отвердевают и приобретают самостоятельное бытие. «Получается требование прямого служения: самодержавию, конституции, республике и пр.; содержание, обусловившее образование форм, уходит куда-то назад. Во всей мощи выступают одни формы, и содержание, т. е. цель гражданской свободы, начинает оцениваться как явление служебное, как их результат»¹²⁴. Право становится на охрану данного строя и данного способа управления. Форма начинает торжествовать над содержанием жизни, над ее идеей.

Но идея, продолжает свою мысль С. Ю. Витте, никогда не умирает: «Если форма, ставшая внешним фактом, своей реальной силой не дает ей гореть во всем блеске, она теплится, как раскаленный уголь в груде золы. Повеет ветром —

уголь вспыхнет ярким пламенем. Пойдет дождь — он снова будет мерцать едва заметно до новой вспышки»¹²⁵.

Борьба русского народа за свою свободу началась не год назад — заявил автор «Записки». Ее корни он обнаружил в глубине веков: в средневековом Новгороде, церковном расколе, запорожском казачестве, протестном движении в эпоху петровских преобразований, «бунте» декабристов, петрашевцах, «великом акте» 19 февраля 1861 года, а если говорить в общем, то в природе всякого человека. «Человек всегда стремится к свободе. Человек культурный — к свободе и праву; к свободе, регулируемой правом и этим правом обеспечиваемой»¹²⁶.

Крайние политические воззрения существовали и будут всегда существовать. Хотя сами по себе они опасны, но если власть имеет опору в широких слоях общества, то они не могут влиять на бытие и целостность государства и общества. Нынешнее Российское государство эту опору утратило. Законодательные акты 6 августа 1905 года запоздали, более того, они не сопровождались изменениями в управлении государственными делами. «Общественная мысль вознеслась над землею и рвется в облака». Радикальные политические требования дошли до крайних пределов: всеобщего избирательного права, национализации земли, социалистического переустройства государства и т. д. вплоть до преобразования России на началах федерализма¹²⁷.

Глубоко ошибаются те, внушал С. Ю. Витте царю, кто обольщается надеждами на то, что общественное движение удастся задавить полицейскими мерами, как это было в 80-е годы; те, кто надеется на поддержку темных крестьянских масс в борьбе против революционной смуты. Крестьяне пассивны, инертны и потому надежной опорой престолу быть не могут — сегодня они за царя, а завтра во имя царя они сметут все то, на чем держится царский трон. «Полицейская же репрессия остановить идейное движение бессильна. Больше, что она может сделать, — это придавить и заглушить проявления движения вовне, то есть загнать болезнь вовнутрь»¹²⁸.

Рассчитывать на повторение ситуации 1881 и 1882 годов — опасное самообольщение. Времена уже не те. Если реакция тогда и восторжествовала, утверждает С. Ю. Витте, то единственно потому, что нашла себе опору в общественном настроении. В тот момент научная мысль находилась в упадке. «Конституционализм подвергался суровой критике. Социалистические тенденции громко протестовали против индивидуальной свободы. Экономические проблемы заглу-

шали правовые. Абсолютизм не встречал теоретического отрицания. Ныне, спустя двадцать лет, условия совершенно иные. Ожидать переворота в общественном сознании нельзя. Напротив, все говорит за то, что такой переворот наступить не может»¹²⁹.

Русско-японская война явилась суровым и беспощадным экзаменом всему российскому государственному устройству. Власть этот экзамен не сдала — началась революция. Что же делать? Задача, вставшая перед правительством, неимоверно трудна. Настолько трудна, что даже способы решения ее автору «Записки» не видны. Можно наметить лишь некоторые общие принципы будущей внутренней государственной политики. И тут С. Ю. Витте переходит к самому главному.

То правительство, которое плетется в хвосте событий или же само этими событиями направляется, неминуемо приведет державу к верной гибели. Оно должно не фиктивно, а реально руководить страной под лозунгами гражданской свободы. «Ход исторического прогресса неудержим, — предупреждает царя С. Ю. Витте. — Идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформ, то путем революции»¹³⁰. Сам С. Ю. Витте, понятное дело, за реформы. Правительству нужно, как это было в 50-е годы XIX века, встать во главе общественного движения, похитив у революции ее лозунги.

Какие? Во-первых, нужно устранить административный произвол, основанный на самых разнообразных временных и исключительных законоположениях. Во-вторых, требуется дать населению гражданские свободы: совести, слова, собраний и союзов; свободу личности. Наконец, в-третьих, необходимы такие преобразования в государственном устройстве, которыми бы дарованные свободы гарантировались. «Государственная власть должна вступить на путь конституционный» — эту фразу можно считать лейтмотивом политической программы С. Ю. Витте¹³¹.

Положение о выборах 6 августа 1905 года создало несколько искусственную систему народного представительства: сословный и имущественный цензы были скомбинированы неудачно, целые группы населения (промышленные рабочие и др.) вовсе лишались избирательного права. Избирательную систему настоятельно требуется реорганизовать, включив в программу работ правительства подготовку к введению в стране всеобщего избирательного права. Но этого мало. Нужно пойти навстречу тем требованиям, которые идут из самой толщи народной жизни.

Для рабочих подойдут законодательное нормирование рабочего дня, государственная система страхования, примирительные камеры и т. п. Аграрный вопрос ввиду его крайней остроты, нуждается в безотлагательном и радикальном решении. По счастью, лозунг расчленения России на автономные провинции не успел еще пустить глубоких корней. Поэтому, говорит С. Ю. Витте, идея государственного единства страны в части внешних сношений, военной организации, денежной системы, таможен, налогов и сборов на общие потребности, уголовного законодательства, единого народного представительства должна быть громко провозглашена правительством. Этой идее ничуть не противоречит ни особое устройство Финляндии, ни автономия десяти польских губерний, может быть, Грузии, других частей Кавказа и т. п.¹³²

Автор «Записки» не видит, какой окажется физиономия будущей Думы. Он ни слова не говорит о возможном расширении ее прав. Но и при весьма ограниченных полномочиях народного собрания С. Ю. Витте считал весьма опасным предоставлять ее самой себе. «Отсюда вытекает первая ближайшая задача правительства: обставить дело так, чтобы выборы действительно производились честно и чтобы свободное их производство было для всех ясно...»¹³³ Престиж Думы должен быть поднят на надлежащую высоту между прочим еще и для того, чтобы поддержать те общественные силы, которые, отвергая принцип совещательного представительства, все же решились принять участие в выборах.

С Думой, пишет С. Ю. Витте царю, правительству следует установить самую тесную связь и живое сотрудничество. Возможно, имеет смысл пересмотреть положение о недопущении совместительства службы на министерских постах с обладанием думским мандатом. Крайне желательно сформировать правительство из популярных общественных деятелей и преобразовать Государственный совет на началах выборности. Правительство должно отвлечь Думу от опасных политических шагов путем внесения в нее неотложных законопроектов.

Вместе с тем, предупреждает С. Ю. Витте императора, совершенно очевидно, что с самого начала работа народного собрания не получит делового характера. К этому нужно относиться спокойно, как к неприятному факту действительной жизни. Государству Российскому грозит страшная опасность, а выбора у власти нет: «...или стать во главе охватившего страну движения, или отдать ее на растерзание стихийных сил. Казни и потоки крови только ускорят взрыв. За ними насту-

пит дикий разгул низменных человеческих страстей». Этими словами председатель Комитета министров закончил свое послание царю, поставив внизу дату: 9 октября 1905 года¹³⁴.

10 октября беседа проходила уже не один на один, а в присутствии императрицы Александры Федоровны¹³⁵. Больше из членов царской семьи не было никого: великий князь Николай Николаевич охотился у себя в имении, Петр Николаевич пребывал в Крыму, других же, в частности столь ценимого С. Ю. Витте за благородство и здравомыслие Владимира Александровича, просто не позвали.

Царь и царица не проронили ни единого слова, они сидели и слушали С. Ю. Витте. Россия, говорил он, являет собой страну, где неотложные реформы по установлению «разумной свободы и гражданственности» сильно запоздали. Правящий режим держался, покуда не грянула несчастная война, пошатнувшая «главное основание того режима — силу и, особенно, престиж силы, сознание силы». Теперь уже нет никаких альтернатив «крупным преобразованиям», которые смогли бы привлечь на сторону власти «большинство общественных сил»¹³⁶. Председатель Комитета министров тем не менее советовал царю не принимать решений, которые противоречили бы его убеждениям или инстинктам. Хорошо зная своего повелителя, зная, что он не обладает способностью понимать «реальную сложную обстановку», С. Ю. Витте в особенности упирал на то, что положение до такой степени болезненно, что на скорое успокоение страны рассчитывать невозможно, какой бы путь ни избрать¹³⁷. Главное, что нужно для полного успеха дела — твердо и последовательно идти по любому избранному пути, не отклоняясь в сторону и не поворачивая назад.

С. Ю. Витте применил все способы убеждения колеблющегося царя: «Прежде всего постарайтесь водворить в лагере противника смуту. Бросьте кость, которая все пасти, на вас устремленные, направит на себя. Тогда обнаружится течение, которое сможет вынести нас на твердый берег»¹³⁸.

Едва ли С. Ю. Витте был вполне искренен, произнося эту фразу (если она вообще была произнесена). Впоследствии, уже после 17 октября, обстоятельства тех бесед с царем стали достоянием прессы и наделали много шума: мысль С. Ю. Витте была интерпретирована в том смысле, что после подавления революции можно будет дать отбой реформам. Журналист газеты «Новая жизнь» Л. Львов (Клячко), давший материал на эту тему, был вызван к премьеру.

В служебной квартире С. Ю. Витте он застал форменный содом: в кабинете повсюду, не только на столе, но и на по-

лу, валялись документы и справки, в приемной ожидали многочисленные депутации, бегали курьеры. Председатель правительства отвел журналиста в соседнюю комнату и, установившись на него в упор, сказал:

«— Вот уж никак не ожидал, чтобы вы мне ставили палки в колеса.

— Вы никак не должны были ожидать, что я скрою сведения, имеющие столь важное общественное значение, — ответил я.

— Во-первых, ваше сообщение не вполне правильное, а во-вторых, вы же сами понимаете, что с этим кретином (его буквальное выражение про Николая II) иначе ничего не поделаешь.

— Тем более я должен был об этом сообщить.

— В будущем, для истории. Но сейчас вы не должны были этого делать»¹³⁹.

Относительно самого факта беседы с царем 10 октября не так давно в серьезной источниковедческой литературе были высказаны сомнения. Дело в том, что император Николай II, организованный и пунктуальный по натуре человек, на протяжении всей своей жизни вел личный дневник, где фиксировал все наиболее важные, на его взгляд, события, в том числе и прием важных посетителей. Запись о посещении С. Ю. Витте 9 октября была им сделана, а 10 октября — нет. Отсюда делается вывод: в действительности состоялась только одна аудиенция 9 октября¹⁴⁰.

На аудиенцию 10 октября как на несомненный факт указывают два свидетеля происходивших событий: управляющий делами Комитета министров Н. И. Вуич и заведующий императорским кабинетом князь Н. Д. Оболенский¹⁴¹. Их воспоминания об обстоятельствах появления на свет Манифеста 17 октября С. Ю. Витте поместил в тексте своих мемуаров. Ответ на вопрос, почему в дневнике царя не была сделана запись об аудиенции 10 октября, не вполне ясен. Возможно, сам факт беседы на политическую тему в присутствии жены Николай II рассматривал как унижение своего мужского и царского достоинства. «Когда я докладывал в присутствии императрицы, — вспоминал С. Ю. Витте, — она не выронила ни слова, сидела как автомат, и по обыкновению краснела, как рак»¹⁴².

Роль императрицы Александры Федоровны в событиях вокруг Манифеста 17 октября еще нуждается в выяснении. Историк Александр Николаевич Боханов установил, что уже к моменту своего вступления на русский престол она была вполне убеждена, что власть ее мужа, русского императора,

опирается непосредственно на Божественное провидение, пред которым простые смертные могли только склонять голову и трепетать. «Не позволяй другим быть первым и обходить тебя»; «Выяви Свою волю и не позволяй другим забывать, кто ты» — эти строки она собственноручно вписала мужу в его дневник еще в 1894 году¹⁴³. Впоследствии именно царица распустила в придворных кругах сплетню, будто бы Манифест 17 октября был у императора вырван С. Ю. Витте. Император на это не возражал¹⁴⁴.

Прекрасная мать и верная жена, но неуравновешенная психически и не особенно умная как женщина (чем она отличалась от своей свекрови), Александра Федоровна имела веские личные причины не любить С. Ю. Витте. В частности, за его позицию в вопросе о престолонаследии осенью 1900 года. Император Николай II тогда почти целый месяц (с 1 по 28 ноября) болел брюшным тифом и некоторое время находился даже на грани между жизнью и смертью. Как раз тогда среди придворных появилось течение в пользу передачи престола императрице Александре Федоровне в том случае, если исход болезни ее мужа окажется летальным.

Для обсуждения вопроса было собрано частное совещание в составе министра внутренних дел Д. С. Сипягина, министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа, министра императорского двора и уделов барона В. Б. Фредерикса, министра финансов С. Ю. Витте и великого князя Михаила Николаевича — сына императора Николая I, бывшего по возрасту самым старшим в императорской фамилии. Совещание высших сановников государства проходило на квартире Д. С. Сипягина, который тогда жил в гостинице «Россия». Сам вопрос о том, кому передать престол, С. Ю. Витте очень удивил. Согласно букве и духу закона о престолонаследии, категорически заявил он, на престол должен вступить брат царя и наследник престола великий князь Михаил Александрович. После обмена мнениями все согласилось с заявлением С. Ю. Витте и постановили, чтобы об этом совещании и его заключении было неофициально доложено императрице.

В то самое время, а именно в 1900 году, С. Ю. Витте преподавал великому князю Михаилу Александровичу политическую экономию и финансы. Преподавание завершилось в 1902 году, и лекции, прочитанные С. Ю. Витте великому князю, были впоследствии изданы. С Михаилом Александровичем у С. Ю. Витте установились очень хорошие, почти дружеские отношения: он был приглашаем к великокняжескому завтраку, удостоивался чести сопровождать своего ученика в автомобильных прогулках по парку. Немудрено, что их про-

гулки были интерпретированы придворной челядью в качестве главного основания той решительной позиции, на которую С. Ю. Витте встал в вопросе о престолонаследии.

Но вернемся к событиям 9—10 октября 1905 года. Императору Николаю II виттевская идея о кости, брошенной недругам, судя по всему, явно приглянулась, и в конце беседы с ним он высказал соображение, что было бы лучше программу действий, изложенную в представленной записке, опубликовать манифестом от высочайшего имени. Как оказалось, оно еще не означало, что решение было окончательно принято. «Самое главное, я знал государя, знал, что мне на него положиться нельзя — безволие, недоверчивость и отсутствие всякого синтеза при довольно развитой способности к анализу»¹⁴⁵. Пагубные колебания продолжались, хотя никакой реальной альтернативы планам тушения пожара революции, помимо широких уступок общественному мнению, не просматривалось даже в отдаленной перспективе.

11 и 12 октября председатель Комитета министров вообще не имел никаких известий из Петергофа. Чтобы решиться на следующий шаг, императору нужны были неотразимые аргументы в пользу серьезности происходящих в стране революционных процессов. 12 октября забастовку объявила Балтийская железная дорога. Связь между царской резиденцией и столицей, где находились все высшие государственные учреждения, теперь поддерживалась только по морю. В дневнике императора появилась запись: «Для сообщения с Петербургом два раза в день начали ходить “Дозорный” и “Разведчик”. Милые времена!! Вследствие запоздалого приема сели завтракать в 2 часа».

13 октября из Петергофа на имя С. Ю. Витте полетела высочайшая телеграмма с повелением стать во главе министров и навести порядок в стране. «Только при спокойном течении государственной жизни возможна совместная созидательная работа правительства с имеющими быть свободно выбранными представителями моего народа», — назидательно говорилось в этом странном документе, как будто poslanном с другой планеты. Как достичь этого «спокойного течения» жизни? Судя по всему, ясности по этому вопросу не было ни у монарха, ни у тех, кто доставлял ему советы. Перемен в государственном строе царь явно не желал — о программе С. Ю. Витте в телеграмме не говорилось ни единого слова, даже намек и того не было.

В тот же день Николай II дал аудиенцию главноуправляющему Канцелярией по принятию прошений на высочайшее имя барону А. А. Будбергу. Он нашел царя в очень уг-

нетенном состоянии. Николай II с трудом скрывал свое беспокойство и не знал, на что решиться. «Дайте конституцию, сами, без посредников», — убеждал царя А. А. Будберг. Она вернет стране мир и тишину. Затем начнется оздоровление России, больной с головы до ног. Сам акт и те милости, которые он с собой принесет, должны быть такими, чтобы как можно большее число людей было им удовлетворено¹⁴⁶.

На следующий день в столице был расклеен знаменитый приказ войскам, составленный петербургским генерал-губернатором, товарищем министра внутренних дел Д. Ф. Треповым, со словами: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть». Расчеты на грубую силу, как видно, оставлены не были. Как всякий слабодушный и слабовольный, хотя в житейском смысле и неплохой человек, император Николай II преклонялся перед грубой силой. Ему импонировали простые, недалекие, прямые и сильные по-солдатски люди вроде Д. Ф. Трепова, П. А. Столыпина и им подобных. Царский характер был таков, что он с трудом переносил в своем окружении людей умнее себя, унаследовав эту черту характера от деда, императора Александра II, про которого один современник сказал, что когда царь говорит с умным человеком, то напоминает ревматика, стоящего на сквозном ветру.

Пока в Царском Селе раздумывали, вся страна ждала, кто же возьмет верх: С. Ю. Витте с его реформами либо «...появится очередной приступ мракобесия, который на этот раз, как того с нетерпением ожидали все революционеры, совсем свалит царствующий дом... Надежды эти были весьма основательны, так как царь возбуждал или чувство отвращения, злобы, или чувство жалостного равнодушия, если не презрения; великие князья были совсем или скомпрометированы, или безавторитетны; правительство, не имея ни войска, ни денег и не имея способности справиться с общим неудовольствием и бунтами, окончательно растерялось»¹⁴⁷.

Лишь 14 октября С. Ю. Витте удостоился высочайшей аудиенции. В Царское Село он отправился пароходом. Погода стояла скверная — шел снег с дождем, корабль сильно качало. В поездке графа С. Ю. Витте сопровождал сенатор Н. И. Вуич. Путники сетовали на постыдность положения, когда подданные должны добираться к своему государю чуть ли не вплавь. Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, занимались всеподданнейшим докладом, который начали составлять еще 9 октября на основании уже упоминавшейся записки¹⁴⁸.

Прямо с пристани председатель Комитета министров отправился во дворец. В беседе с царем он настаивал, чтобы объединенное правительство в эти грозные дни имело попу-

лярную среди населения программу неотложных политических реформ. При этом Витте представил царю свой всеподданнейший доклад и сказал, что в случае утверждения он будет являться программой правительства, которое ему поручено возглавить.

Задуманную комбинацию — популярные реформы проводит популярное правительство — разрушил царь. Он решил возвестить населению о переменах в государственном строе высочайшим манифестом. Особого энтузиазма у С. Ю. Витте это не вызывало: туманные обещания манифеста, толкуемые вкривь и вкось, способны были лишь разжечь страсти, чего следовало бы непременно избежать. Прецедент был — хорошо известно, какими драматическими событиями сопровождалось обнародование Манифеста 19 февраля 1861 года. Для успокоения взбудораженных крестьян пришлось несколько раз применять оружие.

Господствовавшее в верхах настроение — это ужас и полная растерянность перед происходившими в стране драматическими событиями. А они обострялись не по дням, а по часам. Вслед за забастовкой петербургского железнодорожного узла (она началась 12 октября) прекратили работу почти все предприятия города. Через три дня стачка охватила всю страну. В политических забастовках приняло участие более 2 млн человек, в их числе служащие государственных предприятий. Даже работники учреждений Государственного банка и те отказались работать, пока не будут проведены политические реформы. Требовали установления демократических свобод (слова собраний, печати и союзов) и созыва Учредительного собрания для перемены формы управления страной. Рабочие требовали еще и 8-часового рабочего дня. В стране начали возникать параллельные органы власти — Советы. Всего в 1905 году было создано 55 Советов рабочих депутатов. Одним из первых в дни Октябрьской политической стачки образовался Петербургский Совет рабочих депутатов.

Сумятица в головах представителей образованного общества как в те дни, так и впоследствии царила полнейшая. Фактов не перечесать. Например, служащие Санкт-Петербургского международного коммерческого банка, вовсю ругая «жидов» и революцию, высказывали пожелания свобод и конституции¹⁴⁹. «Вообще октябрьские события мне наглядно показали, — писал С. Ю. Витте, — что под влиянием трусости ни одно качество человека так не увеличивается, как глупость»¹⁵⁰.

В те тревожные дни лишь немногие в правящих сферах понимали, что брошенная кость, чтобы на нее «обратились

все пасти», должна быть для этих пастей привлекательной. Понял это в конце концов и император Николай II. 14 октября вечером С. Ю. Витте получил повеление прибыть в царскую резиденцию на следующий день в 11 часов утра, имея при себе готовый проект высочайшего манифеста. Ввиду нездоровья председателя Комитета министров документ составлял бывший у него в тот вечер князь А. Д. Оболенский. На следующее утро, 15 октября, захватив с собой князя и сенатора Н. И. Вуича, С. Ю. Витте отправился морем в Петергоф. Ему сопутствовал еще и министр императорского двора барон В. Б. Фредерикс, в присутствии которого князь А. Д. Оболенский прочел составленный им проект манифеста.

В нем было три пункта: первый о свободах, второй о расширении избирательных прав и третий о предоставлении этих прав рабочим. От последнего по указанию С. Ю. Витте тут же отказались. Он был заменен пунктом, расширявшим полномочия Государственной думы. Между тем в «Записке» 9 октября и всеподданнейшем докладе вопрос о компетенции Государственной думы был тщательно обойден. Уклончивость С. Ю. Витте не следует понимать в том смысле, что он был согласен с концепцией «булыгинской» Думы. Сам он объясняет свою позицию следующим образом.

«Было бы безгранично наивно полагать, — пишет он в мемуарах, — что если Думе придан совещательный характер при всех прочих парламентских атрибутах, то от этого что-либо может измениться. Либо вовсе не следовало ее учреждать, либо при основании нужно было снабдить ее минимумом совершенно необходимых полномочий. В противном случае неизбежна революционная сумятица». Булыгинский закон о законосовещательной Думе — свидетельство реформаторского убожества правящих российских сфер; «...совещательный парламент — это поистине есть изобретение господ чиновников-скопцов»¹⁵¹. Но это только одна сторона дела. Есть и другая.

Избирательный закон 6 августа совершенно сознательно давал преимущество при выборах крестьянам, которые представляли собой совершенно темную массу, стоящую вне политики и потому неспособную к нормальной законодательной работе. Следовало ожидать, что они могут пойти, в случае неблагоприятного развития политической обстановки, на поводу у либеральной интеллигенции из дворян, которая кого угодно может обворожить сладкими и умными речами, либо у «сознательного пролетариата». Дворянство еще со времен «царя-освободителя» только и мечтало о том,

чтобы ограничить власть царя в свою пользу, чтобы управлять вместе с ним. Оно бы примирилось и с буржуазией, допустило бы ее к дележке сладкого пирога власти, но тут совершенно неожиданно на политической арене появилась еще и третья сила, а именно: «сознательный пролетариат». «Между тем, последний для сих близоруких деятелей вдруг только в сентябре 1905 г. появился во всей своей стихийной силе. Сила эта основана и на численности, и на малокультурности, а в особенности на том, что ему терять нечего. Он, как только подошел к пирогу, начал реветь как зверь, который не остановится, чтобы проглотить все, что не его породы». С этой поры начал набирать обороты неудержимый процесс поправления и буржуазии и дворянства. Когда стало ясно, что конституция не может быть дворянской, вот тогда «...вся та часть дворянства, которая носит в себе только проглоченную пищу, а не идеи», начала явно или стыдливо «...исповедовать идеи таких каторжников (они и на это не способны, а просто сволочи), как Дубровин, Пуришкевич и пр.»¹⁵². Этой мысли С. Ю. Витте, при всей ее резкости и некоторой шероховатости, не откажешь в проницательности.

Между тем пароход, на котором редактировался проект конституционного манифеста, причалил к пристани. Председатель Комитета министров вместе с министром императорского двора отправился во дворец, поручив князю А. Д. Оболенскому и Н. И. Вуичу немедленно составить новую редакцию манифеста по преподанным им указаниям.

Во дворце к ним присоединились великий князь Николай Николаевич и генерал-адъютант Оттон Борисович Рихтер. Вчетвером они вошли в царский кабинет.

К всеподданнейшему докладу в тот же день приехал и военный министр генерал-лейтенант А. Ф. Редигер. Пока в царском кабинете шли разговоры, он находился в приемной комнате и ему были слышны из-за двери громкие голоса. В час дня А. Ф. Редигера пригласили войти. «Государь стоял у письменного стола и, поздоровавшись, предложил мне перейти на обычное место к окну, сам он оставался у письменного стола, где, кажется, укладывал папиросы. Он был взволнован, лицо покраснелось, голос был неровен»¹⁵³. Еще бы — императору вновь предложили выбор между военной диктатурой и конституцией. Царь явно склонялся к силовому решению проблемы, но не находилось подходящих кандидатов в диктаторы. Пришлось выбрать конституцию. Новое совещание было назначено на три часа пополудни уже по готовому проекту царского манифеста, обещавшего бурлившей стране новую эпоху ее истории.

Когда С. Ю. Витте вернулся из дворца на пристань, проект был уже готов. В нем говорилось, помимо свобод, о расширении избирательных прав и о даровании будущей Государственной думе законодательных функций. Поначалу С. Ю. Витте склонялся к приостановке выборов до переделки избирательного закона, но после недолгого размышления решил, что откладывать выборы нежелательно. В своем проекте манифеста граф С. Ю. Витте, желая того или нет, следовал программе, которая была выдвинута земской оппозицией в сентябре 1905 года¹⁵⁴.

В три часа проект конституционного манифеста был представлен императору. При обсуждении никем из присутствующих серьезных замечаний высказано не было. Царь по своему обыкновению отложил окончательное решение и, положив манифест в стол, заявил, что помолится Богу, подумает и скажет С. Ю. Витте, решится он на подписание его или нет. Молиться царь не стал, думать тоже. Отпустив визитеров, он тотчас же вызвал к себе на 18 часов того же дня барона А. А. Будберга и члена Государственного совета И. Л. Горемыкина. Им Николай II и задумал поручить подготовку новой редакции манифеста. Виттевский вариант ему явно пришелся не по душе.

У барона А. А. Будберга был готов свой проект высочайшего манифеста. Над ним он трудился всю ночь с 13 на 14 октября. В 22 часа 15 минут 15 октября барон читал его императору. Царь был бледен и выглядел усталым. К ужасу Николая II и Горемыкина, проект Будберга оказался еще более радикальным, чем проект Витте — в нем, в частности, предусматривалась ответственность министров перед Государственной думой за «общий ход государственного управления». «Когда я дошел до амнистии и уничтожения смертной казни, поднялся большой крик», — вспоминал А. А. Будберг¹⁵⁵.

И. Л. Горемыкин изложил свое кредо: никаких манифестов не нужно, требуются лишь строгие репрессии в комбинации с частичными реформами. Действовать надо силою и уповать на милость Божию. Царь склонялся к точке зрения И. Л. Горемыкина, но сомневался в осуществимости репрессий. Революция уже вовсю идет, армия пока лояльна, но солдаты могут не выдержать. К тому же их мало — большая часть войск все еще за границей. Поэтому придется пойти на уступки. А. А. Будберг, как составитель альтернативного проекта, сказал речь, в конце которой заявил: нужен только манифест, без сопроводительной программы, иначе все лавры достанутся Витте.

Ночь с 15 на 16 октября ушла на доработку манифеста. А. А. Будберг трудился до 4 часов утра, И. Л. Горемыкин и В. Н. Орлов (помощник начальника военно-походной канцелярии императора) были все время рядом и помогали ему советами. На вооружение был взят проект С. Ю. Витте. К утру изготовили несколько вариантов манифеста. Один из них А. А. Будберг счел наилучшим. С ним он познакомил промежуточную инстанцию — министра двора. Добропорядочный человек, настоящий рыцарь, барон В. Б. Фредерикс, как характеризовал его А. А. Будберг — «...полное ничтожество, которое ниже всякого понимания. Он не только не способен на какую-либо идею, но даже не в состоянии понимать мысли других...»¹⁵⁶.

В 2 часа пополудни 16 октября началось чтение проектов царю. Читал «Влади» Орлов, но полюбившуюся редакцию А. А. Будберг попросил разрешения озвучить самому. На ней император Николай остановился окончательно. В лакейскую уже притащили печатный станок. Около пяти часов император еще раз пригласил к себе всю компанию. А. А. Будберг вновь огласил весь текст. Император решился и сказал, что требуется сделать копию от руки и он отойдет на пару минут, чтобы показать этот экземпляр императрице¹⁵⁷. А. А. Будберг говорил, что, подписав Манифест, император поставит себя в такое положение, что все великопие будет исходить только от него. Витте переживет это, если он печется об интересах страны, а не о своих собственных. Император высказал свою волю: манифест в редакции А. А. Будберга будет подписан, пусть только его прежде министра юстиции посмотрит С. Ю. Витте.

Весь день 16 октября граф С. Ю. Витте провел в напряженном ожидании. Как только до него дошли слухи, что над текстом его проекта производятся какие-то манипуляции, он немедленно позвонил во дворец и просил барона В. Б. Фредерикса передать императору, что о всех изменениях проекта манифеста его, графа С. Ю. Витте, как единственного кандидата на должность главы обновленного правительства, нужно поставить в известность до подписания. В противном случае пусть во главе всего предприятия становятся авторы сделанных изменений. В тот же день С. Ю. Витте ожидал неприятный сюрприз. Около 12 часов ночи к нему домой на Каменноостровский проспект явился барон В. Б. Фредерикс с начальником канцелярии генерал-майором А. А. Мосоловым. Они принесли ошеломляющее известие — его проект манифеста изменен не редакционно, а по существу. Во-первых, в нем провозглашалось, что все

свободы (неприкосновенность личности, слова и совести) даровались населению со дня опубликования манифеста («ныне же»), тогда как по замыслу С. Ю. Витте введение в жизнь этих свобод должно составлять предмет занятий правительства. Во-вторых, о расширении прав Государственной думы в проекте А. А. Будберга — И. Л. Горемыкина, в отличие от проекта С. Ю. Витте, не говорилось вовсе: она должна была лишь рассматривать внесенные в нее «законодательные предположения». Не говорилось и о праве народного представительства контролировать закономерность действий правительства¹⁵⁸. Наконец, приглянувшийся императору вариант манифеста не согласовался со всеподданнейшим докладом С. Ю. Витте, уже одобренным и ждущим своего опубликования вместе с манифестом.

Стало ясно — от страха дворцовая камарилья совсем потеряла голову. Ведь немедленное введение гражданских свобод становилось в явное противоречие с действующими законами, в том числе и печально знаменитым «Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (коротко — Положения об охране). Принятое 14 августа 1881 года на три года, оно всякий раз по истечении срока продлялось вплоть до крушения самодержавия в марте 1917 года. Положение давало право министру внутренних дел и генерал-губернаторам объявлять любой район страны на исключительном положении, если они сочтут, что для поддержания общественного порядка действующих законов недостаточно. Затем управление делалось совсем простым — губернские власти могли без всякого следствия и суда воспрепятствовать и закрывать что угодно, кого угодно увольнять и арестовывать. Осенью 1905 года на значительной части территории Российской империи действующие постоянные законы не применялись, а применялось пресловутое Положение об охране.

Уже нельзя было просто игнорировать либеральную интеллигенцию, почти единодушно требовавшую от царя народного представительства с законодательными правами. Впрочем, голову потеряла и цензовая общественность, также метавшаяся из стороны в сторону, из крайности в крайность. Например, столичные банкиры требовали введения военного положения при одновременном даровании «русскому народу широких реформ и свобод». Как в обстановке военного времени соблюсти такую, например, фундаментальную гражданскую свободу, как неприкосновенность личности, они, наверное, затруднились бы внятно объяснить.

Ознакомившись с документом, привезенным бароном

В. Б. Фредериксом, С. Ю. Витте предпринял последнюю попытку компромисса: он предложил ограничиться публикацией только его всеподданнейшего доклада с программой реформ. На это предложение барон ответил отрицательно, указав, что вопрос о манифесте решен бесповоротно. Тогда С. Ю. Витте предъявил ему (а следовательно и царю) ультиматум: либо принимается его редакция манифеста вместе с докладом, либо он категорически отказывается от предложения стать во главе правительства. Он, граф С. Ю. Витте, верноподданный слуга своего государя, готов трудиться на любом второстепенном посту, поскольку видит, что император ему не доверяет. Как впоследствии писал князь Н. Д. Оболенский, «...высказанное графом Витте предположение имело за собою несомненное основание, так как ближайшие к Государю лица не верили в искренность графа Витте и были убеждены, что он в своих честолюбивых намерениях стремится стать президентом Российской республики и что, в предвидении возможности такого факта, находит себе объяснение та выдающаяся ласка и любезность, предметом которых сделался граф Витте при возвращении из Портсмута со стороны германского императора Вильгельма II, прозревшего в нем будущего русского республиканского президента».

Утром 17 октября об отказе С. Ю. Витте принять на себя объединенное министерство в случае опубликования манифеста в редакции И. Л. Горемыкина — А. А. Будберга было доложено императору. Узнав об ультиматуме С. Ю. Витте, царь впал в величайший гнев, затем растерялся и не знал, что предпринять. Наконец во дворец были приглашены великий князь Николай Николаевич и граф С. Ю. Витте; последний прибыл только в полпятого вечера. Вначале Николай II принял великого князя, командующего столичным военным округом, наедине, и тот заявил ему, что ввиду нехватки надежных войск к военной диктатуре прибегнуть никак невозможно. Поэтому выход из положения, предложенный С. Ю. Витте, ему представлялся единственным. Царь смирился с неизбежным и в присутствии В. Б. Фредерикса, С. Ю. Витте и великого князя Николая Николаевича подписал Манифест и утвердил всеподданнейший доклад председателя Комитета министров.

Когда В. Н. Орлов вечером 17 октября вошел в царский кабинет, император сидел с поникшей головой и крупные слезы капали на пол из его глаз. «Не покидайте меня сегодня, — попросил Николай II, — мне слишком тяжело. Я чувствую, подписав этот акт, что я потерял, теперь все кончено». Нет, возразил ему верный «Влади», еще не все потеряно.

Нужно только сплотить здравомыслящих людей, и все можно спасти¹⁵⁹. Здравомыслящие люди при поддержке самых высоких инстанций вскоре начали спланировать вокруг дубровинского «Союза русского народа».

На обратном пути в Петербург вместе с графом С. Ю. Витте ехал великий князь Николай Николаевич, выглядевший веселым и довольным. Обращаясь к графу, великий князь сказал: «Сегодня 17 октября и 17 годовщина того дня, когда в Борках была спасена династия. Думаю, что и теперь династия спасается от неменьшей опасности сегодня происшедшим историческим актом».

Сам С. Ю. Витте впоследствии выражал недовольство созданием рук своих — Манифестом 17 октября. Он объяснял это тем, что документ рождался в спешке и горячке, составлялся на скорую руку невзрачным, хотя благонамеренным и талантливым, каким был князь А. Д. Оболенский. До самой последней минуты С. Ю. Витте вообще не был уверен, что царь его подпишет. Царь его бы и не подписал, если бы не «тронутый», по выражению С. Ю. Витте, великий князь Николай Николаевич, вскорости превратившийся в обер-черносотенца: «Сказать, чтобы он был умалишенный — нельзя, чтобы он был ненормальный в обыкновенном смысле этого слова — тоже нельзя, но сказать, чтобы он был здоровый в уме — тоже нельзя; он был тронут, как вся порода людей, занимающаяся и верующая в столоверчение и тому подобное шарлатанство»¹⁶⁰.

Вместо того чтобы подработать составленный проект, за спиной его автора начали фабриковать другие манифесты. «Несомненно, что по крайней спешности, взбаламученности манифест явился и не в совсем определенной редакции, и, главное, неожиданно, как *deus ex machina*. Он предрешил принципы, но не мог предрешить подробности даже в крупных чертах. Пришлось все вырабатывать спешно, при полном шатании мысли как наверху, так и в обществе»¹⁶¹.

«Поэтому, хотя я и не советовал издавать Манифест 17 октября, тем не менее, слава Богу, что он совершился»¹⁶².

С. Ю. Витте был прав в самокритике. Чтобы это сделалось ясным, приведем и прокомментируем основные положения Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября, опустив преамбулу, также, впрочем, не лишнюю интереса.

Этих положений три: «На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной воли нашей: 1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности,

свободы совести, слова, собраний, союзов. 2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и 3) Установить, как неизблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей».

Совершенно очевидно, что, вводя в государственный строй страны элементы конституционного устройства, и прежде всего народное собрание с законодательными правами, Манифест довольно четко обозначил его пределы. Во-первых, Государственная дума призывалась не издавать законы, а их одобрять. Умеющим внимательно читать авторы Манифеста давали понять, что учреждением Думы совершенствование законодательного порядка не ограничивается. Во-вторых, выборным от народа не поручалось контролировать правительственные органы, то есть следить за тем, насколько их действия целесообразны. Они могли лишь участвовать в надзоре за соответствием этих действий закону. В-третьих, в Манифесте подчеркивалось, что право «постановки» властей по-прежнему принадлежит царю, а не делегируется Государственной думе.

Против Манифеста со столь скромными конституционными обещаниями ополчились как те, кто вообще был против какого бы то ни было движения вперед, так и те, кто предпочитал движение к будущему счастью посредством стремительных скачков.

Либералы приветствовали опубликование конституционного манифеста, но не были удовлетворены его содержанием. На банкете в помещении «Литературного кружка» в Москве на Большой Дмитровке с речью выступил П. Н. Милюков. «Уклончивость выражений самого манифеста в свете прежних высочайших выступлений такого же рода, представлялась совершенно очевидной», — вспоминал он много лет спустя, уже в эмиграции. «Я и занялся разбором того, что было обещано и что было недоговорено в манифесте. Почему манифест говорит о “скорби” и “обете” “к скорейшему прекращению смуты” мерами власти, когда собираются прекратить эту “смуту” мирным порядком? Почему дают-

ся в настоящем одни обещания, а исполнение их предоставляется в будущем “объединенному” кабинету? Что это будет за кабинет и в чем будет состоять “объединение”? Почему понадобилось подкрепить обещания “незыблемых основ” словом “действительное”?»¹⁶³

«Ничто не изменилось; война продолжается» — такими словами завершил подогретый шампанским П. Н. Милюков свой «разнос» Манифеста 17 октября¹⁶⁴.

День, когда российскому народу были обещаны гражданские права, а стране — конституционное устройство, Николай II считал самым черным в своей жизни. Причины, побудившие его подписать Манифест, он весьма неполно и крайне неточно объяснил 19 октября в письме своей матери — императрице Марии Федоровне: «...Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу; затем была бы передышка, и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силою. Но это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы неминуемо к теперешнему положению, авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы не могли бы осуществляться.

Другой путь — предоставление гражданских прав населению: свободы слова, собраний и союзов и неприкосновенность личности; кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную думу — это, в сущности, и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь, говоря, что хотя он и рискованный, тем не менее единственный в настоящий момент. Почти все, к кому я ни обращался с вопросом, отвечали мне так же, как Витте, что другого выхода, кроме этого, нет. Он прямо объявил, что если я хочу *его* (выделено в документе. — С. И.) назначить председателем Совета министров, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать.

Манифест был составлен им и Алексеем Оболенским. Мы обсуждали его два дня, и, наконец, помолившись, я его подписал. Милая моя Мама, сколько я перемучился до этого, ты себе представить не можешь! Я не мог телеграммою объяснить все обстоятельства, приведшие меня к этому страшному решению, которое, тем не менее, я принял совершенно сознательно. Со всей России только об этом и кричали, и писали, и просили. Вокруг меня от многих, очень многих я слышал то же самое, ни на кого я не мог опереться, кроме честного Трепова. Исхода другого не оставалось, кроме как перекреститься и дать то, что все просят»¹⁶⁵.

Глава пятая

ПРЕМЬЕР ПЕРЕХОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Курсом на гражданское общество

Всеподданнейший доклад статс-секретаря С. Ю. Витте с царской резолюцией на нем «принять к руководству» был опубликован в один день с Манифестом 17 октября. По свидетельству графа И. И. Толстого, С. Ю. Витте придавал докладу больше значения, чем самому Манифесту, и неоднократно говорил как ему, так и другим в его присутствии, что «...предпочел бы, чтобы Государь, предварительно подписания Манифеста, позволил издать во всеобщее сведение именно эту записку и, только убедившись в произведенном впечатлении, подписал бы самый Манифест»¹.

В преамбуле доклада говорилось, что революция, переживаемая страной, ни в коей мере не может рассматриваться как результат несовершенства отдельных сторон общественного и государственного устройства. Ее нельзя списать и на действия «крайних» (революционных) партий. Следовательно, опаснейшего положения, в котором оказалась Россия, не исправят ни робкие реформы, ни суровые карательные акции. Причины, породившие и питающие революционный кризис, залегают глубже: «Россия переросла форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы»². Чтобы в стране воцарился прочный социальный мир, внешние формы общественной и государственной жизни следует привести в соответствие с той идеей, которая «одушевляет благоразумное большинство общества».

Правительству следует, не дожидаясь созыва Государственной думы, безотлагательно привести в действие основные принципы правового строя. Порядок их перечисления в докладе был слегка изменен по сравнению с Манифестом. На первом месте оказалась свобода печати; далее шли: свобода совести, собраний, союзов и неприкосновенность личности.

«Государство есть живой организм, а потому нужно быть очень осторожным в резких операциях», — писал С. Ю. Вит-

те³. Переход к правовому строю необходимо совершать постепенно, ни в коем случае не посредством «революционных выступов» (выражение С. Ю. Витте). Единственное положение, выделенное в тексте доклада курсивом, гласило: все гражданские свободы должны вводиться не иначе как путем *«нормальной законодательной разработки»*. Точно так же следовало уравнивать перед законом всех подданных русского царя.

Внедрение принципов правового строя составляло первую задачу правительства. Второй задачей С. Ю. Витте назвал «устроение правового порядка»⁴. Это означало, что отныне всякое действие либо постановление административных и судебных властей должно находить основание в законе. Соответственно тому экономическая политика, будучи направленная на благо «широких народных масс», не должна была вступать в противоречие с теми имущественными и гражданскими правами, которые признавались всеми цивилизованными странами. Это первая и самая важная сторона дела.

Из подданных никем и ничем не ограниченного владыки — абсолютного монарха — россиян требовалось превратить в сознательных граждан великой страны, действующих свободно в рамках ими самими выработанных и принятых законов. Эта задача грандиозна, и в одночасье ее не решить. «Чтобы водворить в стране порядок, нужны труд и неослабевающая последовательность». В сложившихся обстоятельствах правительство уже не может быть простым орудием исполнения царской воли. Для успешности своих действий оно должно быть политически однородным и преследовать единые цели.

Правительство должно знать свое точное место и ни в коем случае не вмешиваться в думский избирательный процесс (тем самым было подтверждено положение «Записки» 9 октября), поскольку именно Государственной думе отводилась центральная роль в устроении правового порядка. Ей предстояло стать гарантом неотъемлемости дарованных благ гражданской свободы.

Объединенному правительству следует неуклонно стремиться к реализации положений царского указа от 12 декабря 1904 года, бóльшая часть из которых, как уже говорилось выше, так и осталась мертвой буквой. «Стимулы гражданской свободы» в результате правительственной деятельности должны получить практическое воплощение.

Правительство, действующее на точном основании законов, должно заботиться о том, чтобы не подрывать, а поддерживать и укреплять престиж законодательных институ-

тов, и прежде всего Государственной думы. Ему следовало стоять вне партийной борьбы. В рамках закона, руководствуясь «господствующей в обществе идеей», а не требованиями «отдельных кружков», правительство выясняет «запросы времени» и дает соответствующую «формулировку гражданского правопорядка».

В качестве важной политической задачи было названо преобразование законосовещательного Государственного совета на началах «видного участия в нем выборных элементов». От подробного перечисления политических, социальных и экономических мероприятий правительства — всего того, что в современном общественном сознании ассоциируется с правительственной программой — С. Ю. Витте уклонился. По-видимому, не случайно. Его концепция правительственной деятельности несет отпечаток популярных правовых теорий второй половины XIX века. В соответствии с ними функции исполнительной или правительственной власти в правовом государстве не могут исчерпываться одной лишь охраной законов (как полагали деятели французского и немецкого просвещения). Правительство, являясь правовым субъектом, в рамках существующих законодательных норм может и должно действовать свободно, руководствуясь принципом целесообразности.

Во всеподданнейшем докладе говорилось, что конкретные мероприятия кабинета зависят от текущих обстоятельств, запросов времени, а исходят они из руководящих принципов, взятых им на вооружение. Прежде всего это прямота и искренность в намерениях даровать населению «блага гражданской свободы» и устройство гарантий этой свободы (то есть законодательного механизма). Далее, правительство должно стремиться к устранению печально знаменитых «исключительных законоположений», не совместимых с гражданским правопорядком. Все правительственные органы, как центральные, так и местные, должны работать согласованно и не увлекаться репрессиями в сложившихся тяжелых обстоятельствах. В тех же случаях, когда без репрессивных действий обойтись никак невозможно, им следовало действовать с опорой на закон и «в духовном единении с благоразумным большинством общества».

В заключении доклада выражалась вера в «политический такт» русского общества. С. Ю. Витте не мог даже помыслить, что в нем найдутся силы, которые желали бы анархии, угрожавшей, помимо «ужасов борьбы», еще и «расчленением государства». И Манифест, и всеподданнейший доклад были адресованы прежде всего ему — образованному мень-

шинству, в сотрудничестве с которым власть так отчаянно нуждалась.

Подобно многим умным людям С. Ю. Витте отличался наивностью, соединенной с изрядной долей простодушия. Разочарование в «политическом такте русского общества» наступило очень скоро, буквально на другой день после обнародования Манифеста и публикации всеподданнейшего доклада. Открытое и замаскированное сопротивление своим планам он встретил и слева, и справа, и из либерального центра.

Что касается революционеров, то они оружия не сложили и складывать не собирались. Уже на другой день после обнародования Высочайшего манифеста центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии подготовил воззвание «К русскому народу». В нем перечислялись ближайшие политические задачи партии — вооружение народа, повсеместное снятие военного положения, созыв Учредительного собрания, введение 8-часового рабочего дня — и указывался способ их решения: свержение царизма и образование временного революционного правительства. С 27 октября в Петербурге выходила и легально распространялась газета «Новая жизнь», где сотрудничали лидеры большевистского крыла РСДРП — В. И. Ленин, В. В. Воронский, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский. В приложении к одному из номеров газеты был напечатан полный текст программы РСДРП с призывом к низвержению самодержавия и устройству демократической республики. Корреспондент «Новой жизни» Л. Клячко (Львов) неоднократно встречался с премьер-министром и беседовал с ним.

На митингах под красными знаменами ораторы призывали к дальнейшей борьбе с правительством до полной и окончательной над ним победы. Премьер-министр лично просил командира гвардейского Семеновского полка без крайней необходимости не применять оружие. В ходе стычек с войсками в Петербурге у Технологического института погибло несколько человек. Приват-доцент Е. В. Тарле получил тогда тяжелое ранение в голову.

Наряду с революционерами на улицы городов начали выходить и патриоты с трехцветными российскими флагами, портретами царя, пением «Боже, царя храни». Одним демонстрированием верноподданнических чувств монархисты не ограничивались. Раздавались призывы: «Долой подлую конституцию! Смерть графу Витте!» За словами следовали дела — избиения и даже убийства евреев, левых политиков и студентов. Согласно подсчетам В. Обнинского, менее чем за

месяц в разных местах «патриотами» было убито от 3,5 до 4 тыс. человек и ранено более 10 тыс.⁵

Либеральная интеллигенция ликовала. Потеряв чувство реальности, ее идеологи домогались прекращения карательных акций, полной амнистии и немедленного объявления правительственной властью конституции и парламентаризма. «Святые дурачки», — язвительно отозвался о них председатель правительства.

18 октября завершился начавшийся шестью днями ранее учредительный съезд конституционно-демократической партии. В своей речи на съезде П. Н. Милюков обещал: его партия «...будет высоко держать тот флаг, который выкинут русским освободительным движением в его целом, т. е. стремиться к созыву Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования». Но в программу партии лозунг Учредительного собрания введен не был. Свои монархические симпатии кадеты маскировали. Вопрос о форме будущего государственного устройства страны в их программе был оставлен открытым. Вместе с тем в ее тексте едва ли случайно употреблялось прежнее название страны — «Российская империя». Звонкие фразы и эффектные позы не могли скрыть сути кадетского либерализма, а она такова — к конституционным преобразованиям партия народной свободы относилась несерьезно. Не кто иной, как П. Н. Милюков дал совет премьеру при личной встрече: «Позовите кого-нибудь сегодня и велите перевести на русский язык бельгийскую или, еще лучше, болгарскую конституцию, завтра поднесите ее царю для подписи, а послезавтра опубликуйте»⁶. И в Бельгии, и в Болгарии в то время была монархическая форма правления. Спрашивается, для чего тогда созывать Учредительное собрание?

18 октября в помещении Московской биржи состоялся торжественный молебен по случаю дарования гражданских свобод. Зал был переполнен. По окончании мероприятия с импровизированной речью к собравшимся обратился владелец Городищенской суконной фабрики С. И. Четвериков: «Граждане! Позвольте сделать почин дарованной свободе слова и провозгласить славу Царю, который благо народа поставил выше сохранения прерогативой своей власти, славу великому гражданину Витте, который отныне неразрывно связал свое имя с этим поворотным моментом жизни русского народа, славу этому народу, который пожелал любить своего Царя не за страх, а за совесть!» Слова оратора были покрыты долго не смолкавшими криками «ура»⁷.

Крупные промышленники и аграрии, объединившиеся вокруг главной либеральной партии — «Союза 17 октября», — требовали усилить карательную политику, выгнать из администрации всех мягкотелых бюрократов вроде И. И. Воронцова-Дашкова (наместник Кавказа), Н. Н. Герарда (наместник Финляндии) и... поскорее созвать Государственную думу.

Дистанция между просвещенным либерализмом и махровым черносотенным монархизмом на самом деле была не слишком велика. Главным делом для октябристов всегда оставалось отнюдь не решение неотложных созидательных задач, а охранение устоев традиционной российской государственности — точно так же, как и у черносотенного «Союза русского народа». Расходились только в частностях. От этого на периферии обеих столиц разница между черносотенцем и октябристом делалась совершенно незаметной. Ни для кого не было секретом, что многие члены «Союза 17 октября» сочувственно внимали призывам к беспощадному террору против революции, с которыми носились черносотенные хулиганы. В октябрьские дни 1905 года один из столпов октябризма, обер-церемониймейстер высочайшего двора барон П. Л. Корф умолял премьера: «Немедленно, граф, поставьте пушки на Невском и на других улицах и расстреливайте, расстреливайте».

«Вообще удивительно, — записал в дневник граф И. И. Толстой, — как наши либералы, или люди так называемых “передовых убеждений”, способны только на либеральные фразы и насколько мирозозерцание их, в сущности, совпадает с самым “черносотенно-бюрократическим”. Прикрываясь фразой, они только и мечтают о централизации, о том, чтобы деньги тратились на них самих и на их присных, и убеждены, что они знают, что нужно, как думают о себе и нынешние бюрократы»⁸.

* * *

17 октября граф С. Ю. Витте разослал представителям 33 петербургских газет приглашение прибыть к нему на следующий день в 11 часов утра для беседы по адресу: Каменно-островский проспект, дом 5. Места в гостиной было мало, поэтому беседа велась стоя. Журналисты окружили будущего премьера, и он обратился к ним с речью. В ней С. Ю. Витте попросил газетчиков, не как царедворец и министр, а как русский человек и гражданин, помочь ему успокоить взбодраженные умы. «От вас, главное от вас, это успокоение зависит. Пока не водворится порядок, никто не в состоянии

ничего делать. Теперь все дезорганизовано. Все чувства людей дезорганизованы. Я тоже человек: и у меня теперь нет нормального равновесия между чувством и умом. Как сановник, я встречаю людей, известных всей России и всему миру. Эти люди жили только умственной жизнью. У них волевая жизнь не развита. Они еще могут судить о положении дел в отношении того, что следует делать (ум), но не о том, что можно делать (воля) при современных обстоятельствах. Что же я теперь буду делать? Ведь дело, которое я буду вести, — не мое. Мне не сладка его тяжесть. Я нуждаюсь в поддержке. Обращаюсь к вам. Помогите мне. Если вы успокоите общественное мнение, если явится истинное народное представительство, все облегчится. Тяжкая обуза падет. Тогда правительство будет играть роль такую, как в культурных странах. Если вы хотите, господа, вы можете принести громадную пользу всем. Не мне, не правительству, а всей России. В таком же разброде чувств и мыслей дольше жить нельзя»⁹.

Первым заговорил А. С. Суворин — для успокоения нужна прежде всего полная амнистия. Это ему было твердо обещано. Редактор «Новостей» О. К. Нотович заявил: «Мы верим вам, но народ не верит». Газетчики в один голос потребовали свободы печатного слова. Она уже объявлена, сказал С. Ю. Витте, но пока нет новых законов о печати, необходимо соблюдать старые. Некоторые горячие головы требовали вывести войска из Петербурга, а для охраны порядка учредить народную милицию. Издатель «Нашей жизни» профессор-экономист Л. В. Ходский вздумал грозить: «Мы не будем выпускать газет, пока войска не удалятся». С. Ю. Витте: «Увести войска? Нет, лучше остаться без газет и без электричества. Если войска уйдут, другие жители будут вправе за эту меру винить правительство». Начнутся грабежи, разбои и прочие безобразия¹⁰.

Дайте мне время — твердил С. Ю. Витте. Нужно немедленно остановить насилие. Все еще только организуется. «При мне усиленная охрана не будет обращаться в произвол... Но ныне мне нужен аппарат. Я только еще организую правительство. Дайте мне передышку»¹¹. Сошлись на том, что, покуда правительство не организовалось, беседу отложить. Издатель «Петербургской газеты» С. Н. Худяков на прощанье пожелал: «Пусть все свободы, особенно свобода печати, и сразу получают осуществление». Это С. Ю. Витте обещал: «Завтра мы практически будем это обсуждать... Пока я скажу: не нарушайте законов о цензуре. Я сегодня поговорю с начальником главного управления по делам печати об устранении недоразумений... Опять прошу вас, господа, прихо-

дите ко мне, когда хотите... Все, что я сказал вам, я могу сказать всем, придут ли ко мне революционеры или анархисты...» Попрошавшись с каждым из присутствующих за руку, граф удалился в свои апартаменты¹².

От беседы с газетчиками С. Ю. Витте пришел к безрадостному выводу: пресса деморализована и опереться на нее правительство не сможет. «Единственные газеты, — писал он впоследствии, — которые не были деморализованы, это крайне левые, но пресса эта открыто проповедовала архидемократическую республику»¹³.

Особенно возмущался С. Ю. Витте речами редактора «Биржевых ведомостей» С. М. Проппера, провозгласившего требование о выводе войск из столицы. Если бы оно исходило от представителя какого-нибудь социалистического или анархического листка, негодовал С. Ю. Витте, то он бы это понял. Но в устах господина Проппера, много лет питавшегося подачками со стола Министерства финансов, требование о выводе войсковых частей из Петербурга звучало как признак «обезумения» прессы. «Но все-таки не Пропперу было мне после 17 октября заявлять, что он правительству не верит, а в особенности с тем нахальством, которое присуще только некоторой категории русских жидов!»¹⁴

С. Ю. Витте не обманул газетчиков. Вечером 18 октября он пригласил к себе Д. Ф. Кобеко, председателя высочайше учрежденного Особого совещания для составления нового устава о печати, и предложил ему как можно скорее представить проект правил о повременных изданиях. Первое официальное заседание Совета министров Российской империи, состоявшееся в субботу 29 октября в 8 часов 30 минут вечера, было посвящено вопросу о немедленном принятии временных мер к осуществлению свободы печатного слова.

Несмотря на все усилия премьера, российская пресса не ослабляла атак на его кабинет. Особенно изошрялась в поношении С. Ю. Витте черносотенная печать, субсидируемая сверху. Так, 19 февраля 1906 года в типографии петербургского градоначальника была подписана к печати прокламация газеты «Русское знамя». В ней говорилось: «Сейчас честные русские люди, любящие Россию, хлопочут у государя, чтоб он скорей согнал с президентского места главного врага русского народа и главного помощника жидовского с его жидовкою женой»¹⁵. Неустанно поливал грязью премьер-министра и А. И. Гучков со страниц своего «Голоса Москвы». Сотруднику аппарата правительства А. А. Спасскому глава партии октябристов заявил: «Мы не перестанем изобличать временщика во лжи и зверствах, бессудных расправах и,

прежде всего, в умышленном оттягивании срока созыва Государственной думы... Вы с вашим Витте поливаете пожары керосином. Витте всем пускает пыль в глаза своей конституционностью, а на деле показывает себя палачом... Впрочем, он висит на волоске... Мавр сделал свое дело, мавр может уйти»¹⁶.

Не лучшим образом показали себя издания кадетского толка. «Читая... ежедневно московский орган “Русские ведомости”, — писал граф И. И. Толстой, — меня прямо выводит из себя последовательная система подтасовок, партийное освещение всех фактов, нетерпимость ко всем инакомыслящим и вместе с тем возмутительная докторальность тона при разборе любого вопроса... Просто противно и досадно за русскую профессуру, лейб-органом коей всегда являлась эта газета». Невысокого мнения он был и о сувороинском «Новом времени» — солидной газете, которую постоянно видели на письменном столе русского монарха: «...“Новое время” столь же (хотя не более, увы!) возмутительна, хотя в другом отношении: с одной стороны, влияние вправо и влево, а с другой — травля национальностей нерусских, населяющих Россию: излюбленными объектами лганья и подлых нападок являются, конечно, “жиды”, финляндцы и поляки... Как “Русские ведомости” не стесняются правдой, когда нужно доказать превосходство кадетских предвзятых теорий, так “Новое время” лжет на каждом шагу, когда нужно окатить помоями инородцев...» Российские периодические издания граф И. И. Толстой сравнил с помойными ямами, «...в которых только и делают, что подливают нечисти»¹⁷.

Сам император с оттенком злорадства заметил как-то раз в беседе с великим князем Николаем Михайловичем: «Плохая у Витте печать... Даже “Новое время” и то поносит и отказывает ему в доверии». Председатель правительства ясно понимал значение свободы слова для устройства гражданского общества. По его мнению, положительные стороны этой свободы значительно перевешивают отрицательные. Несмотря ни на что С. Ю. Витте не спустил флага и на все предложения Министерства внутренних дел усилить меры административного воздействия на печать неизменно отвечал отказом. Им была основана правительственная газета под названием «Русское государство», фактическим редактором которой стал бывший чиновник Министерства финансов А. Н. Гурьев. Ей была поставлена задача — «проводить мысли правительства» и опровергать всевозможные выдумки, «которыми кишели все газеты».

После 17 октября депутации из разных городов и весей повалили к С. Ю. Витте — первому «конституционному» премьеру. Они представляли земства, города, различные общественные организации. Делегаты поздравляли, требовали, жаловались. Премьер провозгласил лозунг единения с благонамеренной частью общества. Но как определить, кто имеет благие намерения, а кто нет? Граф С. Ю. Витте принимал всех подряд, отвечал на все вопросы, давал интервью, в речах путался, что немудрено при таком объеме работы. Нередко то, что он говорил одной делегации, противоречило тому, что было сказано другой.

Как-то раз на прием к С. Ю. Витте явилась депутация екатеринодарских обывателей, состоявшая из людей левонастроенных. После беседы с премьером они с недоумением и не без насмешки поведали журналисту Л. Львову (Клячко), что С. Ю. Витте принял их за «истинно русских» и на протяжении всей беседы развивал ту глубокую мысль, что «...во всем жида виноваты». Л. Львов беседу с делегацией записал, депутаты расписались в том, что все изложенное на бумаге безусловно верно. Затем подписи были засвидетельствованы у нотариуса. После этого текст беседы был напечатан в газете «Новая жизнь». На другой день по распоряжению премьера все петербургские газеты поместили опровержение. На это Львов опубликовал заявление, что все сказанное в его газете о беседе премьера с делегацией полностью верно, а опровержение Витте есть ложь, и предложил ему через суд восстановить свое доброе имя.

Суда, естественно, не последовало. «Что характерно для Витте, — вспоминал Л. Львов, — эта история не испортила наших отношений, и когда я, спустя несколько месяцев, встретил его в кулуарах реформированного Государственного совета и мы с ним разговорились, он ни одним словом не обмолвился на эту тему»¹⁸.

Деятели либерального «Союза союзов», среди которых были Л. Ф. Пантелеев и Ф. И. Родичев, в ночь на 19 октября нанесли визит премьеру единственно для того, чтобы предложить немедленное осуществление политической амнистии. С. Ю. Витте и тогда, и после был вполне доступен. Он принял делегацию у себя дома на Каменноостровском проспекте около 12 часов ночи. Выйдя к присутствующим прямо в халате и не дав им изложить цель своего визита, премьер пустился в разговор на тему, более всего его волновавшую, — об общем положении, «...а больше всего о разнузданности и анархии, которые царят в Петербурге». Визи-

терам он, отчеканивая каждое слово, сказал: «Могу вас уверить, господа, что... государь разрешил вопрос о форме правления для себя и для народа бесповоротно. Отныне самодержавия в России нет и больше не будет»¹⁹. Л. Ф. Пантелеев прервал поток словоизвержения С. Ю. Витте, напомнив ему, что они пришли к нему с конкретным предложением о всеобщей и полной амнистии. По поводу амнистии С. Ю. Витте почему-то не сказал ничего определенного, хотя все уже было фактически решено.

Совещание о даровании политической амнистии состоялось уже вечером 17 октября у петербургского генерал-губернатора Д. Ф. Трепова. Среди участников, помимо чинов Министерства внутренних дел, были И. Г. Щегловитов от Министерства юстиции, министр земледелия А. С. Ермолов и министр финансов В. Н. Коковцов, участвовавший в нем по личному повелению императора. О том, что происходило на совещании, известно в пересказе В. Н. Коковцова.

Проект указа об амнистии был наспех составлен в Министерстве юстиции и не понравился председателю Комитета министров своей трафаретностью. Следовало бы, по мнению С. Ю. Витте, дать понять всем тем, кто подвергался преследованию по политическим мотивам, что старой России более нет, а есть новая. Эта новая Россия — В. Н. Коковцову запомнились слова С. Ю. Витте — «...приобщает к новой жизни и зовет всех строить новую, светлую жизнь»²⁰.

В совещании на квартире у Д. Ф. Трепова разгорелись дебаты о том, насколько та широкая амнистия, которую предлагал председатель Комитета министров, соответствует переживаемому моменту. Большая часть участников опасалась, что выпущенные из тюрем политические преступники тотчас же примкнут к революционному движению, и призывала к осторожности. Когда к мнению благоразумного большинства присоединился В. Н. Коковцов, С. Ю. Витте не сдержался: «Придавая своему голосу совершенно искусственную сдержанность, он положительно выходил из себя, тяжело дышал, как-то мучительно хрипел, стучал кулаком по столу, подыскивал наиболее язвительные выражения, чтобы уколоть меня, и, наконец, бросил мне прямо в лицо такую фразу, которая ясно сохранилась в моей памяти: “С такими идеями, которые проповедует господин министр финансов, можно управлять разве что зулусами, и я предложу Его Величеству остановить его выбор на нем для замещения должности председателя Совета министров, а если этот крест выпадет на мою долю, то попрошу Государя избавить меня от сотрудничества подобных деятелей”»²¹.

Указ 21 октября об амнистии стачечникам и политическим эмигрантам оппозиция расценила не как жест доброй воли, а как признак слабости правительственной власти, как намерение отсидеться в тихой гавани, пока пройдет революционный шторм, а затем вернуться к прежним методам управления. Тем более что в ближайшие дни правительство выпустило несколько обращений к населению, в которых увещевания перемежались с угрозами применения силы. Угрозы эти, однако, трудно было подкрепить действиями даже строго в рамках действующих законов. Общая растерянность, разноречивые толкования Манифеста и непонимание сути и задач правительственной политики привели к тому, что «силовые структуры» (прежде всего полиция и жандармерия) свернули всякую деятельность. На службу полицейские и жандармы приходили как обычно, но занимались не привычными делами, а обсуждением слухов²². Некоторые офицеры жандармских управлений дошли до того, что принялись за уничтожение «дознаний» по политическим преступлениям. Правительству требовалось срочно восстановить и укрепить аппарат власти на местах, навести порядок в карательно-репрессивных органах. Наконец, и это было для С. Ю. Витте самым главным, необходимо было ввести политический процесс в нормальные, то есть законные, рамки. Этим «обновленное» правительство в основном занималось в первые недели своей работы.

* * *

Именной высочайший указ Правительствующему сенату «О мерах к укреплению единства в деятельности Министерств и Главных управлений» был опубликован 19 октября 1905 года²³. Он возвестил о больших переменах в системе управления страной — Совет министров стал постоянно действующим органом с особым председателем.

Правительственная власть указом была четко отделена от законодательной: «Совет министров не решает дел, подлежащих ведению Государственной Думы и Государственного совета»²⁴. Все общие меры государственного управления теперь обязательно обсуждались в Совете министров, за исключением дел по императорскому двору, обороне и внешней политике. Но и они могли рассматриваться в Совете, правда, только по постановлению императора.

В российской абсолютной монархии всеми государственными делами управлял непосредственно император. Он заслушивал регулярные всеподданнейшие доклады министров

и принимал по ним решения. Какие казусы при этом случались, рассказал в своих воспоминаниях В. И. Ковалевский.

Военный министр П. С. Ванновский однажды представил императору Александру III доклад со следующим предложением: для повышения боеспособности русской армии выделить из казны обильные средства и с их помощью поднять умственный и хозяйственный уровень населения. Прослышав о замечательном проекте коллеги, министр финансов И. А. Вышнеградский быстро сочинил контрдоклад с детальным обоснованием необходимости самой строгой экономии бюджетных средств. Оба документа удостоились высочайшего одобрения. Довольный П. С. Ванновский нанес визит И. А. Вышнеградскому, показал ему свое произведение, прибавив, что «имел счастье удостоиться высочайшего одобрения». Вышнеградский в ответ на это вытащил из стола свой доклад и заявил, что он тоже «имел счастье», и что его счастье, как более позднее, поглощает собою ранее «счастье» Ванновского²⁵.

После 19 октября такое сделалось почти невозможным. Все всеподданнейшие доклады, если они имели общее значение или относились до других ведомств, должны были предварительно представляться в Совет министров. В случае необходимости на докладах императору разрешалось присутствовать председателю правительства. Пункт 17 указа 19 октября гласил: «Если по делам, рассмотренным в Совете министров, не состоялось единогласного заключения, то на дальнейшее направление их председатель совета испрашивает указаний его императорского величества»²⁶.

Высочайший указ 19 октября впоследствии лег в основу пятой главы Основных законов²⁷. 20 октября 1905 года газеты напечатали высочайший рескрипт о назначении графа С. Ю. Витте председателем Совета министров.

Военный министр А. Ф. Редигер вспоминал о том времени: «Граф Витте вступил в должность первого в России премьера при крайне трудных условиях»²⁸. Страх перед стихией революции был настолько силен, что первые, пока еще полуофициальные, заседания обновленного правительства проходили почти что конспиративно.

Первое заседание проходило с 5 до 8 часов пополудни на квартире Д. Ф. Трепова (Морская, 61). 19 и 20 октября Совет министров собирался опять у Трепова, 21-го — в Мариинском дворце. После переезда С. Ю. Витте в запасной дом Зимнего дворца с 24 октября 1905 года заседания Совета стали проходить у него на квартире. День и ночь ее охранял взвод солдат Преображенского полка. При С. Ю. Витте-премьере по-

стоянно дежурили поочередно шесть чиновников. Более одного дня в неделю они не выдерживали — работы было неизмеримо много. Приезжали на службу ранним утром и уезжали за полночь. Питались дежурные чиновники за одним столом с председателем правительства.

Официальная резиденция его отличалась удобствами и даже роскошью, а стол удовлетворял самому взыскательному вкусу. За завтраком и обедом С. Ю. Витте выпивал по бокалу любимого им шампанского вина. К кофе подавались шоколадные конфеты. Матильда Ивановна умело вела застольные беседы вокруг светских, театральных, художественных и литературных новостей. Председатель правительства наслаждался редкими минутами общения с женой, ласково и любовно слушая ее разговор²⁹.

Подбор кандидатур для замещения постов в правительстве С. Ю. Витте начал еще до опубликования высочайшего рескрипта о своем назначении. Все реакционеры были отправлены в отставку, и в первую очередь К. П. Победоносцев. Долгожитель бюрократического олимпа, на протяжении целых 25 лет он возглавлял Священный синод Русской православной церкви и в общественном мнении олицетворял застой и реакцию. С. Ю. Витте настоял, чтобы старику сохранили прежнюю квартиру и приличествующее содержание.

По замыслу председателя Совета министров, одобренному императором, «просвещенных» бюрократов в правительстве следовало разбавить либеральными общественными деятелями. Первым кандидатом на министерскую должность был назван князь А. Д. Оболенский, в прошлом товарищ министра финансов и министра внутренних дел. С ним премьера связывали давние приятельские отношения. В великосветских салонах Петербурга князь Алексей Оболенский слыл за либерала, и этот факт учитывался при назначении. Не являлась секретом и его роль в появлении Манифеста 17 октября. Приглашения сделаться министрами были разосланы А. И. Гучкову, Д. Н. Шипову и князю Е. Н. Трубецкому.

Первым из общественных деятелей, к кому С. Ю. Витте обратился с предложением войти в состав правительства, был Дмитрий Николаевич Шипов. С 1893 по 1904 год он возглавлял Московскую губернскую земскую управу. Камергер высочайшего двора, в русском либеральном движении Д. Н. Шипов занимал крайний правый фланг. Он отличался честностью в личной и общественной жизни, был независим в суждениях и поступках и идеально подходил для поста государственного контролера.

Александр Иванович Гучков был известен премьеру давно. Будущий вождь «Союза 17 октября» происходил из старинной московской купеческой семьи и обладал истинно купеческим характером, суть которого в словах «ты моему ндраву не препятствуй». По роду своих занятий — он зарабатывал на жизнь дисконтерством, выдачей денег в ссуды под векселя и иные залоги — А. И. Гучков хорошо знал русскую промышленность. Он мог служить связующим звеном между правительством и предпринимательскими сферами. Ему был предложен пост главы Министерства торговли и промышленности.

Профессор философии князь Евгений Николаевич Трубецкой пользовался популярностью и у студенчества, и у профессуры. Он намечался в министры народного просвещения.

Телеграммы Д. Н. Шипову и Е. Н. Трубецкому с предложением немедленно прибыть в Петербург к С. Ю. Витте были посланы еще 16 октября, то есть до подписания Манифеста и указа. Однако они запоздали из-за забастовки и были доставлены адресатам только 18 октября.

Прибыв в резиденцию премьера, Д. Н. Шипов предложил расширить круг участников переговорного процесса включением фигур левее себя. Назывались фамилии членов партии народной свободы Г. Е. Львова, С. А. Муромцева, И. И. Петрункевича. Председатель Совета министров пошел и на это. Вскоре его навестила представительная делегация кадетской партии в составе Г. Е. Львова, С. А. Муромцева и Ф. Ф. Кокошкина. Кадеты не пожелали говорить с премьером по существу дела — об условиях вхождения в правительство, — а предпочли выдвинуть совершенно неприемлемое для него требование созыва Учредительного собрания для выработки нового основного закона государства.

После беседы с князем Е. Н. Трубецким председатель правительства заключил: это — Гамлет русской революции. Ранее пост министра просвещения им предлагался профессору Н. С. Таганцеву, видному юристу, знатоку уголовного права. Но Н. С. Таганцев отказался. Стать министром ему не позволило здоровье — больные нервы. Первой реформой, которую наметил С. Ю. Витте для высшей школы страны, должно было стать уничтожение процентной нормы евреев в вузах³⁰.

Напряженно размышлял С. Ю. Витте над тем, кого предложить императору на ключевой правительственный пост министра внутренних дел. Первоначально обсуждалась кандидатура князя С. Д. Урусова — либерального политика, в

прошлом кишиневского губернатора. Ее предложил премьеру князь А. Д. Оболенский.

Утром 19 октября князю С. Д. Урусову, находившемуся тогда в Севастополе, доставили копию телеграммы С. Ю. Витте с просьбой немедленно приехать в Петербург. Вторая телеграмма, совершенно паническая, была в тот же день получена им от А. Д. Оболенского: «Ради всего, что Вам и мне дорого, приезжайте скорее». Но выехать из Севастополя не представлялось возможным ввиду железнодорожной забастовки, и С. Ю. Витте посоветовал князю добираться в Петербург через Румынию, Австро-Венгрию и Германию. Такого путешествия С. Д. Урусов предпринять не мог, поэтому он подождал, пока заработают железные дороги, и 24 октября первым скорым поездом выехал из Севастополя. Утром 26 октября он был в столице.

Работа по образованию кабинета уже вовсю кипела. Ее очевидцем и стал С. Д. Урусов: «У Витте... я пробыл с 11 часов утра до 1 часу ночи, с двухчасовым перерывом на обед, во время которого я был, по его просьбе, занят переговорами с некоторыми общественными деятелями. За это время в моем присутствии вел переговоры со многими лицами, принимал депутации, говорил по телефону; я присутствовал при образовании и распадении разнообразных комбинаций, касающихся образования объединяемого и возглавляемого графом Витте кабинета»³¹.

Самое поверхностное знакомство с князем убедило С. Ю. Витте, что он не подходит в министры из-за отсутствия «полицейской опытности». Тогда и всплыла кандидатура Петра Николаевича Дурново. Но к ней резко отрицательно отнеслись либералы. Они предложили С. Ю. Витте на выбор несколько своих кандидатов, в том числе П. А. Столыпина и Г. Е. Львова. Зашла речь и о том, чтобы премьеру лично возглавить ключевое министерство.

Г. Е. Львова председатель Совета министров забраковал, о П. А. Столыпине высказался неопределенно. Предложение взять себе Министерство внутренних дел делалось председателю правительства не только слева, но и справа, а конкретно — Д. Ф. Треповым, который с поста столичного генерал-губернатора и товарища министра внутренних дел переместился на спокойную должность дворцового коменданта. Как писал некоторое время спустя сам С. Ю. Витте, «...я на это согласиться не мог, так как, во-первых, чувствовал, что не буду иметь на это времени, и, действительно, занимая лишь пост председателя Совета в это еще не столько революционное, как сумасшедшее время, я занимался по

16—18 часов в сутки, а во-вторых, главное, потому, что министр внутренних дел есть министр и полиции всей империи и империи полицейской по преимуществу, я же полицейским делом ни с какой стороны никогда в жизни не занимался, знал только, что там творится много и много гадостей»³².

В последних числах октября 1905 года председатель правительства пригласил к себе для совета по вопросам современного политического положения лидера кадетской партии Павла Николаевича Милюкова. Историк по образованию (он был учеником В. О. Ключевского), приват-доцент П. Н. Милюков написал воспоминание об этой встрече с премьером.

«Витте принял меня в нижнем этаже Зимнего дворца, с окнами, выходящими на Неву, в комнате, носившей какой-то проходной характер». Разговор П. Н. Милюкова с премьером начался с вопроса С. Ю. Витте о том, почему в его правительство не идут общественные деятели. Далее состоялся следующий диалог: «Не идут, потому что не верят. — Что же делать, чтобы поверили? — Надо не ограничиваться обещаниями, а немедленно приступить к их выполнению». Первое, что посоветовал сделать гость, — выбрать из числа бюрократов неskomпрометированных людей и составить из них кабинет «делового типа», который своей работой докажет всю серьезность реформаторских намерений царской администрации. «При моих словах о “деловом кабинете” как временной замене “общественного” Витте как-то сразу преобразился: с места протянул мне свою неуклюжую руку и, потрясая мою, ему протянутую с некоторым недоумением, громко воскликнул: “Вот, наконец, я слышу первое здоровое слово. Я так и решил сделать”»³³.

Однако из дальнейшего разговора выяснилось, что под одними и теми же словами собеседники разумели разные вещи. По замыслу П. Н. Милюкова правительству надлежало октроировать «...хартию, достаточно либеральную, чтобы удовлетворить широкие круги общества», иначе говоря — конституцию. На это премьер привел ему два возражения: во-первых, конституции не хочет народ и, во-вторых, ее не хочет царь. Кадетский лидер закончил беседу словами: «Тогда нам бесполезно разговаривать. Я не могу подать вам никакого дельного совета»³⁴. Затем собеседники расстались — обсуждать было нечего.

Переговоры с общественными деятелями о вхождении их в правительство, длившиеся целых десять дней и широко освещавшиеся печатью, закончились с отрицательным результатом. Утром 27 октября Е. Н. Трубецкой, Д. Н. Шипов

и А. И. Гучков вместе обдумывали, как сообщить о своем окончательном решении прессе.

Подлинные мотивы отказа общественных деятелей войти в правительство С. Ю. Витте историки обсуждают уже несколько десятилетий. По предположению В. И. Старцева, они намеревались легально прийти к власти через Государственную думу. Кто такой С. Ю. Витте? Временщик, калиф на час и не более того³⁵.

В нежелании либералов принять посты в кабинете, где Министерство внутренних дел будет возглавлять П. Н. Дурново, С. Ю. Витте с известным основанием усмотрел растерянность и малодушный страх перед революцией. Ведь единственным темным пятном на репутации П. Н. Дурново была старая полицейская история с испанским послом на амурной почве, вызвавшая гневную резолюцию императора Александра III («Убрать эту свинью в 24 часа»). П. Н. Дурново отличался твердым характером, мыслил здраво и, что немаловажно, накопил большой опыт в полицейских делах. Как вспоминает С. Ю. Витте, решающим аргументом в пользу его назначения явилось то, что он не принадлежал к придворной клике. Можно было ожидать, что он не будет марионеткой ни в чьих руках³⁶.

С утверждением П. Н. Дурново на министерский пост получилась внезапная заминка — царь по каким-то своим причинам не испытывал к нему симпатий, а потому он был назначен не министром, а управляющим министерством.

Дальнейшие события показали, что в целом С. Ю. Витте не ошибся в выборе П. Н. Дурново. Невысокого роста, сухой, с ясным умом, сильной волей и решимостью вернуть растерявшуюся власть на место, П. Н. Дурново быстро запустил в ход застопорившуюся репрессивную машину. Возобновились аресты, жандармские управления проснулись от спячки и погрузились в производство громадного числа новых дознаний по политическим преступлениям³⁷.

Хорошо знавший министра В. И. Гурко характеризует его как человека беспринципного, неразборчивого в средствах для достижения намеченных целей, но в высшей степени умного и решительного³⁸. Но беспринципность П. Н. Дурново была особого свойства — она не относилась до его политических взглядов. «В этой области он имел весьма определенные и стойкие убеждения и к делу, которым заведовал, относился весьма вдумчиво, можно сказать, любовно, так как безусловно любил Россию и болел о всех ее неудачах... Будь Дурново у власти сколько-нибудь продолжительное, а в особенности сколько-нибудь нормальное время, он, несо-

мненно, стал бы искать опоры в определенных общественных слоях, причем такими слоями в его представлении были бы именно культурные и патриотически настроенные земские круги»³⁹.

И. И. Толстой полагал, что пресловутый либерализм Дурново, из-за которого он был на подозрении у дворцовой камарильи, оказался «...весьма легковесного качества, и то, что при Плеве легко могло показаться либерализмом, при Витте после издания Манифеста 17 октября превратилось в консерватизм, граничащий с обскурантизмом и ретроградством»⁴⁰. На самом деле премьер и глава МВД расходились во взглядах лишь на способы борьбы с революционным насилием. Первый искренне верил, что победить гидру революции можно лишь разумным комбинированием глубоких реформ и законных репрессий, второй полагал, что все средства хороши и, прежде чем заниматься либеральным переустройством страны, в ней нужно навести элементарный порядок. Иначе говоря, вначале «успокоение», затем уже и реформы.

Новый министр внутренних дел оказался в непростой ситуации. С одной стороны на него давил премьер, требовавший последовательного выполнения положений Манифеста и доклада, а с другой — дворцовые сферы в прямо противоположном направлении. С течением времени премьеру явились подозрения, что П. Н. Дурново — регулярный докладчик в Царском Селе, — попав под влияние императорского окружения, и прежде всего дворцового коменданта Д. Ф. Трепова, принялся инсинуировать против политической линии, которую пытался проводить С. Ю. Витте. Всего удивительнее то, что министр внутренних дел не заслужил стойкой ненависти у революционеров, хотя боевая дружина партии эсеров одно время готовила против него террористический акт. Граф И. И. Толстой был немало изумлен, когда спустя год повстречал П. Н. Дурново на Невском проспекте разгуливающим под руку с дочерью без всякой охраны.

На второй по значению пост в правительстве — министра финансов — был назначен И. П. Шипов (племянник Д. Н. Шипова). Несмотря на то, что И. П. Шипов не просто считался, но и на самом деле был одним из самых доверенных сотрудников премьера, он не являлся простой пешкой в руках С. Ю. Витте. И. П. Шипов имел собственное мнение по всем вопросам текущей политики и, когда надо, умел его отстаивать.

Опытный и высоконравственный Сергей Сергеевич Манухин удержал пост министра юстиции в новом правитель-

стве. Н. Н. Кутлер был сделан главноуправляющим землеустройством и земледелием. Николай Николаевич Кутлер, как полагал В. И. Гурко, был «...лишен собственных твердых убеждений и взглядов и не только легко приспособлялся ко всякой обстановке, но быстро проникался окружающей его атмосферой и господствующими в ней течениями»⁴¹. Причиной такой оценки, явно несправедливой к умнице Кутлеру, скорее всего, стало его позднее сотрудничество с советской властью.

Клавдий Семенович Немешаев был железнодорожным администратором с немалым стажем работы. Он пришел на пост министра путей сообщения с должности управляющего казенными Юго-Западными железными дорогами.

Гофмейстер высочайшего двора граф Иван Иванович Толстой — ученый нумизмат, вице-президент Академии художеств — принял должность министра народного просвещения. Как это ни странно, И. И. Толстой в придворных кругах слыл чуть ли не за «красного», хотя в симпатиях не только к левым, но и к либералам его заподозрить было трудно.

Василий Иванович Тимирязев, еще один выдвиженец С. Ю. Витте, в правительстве занял пост министра торговли и промышленности. Создание такого министерства давно назрело, и поразительно то, что оно было учреждено в самый, казалось бы, неподходящий для этого момент. Большинство коллег по кабинету аттестовали В. И. Тимирязева крайне нелицеприятно из-за его личных качеств. С. Ю. Витте с ним расстался, уличив в неблаговидных делах. В. И. Гурко считал Тимирязева «практиком и материалистом». Он был в курсе всех проблем промышленности и торговли, «...но преследовал он в то время одну вполне определенную цель, а именно — завязать тесные связи в промышленном и сплетенном с ним финансовом мире, с тем, чтобы во благовремении самому перейти в ряды банковских воротил на возможно больший оклад содержания»⁴².

Государственный контролер Дмитрий Алексеевич Филофов имел либеральные воззрения и вел себя разумно. «Умный, талантливый, он отличался беззастенчивостью и какой-то добродушной наглостью. Весьма честолюбивый и всемерно стремившийся к власти, но вместе с тем ленивый по природе, он, как многие умные, ленивые люди, обладал необыкновенной способностью подыскивать себе таких сотрудников, работу которых он мог обернуть в свою пользу, выдавая ее, не стесняясь, за свою»⁴³.

Пост обер-прокурора Священного синода получил князь Алексей Дмитриевич Оболенский. С. Ю. Витте относился к

князю саркастически любовно, считал его способным, трудолюбивым и, по-видимому, ценил за ум, склонный к парадоксам. Князь постоянно метался из стороны в сторону, от крайнего либерализма к столь же крайнему консерватизму. «Это по натуре умный и благонамеренный Добчинский, но страдавший и поныне страдающий неврастением в точном смысле медицинского термина»⁴⁴. Князь А. Д. Оболенский не был таким квазипатриотом, как большинство царских бюрократов того времени, и во время «великой войны» упорно стоял на стороне Германии, радовался поражениям англичан, которых он не любил, а условия Брест-Литовского мира, заключенного весной 1918 года большевиками, признавал отвечающими интересам цивилизации и всего человечества⁴⁵.

Министерства иностранных дел, военное, морское и императорского двора находились вне компетенции главы правительства. Военный министр генерал-лейтенант Александр Федорович Редигер представлял собой, по мнению С. Ю. Витте, военного генерала, «умного, толкового, характерного и энергичного... хотя более кабинетного, нежели боевого». Уравновешенный, спокойный и рассудительный, он сильно страдал от неудавшейся семейной жизни.

Морской министр адмирал Алексей Алексеевич Бирилев любил острить, обладал живым, горячим темпераментом и немалым здравым смыслом. С. Ю. Витте его ценил и во время заседаний кабинета нередко просто настаивал, чтобы адмирал сказал свое мнение по тому или иному вопросу гражданского управления. А. А. Бирилев никогда не отказывался выполнить просьбу председателя и при этом ухитрился ни разу не попасть своим советом впросак. В царской семье забавника А. А. Бирилева любили и часто приглашали к высочайшему завтраку.

Владимир Николаевич Ламздорф был одним из самых опытных дипломатов своего времени — 40 лет он проработал в Министерстве иностранных дел. С председателем правительства он неизменно сохранял дружеские отношения.

Любопытную фигуру представлял собой министр императорского двора барон Владимир Борисович Фредерикс, постоянный участник заседаний правительства. Богатый петербургский домовладелец, прекраснейший, благороднейший и честнейший человек, он имел один-единственный недостаток. Как уже говорилось, он был сильно ограничен умственно. Что именно такие люди и преуспевали при дворе последнего императора, наглядно подтверждается послужным и наградным списками барона:

В. Б. Фредерикс провел при императорском дворе — сначала Александра III, затем Николая II — значительную часть своей жизни. При графе И. И. Воронцове-Дашкове он трудился в должности помощника министра императорского двора, имел воинское звание генерал-лейтенанта, состоял по гвардейской кавалерии (перед фотографиями В. Б. Фредерикс позировал с длинной кавалерийской саблей), носил придворное звание шталмейстера и, как знаток кавалерии и лошадей, в порядке совмещения управлял придворной конюшенной частью. Из российских государственных наград он имел орден Святого Владимира 2-й степени, Святой Анны 1-й степени и Святого Станислава 1-й степени плюс 6 иностранных орденов и 2 памятные медали. Сделавшись министром, он в короткое время оброс невероятным числом всевозможных наград.

В 1914 году В. Б. Фредерикс был уже графом (получил этот титул в год празднования трехсотлетия дома Романовых), генерал-адъютантом, полным генералом, членом Государственного совета, канцлером императорских и царских орденов, главноначальствующим над кабинетом его императорского величества, командующим императорской главной квартирой, почетным стариком четырех кубанских станиц. В. Б. Фредерикс стал кавалером всех высших российских орденов: Святого Андрея Первозванного (И. И. Воронцов-Дашков не имел такой награды в бытность министром), Святого Владимира всех четырех степеней, Святого Александра Невского, Святой Анны двух степеней и Святого Станислава двух степеней. Коллекция иностранных орденов у него была самая, наверное, богатая: австрийские, прусские, датские, британские, французские, баварские, черногорские и т. д. и т. п. Он имел даже почетную турецкую Ифтикар, украшенную бриллиантами. Среди наград графа, правда, не было ни одной боевой.

За какие заслуги В. Б. Фредерикс получил все это множество наград и почетных званий, не очень понятно. С. Ю. Витте с большими основаниями полагал, что «...ни по своим способностям, ни по своему уму он не может иметь решительно никакого влияния на государя императора и не может служить ему ни в какой степени советчиком по государственным делам и даже по непосредственному управлению Министерством двора»⁴⁶.

Формирование правительства в силу ряда причин затянулось. В полном составе оно заработало в самом конце октября. Так, новый министр просвещения граф И. И. Толстой вступил в должность лишь 1 ноября⁴⁷.

В. И. Гурко делит кабинет С. Ю. Витте на три части. Первая часть, по его мнению, состояла из клеветов премьер-

Статс-секретарь, действительный тайный советник С. Ю. Витте.

Министр финансов
С. Ю. Витте. 1902.

Государственный банк
Российской империи.
Петербург.
Фото начала XX в.

И. П. Шипов,
министр финансов.

А. И. Путилов, управляющий
Дворянским и Крестьянским
земельными банками.

Э. Д. Плеске, управляющий
Государственным банком.

Н. Н. Кутлер,
главноуправляющий
землеустройством и земледелием.

Государственная четырехпроцентная рента — главная бумага русского государственного долга.

Председатель
Комитета министров
С. Ю. Витте.
1903.

Мариинский дворец
в Петербурге,
где проходили
заседания
Комитета министров.
Фото 1890-х гг.

Адмирал
Е. И. Алексеев,
генерал-адъютант,
наместник
на Дальнем Востоке
в 1903—1905 годах.

Город Дальний.

Ли-Хун-Чжан —
китайский дипломат,
партнер С. Ю. Витте
на переговорах
1896 года — с сыном Ли.

Набережная
города Порт-Артур.
Фото 1900 г.

Нью-Йорк.
Пятая авеню.
1905.

Русская делегация
на переговорах
в Портсмуте. 1905.

В. Н. Коковцов,
заместитель С. Ю. Витте
в Министерстве финансов.

А. В. Кривошеин, заместитель
руководителя Главного управления
землеустройства и земледелия.

И. Л. Горемыкин, министр внутренних дел в 1895—1899 годах,
председатель Совета министров в апреле — июле 1906 года
и в январе 1914-го — январе 1916 года.

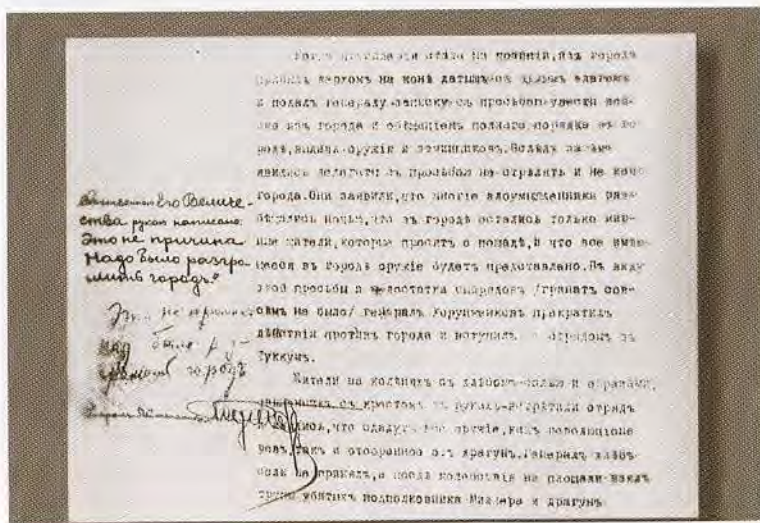

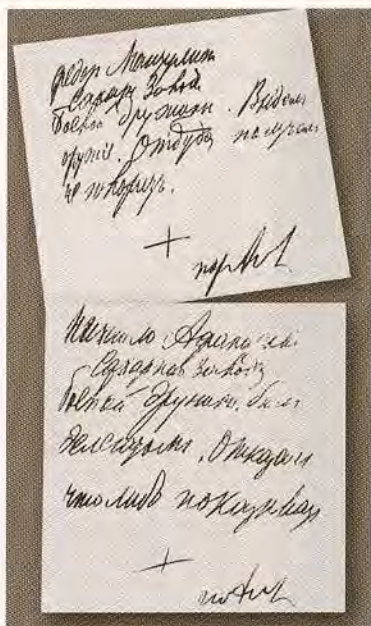

«Октябрьская идиллия».
1905 год.
Рисунок
М. В. Добужинского.

Смертные приговоры
полковника Мина
дружинникам Пресни
с отметкой поручика
Семеновского полка
Аглаимова
о приведении
их в исполнение.

Резолюция Николая II
с требованием
разгромить
город Туккум.
Фотокопия
с подлинника.

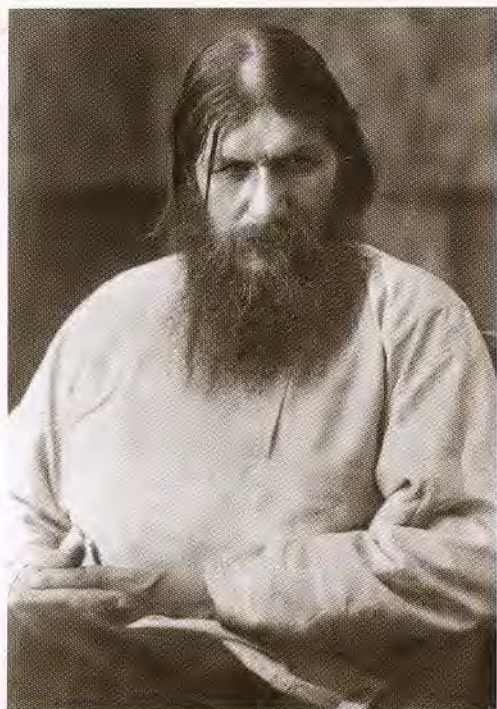

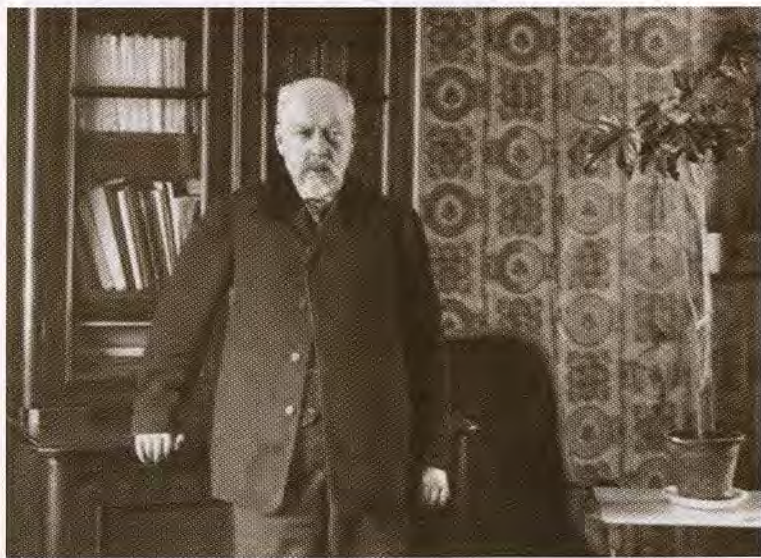
«Солдатушки, бравы ребятушки!
Где же ваша слава?»
Рисунок В. А. Серова. 1905.

Вице-адмирал Ф. В. Дубасов,
московский генерал-губернатор
в ноябре 1905-го — апреле 1906 года.

Г. Е. Распутин,
«святой старец»
императорского двора,
в 1905—1916 годах.

Князь
В. П. Мещерский,
редактор-издатель
газеты «Гражданин».

Император
Николай II.

Резолюция Николая II
на докладе С. Ю. Витте
по аграрному вопросу:
«Частная собственность
должна оставаться
неприкосновенной».
Фотокопия с подлинника.
1906.

*Частная
собственность
должна
оставаться
неприкос-
новенной
Н. Яковлев 1906.
В. Яковлев 1906.*

...или преддана политике. Представляется поспешному
предпочтительным для правительства поступиться частью зе-
мель, как это было сделано в 1861 году и обезпечить
за добросовестное пользование частью, несли думаться
исполнительства по земельным вопросам более изыгод-
ным или иначе не в состоянии введения прогрессив-
ного земельного налога, при котором существование
крупной земельной собственности невозможно.

Ввиду продолжения таковы образом в Совете рас-
суждения признало было более правильным отложить окон-
чательное обсуждение этого дела, образовав теперь же
особое совещание или представителей ведомств для из-
смотра и составления проекта и представления в комитет

М. И. Витте,
жена С. Ю. Витте.

Вера Нарышкина-Витте,
приемная дочь С. Ю. Витте.

С. Ю. Витте с сеттером. Скульптор П. Трубецкой. 1899.

С. Ю. Витте с внуком Львом Нарышкиным.

С. Ю. Витте в рабочем кабинете.

ра, которые не осмеливались ему возражать. К ней он причислял И. П. Шипова, Н. Н. Кутлера и К. С. Немешаева. Вторые пытались выказать самостоятельность в управлении своими ведомствами, но в Совете министров они неизменно примыкали к премьер-министру. Таковыми были, по мнению В. И. Гурко, И. И. Толстой, В. И. Тимирязев, Д. А. Философов и В. Н. Ламздорф. Третью часть образовали министры, входившие в Совет чисто формально. Это были А. Ф. Редигер, А. А. Бирилев и В. Б. Фредерикс — они подчинялись непосредственно царю, однако единства Совета министров старались не нарушать и регулярно появлялись на его заседаниях. «Из изложенного видно, — пишет В. И. Гурко, — что в заседаниях Совета Витте являлся полным хозяином положения, имел по каждому вопросу вполне обеспеченное большинство»⁴⁸. Мемуарист ошибался. По ряду ключевых вопросов внутренней политики (аграрному, еврейскому и др.) министры решительно расходились между собой во взглядах.

* * *

Заседания объединенного правительства проходили в столовой при казенной квартире С. Ю. Витте в доме 30 по Дворцовой набережной рядом со зданием Эрмитажа. Посередине комнаты находился длинный стол, покрытый зеленым сукном. За него и усаживались министры. Размещались без чинов, случайно, за исключением двух членов кабинета — министра высочайшего двора и иностранных дел. Им премьер лично предложил занять место по правую руку от него. За Ламздорфом постоянно сидел князь Оболенский, затем Философов, Кутлер, Тимирязев, Дурново, Вуич, Манухин, Толстой, Редигер, Немешаев, Бирилев. Когда из состава правительства были выведены Кутлер, Тимирязев и Манухин, то места первых двух заняли их преемники, Никольский и Федоров, а преемник Манухина Акимов поместился между Бирилевым и Шиповым⁴⁹.

Комната была большая, вытянутая в длину и довольно темная, с одним только окном во двор в самом ее конце. Поэтому, даже когда заседания проходили днем, зажигалось электричество. Помимо министров в заседание очень часто приглашались для дачи справок, заключений и советов товарищи министров, начальники департаментов различных ведомств, военные и общественные деятели. Несколько раз Совет собирался в Мариинском дворце. Такое случалось в дни заседаний Комитета министров и исключительно в це-

лях экономии времени, чтобы не собираться вторично. После окончания заседания Комитета делался краткий перерыв и председатель граф С. Ю. Витте объявлял о начале заседания Совета министров. Своего аппарата сотрудников Совет министров не имел. Председатель пользовался канцелярией Комитета министров. Ею заведовал сенатор Н. И. Вуич, женатый на любимой дочери злейшего врага С. Ю. Витте — покойного В. К. Плеве.

Нормальные вечерние заседания обычно назначались в 20 часов 30 минут. Первым обычно приезжал министр народного просвещения, не пропустивший ни одного заседания, затем финансов, путей сообщения, юстиции, земледелия и государственного контроля. Министр внутренних дел, самый занятой человек в правительстве, если не считать председателя, иногда приезжал аккуратно, иногда опаздывал, а в начале 1906 года и вовсе не являлся на заседания. Министр юстиции прибывал обычно после начала заседания, но опаздывал не более чем на двадцать минут. Постоянно задерживался, причем иногда на час и более, обер-прокурор Священного синода.

Министры являлись одетые совсем по-домашнему — в черные сюртуки, а иногда даже в пиджаки. И. И. Толстой, не зная порядков, в первый раз явился в заседание одетым в мундирный фрак и немедленно получил замечание от председателя: «Чего это Вы так разрядились? Откуда Вы приехали?»⁵⁰ Граф С. Ю. Витте выходил к собравшимся министрам всегда очень аккуратно, обходя их, со всеми здоровался, затем садился за стол и открывал заседание. Начиналось оно с обсуждения главного предмета, который председатель докладывал усталым и тихим голосом. Затем голос С. Ю. Витте усиливался и нередко переходил на крик, особенно если он вступал с кем-нибудь из присутствующих в спор. В выражениях премьер-министр не стеснялся: «так могут думать только идиоты», «это черт знает на что похоже», «я в таком случае все брошу к черту», «я попрошу вас молчать и слушать, когда я говорю» и т. п.

О заседаниях кабинета графа С. Ю. Витте военный министр вспоминал как о непрерывном кошмаре: «Бесконечные, до поздней ночи, препирательства и повышенный тон дебатов делали для меня эти заседания наказанием...»⁵¹

Особенно часто граф срывался на П. Н. Дурново и князе А. Д. Оболенском. Последний, не говоря уже о постоянных опозданиях, имел обыкновение говорить чрезвычайно расплывчато, чего С. Ю. Витте совершенно не переносил, делая своему приятелю публичные замечания такого рода: «Если

Вам угодно говорить, то приходите вовремя, а теперь пришли поздно, не знаете, о чем говорили, и болтаете теперь без умолку, и совсем не к делу. Коли опоздали, так сидите и молчите, а не мешайте нам дело делать»⁵².

По замечанию графа И. И. Толстого (так же считал и А. Ф. Кони), «...Витте не обладал красноречием и выражался иногда даже грамматически неправильно, перевирая выражения, ища их и не находя, путая иногда слова, но речь его была всегда энергичная, убежденная и действовала поэтому замечательно сильно на слушателей»⁵³.

Из всех коллег С. Ю. Витте лишь В. И. Тимирязев не поддавался на его резкости, решительно и спокойно возражая премьеру. Отставка Тимирязева вызвала у Витте смешанные чувства: с одной стороны, он ценил его ум и опыт, но с другой — нравственные качества министра торговли и промышленности были таковы, что работать с ним в сложной обстановке было совершенно невозможно. И. И. Толстой думал, что Тимирязев ушел от Витте, спасая свою либеральную репутацию: «...Он увидел, что непопулярность Витте и всей его политики окончательно установилась, и не признавал никакой ни этической, ни практической причины жертвовать собою ради безнадежно осужденного дела»⁵⁴.

После ухода из кабинета В. И. Тимирязев, как выразился С. Ю. Витте, «пал на банковые подушки, заранее себе подготовленные»⁵⁵. Он возглавил совет Русского для внешней торговли банка, одного из самых солидных кредитных учреждений империи. Повстречав В. И. Тимирязева в конце сентября 1906 года, граф И. И. Толстой был слегка шокирован его благополучным внешним видом: котиковое пальто, бриллиантовая булавка в галстук и великолепный экипаж⁵⁶.

* * *

В начале своего премьерства С. Ю. Витте не стремился наращивать карательно-репрессивные действия против революционного движения. Со стороны его поведение выглядело так, как будто он умышленно позволял революции разрастаться. «Его сиятельство, соправитель России, скоро будет президентом», — ехидничали недоброжелатели премьера. «Злобные, глупые скоты», — в сердцах обозвал их С. Ю. Витте. Либералы и умеренные консерваторы всех мастей считали, что в роли председателя правительства, который не пользовался к тому же полным доверием у императора, он растерялся и не сумел взять верный тон в действиях. Н. Н. Покровский, чиновник Министерства финансов и Комитета

министров, хорошо осведомленный и при этом бесспорно умный человек, много лет спустя писал: «Революции был нанесен ущерб, войска, в громадной своей массе, оставались непоколебленными, а при этих условиях не было оснований играть двойную роль. Эта роль, как рассказывают, довела почти до того, что неизвестно было, кто кого арестует: Витте — Хрусталева или Хрусталев — Витте»⁵⁷.

Русский человек, как гласит популярная поговорка, задним умом силен и крепок. К тому же пережитые страхи имеют свойство быстро забываться. Сам Витте, уже будучи в отставке, разговоров на эту тему не любил и раздражался, когда при нем их заводили. Ему случалось паниковать, испытывать чувство страха и растерянности — бесстрашных в абсолютном значении этого слова людей не бывает. Но в труднейшие для самодержавия осенне-зимние месяцы 1905 года он действовал решительно и последовательно. Случались, разумеется, и досадные промахи, которые затем на все лады муссировались враждебной премьеру печатью. Вот одна из них.

26 октября в Кронштадте случилось восстание моряков и солдат, быстро и с малой кровью подавленное верными правительству воинскими частями. Министры внутренних дел и юстиции решили предать несколько сотен участников восстания военному суду. От него следовало ожидать вынесения многочисленных приговоров к расстрелу и повешению, чем, собственно, славились тогдашние военные суды. Через два дня, 28 октября, все 10 губерний Привислянского края (так называлась тогда Польша) были объявлены на военном положении. В знак протеста Петербургский совет рабочих депутатов объявил 1 ноября всеобщую политическую забастовку под лозунгами «Долой смертную казнь!», «Долой военно-полевые суды!», «Долой военное положение в царстве Польском и во всей России!».

2 ноября 120 тысяч рабочих 526 предприятий Санкт-Петербурга не вышли на работу. Замаячило повторение октябрьских событий, и председатель правительства растерялся. С. Ю. Витте обратился к бастующим с предложением встать на работу и пообещал от имени царя как следует позаботиться об улучшении их быта, назвав их несколько панибратски «братцами-рабочими». Неудачное обращение только подлило масла в огонь. «Братцы-рабочие» петербургской электростанции ответили на письмо премьера кратко: «Прочитали и забастовали». В дальнейшем С. Ю. Витте правильно оценивал степень своей популярности у рабочего люда. Ошибка им и его коллегами была быстро исправле-

на — уже 6 ноября в газетах было помещено правительственное сообщение о том, что военное положение в Польше введено как временная мера, а не навсегда, и что участники кронштадтских событий будут судимы военным, а не военно-полевым судом. Петербургский Совет рабочих депутатов постановил с 7 ноября прекратить стачку.

Нет ни малейшего сомнения в том, что тактика самых широких уступок общественному настроению была единственно возможной в первые месяцы премьерства С. Ю. Витте. В ноябре — декабре 1905 года сохранялось неустойчивое равновесие сил — не было вполне ясно, чья возьмет. Верхи пребывали в состоянии крайней растерянности из-за невозможности действовать привычными методами прямого и грубого насилия, революционный лагерь не был в достаточной мере организован и объединен единым руководством.

Ретивый П. Н. Дурново рассылал циркуляры с требованием «строгости в действиях», то есть широкого применения насилия. На один из таких циркуляров Министерства внутренних дел, датированный 5 ноября, иркутский генерал-губернатор прислал сердитый ответ: «Все меры, на которые вы указываете, из-за одного чувства самосохранения должны быть приняты, но для этого нужна власть и войска, а ни того, ни другого нет. Чтобы войска действовали твердо и решительно, нужно избавиться от запасных и кормить хорошенько тех, которые в строю, а этого не делается. Запрещение митингов идет вразрез с манифестом и вашими инструкциями, а кроме того, запрещать на бумаге легче, чем не допускать на деле. Аресты при настоящем положении невозможны и могут кончиться бесполезным кровопролитием и освобождением арестованных. Брожение между войсками громадное, а если будут беспорядки, то они могут кончиться только смертью тех немногих, которые еще верны государю. На войска рассчитывать трудно, а на население еще меньше. Вообще положение отчаянное, а от петербургского правительства, не отвечающего даже на телеграммы, я кроме советов ничего не получаю»⁵⁸. И это действительно так. Даже казаки, срочно призванные на службу, и те не все оказались надежными. В некоторых подразделениях Донского и Кубанского казачьих войск случались волнения.

Тяжелая служба по предотвращению, а то и подавлению внутренних беспорядков ослабляла армию: войсковые части дробились на мелкие единицы, а те легко поддавались агитации. Лишь гвардия и регулярная кавалерия сохранились в относительном порядке, прежде всего благодаря заслуге великого князя Владимира Александровича. Добровольный

перевод офицеров из гвардии на восток им допускался лишь с условием, что обратно в гвардию они не возвращались. Но гвардейские части не распыляли, берегли для экстренных случаев, вроде московского восстания. «Гвардия в 1905—1906 годах спасла положение, без нее переворот 1917 года мог произойти уже тогда», — полагал А. Ф. Редигер⁵⁹.

Самую большую тревогу внушало состояние флота. Как писал военный министр, «...он являлся несомненной опасностью для страны. Государь это вполне осознавал и однажды по поводу какого-то беспорядка в Черноморском флоте вполне спокойно сказал, что Севастопольская крепость должна быть готова пустить его, буде нужно, ко дну»⁶⁰.

Случались факты и трагикомического свойства. 22 ноября военный министр получил телеграмму, где сообщалось, что комендант крепости Кушка генерал-майор В. П. Прасолов ни с того ни с сего объявил крепость в осадном положении (!), предал военному суду и приговорил к смерти инженера Соколова и еще нескольких лиц, деятельность которых ему внушала опасения. Инцидент объяснялся просто — генерал В. П. Прасолов был горчайшим пьяницей, допивавшимся до потери рассудка.

Опрометчивые шаги правительства могли тогда привести к тяжелым, даже непредсказуемым последствиям. Один из таких шагов сделал министр внутренних дел. П. Н. Дурново, в чьем ведении находились почта и телеграф, разослал циркуляр, запрещающий служащим принимать участие в образованном незадолго до этого «Всероссийском почтово-телеграфном союзе», а несколько активистов этого союза были им уволены с работы. 15 ноября началась забастовка почтово-телеграфных служащих. «На графа С. Ю. Витте, — вспоминал И. И. Толстой, — она произвела положительно подавляющее впечатление и нервировала его окончательно: невозможность получать своевременно необходимые сведения по телеграфу в такое время, когда он считал первейшей необходимостью быть всегда осведомленным о всем существенном, происходящем в стране, затруднительность получения даже и письменных донесений ввиду невозможности организовать курьерскую службу, выводили его из себя и заставляли опускать руки, так как именно в своей осведомленности обо всем происходящем в стране он полагал свою главную силу»⁶¹.

Сочувственное отношение образованного общества к этой забастовке портило графу настроение — как можно в своем озлоблении против правительства доходить до полного забвения интересов страны и своих собственных! На каж-

дом заседаний Совета министров, которые в ноябре и декабре проходили едва ли не через день, он устраивал допрос управляющему Министерством внутренних дел о ходе забастовки и о принятых против нее мерах.

Граф И. И. Толстой записал по свежим следам событий: «Мое личное впечатление таково, что П. Н. Дурново в то время сам был крайне смущен забастовкой своих подчиненных и во всяком случае не проявлял никакой самоуверенности, говоря в Совете об ее исходе. Напротив, в нем были заметны постоянные колебания между решимостью проявить крайнюю строгость и желанием попытаться вступить на путь некоторых уступок; на одном он стоял твердо, и в этом мы все единодушно с ним соглашались, что такая забастовка нетерпима, представляет собою ужасное безобразие и должна быть прекращена»⁶².

* * *

Как это ни странно, но работа обновленного Совета министров первого состава документирована неважно. Стенограммы на заседаниях правительства не велись, а протоколы, и то лишь с краткой записью повестки дня, составлялись только в промежутке между 10 января и 18 апреля 1906 года. Это делает изучение истории «первого конституционного правительства» России занятием непростым. Нет точных данных даже о том, сколько раз оно собиралось на заседания.

Историк Н. Г. Королева насчитала 31 заседание правительства С. Ю. Витте. В 1990 году ленинградские ученые опубликовали весь выявленный ими комплекс документов, оставшихся от деятельности кабинета С. Ю. Витте. Произведенный по ним подсчет дает иное число заседаний — 57. Фактически же их было больше — И. И. Толстой вспоминал, что в ноябре — декабре 1905 года в течение двух-трех недель правительство собиралось не только ежедневно, но иногда даже по два раза в день — утром и вечером⁶³. Следовательно, некоторые заседания кабинета были, по-видимому, неофициальными.

Первое «официальное» заседание правительства во главе с графом С. Ю. Витте, как уже говорилось, состоялось 29 октября, последнее — 18 апреля. По месяцам они распределились так: в октябре — 2 заседания, ноябре — 15, декабре — 8, январе — 9, феврале — 7, марте — 12, апреле — 4. И это не считая трех совещаний в Царском Селе в декабре, феврале и апреле, посвященных избирательному закону, учреждению Государственной думы и Совета, а также Основным за-

конам Российской империи. Помимо Совета министров С. Ю. Витте председательствовал еще и на заседаниях Комитета министров. Наконец, председателю правительства приходилось отстаивать свои законопроекты при прохождении их через Государственный совет.

Обычно дела в Госсовете рассматривались в порядке очередности, и со дня поступления дела до его обсуждения в заседании часто проходило несколько месяцев. Совершенно игнорировать Государственный совет С. Ю. Витте не мог да и не хотел, поэтому для срочных временных законопроектов (о печати, о собраниях и союзах, о стачках и пр.) он выхлопотал у императора повеление о внеочередном их прохождении вместе с предписанием обсудить их в одно или несколько заседаний. В последнем случае заседания назначались ежедневно. Для членов Госсовета, средний возраст которых превышал 60 лет, это было тяжким испытанием — заседать приходилось по несколько дней подряд без перерыва с часу дня и до семи вечера. Несмотря ни на что, любители поговорить часто затягивали обсуждение, что страшно нервировало премьер-министра. Граф И. И. Толстой не раз был свидетелем тому, как С. Ю. Витте, сказав в общем собрании Госсовета обыкновенно нескладную, но резкую и убедительную речь, выходил в буфет, чтобы успокоить нервы папиросой, и там, в возбуждении расхаживая взад и вперед, подобно «зверю в клетке», ворчал: «“Ну что тут поделаешь? Работаешь, не спишь по целым суткам, спешишь дело делать, а тут приходится еще время терять. Им легко рассуждать и сидеть каждый день по шесть часов; им нечего другого и делать, а мы теряем время; и ведь не с них, а с меня взыщут, если я что-нибудь вовремя не сделаю. Господи, вот каторга...” — и, бросивши папиросу, опять большими шагами шел в зал, опускался на свое место, чтобы через некоторое время опять вскочить с возражением кому-либо из говоривших с новою энергиею»⁶⁴. Ретироваться из зала заседаний у премьера, в отличие от других министров правительства, не было возможности, поскольку он был крайне заинтересован в успешном прохождении почти всех дел, разбиравшихся в общем собрании Государственного совета.

При непременно участии премьер-министра проходили еще и секретные заседания Комитета финансов, о которых другие члены правительства (за исключением И. П. Шипова и В. Н. Ламздорфа) ничего не знали. Поражаешься тому, как С. Ю. Витте, сильно уставший, немолодой и серьезно больной человек, выдержал такое нечеловеческое рабочее напряжение в те критические для самодержавия месяцы.

Вопросы, которыми занималось «объединенное правительство», делились на три категории. К первой относились министерские инициативы общегосударственного значения; дела, касавшиеся всех министерств и ведомств; издаваемые министрами циркуляры общего значения; всеподданнейшие доклады, где затрагивались межведомственные вопросы; предположения министров по усовершенствованию вверенных им частей государственного управления. Ко второй — все то, что относилось к чрезвычайному законодательству (87-й статье Основных законов). Наконец, к третьей — вопросы, которыми занимался Комитет министров. Но Комитет министров был ликвидирован только 23 апреля 1906 года, и С. Ю. Витте на протяжении шести месяцев приходилось совмещать обе должности в сложной и нерационально организованной структуре управления Российским государством.

Карательно-репрессивный уклон в работе кабинета С. Ю. Витте советской историографией сильно преувеличивался. Обсуждение мер подавления революции, конечно же, отнимало массу времени — одному только проекту введения военно-полевых судов было отведено целых пять заседаний. Но все же ставка делалась на умиротворение страны посредством мероприятий несилового характера.

Подсчеты тематики заседаний правительства, сделанные по материалам работы Н. Г. Королевой, дали следующий результат: «военным» делам было посвящено 22 заседания кабинета, «мирным» — 29 заседаний⁶⁵. Рабочему вопросу было отведено 4 заседания, аграрному — 12 заседаний, экономике и финансам — 4 заседания, проектам государственных преобразований — 9 заседаний. Впрочем, революция наложила свой неизгладимый отпечаток и на сугубо мирные правительственные инициативы.

Основным итоговым правительственным документом была мемория, или памятная записка. Она содержала краткое изложение вопроса и резюме его обсуждения. Вначале, после уже состоявшегося обсуждения, составлялся черновой проект мемории. Затем он согласовывался, перепечатывался набело на машинке или в типографии, подписывался министрами и представлялся императору.

За все время работы правительством С. Ю. Витте было составлено 92 мемории. Они были разными по содержанию и объему. Чаще всего они имели характер сопроводительного документа к проектам законодательных актов. Так, проекты указа Правительствующему сенату и Положения о выборах в Государственную думу, выработанные Советом

министров во исполнение второго пункта Манифеста 17 октября, сопровождала 22-страничная машинописная мемория. На таких бумагах император обычно ставил знак рассмотрения.

Памятные записки могли иметь значение и самостоятельных документов. Тогда от императора зависело, поддержать или нет предложения министров своего правительства. 14 апреля 1906 года министрами была составлена, отредактирована и подписана мемория с подведением итогов рассмотрения ходатайства директора Славянских Минеральных Вод о том, чтобы евреям разрешили временное пребывание на курорте в период лечебного сезона. Совет министров записал, что «...для посещения Славянских Минеральных Вод евреями в течение периода времени около 2,5 месяцев лечебного срока не усматривается каких-либо серьезных препятствий и что названные воды, расположенные в непосредственном соседстве с чертою еврейской оседлости, не требуют большего ограждения от еврейского населения, чем город Киев. Совет министров полагает испросить всемилостивейше Вашего Императорского Величества соизволение на предоставление министру внутренних дел в виде временной меры сделать распоряжение о непрепятствовании временному пребыванию евреям на Славянских Минеральных Водах в период лечебного сезона». После десятидневных напряженных раздумий император решил утвердить мнение министров и начертал на мемории резолюцию: «Согласен»⁶⁶.

Мемориями были оформлены проекты временных законодательных актов (так называемых «Временных правил») о печати, союзах и о собраниях. Работа над этими ключевыми вопросами шла долго, тяжело и сопровождалась потерями.

Быстрее всего, ввиду его неотложности, правительство закончило обсуждение временного закона о свободе печати. Уже 24 ноября были обнародованы «Временные правила о повременных изданиях». Применение административных санкций в отношении повременных изданий ими отменялось, но за «совершение путем печатного слова преступных деяний» могло быть возбуждено судебное преследование. Концессионная процедура учреждения периодических изданий сменилась явочной.

Временный закон о печати, как самокритично признался И. И. Толстой, вышел «куцым» и никого не удовлетворил — всегда хочется большего. Вместе с тем граф предлагал всем его критикам сравнить номера любой газеты за январь или февраль 1906 года с номерами за те же месяцы 1905 или 1904 года, и каждый, по его мнению, мог увидеть, что «...не-

смотря на возбуждение многочисленных преследований за преступления против закона о печати, новый закон все же дал широкую возможность писать о многом таком, о чем раньше немислимо было заикнуться, и это безнаказанно в таком тоне, который раньше считался бы, несомненно, караемым с беспощадной строгостью. Поэтому, несмотря на всю его неудовлетворительность, которая сказалась весьма скоро, можно сказать, прежде чем чернила, которыми закон был подписан, успели подсохнуть, все же новый закон должен почитаться либеральным, а принимая во внимание революционное время и настроение его составителей, более либеральным, чем можно было ожидать»⁶⁷.

Проект Временных правил о собраниях был подготовлен министром юстиции С. С. Манухиным уже в ноябре 1905 года. Он вызвал разногласие между ним и министром внутренних дел. Предмет разногласия состоял в следующем: оставить в силе или отменить норму закона о собраниях 12 октября 1905 года, позволявшую начальнику полиции запрещать публичное собрание в том случае, если он усмотрит, что оно может угрожать общественной безопасности. В проекте С. С. Манухина запрет распространялся только на те собрания, которые противоречили уголовным законам либо общественной нравственности. П. Н. Дурново, ссылаясь на существующие чрезвычайные обстоятельства, настаивал на сохранении действующего закона.

Совет министров после длительных дебатов принял точку зрения П. Н. Дурново, но не безоговорочно. Если в собрании участвовали только члены признанного законом общества и союза, то оно не могло считаться публичным, каким бы многолюдным ни было. Обсуждать государственные, общественные, экономические и религиозные дела разрешалось свободно, соблюдая правила приличия и в рамках строго легальных и партийных дискуссий. Разрешения на их проведение не требовалось вообще. Что же касается многолюдных и разношерстных публичных сборищ (митингов), то в силе оставались все основные положения Указа 12 октября. По образцу законов Австрии и Пруссии разрешения не требовалось на проведение обычных религиозных процессий; публичные собрания в непосредственной близости от местопребывания монарха и законодательных собраний запрещались категорически и безусловно. Публичные политические собрания в стенах вузов не разрешались; митинги на открытом воздухе могли проводиться только с дозволения губернаторской власти⁶⁸.

Мемория с проектом Временных правил о собраниях бы-

ла утверждена царем 11 января 1906 года. Окончательный вариант Временных правил о публичных собраниях был опубликован только 4 марта и в редакции, отличающейся от правительственной, — если партийное или иное подобное собрание устраивалось в специально приспособленных для того помещениях (театрах, концертных залах и т. п.), то оно признавалось публичным и могло состояться только по предварительному разрешению полицейских властей⁶⁹.

4 марта 1906 года были изданы и Временные правила об обществах и союзах. Их проект был представлен Министерством юстиции Совету министров 8 ноября 1905 года. Он обсуждался на семи заседаниях, 10 января 1906 года готовая мемория поступила в Царское Село и на следующий день была там утверждена. «Осуществление в жизни указанного в Манифесте 17 октября начала свободы союзов, — говорилось в мемории, — дало бы возможность... благоразумным элементам общества беспрепятственно спланиваться в единения для достижения совместными усилиями каких-либо целей, вместе с тем благодаря ему развилась бы самодеятельность среди большинства, стремящегося к поддержанию государственного порядка и мирному, постепенному развитию населения, которое противопоставило бы свои творческие, здоровые силы разрушительным стремлениям различных нелегальных политических сообществ»⁷⁰.

Отныне общества и союзы могли возникать свободно — без разрешения администрации, но с соблюдением определенных правил. Лицам, собирающимся учредить какое-либо общество и действовать легально, стоило только подать заявление о том губернатору либо градоначальнику. Если в двухнедельный срок на заявление не поступал юридически мотивированный отказ, то учредители могли считать свое общество открывшимся.

Если учреждаемое общество намеревалось приобретать недвижимое имущество, вступать в законные обязательства, выступать на суде истцом либо ответчиком, то открытие совершалось по более сложной процедуре. Его надлежало зарегистрировать в установленном порядке на основании представленного устава. Запрещались общества с противоправительственной направленностью, угрожающие общественному спокойствию и безопасности, а также те, которыми руководили учреждения либо лица, пребывающие постоянно за границей⁷¹.

Самые большие сложности возникли с участием государственных служащих в общественных организациях. Совет министров постановил как общее правило: служащие у го-

сударства могут создавать свои общества и союзы и участвовать в посторонних, но только с разрешения начальства.

Временные правила о печати, обществах и собраниях, выработанные кабинетом С. Ю. Витте в чрезвычайных обстоятельствах революции, так никогда и не превратились в постоянные законы. Гарантией гражданской свободы, провозглашенной Манифестом 17 октября, до конца срока существования Российской империи оставались не законы, а временные узаконения — своего рода суррогаты законов. Так уж получилось, что России императора Николая II не суждено было пройти весь маршрут правовых реформ до конечной станции с названием «Гражданское общество». Она остановилась на полдороге, заколебалась и, как проницательно заметил в «Воспоминаниях» С. Ю. Витте, в столыпинское «бессовестное» время повернула вспять, в прежнее царство безудержного и беспредельного административного произвола.

* * *

Другим итоговым документом Совета министров стали всеподданнейшие доклады. Они, так же как и мемории, могли сопровождать законодательные акты и даже выполнять функцию оправдательных документов. В докладе от 14 апреля 1906 года заявлялось, например, о непричастности Совета министров к делу о разглашении газетами секретной информации о ходе обсуждения в правительстве новой редакции Основных государственных законов.

Некоторые из всеподданнейших докладов, судя по стилю, писались премьер-министром собственноручно. В начале 1906 года его сильно беспокоило то, что многотрудная работа императорского правительства по аграрному вопросу неизвестна крестьянам и что пропаганда революционеров в деревнях не ослабевает. 23 января 1906 года он пишет царю: «Осмеливаюсь доложить Вашему величеству о высочайшем пожелании дать указание министру внутренних дел о необходимости оживления “Сельского вестника”. Это дело неотложное. Теперь крестьянам подносят отвратительную печатную пищу. Необходимо приспособить “Сельский вестник” к крестьянским потребностям, сделать эту газету для них интересною и наводнять ею деревни. Если это вызовет несколько сот тысяч излишнего расхода, то нужно деньги дать. Необходимо поручить дело талантливому и трудоспособному лицу и не терять время. Этот вопрос я поднял два месяца тому назад, а покуда ничего еще не сделано; между тем революционеры не зевают»⁷².

В самом знаменитом среди историков всеподданнейшем докладе от 10 января он информирует Николая II о ходе занятий Совета министров по аграрному вопросу и о предполагаемых мерах для предотвращения крестьянских волнений. Прошение С. Ю. Витте об отставке также было оформлено как всеподданнейший доклад императору. Всего за шесть месяцев председателем правительства было составлено 39 таких докладов. В подавляющем большинстве случаев они были индивидуальными и подписывались только премьер-министром. Один лишь доклад — от 31 октября 1905 года, самый первый, — был оформлен как коллективный. Посвящен этот документ был обстановке в деревне, обострившейся довольно неожиданно до крайних пределов осенью 1905 года.

Крестьянские волнения в октябре и особенно в ноябре 1905 года приняли невиданные прежде размах и интенсивность. За октябрь, ноябрь и декабрь было зарегистрировано 1590 волнений на аграрной почве — немногим меньше, чем за предыдущие 9 месяцев 1905 года (1638 случаев волнений)⁷³. Особенно «урожайным» оказался ноябрь — 796 фактов массовых крестьянских выступлений! Наибольший размах крестьянское движение получило в центрально-черноземных губерниях, на Правобережной Украине, в Поволжье, Закавказье и Прибалтике. Разгромы помещичьих усадеб сделались там повсеместными. «Дела идут плохо, — писал жене саратовский губернатор П. А. Столыпин, — сплошной мятеж в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими, прямо раздетыми помещиками. На такое громадное пространство губернии войск мало, и они прибывают медленно. Пугачевщина! В городе все спокойно, я теперь безопаснее, чем когда-либо, так как чувствую, что на мне все держится и что, если меня тронут, возобновится удвоенный погром. В уезд выеду, конечно, но только с войсками, — теперь иначе нет смысла. До чего мы дошли. Убытки — десятки миллионов. Сгорели Зубриловка, Хованщина и масса исторических усадеб. Шайки везде организованы»⁷⁴.

30 октября император принял решение: в районы активного крестьянского движения направить своих личных генерал-адъютантов. Генерал от кавалерии А. П. Струков был командирован в Тамбовскую губернию, генерал-лейтенант В. В. Сахаров — в Саратовскую, вице-адмирал Ф. В. Дубасов — в Черниговскую. Правительственной инструкцией от 1 ноября 1905 года им были даны самые широкие полномочия. Генерал-адъютант, в частности, имел право «...в целях водворения общественного порядка и спокойствия в губер-

нии: а) устранять от занятий всех служащих по найму в правительственных и общественных учреждениях губернии; б) подвергать личному задержанию всех лиц, признаваемых им опасными для общественного порядка и спокойствия; в) закрывать винные лавки, торговые и промышленные заведения; г) приостанавливать издание газет, журналов, объявлений, брошюр и т. п.; д) издавать обязательные постановления по предметам, до охранения общественного порядка и спокойствия относящимся». Ему вверялось главное начальствование над всеми войсками и полицейскими силами на территории губернии⁷⁵.

Генерал-адъютант В. В. Сахаров 22 ноября 1905 года был убит революционерами. А. П. Струкова видели пьянствующим в компании телеграфистов. Вице-адмирал Ф. В. Дубасов заслужил одобрение премьера своими решительными и вместе с тем спокойными мерами по вразумлению бунтующих крестьян Черниговской и Курской губерний.

В Черниговской губернии черносотенно-монархическое движение сливалось с беспорядками «на аграрной почве». После Манифеста 17 октября, по предположению вице-адмирала, «косвенно признавшего равноправие евреев», в крае развернулись еврейские погромы. Сигналом послужил погром в посаде Клинцы. Шайки громил возглавлялись предводителями, которых местные жители называли «Куропаткиными» и «Линевичами»; «...успеху же агитации способствовало ложное толкование Манифеста 17 октября о свободе и ходившие нелепые слухи: “царь уехал за границу и дал до января сроку бить жидов и панов”». Погромы производились в два приема: сначала буйствовали, затем грабили, увозили и жгли то, чего нельзя было увезти. Прибыв на место происшествия, адмирал Ф. В. Дубасов объяснил пострадавшим, что они сами вызывающим поведением вызвали эксцессы, что местное еврейское общество «...должно помогать администрации, а не спорить с ней, что убытки если и будут возвращены правительством, на что мало надежд, то во всяком случае не скоро».

Опытный Ф. В. Дубасов предпочитал действовать мирными средствами, не прибегая без нужды к силе оружия. В Суражском уезде Черниговской губернии он собирал крестьян на сходы, увещевал и грозил, что если беспорядки будут продолжаться, то он вернется во главе войск и сотрет мятежные села с лица земли. Невиданных масштабов аграрные волнения достигли в Курской губернии, где, докладывая он по инстанции, «...всех разгромов было до 100, пропаганда шла страшно успешно на почве малоземелья, но главным

образом революционная. Агитаторы всюду сеяли смуту; Манифест 17 октября критиковался, ибо в нем не было упомянуто о главном вопросе для крестьян — о земле... К счастью, насилий над помещиками не было. Предотвратить беспорядки очень трудно, ибо движение носило характер вспышек везде, а не в одной какой-либо полосе губернии. Требовались всюду войска, а их не было; было всего 1350 человек пехоты, 376 кавалерии и 474 казака». Город Шигры вообще охранялся тремя пехотинцами. В Курской губернии Ф. В. Дубасов действовал по той же схеме, что и в Черниговской: грозил уничтожением мятежным селам. Он уже было приготовился во главе армии из трех родов войск привести свою угрозу в исполнение, но был отозван в Москву на повышение. Адмирал сожалел, что не довел начатое дело до конца, «...так как отзывание его могло быть истолковано с превратной стороны»⁷⁶.

В наведении порядка в Курской губернии участвовал П. Г. Курлов, оставивший воспоминание об этом незабываемом эпизоде своей служебной биографии. Во главе эскадрона драгун он спасал усадьбы и движимое имущество местных помещиков. «Сделав верст 20, — вспоминал он, — мы увидели несколько больших пожаров в разных местах. Мне предстояло или идти по местам пожаров, или двинуться им наперерез и тем предотвратить разгромы имений, еще не пострадавших. Я выбрал последнее и оказался прав, так как пройдя еще верст двадцать, мы наткнулись на только что начавшийся погром в усадьбе Шауфуса. В имении Шауфуса драгуны разогнали грабителей, пытавшихся на санях увозить помещичье имущество. Я арестовал и взял с собою, воспользовавшись теми же подводами, 20 человек преступников... Мне нужно было сделать еще 8 верст до села Дубровицы, где находились главная контора управления и конный завод барона Мейендорфа... Село Дубровицы отделено от конторы узкой дамбой. Переехав ее, я услышал позади следовавшего за мной эскадрона громкие крики и, вернувшись назад, узнал, что... один из крестьян ударил колом по голове ехавшего за эскадроном вахмистра. Площадь была залита народом, настроение которого было крайне враждебное. Я повернул эскадрон и тут же перед толпой приказал дать задержанному 25 розог. Шум и враждебные возгласы сразу умолкли...»⁷⁷

Генерал-адъютант К. К. Максимович, назначенный в Саратовскую губернию экзекутором вместо покойного В. В. Сахарова, докладывал: «Объехал 11 селений Сердобского и Балашовского уездов... Настроение крестьян в Бала-

шовском уезде тревожное, в Сердобском же более спокойное. Жалуются, как во всех уездах, на малоземелье, голодовку и обнищание, заявляют о безусловной необходимости приобретения земли на возможно льготных условиях. Повсеместно крестьяне обещают жить мирно и не допускать бесчинств и разгромов, которые в некоторых волостях и не могут повториться, так как все помещичьи усадьбы уже уничтожены». Порядок в пострадавших губерниях поддерживался исключительно благодаря присутствию крупных войсковых частей, «...с удалением которых можно ожидать возобновления аграрных беспорядков, особенно весной»⁷⁸.

Крестьянские волнения в Тамбовской губернии достигли такого размаха, что там потребовалось ввести военное положение. Согласно подсчетам Н. Г. Королевой, только в ноябре 1905 года военное положение было введено в Курляндской, Бакинской, Елисаветпольской, Эриванской, Кутаисской губерниях, 10 губерниях царства Польского и 8 городах: Белостоке, Харькове, Севастополе, Батуми, Николаеве, Кинтрити, Тифлисе и Одессе⁷⁹.

Еще в октябре императору был подан доклад, составленный харьковским профессором П. П. Мигулиным, с планом принудительного отчуждения 25 млн десятин помещичьих земель в пользу крестьян за справедливое вознаграждение (из 85 млн десятин, всего бывших в частном владении). С руководящей идеей доклада тогда был согласен и Д. Ф. Трепов, которому молва приписывала влияние на царские резолюции. Он говорил, что готов передать крестьянам половину своей собственной земли, лишь бы сохранить от захвата вторую половину. Именно Д. Ф. Трепов и передал императору для прочтения мигулинский доклад. По идее П. П. Мигулина, мера эта должна быть осуществлена немедленно и непременно самим царем. Но П. П. Мигулин возражал против того, чтобы крестьяне владели своей землей на общегражданском праве. Если крестьянская земля станет их частной собственностью, пугал Мигулин, то ее скупят специалисты по эксплуатации крестьянской бедноты, коих развелось в России особенно много⁸⁰.

Император Николай II передал доклад П. П. Мигулина в Совет министров для обсуждения. Там его единогласно отвергли. 31 октября Совет представил императору, жившему тогда в Петергофе, собственный доклад по аграрным проблемам. В нем говорилось, что размах волнений в деревне вышел уже за пределы допустимого, поэтому требуются экстренные и решительные меры. Нужны войска, а их нет. Единственная мера, которая могла бы хоть как-то обуздать

стихию народного бунта, — это «царский голос», обращенный прямо в массы, то есть очередной царский манифест.

Император к предложению министров отнесся скептически. В его бумагах сохранился автограф, написанный простым карандашом и датированный 31 октября. В нем говорилось: «Я очень сожалею, что в Манифесте 17 октября не было упомянуто о крестьянах и мерах удовлетворения их нужд. Издание же второго манифеста сейчас, через две недели после первого, должно произвести впечатление спешно составленного, как бы запоздавшего акта, опубликованного вдогонку другого.

Вопрос, конечно, первенствующей важности и, по-моему, несравненно существеннее, чем те гражданские свободы, которые на днях дарованы России. Правильное и постепенное устройство крестьян на земле (подчеркнуто в подлиннике. — С. И.) обеспечит России действительное спокойствие внутри на много десятков лет. По переезде в Царское Село я намерен на этой же неделе собрать Совет министров и обсудить совместно вопрос о своевременности издания второго манифеста»⁸¹.

На всеподданнейший доклад Совета министров была наложена официальная царская резолюция: «Если в Манифесте будет даровано сложение всех выкупных платежей, то он произведет желанное успокоение. Одними обещаниями ничего достигнуто не будет»⁸².

Заседание Совета министров в царскосельской резиденции императора началось в 3 часа пополудни и продолжалось до 6 часов 10 минут вечера 3 ноября. Присутствовали все министры и великий князь Михаил Александрович. О том, что там говорилось, известно из лаконичных заметок барона Э. Ю. Нольде и воспоминаний министра народного просвещения.

Графу И. И. Толстому запомнилась горячая речь, которую премьер произнес на том заседании. В ней было сказано, что он, С. Ю. Витте, всегда признавал крестьянский вопрос краеугольным камнем внутренней политики России. Может быть, и революции бы не случилось, если бы своевременно приступили к его решению. Между тем в течение сорока лет, прошедших после отмены крепостного права, почти ничего в этой области сделано не было. «Витте говорил, что сам он не специалист в этом вопросе (лукавил. — С. И.), а потому боится что бы то ни было предлагать, но уверен, что знатоки крестьянских нужд не откажутся помочь в разрешении задачи; сам он может предложить пока одно: избавить наконец крестьян от выкупных платежей там, где эта операция еще не закончена»⁸³.

Выкупные платежи есть временная мера, сказал царь. «Землю хочется иметь». Главное управление землеустройства и земледелие должно «практически поставить». Ему совместно с Крестьянским поземельным банком надлежало «разрешить краеугольный вопрос российский», — записал барон Э. Ю. Нольде слова императора⁸⁴.

Николай II выразил желание подписать манифест немедленно, но при этом сказал, что находит меры, предложенные правительством, совершенно недостаточными и требует решительных шагов по улучшению положения крестьян, не стесняясь возможными жертвами и не останавливаясь перед самыми смелыми решениями. С. Ю. Витте пообещал, что приложит все силы, чтобы исполнить волю монарха⁸⁵. В чем она состояла, эта воля, разъяснено не было.

Манифест крестьян не удовлетворил — уж очень скудными оказались царские дары. Говорили, что им было позволено покупать то, что уже сами взяли. Но выкупные платежи слагались, и, что было гораздо существеннее, деятельность Крестьянского поземельного банка значительно расширялась. Теперь он мог покупать земли для перепродажи земледельцам за собственный счет, не ограничиваясь размерами своего запасного капитала, и расплачиваться за покупки специальными ипотечными бумагами.

Допустимость такого решительного шага, как принудительное изъятие земли у собственников для последующей перепродажи тем, кто ее обрабатывает, уже получила к тому времени санкцию в цивилизованной Европе. В начале XX века английский консервативный кабинет Бальфура решил раз и навсегда превратить безземельного ирландского арендатора, радикала и бунтаря, в законопослушного подданного британской короны. В 1903 году в парламент был внесен и этим парламентом одобрен билль Уиндгема, предоставлявший кредит в сумме 112 млн фунтов (1 млрд 64 млн руб.) для насильственного выкупа земель у лендлордов и продажи ее фермерам на сильно облегченных условиях. Земля продавалась не за наличный расчет, а в кредит со сроком погашения 68 лет. При этом ежегодные платежи фермеров по этому кредиту примерно на 25% были ниже прежней платы за арендуемую у лендлордов землю⁸⁶.

На принудительное отчуждение земель у помещиков для дополнительного наделения ею крестьян указывал и С. Ю. Витте в «Записке» от 9 октября 1905 года: «В распоряжении правительства имеются такие неиспользованные средства, как казенные земли разных наименований и Крестьянский банк. Затем, выкуп ренты, получаемой частными собственниками

в виде арендной платы за землю, не может почитаться мерою совершенно недопустимой. Такая форма экспроприации частной земельной собственности находит некоторое оправдание в признании увеличения площади землевладения на началах личного земледельческого труда потребностью государственною и немногим отличается от выкупа земли, например, для проведения железной дороги»⁸⁷.

Н. Н. Кутлер получил задачу подготовить конкретные предложения по расширению крестьянского землевладения. Главноуправляющий землеустройством и земледелием привлек А. А. Кауфмана и А. А. Риттиха, и они включили в проект отчуждение части помещичьих земель, главным образом пустопорожных и тех, которые арендовались крестьянами. Разумеется, не бесплатно, а за вознаграждение.

Кутлеровский проект вызвал горячие споры в Совете министров. Председатель правительства был на стороне Н. Н. Кутлера и его сотрудников. Отметая возражения ученых юристов, говоривших, что недопустимо колебать право собственности как основной принцип юриспруденции, он говорил: «Какие-то римляне когда-то сказали, что право собственности неприкосновенно, а мы это целых две тысячи лет повторяем как попугаи; все, по-моему, прикосновенно, когда это нужно для пользы общей; а что касается интересов помещиков-дворян, то я считаю, что они пожнут только то, что сами посеяли: кто делает революцию? Я утверждаю, что делают революцию не крестьяне, не пахари, а дворяне и что во главе их стоят все князья да графы, ну и черт с ними — пусть гибнут. Об их интересах, об интересах всех этих революционеров-дворян, графов и князей, я нахожу, правительству нечего заботиться и нечего поддерживать их разными римскими принципами, а нужно спокойно рассудить, полезна эта мера для России или вредна, и только единственно с этой точки зрения я согласен допустить рассуждения, а не с точки зрения римских принципов и интересов отдельных личностей...»⁸⁸

С. Ю. Витте и тут не изменил своей давней привычке любой обсуждавшийся вопрос ставить в пространственно-временные рамки, а не рассматривать отвлеченно, как привыкли его многочисленные оппоненты.

Поместное дворянство и его клевреты в правительстве (в первую очередь должен быть назван А. В. Кривошеин, товарищ главноуправляющего землеустройством) горой стояли за принципы римского права, и прежде всего за частную собственность дворян на землю. А. В. Кривошеин еще в ноябре 1905 года составил записку, где доказывал, что крестья-

янские беспорядки вызываются исключительно злонамеренной агитацией и революционной пропагандой, а не реальной земельной нуждой. А раз так, то иного пути их остановить, кроме как самых беспощадных репрессий, не имеется. Императору он советовал издать высочайший манифест, где с высоты престола неприкосновенность права частной собственности была бы торжественно подтверждена⁸⁹. А. В. Кривошеину могло быть известно, что порядки российского частного землевладения не приближались к пресловутым «принципам римского права», а с каждым годом отдалялись от них.

Частная собственность, согласно этим принципам, означает не что иное, как право собственника пользоваться участками земли, владеть и распоряжаться ими. Знаменитое определение частной собственности в кодексе византийского императора Юстиниана гласит: «*Jus utendi et ubutendi quatenus juris ratio patitur*». Хорошо известно, что дворянское землевладение в России существовало только за счет щедрой государственной поддержки, предоставлявшейся по разным каналам, и прежде всего через посредство казенных и акционерных ипотечных банков. Русское залоговое право отрицало за заемщиком право свободного распоряжения земельным имуществом, переданным им по закладной банку или частному лицу. Без согласия банка недвижимость, находящаяся в залоге, не могла быть продана ни целиком, ни в части, ни даже перезаложена. Хозяйственные распоряжения контролировались представителем кредитора: при оформлении ипотечной ссуды от заемщика отбиралась подписка, которой банку предоставлялось право ревизии заложенного имущества. Страховые полисы на недвижимость переводились на имя кредитора, и он становился получателем страхового вознаграждения в случае несчастья с имуществом. Согласно новейшим данным капитального исследования Н. А. Проскуряковой, в 1905 году 61,09% всех частных земель Среднечерноземного региона — этой цитадели поместного дворянства — было заложено в обеспечение ссуд в ипотечных кредитных учреждениях⁹⁰. Получается, что значительная часть дворянских земель была изъята из сферы действия частнособственнических отношений. Вот как обстояло дело с римским правом «пользования и злоупотребления» — не на словах, а в действительности начала XX века.

Когда правительство еще только приступило к обсуждению проекта Н. Н. Кутлера, председатель предупредил министров о необходимости соблюдения самой строгой тайны. Кто был виноват в утечке информации, в точности неизве-

стно, но слухи о «революционно-социалистических» затеях Витте — Кутлера стали распространяться в высшем обществе. В январе 1906 года в дворянских кругах была составлена петиция на высочайшее имя, направленная непосредственно против кутлеровского законопроекта и того, кто за ним стоял, — премьер-министра графа С. Ю. Витте.

В такой по существу своему земледельческой стране, как Россия, заявляли авторы петиции, «...аграрный вопрос является лишь измышлением революционеров и мечтателей-бюрократов, не знакомых с реальной жизнью страны: русский крестьянин если не юридически, то фактически и теперь пользуется всею обрабатываемой в России землею; у него на поприще этом нет конкурентов, и на всем пространстве империи нет ни единой десятины, на которой не работали бы крестьяне. В силу вышеизложенных посильных суждений наших мы считаем священным долгом верноподданнически удостоверить перед Вашим величеством, что нынешнее правительство, олицетворяемое главою его графом Витте, не пользуется доверием страны и что вся Россия ждет от Вашего величества замены этого всесильного сановника лицом более твердых государственных принципов и более опытным в выборе надежных и заслуживающих народного доверия сотруди́ков»⁹¹.

10 января 1906 года С. Ю. Витте направил императору свой известный доклад по аграрному вопросу. То, что происходило в русской деревне осенью 1905 года, не допустимо ни в одном культурном государстве. Само собой разумеется, что его никак нельзя объяснить одними происками революционеров. Премьер-министр обращал внимание царя: хотя в целом революционное движение подавлено настолько, что более резких вспышек насилия происходить не должно, беспорядки в деревне еще впереди. Нужно их предотвратить.

Планируемые мероприятия премьер-министр разделил на отрицательные и положительные. Если первые направлены на достижение лишь временного спокойствия, то вторые должны устранить саму причину, подобные эксцессы порождающую. Речь шла о мерах законодательного характера. Граф С. Ю. Витте предупреждал, что никакие меры, которые вносили бы коренные изменения в существующие поземельные отношения, не могли быть приняты ранее созыва Государственной думы, поскольку они вызовут резкие столкновения противоположных интересов. Это было общим мнением Совета министров.

В ряду мероприятий отрицательного свойства прежде всего С. Ю. Витте назвал усиление сельской полиции, в том

числе через организацию помещиками собственной вооруженной охраны владений, разумеется, под контролем властей. Во-вторых, он призвал увеличить численно, правильно разместить по очагам конфликтов и эффективно использовать армейские части. Войска одним своим присутствием могут предотвращать бунтарские поползновения крестьянской толпы. В-третьих, вопросом первостепенной важности премьер-министр назвал привлечение виновных в беспорядках к судебной ответственности. С. Ю. Витте считал необходимым заставить эффективно работать аппарат власти на местах. По его мнению, институт земских начальников перед лицом грозных событий окончательно доказал свою непригодность. Местных чиновников и полицейских от террористов должен был защитить закон. В Совете министров председатель возбудил вопрос о том, чтобы все дела о покушениях на жизнь должностных лиц государства поступали не в гражданские, а в военные суды.

Но изюминка доклада состояла не в мерах «отрицательного» свойства, а в мерах положительных. Премьер-министр довел до сведения монарха, что проект Н. Н. Кутлера вызвал полное и коренное разногласие среди членов кабинета прежде всего потому, что основывался на принудительном отчуждении казенных, частновладельческих и иных земель. С. Ю. Витте подчеркивал чрезвычайность этой меры, без которой трудно внести скорое успокоение в народную жизнь. Его собственное мнение по этому вопросу, по-видимому, клонилось к тому, что в данных конкретных условиях для помещиков предпочтительнее «...поступиться частью земель, как это было сделано в 1861 году, и обеспечить за собой владение остальной частью, нежели лишиться всего, может быть, на условиях, гораздо более невыгодных, или испытать на себе тяжесть введения прогрессивного подоходного налога, при котором существование крупной земельной собственности немыслимо»⁹².

Проект Н. Н. Кутлера царь отверг — напротив процитированного места документа император наложил резолюцию: «Частная собственность должна остаться неприкосновенной» (подчеркнуто в документе. — С. И.). Другими мерами, которые должны были разрядить обстановку в деревне, являлись проект закона об аренде, составленный еще в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности, и действующие правила о переселении. Их надлежало представить на рассмотрение Государственной думы, как только она начнет свою работу.

Любопытна заключительная часть доклада, где С. Ю. Витте останавливается на проблемах крестьянского землепользования. В связи с прекращением выкупных платежей он предлагал признать надельные земли собственностью их владельцев. Помимо этого предусматривалось право выдела укрепленных в собственность наделов из массива общинных земель. Эти меры оказали бы благотворное влияние на крестьянское правосознание, «...внушив крестьянам и более здоровые взгляды на чужое право собственности»⁹³.

26 января 1906 года до сведения С. Ю. Витте было доведено царское повеление о замене Н. Н. Кутлера. В мемуарной литературе и в сочинениях историков-профессионалов на все лады перепевается версия, будто бы С. Ю. Витте предал Н. Н. Кутлера, пожертвовал им, чтобы самому удержать кресло премьера. На самом деле С. Ю. Витте сделал все возможное, чтобы отстоять своего давнего сотрудника, одного из самых способных членов правительства. Во всеподданнейшем докладе он взял его под защиту по всем статьям.

«...Что касается Кутлера, — писал С. Ю. Витте, — то позволяю себе представить следующее мнение. Кутлер человек даровитый, весьма рабочий, знающий, дельный, безукоризненно честный и верный Вашему императорскому величеству. Но в предварительном проекте о земельном устройстве он несколько сбился с панталыка. Как только я просмотрел его проект, я сейчас же ему написал, что его проект невозможен. Он тем не менее просил меня, чтобы я о нем переговорил в Совете. В Совете (Совете министров. — С. И.) все высказались против его проекта, и ныне под его председательством разрабатывается другой при участии представителей подлежащих ведомств, причем по моему указанию назначены лица, которые держатся противоположных взглядов. Кутлер объяснил мне и Совету, что он по существу сам находит проект вредным и крайним, и если после долгих колебаний решился его представить, то только потому, что не видит иного исхода, опасаясь, что если крестьянам не будет дана на льготных условиях часть частных земель, то они заберут всю. Я не разделяю этого мнения, но понимаю его психологию. Еще несколько недель тому назад, до подавления революции, я слышал те же мнения от наиконсервативнейших людей. Известный Вашему величеству проект проф. Мигулина, которому я также не сочувствовал, основан также на принудительном отчуждении. Когда вернулся из Курска генерал-адъютант Дубасов, он мне прямо сказал, что, если теперь не дать половину частных земель, после они заберут всю. То же мне писали самые консервативные поме-

шки. Поэтому мне совершенно понятна политическая ошибка Кутлера под влиянием революционных проявлений, но в его мыслях и в его натуре нет ни малейшей опасности для государственной жизни. Поэтому мне представляется, что ныне не полезно его замещать другим — тем более, что я не вижу, кем. Когда он представит работу совещания в Совете, тогда, мне кажется, будет видно, как удобнее поступить. Но во всяком случае он человек для нашего дела весьма полезный и совершенно благонамеренный».

Не менее опасна другая тенденция, проявившаяся в среде высшей бюрократии страны и поместного дворянства в условиях, когда революция подавлена, но не уничтожена — предупреждал премьер-министр своего повелителя. «Теперь пошел другой разговор: ничего крестьянам давать не следует, нужно только штыки, все это только озорничество, нужно с них взыскать все убытки, платить за нашу землю побольше и проч. Этот путь также к добру не приведет. Необходимо в общей политике поставить крестьянские интересы на первый план, перестать их считать, по выражению К. П. Победоносцева, полуперсонами и иметь в виду, что Россия, пожалуй, проживет и без нас, но погибнет без царя и крестьянства»⁹⁴.

* * *

За полгода работы правительством С. Ю. Витте было сделано впечатляюще много как по линии временного законодательства, так и на перспективу — для внесения на обсуждение Государственной думы.

В воспоминаниях В. Н. Коковцова приводится один не лишенный занимательности эпизод. Утром 19 апреля 1906 года он получил письмо от И. Л. Горемыкина с просьбой о встрече. Явившись к нему, В. Н. Коковцов узнал, что ему предложен пост министра финансов в новом правительстве, которое будет сформировано после отставки С. Ю. Витте и его кабинета. Как пишет мемуарист, предложение его не слишком прельщало и он заявил И. Л. Горемыкину, что, по его мнению, проводить в Думе законопроекты должно то правительство, которое их готовило. «С полной невозмутимостью Горемыкин заметил мне, что я просто заблуждаюсь, предполагая, что правительство графа Витте подготовило что-либо для новых палат и что Государственная дума станет заниматься рассмотрением внесенных законопроектов. «Вот у меня на столе лежит список дел, представленных в Думу, который доставил мне Н. И. Вуич, — полюбуйте

им". Список оказался совершенно чистым, ни одного дела в нем...»⁹⁵

Мемуарист ошибся (возможна ошибка памяти) или умышленно сказал неправду. Еще 24 января 1906 года на заседании Совета министров было решено составить общую правительственную программу для внесения ее на обсуждение Государственной думы. Каждый министр (исключая министров императорского двора и иностранных дел) получил задание составить программу законодательных инициатив по своему ведомству. В марте началось их обсуждение в общем заседании Совета министров. 7 марта докладывал министр финансов, 8 марта — министр юстиции, 10 апреля — военный министр, 14 апреля — министр путей сообщения, 18 апреля — главноуправляющий землеустройством и земледелием. Последним представил законопроекты по Министерству народного просвещения граф И. И. Толстой. Произошло это 22 апреля.

По некоторым предметам были выработаны готовые законопроекты, по другим — лишь основания общего характера, требующие предварительного разрешения в принципиальном смысле.

Всего было подготовлено 27 законопроектов. Список открывал Проект основных положений для изменения законодательства о крестьянах.

Главное управление землеустройства и земледелия разработало законопроект Положения об устройстве и расширении крестьянского землевладения. Главным способом увеличения крестьянского малоземелья законопроект признавал передачу казенных земель и деятельность Крестьянского банка. Что же касается собственно крестьянского землевладения, то самым существенным его недостатком проект признавал чересполосицу. Для устранения ее проектировались мероприятия, которыми населению облегчался выдел полос к одним местам, переход к хуторскому хозяйству, образование выселков из крупных общин и разверстание крестьянских земель и земель частных владельцев. «В основу этих мер положен принцип содействия меньшинству, стремящемуся улучшить свое землевладение, причем проекты разделов, выделов и разверстаний составляются и приводятся в исполнение правительственной организацией без обременительных для населения затрат, споры же и жалобы разрешаются в доступном населению порядке, учрежденном указом 4 марта местными коллегиями с участием в них представителей от частного землевладения и крестьян. При этих условиях землеустроительные действия допускаются и помимо

полюбовного соглашения заинтересованных сторон производятся по ходатайству одной из них»⁹⁶.

Был заготовлен даже проект думской декларации правительства по аграрному вопросу. В ряду главных оснований грядущей крестьянской реформы, в полном соответствии с убеждениями главы правительства графа С. Ю. Витте, на первое место было поставлено объединение крестьян с другими сословиями в отношении «гражданского правопорядка, управления и суда». Как видно, С. Ю. Витте не отступил от своей идеи сделать из них «персон», свободных граждан великой России. Остается сожалеть, что в правящих сферах у нее не нашлось достаточного числа влиятельных сторонников.

Министерство внутренних дел подготовило Положение о наделных землях, Положение об актах на наделные земли, Положение о сельском управлении, Положение о волостном управлении, Устав о паспортах, Положение о возобновлении дворянских выборов в 9 западных губерниях. Министерство юстиции — Проект о преобразовании местного суда, Проект об изменении действующих правил относительно гражданской и уголовной ответственности должностных лиц.

По Министерству финансов был разработан проект положения о подоходном налоге и о налоге с наследств. Целую серию уже готовых законопроектов собиралось немедленно внести в Думу Министерство торговли и промышленности, в том числе и по рабочему законодательству: «О страховании рабочих фабрично-заводской и горной промышленности: а) от болезней и б) от несчастных случаев», «О сберегательных кассах», «О рабочих жилищах», «О рабочем времени малолетних и лиц женского пола», «О рабочем времени взрослых рабочих», «О наемных отношениях между промышленниками и рабочими», «О фабричной инспекции», «Об учреждении промысловых судов»⁹⁷.

К своей законотворческой миссии С. Ю. Витте относился совершенно иначе, чем его преемники. Законы, основанные на абстрактных соображениях пользы государства, отдельных лиц или, того хуже, на «административном усмотрении», никогда не будут прочными. Именно это ставит С. Ю. Витте в вину Столыпину и его законодательству по аграрному вопросу. Законы принесут благо лишь в том случае, если в их основание положены человеческий разум, нравственность и добродетель.

За короткий срок, в чрезвычайных обстоятельствах революционного времени, правительством С. Ю. Витте был про-

делан колоссальный объем созидательной работы. «Несмотря на ошибки (не ошибается тот, кто ничего не делает), — пишет И. И. Толстой, — на нервность и на колебания, наш председатель остался в моих глазах, несмотря на многочисленные отрицательные черты его характера, крупной личностью, отличительной чертой которого была человечность, соединенная с большим умом и колоссальною рабочею энергиею. Странно и обидно было слушать обычное в то время обвинение, что он ничего не делает, а позже, что он ничего не сделал, будучи свидетелем его поистине нечеловеческой энергии в труде... Я хотел бы видеть критиканов на месте этого человека, все же имевшего только человеческие силы, подточенные еще серьезною болезнью, предыдущими трудами, от которых он не успел отдохнуть, недосыпанием от непосильной работы и от общего нервного возбуждения»⁹⁸.

Неудачи не сделали С. Ю. Витте пессимистом. «В конце концов я убежден в том, — писал он в «Воспоминаниях», — что Россия сделается конституционным государством *de facto*, и в ней, как и в других цивилизованных государствах, незыблемо водворятся основы гражданской свободы. Раз над Россией прогудел голос 17 октября, его не потушить ни политическими хитростями, ни даже военною силою. Вопрос лишь в том, совершится ли это спокойно и разумно или вытечет из потоков крови. Как искренний монархист, как верноподданный слуга царствующего дома Романовых, как бывший преданный деятель императора Николая II, к нему в глубине души привязанный и его жалеющий, я молю Бога, чтобы это совершилось бескровно и мирно».

Путь к правовому государству

Как и во всякой абсолютной монархии, в Российской империи помимо официального правительства имелось еще и «теневое», именуемое дворцовой камарильей, или, что благозвучнее, царским окружением. Его главой С. Ю. Витте считал, и небезосновательно, генерал-майора Д. Ф. Трепова, в должности дворцового коменданта ставшего наиболее близким к особе императора лицом. Идея всеподданнейшего доклада председателя Комитета министров о необходимости строгой закономерности в правительственных репрессиях у него не встретила ни понимания, ни поддержки.

Каждый свой визит в Царское Село граф И. И. Толстой заставлял Д. Ф. Трепова в царской приемной. «Ну-с, что по-

делывает наш премьер? Как его драгоценное здоровье?» — следовал обычный вопрос. «Затем начинались рассуждения о том, что следовало бы делать и чего не делать, похвалы энергичным администраторам, “молодцам”, и порицания “тряпкам”, которые не умеют поддержать престиж власти»⁹⁹.

Д. Ф. Трепов и подобные ему не признавали никаких сложных жизненных явлений — «все это выдумки интеллигентов, жидов и франкмасонов». Любимым выражением дворцового коменданта, как подметил И. И. Толстой, было «очень просто». Бунтуют крестьяне, жгут дворянские усадьбы, захватывают помещичьи земли — «очень просто»: сечь их, вешать и расстреливать. Участвует еврейская молодежь в революционных партиях — что ж, «очень просто»: «...всех жидов выгнать из России, а кто не выедет, тех истребить»¹⁰⁰ и т. д. и т. п. «Иди по пути своего собственного разума, — отозвался на такие речи С. Ю. Витте, — и дойдешь до... по-мойной ямы»¹⁰¹.

По мере того как непосредственная опасность для престола отдалялась, в императорском окружении нарастала критика правительственных действий по борьбе с революцией. Трагичнее всего то, что она находила отклик в сердце последнего русского царя. Именно он, и никто другой, открыл и возглавил поход против курса правительства С. Ю. Витте, провозглашенного в одобренном им самим всеподданнейшем докладе.

9 ноября 1905 года в царской резиденции состоялось заседание Совета министров под личным председательством императора. Повестка дня — обсуждение доклада министра юстиции. С. С. Манухин вызвал недовольство монарха тем, что терпел у себя в ведомстве лиц с левыми взглядами и оказался недостаточно строг в проведении судебных репрессий. Император заявил: при повсеместных беспорядках необходимо как можно скорее подвергать виновных законному наказанию, между тем гражданские суды мягко относятся к подобным делам. Николай II потребовал от министра юстиции очистить судебное ведомство от лиц, принадлежащих к «противоправительственным партиям». Как подозревал председатель правительства, неприязнь царя к С. С. Манухину разжигал не кто иной, как дворцовый комендант. Еще ранее, до 17 октября, столичный генерал-губернатор Д. Ф. Трепов предъявлял министру юстиции разные противозаконные требования, которым тот, понятное дело, не давал хода.

Симпатии большинства членов кабинета были на стороне С. С. Манухина. Он, как вспоминал А. Ф. Редигер, «...спо-

койно и твердо отвечал, что суды должны судить по совести и никакого давления на них он не имеет права оказывать, а политические убеждения, не выразившиеся в действии, не наказуемы...»¹⁰². С. С. Манухин после заседания подал в отставку и был смнен М. Г. Акимовым, шурином П. Н. Дурново. «Ясные, твердые взгляды — именно, что нужно в судебном ведомстве», — сказал император Николай II про М. Г. Акимова¹⁰³. К чести последнего, он вел себя вполне достойно и до поры до времени держался строго в законных рамках.

С изданием Временных правил о печати и о забастовках (2 декабря) у властей появилась возможность законного преследования революционных действий. Царским указом от 29 ноября 1905 года местные власти получили право самостоятельно, не испрашивая разрешение центрального правительства, вводить у себя режим усиленной или чрезвычайной охраны и даже военное положение в случаях «...прекращения или замешательства в сообщениях железнодорожном, почтовом и телеграфном». В ответ на указ восемь столичных газет 2 декабря напечатали финансовый манифест Петербургского совета рабочих депутатов, поддержанный другими революционными организациями. В нем население призывалось не платить налогов, при всех сделках требовать расчетов не бумажными купюрами, а золотой монетой и изымать вклады из государственных сберегательных касс. Пугало и предупреждение, сделанное в адрес западных инвесторов — русский народ, говорилось в манифесте, никогда не признает займов, заключенных царским правительством в то время, когда оно, правительство, вело открытую борьбу с собственным народом. На следующий день, в субботу 3 декабря, 267 членов Совета были разом арестованы полицией, а все газеты, полностью напечатавшие финансовый манифест, по распоряжению премьера были закрыты. Председатель Петербургского совета Г. С. Носарь (Хрусталеv) был арестован ранее — 26 ноября.

В мемуарах В. И. Гурко сообщаются важные подробности ареста Совета рабочих депутатов. В тот день в Совете министров, пишет он, обсуждался проект правил о союзах. П. Н. Дурново не пришел на заседание, командировав вместо себя чиновника Департамента общих дел своего министерства. Не успели присутствующие разговориться, как председателю доложили, что его по важному делу просит к телефону министр внутренних дел. С. Ю. Витте направился в другую комнату к аппарату, оставив коллег по кабинету в состоянии внутреннего напряжения. «Возвращение Витте не

способствовало успокоению присутствующих. С белым буквально лицом он в величайшем волнении сказал: "Все погибло. Дурново арестовал Совет рабочих депутатов". Слова эти произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Некоторые члены Совета даже вскочили со своих мест, а управляющий делами Совета Н. И. Вуич затрясся как осиновый лист. Что произошло после, мне неизвестно, так как Витте немедленно прекратил обсуждение вопросов», — читаем в воспоминаниях В. И. Гурко¹⁰⁴.

В действительности ничего подобного, скорее всего, не происходило — ни в одном из известных исторических источников нет никаких следов о заседании правительства 3 декабря. Ближайшие по времени заседания кабинета проходили 2 и 10 декабря. 5 декабря (это был понедельник) Совет министров в полном составе был на царскосельском совещании по вопросу об изменении и дополнении закона о выборах в Государственную думу. 3 декабря действительно состоялось заседание, но не Совета министров, а финансового комитета. Оно было строго секретным, и В. И. Гурко, чиновник Министерства внутренних дел, на нем присутствовать никак не мог. Воспоминания исторических деятелей — один из самых ненадежных источников наших знаний о прошлом. Степень этой ненадежности обратно пропорциональна масштабу личности мемуариста.

По свидетельству графа И. И. Толстого, председатель Совета министров «...или противился всяким жестоким репрессиям, или старался их смягчить, громко выражая мнение не только в нашей среде, но и в присутствии министров самому Государю Императору, что жестокость и излишняя строгость являются показателями только трусости и слабости, а что мужественное и сильное правительство может проявлять только одну справедливость, окрашенную жалостью к увлекающимся и увлеченным людям, помня, насколько оно само виновато в нерадении и непредусмотрительности»¹⁰⁵. Достоверность приведенных слов не подлежит сомнению, ибо она подтверждается всей совокупностью известных фактов.

В начале декабря правительству пришлось обсуждать законопроект о применении в революционное время военно-полевого судопроизводства. Его внес главный военный прокурор Н. Н. Маслов. Разница между военным и военно-полевым судом была довольно существенна. В судах просто военных процедура выяснения истины мало чем отличалась от обычной: судили юристы, правда, в военных погонах, процесс носил состязательный характер, обвиняемый имел

право на апелляцию. Военно-полевые суды назначались из строевых офицеров, а приговоры вступали в силу тотчас же после утверждения их генерал-губернатором.

По обсуждении вопроса Совет министров решил: военно-полевые суды приносят мало пользы, больше вреда. Главное — решительность в действиях самих войск. Если раньше войска при разгоне «мятежных скопищ» применяли оружие главным образом для устрашения, то теперь им надлежало действовать совершенно иначе. «Главным основанием для деятельности войск, — записал Совет министров в мемории, — должно быть постановлено, что коль скоро они вызваны для усмирения толпы, то действия должны быть решительные и беспощадные по отношению ко всем сопротивляющимся с оружием в руках». Эту позицию правительства полностью разделял его глава: «Ввиду такого, выраженного Советом, сомнения в полезности провозглашенного нового весьма сурового закона, едва ли могущего получить на практике особое значение, приемлю всеподданнейший долг представить о вышеизложенном на высочайшее Вашего императорского величества благовоззрение, позволяя себе... высказать мнение, что военному министру надлежало бы дать кому следует категорическое указание о применении войсками полной силы и решительном действии оружием против всех оказывающих им вооруженное сопротивление и противящихся распоряжениям начальников воинских частей»¹⁰⁶.

Командирам войсковых формирований от имени военного министра был разослан секретный циркуляр. В нем говорилось: «При подавлении разного рода беспорядков употребления оружия, конечно, следует избегать; но в тех случаях, когда беспорядки принимают характер восстания или когда производящие их употребляют оружие или чинят насилие, то войскам должно быть предписано, со своей стороны, без всякого колебания прибегать к употреблению оружия для немедленного прекращения беспорядков»¹⁰⁷.

13 декабря министерство С. Ю. Витте вынесло единогласное постановление, отклонявшее законопроект главного военного прокурора. Исключительно по этой причине он не сделался тогда законом — как знать, что бы с ним случилось, попади он в Государственный совет, а затем на подпись императору. Правительственная мемория с отрицательным мнением по законопроекту о введении военно-полевого судопроизводства была выработана в самый разгар московского вооруженного восстания.

В ноябре 1905 года положение в Москве уже приняло опаснейший оборот. 20 ноября премьер-министр потерял связь с Первопрестольной — на московский телеграф явились забастовщики, сняли караул и разогнали персонал. Когда С. Ю. Витте потребовал усилить охрану телеграфа, ему ответили: не ранее, как вернутся войска из Маньчжурии. Московский градоначальник барон Г. П. Медем расписался в собственном бессилии остановить революцию, направив министру внутренних дел прошение об отставке. На полях прошения барона император Николай оставил меланхолическую пометку: «Грустно».

Более всего С. Ю. Витте волновала неопределенность. Он не имел достоверных сведений о том, каковы планы, намерения и силы местных революционеров. Но он знал совершенно точно: в Москве — опасная слабость правительственной власти. Должность московского генерал-губернатора в октябре — ноябре 1905 года занимал П. П. Дурново, однофамилец министра внутренних дел. Граф И. И. Толстой был неоднократным свидетелем того, как на заседаниях кабинета С. Ю. Витте нападал на П. П. Дурново за бездеятельность и призывал министра внутренних дел присоединить свой голос к его, графа С. Ю. Витте, представлениям императору о необходимости немедленно сменить московского генерал-губернатора, пока не случилось большой беды. «П. Н. Дурново, хотя и не особенно энергично защищал последнего, но от совместного воздействия на решение Государя отказывался, — пишет И. И. Толстой, — так что на меня, например, роль его в этом вопросе производила такое впечатление, что он не был согласен с резкостью нападок графа С. Ю. Витте, дипломатично ссылаясь на то, что выбор генерал-губернаторов всецело зависит лично от Государя и что, пока Его величество не выражает неудовольствия их действиями, неудобно подымать вопрос о их замене другими лицами»¹⁰⁸. Как видно, министр внутренних дел в этом деликатном вопросе проявил полезные качества ловкого царедворца, которых так не хватало председателю правительства.

«В Москве — полная анархия власти... Крайне важно скорейшее прибытие нового генерал-губернатора», — убеждал С. Ю. Витте царя. Кандидатура на смену бездействию П. П. Дурново председателем Совета министров была благовременно подобрана. Московским генерал-губернатором предстояло стать вице-адмиралу Ф. В. Дубасову. Он заслужил репутацию человека решительного, твердого, самостоятельного, в высшей степени порядочного и без палаческих

наклонностей. «Он не орел, — для того, чтобы что-нибудь усвоить, ему требуется довольно много времени, но раз он усвоил, сообразил, — тогда он крайне тверд в своих решениях», — отзывался С. Ю. Витте о Дубасове¹⁰⁹.

В годы Русско-турецкой войны 1877—1878 годов Ф. В. Дубасов, будучи старшим офицером яхты «Славянка», совершил выдающийся подвиг: во время атаки русских минных катеров на турецкий монитор «Сенфи» он собственноручно поразил вражеский корабль ручной миной. После войны Ф. В. Дубасов командовал военными судами, служил морским агентом (атташе) в Берлине. В 1896 году он получил назначение на должность младшего флагмана русской Тихоокеанской эскадры и два года спустя занимал Квантунский полуостров и Порт-Артур. Ф. В. Дубасов критически отнесся к оккупации Квантуна, предвидя отрицательные последствия такого шага. Неудивительно, что вскоре он оказался как бы не у дел. О его талантах вспомнили, когда наступили драматические события осени 1905 года.

Как могло случиться, что дело дошло до организованного (правда, плохо) вооруженного восстания против существующего строя в Москве и чрезвычайных революционных эксцессов в Прибалтике и Сибири? И современники, и позднейшие исследователи отвечали на этот вопрос примерно одинаково: во-первых, причиной тому крайняя растерянность и страх властей всех уровней и, во-вторых, отсутствие единства в деятельности центрального правительства. Премьер-министр не обладал необходимой полнотой власти в стране. Он не имел права смещать с должности глав местных администраций; армия ему вообще не подчинялась, а только полиция, но она была в ноябре — декабре в значительной степени деморализована.

Самое интересное заключается в том, что С. Ю. Витте во все не стремился к расширению своих властных полномочий. Когда в комиссии Д. М. Сольского обсуждались проекты закона о Совете министров, в одном из таких проектов за председателем правительства резервировался необычайно широкий объем прав. Он мог, например, при наличии исключительных обстоятельств требовать от всех должностных лиц обязательного исполнения своих распоряжений. «Эту статью поддержать не могу. Это — диктатура», — написал С. Ю. Витте на полях документа¹¹⁰. Вообще он совершенно искренне говорил и писал, что лучше революционные эксцессы предотвращать своевременными и разумными мерами, нежели потом подавлять путем вооруженного насилия. Так было и в Москве.

Еще в октябре при Московском комитете Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) была образована боевая группа специально для подготовки вооруженного антиправительственного восстания. Эта группа формировала боевые дружины из рабочих, вооружала их и обучала тактике ведения уличных боев. Учебные пункты боевых дружин имелись в училище Фидлера на Чистых прудах, в Высшем техническом училище и других местах. Для боевиков издавались учебные пособия: «Знакомство с взрывчатыми веществами», «Обращение с огнестрельным оружием», «Краткое руководство к уличному бою».

Сильные вооруженные отряды были созданы революционерами на текстильной фабрике Э. Цинделя, мебельной фабрике Н. П. Шмита, при Миусском трамвайном парке, на заводах Гужона и Бромлея, Прохоровской Трехгорной мануфактуре. Дружинники трамвайного парка обучались боевому мастерству на собственном стрельбище в Сокольниках. К началу декабрьских событий в Москве в списках боевых дружин насчитывалась примерно тысяча смелых и решительных бойцов.

Московские социал-демократы, и в первую очередь большевики, организовали сбор денежных средств на вооруженное восстание. 15 тыс. руб. было получено от писателя Максима Горького, 20 тыс. дал студент физико-математического факультета Московского университета, владелец первой-классной мебельной фабрики Н. П. Шмит. Денег, однако, не хватало, поэтому вооружение будущих повстанцев было самое примитивное — в основном револьверы разных систем и немного винтовок магазинного типа с ограниченным числом патронов. Лучше всего была вооружена дружина фабрики Шмита, имевшая в своем арсенале многозарядные пистолеты «маузер» и винтовки системы «винчестер», которые легко было спрятать под одеждой. Тем не менее на победу без войска в борьбе за свержение надоевшего всем самодержавия рассчитывать не приходилось. Московские большевики это хорошо понимали — среди солдат довольно многочисленного московского гарнизона распространялась революционная литература. Пропаганда и агитация приносили свои плоды. В воинских частях шло глухое брожение, достигшее кульминации 2 декабря, когда произошли крупные волнения во втором гренадерском Ростовском полку.

Декабрь 1905 года был, наверное, самым трудным месяцем для С. Ю. Витте с чисто нравственной точки зрения — ему приходилось принимать решения, которые сильно повредили его репутации прогрессивного политика в глазах и

современников, и потомков. О том, что в Москве настроение сложилось крайне взрывоопасное, что туда со всех сторон съезжаются революционеры с самыми решительными намерениями, С. Ю. Витте узнал совершенно случайно. Вице-адмирал Ф. В. Дубасов был направлен в Москву слишком поздно, когда предотвратить вооруженное выступление стало уже почти невозможно. Назначенный на эту должность 24 ноября, адмирал прибыл в Первопрестольную 25 ноября, быстро уловил суть происходящих событий и в тот же день вечером отправился в Петербург.

Ф. В. Дубасова пришлось упрашивать, чтобы он согласился принять новое назначение. Он долго упрямылся, ссылался на возраст (ему исполнилось уже 60 лет), на состояние здоровья, но затем смирился с судьбой. Явившись к председателю Совета министров накануне отбытия к новому месту службы, Ф. В. Дубасов просил только, что если с ним случится несчастье, позаботиться о его семье, а будет Бог к нему милостив и все сойдет успешно, то ходатайствовать перед царем о своем назначении в Государственный совет, чтобы будущее его, Ф. В. Дубасова, было вполне обеспечено.

Новый генерал-губернатор получил от премьера четкое указание — подавить московский мятеж любыми средствами. Прибыв в Москву 4 декабря, уже на следующий день Ф. В. Дубасов устроил торжественный прием по случаю вступления в должность и сказал речь с изложением собственного кредо: «...По моему глубокому убеждению, победа над крамолой должна быть достигнута не столько штыками и залпами, сколько нравственным воздействием и твердостью лучших общественных сил России, которых я и приглашаю объединиться и сплотиться для дружной борьбы с крамолой»¹¹¹. Но приглашение адмирала несколько запоздало.

5 и 6 декабря на улицах Москвы произошли безобразные сцены. Мирные политические демонстрации под красными знаменами, в основном учащейся молодежи, были разогнаны самым зверским образом: озлобленные полицейские били демонстрантов и рубили их шашками¹¹². В ответ дружинники, при сочувственном отношении населения, разоружали, а то и отстреливали городских, которые, боясь за свою жизнь, вовсе исчезли с московских улиц.

6 декабря войска московского гарнизона, полиция и жандармерия были приведены в состояние полной боевой готовности — Совет рабочих депутатов Москвы объявил о начале всеобщей забастовки. 7 декабря Москва была объявлена на положении чрезвычайной охраны, и в тот же день

генерал-губернатор мастерским ударом обезглавил революционеров. Члены Московского комитета РСДРП В. Л. Шанцер (Марат) и М. И. Васильев-Южин, ответственные за подготовку восстания, были арестованы.

8 декабря власти, применив силу, разогнали митинг рабочих в саду «Аквариум». На следующий день было расстреляно из пушек училище Фидлера на Чистых прудах, где проходило собрание дружинников. Офицер, командовавший воинским отрядом, получил приказ: перерубить и переколоть всех, кто не захочет сдаться добровольно. Уже вечером того же дня, 9 декабря, в Москве начались баррикадные бои. Московский генерал-губернатор, хотел он того или нет, фактически спровоцировал революционеров на преждевременное выступление. Вождь большевиков В. И. Ленин советовал отложить вооруженное восстание на весну 1906 года, когда армия вернется из Маньчжурии.

Призыв к вооруженной борьбе раздался, когда у восставших многое еще не было готово и прежде всего не было плана сражения. У адмирала такой план был — правительственные войска он стянул из мест постоянной дислокации к центру Москвы, а собственный штаб устроил в Кремле. Самые надежные силы были разделены на два отряда. Один из них располагался на Театральной площади, другой — в здании Манежа. Оттуда совершались вылазки в разные части города. Оставшимися войсками Ф. В. Дубасов занял телеграф, почтамт, телефонную станцию и водопровод. Имея 9 пехотных полков общей численностью 6,5 тыс. человек, 3 полка драгун, два полка донских казаков, несколько артиллерийских частей, генерал-губернатор не смог взять ситуацию в городе под свой полный контроль. Многие части, как уже говорилось, были ненадежны, и их спокойствия ради пришлось запереть в казармы и там охранять. Под ружье Ф. В. Дубасову удалось поставить примерно 1350 боеспособных штыков и сабель; их едва хватило на организацию караульной службы. Из всех московских вокзалов он смог удержать только Николаевский, куда ожидалось прибытие подкреплений. Попытки дружинников овладеть вокзалом не увенчались успехом — его охраняли рота солдат, сотня казаков и артиллерийская батарея.

В борьбе с войсками московские дружинники придерживались партизанской тактики: небольшими группами (3—5 человек) из укрытий они обстреливали солдат и казаков. Те, в свою очередь, подвозили артиллерию и открывали стрельбу по зданиям, откуда раздавались выстрелы. От артиллерийских снарядов сильно пострадала типография И. Д. Сы-

тина, сгорели четыре дома на Кудринской площади (13 декабря), один дом на Миусской площади (14 декабря). Многочисленные баррикады, сооружаемые по всему городу, затрудняли маневрирование войсками.

На просьбу выслать дополнительные воинские силы от великого князя Николая Николаевича 8 декабря была получена телеграмма: «В Петербурге свободных войск для отправки в Москву нет». Между тем кольцо баррикад стягивалось вокруг центра города. От злости и с перепугу солдаты и полицейские открывали беспорядочную стрельбу в разные стороны, только восстанавливая против себя горожан и умножая ряды сочувствующих революции¹¹³. 11 декабря Ф. В. Дубасов направил тревожную телеграмму сразу в три адреса: петербургскому генерал-губернатору, премьер-министру и министру внутренних дел. «Положение становится очень серьезным, кольцо баррикад охватывает город все теснее, войск для противодействия становится явно недостаточно. Совершенно необходимо прислать из Петербурга хотя бы временно бригаду пехоты», — говорилось в ней¹¹⁴.

Получив дубасовскую телеграмму, председатель правительства немедленно вызвал к телефону дворцового коменданта и попросил его срочно доложить императору, что он считает безусловно необходимым экстренно направить войска в Москву и что, если город, не приведи Бог, перейдет в руки революционеров, это будет удар по престижу императорского правительства с многочисленными и трудно предсказуемыми дурными последствиями. Д. Ф. Трепов передал, что император просил С. Ю. Витте лично съездить к председателю Совета государственной обороны великому князю Николаю Николаевичу и уговорить его послать войска в Москву, что им и было сделано.

Прибытие подкреплений малочисленным войскам Ф. В. Дубасова — гвардейского Семеновского полка из Петербурга, Ладожского полка из Польши с конной артиллерией и железнодорожными батальонами общей численностью 1900 штыков — окончательно склонило чашу весов на сторону царского правительства. Генерал-губернатор вновь почувствовал уверенность в собственных силах. 16 декабря при нем собрался совет из представителей общественности для решения оперативных проблем города. Московскому городскому голове Н. И. Гучкову было твердо обещано, что расстрелов артиллерийским огнем обывательских домов в случае единичных выстрелов из них более не будет, войска получили указание об «...особой осмотрительности при применении оружия»¹¹⁵.

Московский генерал-губернатор не смог сдержать своего обещания. Еще 15 декабря Ф. В. Дубасов получил от императора депешу: «Посылаю в ваше полное распоряжение генерал-лейтенанта барона Штакельберга. Надеюсь, что Семеновский полк поможет вам раздавить окончательно революцию вместе со славными гренадерскими полками». Именно Г. К. Штакельберг и направлял, по всей вероятности, действия карателей, поскольку генерал-губернатор не имел полномочий отдавать конкретные боевые приказы войскам — он мог лишь ставить общие задачи.

Семеновский полк прибыл в Москву поздним вечером 15 декабря, Ладожский полк — 17 декабря. Ночь с 15-го на 16-е гвардейцы провели на вокзале. Командир одного из батальонов Семеновского полка полковник Н. К. Рима́н с частью войск (6 рот пехоты, 2 орудия, 2 пулемета) был командирован на Московско-Казанскую железную дорогу, находившуюся в руках революционеров. Ему был вручен письменный приказ полкового командира: «Арестованных не иметь и действовать беспощадно... Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожать огнем или артиллерией»¹¹⁶. Утром 16 декабря полковник Г. А. Мин с оставшимися семеновцами и другими частями занял остальные вокзалы, захватил здание Миусского трамвайного парка и окружил Пресню, где находился штаб боевых дружин. У Горбатого моста и в других местах он натолкнулся на сильный огонь (оборону у моста держала дружина шмитовской фабрики) и, хотя почти не понес потерь, остановил продвижение своего отряда. В тот же день окружной генерал-квартирмейстер С. М. Шейдеман составил план штурма Пресни.

Рано утром 17 декабря полковой артиллерии Семеновского полка (8 легких орудий) предстояло открыть огонь по Пресне. После этого в действие должна была вступить артиллерия со стороны Николаевских казарм, находившихся за Пресненской заставой. Своим обстрелом она имела цель «...уничтожение мятежных скопищ, поэтому по зданиям без людей (если станет известным, что люди бежали) стрелять не следует». Затем отряд полковника Г. А. Мина в составе 8 пехотных рот должен пройти всю Пресню насквозь¹¹⁷.

Ранним утром 17 декабря артиллерия гренадерского корпуса выехала на боевые позиции и открыла шквальный огонь по Пресне. При обстреле из легких орудий снаряды легли в вал, окружавший пресненские фабрики, и никакого ущерба им не причинили. Артиллеристы направились было в казармы, но по приказу Г. К. Штакельберга в час дня были возвращены на позиции примерно в одной версте от Ни-

колаевских казарм. К двум легким батареям добавилась батарея пушек более крупного калибра Второй гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады. В 1 час 30 минут пополудни по приказу, полученному из штаба Московского военного округа, канонада была возобновлена. Стрельба батареями по стенам и крышам фабрик велась ровно час. После окончания стрельбы пушки были оставлены на позиции и одна батарея продолжала вести огонь по людям, перебегавшим из одного здания в другое. За час непрерывной пальбы только после полудня 17 декабря тремя батареями было выпущено 400 снарядов, в том числе 80 батарейных гранат.

Густой дым за клубился над городом. Фабрика Шмита была полностью разрушена и сожжена утренней стрельбой четырех орудий Семеновского полка. Помимо фабрики были сожжены еще три дома у Горбатого моста. Загорелись склады лакокрасочной фабрики Мамонтова и прилегавшие деревянные постройки. Горели дома у Зоологического сада, у Пресненской заставы и в других местах. Действиями артиллерии были повреждены фабричные здания Трехгорки, «спальни» и столовая рабочих. Все было кончено — вечером того же дня под прикрытием темноты дружинники малыми группами стали покидать блокированную Пресню.

Московский генерал-губернатор устроил подчиненным разнос: так ли необходимо было использовать крупные калибры артиллерии? Ведь главная задача, поставленная войскам, состояла в изъятии оружия и арестах участников мятежа, а вовсе не в акциях массового устрашения вроде той, что была устроена 17 декабря. Начальник артиллерии гренадерского корпуса в рапорте от 28 декабря 1905 года отвел все предъявленные ему адмиралом упрёки. «Намерение генерал-губернатора шадить здания, — оправдывался артиллерийский начальник, — было совершенно неизвестно и, очевидно, шло вразрез с отданными штабом округа распоряжениями — действовать с тыла на фабрики целым отрядом артиллерии, с батарейными орудиями включительно. Отдача этого распоряжения, очевидно, известного и генерал-губернатору, само по себе, уничтожает предъявленное им обвинение в излишнем разрушении зданий артиллерией. Штабу округа должно было быть известно, что с занятой артиллерией позиции, при прицеле в 18—20 линий, одна только внутренность мануфактуры и находящиеся там люди для артиллерийского поражения недоступны: видны крыши и стены, по которым и будет наводка орудий и которые при действии батарейных орудий, что должно было быть известно штабу,

неминуемо подвергнутся частичному разрушению и легко возможному пожару»¹¹⁸.

Хозяин Трехгорной мануфактуры, Николай Иванович Прохоров, в те страшные дни находился у себя дома неподалеку от фабрики. 18 декабря в 4 часа утра он передал рабочим предложение генерал-губернатора о сдаче, в противном случае, сказал он, все фабричные здания будут снесены снарядами до самого основания. По воспоминаниям участника событий, рабочего М. Краснова, фабрикант предложил вывесить белые флаги и направить к Дубасову делегацию с обещанием, что стрельбы по войскам из зданий мануфактуры более не будет. Черновик прошения Н. И. Прохоров написал собственноручно. Вручая его делегатам, рассказал рабочий, хозяин предупредил, «...что к Мину идти — нужно рисковать жизнью, и тут же добавил, что все убитые отцы в этом восстании и семейства их будут им чтимы и обеспечены»¹¹⁹. Командир лейб-гвардейцев Г. А. Мин сдачу на капитуляцию отверг, потребовав выдать все оружие и всех зачинщиков мятежа. Прохоровские рабочие ему заявили, что они все равно виноваты в случившемся и что оружия у них нет.

18 декабря полковник Г. А. Мин получил очередное предписание начальника штаба Московского военного округа: прочесать Пресню, «...чтобы убедиться, что сопротивления не оказывают... Если будет оказано вооруженное сопротивление, то истреблять всех, не арестовывая никого»¹²⁰. 19 декабря от великой княгини Елизаветы Федоровны, вдовы убитого Иваном Каляевым великого князя Сергея Александровича, московский генерал-губернатор получил крестик и благословение на ратные труды. В тот же день тремя колоннами 11 рот пехоты из состава Семеновского и Ладожского полков под командованием полковника Г. А. Мина вошли на Пресню и без сопротивления заняли уже оставленные немногочисленными дружинниками Даниловский сахарорафинадный завод, лакокрасочную фабрику Н. И. Мамонтова и Трехгорную мануфактуру. На зданиях Трехгорки в знак победы были вывешены национальные флаги. Начались поиски спрятанного оружия (каждому нашедшему револьвер обещалась премия в три рубля) и акции устрашения: казни и избиения. 17 человек были расстреляны по приказу Г. А. Мина прямо на фабричном дворе Трехгорки.

17—20 декабря уничтожался «мятежнический очаг» на Московско-Казанской железной дороге. На всем протяжении участка от Москвы до Коломны была восстановлена железнодорожная служба и открыто регулярное движение по расписанию. Полковником Н. К. Риманом на станциях

Московско-Казанской дороги было убито и казнено без суда и следствия: на станции Сортировочная — 5 человек, Перово — 9 человек, Люберцы — 14 человек, Голутвино — 24 человека и Ашитково — 3 человека; всего, таким образом, истреблению подверглись 55 человек¹²¹. По воспоминаниям очевидцев, Н. К. Риман не гнушался собственноручно пристреливать плененных революционеров. Сам военачальник этот факт отрицал.

По новейшим данным, в боевых столкновениях на улицах Москвы погибло революционеров и мирных жителей всего примерно 1060 человек, в том числе 220 детей и женщин. Потери правительственных войск за все время восстания составили 20 человек убитыми (в том числе два семенинцев) и 46 ранеными¹²².

Действия в Москве полковника Г. А. Мина и семеновцев председатель правительства в целом одобрял, хотя и признавал в некоторых случаях излишнюю жестокость с их стороны. «...Но не я им решусь даже теперь произнести слова хуления. Войдите в их положение. Их взяли, неожиданно отправили в неизвестную им местность, оставили без планомерных распоряжений, поставили их под различные опасности и затем говорят, можно было бы и не стрелять, а тут напрасно убили такого-то или таких-то. Если кто виновен, то виновны те, которые не приняли заблаговременно надлежащих мер и раскисли, допустили деморализацию местных войск и сами только изрекали громкие слова из-за кустов»¹²³.

«По моему убеждению, — писал он далее, — революционные действия силою следует подавлять силою же. Тут не может быть ни сентиментальности, ни пощады, но коль скоро революционные действия или вспышка подавлены, продолжение пролития крови и, в этих случаях иногда крови невинных, есть животная жестокость. К сожалению, когда вспышка восстания в Москве была подавлена, генерал Мин продолжал допускать жестокости бесцельные и бессердечные»¹²⁴.

За свою доблестную работу в Москве флигель-адъютант полковник Г. А. Мин был произведен в генерал-майоры. 10 января 1906 года он удостоился великой милости — приглашения к высочайшему завтраку. За трапезой полковник рассказывал императору, императрице и августейшим детям о своих московских подвигах и демонстрировал трофеи — найденные при обысках револьверы и ружья¹²⁵.

13 августа 1906 года на станции Новый Петергоф генерал-майор Г. А. Мин прямо на глазах жены и дочери был застрелен членом летучего боевого отряда партии эсеров Зинаидой

Коноплянниковой. По приговору петербургского военно-окружного суда террористка была повешена.

Обстановка в Москве и после подавления революционного восстания оставалась беспокойной. Генерал-губернатор не обольщался достигнутыми успехами. Мятежники отступили, докладывал он императору, оставив «...на театре действия хотя и рассеянных, но самых непримиримых и озлобленных бойцов, которые, заранее обрекая себя на жертву преступной борьбы, видимо, решились продолжать ее хотя бы и одиночными силами до последней крайности»¹²⁶. Ф. В. Дубасов настоятельно просил оставить в Первопрестольной Семёновский полк, но премьер-министр был непреклонен — в Петербурге надежные гвардейские части гораздо нужнее, особенно в преддверии очередной годовщины событий 9 января.

Тактика Ф. В. Дубасова во время подавления восстания в Москве в общем отвечала представлениям графа С. Ю. Витте о приемах борьбы с революцией. Вооруженные выступления московских рабочих подавлялись самым решительным и беспощадным образом. При этом адмирал Ф. В. Дубасов сохранил холодную голову и не впал в палаческий раж. Виновные в «московских беспорядках» (их было свыше 100 человек) по его настоянию были преданы не военному, а гражданскому суду.

11 декабря 1906 года в Московской судебной палате состоялся процесс над рабочими Прохоровской Трехгорной мануфактуры, участвовавшими в вооруженном восстании. Как и следовало ожидать, были вынесены мягкие приговоры. 9 человек суд приговорил к каторге сроком от 3 до 20 лет, 10 — к разным срокам тюремного заключения и 8 — к ссылке на поселение. По сообщению корреспондента газеты «Новое время», подсудимые, выслушав приговор, запели «Отрешимся от старого мира», публика принялась им подпевать, размахивая платками. Демонстрация революционных чувств длилась около четверти часа.

Карательные излишества при подавлении революционных выступлений не могли принести и не принесли умиротворения. Эту истину понимали и С. Ю. Витте, и Ф. В. Дубасов, но не их августейший повелитель, который, если судить по его резолюциям, полагал, что чем больше революционеров каратели расстреляют и повесят, тем безопаснее будет для страны. Уже после революции действия полковника Н. К. Римана (он получил повышение по службе и стал командовать Двинским пехотным полком) на Московско-Казанской дороге были опротестованы юристами ввиду слишком уж большого количества произведенных им бес-

судных казней. 2 декабря того же года доклад военного министра по делу Н. К. Римана вернулся с высочайшей резолюцией: «Если бы все военные начальники действовали по примеру полковника Римана I, то Россия не пережила бы тяжелой и постыдной години 6 лет назад»¹²⁷. Резолюция императора по этому делу, вне всякого сомнения, выражает его глубокое внутреннее убеждение.

Начальник несет полную ответственность за действия подчиненных. В общественном мнении Ф. В. Дубасов был выставлен «палачом Москвы». Несколько раз он являлся объектом покушений революционеров, дважды был ранен. В апреле 1906 года в него бросили бомбу, а в декабре выпустили три пули. На просьбу адмирала помиловать стрелявшего в него мальчишку император ответил письмом со следующими примечательными строками: «...Вы обратились ко мне с просьбой о милости для покушавшихся на вашу жизнь. Мне понятно нравственное побуждение, руководившее вами, — это был порыв благородной души. Но я не могу разделить вашей точки зрения по данному случаю. Вы мой генерал-адъютант и бывший московский генерал-губернатор. Ваше имя давно известно во всей России; оно связано теперь с ореолом быстрого подавления мятежа в Москве. Именно поэтому вы сделали жертвой и второго покушения. Полевой суд действует помимо вас и помимо меня, пусть он действует по всей строгости закона. С озверевшими людьми другого способа борьбы нет и быть не может. Вы меня знаете, я незлобив; пишу вам совершенно убежденный в правоте моего мнения. Это больно и тяжело, но верно, что, к горю и сраму нашему, лишь казнь немногих предотвратит моря крови — и уже предотвратила!»¹²⁸

Своим мягкосердечием по отношению к побежденным революционерам московский генерал-губернатор заслужил неудовольствие Николая II. Всеподданнейший доклад о наведении порядка в Первопрестольной адмирал направил императору, а копию вместе с письмом от 7 января 1906 года — С. Ю. Витте. Письмо адмирала премьер переадресовал царю.

«В дело подавления московского мятежа я положил весь свой разум, все умение и всю волю, причем усилия мои увенчались успехом», — писал Ф. В. Дубасов. Однако по каким-то неведомым причинам его обошли наградами — он не получил ни производства в следующий чин, хотя состоял вице-адмиралом целых семь лет, ни ордена. Награждение московского генерал-губернатора — важный политический акт, и его, полагал автор письма, надо было сделать громко, всемилостивейшим рескриптом.

«Если вы со мною согласны, — писал С. Ю. Витте адмирал, — то вам, конечно, не трудно все это устроить. Еще одно слово: я просил вас о назначении меня членом Государственного совета, и вы были добры взять это на свою заботу, — напоминаю вам об этом не для того, чтобы торопить вас; но я хочу быть назначенным теперь же — на основании действующего порядка, так как по изменении его в близком будущем это сделается невозможным»¹²⁹. Членом Государственного совета Ф. В. Дубасов был назначен 15 января 1906 года; 5 июля того же года «по расстроенному здоровью» царским рескриптом был отставлен с поста московского генерал-губернатора. Но чин полного адмирала он получил только 6 декабря 1906 года высочайшим приказом по Морскому ведомству¹³⁰.

Лавры главного умиротворителя мятежной Москвы достались не С. Ю. Витте, а П. Н. Дурново, хотя роль последнего в этих событиях, полагает И. И. Толстой, «...была минимальна, а может быть и отрицательная»¹³¹. Министр внутренних дел в событиях московского восстания очутился совершенно на вторых ролях, хотя на словах проявлял бурную энергию. Он выводил из терпения председателя правительства своим любимым выражением: с революционерами церемониться нечего — «...к стене их и расстрелять».

«Вследствие ли постоянного и всюду громко повторяемого им с этих пор убеждения, что с революцией шутить нечего и что необходимо принимать по отношению к ней самые крайние меры строгости, или вследствие того, что в качестве администратора московский генерал-губернатор находился в ближайшей связи с Министерством внутренних дел и отчасти даже в подчинении к нему, но имя П. Н. Дурново стало все чаще упоминаться рядом с именем Дубасова как победителя московского восстания, причем роль Витте в этом эпизоде совершенно стусеивалась; даже, напротив того, брошенные Витте кстати несколько фраз о том, что, хотя строгость в соответственное время и по обстоятельствам необходима, но что на ней одной выезжать нельзя, побудили придворные и реакционные круги утверждать, что Витте либерал, опасный в данную минуту, а что настоящий спаситель Отечества — “молодец” Дурново, понимающий, что шутить теперь нельзя, а надо действовать, “не жалея патронов”», — по свежим следам событий записал граф И. И. Толстой¹³².

Отношения С. Ю. Витте и П. Н. Дурново в ноябре и декабре 1905 года посторонним наблюдателям казались совершенно странными. Дурново возражал почти против каждого предложения Витте, находя всю затею с конституцией

совершенно несвоевременной; его длинные выступления по поводу назначения губернаторов или объявления отдельных местностей на положении усиленной охраны казались С. Ю. Витте обструкцией и положительно выводили его из себя: он совершенно перестал стесняться в выражениях, бывал груб, доходя иногда фактически до крика. При всем при этом на каждом заседании он давал понять присутствующим, что чрезвычайно ценит административный опыт Дурново и очень нуждается в его советах. «До января 1906 года взаимные отношения эти имели такой вид, что Витте держит Дурново в руках и что, пользуясь его полицейской опытностью, он направляет ее в нужную ему сторону, а Дурново, хотя и брыкается, но, подчиняясь более сильной воле, не решается идти прямо против председателя и если и повертывает иногда дела по-своему, пользуясь своими частыми всеподданнейшими докладами, то делает это с оглядкой и считаясь с опасным для него политическим противником»¹³³.

* * *

После подавления вооруженных восстаний в Москве и в других городах (Ростове и Новороссийске) на повестку дня встали другие задачи. 23 декабря председатель правительства направил императору доклад, где подчеркивалось, «...что революционеры на время везде сломлены. Вероятно, на днях общие забастовки везде кончатся. Остаются остзейские губернии, Кавказ и Сибирская дорога. По моему мнению, прежде всего нужно разделаться с остзейскими губерниями. Я целым рядом телеграмм поощрял генерал-губернатора действовать решительно, но там, очевидно, мало войск. С этими силами трудно справиться, вследствие чего я ему еще вчера ночью телеграфировал, что, ввиду слабости наших войск и полиции, для поднятия авторитета власти необходимо с кровавыми мятежниками расправляться самым беспощадным образом»¹³⁴.

Головную боль у С. Ю. Витте вызывал беспорядок, воцарившийся на Сибирской дороге. Там революционные комитеты сами решали, кого возить, а кого нет, какие телеграммы передавать по назначению, а какие не передавать. Между тем требовалось как можно скорее перебросить армию из Китая в Европейскую Россию, к новым местам постоянного расположения.

По настоянию С. Ю. Витте его правительством был разработан новый план дислокации армии. Если ранее доблестная российская армия предназначалась для борьбы с врага-

ми внешними и потому размещалась поблизости от государственных границ страны, то теперь главным стал враг внутренних. Войска предстояло разместить в зонах внутренних конфликтов, с тем чтобы не столько гасить эти конфликты, сколько предупреждать самим фактом присутствия крупных воинских частей. Эта затея премьера, по свидетельству военного министра А. Ф. Редигера, вызвала сильнейшее недовольствие царя, очень ревниво относившегося к своим прерогативам верховного вождя русской армии и флота.

Кадровые полки из Маньчжурии не возвращались, а прибывали только запасные части. Н. П. Линеви́ч опрометчиво пообещал им, что к началу весеннего сева они будут дома. Деньги демобилизованным солдатам выдавались в Харбине сразу на весь путь, их пропивали сразу же, на Харбинском вокзале, затем продавали солдатский скарб, а когда продать больше нечего было, голодные деморализованные толпы запасных громили и грабили вокзалы, пристанционные буфеты и поселки железнодорожников.

Капитан А. И. Деникин, будущий вождь белогвардейской Добровольческой армии, время с ноября 1905-го по январь 1906 года провел в поезде на Сибирской железной дороге, пробираясь из Маньчжурии в Петербург. В Иркутске ему пришлось прожить несколько дней, так как из-за забастовок и расстройств движения там скопилось до 30 воинских эшелонов и несколько пассажирских поездов. На дороге было чрезвычайно трудно достать продовольствие, и А. И. Деникин с его товарищами жили только теми запасами, которые удалось приобрести в Иркутске¹³⁵.

Для наведения порядка на Сибирской железнодорожной магистрали были применены так называемые «экзекуционные поезда». С. Ю. Витте приписывает их изобретение своему гению, однако царь уверял вдовствующую императрицу, что оно родилось от вдохновения великого князя Николая Николаевича: «Николаше пришла отличная мысль, которую он предложил, — из России послан Меллер-Закомельский с войсками, жандармами и пулеметами в Сибирь до Иркутска, а из Харбина Ренненкампф, ему навстречу. Обоим поручено восстановить порядок на станциях и в городах, хватать всех бунтовщиков и наказывать их, не стесняясь строгостью. Я думаю, что через две недели они съедутся, и тогда в Сибири сразу все успокоится»¹³⁶.

Генерал-лейтенант П. К. Ренненкампф был героем Китайского похода 1900 года, кавалером заслуженных на поле брани двух Георгиевских крестов. Его конный рейд в июле — августе 1900 года, уникальный по своей лихости и отваге,

привел в восхищение знатоков военного дела¹³⁷. Те, кто рекомендовал его для наведения порядка на железной дороге, наверняка рассчитывали, что он проявит такую же лихость в борьбе с революционной заразой.

Высочайшая телеграмма с повелением ему сформировать карательный отряд в рядах Маньчжурской армии и действовать с ним без промедления была отправлена из Петербурга 13 декабря 1905 года кругом света через Шанхай и Владивосток. Она была получена штабом Линевича 25 декабря, но только 2 января генерал приступил к формированию отряда. Через неделю П. К. Ренненкампф выступил в поход, отправив телеграмму начальнику Генерального штаба Ф. Ф. Палицыну: «...Буду действовать по обстоятельствам, прибегая к полевому суду, при вооруженном сопротивлении расстреливать»¹³⁸.

Примерно в середине декабря С. Ю. Витте предложил послать навстречу П. К. Ренненкампфу генерала Н. Н. Сухотина из Омска. Но у Сухотина не нашлось надежных воинских частей для выполнения карательного рейда. Тогда всплыла кандидатура генерал-лейтенанта барона А. Н. Меллера-Закомельского, временного генерал-губернатора Польши. Усмирять и подавлять барону было не впервой. В далеком 1863 году он, молодой корнет гусарского полка, участвовал в карательных расправах на территории мятежной Польши. В ноябре 1905 года А. Н. Меллер-Закомельский в должности командира 7-го армейского корпуса подавлял восстание солдат и моряков в Севастополе.

С. Ю. Витте вспоминал, что для проведения карательного железнодорожного рейда его рекомендовал генерал Ф. Ф. Палицын. Решение по кандидатуре Меллера-Закомельского было принято 20 декабря, а его карательный поезд формировался в Москве, уже очищенной к тому времени от мятежников. Ядро отряда А. Н. Меллера-Закомельского составили две сводные роты (20 унтер-офицеров и 95 рядовых солдат) 3-й гвардейской пехотной дивизии, которой барон когда-то командовал, пулеметная команда с 2 машинами из той же дивизии и 2 орудия 2-й батареи 37-й артиллерийской бригады, поставленные на железнодорожную платформу — всего 1 генерал, 4 штаб-офицера, 9 обер-офицеров, 1 врач, 1 гражданский чиновник и 184 нижних чина¹³⁹. В ночь на 1 января 1906 года генерал отправился на выполнение порученного ему премьер-министром задания — любыми средствами восстановить порядок на Сибирской железной дороге.

В выборе этих средств генерал мог совершенно не стесняться, так как дорога уже была объявлена на военном по-

ложении. Он и не стеснялся — один из офицеров отряда, поручик Евецкий, вел личный дневник и потому подвиги генерала и его подчиненных известны в многочисленных подробностях.

Как выяснилось по мере продвижения поезда вглубь страны, слухи о беспорядках на Сибирской магистрали были преувеличены. Определенные хлопоты генералу доставляли эшелоны с запасными нижними чинами. Для увещевания непокорных вначале применяли приклады винтовок, затем, после того как несколько прикладов было разбито, солдаты перешли на шомпола. Но металлические шомпола отбивали экзекуторам руки, и тогда «нижние чины» отряда завели себе нагайки, которыми действовать было гораздо сподручнее.

Самой беспокойной оказалась Забайкальская дорога. «Пусть на станциях знают, что за малейшее покушение на мой поезд все будет разнесено», — страшил генерал из своего походного телеграфа. Особенно негодовал бравый военачальник на преступную деятельность «врачей-жидов» и революционных агитаторов, которые пытались вести разлагающую работу и среди солдат его отряда. Одного из таких агитаторов «нижние чины» сильно избили, а другого выбросили из вагона на ходу, и, полагал генерал, «...вряд ли он когда-нибудь возобновит свою преступную деятельность». Двух агитаторов за революцию солдаты расстреляли на станции Мысовой по личному приказу генерала барона А. Н. Меллера-Закомельского.

Еще 25 декабря С. Ю. Витте представил императору доклад о противодействии революционной пропаганде в армии. Совет министров считал необходимым агитаторов и пропагандистов не казнить самосудом, а ловить и предавать военному суду. Проект соответствующего указа был подготовлен военно-судебным ведомством, прошел все надлежащие инстанции и... остался без движения. На всеподданнейший доклад С. Ю. Витте император наложил резолюцию, пометив ее 26 декабря: «Строгий внутренний порядок и попечительное отношение начальства к быту солдат лучше всего оградят войска от проникновения пропаганды в казарменные расположения»¹⁴⁰. Для укрепления пошатнувшегося воинского духа 6 декабря 1905 года, в день тезоименитства Николая II, солдатская мясная порция была увеличена на 100 граммов в день; солдаты стали получать от казны чайное довольствие, одеяла, постельное белье, посуду.

Взгляды венценосца на приемы борьбы со смутой были хорошо известны его ближайшему окружению и им же, окружением, отчасти сформированы. Получив рапорт

Н. П. Линевича, где говорилось, что в Маньчжурскую армию прибыло много революционных агитаторов, монарх наложил резолюцию с выражением надежды, что все они будут повешены. Ни российские законы, ни законы какой-либо другой цивилизованной страны не предусматривали в обычных обстоятельствах исключительной меры наказания за революционное слово. Только за дело и то не за всякое. Даже военно-полевые суды и те не всегда приговаривали к смерти за революционную агитацию и пропаганду.

Но вернемся к подвигам генерала А. Н. Меллера-Закомельского и его подчиненных. На станции Иланской 12 января в 12 часов ночи во время разгона митинга рабочих в депо (по другим сведениям, это был вовсе не митинг, а рабочие собрались, чтобы вручить генералу петицию со своими требованиями) солдаты открыли стрельбу на поражение. По данным штаба отряда, 19 рабочих было застрелено, 70 человек ранено и 70 арестовано. Главные виновники творившихся безобразий — телеграфисты и члены местных стачечных комитетов — расстреливались без всякого суда: 5 человек на станции Мысовой и 7 человек на станции Мозгон. «Только, пожалуйста, не тратьте даром патронов — стреляйте в затылок и больше трех патронов на человека не тратьте», — лично инструктировал генерал А. Н. Меллер-Закомельский членов расстрельной команды. Других, менее виновных, избивали и драли плетью. Статистика выпоротых и избитых штабом отряда не велась — порки и избиения считались рутинной работой.

Среди казненных генералом А. Н. Меллером-Закомельским был видный революционер, большевик И. В. Бабушкин. С двумя вагонами винтовок он выехал из Читы в направлении Иркутска, чтобы вооружить там рабочих и попытаться остановить карателей. На станции Слюдянка он был захвачен и на станции Мысовой расстрелян без суда и следствия¹⁴¹.

«Такой образ действий, — с чувством выполненного долга докладывал барон Меллер-Закомельский императору, — дал должные результаты. По всей Забайкальской дороге до Читы рабочие сами начали сдавать имеющееся у них оружие, которым для вооруженного сопротивления их усиленно снабжала Чита, а частью было роздано из числа хранившегося на станциях для вооружения некоторых агентов дороги; телеграфисты прекратили передачу всяких стачечных депеш; благонамеренный элемент служащих приободрился, а введенный ранее 8-часовой рабочий день сменился 9-часовым»¹⁴².

Генерал не скрывал своих переживаний по поводу того, что нигде не встретил вооруженного сопротивления. «Читу

надо было разгромить, и если бы мастерские и взлетели на воздух и был бы от этого убыток казне, ничтожный по сравнению с громадными убытками, причиненными ранее революционерами, зато впечатление было бы огромное и революция надолго бы стихла», — телеграфировал он генералу Ф. Ф. Палицыну. Ту же самую глубокую мысль он повторил и в отчете об итогах экспедиции, поданном на высочайшее имя. Тот факт, что Чита не была разгромлена в пух и прах, барон называл крупной ошибкой, подобной той, «...которую сделали при подавлении революции в Красноярске, и я, — докладывал генерал императору, — совершенно разделяю мнение генерала Сухотина, сожалевшего, что Красноярск сдался без боя. Если генерал Сухотин и не расправился сурово с мятежниками, то это объясняется отсутствием у него достаточной вооруженной силы, чего никак нельзя сказать про генерала Ренненкампа, подошедшего к Чите с целой стрелковой дивизией, 2 гаубицами, 2 горными орудиями и сотней казаков. Я нахожу, что для пользы дела необходимо было разгромить Читу, а не вступать со всякими союзами и комитетами в дипломатические переговоры. Разгром Читы послужил бы прекрасным уроком всем этим революционным обществам и надолго отнял бы у них охоту устраивать революции. Бескровное же покорение взбунтовавшихся городов не производит никакого впечатления»¹⁴³. Нетрудно представить, что случилось бы с Москвой, если бы ее усмирением руководил не вице-адмирал Ф. В. Дубасов, а генерал-лейтенант барон А. Н. Меллер-Закомельский!

Свое мнение по поводу несостоявшегося разгрома Читы император Николай выразил краткой резолюцией: «Ренненкампа разговаривает, а Меллер-Закомельский действует».

А. Н. Меллер-Закомельский предлагал распространить внесудебные репрессии на высший командный состав армии, виновный, по его мнению, в преступном попустительстве революционному движению: «Остаюсь при твердом убеждении, что генералы, подобные Линевицу, Казбеку, Холщевникову, Путяте, Румшевичу* и пр., могут погубить армию и государство; надо их расстреливать»¹⁴⁴.

* Путята Дмитрий Васильевич, генерал-лейтенант, с марта 1902 года военный губернатор Амурской области, командующий войсками и наказной атаман Амурского казачьего войска; Казбек Георгий Николаевич, генерал-лейтенант, комендант крепости Владивосток; Холщевников Иван Васильевич, генерал-лейтенант, военный губернатор, командующий войсками Забайкальской области, наказной атаман Забайкальского казачьего войска; Румшевич Иосиф Францевич, генерал-майор, командир 2-го Сибирского Читинского полка.

Познакомившись с бароном поближе, С. Ю. Витте пришел к выводу: он «...человек довольно темный, хотя и с большим темпераментом. Вообще, если бы Меллер-Закомельский не был генералом, то по своему характеру он был бы очень хорошим тюремщиком, особенно в тех тюрьмах, в которых практикуются телесные наказания; он был бы также очень недурным полицейским и хорошим обер-полицмейстером, в смысле поддержания внешнего порядка»¹⁴⁵. Тем не менее С. Ю. Витте признал, что порученную ему работу генерал проделал очень хорошо. Генерала Холщевникова, виновного за «беспорядки» в Забайкалье, председатель Совета министров также предлагал сурово наказать, но не расстрелом, а преданием военному суду.

По возвращении генерала А. Н. Меллера-Закомельского в Петербург он был принят военным министром. А. Ф. Редигеру барон не понравился — среднего роста, лицо красное, «бурбонистое», собеседнику в глаза не смотрит, говорит не гладко, а тянет. Генерал имел славу пройдохи: после подавления Севастопольского восстания моряков он направил императору личный отчет, полный красочных подробностей того, как яростно сопротивлялись мятежники, как жарко кипел бой и т. п. На его беду, вскоре было получено донесение о потерях: 5 человек убитых и несколько десятков раненых с обеих сторон¹⁴⁶.

Военный министр, так же как и председатель правительства, высоко оценил проделанную генералом работу: «Заслуга Меллер-Закомельского была громадна: он восстановил связь с армиями, восстановил порядок на протяжении нескольких тысяч верст железнодорожного пути! Задача, казавшаяся столь трудной и опасной, была разрешена гладко и просто, с ничтожными силами. Главная заслуга в этом деле принадлежит лично ему, так как только при его характере палача можно было столь систематически бить и сечь вдоль всей дороги, наводя спасительный ужас на все бунтующие и бастующие элементы. Выбор его для этого предприятия оказался замечательно удачным»¹⁴⁷.

Император Николай II лично следил за подавлением смуты. Оба храбрых генерала, отправленные С. Ю. Витте на Сибирскую магистраль, направляли донесения на царское имя. 19 января 1906 года в 2 часа 40 минут пополудни генерал Меллер-Закомельский отправил императору телеграмму такого содержания: «Сибирской и Забайкальской дороги все служащие, телеграфисты, рабочие почти сплошь революционеры. Более надежные кондуктора и чернорабочие. Необходимы строгие меры. На станции Мысовой расстрелял трех

телеграфистов, двух членов комитета и двух пропагандировавших революцию среди эшелонов запасных. По просьбе генерала Ренненкампа еду на Читу». Через три дня император получил донесение: «Чита сдалась без боя. Еду обратно». Порядок восстановлен повсеместно, дорога охраняется надежными частями; «паровозы отогреваются и исправляются, уголь подвозится. Революционные элементы дороги устраняются, арестуются, увольняются, часть бежала». Генерал испрашивал награду за верную службу: «Вверенный мне отряд просит всеподданнейше ходатайствовать иметь счастье представиться Вашему величеству в Царском Селе. Осчастливьте разрешением проехать из Москвы в Варшаву через Петербург». Просьба получила удовлетворение — карательный отряд представился императору Николаю II. 6 февраля 1906 года офицеры удостоились чести отобедать в его обществе¹⁴⁸.

Другой каратель, генерал Ренненкампф, оставался на хозяйстве. Преисполненный служебного рвения, он доносил: «Законный порядок между железнодорожными и телеграфными служащими на Забайкальской дороге и телеграфистами Забайкальской области водворен... К половине февраля окончится следствие и виновные понесут вполне заслуженную кару. Работа Забайкальской дороги уже значительно улучшилась. Есть надежда в половине февраля довести пропускную ее способность до десяти пар воинских. Выполнив волю Вашего императорского величества относительно Забайкальской дороги со Сретенской веткой, отправляюсь в Иркутск, откуда немедленно вернусь в Читу для суждения виновных в мятеже. Испрашиваю дальнейших повелений Вашего императорского величества»¹⁴⁹.

Поставленную задачу С. Ю. Витте решил — огромная, хотя и ненадежная вполне армия была доставлена к новым местам постоянной дислокации посуху и морем. Местные сатрапы получили возможность перевести дух. 21 апреля 1906 года одесский генерал-губернатор А. В. Каульбарс направил царю радостную телеграмму: «Всеподданнейше доношу Вашему императорскому величеству, что все части 15 пехотной дивизии прибыли с Дальнего Востока во вверенный мне округ. Все прибывшие эшелоны торжественно встречаются; настроение людей было радостное и приподнятое, и, при высадке на родной земле, восторженное “ура” прибывающих и встречающих покрывало тосты о здравии и благоденствии Вашего императорского величества и дорогой родины»¹⁵⁰. В течение первых месяцев 1906 года через Одессу вернулось из Маньчжурии на родину около 100 тысяч человек запасных. Их встречал лично А. В. Каульбарс с почет-

ным караулом и оркестром, угощал обедом. Оркестр играл государственный гимн, произносились торжественные речи. Почетному караулу на всякий случай были розданы боевые патроны.

* * *

Хотя революция — это война, правительство, полагал С. Ю. Витте, должно вести ее, руководствуясь прежде всего точными законами. Еще в середине декабря Совет министров инициировал закон о применении смертной казни за убийства должностных лиц государства по политическим мотивам. Существовавшие до того правила о предании суду за политические убийства были весьма разнообразны и допускали возможность чисто бюрократического произвола.

В гражданском судопроизводстве Российской империи смертная казнь даже за серьезные преступления применялась исключительно редко. Фактически самым тяжким наказанием были бессрочные каторжные работы, обрекавшие человека на медленное и мучительное умирание. В этом проявилось лицемерие российского абсолютизма, так возмущавшее писателя Льва Николаевича Толстого. Зато военные суды, наоборот, чаще всего приговаривали преступников к лишению жизни. Можно быть сторонником смертной казни, рассуждал С. Ю. Витте, можно быть ее противником, суть не в этом, а в том, что нельзя превращать наказание смертной казнью в «государственное убийство». А между тем так оно чаще всего и бывало — за одни и те же преступления наказания могли быть совершенно различными. Все зависело от того, какому суду будет предан виновный, как то или иное высокое начальствующее лицо заблагорассудит. Этими начальствующими лицами являлись генерал-губернаторы, число которых сильно увеличилось по мере объявления тех или иных местностей на исключительном положении. Приговоры военных судов о смертных казнях также подлежали утверждению этих генерал-губернаторов. В одних случаях смертные приговоры утверждались, а в других — нет.

Без смертной казни в тех чрезвычайных обстоятельствах обойтись было довольно трудно, поскольку террористические акты революционеров против должностных лиц государства приняли уже массовый характер. С другой стороны, административный произвол в этом шекотливом вопросе только лил воду на мельницу революции. В правительстве был разработан законопроект, по силе которого все покушения на жизнь и здоровье государственных служащих должны

были автоматически попадать не в гражданские, а в военные суды. Туда же следовало направлять и все дела, связанные с нелегальным изготовлением и применением взрывчатых веществ. Приговоры военных судов не требовали санкции генерал-губернаторов. Таким образом, с одной стороны, судебной власти, пусть даже и военной, придавался независимый от администрации характер, а с другой — сфера применения исключительной меры наказания сужалась.

В мемории Совета министров по этому вопросу говорилось, что «...теперь не идет дело об установлении смертной казни за какое-либо преступление, до сего этому наказанию не подлежавшее, а об устранении совершенно недопустимого положения, при котором лишение виновного жизни происходит не в силу категорического веления закона, а в зависимости от воззрений... того или другого лица, от которого зависит передача дела на рассмотрение военного суда».

С другой стороны, говорилось в мемории, военные суды, руководствуясь статьей 279 Воинского устава о наказаниях, обязаны были выносить смертные приговоры, не принимая во внимание утвержденные в 1903 году Правила уголовного уложения. Этими правилами разрешалось, в случае смягчающих вину обстоятельств, заменять смертную казнь каторгой и определять наказание за политические убийства в виде каторги без срока для женщин или несовершеннолетних¹⁵¹.

Совет министров предложил: «Дела об убийстве или покушении на убийство по политическим побуждениям чинов войск, полиции и других должностных лиц при исполнении ими обязанностей службы или же вследствие исполнения сих обязанностей, подчиняются ведению военного суда для рассмотрения и решения по правилам, установленным в разделе IV Военно-судебного устава, с применением к виновным наказания, предусмотренного в статье 279 Воинского устава о наказаниях, причем суду предоставляется ходатайствовать в случаях особо уважительных о смягчении назначенного виновному наказания переходом от смертной казни к каторге без срока»¹⁵².

Монарх не может являться источником зла. Во всеподданнейшей записке, приложенной к указанной мемории, С. Ю. Витте предупредил Николая II: законодательная санкция путем высочайшей резолюции, наложенной на меморию, недопустима. «Подобные меры, — писал С. Ю. Витте, — должны исходить от правительства в установленном для того порядке и не могут быть связываемы с именем Вашего императорского величества. Соображение это заставило меня ходатайствовать перед Вашим величеством о передаче де-

ла в Государственный совет для того, чтобы в случае признания нового порядка необходимым, издание его последовало в виде мнения Государственного совета, а не в форме именного высочайшего указа Сенату»¹⁵³.

Подавляющим большинством голосов Совет министров одобрил законопроект о применении смертной казни за покушения на государственных служащих. При прохождении через Государственный совет он также получил поддержку большинства его членов. В меньшинстве оказались те, которые считали, что разумнее остаться при старых порядках, то есть казнить и миловать по усмотрению администрации. Император Николай II утвердил мнение не большинства, а меньшинства членов Госсовета. Рулетка смерти продолжала вертеться.

* * *

Особенного размаха бессудные карательные акции приобрели в Прибалтике. Ситуация в мятежном крае осложнялась тем, что к волнениям на аграрной почве примешивались националистические мотивы: помещики были немцами, а их безземельные батраки — эстонцами и латышами. Во многих местах царская администрация была разогнана и власть взяли в свои руки созданные революционерами органы местного самоуправления, имевшие свои вооруженные отряды. Не обходилось и без жестокостей с их стороны — в Курляндии, в местечке Газенпот, революционерами были заживо сожжены солдаты драгунского разъезда¹⁵⁴.

В Прибалтийские губернии для очистки их от революционеров без ведома премьер-министра было послано целых 7 карательных экспедиций с разных направлений. Генерал Вальтер Вальтерович Мейнард, начальник Южного отряда, командовал 2-й бригадой 4-й кавалерийской дивизии. Самое крупное карательное соединение возглавил генерал-майор свиты его величества Александр Афиногенович Орлов: 4 полка регулярной кавалерии (2 уланских и 2 кирасирских), 4 стрелковые роты с пулеметами, одна саперная рота и 6 орудий. Эти части составили Северный отряд. Командующий столичным военным округом, председатель Совета государственной обороны великий князь Николай Николаевич лично напутствовал Орлова словами: «Валяй вовсю и знай, что за строгость излишнюю тебя не осудят свыше, а скорее за недостаток ее»¹⁵⁵.

Никакой правовой основы для действий карательных отрядов не имелось, и начальники их действовали кто во что

горазд. В одних отрядах создавались импровизированные военно-полевые суды; в других расстрелы и порки производились приказами полевых командиров.

Мичман Н. Л. Максимов за участие в обороне Порт-Артура был награжден орденом Святого Георгия. Распоряжением командира гвардейского корпуса В. А. Безобразова он стал военным начальником всего района Валкского уезда Лифляндской губернии. Прибыв к месту назначения, лихой моряк немедленно открыл боевые действия против мятежников: «Никаких пленных! Никаких раненых! Кто не убит сразу, того добивать!» На станции Мариенбург им было расстреляно 17 человек. Когда оказалось, что жители одной из деревень при приближении отряда ушли в лес, оставив дома награбленное в помещичьих усадьбах имущество, Н. Л. Максимов отдал подчиненным приказ: «Всех домохозяев разыскать и вернуть по избам. Приказать им под вашим наблюдением все взятые из помещичьих усадеб вещи и предметы возвратить владельцам. Весь без остатка зерновой запас, который найдется в доме у крестьянина, он должен сам передать владельцам той экономии, откуда он его забрал, весь без остатка, до последнего зерна, а после сего точного исполнения каждого домохозяина повесить на воротах его усадьбы». 135 «домохозяев-грабителей» во исполнение приказа начальника карательного отряда георгиевского кавалера мичмана Н. Л. Максимова были повешены. За свои «молодецкие действия» он был награжден орденом Станислава 2-й степени и произведен в лейтенанты¹⁵⁶.

Отряд А. А. Орлова, вспоминал С. Ю. Витте, «...довольно безобразничал, и с ним не было никакого слада. Генерал-губернатор в Риге Соллогуб употреблял все усилия, чтобы отряд этот не вошел в г. Ригу. Как он мне объяснял после, потому, что он был уверен, что Орлов провоцирует какой-либо беспорядок, а потом разгромит город»¹⁵⁷.

Император был в курсе всех подробностей карательных акций в Прибалтике. А. А. Орлов доносил ему: «Высылаемые с 13 декабря экспедиции восстанавливали законные власти в волостях, захватывая все большие районы... С 8 января движение медленное... По сегодняя убито 22, расстреляно 78, много подвергнуто экзекуции; сожжено строений 70; пироксилином взорвано здание, где было в октябре нападение на войска». 22 января 1906 года генерал А. А. Орлов подошел к Риге, где дал отдых своим эскадронам, проделавшим путь длиной 4600 верст. «После сего кавалерия идет тремя колоннами на восток, оставляя в известных местах, для действия порайонно, эскадроны»¹⁵⁸.

Подавлением революции в Эстонии занимался батальон, сформированный из моряков Балтийского флота под командованием капитана 2-го ранга Оттона Оттоновича Рихтера (сына генерал-адъютанта О. Б. Рихтера). Он не только расстреливал, но и вешал главных агитаторов. Николай II одобрил эти его действия, написав на том месте доклада, где сообщалось о повешенных и расстрелянных: «Ай да молодец!» Чтобы не компрометировать монарха, доклад со столь одиозной царской резолюцией С. Ю. Витте утаил, положив себе в стол.

Есаул граф М. Н. Граббе, адъютант великого князя Владимира Александровича, с 20 декабря 1905 года по 10 января 1906-го наводил порядок в Эстонии. Хотя ни малейшего сопротивления отряду оказано не было, действовали без церемоний — расстрелы и порки «революционеров-агитаторов», уничтожение их жилищ производились без излишних проволок. Петр Озол был расстрелян по личному приказу графа М. Н. Граббе только за то, что несколько ранее с револьвером в руке он сопровождал арестованного офицера к месту заключения¹⁵⁹. По итогам карательной работы граф был поощрен званием полковника. Его продвижение по служебной лестнице ускорилося. Спустя некоторое время он получил воинское звание генерал-лейтенанта и стал наказным атаманом Войска Донского.

При П. А. Столыпине в канцелярии Совета министров подвели общий итог карательным акциям в Прибалтийских губерниях: «До февраля 1906 года действиями военных отрядов были лишены жизни: в Эстляндской губернии при сопротивлении с оружием в руках убито 50 чел. и расстреляно — 68 чел., на острове Эзель расстреляно — 2 чел., в Лифляндской губернии убито при сопротивлении с оружием в руках 14 чел. и при попытке бежать — 1 чел., расстреляно — 120 чел., в южном отряде убито при попытке бежать — 2 чел., расстреляно — 39; в Курляндской губернии убито, при сопротивлении с оружием в руках — 36 чел., при попытке бежать — 37 чел., расстреляно — 64 чел., в отряде подполковника Принца убито при сопротивлении с оружием в руках — 5 чел., не было совсем расстрелов; в отряде генерал-майора Безобразова расстреляно — 63 чел. Всего убито при сопротивлении с оружием в руках — 105 чел., при попытке к бегству — 52 чел., расстреляно — 356 чел. ... К концу января 1906 года расстрелы войсками захваченных бунтовщиков были прекращены»¹⁶⁰.

Много было в те жуткие месяцы наломано дров — революция-то ведь подавлялась впервые. Безобразия, чинимые

карательными экспедициями — обычное дело во время подавления народных волнений, — беспокоили правительство все больше и больше по мере того, как страна приближалась к выборам в первое в своей истории Законодательное собрание народных представителей. Этот вопрос обсуждался на заседании Совета министров 10 января 1906 года. По результатам обсуждения граф С. Ю. Витте подготовил императору примечательный всеподданнейший доклад.

В нем выражалась твердая поддержка действий армии по подавлению вооруженных мятежей. На войне как на войне, однако бессудные расстрелы военнопленных по приказанию командиров воинских частей противоречат фундаментальным основам воинской морали. Виновные в мятеже и связанных с мятежом преступлениях должны не расстреливаться, а предаваться суду. «Решение военного суда может последовать в весьма короткий промежуток времени, и те, кто заслуживает смертной казни, конечно ее не избегнут; передача же их вновь в руки военных властей и расстреливание приказанием военного начальства — явление совершенно недопустимое и настолько противоречит всем существующим воззрениям, что должно быть, по убеждению Совета, безусловно устранено». Председатель правительства спрашивал у царя разрешения «...сообщить военному министру для преподания подлежащим командующим войсками указаний, что участники мятежа, не подвергшиеся истреблению со стороны войск на самом месте оказанного ими вооруженного сопротивления или совершенных ими злодейств и переданные ими в распоряжение подлежащих властей, не могут быть изъяты из ведения последних и должны быть судимы по закону». Император наложил резолюцию: «Конечно, я не допускаю и мысли, что могло быть иначе», — и поставил дату — 23.01.06. Царское Село¹⁶¹.

Однако бессудные казни продолжались, и 19 февраля 1906 года правительство предложило привлекать виновных уже к судебной ответственности. Поводом послужил из ряда вон выходящий случай, когда 30 января того же года по распоряжению временного курляндского генерал-губернатора В. А. Бекмана воинским караулом без ведома судебных властей были выведены из тюрьмы 5 заключенных по обвинению в разграблении и поджоге одного из имений и бессудно казнены: трое расстреляны и двое повешены. Резолюция царя гласила: «Расследовать это дело без всякой огласки распоряжением командующего войсками»¹⁶².

Борьбу с революцией премьер-министр С. Ю. Витте настойчиво пытался ввести в строгие рамки закона. 10 февраля

ля им был представлен всеподданнейший доклад о прекращении порочной практики произвольного объявления исключительного положения. За три с половиной месяца было 70 случаев объявления местностей на исключительном положении! В 47 случаях, подсчитали сотрудники С. Ю. Витте, это было сделано с нарушением предписанной законом процедуры. Ведь указом 29 ноября 1905 года генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники наделялись правом объявлять подвластные им территории на положении усиленной охраны, чрезвычайной охраны или на военном положении лишь в случаях прекращения «железнодорожных, почтовых и телеграфных сообщений» с центральным правительством. В 23 случаях местные власти, без всякого согласования с центром, прямо вводили военное положение. «Между тем, по-видимому, в некоторых случаях не было необходимости прибегать именно к такой исключительной мере. Столь частое и притом совершенно произвольное применение ее привело к весьма ненормальному положению вещей: по инициативе местных властей, без разрешения высшего правительства, образовался целый ряд мелких самостоятельных генерал-губернаторств; появились в различных местах России временные генерал-губернаторы, действующие вполне независимо друг от друга, вне надлежащего контроля центральной власти и пользующиеся в силу закона самыми широкими правами по отношению ко всему местному населению, которое стоит по отношению к ним почти вне закона»¹⁶³.

Если раньше такое самоуправство и находило некоторое оправдание в «чрезвычайных обстоятельствах смуты», то теперь, полагал С. Ю. Витте, эти времена прошли — наступило частичное успокоение. К сожалению, подчеркивал докладчик, все еще не представляется возможным «...сократить область применения исключительных законов, действующих в настоящее время в 55 губерниях и областях империи; но при этом Совет министров все же находит своевременным обсудить вопрос о снятии военного положения хотя бы в губерниях центральной России, не входящих в состав постоянных генерал-губернаторств»¹⁶⁴.

* * *

В начале 1906 года придворные круги и сам император утвердились во мнении, что поражение революции нанесено главным образом рукой опытного полицейского П. Н. Дурново; что всякие конституционные затеи графа С. Ю. Витте есть не что иное, как опасная блажь. На

П. Н. Дурново как из рога изобилия посыпались монаршие милости: из управляющего министерством он был сделан министром, пожалован в статс-секретари, произведен в действительные тайные советники, назначен членом Государственного совета, получил денежную награду в 200 тыс. руб., наконец, его дочь была взята ко двору в качестве фрейлины императрицы.

После всех этих милостей П. Н. Дурново стал вести себя, как заметил И. И. Толстой, более независимо по отношению к премьер-министру. «Хотя Витте и продолжал иногда кричать на Дурново, но последний перестал “ежиться”, а отвечал иногда довольно резко, энергично настаивая на своей точке зрения; иногда, чего он раньше никогда не посмел бы сделать, он после сцены с председателем прекращал на неделю и больше свое хождение в заседание Совета, причем не считал нужным извиняться за свое отсутствие. Провозглашаемая им панацея против революции, выражавшаяся в девизе: “к стене — и расстрелять”, в той или иной форме преподносилась им довольно часто и смело, хотя и бездоказательно, в заседаниях, причем на все возражения он пожимал плечами и иронически улыбался»¹⁶⁵.

Премьер-министр не переоценивал собственной популярности ни в стране, ни при дворе. Как-то раз, выпив за завтраком обычную порцию шампанского, С. Ю. Витте с горя расшутился. Он принялся уверять присутствующих, что ни золотая валюта, ни Портсмут, ни конституция не дали и не дадут ему славы. Одна есть прочная слава на земле — кулинария, поэтому надо привязать свое имя к какому-нибудь блюду. Есть же, например, гурьевская каша, а ведь А. Н. Гурьев был министром финансов не бог весть каким. Надо изобрести «виттевские пирожки» — они-то и останутся навсегда, остальное все эфемерно. «Он в этот день рассчитывал, — вспоминал чиновник канцелярии премьера И. И. Тхоржевский, — в видах бессмертия на свои крошечные горячие ватрушки с ледяной зернистой икрой внутри к водке». Это было конечно же шуткой, но в ней — весь С. Ю. Витте¹⁶⁶.

И. И. Толстой, единственный из членов кабинета С. Ю. Витте, оставивший о своей работе в нем воспоминания, с некоторой долей истины считал, что все свои действия председатель правительства стремился подчинить одной цели — подготовить почву для выборов в Государственную думу. Поэтому С. Ю. Витте искренне думал, что хотя строгость временами бывает совершенно необходима, но на одной ней выезжать нельзя. И в декабре 1905-го, и в январе 1906-го-

да он не один раз в присутствии других членов правительства просил П. Н. Дурново не увлекаться репрессивными действиями: нельзя озлоблять население накануне выборов, иначе в Государственную думу выберут одних революционеров.

Случилось то, чего так опасался премьер-министр. Состав свободно избранного народного представительства оказался таким, что у правительства С. Ю. Витте не было никаких надежд на конструктивное с ним сотрудничество. Во всеподданнейшем докладе с просьбой об отставке от 14 апреля вина за это была возложена на П. Н. Дурново — он действовал, особенно последние два месяца, «несоответственно» текущей обстановке. Император Николай II собственноручно написал ответ, где выразил несогласие с точкой зрения своего первого министра: «Мне кажется, что Дума получилась такая крайняя не вследствие репрессивных мер правительства, а благодаря широте закона 11 декабря о выборах, инертности консервативной массы населения и полнейшего воздержания всех властей от выборной кампании, чего не бывает в других государствах». Допущенные ошибки были вскорости исправлены П. А. Столыпиным.

Конституция консервативная и без парламентаризма

Расширение избирательных прав, обещанное Манифестом 17 октября, правящими верхами и либеральной общественностью осенью 1905 года рассматривалось как первейшее средство умиротворения страны. Не помня зла, С. Ю. Витте доверил эту работу московским общественным деятелям, только что отказавшимся занять посты в его правительстве. «Поручение это... взяли на себя Д. Н. Шипов, Гучков и князь Трубецкой, или, вернее сказать, напросились на это поручение. Это обстоятельство именно несколько замедлило опубликование законов о выборах и созыв самой Думы»¹⁶⁷. 29 и 30 октября 1905 года в московской квартире Д. Н. Шипова на Собачьей площадке над проектом избирательного закона колдовала большая группа умеренных либералов в составе Н. С. Волконского, А. И. Гучкова, С. А. Котляревского, Г. Е. Львова, Н. Н. Львова, А. А. Мануйлова, С. Н. Маслова, Е. Н. Трубецкого, Н. А. Хомякова, М. В. Челнокова, С. И. Четверикова и Н. Н. Щепкина.

Общими усилиями они составили весьма радикальный по тем временам избирательный законопроект из 63 статей. Главное его содержание состояло в предоставлении избира-

тельных прав всем русским подданным мужского пола, достигшим 25-летнего возраста, вне зависимости от имущественного положения. В городах выборы были прямыми, в сельской местности — двухстепенными¹⁶⁸.

3 ноября в 2 часа дня проект обсуждался в кабинете председателя правительства. Авторам показалось, что С. Ю. Витте вроде бы склонялся ко всеобщему избирательному праву. Но когда через две недели вновь вернулись к представленному законопроекту, он был уже против¹⁶⁹. По заданию премьера правительство стало готовить свой собственный проект, строго следуя указаниям пункта второго высочайшего Манифеста 17 октября, где говорилось: «Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем были лишены избирательных прав...» Работой этой занимался Сергей Ефимович Крыжановский, высокопоставленный чиновник аппарата Министерства внутренних дел. Когда он и его помощники завершили труды, оба документа — общественных деятелей и правительственный — были вынесены на обсуждение Особого совещания под личным председательством императора Николая II.

Заседания проходили 5 и 7 декабря в императорской Царскосельской резиденции. В них участвовали, помимо министров правительства и членов Государственного совета, еще и представители общественности, выбранные С. Ю. Витте, а именно: граф В. А. Бобринский, барон П. Л. Корф, А. И. Гучков и Д. Н. Шипов. Был приглашен дворцовый комендант Д. Ф. Трепов и еще какой-то артиллерийский генерал, ничего общего с присутствующими не имевший.

На удивление С. Ю. Витте, не только либералы А. И. Гучков, Д. Н. Шипов и П. Л. Корф, но и ультраправо настроенный граф В. А. Бобринский, богатейший тульский помещик и сахарозаводчик, высказались в пользу всеобщего избирательного права. По заявлению А. И. Гучкова, «...вовсе не следует бояться народных масс. Наоборот, именно привлечением этих масс к участию в политической жизни страны будет достигнуто наиболее прочное и серьезное успокоение их. На мой взгляд, дарование всеобщего избирательного права неизбежно, и если не дать его теперь, то в ближайшем будущем его вырвут. Между тем принятие этого принципа теперь же было бы актом доверия и милости»¹⁷⁰.

Главный недостаток правительственного проекта А. И. Гучков увидел, во-первых, в том, что рабочим, так же как и кре-

стьянам по указу 6 августа 1905 года, предоставлялось отдельное представительство в Государственной думе, и, во-вторых, в том, что самые консервативные слои рабочего люда — стрелочники, сторожа, извозчики, ремесленники и прочие — от выборов отстранялись. Речь Александра Ивановича Гучкова, краткая, но, по словам графа И. И. Толстого, «замечательно толковая и убедительная», всем понравилась, в том числе и императору Николаю II. Министру просвещения в какой-то момент почудилось, что законопроект москвичей восторжествует над правительственным.

В. А. Бобринский заявил, что жизненно важно как можно скорее опубликовать избирательный закон и указать на точный срок созыва Государственной думы: «В настоящее время это боевой вопрос. Нам всем нужен лозунг, и этим лозунгом должны быть царь и Государственная дума. Вся Россия ждет избирательного закона; мы все ждем его, и не как осуществления дарованных нам прав, а как знамени для борьбы»¹⁷¹.

Тему, поднятую графом В. А. Бобринским, развил Д. Н. Шипов. Чтобы будущая Дума, упаси Бог, не превратилась в учредительное собрание, ее нужно отвлечь аграрным вопросом. «Необходимо повелеть теперь же озаботиться изготовлением проекта об аграрной реформе для внесения его в Государственную думу вслед за ее открытием. Вместе с тем следовало бы провозгласить ныне же те начала, которых правительство предполагает держаться при проведении означенной реформы. При этом желательно, однако, избегать термина дополнительного надела. Вопрос об этом может возникнуть среди крестьян в связи с состоявшейся отменой выкупных платежей. Аграрная реформа может быть разрешена путем расселения, переселения, уступки крестьянам государственных и удельных земель. Экспроприация частных земель может быть допущена только в исключительных случаях»¹⁷².

5 декабря после перерыва в заседании общественные деятели были отпущены, и дальнейшие прения проходили уже без них. «Государь председательствовал великолепно: спокойно, беспристрастно, давая каждому высказаться, переспрашивая, когда что-нибудь было неясно, и наблюдая за тем, чтобы желавшие говорить соблюдали очередь. Открывал он заседания почти всегда коротенькою речью, в которой излагал предмет настоящего обсуждения, и обыкновенно обращался к присутствующим с просьбой не затягивать прений и, по возможности, ограничивать свои речи изложением сути своей мысли», — вспоминал граф И. И. Толстой.

Заседания Особого совещания протоколировались. По понятным причинам все протоколы были засекречены, но после падения самодержавного режима, уже в 1917 году, В. В. Водовозов их разыскал и опубликовал в журнале «Былое». Если судить только по этим документам, император в ход дискуссии почти не вмешивался. Чаше других выступал председатель правительства. Он говорил, как бы наседая на царя, сидевшего рядом с ним, все время стоя, жестикулируя иногда одной, а и иногда и двумя руками, «...а царь сидел, несколько пригнувшись к столу, точно пришибленный властным министром»¹⁷³. Именно С. Ю. Витте фактически и открыл совещание изложением сути обсуждаемой проблемы: каким должен быть избирательный закон в Государственную думу. «Речь его меня поразила, — писал граф И. И. Толстой, — та определенность и ясность преследуемой цели, к которым я уже привык, когда наш председатель излагал мысли, признававшиеся им важными, как бы не существовали вовсе, оставалась только обычная, хотя и смягченная, резкость выражений»¹⁷⁴.

В том своем запомнившемся графу И. И. Толстому выступлении он указал на одно прискорбное обстоятельство — революция уже распространилась за пределы больших городов и полным ходом идет в деревню. Водворить элементарный порядок невозможно, когда войско находится за 12 тыс. верст от мест событий. К тому же неизвестно, насколько оно окажется лояльным. Между тем Закон от 6 августа 1905 года, почти в точности скопированный с Земского положения 1864 года, давал выборные преимущества крестьянству, которое теперь, как уже выяснилось с полной очевидностью, поддерживает революционные партии и участвует в них. «Конечно, — заявил председатель Совета министров, — нельзя спорить против того, что выборная система по закону 6 августа наилучшая, но она неосуществима. Нужно дать такую Думу, которая не обратилась бы в Учредительное собрание. Весь вопрос в том, имеем ли мы возможность прекратить смуту силой или же необходимо вступить на путь нравственного успокоения. Можно ли рассчитывать на успех в первом случае? Вне больших городов об этом нечего и думать: мы не располагаем достаточным количеством войска. Поэтому мы не можем отсрочить созыв Думы и должны принять тот принцип, который наиболее удовлетворит все население, весь народ, а не тот, другой или третий его элементы. Затем необходимо как можно скорее созвать Думу»¹⁷⁵.

Из членов правительства самым большим оптимистом был министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев:

«Нельзя закрывать глаза и говорить, что нет у нас рабочего вопроса. Напротив того, не подлежит сомнению, что социалистические идеи вполне ясны и доступны для рабочих. По-моему, когда мы достигнем созыва Думы, то рабочие в ее составе будут социалистами — да, но революционерами — нет. Социалистические учения неотразимы и имеют приверженцев во всех парламентах. Мирный и даже полезный труд этих лиц известен. Поэтому нечего опасаться представителей рабочего класса в Государственной думе»¹⁷⁶.

На призыв сенатора Э. В. Фриша включить представителей от рабочих в общую губернскую курию последовала раздраженная реплика С. Ю. Витте: «Куда же собственно, включить рабочих? В города или в села? Если в города, то они будут отданы рабочим на съедение. Наконец, где останутся железнодорожные рабочие и занятые на фабриках, находящихся вне городов? Включить же в число избирателей всех лиц, кто живет своим трудом, равносильно признанию всеобщего избирательного права. Никоем образом нельзя удовлетворить по цензовому принципу те классы населения, которые ценза не имеют. Если согласиться на это, то весь закон будет основан вообще не на принципе, а на произволе»¹⁷⁷.

Проект общественных деятелей С. Ю. Витте во всеуслышание объявил самым справедливым. Еще бы — 4 ноября 1905 года всеобщее избирательное право было даровано Финляндии. «Империя Российская держится не сословиями, а народом, крестьянством, — рассуждал С. Ю. Витте. — Значит, с принципиальной точки зрения один только второй проект (проект общественных деятелей. — *С. И.*) представляется правильным. То, что правильно, всегда просто, потому что в нем нет искусственности... Но у меня есть опасения, проистекающие из условий настоящего времени. Когда я рассуждаю умом, я склоняюсь в пользу второго проекта, но когда я действую по чутью, я боюсь этого проекта. Следует иметь в виду тревожное состояние населения, которое мы не в силах успокоить по крайней мере еще в течение нескольких месяцев. Администрация дезорганизована, на нее трудно положиться. Помещики переходят на сторону порядка. Укажу на Родичева (Федор Измайлович Родичев, один из вождей кадетской партии. — *С. И.*) — имущего революционера: что он говорит в своих последних речах? Он советует то, что может говорить только самый истый консерватор»¹⁷⁸.

Избирательным законом 6 августа, как уже было сказано, преимущество отдавалось крестьянству — оно, составляя свыше 60% населения, давало 43% выборщиков в Думу (право на участие в выборах принадлежало не всем крестьянам,

а только домохозяевам — главам крестьянских дворов). 34% давала землевладельческая (помещичья) курия и 23% — городская. Различные категории избирателей четко отграничивались друг от друга, и крестьянам, или «свободным сельским обывателям», скажем, Московской губернии, не разрешалось послать в Думу ни потомственного почетного гражданина, а по роду занятий дисконтера (ростовщика) миллионера А. И. Гучкова, ни дворянина и крупного землевладельца Д. Н. Шипова для представительства ими крестьянских интересов. Пункт 49 «Положения о выборах в Государственную Думу» 6 августа не оставлял никаких сомнений на сей счет: «В каждом губернском избирательном собрании прежде всего выборщики от съездов уполномоченных от волостей избирают *из своей среды* одного члена Государственной думы»¹⁷⁹ (выделено мной. — С. И.). Между тем избирательная система, предложенная А. И. Гучковым, Д. Н. Шиповым и К^о, такую возможность не исключала, а скорее предполагала. У кого деньги, у того и сила, и влияние, и власть.

Впрочем, давая крестьянству в будущей Думе преимущество в голосах, законодатель руководствовался главным образом обстоятельствами времени: «Крестьянам чужда мысль об ограничении царской власти, а в самодержавии крестьянство видит для себя естественную и единственную защиту»¹⁸⁰.

Взгляды премьера на проблему всеобщего избирательного права отражали присущее ему стойкое недоверие к абстрактным формулам прогресса. В ходе дискуссии по законопроекту С. Ю. Витте заявил: Россия — одна из самых демократических стран(!). Та же мысль была высказана и аргументирована в мемории, сопровождавшей правительственный законопроект: «В силу особых исторических условий у нас не сложилось сколь-нибудь заметной и имеющей значение аристократии. За исключением немногих родов, дворянство наше — в подавляющем большинстве случаев недавнего и служилого происхождения — не имеет ни столь обширного значения, ни той степени материальной независимости, ни привычки к независимому образу действия, который является характерным условием консервативной аристократии. Равным образом нет у нас и сколько-нибудь прочно сложившегося класса, соответствующего понятию западноевропейской буржуазии, и самые крупные представители торгово-промышленного капитала во втором, самое большее в третьем поколении выделяются из низших слоев населения.

Таким образом, по общественному своему строению Россия есть страна демократическая, а потому идеи равенства,

и в частности, равного и общего участия в выборах, не могут не находить в нашем обществе самой благоприятной почвы для своего развития»¹⁸¹.

В конце концов, не без участия императрицы Александры Федоровны и своего первого министра, в среду 7 декабря самодержавный монарх Николай II озвучил принятое им решение: «Я находился в течение обоих заседаний в полном колебании. Но с сегодняшнего утра мне стало ясно, что для России будет лучше, безопаснее и вернее — проект первый. Проект второй — мне чутье подсказывает, что его нельзя принять. Идти слишком большими шагами нельзя. Сегодня — всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики. Это было бы бессмысленно и преступно»¹⁸².

Свое заключительное выступление председатель Совета министров завершил на пессимистической ноте: «Следует ожидать, что новый избирательный закон не внесет успокоения не только в революционные кружки, но и среди умеренных элементов, результаты будут плохие, но в какой интенсивности они проявятся — предвидеть, конечно, невозможно. О сроке созыва Государственной думы ничего сказать нельзя. Приступить немедленно к выборам — даже этого сказать нельзя. В тех местностях, которые находятся в данное время на военном положении или в положении чрезвычайной охраны, не могут быть произведены выборы, и начатые выборы должны прерываться с объявлением в данной местности военного положения или чрезвычайной охраны»¹⁸³.

11 декабря 1905 года был опубликован именной царский указ Правительствующему сенату. Он даровал избирательные права некоторым категориям населения, которые были их вовсе лишены по Закону от 6 августа 1905 года: рабочим фабрично-заводской и горной промышленности, арендаторам сельскохозяйственных имений и горожанам среднего достатка. Преимущество было предоставлено рабочим средних и мелких предприятий — они, по мнению авторов правительственного проекта, должны дать умеренных избирателей. Арендаторы, если они принадлежали к сословию крестьян, фактически получали двойной голос: как владельцы земельных наделов и как владельцы купчей (арендованной на срок. — *С. И.*) земли. Такие крестьяне участвовали в выборах по крестьянской курии и вместе с помещиками заседали в съездах уездных землевладельцев.

Положение о выборах подверглось сокрушительной критике в прессе за его недостатки, очевидные всем. Но

С. Ю. Витте был непоколебимо убежден — «...правительственный проект представляет maximum той демократичности, которая по тем временам была возможна»¹⁸⁴.

* * *

В январе 1906 года, по царскому повелению, правительство подготовило положение о Думе и обновленном Государственном совете. Оно также обсуждалось на совещаниях под председательством императора. Совещания проходили 14 и 16 февраля 1906 года в Большом дворце Царского Села. Открывая первое заседание, Николай II выразил уверенность, что удастся уложиться в один день — вопросы, вынесенные на обсуждение, представлялись хотя и серьезными, но не такими трудными, как в декабрьском совещании прошлого года.

Пришлось все же заседать два дня. Оживленный обмен мнениями вызвали два вопроса: во-первых, в каком отношении друг к другу будут находиться обе палаты российского «парламента» (то есть Дума и Государственный совет); во-вторых, перешла ли Россия к конституционному устройству или нет.

Еще на декабрьских царскосельских совещаниях С. Ю. Витте внушал присутствующим: «Для того, чтобы вывести Россию из переживаемого ею кошмара, нельзя ставить Государственную думу наряду с государем. Между ними должен быть поставлен Государственный совет в обновленном составе. Совет должен быть второй палатой и являться необходимым противовесом Думы, умеряя ее»¹⁸⁵. Верхняя палата явилась бы, по замыслу премьера, своего рода гарантом устойчивости государства. Ее назначение состояло единственно в том, чтобы давать отпор всем «крайним» взглядам, шедшим снизу, из Думы.

В заседании 14 февраля С. Ю. Витте повторил свои прежние соображения: «Известно, что только верхняя палата может спасти от необузданности нижней. Она необходима, чтобы гарантировать консервативный строй государства, чтобы не было непосредственных коллизий с верховной властью. Назначение ее состоит в том, чтобы давать отпор всем крайним взглядам. Одним словом, верхняя палата должна представлять из себя буфер...»¹⁸⁶

Спор в заседании разгорелся о том, как поступать с законопроектами, отклоненными Государственным советом. Редакция соответствующей статьи, предложенная Н. Н. Кутлером, предусматривала, что судьбу отвергнутых верхней

палатой законопроектов будет решать император. Но ее поддержали только два члена совещания — премьер-министр С. Ю. Витте и обер-прокурор Синода князь А. Д. Оболенский, в то время как 25 человек были против. Незачем копировать положения тех конституций, по которым верхняя палата отделяет нижнюю от монарха, — заявил С. Ю. Витте и продолжал: «Следует помнить, что Государственный совет — учреждение аристократическое: крестьяне в него не войдут. Им открыт доступ только в Государственную думу. Они и смотрят на Думу так — найдем чрез нее доступ к царю; найдем расправу... Какая же будет психология крестьян? Скажут, думали, найдем, что будет доступ, а между тем чиновники отделили нас от государя. Таким образом, явится средостение, что крайне вредно»¹⁸⁷.

Поход против предложения Н. Н. Кутлера — С. Ю. Витте возглавил В. Н. Коковцов. Он заявил, что оно ведет к однопалатному парламенту, чего, собственно, и добиваются все революционные партии.

Помимо своего приятеля А. Д. Оболенского, С. Ю. Витте в этом споре неожиданно получил поддержку от ультраконсерватора А. С. Стишинского. Обращаясь к царю, Стишинский говорил: «Конечно, Государственный совет должен быть щитом верховной власти при увлечениях Государственной думы. Но нельзя допустить, чтобы Государственный совет являлся при этом тормозом. Чрезвычайно важно, чтобы положения Государственной думы доходили до Вашего величества»¹⁸⁸.

Ничего у них не получилось. Высочайшим указом от 20 февраля 1906 года Дума и Совет наделялись абсолютно равными законодательными правами: законы, принятые Государственной думой, поступали на утверждение Государственного совета и наоборот. «Законодательные предположения, одобренные Государственным советом и Государственной думой, представляются на наше усмотрение. Законодательные предположения, не принятые Государственным советом или Государственной думой, признаются отклоненными», — говорилось в нем¹⁸⁹.

По замыслу С. Ю. Витте, нижняя палата должна в действительной мере отражать текущие настроения народа и представлять подлинные интересы его важнейших слоев, но эти настроения никоим образом не должны влиять на работу правительства и ухудшать и без того неважную политическую обстановку в стране. Поэтому на февральских совещаниях 1906 года он выдвинул странное, на взгляд многих сановников, предложение о том, чтобы заседания и Думы, и

Совета сделать закрытыми для публики. В противном случае, говорил он, Дума превратится в арену сплошных скандалов, а министры будут непрерывно забрасываться мочеными яблоками и дохлыми кошками.

Во время февральского совещания совершенно неожиданно вспыхнул спор о том, является ли преобразованный государственный строй Российской империи конституционным или нет. Большинство, как это ни странно, склонялось к положительной точке зрения. Даже такой оголтелый консерватор, как граф К. И. Пален (министр юстиции в царствование Александра II), выразил убеждение, что «...Россия будет управляться по конституционному образцу»¹⁹⁰.

Если стоять на почве твердых фактов, говорил С. Ю. Витте, то «...необходимо иметь в виду, что рассматриваемое преобразование еще не составляет конституции. Преобразование это — лишь аппарат в высшей степени важный, которым государь император желает управлять. Это только новое государственное устройство. Но Думу и Совет нельзя даже сравнивать с нижнею и верхними палатами. Настоящий акт отнюдь не конституционный, никаких обязательств он не налагает»¹⁹¹. Позиция премьер-министра в целом отвечала тогдашним представлениям о конституционном устройстве.

Термин «конституция» обычно присваивали основному закону тех стран, чей государственный строй базировался на началах народного представительства, а также стран с республиканской формой правления. Между тем в Российской империи пока еще действовали Основные государственные законы в редакции 1892 года.

* * *

Пересмотр Основных законов государства в преддверии заседаний Государственной думы явился для председателя Совета министров совершенно неожиданным. Его инициатива исходила от дворцового коменданта Д. Ф. Трепова. О том, что работа над Основными законами началась и ведется, С. Ю. Витте узнал совершенно случайно. В начале 1906 года в частной беседе председатель Государственного совета Д. М. Сольский сказал ему, что разработкой проекта новой редакции Основных государственных законов занимаются государственный секретарь барон Ю. А. Икскуль фон Гинденбранд и его товарищ П. А. Харитонов. Для обсуждения подготовленного проекта образовалась комиссия под председательством Д. М. Сольского; в ней он и просил поучаствовать С. Ю. Витте.

На просьбу последовал категорический отказ — смысленный премьер сразу понял, откуда ветер подул. Д. М. Сольскому он заявил, что вопрос об Основных законах не решаем без Совета министров. Через некоторое время С. Ю. Витте получил сообщение, что по воле императора готовый их проект после обсуждения у Сольского будет передан для отзыва Совету министров.

В конце февраля 1906 года С. Ю. Витте получил от графа Д. М. Сольского проект Основных законов в том виде, в каком они легли на стол императора. Как и ожидал премьер-министр, проект Государственной канцелярии представлял собой невообразимую мешанину из либеральных и консервативных, чтобы не сказать реакционных, положений. «Это дело является характерным показателем того сумбурного психологического состояния, которым в то время было охвачено не только русское общество, все без каких бы то ни было заметных исключений, но и его представители»¹⁹². В частности, статья 4, определявшая характер императорской власти, допускала толкование в смысле неограниченности власти монарха, хотя сам термин «неограниченный» в ней не употреблялся. Ни Дума, ни Государственный совет по Указу 20 февраля 1906 года не наделялись правом инициативы изменения, дополнения либо пересмотра Основных законов Российской империи. Статья же 51 проекта Государственной канцелярии по своему смыслу такого права не исключала. «Основные законы могут быть предметом законодательного пересмотра не иначе, как с соизволения Его императорского величества», — говорилось в ней. Проект вводил даже некоторое подобие ответственности правительства перед народным представительством — за нарушение Основных законов, нанесение тяжкого ущерба интересам государства бездействием, превышением или злоупотреблением властью министры могли быть привлекаемы Думой и Государственным советом к ответственности преданием Верховному уголовному суду. Это пахло уже явным парламентаризмом.

Собственное впечатление от проекта чиновников Государственной канцелярии С. Ю. Витте в дипломатичной форме довел до сведения императора: «Проект, по моему мнению, с одной стороны, содержит несколько статей таких, которые допускать опасно, а с другой — не содержит таких положений, которые при новом порядке вещей являются безусловно необходимыми»¹⁹³. В «Воспоминаниях» он выразился уже без обиняков: «...Если бы эти Основные законы я пропустил, то оказалось бы, что государь вторично после

17 октября добровольно, или, вернее, бессознательно ограничил свою власть не только до степени несравненно ниже власти микадо на шумевшей в последние десятилетия Японской империи, но ниже власти французского, а в некотором отношении даже швейцарского президента республики. С такими основными законами государство и его правительство было бы политически кастрировано»¹⁹⁴.

4 марта 1906 года председатель правительства получил высочайшее повеление: представить собственную редакцию Основных законов.

Кардинальную переделку проекта Государственной канцелярии С. Ю. Витте, до предела загруженный беспокойными текущими делами, поручил барону Э. Ю. Нольде, управляющему делами Комитета министров, который занимался этим вместе со своим секретарем И. И. Тхоржевским. На заключительной стадии документ читал и самолично правил премьер-министр. Обсуждению этого «первостепеннейшей важности» дела, как назвал С. Ю. Витте работу над Основными законами, было отведено целых пять заседаний Комитета в период между 10 и 19 марта.

20 марта министерский проект был направлен императору. 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 года он обсуждался в совещании под председательством царя.

Дебаты разгорелись лишь по некоторым статьям этого большого документа. У Государственной думы надо отобрать все то, что опасно трогать, — в этом суждении председателя правительства ясно обнаружилась его боязнь народа и вообще тех инициатив, которые идут снизу. «Не опасно говорить о свободах, о законности, правах граждан — все это можно, но есть безусловно опасные вопросы — как основания устройства Думы и Совета, основные положения бюджетных правил и правил о займах, прерогативы монарха как верховного главы государства. Таких правил около 30. Если допустить возможность их тронуть, то даже возбуждение их вселит смуту во всей стране... Но если будут изданы одни эти 30 статей, то впечатление, вероятно, будет неблагоприятное; поэтому лучше издать Основные законы полностью, где будут статьи о монархе, о Думе, о подданных. Это может произвести хорошее впечатление. Если же только сказать о монархе, а о подданных умолчать — это будет гораздо хуже. О главе исполнительной власти теперь ничего не определено. Надо ее поставить и материально, и нравственно в вполне определенное положение»¹⁹⁵.

Определение царской власти с первого (в редакции Основных законов 1892 года) переместилось на четвертое мес-

то. Открывая дискуссию по 4-й статье, император Николай произнес необычайно длинную и прочувственную речь: «Акт 17 октября дан мною вполне сознательно, и я твердо решил довести его до конца. Но я не убежден при этом в необходимости отречься от самодержавных прав и изменить определение верховной власти, существующее в статье первой Основных законов уже 109 лет. Мое убеждение, что по многим соображениям крайне опасно изменять эту статью и принять новое ее изложение, даже то, которое предложено Советом министров. Если этого не сделать, то может быть впечатление неискренности: могут сказать, что это отступление от обещаний, данных 17 октября. Я это знаю и понимаю. Во всяком случае, этот упрек должен быть обращен ко мне лично. Я всю ответственность принимаю на себя. Что бы ни было и что бы ни говорили, меня не сдвинуть с акта прошлого года и от него я не отступлюсь. Я знаю, что если статья 1 при этом останется без изменений, то это вызовет волнения и нападки. Но надо уразуметь, с чьей стороны будет укор. Он, конечно, последует со стороны всего так называемого образованного элемента, пролетариев, третьего сословия. Но я уверен, что 80% русского народа будут со мной, окажут мне поддержку и будут мне благодарны за такое решение... Но вопрос о моих прерогативах — дело моей совести, и я решу, надо ли оставить статью, как она есть, или ее изменить»¹⁹⁶.

Статья 1 Свода основных государственных законов 1892 года гласила: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной власти его не токмо за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает». Встает вопрос: почему в статье были соединены два определения русской монархической власти? Одни юристы доказывали, что они являются синонимами. Другие придерживались противоположной точки зрения — термин «самодержавие», говорили они, указывает на монархический суверенитет, а «неограниченный» вводит суверенитет абсолютный. Воля монарха определяет закон и освобождает носителя верховной власти от его действия, а не наоборот, монарх неограничен в субъективно-правовом отношении¹⁹⁷.

Выступление председателя Совета министров по четвертой статье не оставляет сомнений в его собственной позиции: «Я сам и ныне смущен, как был смущен 17 октября. Не знаю, достаточно ли хорошо составлен проект. Я сознаю, что статья 4 несовершенна. Очень опасно, если издать закон несовершенный, в котором может быть что-то пропущено.

Но если не издавать основные законы, то это можно сделать при одном условии, сказав, что государь император сам их издаст, когда признает нужным. Тогда можно издать теперь только дополнительные статьи о Думе и Совете. Но я повторяю, что это возможно только при одном условии, если скажем, что Ваше императорское величество издадите их сами, когда признаете нужным. Чрез Государственный совет и Думу основных законов вы не издадите. Если Вы внесете их в Думу, то будут смуты и Дума обратится в Учредительное собрание. Тогда придется для охранения верховной власти пережить и вторую революцию. Если будет сказано, что Ваше императорское величество сами издадите основные законы, то опасности ограничения верховной власти нет, кроме впечатления. И. Л. Горемыкин сам говорит, что, издав Манифест 17 октября, Вы даровали права народу и сказали, что все законы иначе к монарху не дойдут, как через Думу и Совет. Из этого он выводит, что, следовательно, Вы, государь, ограничили Вашу законодательную власть, а не верховную, которая, будто, неограниченна. С этим я не согласен. Есть основная статья, гласящая, что Российское государство управляется на твердом основании законов. Раз такая статья есть, то толкование о неограниченной власти управления отпадает, ибо в действительности верховная власть подчиняется закону и им регулируется... Самодержавная власть и монарх самодержавный — это разница. Если вычеркнуть слово “неограниченный”, то надо вместо “самодержавный” сказать “самодержавная власть”. Одно из двух — или самодержавный и неограниченный или самодержавная власть¹⁹⁸.

Составители проекта Государственной канцелярии предложили такую формулировку царской власти: «...Государю императору, самодержцу всероссийскому, принадлежит верховная в государстве власть». В определении, данном Советом министров, было убрано слово «государь», с которым соединялось представление о неограниченности царской (императорской) власти, и снято указание на принадлежность монарху верховной власти в государстве. В итоге родилась формула: «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть»¹⁹⁹. Она и вошла в Основные законы, утвержденные 23 апреля и опубликованные 27 апреля 1906 года. Редакция ее такова: «Императору всероссийскому принадлежит Верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает»²⁰⁰. После этого употребление в последующих статьях словосочетания «государь император» приобретало уже историческое, но не юридическое значение.

Император мог осуществлять свою законодательную власть не иначе как в единении с Думой и Государственным советом (за исключением случаев, оговоренных в 87-й статье). По силе 7, 8 и 9-й статей он обладал правом законодательного почина и утверждения уже готовых законов, но не их издания. Подчеркивалось, что инициатива пересмотра Основных законов могла исходить только от императора. Но издавать их он мог исключительно в «единении» с Думой и Госсоветом. Император являлся верховным вождем армии и флота; ему принадлежало исключительное право на изменение положений об императорской фамилии. Исполнительная власть («власть управления») принадлежала ему в полном объеме (статья 10 Основных законов). Поскольку исполнительная власть имеет подзаконный характер, то и император был связан в осуществлении ее законами. Но поскольку особа императора объявлялась «священной и неприкосновенной» (статья 5), то ответственность за нарушение и неисполнение законов он нес исключительно перед Богом и перед своей совестью²⁰¹.

Политические взгляды С. Ю. Витте в основном совпадали с концепциями так называемой «государственной школы», прославленной именами Б. Н. Чичерина и С. М. Соловьева. По всей вероятности, каким-то образом он познакомился и с сочинениями Василия Осиповича Ключевского. В 1902 году Министерством финансов с ведома С. Ю. Витте, но без ведома В. О. Ключевского, был издан знаменитый «Курс русской истории».

Именитый историк был немало возмущен этим в высшей степени неэтичным поступком. После его кончины на С. Ю. Витте посыпались обвинения, что он совершенно произвольно набрал из лекций то, что ему больше всего понравилось. Как выяснила крупнейший исследователь творчества великого русского ученого академик Милица Васильевна Нечкина, работа В. О. Ключевского была издана «...довольно цельно, чья-то (едва ли Витте) довольно толковая редакция из Министерства финансов в общем коснулась текста “с умом”, цельность лекций со стороны тематики была сохранена, правильность их чередования — тоже»²⁰².

Оправдание поступка было только в одном — «Курс» издавался для высочайшего прочтения: тираж — всего несколько десятков экземпляров, часть книг — в богатых кожаных переплетах, обтянутых внутри белым шелковым муаром и с золотым обрезом. На некоторых экземплярах, хранящихся в Российской государственной библиотеке («Ленинке»), имеются экслибрисы царского книжного собрания. По предположению М. В. Нечкиной, С. В. Витте нуждался в «Курсе»

постольку, поскольку история России в нем рассматривалась как история страны, двигавшейся в общем направлении, то есть к конституции и к торжеству «буржуазно-правового государства»²⁰³. Быть может, С. Ю. Витте собирался внушить императору Николаю II мысль, просветительскую по своему существу²⁰⁴: как ни абсолютна его власть, божественная по происхождению, в своих действиях и поступках он должен подчиняться законам справедливости и разума, без коих не может существовать ни один человек. Кто знает...

Не установлено, был ли экземпляр «Курса русской истории» среди книг самого премьер-министра. Вообще С. Ю. Витте не слыл запойным книгочеем. Он всегда предпочитал книжному знанию живое знание через общение со сведущими людьми. Тем не менее в его особняке на Каменноостровском проспекте со временем собралась неплохая рабочая библиотека. После кончины С. Ю. Витте его вдова передала часть книг в любимый покойным Петроградский политехнический институт имени Петра Великого — всего 2472 тома, в том числе 217 изданий на иностранных языках. Среди них: книги по законодательству России и других стран; издания, посвященные институтам государственной власти (около 200 томов), железнодорожным делам (около 136), финансам и бюджету — 129, промышленности — 74, торговле — 56 томов. В библиотеке премьера хранились книги по военным вопросам, картографический материал в издании Генерального штаба (в том числе с грифом «Совершенно секретно»).

Каким-то образом в библиотеке С. Ю. Витте оказалась работа В. И. Ленина «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (1895 год), хотя тираж ее был уничтожен цензурой. К научному социализму хозяин дома, судя по всему, испытывал стойкий интерес. Одну мысль Ф. Лассаля из книги «О сущности конституции» (Женева, 1896) С. Ю. Витте выделил красным карандашом: «Все равно, что ни писать на листке бумаги, если написанное противоречит реальному положению вещей, фактическим соотношениям силы»²⁰⁵.

Состояние неустойчивого равновесия, в котором тогда находилась страна, отразилось и на Основных законах. Эту истину С. Ю. Витте хорошо осознавал. Конечно, говорил он впоследствии, если бы законы писались в более спокойное время, то многое можно было бы сделать более основательно. Ему так и не удалось добиться, чтобы законы были четко отделены от императорских декретов, издаваемых в порядке верховного управления.

Новые Основные законы установили в государстве конституционный строй. Юридически это действительно так, поскольку представители народа в составе Государственной думы наделялись правом принимать законы. И все же Российская империя, сделав в 1905—1906 годах очередной, второй по счету, шаг в направлении к превращению ее в буржуазную или конституционную монархию, отнюдь не стала таковой. «Консервативная конституция и без парламентаризма» (по определению С. Ю. Витте) продержалась недолго — до 3 июня 1907 года. Затем усилиями П. А. Столыпина и его присных она была превращена в «лжеконституцию», ибо Государственная дума из народного представительства сделалась пародией, карикатурой на него. Сие обстоятельство упускают из виду те ученые историки, которые селятся доказать, что конституция в Российской империи, введенная Основными законами 1906 года, продолжала существовать и после. Примерно так же думали и либеральные мыслители, выпустившие в 1909 году знаменитый сборник публицистики под примечательным названием «Вехи». Один из авторов, правый кадет П. Б. Струве, выдавая желаемое за действительное, утверждал, что политический строй России после 17 октября 1905 года перешел в новое качественное состояние: «Дата 17 октября 1905 года знаменует собой принципиальное коренное преобразование сложившегося веками политического строя России»²⁰⁶.

С. Ю. Витте много раз обвиняли в политическом отступничестве, беспринципности и безыдейности. Подумать только, пылкий сторонник неограниченного самодержавия сделался творцом первой российской конституции! В «Воспоминаниях» он так объясняет мотивы своего поведения: «...Как по моим семейным традициям, так и по складу моей души и сердца, конечно, мне любо неограниченное самодержавие, но ум мой после всего пережитого, после всего того, что я видел и вижу наверху, меня привел к заключению, что другого выхода, как разумного ограничения, как устройства около широкой дороги стен, ограничивающих движение самодержавия, нет. Это, по-видимому, неизбежный исторический закон при данном положении существ, обитающих на нашей планете. Нельзя жить так, как хочется, а как неодолимые препятствия к сему побуждают и приводят»²⁰⁷.

Деньги и время

В апреле 1906 года председатель правительства завершил и еще одно дело, в действительности первостепенное по важности. Речь идет о совершении международного займа,

самого крупного в истории Российской империи. Он предназначался для ликвидации последствий Русско-японской войны и восстановления материальной части русской армии и флота.

В новое и новейшее время человеческой истории продолжительные войны между государствами финансировались в большинстве случаев путем выпуска в обращение бумажных денег без металлического покрытия. Но тогда, в начале 1904 года, когда разразилась Русско-японская война, никому в российском правящем истеблишменте и в голову не приходило, что японцы способны на продолжительное вооруженное сопротивление и, более того, на внушительные победы над могучим противником. «Ведь Серафим Саровский предсказал, что мир будет заключен в Токио, значит, только одни жиды и интеллигенты могут думать противное», — иронизировал С. Ю. Витте.

В первое время многое говорило в пользу такого предсказания. Внезапная ночная атака японских миноносцев на русские боевые корабли, открыто стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура, получилась не слишком успешной. Из 16 выпущенных ими торпед в цель попали только три. Ни один из броненосных судов Тихоокеанской эскадры, по которым японцы стреляли торпедами почти в упор, потоплен не был. Повреждения получили «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада»²⁰⁸. Блестящий подвиг моряков русского крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» привел в восхищение весь мир. Весьма оптимистически звучала телеграмма, посланная 12 февраля А. И. Путиловым, тогда директором Общей канцелярии Министерства финансов, агенту того же министерства в Париже Артуру Германовичу Рафаловичу: «Прошу опровергнуть категорически слух о предстоящем займе и утверждать, что ресурсы казначейства достаточны для продолжительной войны. При составлении опровержения иметь в виду все-таки, что возможность заключения займа в будущем не исключена, если война затянется и примет большие размеры»²⁰⁹.

Оптимистическое настроение царило и в заседании Комитета финансов, собравшемся 17 марта 1904 года для обсуждения плана сохранения финансовой стабильности на период войны. План был предложен министром финансов В. Н. Коковцовым, а центральной его фигурой было положение о том, что ни в коем случае нельзя прекращать безостановочного размена бумажных денег на золото. Оно означало отказ от финансирования войны через бумажно-денежную эмиссию.

Полностью поддержав все предложения министра финансов, статс-секретарь С. Ю. Витте, выступавший на совещании вторым, все же призвал быть начеку: «Вопрос о том, как поступить по отношению к валюте с открытием военных действий, не может получить абсолютного разрешения: все зависит от вероятного объема войны и предстоящих расходов. Не располагая сколь-нибудь достоверными сведениями о размерах предстоящих государству расходов и допуская даже, что при продолжительности наступившей войны общая совокупность их может достигнуть одного миллиарда рублей, следует с убеждением сказать, что наше денежное обращение, основанное на размене кредитного рубля на золото, следует и вполне возможно поддерживать»²¹⁰.

Отказ от размена имел бы неисчислимые дурные последствия, гораздо более тяжкие, чем в других государствах, прежде всего потому, что большая часть русских государственных займов — заграничные, заключенные не на бумажную, а на твердую валюту (к ним примыкала и 4%-ная государственная рента). «Производство платежей по металлическим займам ляжет тяжелым бременем на наш бюджет, коль скоро нашему рублю придется вновь встретиться с недавно пережитым им обесценением»²¹¹. Прекращение свободного размена кредиток на металл и лаж (ажю) на золото неизбежно приведет к тому, что из-за границы в уплату за русские экспортные товары будут поступать не деньги, а облигации российского государственного долга. Это явилось бы полной катастрофой для русского государственного кредита. Даже в случае большой общеевропейской войны, говорил С. Ю. Витте, следовало бы хорошенько подумать, прежде чем аннулировать действующий эмиссионный закон.

Но откуда брать средства для финансирования военных расходов? Этот вопрос совещание не обсуждало, ибо все рассчитывали на скорую победу. Но она никак не приходила, более того — отдалялась, превращаясь в далекую и не очень ясную перспективу. Тяжелое впечатление на русское общество произвела гибель в марте 1904 года броненосца «Петропавловск» вместе с лучшим флотоводцем страны — адмиралом С. О. Макаровым — и его штабом. Без успеха на море заставить Японию подписать мир в Токио, как это предсказывалось Серафимом Саровским, не представлялось возможным. Нужно было готовиться к затяжной и, что немаловажно, дорогостоящей войне на сухопутном театре.

На гибель «Петропавловска» парижская биржа незамедлительно отреагировала понижением русских фондов. Тем не менее в начале апреля русское правительство решило

прибегнуть к крупному внешнему займу. В. Н. Коковцов считал подходящим выпуск краткосрочных (с пятилетним сроком погашения) 5%-ных обязательств Государственного казначейства на сумму 800—1000 млн франков. Годовые платежи по такому займу в сумме около 16 млн руб. не слишком бы обременили двухмиллиардный русский государственный бюджет. Заем мог быть только французским — Англия и Соединенные Штаты в этой войне поддерживали Японию, германский денежный рынок для России был тогда закрыт.

Логика обстоятельств требовала как можно скорее договариваться с французами на любых приемлемых условиях. Вместо этого В. Н. Коковцов тянул драгоценное время, торгуясь по мелочам. Читаем в письме А. И. Путилова А. Г. Рафаловичу от 16 апреля 1904 года: «Вопрос о займе еще не решен и продолжает служить предметом переговоров; главный пункт, о котором идет спор, это предложение банкиров разделить всю сумму займа (800 миллионов) на две равные части и взять одну твердо (*ferme*), а другую условно (*a'option*). Министр заявил, что мысль об «условности» недопустима ни в коем случае. Следовательно, или банкиры решат взять заем твердо целиком, или придется предложить уменьшить сумму до 600 млн франков»²¹².

В переговорах с французами участвовал С. Ю. Витте. Французских банкиров смущала его сумма, весьма значительная для краткосрочного займа, а предложение С. Ю. Витте подключить к нему немцев было встречено без всякого энтузиазма²¹³. Прошло еще около двух недель, прежде чем император подписал указ о займе. Произошло это 29 апреля 1904 года.

Посредником между русским правительством и французской денежной публикой выступил синдикат (союз) в составе Парижско-Нидерландского банка, банка «Лионский кредит» и банкирского дома «Готтингер и К^о». Сумма, которую русскому правительству предстояло вернуть через пять лет или обратить в долгосрочные обязательства, равнялась 300 млн руб. (800 млн франков), но получило оно на 18 млн меньше — 282 млн руб. В. Н. Коковцову пришлось уступить по всем статьям и согласиться на невиданно высокий реальный процент по займу — 6,5%.

Заем в Париже дал лишь временное облегчение и к тому же в обозримом будущем порождал крупную проблему — необходимость в конверсионном займе. Жизненно важным для российских финансов стало открытие любыми путями германского рынка, пусть и не слишком емкого, зато позволяв-

шего заключить сравнительно дешевый заем на долгий срок. Эту непростую задачу С. Ю. Витте решил летом 1904 года.

В 1904 году истек срок русско-германского торгового соглашения, заключенного десятью годами ранее. Воспользовавшись затруднительными обстоятельствами России, «кузен Вилли» (император Вильгельм) требовал больших уступок в торговом договоре в обмен на гарантии безопасности ее западных границ. Представитель Российской империи на переговорах, председатель Комитета министров статс-секретарь С. Ю. Витте получил от царя указание уступить в таможенных тарифах, закрыв глаза на возможный урон, наносимый этими уступками русскому народному хозяйству, в обмен на согласие Германии не препятствовать русским государственным займам на ее фондовом рынке²¹⁴.

Переговоры велись летом 1904 года на острове Нодерней. Германскую делегацию возглавлял имперский канцлер князь Б. фон Бюлов — как аттестует его академик Е. В. Тарле, крупный в умственном отношении человек, «...если его сравнивать с другими канцлерами послебисмарковского периода, с Каприви или Гогенло, или — позднее — с Бетман-Гольвегом, но он был конечно, очень мал, если сравнивать его с Витте»²¹⁵. С. Ю. Витте характеризовал своего партнера по переговорам как недурного и говорливого человека, хитреца. В течение двух недель, пока шли переговоры на острове Нодерней, русским приходилось делать одну уступку за другой — германские таможенные пошлины на русские рожь и пшеницу, мясо и масло были значительно повышены. С. Ю. Витте шел на это скрепя сердце, надеясь решить главную в тот момент задачу — обеспечить России доступ на германский рынок капиталов. Но когда зашла речь о займе, канцлер вдруг стал показывать ему телеграммы своего повелителя, где император Вильгельм неожиданно провозгласил себя сторонником принципа «немецкие деньги для немцев».

Умный человек с твердым характером всегда оставит с носом хитреца. Когда текст договора был уже полностью согласован, глава русской делегации совершенно неожиданно отправился подписывать его в Берлин. Там он заявил, что не поставит свою подпись до тех пор, пока от Германии не будет получено официального обязательства, открывающего ее рынки для русских займов. И четверти часа не прошло, как канцлер Б. фон Бюлов принес требуемый документ. После этого договор был подписан. Произошло это 15 июля 1904 года. В тот же день С. Ю. Витте отправился домой, в Петербург.

Медлительный министр финансов В. Н. Коковцов не сумел воспользоваться благоприятными условиями. Он про-

должал тянуть время, ожидая военных успехов и выгодных международных конъюнктур. Осенью 1904 года группа французских банкиров во главе с представителем «Лионского кредита» направила в Петербург ходока для переговоров о безотлагательном совершении нового займа. Он предупредил В. Н. Коковцова — дешевизну денег на парижском рынке не следует рассматривать как явление долговременное. Но министр финансов предпочел отложить заем до 1905 года, уверовав в прочность русского кредита и государственного бюджета, а также на возможность выгодного сотрудничества с немцами. Займы у французов осложняли дразги вокруг военных заказов русского правительства. Немцы брали дешевле и работали лучше, но у французов было гораздо больше свободных денег.

Едва только представитель «Лионского кредита» отбыл из Петербурга, как в приемную министра финансов явился глава берлинской банковской фирмы «Мендельсон и К^о» Эрнст фон Мендельсон-Бартольди, который обычно возглавлял консорциумы по реализации русских займов. В. Н. Коковцов был поставлен им перед неприятной дилеммой. Заем на германском рынке капиталов непременно должен быть совершен ранее аналогичной операции в Париже. Если же предпочтение будет отдано французскому рынку, то Э. фон Мендельсон-Бартольди брал назад свое предложение посреднических услуг.

Выбор между Парижем и Берлином В. Н. Коковцов предоставил императору Николаю II. О состоявшемся в Царском Селе решении он информировал российского посла в Париже: «Его величеству благоугодно было высказаться в том смысле, что нам надлежит отнестись с особым вниманием к готовности германского правительства оказать содействие предположенной операции и что следует использовать услуги немецкого рынка ранее французского. Во исполнение высочайше преподанных мне указаний мною приняты меры к заключению займа на германском рынке (в начале января будущего года по новому стилю) и в настоящее время вырабатываются основания предположенной операции, которая и состоится, если не возникнут какие-либо политические осложнения, могущие изменить положение этого дела»²¹⁶.

К концу 1904 года финансовое положение России стало внушать тревогу. Войне не было видно конца, император упорно противился предложениям японцев о начале мирных переговоров (одно из них было передано ему через С. Ю. Витте), а российская казна предельно оскудела. Фак-

тические военные расходы 1904 года определились в общей сумме 683,1 млн руб. Значительная их часть была покрыта из резервов государственного бюджета, чего не следовало бы делать. Результат — от громадной когда-то «свободной наличности» Государственного казначейства остались рожки да ножки. За год войны она уменьшилась с 381,3 млн руб. до 61,9 млн руб.

Можно было финансировать войну, повышая налоги, но внутренняя обстановка в стране не позволяла. Оставалось только одно — внешние заимствования. Максимум того, что, по расчетам В. Н. Коковцова, могли дать иностранные рынки, — это 500 млн руб. (1,3 млрд франков). Цифру эту можно было бы несколько увеличить, заложив кредиторам доходные статьи бюджета, но такой способ добывания денег В. Н. Коковцовым и его августейшим начальником исключался в принципе как не совместимый со статусом великой державы. Но даже если бы и удалось достать эти 500 млн руб., их все равно не хватило бы даже на год войны. Ввиду сосредоточения крупной войсковой группировки на Дальнем Востоке сумма ежемесячных военных расходов определилась в 50 млн руб. как минимум, фактически же — 60 млн руб. с учетом средств, выделяемых для помощи семьям раненых и убитых воинов, на увеличение пропускной способности железных дорог и прочие расходы²¹⁷.

Нерасторопность В. Н. Коковцова удивительна. Между подписанием указа о займе на германском рынке (14 декабря 1904 года) и началом переговоров с французскими банкирами (февраль 1905 года) о новом займе прошла уйма времени, хотя по условиям Мендельсона занимать у французов деньги можно было хоть на другой день после подписания контракта с немцами. На переговорах по германскому займу своей мелочной неуступчивостью В. Н. Коковцов довел представителя берлинского синдиката Артура Фишеля до сердечного приступа. Стоило ли торговаться из-за полумиллиона рублей и терять драгоценнейшее время, когда в костре войны без остатка сгорали десятки миллионов каждый месяц — укорял бывшего подчиненного С. Ю. Витте²¹⁸. Но В. Н. Коковцов упрямо отстаивал свою правоту, в чем его поддерживали и некоторые потерявшие чувство реальности сановники, вроде председателя Финансового комитета графа Д. М. Сольского.

Долгосрочный заем под названием «4,5% государственный заем 1905 года» на сумму 231,5 млн руб. нарицательных (500 млн марок) был в значительной своей части (на 70%) реализован в начале 1905 года на германском рынке по кур-

су 88,25 за 100²¹⁹. Он мог принять либо краткосрочную, либо долгосрочную форму, смотря по желанию подписчиков, и оказался последней крупной операцией самодержавия на берлинской бирже.

В конце февраля 1905 года группа французских банкиров отказалась от подписания уже готового контракта с русским правительством о новом займе и, получив указания из Парижа, 1 марта спешно покинула Петербург. В. Н. Коковцов принялся уверять русского посла во Франции: между поражением А. Н. Куропаткина в Маньчжурии и этим событием нет прямой связи. Дотошный А. И. Нелидов выяснил все же, что причиной поспешного бегства банкиров из Петербурга явился именно конфуз под Мукденом²²⁰. Русский министр финансов обиделся и неизменно отклонял все последующие предложения французских финансистов о возобновлении переговоров²²¹.

Странное поведение для государственного деятеля такого ранга! Ни 9 января, ни весенние «иллюминации» в деревне, ни забастовочная борьба фабричных рабочих не раскрыли глаза министру финансов на суть происходивших в стране политических процессов. Это сделал его постоянный французский корреспондент и подчиненный А. Г. Рафалович. В письме от 25 мая 1905 года он докладывал своему шефу: «...Я говорил с одним служащим Лионского кредита, не состоящим в числе директоров, но очень осведомленном, который мне сказал, что при избытке денег в Париже и при нынешнем репортном и учетном проценте было бы легко провести крупную русскую операцию. У французской публики относительно России *есть одно только предубеждение* — это внутреннее состояние империи» (выделено в источнике. — С. И.). До Цусимы французские банкиры, сообщал А. И. Нелидов, непрестанно жаловались своему правительству на то, что русские самонадеянно пренебрегают их услугами; после Цусимы жалобы прекратились²²².

Свет в конце туннеля забрезжил с началом мирных переговоров в Портсмуте. Зондаж о крупном ликвидационном займе по просьбе В. Н. Коковцова начал С. Ю. Витте по дороге в Портсмут. Задержавшись на несколько дней в Париже, он провел переговоры с президентом и премьер-министром Французской республики, которые без околичностей заявили С. Ю. Витте: крупная финансовая операция русского правительства на французском денежном рынке возможна только после заключения мира с Японией.

19 июля 1905 года первый уполномоченный получил телеграмму от В. Н. Коковцова, осознававшего временами

крайнюю тревожность сложившейся обстановки: «...Усерднейше прошу Вас на обратном пути настаивать в Париже на необходимости займа, как единственном способе не толкать нас на финансовые безрассудства»²²³.

С. Ю. Витте и В. Н. Коковцов рассчитывали придать займу широкий международный характер, подключив к нему не только Францию — без нее заем не мог состояться вообще, — но и Англию, Германию, Соединенные Штаты. Находясь в Нью-Йорке, С. Ю. Витте встречался с тамошними банкирами и заручился их принципиальным согласием на участие в русском займе. Готовность помочь русскому правительству едва ли не первыми выразили англичане, сменившие гнев на милость после открытия мирных переговоров. Банкир Госкье показывал А. И. Нелидову письмо одного видного английского финансиста, где говорилось, что в настоящий момент (конец августа 1905 года) у банкиров лондонского Сити Россия могла бы спокойно занять денег под 4% нарицательных и по курсу примерно 90 за 100. «Есть основания предполагать, — информировал А. И. Нелидов В. Н. Коковцова, — что с выпуском займа не следовало бы слишком медлить, так как неустойчивости нашего кредита, кроме войны, способствовала и шаткость внутреннего положения. В настоящую минуту финансовый мир находится еще под благоприятным впечатлением прекращения войны, и до открытия Государственной думы заключаемый императорским правительством заем будет, при огромном обилии свободных капиталов, принят без всяких сомнений и огороков»²²⁴.

Складывающуюся комбинацию чуть было не разрушил Николай II, без ведома не только С. Ю. Витте, но и своего министра иностранных дел, подписавший в июле 1905 года в Бьорке договор с Германией. Этим договором русско-французский союз разрушался в корне. Можно представить, как отреагировала бы парижская биржа на известие о том, что в случае военного конфликта Франции и Германии Россия взяла на себя обязательство поддержать Германию! По возвращении из Портсмута С. Ю. Витте вместе с графом В. Н. Ламздорфом удалось убедить царя забыть о том, что на договоре была поставлена его подпись и вообще о том, что он когда-либо существовал. Но это препятствие было из разряда самых простых в ряду тех, которые С. Ю. Витте пришлось преодолеть в промежутке между июлем 1905 года, когда начался зондаж почвы о заключении ликвидационного займа, и апрелем 1906 года, когда был подписан готовый контракт.

Французская республика тогда сама находилась в непростом положении. В начале апреля 1905 года разразился крупный дипломатический кризис, получивший название марокканского. История его вкратце такова. Император Вильгельм II заявился на своей яхте в Танжер (Марокко) и там 31 марта 1905 года на банкете в германской колонии сказал, что считает Марокко независимой страной, а ее султана — верховным и полностью суверенным правителем. Тем самым глава Германского государства отказался признать и уважать англо-французские договоренности от 8 апреля 1904 года, предоставившие Франции свободу рук в Марокко вплоть до установления протектората над этой страной.

Во Франции вспыхнула серьезная тревога. Во-первых, война за колониальные приобретения обещала быть крайне непопулярной в стране с очень сильными и влиятельными левыми партиями. Во-вторых, самым ценным союзником Франции в войне на европейском континенте, если такая бы разразилась, определенно являлась никак не Англия, а Россия. Но последняя глубоко увязла в дальневосточном конфликте и в дополнение ко всему переживала внутривнутриполитический кризис, один из самых серьезных за всю свою историю. В одиночку воевать с Германией Франция решительно была не в состоянии.

6 июня 1905 года состоялось заседание французского кабинета, на котором его глава Т. Делькассе подал в отставку. Новое правительство возглавил М. Рувье, настроенный примиренчески по отношению к Германии. Он и предложил ей договориться по марокканскому вопросу полюбовно и на очень выгодных условиях — французы соглашались на уступку части Марокко. Но император Вильгельм II и его советники, канцлер Б. фон Бюлов и директор Министерства иностранных дел барон Фриц фон Гольштейн, рассчитывали, что им удастся добиться лучшего, если все дело будет передано на международный арбитраж. К этому решению их склонял и С. Ю. Витте, на обратном пути из Портсмута посетивший Германию. Однако конференция, открывшись в испанском городке Альжесирах, затянулась, а вместе с ней и русский заем на парижской бирже. И это еще не все.

Полный успех громадной финансовой операции мог обеспечить максимально широкий круг его участников. Между тем большая группа влиятельных не только в Европе, но и в Америке еврейских банкиров обставила свое участие в ней категорическим требованием радикального изменения самих

основ внутренней политики России. «Американский банкир Шифф (банкирский дом «Кун, Лёб и К^о». — С. И.), — телеграфировал финансовый агент в Лондоне М. В. Рутковский, — советует здешним еврейским капиталистам принять участие только при том условии, чтобы наше правительство дало евреям равноправие. Ротшильд держится, по-видимому, того же взгляда...» «Ничего у них не получится, шантаж не пройдет, — твердо заявил В. Н. Коковцов. «Условия еврейских банкиров заставляют отказаться от их помощи»²²⁵.

Рассчитывать приходилось только на «христианскую» группу финансистов. В Англии ее возглавлял влиятельный банкирский дом «Братья Беринг», во Франции — банк «Лионский кредит». Это был единственный иностранный банк, допущенный к операциям на территории Российской империи. Его московский филиал располагался в здании на углу улицы Воздвиженки и Кузнецкого моста, где сейчас помещается Генеральная прокуратура Российской Федерации. «Лионский кредит» занимался кредитованием закупок русского хлеба для экспорта во Францию через черноморские портовые города.

Однако по ряду причин (оставим их в стороне) синдикат французских банков и банкирских домов, которому русское правительство собиралось передать заем на реализацию, возглавил другой первоклассный банк — «De Paris et Pays Bas» (Парижско-Нидерландский). По стечению обстоятельств его руководитель, Эдуард Нецлин, вместе с коллегами прибыл в Россию для ведения переговоров относительно контракта о займе в самый неподходящий момент — 7 октября 1905 года. 18 октября делегация отбыла восвояси, договорившись лишь о сумме займа (1250 млн франков) и подписав ни к чему не обязывающее соглашение вернуться за стол переговоров в более спокойное время. Французским финансистам, как и многим тогда, казалось, что монархии в России приходит конец. Хорошо воспитанный В. Н. Коковцов направил участникам будущего синдиката любезное письмо с выражением надежды, «...что недалеко то время, когда улучшившиеся условия денежного рынка, в зависимости от внутренних условий русской общественной жизни, дадут Министерству финансов возможность возобновить прерванные переговоры и выяснить оставшиеся нерешенными два вопроса — о выпускной цене и о моменте совершения операции. Для точности считаю небесполезным отметить, что вопрос о комиссии в размере 3 ³/₄ % не составил еще предмета окончательного соглашения, так как

в этом отношении между нами остается небольшая разница в $1/8\%$ »²²⁶.

17 октября, перед самым отъездом, Э. Нецлин имел секретную встречу с графом С. Ю. Витте. Подтвердив свою приверженность франко-русскому союзу, Витте заявил ему, что с займом можно будет потянуть несколько месяцев. С. Ю. Витте тогда не предполагал, что в ноябре — декабре события приобретут такой оборот, что придется срочно посылать В. Н. Коковцова в Париж с заданием во что бы то ни стало раздобыть хоть сколько-нибудь денег.

Стране грозило государственное банкротство. Немецкие банкиры — корреспонденты Государственного казначейства — в ультимативной форме потребовали срочной высылки крупной партии золота для обеспечения платежей по купонам от русских ценных бумаг и по векселям, трассированным на Берлин и другие немецкие города. Директор Государственного банка С. И. Тимашев вспоминал: «В ноябре приехал в Петербург представитель нашего главного берлинского корреспондента и заявил требование о высылке большой партии золота натурой. Хорошо помню тяжелые объяснения с этим господином; в очень ласковой, неприятно слащавой форме мне предъявлен был в сущности ультиматум с угрозой прекратить операции за наш счет, т. е. оплату купонов русских займов и наших тратт, если золото не будет выслано в кратчайший срок. Пришлось подчиниться»²²⁷.

Чтобы хоть как-то дотянуть до конца года, русскому правительству требовалось 200 млн руб. В обращение были выпущены обязательства Государственного казначейства (государственные векселя) сроком на 9 месяцев под 5,5% годовых и через Мендельсона предложены берлинской бирже. Операция с треском провалилась²²⁸.

3 декабря 1905 года на заседании Комитета финансов И. П. Шипов предложил прекратить размен кредиток на золото. Но присутствующие решили испробовать все возможные средства для удержания золотого рубля. По прямому распоряжению царя был фактически нарушен эмиссионный закон. Нарушение это не было первым — во время войны были выпущены в обращение 3,6%-ные серии Государственного казначейства на сумму 150 млн руб. Выпуск не имел никакого успеха и под казначейские обязательства Государственный банк напечатал бумажные деньги, что являлось прямым нарушением закона²²⁹.

17 декабря член Финансового комитета В. Н. Коковцов срочно выехал в Париж. 25 декабря С. Ю. Витте писал царю по поводу его миссии: «По-видимому, операция не удастся.

Придется прекратить размен на золото, и из-за сего произойдет много бедствий. Хотя бы удалось отсрочить этот момент до более спокойного положения. Нам в будущем году помимо бюджета потребуется около миллиарда — а где их взять?»

«Как это мне ни больно видеть, — продолжал он в послании тому же адресату 27 декабря, — что плоды моего двенадцатилетнего управления финансами разбились прахом, тем не менее я со страхом вижу, что придется прекратить обмен и подвергнуть Россию всем последствиям этого ужасного явления, разве только случится что-нибудь необыкновенное, к нашему счастью»²³⁰.

Члены синдиката банкиров, с которыми В. Н. Коковцов вступил в переговоры, заявили ему, что их не очень беспокоит прекращение размена, поскольку свои обязательства по заграничным займам русскому правительству все равно придется оплачивать золотом. «Положение дела сейчас таково, — доносил В. Н. Коковцов С. Ю. Витте из Парижа. — Все банкиры единогласно и самым решительным образом заявляют о полной невозможности совершения немедленно настоящей кредитной операции, безразлично — в форме ли долгосрочного консолидированного займа или займа на срок от 6 до 10 лет. Причины две: первая — недоверие к нашему внутреннему положению, невзирая на начинающееся успокоение, и отсутствие всяких шансов на то, что публика теперь пойдет на заем; другая, не меньшая — опасение столкновения с Германией из-за Марокко. В финансовых и административных кругах опасения гораздо большие, нежели можно судить по газетам»²³¹.

В. Н. Коковцов был принят президентом республики Э. Лубэ, уделившим ему целый час, затем председателем правительства М. Рувье. «Есть мнение, что только после успокоения в России и разрешения марокканского вопроса значительный заем окажется вполне возможным, например, месяца через два». Ему неуверенно пообещали аванс в счет будущего займа в сумме, примерно равной 100 млн руб.

По всем текущим вопросам переговоров русский эмиссар в Париже сносился непосредственно с главой правительства и получал инструкции лично от него. Войны из-за Марокко не будет, убеждал С. Ю. Витте В. Н. Коковцова. В ближайшее время возможно постепенное внутреннее успокоение. Нужны срочно 100 млн руб., хотя бы авансом под будущий заем, и хоть какая-то гарантия, «...что впоследствии от такого займа банкиры не откажутся, при благоприятном разрешении марокканского вопроса и неухудшении дел в России, и если, кроме того, краткосрочные обязательства Германии

будут отсрочены хотя бы на полгода. В противном случае полученные сто миллионов Франции придется отдать Германии и это нашего положения не улучшит. В таком случае, может быть, лучше прямо прекратить размен. Но предупредите французское правительство и банкиров, что при прекращении размена мы не будем в состоянии оградить интересы иностранных владельцев наших фондов»²³².

После очень сильного давления на банкиров, произведенного лично премьер-министром французского правительства, 29 декабря в помещении Парижско-Нидерландского банка В. Н. Коковцов поставил свою подпись на контракте в сумме 100 млн руб., или 267 млн франков. Текущие платежи Мендельсону удалось отсрочить.

Вернувшись из поездки, 11 января 1906 года на заседании Комитета финансов Коковцов сделал доклад о результатах поездки. Революция поколебала русский кредит до крайней степени — бумаги российских займов продавали по невиданно низким ценам. На денежном рынке наблюдалось совершенно непонятное стеснение: размер переучета векселей во Французском банке увеличивался с пугающей быстротой; частные банки уменьшали активные операции, как они это делали во времена недавнего грандиозного промышленного кризиса (1899—1902 годов). Учетный процент в Германском имперском банке был поднят до невиданной отметки — 6% годовых. Такого никогда раньше не бывало. «Я застал среди деловых людей Парижа, — продолжал свой рассказ В. Н. Коковцов, — настроение, близко похожее на то, которое обыкновенно предшествует войне. У всех на устах только одни слова: “Марокко, конференция в Альжези-расе, неизбежность войны с Германией”, а при том такие слова не выражают собой лишь внешнего и при том поверхностного настроения, а выражают собой действительную тревогу, оправдываемую весьма серьезными соображениями». От В. Н. Коковцова не скрывали, что военные приготовления на границе велись уже около двух месяцев, что многие бумаги на парижской бирже упали в цене (например, акции Парижско-Нидерландского банка с 1560 франков дошли до 1410 франков), что банки свернули операции в отделениях, расположенных близ границы с Германией, что «...кредиты стали резко стесняться и в низкие слои публики проникло самое тревожное настроение, выразившееся почти в тех же явлениях, как и у нас, — в истребовании вкладов и стремлении запастись золотом “на всякий случай”»²³³.

Хотя французское правительство и оказало России неотложную помощь, долгосрочный заем продолжал висеть на

волоске. Разговоры о грядущем прекращении размена рубля на золото не прекращались²³⁴. В начале января 1906 года был подготовлен проект нового эмиссионного закона. С. Ю. Витте обратился с личным письмом к императору Вильгельму, склоняя его уступить в Альжесирасе²³⁵.

Выступая на соединенном заседании Комитета финансов и Департамента экономии Государственного совета, С. Ю. Витте заявил, что единственной серьезной опасностью для устойчивости денежного обращения являются бюджетные дефициты, для покрытия которых Государственному казначейству приходится обращаться к помощи Государственного банка. Казне требуется 700—800 млн руб. на чрезвычайные расходы, и если кредитная операция провалится, то ничего не останется сделать, кроме как приказать Госбанку снабжать казну кредитными билетами, ничего не получая взамен. Это повлечет за собой полное расстройство всей денежной системы страны. Как доложил премьер, «...для предотвращения подобных пагубных последствий правительством в настоящее время начаты переговоры о заграничном займе, и если бы эти переговоры увенчались успехом, то опасность для устойчивости нашей валюты была бы или совсем устранена, или отдалена на более или менее долгий срок, в зависимости от размера займа, который удалось бы заключить»²³⁶.

Чтобы удержать золото в банковских кассах, решено было скорректировать операции Госбанка, в первую очередь активные. Во-первых, был повышен процент по активным операциям (ссудный процент); во-вторых, выдача ссуд под ценные бумаги стала сокращаться; в-третьих, банк начал ограничивать продажу иностранной валюты и давил на частные банки, чтобы те пролонгировали заграничные кредиты и сохранили у себя золото, полученное по операциям репорта. Наконец, в-четвертых, банку было поручено ограничить «в разумных пределах» выдачу золота из банковских касс.

Учетный процент Государственного банка был повышен с 7 до 8%, хотя в то же самое время на заграничных рынках ставка процента изменялась в прямо противоположном направлении. Например, Германский имперский банк в начале года понизил дисконт с 6 до 5% годовых.

Финансовая администрация собиралась увеличить и депозитные ставки в системе государственного кредита. Госбанк намеревался вернуться к отмененному при С. Ю. Витте начислению процентов по простым текущим счетам (процентами оплачивались только вклады)²³⁷.

2 февраля 1906 года глава синдиката Э. Нецлин инкогнито прибыл в Петербург и остановился в доме великого кня-

зя Владимира Александровича. Там в течение двух дней он вел секретные переговоры с делегацией в составе С. Ю. Витте, И. П. Шипова и В. Н. Ламздорфа. 6 февраля Нецлин вернулся в Париж. За два дня (слава богу, что не было Коковцова!) договорились о главном — о выпускном курсе и о комиссии. Комбинация, которую предложил Э. Нецлин С. Ю. Витте, состояла в следующем. К займу следовало привлечь широкие круги спекулянтов — бумаги должны были приобретаться не в расчете на помещение в них сбережений, как это было раньше (покупку русских фондов во Франции прежде называли «помещением отца семейства». — С. И.), а исключительно для будущей перепродажи с целью получения курсовой прибыли. Предоставим слово главному разработчику плана — Эдуарду Нецлину.

«Так как вся операция рассчитана не на непосредственное распределение займа, а на *чрезвычайно сильное спекулятивное движение и на призыв к алчным инстинктам в Европе и вне ее* (выделено мной. — С. И.), необходимо, чтобы не только банки, биржевые маклера, посредники, пресса и т. п. — эти придаточные колеса операции, — были привлечены перспективою наживы, но и чтобы вся спекулирующая публика увидела здесь непосредственную возможность извлечь значительную выгоду»²³⁸. В этом состояло существо проблемы, для решения которой имелось единственное средство — установить цену, по которой заем передавался посреднику (международному синдикату) на минимальном уровне. Поэтому реализационная цена, по которой синдикат покупал бумаги у русского правительства, определилась невиданно низко — 83,5 за сто (фактически она была еще ниже). Эмиссионная цена (для публичной подписки) равнялась в 88 за 100 для России, Франции и Австрии, 89 для Англии и 88,8 для Голландии.

Но чтобы заем вообще мог состояться, нужна была поддержка Россией Франции на конференции по Марокко. До самого конца не было твердой уверенности в том, что конференция увенчается успехом. Сохранились карандашные записки, которые С. Ю. Витте направлял В. Н. Ламздорфу: «Ради Бога, Альжезирас», «Альжезирас, ради Бога!» Эти документы не нуждаются в комментариях — они достаточно красноречиво передают состояние премьера российского правительства в те критические дни.

Лишь после того, как 18 марта 1906 года в Альжесирасе было достигнуто окончательное соглашение по всем спорным вопросам, министр финансов Французской республики

Р. Пуанкаре разрешил русскому послу в Париже Нелидову начать переговоры о подписании контракта. «Как бы в ближайшие недели чего не случилось, чтобы опять сорвалось дело», — отреагировал С. Ю. Витте на окончание конференции²³⁹. В последних числах марта В. Н. Коковцов опять направился на переговоры. Следом за ним в адрес Э. Нецлина полетела телеграмма за подписью С. Ю. Витте: «Считаю необходимым предложить к подписке всю сумму в 2750 млн франков (1033,83 млн руб. — *С. И.*), чтобы были покрыты обязательства казначейства, выпущенные во Франции и Германии, и чтобы казначейство располагало засим 2 млрд франков. Только при этом условии Россия в течение долгого времени не будет иметь необходимости прибегать к новому займу»²⁴⁰. Председателя правительства пугали и сроки поступления денег на счета русского правительства.

В связи с отказом Америки и Германии от участия в займе его нарицательная сумма уменьшилась до 2250 млн франков (843,75 млн руб.). Срок займа, первоначально определенный в 50 лет, затем был уменьшен до 40. Наконец, в течение 1906 года Россия получала всего-навсего 337 млн руб. выручки, тогда как общий дефицит 1905 и 1906 годов определился в сумме 660 млн руб.

С. Ю. Витте нервничал: «...несмотря на заем, государство все время будет в страшном денежном затруднении. Поэтому следует употребить все усилия, чтобы получить побольше денег в этом году и обеспечить непредъявление в этом году как французских, так и немецких векселей»²⁴¹. Медлить нельзя ни в коем случае, ибо риск неуспеха всей операции слишком велик, — отвечал ему В. Н. Коковцов: «Я выговорил условия, в отношении срока пользования кредитами гораздо более выгодные, нежели те, которые заявлены были вами раньше и в особенности подтверждены последней депешей к вам Нецлина». Сетования премьера на недостаточность сумм поступления Коковцову были непонятны: с момента выпуска займа вся его сумма формально поступала в распоряжение казначейства и путем бухгалтерской проводки со счетов казначейства на счета Государственного банка давала ему право расширить эмиссию. Ограничения ставились только в отношении заграничных платежей — они не могли быть выше тех сумм, которые указывались в сроках поступления денег²⁴².

Будоражил умы вопрос о том, насколько юридически корректно заключать заем без участия Думы. Дело в том, что каждый заем, будь то внутренний или внешний, должен был непременно оформляться законом. В Манифесте же 17 ок-

тября было ясно сказано, что все законы должны утверждаться Государственной думой. Лазейку нашли быстро — часть средств, полученных от будущего займа, должна была пойти на консолидацию сделанных ранее долговых обязательств. Противодействие займу оказывала международная прогрессивная общественность. Она агитировала за то, чтобы не давать денег на поддержку кровавого самодержавия. Известный французский писатель Анатоль Франс об этом лично разговаривал с французским руководством. Вовсю интриговали и представители «партии народной свободы». Негодование С. Ю. Витте на их близорукое политическое бесстыдство не поддается описанию.

9 апреля указ о выпуске займа был опубликован. Погоня за чистоганом отодвинула на последний план все высокие и низкие политические материи — заем был разобран полностью: и та часть, которую банкиры взяли «твердо» (1250 млн франков), и та, которая пошла в опцион (1000 млн франков).

Это колоссальный успех, он сделал эпоху в финансовом мире — радовался Э. Нецлин: «Надо отдавать себе отчет, что при выпуске займа, основанного на спекуляции, а не на распределении, расстояние, отделяющее успех от провала, часто бывает бесконечно малым»²⁴³. Шестеро французских участников синдиката — Парижско-Нидерландский банк, «Лионский кредит», Национальная учетная контора, Главное общество, банкирский дом «Готтингер и К^о» и Общество промышленного кредита — распределили 49 млн облигаций среди 596 тыс. подписчиков. Помимо того, держатели краткосрочных обязательств русского Государственного казначейства выпуска 1904 года воспользовались своим преимущественным правом и купили 1,4 млн облигаций²⁴⁴.

Без всякого преувеличения можно утверждать: заем 1906 года спас страну от неизбежного государственного банкротства и вполне вероятной политической катастрофы. В последующее время В. Н. Коковцов начал уверять общественность, что главная заслуга в деле совершения этого займа почти всецело принадлежала ему. Но у современников, хорошо знавших обстоятельства операции, не было сомнения в том, кто главный виновник счастливого события. И. И. Тхоржевский много лет спустя, в 1951 году, писал: «Заключение займа было всецело личной заслугой Витте». Именно С. Ю. Витте до самого конца дергал за все ниточки, обмениваясь регулярно зашифрованными телеграммами с Э. Нецлиным — главой синдиката банкиров, размещавшего бумаги займа на бирже и среди публики непосредственно. «Я на дежурствах немало возился с этим специальным и трудным шифром... Все, что

говорит Витте об этом в своих мемуарах, сушая правда; сам Коковцов при жизни Витте никогда этого не оспаривал. Кроме того, я хорошо помню, как сменивший Витте Горемыкин в первый же день сказал мне: "Государь еле выносил Витте, терпел только потому, что без него не достали бы денег. А теперь больше не может"»²⁴⁵.

Заем получился почти целиком антантовским — немцы, американцы и итальянцы в нем не участвовали. 1 млрд 200 млн франков взяла на себя Франция, 330 млн — Англия, 165 млн — Австро-Венгрия, 55 млн — Голландия и 500 млн — Россия. Очень высокой, прямо-таки непосильной, оказалась квота русских участников синдиката. С российской стороны в синдикат банков вошли Санкт-Петербургский учетный и ссудный (председатель совета Я. И. Утин) и Санкт-Петербургский международный коммерческий банки (председатель совета А. И. Вышнеградский).

Из общей нарицательной суммы займа в 843 млн руб. правительство императорской России получило только 677 млн руб., в том числе 466 млн в 1906 году. Разницу составили расходы по совершению займа. По сведениям прессы, эмиссионная цена, определенная в 88 франков за 100, банкирами еще до выпуска была вздута до 95 франков; разница попала к ним в карман. Плата за политическое безрассудство оказалась дорогой — фактически заем обошелся России около 7% действительных²⁴⁶. На таких невыгодных условиях Россия никогда еще не занимала в своей истории. Обращает на себя внимание высокий нарицательный процент — 5%. В него включалась и немалая страховая премия за риск.

Русская доля займа из синдикатского портфеля перекочевала не в руки частных инвесторов, а на счета специальных капиталов Государственного банка. Несмотря на высокий нарицательный процент, значительно превышавший тот, что начисляли по депозитам коммерческие банки, не говоря уже о Государственном, и выгодный эмиссионный курс, в России нашлось мало желающих купить его облигации²⁴⁷.

Увеличение размеров русского государственного долга и изменение его характера (из производительного он делался потребительским) наводили экономистов на грустные мысли: «Государственный долг не страшен тогда, когда он идет на производительные цели, когда те предприятия, которые учреждены на занятые деньги, окупают, по крайней мере, процент по занятому капиталу. Но если миллиарды сжигаются в огне политического безрассудства, если занятые деньги идут на питание внутренних и внешних авантюр — то мы по-

лучаем кредит для потребления, а он, при огромных размерах, всегда похож на мертвую петлю: ее диаметрально изменение может быть значительным, но ее развитие всегда идет в сторону сокращения... В такой петле барахталась Италия, в таких петлях погибло величие некоторых других держав»²⁴⁸.

* * *

Завершив дела по займу, С. Ю. Витте сделал то, что давно собирался, — подал в отставку. О том, как это произошло, рассказал очевидец — граф И. И. Толстой. «Не поручусь за точность моей памяти, но думаю, что случилось это 18 апреля. Я явился в тот день, по обыкновению, одним из первых на очередное заседание Совета министров. Витте открыл дверь своего кабинета и, увидев меня, позвал к себе». Закрыв за собой дверь и пригласив графа присесть, он после нескольких вступительных слов прочел ему черновик своего прошения об отставке. Среди аргументов в пользу этого решения были и выполнение взятых им на себя обязательств по заключению займа и созыву Думы, и серьезное несогласие с действиями П. Н. Дурново, из-за которого состав Государственной думы «представляется ему опасным для ближайшего будущего»²⁴⁹. После заседания С. Ю. Витте объявил решение уйти в отставку перед всем кабинетом, предупредив, что оно бесповоротно. «Государь знает, что я не могу принять на себя ответственность за все меры, которые принимались за последнее время, а кроме того, я серьезно нездоров, не сплю уже давно по ночам, не в состоянии сосредоточиться»²⁵⁰.

21 апреля С. Ю. Витте провел последнее заседание правительства. Он поставил присутствующих в известность, что отставка его принята, после чего в присутствии П. Н. Дурново, которого он специально просил быть, огласил свое письмо императору, где о нем, П. Н. Дурново, говорились неприятные вещи. Министр внутренних дел сохранял полное спокойствие. На И. И. Толстого оно произвело такое впечатление, как будто содержание письма ему уже известно. 24 апреля теперь уже бывший премьер-министр угощал у себя дома весь состав своего кабинета великолепным обедом, роскошно сервированным, на который присутствующие были приглашены в сюртуках, а не во фраках.

За шестимесячную службу главой правительства С. Ю. Витте был щедро награжден. При «всемиловитейшем рескрипте» он получил орден Александра Невского вместе с бриллиантами в обход статута этого ордена — сперва полагался сам орден и лишь спустя некоторое время бриллианты к нему.

Глава шестая

КОНСЕРВАТОР В ЛУЧШЕМ ЗНАЧЕНИИ ЭТОГО СЛОВА

В мае 1906 года, поприбывав на открытии Государственной думы, граф С. Ю. Витте вместе с женой отправился за границу отдыхать и поправлять всерьез расстроенное здоровье. Вернулся он в Петербург только в ноябре 1906 года и сразу же включился в светскую жизнь — званые приемы, визиты, рауты в посольствах. Тогда же ему пришлось вновь заняться делом, начатым еще в 1899 году. Речь идет о сооружении памятника Александру III.

Мысль об увековечении памяти своего кумира явилась С. Ю. Витте, когда строительство Сибирского железнодорожного пути близилось к завершению. Место для монумента было выбрано на Знаменской площади Петербурга, как раз напротив Николаевского вокзала, откуда начинался рельсовый путь к Тихому океану. На создание памятника императору Александру III — основателю Сибирского железнодорожного пути — был объявлен конкурс.

С. Ю. Витте принадлежал и план организации работ: по докладу министра финансов от 24 марта 1900 года высшее руководство сооружением памятника возлагалось на Комитет Сибирской железной дороги, а для управления работами при Министерстве финансов была создана особая комиссия¹. Ее председателем стал академик князь Б. Б. Голицын, который в течение долгого времени заведовал Экспедицией заготовления государственных бумаг, где имелся хорошо поставленный художественный отдел. В состав комиссии были включены крупные авторитеты в области пластических искусств: вице-президент Академии художеств граф И. И. Толстой, один из основателей объединения «Мир искусства» живописец А. Н. Бенуа, архитектор А. О. Томишко и инженер Э. К. Циглер.

В конкурсе участвовали маститые русские скульпторы: М. А. Чижов, А. М. Опекушин, А. Л. Обер, Р. Р. Бах, В. А. Беклемишев. Победителем оказался Павел Петрович (Паоло)

Трубецкой (15.02.1866 — 12.02.1938) — сын русского князя, дипломата русского посольства во Флоренции и американки Ады Винанс, приехавшей в Италию учиться пению.

Как художник Паоло Трубецкой сформировался в Италии. В области монументальной скульптуры он не был новичком — в 1896 году в Палланце был установлен памятник сенатору К. Кадорна его работы. С 1888 года и до конца своих дней П. Трубецкой принимал участие в международных выставках. Кого он только не лепил! Среди его персонажей писатели Габриеле Д'Аннунцио, Лев Николаевич Толстой, Анатоль Франс; композитор Джакомо Пуччини, дирижер Артуро Тосканини, певец Федор Иванович Шаляпин; великая княгиня Елизавета Федоровна, политик Бенито Муссолини, наконец, министр финансов Российской империи Сергей Юльевич Витте.

Годы с 1897-го по 1906-й П. Трубецкой провел в России. Большую часть этого времени он жил в Москве и преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Паоло Трубецкой страстно любил животных и часто фотографировался вместе с ними. Первые скульптурные работы, выполненные им в России, относятся к портрету и бытовому жанру. В 1901 году он создал скульптурную композицию «С. Ю. Витте с сеттером». Отмеченная незаурядным художественным мастерством, она обычно не упоминается среди шедевров великого скульптора. Памятник императору Александру III работы П. Трубецкого считается важной вехой в развитии русской и мировой монументальной скульптуры.

24 февраля 1900 года Паоло Трубецкой был среди художников, подписавших протокол собрания участников выставок журнала «Мир искусства». Там он нашел своих единомышленников и восторженных почитателей. Игорь Эммануилович Грабарь, художник и искусствовед, писал в журнале «Мир искусства» о П. Трубецком: «...Он нашел возможным усомниться в непреложности истины, признающей форму в скульптуре величиной объективной, и попробовал взглянуть на нее с точки зрения впечатления — черта совершенно новая и скульптуре прошлого неизвестная»².

28 февраля 1900 года утверждается проект памятника Александру III. П. Трубецкого представили вдовствующей императрице Марии Федоровне. Его брат Луиджи рассказал, как проходила церемония представления: «Паоло сделал легкий поклон, пожал ей руку и спокойно уселся на диван рядом с ней, не обращая внимания на ужас свиты. Потом ему объяснили, что он поступил против этикета, усевшись

без приглашения. Императрице очень понравилась его простота и искренность»³.

Скульптор П. Трубецкой никаких указаний членов комиссии не признавал. Он работал, руководствуясь исключительно собственным художественным чутьем. За труд он запросил невиданный гонорар — 150 тыс. руб.⁴ Скульптор принял обязательство исполнить две модели: одну в натуральную величину к 1 января 1901 года, другую, увеличенную в размер памятника, — к 1 мая того же года. Им было выполнено несколько эскизов и моделей, причем некоторые из них в натуральную величину. Для них на Невском проспекте П. Трубецкому устроили громадный павильон. Натуральная модель, однако, была одобрена комиссией лишь 5 июля 1901 года. В ответ на упреки в медлительности скульптор заявил, что «...лучше сделать памятник позже, но хорошо, чем к сроку, но скверно»⁵.

Работа над монументом затянулась на несколько лет. С. Ю. Витте, который все время вел финансовую часть проекта, был уже и не рад своей затее — настолько трудным в общении оказался скульптор. 1 февраля 1902 года член комиссии граф И. И. Толстой писал С. Ю. Витте: «Придирчивость Трубецкого и все возрастающие требования его служат для меня показателем его неуверенности в собственном умении совладать с новой для него задачей — выполнения колоссальной статуи. Наблюдая за ходом работ Трубецкого, я должен признать, что еще не видел такого отсутствия технического знания, такого безразличия к элементарным приемам своего мастерства: все заменяется талантом... Он слишком самолюбив, чтобы соорудить статую, которая ему не понравилась бы, но, с другой стороны, отказаться от работы или пригласить помощника, который проверил бы пропорции и анатомическую правильность работы, мешают сомнения и страх перед разговорами»⁶.

Творческие замыслы П. Трубецкого наполнили С. Ю. Витте чувством глубокого скепсиса. На первых порах с ним был солидарен и великий князь Владимир Александрович, почетный председатель Академии художеств. Как-то раз он сказал С. Ю. Витте, что никогда не позволит выставить на всеобщее обозрение этот памятник — карикатуру на его брата. Однако впоследствии, когда работа художника приобрела уже законченные очертания, великий князь переменял мнение, заявив, что в памятнике есть что-то привлекательное и чарующее. «Я очень люблю жизнь, не засушенную научными домыслами, — говорил П. Трубецкой, — и эта любовь лежит в основе моего труда... Я не понимаю, как

можно срисовывать портрет. Портрет не должен быть копией. В глине и на полотне я передаю идею данного человека, то общее, характерное, что вижу в нем»⁷.

Моделью скульптору служил фельдфебель Павел Пустов, фигурой напоминавший императора Александра III. В 1906 году модель, увеличенную и подготовленную для отливки, проработал сам скульптор. Основные работы по отливке статуи, подготовке площадки для установления пьедестала были завершены к 1908 году. Отливал памятник литейщик из Турина Эмилио Сперати. Затем выполнялся пьедестал.

С устройством пьедестала оказалось много хлопот. Сначала его собирались исполнить в виде глыбы, подобно тому, как это было сделано Э. Фальконе, затем вернулись к первоначальному художественному решению, принадлежавшему архитектору Ф. О. Шехтелю. Оно оказалось идеальным.

Российские искусствоведы указывают, что памятник Александру III создавался как некий антипод знаменитому памятнику Петру I. «И всадник, и конь — все служит этому противопоставлению, — читаем в книге академика Д. В. Сарабьянова. — Конь не взмывается вверх и вперед, врезаясь в окружающее пространство, а стоит на месте, тупо упирается, наклонив голову. Всадник под стать коню: он не пружинит, не взлетает вместе с ним, а оседает всей тяжестью своего тела на лошадиную спину, фиксируя свою неподвижную позу стременами. Типичный для всех работ Трубецкого “слой земли” на этот раз положен на невысокий гранитный постамент, выдержанный в форме строгого параллелепипеда, и сливается с ним. В этом приеме использования земного слоя, к тому же бугристого и “шершавого”, равно как и в общей остроте взгляда, в постижении характерных особенностей интерпретируемого явления, в фиксации мгновенного, переходящего в застывшее, остановившееся, — во всем этом ощущаются следы импрессионистического мышления»⁸.

Открытие монумента состоялось 23 мая 1909 года. Его общая высота составляла 8 м 79 см (статуя 5 м 35 см, пьедестал 1 м 24 см). На отливку, которая длилась около полутора лет, ушло 8 т зеленой художественной бронзы. Толщина стенок монумента достигала 1 см. Гипс и пластилин доставлялись из Парижа, глина — из Полюстрово. На пьедестал ушло 4 гранитных монолита, под фундамент было забито около 300 свай. На лицевой стороне пьедестала красовалась надпись: «Державному основателю великого Сибирского пути»⁹.

Главному «куратору» работ — С. Ю. Витте — произведение Паоло Трубецкого в его окончательном виде решительно пришлось не по душе. В воспоминаниях он пишет, что

долго размышлял: идти на открытие памятника или не идти. Приняв положительное решение, он приехал к месту торжества в 10 часов утра, за два часа до начала церемонии. Он, как сообщает граф И. И. Толстой, наблюдавший его в эти часы, «до комизма» волновался вопросом, понравится ли памятник, и граф как мог успокаивал его.

Торжество удалось на славу. Императору Николаю II памятник понравился, и он с присущей ему сердечностью благодарил за труды всех членов комиссии. Понравилось сооружение и вдовствующей императрице Марии Федоровне. Лишь народ был, очевидно, не в восторге — повсюду раздавались неодобрительные высказывания, а один подвыпивший мастерской во всеуслышание заявил: «Какой это царь? Это извозчик, в извозничьей шапке и сидит на ломовой лошади»¹⁰.

Члены Академии художеств — А. М. Опекушин, И. И. Толстой, Р. Р. Бах — на все лады хулили памятник. Зато приверженцы новых направлений в искусстве просто захлебывались от восторга. В номере 7—9 за 1909 год журнала «Золотое руно» появилась рецензия, где говорилось: «...Памятник Александру III на Знаменской площади являет собой великое торжество русского искусства... невыносимы для глаз стали Клодты и даже дивный Фальконе отошел в подобающую ему историческую перспективу. Настолько творение Трубецкого зовет к будущему»¹¹.

П. Трубецкому удалось добиться необыкновенной выразительности скульптурной формы. Зритель физически чувствует, как грузный седок подался назад, а тело лошади еще сохраняет свою инерционную силу. Скульптор искренне заявлял, что он абсолютно чужд политике и бессмысленно искать в его работе какой-либо скрытый подтекст. О своем замысле и его реализации он говорил: «Я хотел в образе Александра представить великую русскую мощь, и мне кажется, что вся фигура императора на моем памятнике воплощает мою основную мысль»¹². П. Трубецкой в своем искреннем желании отобразить в памятнике «великую русскую мощь», по-видимому, сам того не желая, поставил очень существенный вопрос¹³. Ответа на него он не давал — этим уже много десятилетий занимаются зрители.

Автор памятника опоздал на церемонию. 25 мая 1909 года в «Новом времени» было напечатано интервью с ним. «Зачем искать и вымучивать фигуры, — вопрошал П. Трубецкой, — когда кругом нас немало интересных людей, сильных натур, и все кругом, если внимательно присмотреться, полно таинственного величия... Надо делать все про-

сто и изображать людей так, как в жизни, с их особенностями. В работу, которая в данный момент вызывает такие осуждения, я внес мои личные взгляды, мои чувства. Может быть, эта простота без всякой вычурности и позы и весь ансамбль памятника представляет собою некоторое отклонение от обыденности и от того шаблона, к которому привыкли; у нас ведь так мало привыкли думать, что раз памятник, то все должно быть чрезвычайно необыкновенно. А я противник всякой позы, видя в простоте и реальности истинное отражение художественного настроения»¹⁴. Выдающиеся люди своей эпохи, они в чем-то неувлимо походили друг на друга, скульптор Паоло Трубецкой и политик Сергей Витте.

* * *

С. Ю. Витте не был кабинетным работником, отшельнический образ жизни ему претил. В его особняке на Каменноостровском проспекте устраивались завтраки и званые обеды с многочисленными приглашенными. Например, на обеде, данном 14 мая 1907 года, присутствовали 17 человек. Такой гурман, как граф И. И. Толстой, высоко отзывался о кухне графини М. И. Витте. Гостеприимное жилище супругов Витте посещали и члены царской фамилии, с которыми они уже много лет поддерживали дружеские отношения — великий князь Владимир Александрович, его сын Андрей Владимирович, историк великий князь Николай Михайлович, — послы иностранных держав, министры и члены Государственного совета, управляющий кабинетом императора князь Н. Д. Оболенский, адмирал Ф. В. Дубасов, французский писатель П. Леруа-Болье, журналист Э. Диллон. Бывал приглашаем и столыпинский подручный А. В. Кривошеин, которого в свое время С. Ю. Витте отказался взять в свое министерство, аттестовав как карьериста и интригана. После застолья до поздней ночи развлекались картами — хозяин дома слыл любителем карточной игры. Время от времени супругов Витте видели в театре.

Широкий образ жизни расстроил состояние С. Ю. Витте. Сумма, полученная им после отставки с поста министра финансов, к 1911 году была почти вся прожита. За приемной дочерью Верой, как уже говорилось, он дал большое приданое. Помимо расходов по постройке и содержанию дома (включая сюда и покупку личного автомобиля), много денег тратилось на лечение его и Матильды Ивановны за границей. И. И. Толстому С. Ю. Витте советовал пользо-

ваться услугами немецких врачей — они, хотя и дерут немилосердно с пациентов, зато лечат хорошо.

Вполне могло статься, что С. Ю. Витте в минуты отчаяния подумывал о переходе на службу в частный банк и даже вел об этом разговоры. Конкретно назывался Русский для внешней торговли, где председателем совета был один из его бывших подчиненных, В. И. Тимирязев. Не вполне понятен выбор банка, тем более что В. И. Тимирязев не относился к числу близких друзей С. Ю. Витте, в отличие от Александра Августовича Давыдова (председатель совета Санкт-Петербургского частного банка) или Алексея Ивановича Путилова (председатель совета Русско-Азиатского банка). История, рассказанная в воспоминаниях В. Н. Коковцова об этом эпизоде из жизни С. Ю. Витте, особенно некоторые ее подробности, в частности согласие С. Ю. Витте на предложение В. И. Тимирязева, оформленное подписью на протоколе постановления совета и правления банка, не отличается правдоподобием. В качестве члена Государственного совета по назначению и председателя Комитета финансов С. Ю. Витте не имел права на совмещение государственной службы с частной, а как бывшему министру и премьеру императорского правительства ему негоже было заниматься обходом действующего закона о несовместительстве.

В. Н. Коковцов сообщает, что в апреле 1912 года его, жившего тогда в Ливадии, посетила графиня М. И. Витте с необычной просьбой. Она рассказала, что ее муж и она находятся в совершенно безвыходном материальном положении: ренты у них никакой нет, а жалованья мужа по должности члена Государственного совета не хватает для ведения подобающего их статусу образа жизни. Отсюда альтернатива — либо удалиться с государственной службы и принять должность в каком-либо из частных банков, либо навсегда уехать из России и заживо похоронить себя в одном из маленьких городов Германии.

Мемуары графа Владимира Николаевича Коковцова — ненадежный источник исторических знаний. Но в данном случае его показаниям можно доверять, поскольку они сопровождаются демонстрацией полных документальных текстов. Один из них — собственноручное письмо Матильды Ивановны Витте, датированное 16 апреля 1912 года, с просьбой ходатайствовать перед императором о выдаче ее мужу единовременной помощи в размере нескольких сотен тысяч рублей. Эта сумма могла бы на долгое время обеспечить ему душевное спокойствие и комфортное существование.

17 апреля 1912 года С. Ю. Витте самолично нанес визит В. Н. Коковцову. Он рассказал, что жена приходила по своей инициативе, не поставив его в известность. О трудном материальном положении близкие друзья графа С. Ю. Витте довели до сведения императора Николая II. Тот, очевидно, по нежеланию, ничего не предпринял, чтобы помочь своему верному слуге. В. Н. Коковцов же ответил, что вспомоществование в форме выдачи разовой крупной суммы может последовать только по личному распоряжению царя.

В середине июля того же года, во время одного из всеподданнейших докладов, император показал В. Н. Коковцову личное письмо графа С. Ю. Витте с просьбой о денежной помощи в сумме 200 тыс. руб. В. Н. Коковцов его скопировал и поместил полностью в тексте мемуаров. По распоряжению Николая II просимая сумма была выдана графу С. Ю. Витте. Но не из личных средств императора, а из прибылей иностранного отделения¹⁵.

* * *

Граф и графиня Витте часто бывали в домах петербургской знати. С. Ю. Витте не имел увлечения, называемого англичанами «хобби», — кроме политики его ничего не интересовало. Поэтому все разговоры вертелись вокруг текущих политических событий.

8 мая 1907 года за обедом у великого князя Владимира Александровича обсуждалась свежая новость — раскрытие заговора с целью убийства императора, великого князя Николая Николаевича и премьера П. А. Столыпина. Информация о затевавшемся неслыханном злодействе днем ранее была объявлена обеим палатам российского парламента. С. Ю. Витте разошелся, взвинтил себя и потребовал развесить всех заговорщиков на столбах Невского проспекта: «Повесить их там, и пусть висят, пока не подгниют». Граф заявил: он — решительный сторонник смертной казни для убийц, но только не посредством столыпинских военно-полевых судов. Ужасные учреждения, они казнят второстепенных исполнителей революционных преступлений, а иногда и совершенно невинных людей, тогда как главные их виновники остаются в тени. Уж коль ввели в мирное время такой чудовищный институт, как военно-полевые суды, заявил С. Ю. Витте, то надо было с непреклонной энергией продолжать политическую линию в том же направлении: запретить все газеты левее «Нового времени», выгнать с государственной службы всех лиц с левыми убеждениями, закрыть

все учебные заведения; словом, хотя бы на несколько месяцев нагнать такого страху, чтобы никто и пикнуть не смел¹⁶.

Никто из присутствовавших на обеде такие речи отставного премьера всерьез не принимал. Всей своей предыдущей государственной деятельностью он показал, что его кровожадность есть не более чем фраза. Когда С. Ю. Витте уехал, великий князь Андрей Владимирович обратился к графу И. И. Толстому: «Однако какую необычайную энергию проявил ваш бывший премьер на словах! Почему же он не действовал так, когда власть была в его руках?» В ответ на реплику сына великий князь Владимир Александрович рассмеялся¹⁷. Как вспоминала Вера Нарышкина-Витте, ее приемный отец любил подшучивать над домашними и друзьями. Как знать, может быть, он шутил и в данном случае? Поразмыслив, С. Ю. Витте пришел к заключению, что если заговор и имел место в действительности, то он вполне мог быть специально затеянной полицейской провокацией¹⁸.

Он был искренне убежден — политика П. А. Столыпина, лишенная последовательности, внутренней логики, прямоты и честности, ведет страну прямо в пропасть революции и анархии. Вторая Государственная дума своим радикализмом отталкивала его, и он неоднократно высказывался о необходимости ее роспуска, но не прежним трусливым способом, а открыто, среди бела дня, при полном сборе всех думских депутатов и подготовленных на всякий случай войсках.

С. Ю. Витте не отрицал возможность и даже желательность составления нового положения о выборах без участия думских депутатов. 5 июня он говорил А. С. Суворину: «Новый выборный закон — это больной зуб. Его не вырвали, стали лечить разными каплями. Ничего не выйдет. Я советовал взять от губернских, уездных, земских собраний, городов и волостей, сколько придется на губернию, и предложить этой Думе выработать выборный закон»¹⁹.

Практика административного подбора членов для Государственной думы 3-го и 4-го созывов вызвала у него язвительное замечание: «Государственная дума перестала быть выразительницей народных желаний, а явилась выразительницей только желаний сильных и богатых, желаний, делаемых притом в такой форме, чтобы не навлечь на себя строгого взгляда сверху»²⁰.

Для чего, собственно, нужно иметь Думу? — задает он вопрос и отвечает на него так. Государственная дума нужна для того, чтобы выражать волю и желания если не всего народа, то по крайней мере большинства той России, которая еще не утратила способности мыслить и чувствовать. Иначе Дума

как институт народовластия совершенно бесполезна — ведь есть еще Государственный совет, представляющий не народ, а «государственное знание, опыт и авторитет».

С. Е. Крыжановским (автором третьиуньского избирательного закона, названного им самим «бесстыжим») и теми, кто за ним стоял, была создана низшая палата, «...которая по политической пульсации своей представляет Государственный совет, но только низшей пробы»²¹. Такая Дума народных желаний не выражает, всего народа не представляет, а представляет его небольшую и далеко не самую лучшую часть.

В 1907 году он засел за писание мемуаров. Обуревавшие его мысли и чувства С. Ю. Витте диктовал стенографистке, а будучи за границей, заносил на бумагу собственноручно. «Воспоминания» С. Ю. Витте вне всякого сомнения являются шедевром отечественной мемуарной литературы, одним из главных источников наших знаний и представлений о той богатой драматическими событиями эпохе отечественной истории. В воспоминаниях С. Ю. Витте заявил себя непревзойденным мастером политических характеристик: Александр III — «ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования»; «Союз русского народа» — «партия дикого и трусливого отчаяния»; И. Л. Горемыкин — «оловянный чиновник, отличающийся от тысячи подобных своими большими баками»; Д. Ф. Трепов — «либеральный вахмистр по воспитанию и городской по убеждению»; М. В. Родзянко — человек неглупый, довольно толковый, «...но все-таки главное качество Родзянки заключается не в его уме, а в голосе — у него отличный бас» и т. п. Рукопись мемуаров хранилась за границей в банковском сейфе — граф С. Ю. Витте по собственному богатому опыту знал, что в столыпинской России возможно всякое.

Человеческая жизнь коротка, и мало кому удастся довести начатое им дело до конца. С. Ю. Витте не было суждено готовить свои воспоминания к печати. Оно, быть может, и к лучшему. По крайней мере в них чувствуются биение сердца и страдания ума большого, искреннего и страстного человека. Историческая действительность в воспоминаниях отразилась через призму его субъективного восприятия, и это самое важное их достоинство. Что же касается фактографической их ценности, то кем доказано, что она ниже прилизанных воспоминаний В. Н. Коковцова, В. И. Гурко и многих других мемуаристов? С. Ю. Витте искренне считал, что мирная трансформация самодержавной России в государство европейского типа вполне возможна. Заблуждался он или нет, для нас имеет мало значения. По крайней мере С. Ю. Вит-

те не уходил в кусты и не резонерствовал оттуда, а боролся до конца за правоту своих взглядов, как умел и как позволяли обстоятельства.

* * *

Главная арена его борьбы против столыпинского политического курса находилась в зале общих собраний Государственного совета. Его членом «по назначению» граф С. Ю. Витте состоял до конца своей жизни.

Манифестом 20 февраля 1906 года Государственный совет, как уже говорилось, был преобразован в законодательный орган с равным Государственной думе объемом прав. Прежние его департаменты были упразднены. Вместо них было образовано два новых департамента, составленных из «членов по назначению». В них рассматривались дела по административно-судебным и финансовым вопросам.

Члены Государственного совета делились на две категории — постоянные члены и выборные.

Выборная система членов Государственного совета строилась на комбинации сословно-корпоративного и высокоцензового принципов. Она давала преобладание в нем крупным дворянам-помещикам. Землевладельцы-латифундисты дворянского происхождения избирали 74 из 98 членов Совета. Священный синод Русской православной церкви делегировал 6 членов. Столько же избиралось от «академической курии», куда входили университетские профессора и члены императорской Академии наук. Торгово-промышленные организации посылали в Государственный совет 12 человек. Члены Государственного совета избирались на 9 лет, причем каждый год обновлялась одна третья часть выборного состава.

Постоянные члены Государственного совета рекрутировались императором из числа отставных чиновников высокого ранга. Но не все они имели право участвовать в его заседаниях и дискутировать по законопроектам, а только те, которые были назначены царем к присутствию. Их список объявлялся каждый год 1 января. Лица, которые по тем или иным причинам не были угодны императору и дворцовой камарилье, могли в этот список и не попасть. Граф С. Ю. Витте каждый год встречал свою фамилию среди тех, кто был назначен императором «к присутствию», хотя отношение к нему в верхах было, мягко говоря, прохладное.

Среди членов Государственного совета как по назначению, так и по выборам оказалось очень много хороших зна-

комых, сослуживцев и бывших подчиненных С. Ю. Витте — председатель Московского биржевого комитета Г. А. Крестовников, профессор М. М. Ковалевский, П. Н. Дурново, Н. М. Чихачев, А. Ф. Кони, П. М. Романов, Ф. В. Дубасов и др. Тем не менее большинство коллег по «верхней палате» испытывали к нему чувство недоверчивого отчуждения. Некоторые питали к С. Ю. Витте неприкрытую ненависть и не останавливались перед самыми неправдоподобными вымыслами и гнусной клеветой. В кулуарах его называли губителем России, подчинившим себе на какое-то время слабовольного и малодушного монарха, до смерти испуганного революцией. Даже либеральное крыло Госсовета (левый центр и примыкавшая к ним академическая группа) относилось к С. Ю. Витте сдержанно и безо всякого доверия. Исключение составляли Максим Максимович Ковалевский, Анатолий Федорович Кони и еще несколько человек.

Чувствовал себя С. Ю. Витте в последние годы очень плохо, и не столько физически, сколько морально — потоки лжи и грязи, лившиеся на него со всех сторон, никак не иссякали. Граф И. И. Толстой был поражен той «суммой ненависти», которую имя С. Ю. Витте возбуждало в русском образованном обществе.

Навестившему его в 1907 году А. Ф. Кони он жаловался: «Никто не хочет понять, что, настаивая на Манифесте 17 октября, я — убежденный поклонник самодержавия, как лучшей формы правления для России — поступил своими симпатиями во имя спасения Родины от анархии и династии от гибели. Представителям последней я бросил средь бушующего моря “спасательный поплавок”, за который им и пришлось ухватиться. Если данные обещания будут исполнены, то дальнейшее мирное развитие России обеспечено...»²²

Тяжкий удар по нравственному самочувствию С. Ю. Витте нанесла история с «адскими машинами» — взрывными устройствами с часовыми механизмами, совершенно случайно обнаруженными в печах его дома 29 января 1907 года. Следствие по этому делу велось спустя рукава, а вскоре было и вовсе прекращено — один из непосредственных участников несостоявшегося «теракта» был убит, другой скрылся за границу. 3 мая 1907 года С. Ю. Витте написал письмо премьер-министру П. А. Столыпину с протестом против прекращения следствия о попытке покушения на его жизнь. Письмо обсуждалось в Совете министров, затем о результатах обсуждения было доложено императору. Николай II распорядился считать дело оконченным.

Тем не менее в 1910 году С. Ю. Витте попросил А. Ф. Ко-

ни выступить по нему экспертом. Негодуя на попуститель-ство властей (один из покушавшихся на его жизнь, остав-ной гвардейский солдат по фамилии Казанцев, являлся агентом охранного отделения) и халатное ведение следствия, он вручил ему копии с актов предварительного следствия. При самом беглом ознакомлении с документами А. Ф. Кони пришел к выводу, что следствие велось предвзято с единст-венной целью: не поднимать вопроса о возможной причаст-ности к нему лиц высокого общественного положения. Он посоветовал С. Ю. Витте требовать повторного расследова-ния дела независимыми юристами из состава верхней пала-ты, чтобы все лица, прямо или косвенно причастные к это-му злодейству, были выявлены и понесли заслуженное наказание. А. Ф. Кони запомнилось, как С. Ю. Витте с горе-чью говорил о ходящем в некоторых кругах ехидном пред-положении, что «адские машины» были подложены по его поручению или по крайней мере с его ведома. «Я не мог, — пишет А. Ф. Кони, — не разделить вполне этого справедли-вого и глубокого негодования»²³.

Летом 1910 года исполнилось 40 лет с того дня, как С. Ю. Витте вступил на поприще общественной и государст-венной службы. От Владимира Ивановича Ковалевского при-шло поздравительное письмо со следующими строками: «Вы были центральной фигурой той эпохи, выразителем редкой государственной мощи и таланта, фокусом всего живого, к Вам неслись надежды, около Вас группировались деятельные силы, зарождалось новое — лучшее будущее. И я счастлив при воспоминании, что совместные труды с Вами — лучшее время моей жизни... К великому огорчению моему, нет шан-сов на возобновление прошлого. И не потому, что история не повторяется. Нравственные усилия и духовное содержание труда могли бы повториться вновь, если бы был на них спрос. К несчастью, этого нет. Никому не нужны большие, двига-тельные силы — широкий государственный ум, творческий талант, смелость мысли, твердая воля, бескорыстие. В спро-се — горизонтальная спина, прислужливость, все серенькое, маленькое, бедное мыслями и богатое аппетитами. И вот всякий осел лягает копытом льва»²⁴.

* * *

В Госсовете С. Ю. Витте был совершенно одинок, ни од-на из фракций не хотела принять его в свои ряды, да и сам он не испытывал желания примкнуть к какой-либо группе. К правым членам С. Ю. Витте, так же как и А. Ф. Кони, ис-

пытывал чувство презрения, смешанное с жалостью: «Это — люди, сидящие на задней площадке последнего вагона в поезде и любовно смотрящие на уходящие вдаль рельсы, в надежде вернуться по ним назад в то время, как, увлекаемые силой паровоза, они все-таки едут вперед, но только задом»²⁵.

До января 1914 года С. Ю. Витте нередко выступал с речами в общем собрании Государственного совета. Когда его фигура, грузная, длинная и неуклюжая, появлялась на трибуне, некоторые из правых членов Совета демонстративно покидали зал заседаний. Но те, кто оставался, слушали его довольно внимательно.

С формальной стороны С. Ю. Витте был неважным публичным оратором: говорил длинно и с частыми повторениями; как многие люди, наделенные даром воображения, он не всегда соблюдал последовательность в развитии мысли. Но слушать его было интересно — он говорил всегда строго по делу, высказывал нетривиальные мысли и суждения, приводил остроумные афоризмы, хотя иногда и перевирал цитаты (Уильяму Шекспиру приписывал слова Фридриха Шиллера). В речи его А. Ф. Кони часто слышалась тонкая ирония, а иногда и негодование. Критикуя бюджетную политику министра финансов В. Н. Коковцова, С. Ю. Витте выразил преклонение перед его заслугами: он хотя и ничего не приобрел, но и не утратил ничего из того наследства, которое получил. Граф очень сильно возражал против строительства Амурской магистрали, за что получил упрек в космополитизме — магистраль нужна была для обороны дальневосточных границ, положительного экономического значения она не имела никакого. В конце своей речи он, сильно повысив голос, произнес следующие слова: «К огорчению очень многих, я заявляю, что все растущая волна их клевет и инсинуаций против меня никогда не превзойдет объема моего к ним равнодушного презрения»²⁶.

На А. Ф. Кони, много раз слушавшего его речи в Государственном совете, С. Ю. Витте производил впечатление человека, чуждого словесной дипломатии, не стесняющегося резко и определенно высказывать свои мысли. Иногда он не щадил и самого себя. Так, однажды он во всеуслышание поведал, как в начале своей карьеры министра финансов смалодушничал, под влиянием К. П. Победоносцева отозвав из Государственного совета им же внесенный законопроект об обеспечении фабричных рабочих от увечий и несчастных случаев²⁷.

С. Ю. Витте никогда не упускал случая подчеркнуть свое высокое уважение к памяти Александра III, быть у которо-

го министром он искренне почитал за величайшее счастье. Если при этом подобало упомянуть Николая II, то он делал это скороговоркой и понизив голос: «...и царствующий ныне благочестивейший монарх». Слушатели сразу чувствовали разницу.

Случалось ему и эпатировать публику. Журналист Л. М. Клячко вспоминает следующий эпизод. В одной из произнесенных им речей в Государственном совете С. Ю. Витте, упомянув царя, сказал как бы между прочим слова: «нашего самодержавного благочестивого неограниченного монарха». Они произвели на присутствующих эффект разорвавшейся бомбы — сам творец российской «конституции» считает монарха «самодержавным и неограниченным»!

«Я лично наблюдал, — пишет Л. М. Клячко, — какое огромное впечатление это произвело: во время перерыва, в кулуарах, только и разговора было на эту тему. Это было единственное заседание, в котором Витте был неодинок. Его окружили его всегдашние враги, с ним оживленно беседовали. Казалось, они готовы были позабыть часть своей ненависти и простить ему много грехов»²⁸.

Л. М. Клячко было интересно, как С. Ю. Витте выкрутится из этой пикантной ситуации. Просматривая газеты с отчетом о памятном заседании, журналист обнаружил, что фраза С. Ю. Витте была напечатана без слов «самодержавный и неограниченный». Как старший среди газетчиков, аккредитованных при Государственном совете, Л. М. Клячко имел право свободного доступа в комнату стенографисток. Разыскав текст расшифрованной стенограммы, он установил: «В экземпляре, представленном графу Витте на просмотр (стенограммы обычно посылались ораторам на редактирование), слова “самодержавный и неограниченный” были графом Витте собственноручно вычеркнуты»²⁹.

К выступлениям в Госсовете С. Ю. Витте обычно готовился и, выходя на трибуну, брал с собой подготовленные заметки. Когда ему нужно было заглянуть в бумаги, он надевал очки, после чего, сдвигая их на свой высокий лоб, выглядел очень комично. Закончив выступление, он часто уезжал, не дожидаясь общего перерыва. А. Ф. Кони никогда не видел его участвующим в общем чаепитии. Председатель Государственного совета М. Г. Акимов относился к С. Ю. Витте неприязненно, тревожно ожидая, что он вот-вот перейдет границу дозволенного. М. Г. Акимов не раз обрывал С. Ю. Витте резкими замечаниями и запрещениями говорить на ту или иную тему, на что тот смиренно, но не без яда отвечал: «Слушаюсь!»

«Особенно тяжело ему жилось последние два года», — подметил наблюдательный А. Ф. Кони. В перерыве между заседаниями С. Ю. Витте расхаживал по аванзалу большими тяжелыми шагами, с мрачным выражением лица. На вопросы редких собеседников отвечал неохотно, явно спеша от них отделаться. А. Ф. Кони казалось, что в его кипучей натуре, лишенной возможности заниматься большим и живым делом, жило вечное «роптание души». «Со стороны казалось, — вспоминал А. Ф. Кони, — что это своего рода Гулливер, связанный по рукам и ногам в царстве лилипутов»³⁰. С. Ю. Витте любил подчеркнуть свое положение не у дел и не раз повторял, что теперь он ни за что ответственности не несет.

Из выступлений С. Ю. Витте в Государственном совете А. Ф. Кони совершенно верно уловил суть его подхода к решению государственных задач. Искренний приверженец монархии как формы российского государственного устройства и как политического принципа, он прямодушно протестовал против бюрократического произвола, предпочитая законодательное решение любого вопроса во всех его частностях. С. Ю. Витте не изменил своему правилу по всякому вопросу стремиться прежде всего выслушать мнение заинтересованных лиц и возражал против чисто бюрократического его решения, с насмешливым презрением относясь к весьма распространенному заблуждению, согласно которому чиновники всегда лучше простых смертных знают положение дел в той или иной области.

С. Ю. Витте указывал и на вредную привычку откладывать решение насущных проблем путем передачи их в многочисленные совещания и комиссии. Обширные, а иногда и многотомные труды этих комиссий не приносили ровным счетом никакой практической пользы. Они представляют ценность лишь для современных исследователей этой интересной, сложной и с каждым прожитым днем удаляющейся все дальше и дальше от нас эпохи.

При обсуждении любого вопроса он всегда настаивал на выделении приоритетов. Развитие в России грамотности С. Ю. Витте называл в числе первейших государственных потребностей. А. Ф. Кони запомнились его слова: «Дайте русскому народу, своею кровью приобретшему окраины и своим потом их долго содержавшему и потому не имеющему надлежащих средств для своего книжного учения, потратить, наконец, гроши на свою грамотность»³¹. Он настаивал на увеличении государственных ассигнований на непопулярные среди либеральных политиков церковно-приходские школы и называл отказ от поддержки усилий церкви в деле

распространения грамотности среди народа «вандализмом XIX—XX веков».

В церковных вопросах С. Ю. Витте стоял за свободу вероисповедания и защищал царские указы от 17 февраля и 17 апреля 1905 года от попыток сузить сферу их применения. Вызвав резкое замечание М. Г. Акимова, он отрицал право законодательных палат и правительства ограничить льготы, дарованные царем старообрядцам и сектантам «невредных» сект.

Характерную позицию С. Ю. Витте занял в вопросе об уничтожении стеснений для священников, слагающих с себя сан — их не принимали на государственную службу и даже ограничивали в праве свободного выбора места для проживания. Этот законопроект, утверждал С. Ю. Витте, относится к категории «вермишельных» — за 10 лет всего 700 священников сложили с себя сан, тогда как в стране есть целые народы, которым возбранена государственная и общественная служба.

Нередко он высказывал взгляды, огорчительные для многих его друзей в Государственном совете. Выступая в прениях по законопроекту о больничных кассах для рабочих, С. Ю. Витте много и хорошо говорил о тяжелой участи рабочих, которые, в отличие от крестьян, большую часть своей жизни проводят без света и солнца, в ужасных для здоровья условиях. Вдруг в конце своей прочувственной речи он присоединился к требованию правых членов Госсовета о недопущении в правления больничных касс лиц, о которых производится политическое дознание.

Совершенно неожиданным для А. Ф. Кони явилось его выступление против разрешения поступать в университеты лицам без гимназического образования. С. Ю. Витте утверждал, что российская высшая школа и без того переполнена, и пока не будут открыты новые университеты, надо ставить формальные препятствия наплыву абитуриентов. Прежде чем писать закон, назидательно говорил С. Ю. Витте, надо озаботиться о расширении помещений для университетов и улучшении их преподавательского состава, который, по его мнению, находился в упадке по сравнению с былым временем. Ему толково возражал М. М. Ковалевский, сам действующий профессор.

А. Ф. Кони показалось, что выступления С. Ю. Витте против столыпинского аграрного законодательства были проникнуты личным неприязненным чувством. На самом деле он критиковал его с позиций своих собственных, уже известных читателю, представлений. «...В данном случае

речь идет не о разрушении всем известной русской общины, ныне существующей со всеми ее недостатками, но имеющей историческую давность, для водворения вместо нее действительной личной собственности, а речь идет о разрушении общины для создания таких личных крестьянских собственников, которые неизвестны в других цивилизованных странах ни исторически, ни в теории гражданского права»³².

Крестьяне, как и прежде, все еще подлежат ведению по-луадминистративных судебных органов и земских начальников. Если так пойдет и дальше, если русское дворянство и впредь будет относиться к народу как к чему-то такому, что составляет среднее между человеком и рабочей скотиной, то Россию ожидает участь Польши³³. В высшей степени опасно, говорил С. Ю. Витте в своей речи в Государственном совете, юридическое обустройство крестьянского быта откладывать на потом: «Все, что непосредственно касается крестьянской собственности, представляет органическое целое и требует такого же ясного обеспечения, как и собственность других классов населения...»³⁴

В заключение своего выступления по аграрному законопроекту С. Ю. Витте сказал: «...Совершенно сочувствуя водворению личной крестьянской собственности, я, тем не менее, нахожу, что предлагаемый законопроект имеет все шансы принести мало пользы и много путаницы и вреда. Тем не менее, то, что было сделано правительством по статье 87 в 1906 году и что уже применяется более трех лет, ныне едва ли можно аннулировать, не пошатнув авторитета власти. Но не следует принимать дополнений, сделанных в этот законопроект впоследствии. Если сравнивать, как это раз было сделано, законопроект со ставкою, то, раз ставка эта поставлена, нечего делать, но все, что может быть сделано, чтобы уменьшить размер этой ставки, которая по самой ее природе содержит в себе риск неизвестности, мне кажется, следует сделать из трезвого и элементарного благоразумия»³⁵.

Страстно защищал С. Ю. Витте свое детище — государственную винную монополию. Тяжким ударом по нему была отмена в начале 1914 года казенной продажи водки. После этого он замолк и, как пишет А. Ф. Кони, уже не выступал в Совете с речами.

Некоторые из его выступлений были блистательными как по содержанию, так и по форме. Особенно запомнилась А. Ф. Кони его блестящая, аргументированная речь по поводу профицита государственного бюджета 1910 года. Экономическое и, в частности, бюджетное благополучие страны, наступившее в скором времени после подавления револю-

ции, доказывал С. Ю. Витте, на поверку оказывается мнимым. Но это еще полбеда. Беда в том, что оно порождает в правящих сферах опаснейшие иллюзии.

* * *

С. Ю. Витте почти каждый год бывал за границей — путешествовал по европейским странам на поезде и автомобиле, лечился на курортах Франции и Германии. Он постоянно общался с ведущими политическими деятелями Запада и не мог не видеть, что великие европейские державы медленно, но верно втягиваются в военную конфронтацию невиданного ранее масштаба. Для России участие в ней было бы смертельно опасным, так как страна была еще менее готова к крупным вооруженным столкновениям, чем накануне злополучной Русско-японской войны.

Эту тему окольным путем он развил в лекции, прочитанной в актовом зале Института инженеров путей сообщения 7 апреля 1910 года. С. Ю. Витте обратил внимание своих слушателей на тот факт, что по густоте железнодорожных линий Россия много уступает своему вероятному противнику в будущей войне. Германия имеет на 1000 кв. верст 111 верст железнодорожного пути, Австро-Венгрия — 63 версты, Россия же — всего 11 верст. Хорошо известно, сказал С. Ю. Витте, что в будущей войне развитые транспортные магистрали могут компенсировать недостатки живой военной силы. «Покуда воздухоплавание будет составлять предмет спорта, железные дороги будут служить главнейшим фактором войны, в особенности в первый ее период, а этот период является наиболее решительным и может быть роковым... При таких условиях, имея в виду громадность наших пространств, не говоря уже о других неблагоприятных условиях, вы можете себе представить, насколько мы опаздываем на первом фазисе мобилизации войск, т. е. военного укомплектования на местах»³⁶.

Текст этой лекции он включил в качестве дополнительного материала к третьему по счету изданию своей книги о принципах железнодорожных тарифов. Накануне Первой мировой войны С. Ю. Витте переиздал в более полном виде под названием «По поводу непреложности законов государственной жизни» свою работу политического характера, написанную еще в конце XIX века и опубликованную за границей в виде записки «Самодержавие и земство». Тогда этот полемический труд энергичного министра финансов получил довольно большой резонанс и неоднозначную оценку. Некто

П. Рорбах обозвал его «...пухлым произведением, представляющим... такой образец безумия, что становишься перед неразрешимой загадкой, как мог министр со столь выдающимся интеллектом увлечься подобной постановкой»³⁷.

В. И. Ленин, наоборот, указал, что «обвинительный акт» С. Ю. Витте против земства составлен «...на основании очень (сравнительно) обширного и очень недурно обработанного материала, а так как это обвинительный акт по политическому делу (и притом довольно своеобразному), то можно быть уверенным, что его будут читать с не меньшим интересом и с не меньшей пользой, чем печатавшиеся некогда в наших газетах обвинительные акты по политическим процессам»³⁸.

В предисловии С. Ю. Витте поблагодарил своих ближайших сотрудников по Министерству финансов, помогавших ему в написании книги, — «прежде всего и больше всего» А. И. Путилова, «затем» Н. Н. Кутлера и П. П. Цитовича. «...Лица эти, исполняя талантливо и усердно по долгу службы мои предначертания, выражали исключительно мои взгляды и мысли»³⁹. Вообще С. Ю. Витте не любил писать собственноручно — перо не поспевало за его быстрой и гибкой мыслью. Почерк у него был такой, что в бытность С. Ю. Витте министром для расшифровки резолюций шефа составлялись целые совещания из чиновников министерской канцелярии.

«Видеть себя в печати — одна из самых сильных искусственных страстей человека, испорченного книжным веком»⁴⁰. Эта сентенция великого русского мыслителя и революционера приложима — увы! — ко многим образованным русским людям прошлого и настоящего. Исключения редки; одно из них — С. Ю. Витте. Браться за перо его побуждала та или иная насущная необходимость, потребность общественной жизни. Так было и с книгой «По поводу непреложности законов государственной жизни». В ней С. Ю. Витте вывел два «несомненных закона государственной жизни человечества». В силу первого из них «...постепенное развитие местного самоуправления неизбежно ведет к государственному центральному самоуправлению». Если же, наоборот, самоуправление в центре водворяется ранее развития его на местах, то оно опускается как бы сверху вниз. «Моя записка имела в виду, в силу этого закона государственного бытия, выяснить несоответствие и ненормальность принципа земского самоуправления, но, конечно, самоуправления настоящего, с принципом неограниченного самодержавия»⁴¹.

В этом сочинении С. Ю. Витте его политические взгляды, в основе своей просветительские, выразились достаточно

полно. В центре всего политического процесса С. Ю. Витте ставит личность, политического индивида. «Чем более развита личность, чем прочнее укоренились в ней привычки самостоятельно, без посторонней помощи, устраивать свое благосостояние, тем более устойчивости имеет весь общественный, а за ним и государственный строй». Существование в России самодержавного политического строя и самодержавной бюрократии объясняется крайней неразвитостью личного начала в русском народе, большая часть которого — крестьянство — управляется методами, недостойными человеческих существ.

С рассуждениями С. Ю. Витте о личности и ее роли в политике был согласен и оппонент С. Ю. Витте в этом споре, в ту пору поклонник земского начала И. Л. Горемыкин. Расхождения начинались в другом — относительно выбора средств и способов их применения. То, что предлагал министр внутренних дел, неизбежно вело к ограничению самодержавия в пользу имущих классов, которые и были представлены в земстве. Точка зрения С. Ю. Витте такова: «...Я полагал и полагаю, что для развития личной и общественной самостоятельности формы правления и тесно связанные с ними формы управления сами по себе решающего значения не имеют»⁴².

Прогресс и, соответственно, наоборот — регресс личности, общества, народного хозяйства возможен при самых разных формах государства. Вопреки взглядам, весьма распространенным среди многих русских либералов и революционеров, С. Ю. Витте был убежден, что «...формы эти не заказываются и не сочиняются, а в тех случаях, когда навязываются стране, — не служат к добру для страны. Как республиканский, так и монархический режим, как правительственная администрация, так и органы самоуправления могут быть и хорошим, и плохим средством управления. Каждый из них может обеспечивать личную свободу, общественную самостоятельность, способствовать экономическому и культурному преуспейанию народа, может и обратно, давить как на отдельную личность, так и на целый народ, одинаково покровительствовать только некоторой части населения и держать народ в нищете, полной экономической зависимости и умственном невежестве. Существенна не форма, а ее внутреннее содержание, не то, какая форма, а как она осуществляется, насколько соответствует она духу и характеру народа, его политическому развитию, географическим и этнографическим условиям страны»⁴³.

Барский анархизм славянофилов всегда был С. Ю. Витте решительно чужд. Славянофилы в лице почтеннейшего

Ю. Ф. Самарина, иронизирует он, не склонны помнить, что «...и дворяне, и бюрократы в России — лишь наиболее культурные слои все того же русского общества... Каждое прогрессивное движение в обществе отражается прогрессом в бюрократии; застой в нем — реакцией в ней. Не следует забывать, что и крестьянская, и судебная реформы проведены были бюрократией, что все выдающиеся деятели великих реформ были чиновники. Нельзя же серьезно думать, что администрация представляет в народе какую-то чуждую и враждебную ему силу, которая обрушивается на него бедями, если и у него нет достаточно средств и умения противостоять ей»⁴⁴.

Россия представляет собой все еще государство военное, рассуждал С. Ю. Витте, отчего целостность ее может поддерживаться только сильной централизованной государственной властью. «...Самодержавие и тесно связанная с ним административная централизация составляет в настоящее время основу нашего государственного строя и залог единства России, и поэтому отказаться от этого, созданного нашей историей, административного строя и решительно вступить на путь развития начал, ему противоположных, т. е. начал самоуправления, нельзя, не испытав, по крайней мере, всех средств к исправлению недостатков существующей административной системы»⁴⁵.

Никем не было покуда доказано, продолжал С. Ю. Витте, что правительственная администрация вела и ведет свои дела хуже, чем самоуправляющееся земство. К тому же земство само вступило на путь бюрократизации, расширяя наемный персонал врачей, учителей, статистиков. «Прежде всего необходимо заметить, что и в настоящее время, при всех своих несовершенствах, правительственная администрация во многих отношениях допускает сравнение с органами самоуправления»⁴⁶. Но что же в таком случае делать? Не надо мудрить — пусть земство развивается свободно, без административного на него давления, и сама жизнь решит, годится оно или нет в качестве формы народного самоуправления для России.

Другой «непреложный закон государственной жизни» гласил: «Несчастливые войны быстро ускоряют в государстве расширение объема самоуправления, т. е. власти большинства и даже толпы». Если бы не несчастная Русско-японская война, то переход от неограниченного самодержавия к «конституции» 17 октября составил бы десятки лет. Поэтому, чтобы уцелеть, монархии Николая II ни в коем случае не следует позволить втянуть себя в вооруженный конфликт. В этом

с ним был согласен и П. Н. Дурново, предупреждавший царя о летальных для русской монархической государственности последствиях грядущей войны при любом ее исходе.

С. Ю. Витте отрицательно отнесся к конвенции, заключенной 31 августа 1907 года между Россией и Англией по вопросам урегулирования отношений в Персии, Афганистане и Тибете. «Эта конвенция знаменовала крутой поворот наш от политики сближения или, иначе сказать, флирта с Германией к сближению и флирту с Англией, а так как дамы, как Англия и Германия, являются особами довольно ревнивыми и снабжены умственными способностями, не менее развитыми, нежели у нас, то и мы попали в двойственное положение и покуда отделяемся от этого двойственного положения тем, что Германию уверяем, что мы, конечно, более всего любим Германию, а с Англией флиртуем более для виду, и Англии, когда нужно, говорим обратное»⁴⁷.

Договор этот С. Ю. Витте расценивал как более выгодный Англии, нежели России; последняя, по его соображениям, несмотря на «неосторожную» войну с Японией и кошмарную революцию, все же продолжает быть великой державой и в силу своего такого статуса не должна была связывать себя обязательствами, которые лишают ее свободы рук.

М. М. Ковалевский, один из самых умных людей своего времени, хорошо сказал про С. Ю. Витте: считать его либералом было бы большим заблуждением; «...он был консерватором в лучшем значении этого слова»⁴⁸.

* * *

По иронии судьбы получилось так, что он, разрушивший своими решительными действиями договор между Россией и Германией, подписанный обоими монархами в Бьорке в июле 1905 года, политик, носившийся с идеей европейского союза великих держав, в общественном мнении и правящих сферах заслужил репутацию чуть ли не германофила.

События в Сараево застали С. Ю. Витте за границей. 8 августа 1914 года он прибыл в Рим и остановился в отеле «Эксельсиор». В тот же день в сопровождении российского посла гофмейстера Крупенского он посетил министра иностранных дел Итальянского королевства маркиза Сан-Джулиано, который на следующий день отдал графу ответный визит. На протяжении нескольких дней С. Ю. Витте, когда один, когда в сопровождении посла, осматривал многочисленные достопримечательности Вечного города. 13 августа он выехал в порт Бриндизи для посадки на пароход. На вокзале его, от-

ставного политика, провожал русский посол вместе с другими должностными лицами, русскими и итальянскими⁴⁹.

В конце августа 1914 года С. Ю. Витте один (жена оставалась во Франции на семейной вилле в курортном городе Биарриц) морем вернулся домой, посетив в последний раз Одессу — город своей навсегда ушедшей юности.

Еще за границей, примерно в августе месяце, за С. Ю. Витте ввиду его «германофильских настроений» было установлено секретное наблюдение полиции, которое продолжалось до самой его смерти.

В доме графа никого из слуг не удалось подкупить — С. Ю. Витте умел прочно завоевывать симпатии простых людей, — поэтому наблюдение оставалось чисто внешним. Два тома филерских донесений из архива Департамента полиции недавно опубликованы доктором исторических наук З. И. Перегудовой.

Переписка С. Ю. Витте перлюстрировалась. Вот выдержка из письма от 24 сентября 1914 года, адресованного графине М. И. Витте в Биарриц: «Каждое твое письмо меня оживляет. Но потом, когда к ночи я остаюсь один при моих трагических мыслях, я делаюсь мучеником. Когда кончится этот ад — одному Богу известно. Все озверели так, что страшно на них смотреть. Я все молю Бога, чтоб скорее быть вместе, но все-таки я думаю, что хорошо, что ты со мною не поехала. Не выдержала бы ты это путешествие. Вот я заболел и не могу избавиться от моей болезни... Затем многие хотят меня видеть — и многих я принять не могу. Нахожу, что все разговоры про войну все одно и то же и за целый день совсем искалечивают мои нервы»⁵⁰.

До сих пор в литературе бытует версия, будто бы С. Ю. Витте в последние годы вел жизнь отставного политика и «был окончательно забыт». Он посещал общественные собрания, выступал там с речами. В Совете съездов представителей промышленности и торговли с его участием обсуждались вопросы, связанные с введением подоходного налога, и положение дел в золотопромышленности. В комиссии государственного контролера П. А. Харитонова С. Ю. Витте советовал, как благополучно свести роспись доходов и расходов на 1915 год. «Речи его, довольно бледные, как будто убитые, выслушивались с почтением, но всеми чувствовалось, что это уже конченный человек»⁵¹.

Версия эта далека от истины. Последний год жизни графа С. Ю. Витте являлся, возможно, одним из самых насыщенных по числу приемов и визитов. Только в один день, 8 сентября 1914 года, его посетили: член Госсовета князь

А. Д. Оболенский, председатель совета Русско-Азиатского банка А. И. Путилов, тобольский епископ Варнава, член Госсовета П. Н. Дурново, председатель Совета министров И. Л. Горемыкин. С последним, несмотря на многочисленные трения и служебные конфликты, С. Ю. Витте поддерживал внешне вполне дружелюбные отношения.

29 ноября 1914 года в 20 часов 50 минут в его доме собрался Совет министров чуть ли не в полном составе: прибыли председатель Совета министров И. Л. Горемыкин, министр финансов П. Л. Барк, министр путей сообщения С. В. Рухлов, министр земледелия и землеустройства А. В. Кривошеин и другие лица — всего 17—18 человек, включая председателя Государственного совета И. Я. Голубева. Разъехались глубокой ночью. Чаще других навещал С. Ю. Витте А. И. Путилов. Список одних только установленных визитеров дома С. Ю. Витте в промежуток между 16 ноября и 25 декабря 1914 года насчитывал 36 фамилий, среди которых начальник Походной канцелярии императора генерал-майор А. А. Мосолов, профессор Л. И. Петражицкий, полковник «от котлет» князь П. П. Путятин, сенатор Н. И. Вуич, И. П. Манус, И. И. Колышко, «окончивший курс Харьковского университета еврей» М. Д. Шкафф. Несколько раз в последние месяцы 1914 года С. Ю. Витте навещал П. Н. Дурново.

Постоянно встречался он с газетчиками: репортером «Петроградского листка» Г. М. Лаппа, издателем «Биржевых ведомостей» С. М. Проппером, «аптекарским помощником» сотрудником газеты «Речь» Л. М. Клячко. Первый раскатывал на личном автомобиле, второй прибывал к С. Ю. Витте в собственном экипаже.

Поток визитеров не иссяк и в первые месяцы 1915 года. Регулярно навещались старые друзья и хорошие знакомые: член Государственного совета А. А. Стахович, действительный статский советник Э. Л. Нобель, А. И. Путилов, действительный статский советник А. А. Давыдов, директор правления Петроградского международного коммерческого банка М. А. Гинсбург, тобольский епископ Варнава, М. Д. Шкафф, председатель Государственного совета И. Я. Голубев, состоящий при вдовствующей императрице князь Г. Д. Шервашидзе, профессор Петроградского университета И. И. Кауфман, присяжный поверенный Е. Г. Шайкевич и др.

Бывали в доме С. Ю. Витте иностранные дипломаты — 14 января японский посол барон Мотоно, 15 февраля — шведский посланник и уполномоченный министр генерал-майор Эдуард Брендстрем.

12 и 26 января 1915 года сановника навещал председатель Совета министров И. Л. Горемыкин с коллегами по кабинету: министрами С. В. Рухловым, С. И. Тимашевым, А. В. Кривошеиным и др. Прибыв около 9 часов вечера, гости разъехались в 11.

Сам С. Ю. Витте один и вместе с женой ежедневно совершал короткие пешие и автомобильные прогулки, навещал друзей и родственников.

Л. М. Клячко сохранил в памяти обстоятельства своей последней встречи с графом С. Ю. Витте: «Недели за две до его смерти я позвонил к нему на квартиру с просьбой узнать, могу ли я заехать. К телефону подошла его супруга и сказала, что он принять не может, так как очень плохо себя чувствует. А на другой день он сам вызвал меня к телефону, сказал, что чувствует себя лучше, и просил заехать. До этого я не видел его около двух месяцев (Л. М. Клячко ошибался. В 1915 году он навестил С. Ю. Витте трижды: 23 и 31 января и 10 февраля. — С. И.). Я не узнал его; он страшно исхудал, глаза ввалились и были мертвые, как стеклянные. Видно было, что его преследуют мрачные предчувствия.

— Скажите мне, как вы меня находите? — спросил он, глядя на меня в упор.

Я посмотрел на него и ничего не ответил. С. Ю. Витте сразу перевел разговор на другую тему. Уехал я под впечатлением, что это человек конченный⁵². Правда, спустя несколько дней С. Ю. Витте почувствовал себя лучше и в шуточной форме по телефону обсуждал с Л. М. Клячко текущие назначения в правительстве.

Пока человек жив, он надеется на самое лучшее. С. Ю. Витте искренне верил в человека, в себя, в свои возможности и силы. Он рассчитывал, по всей вероятности, что с его участием России удастся закончить войну почетным миром, как это у него блистательно получилось в 1905 году. Для этого С. Ю. Витте шел на все, даже на контакты с искренне презираемым им Г. Е. Распутиным, надеясь, что с помощью этого проходимца, авантюриста и негодяя ему удастся вновь войти во власть и послужить Родине⁵³. Его надежды и расчеты не оправдались.

Ухудшение физического состояния С. Ю. Витте стало заметным для окружающих уже с осени 1914 года. «Здоровье папы, по-моему, очень плохое, и он очень плохо выглядит», — писала М. И. Витте дочери 29 октября 1914 года⁵⁴.

С. Ю. Витте смолоду страдал болезнью верхних дыхательных путей. Его первое путешествие за границу после окончания университета было вызвано необходимостью в

безотлагательном лечении. Летом 1911 года в Германии ему были сделаны две серьезные операции, первая из них под наркозом (С. Ю. Витте пролежал под хлороформом полтора часа)⁵⁵. В зимнее время он старался поменьше бывать на свежем воздухе из-за того, что часто простужался. Одна из таких простуд оказалась роковой.

28 февраля 1915 года граф И. И. Толстой, в ту пору петроградский городской голова, оставил запись в дневнике: «Сегодня рано утром умер С. Ю. Витте, проболев всего 36 часов, кто говорит — от воспаления среднего уха и менингита, кто — от рака предстательной железы. (?) В его лице сошла со сцены одна из самых крупных исторических личностей нашего времени»⁵⁶.

На самом деле предсмертная болезнь С. Ю. Витте длилась несколько дольше. 22 февраля он последний раз вместе с супругой выезжал из дома на автомобиле и отсутствовал с 15 часов 35 минут до 19 часов. 23 февраля он никуда не выходил, а 24-го к нему был вызван лечащий врач — доктор Сократ Иванович Ковалевский, старший врач Николаевской инженерной академии. Через день он был приглашен снова, что раньше случалось нечасто и свидетельствовало о серьезном нездоровье хозяина дома. Резкое ухудшение в самочувствии С. Ю. Витте произошло 27 февраля. В час дня у постели больного собрался консилиум врачей в составе С. И. Ковалевского, доктора И. М. Шапиро и В. И. Сиротинина — лейб-медик, заслуженный профессор, ординарный профессор Военно-медицинской академии, он являлся крупным специалистом по внутренним болезням. Пробыв около двух часов, врачи разъехались, затем в течение дня приезжали еще два раза.

Скончался граф Сергей Юльевич Витте 28 февраля 1915 года в 3 часа утра. В 13 часов 50 минут того же дня состоялась траурная панихида по усопшему. На ней присутствовали многие важные персоны, в том числе председатель Совета министров И. Л. Горемыкин с супругой, министр финансов П. Л. Барк, управляющий Государственным банком И. П. Шипов, главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин, граф А. А. Орлов-Давыдов и голландский посланник. В 21 час 30 минут, на вторую панихиду, приезжали министр внутренних дел и масса других лиц⁵⁷.

2 марта состоялись похороны графа С. Ю. Витте. Обряд отпевания и обедню в Александро-Невской лавре совершал епископ Вениамин в сопровождении десяти протоиереев. «Народу была масса, в том числе весь, кажется, состав Совета министров», — записал в личный дневник граф И. И. Толстой⁵⁸. Не обошлось и без происшествий, правда, довольно

курьезного свойства. Один из провожавших графа С. Ю. Витте в последний путь, аристократ по происхождению и оккультист по призванию, несколько минут созерцал лицо покойного, а потом замогильным голосом во всеуслышание произнес: «Мы заставим тебя прийти сегодня вечером»⁵⁹.

Погребение Сергея Юльевича Витте состоялось на кладбище лавры. На плите из черного гранита высечены даты рождения и смерти и еще одна дата — 17 октября 1905 года.

Император Николай II не выразил даже формального соболезнования жене покойного, графине Матильде Ивановне Витте. Смерть самого умного и самого верного из слуг вызвала у царя чувство, похожее на радость. Он поделился им с самым близким человеком — императрицей Александрой Федоровной в письме от 28 февраля 1915 года: «Хотя мне, разумеется, очень грустно покидать тебя и дорогих детей, но на этот раз я уезжал с *таким* спокойствием в душе, что даже сам удивляюсь. От того ли это происходит, что я беседовал с нашим Другом (Г. Е. Распутиным-Новых. — С. И.), или же от газеты, которую Бьюкенен (английский посол. — С. И.) дал мне, от смерти Витте, а может быть, от чувства, что на войне случится что-то хорошее, — я не могу сказать, но в сердце моем царит истинно пасхальный мир. Как бы мне хотелось оставить его тебе!»⁶⁰ (выделено в источнике. — С. И.).

16 марта 1915 года, находясь в Ставке, Николай II в присутствии высших чинов армии, серьезным тоном и с авторитетным видом заявил французскому послу Морису Палелогу: «Смерть графа Витте была для меня глубоким облегчением. Я увидел в ней также знак Божий». Из произнесенных слов посол заключил, что С. Ю. Витте сильно беспокоил императора в последние годы своей жизни⁶¹.

Немедленно для разбора и осмотра бумаг покойного графа был прислан генерал-адъютант К. К. Максимович. Ему помогал А. А. Мосолов — начальник канцелярии Министерства императорского двора. «Политически интересного» не было найдено ничего; искали дневник покойного, о котором ходили разные слухи, но безуспешно. Обнаружено было лишь оглавление «Воспоминаний», писанное рукой С. Ю. Витте. Матильда Ивановна заявила, что не знает, где дневник мужа, и дала в том подписку. До предела занятый государственными и семейными делами, император Николай II все же нашел время принять личный доклад К. К. Максимовича о результатах разысканий. Прочитав оглавление «Воспоминаний», монарх выразил сожаление, что не удалось достать рукопись, сказав при этом: «Могу себе представить, что он там только про меня писал»⁶².

Тело С. Ю. Витте еще не остыло, а в Париж уже полетела зашифрованная телеграмма за подписью директора Департамента полиции В. А. Брюн-де-Сент-Ипполита. Заведующему заграничной агентурой департамента А. А. Красильникову предписывалось: «Немедленно совершенно неофициально устройте, чтобы полиция Биаррица под предлогом охраны имущества опечатала все бумаги на вилле умершего сегодня графа Витте».

Но вилла принадлежала графу только в половинной части. Другой частью владела его приемная дочь, муж которой служил при посольстве. Поэтому вмешивать французскую полицию сочли неудобным и осмотром бумаг занялся сотрудник посольства. Искали, скорее всего, мемуары С. Ю. Витте. Их не нашли — рукопись хранилась в надежном месте в сейфе одного из банков. Во время пребывания на вилле С. Ю. Витте пользовался столом дочери; уезжая, он все бумаги забирал с собой. С разрешения семьи покойного историк И. В. Гессен подготовил рукопись к публикации, и в 1923 году в берлинском издательстве «Слово» на русском языке она увидела свет. С нею началась другая жизнь графа Сергея Юльевича Витте, которая продолжается и сегодня.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕРГЕЯ ЮЛЬЕВИЧА ВИТТЕ

- 1849, 17 июня — в семье чиновника Департамента государственных имуществ администрации Кавказского наместничества (Тифлис) Ю. Ф. Витте родился сын Сергей.
- 1866, 31 августа — Сергей Витте зачислен в студенты физико-математического факультета Новороссийского университета.
- 1870, 1 мая — поступил на службу в управление Одесской железной дороги.
- 1871, 5 июля — перешел в канцелярию новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.
- 1872, 5 апреля — указом Сената утвержден в чине коллежского секретаря.
- 1878 — назначен начальником эксплуатационного отдела правления акционерного Общества Юго-Западных железных дорог.
- 1878—1882 — участвует в работе Высочайше учрежденной комиссии для исследования железнодорожного дела в России.
- 1880, 16 февраля — получил назначение на должность начальника службы эксплуатации в администрации Общества Юго-Западных железных дорог.
- 1883, сентябрь — выход в свет первого издания книги «Принципы железнодорожных тарифов».
- 1886 — назначен управляющим дорогами Юго-Западного общества.
- 1889, 10 марта — назначен директором Департамента железнодорожных дел Министерства финансов с производством в действительные статские советники.
- 1892, 15 февраля — назначен управляющим Министерством путей сообщения.
- Женитьба на М. И. Лисаневич.
- 30 августа — назначен управляющим Министерством финансов.
- 1893, 1 января — именным высочайшим указом Правительствующему сенату назначен министром финансов с производством в тайные советники.
- 1896, 14 мая — назначен статс-секретарем императора с оставлением в занимаемой должности.
- 1899, 1 января — пожалован в действительные тайные советники с оставлением во всех занимаемых должностях и в звании статс-секретаря.
- 1900—1902 — преподавал политическую экономию и финансы наследнику престола великому князю Михаилу Александровичу.
- 1902, 22 января — назначен председателем Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.
- 1903, 16 августа — 19 августа — отставлен с поста министра финансов. Назначен председателем Комитета министров, членом Государственного совета с оставлением в должности председателя Комитета министров и в звании статс-секретаря, членом Комитета финансов.
- 1905, июль—август — первый уполномоченный русской делегации на мирных переговорах с японцами в Портсмуте.

17 сентября — возведен в графское Российской империи достоинство.

20 октября — царским рескриптом назначен председателем Совета министров Российской империи.

1906, 16 апреля — отставлен с поста председателя Совета министров по собственной просьбе.

22 апреля — пожалован в кавалеры ордена святого благоверного князя Александра Невского с бриллиантами.

1915, 28 февраля, 3 часа — С. Ю. Витте скончался в Петербурге.

ОСНОВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1—3. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.

Из архива С. Ю. Витте. Т. 1—2. СПб.: Д. Буланин, 2003.

Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912.

Витте С. Ю. По поводу непреложности законов государственной жизни. СПб., 1914.

Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1—2. М.: Наука, 2002—2004. (Издание не завершено.)

Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Д. Буланин, 1999.

Игнатьев А. В. С. Ю. Витте — дипломат. М., 1989.

Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М.: Терра, 1998.

Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // *Тарле Е. В.* Сочинения: В 12 т. М., 1958. Т. V.

Глава первая

- ¹ Сергей Юльевич Витте. Хроника. Документы. Воспоминания / Подг. Л. Е. Шепелев. СПб., 1999. С. 17.
- ² *Фадеев А. М.* Воспоминания. Ч. 1. Одесса, 1897. С. 182.
- ³ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 33.
- ⁴ *Гулишамбаров С. И.* Обзор фабрик и заводов Тифлисской губернии. Тифлис, 1888. С. 180.
- ⁵ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 27.
- ⁶ *Ф-й Н. А.* Воспоминания о Ростиславе Фадееве // *Фадеев Р. А.* Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1—2. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1889. С. 34—35, 38—39.
- ⁷ *Дюма А.* Кавказ. Тбилиси, 1988. С. 42.
- ⁸ Сборник статистических сведений о Кавказе, издаваемых Кавказским отделом Императорского русского географического общества. Т. 1. Тифлис, 1869. С. 81—95.
- ⁹ *Дюма А.* Кавказ. С. 214. В советские времена в здании резиденции наместников Кавказа на проспекте Руставели помещался Дворец пионеров.
- ¹⁰ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 49.
- ¹¹ Там же. С. 24—25.
- ¹² *Тернер Ф. Г.* Воспоминания жизни. Т. 1. СПб., 1910. С. 339.
- ¹³ *Каменский А. З.* Философия славянофилов. Иван Киреевский. Алексей Хомяков. СПб., 2003. С. 199, 201.
- ¹⁴ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 8.
- ¹⁵ *Дюма А.* Кавказ. С. 42.
- ¹⁶ Там же. С. 167.
- ¹⁷ 11 октября 1874 г., перед спектаклем «Норма» В. Беллини, театр сгорел дотла. После восстановления там стали давать русскую оперу. Тифлисский Гостиный Двор был снесен в 30-х годах XX века.
- ¹⁸ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 61.
- ¹⁹ *Шонберг Г.* Великие пианисты. М.: Аграф, 2003. С. 116, 120.
- ²⁰ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 90.
- ²¹ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 66.
- ²² Там же. С. 62.
- ²³ *Скальковский К. А.* Воспоминания молодости (по морю житейскому) — 1843—1869. СПб., 1906. С. 9.
- ²⁴ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 64.
- ²⁵ Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1865/66 академическом году. Б.м., б.г. С. 1—36.
- ²⁶ *Маркевич А. И.* 25-летие Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1890. С. 354.
- ²⁷ Там же. С. 338—339.
- ²⁸ См., например: *Милуков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 116—117.
- ²⁹ *Маркевич А. И.* 25-летие Императорского Новороссийского университета. С. 241.
- ³⁰ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 77—78.

- ³¹ *Маркевич А. И.* 25-летие Императорского Новороссийского университета. С. 345—346.
- ³² Там же. С. 166.
- ³³ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 80—81.
- ³⁴ Список студентов и посторонних слушателей Императорского Новороссийского университета за 1869/70 академический год. С. 40—41.
- ³⁵ *Гулишамбаров С. И.* Обзор фабрик и заводов Тифлисской губернии. С. 179—181.
- ³⁶ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 47.
- ³⁷ *Витте Софья.* Мой роман. Пер. на нем. и англ. яз. Одесса, 1904. *Ее же.* Рассказы (Фенина елка. Три встречи. Новое счастье. Сенька). Одесса, 1898. *Ее же.* У озера. На волоске. (Повести). Одесса, 1901.
- ³⁸ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 19.
- ³⁹ Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1866/67 академическом году. Одесса, 1867. С. 25—29.
- ⁴⁰ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 47.
- ⁴¹ Сергей Юльевич Витте. Хроника. С. 240.
- ⁴² *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 67.
- ⁴³ *Маркевич А. И.* 25-летие Императорского Новороссийского университета. С. 691.
- ⁴⁴ Там же. С. 189.
- ⁴⁵ Сергей Юльевич Витте. Хроника. С. 19.

Глава вторая

- ¹ *Андреев П. Н.* Юго-Западные железные дороги. Историко-экономический очерк. Киев, 1906. С. 4.
- ² История техники. М., 1962. С. 182.
- ³ Там же. С. 187.
- ⁴ *Андреев П. Н.* Юго-Западные железные дороги. С. 10.
- ⁵ *Скальковский К. А.* Воспоминания молодости. С. 162.
- ⁶ Там же. С. 10.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Андреев П. Н.* Юго-Западные железные дороги. С. 14.
- ⁹ *Скальковский К. А.* Воспоминания молодости. С. 15.
- ¹⁰ Сборник сведений о железных дорогах. 1868. СПб., 1869. С. 82.
- ¹¹ *Скальковский К. А.* Воспоминания молодости. С. 162.
- ¹² *Милютин Д. А.* Дневник. 1873—1875. Т. 1. Редакция, биографический очерк и примечания П. А. Зайончковского. М., 1947. С. 162—163.
- ¹³ Сборник сведений о железных дорогах. 1868. Отд. III. С. 1—36.
- ¹⁴ *Скальковский К. А.* Воспоминания молодости. С. 272.
- ¹⁵ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 518 (Прим. 19).
- ¹⁶ Там же. С. 87—88.
- ¹⁷ Отчет Русского общества пароходства, торговли и Одесской железной дороги по предприятию железной дороги с 1 января по 31 декабря 1877 г. СПб., 1878. С. 1.
- ¹⁸ Там же. С. 4.
- ¹⁹ Одесская железная дорога. Отчет эксплуатации за 1876 г. СПб., 1877. С. 8.
- ²⁰ Отчет Русского общества пароходства... с 1 января по 31 декабря 1877 г. СПб., 1878. С. 7.

- ²¹ Там же. С. 10.
- ²² Россия. Труды высочайше учрежденной комиссии для исследования железнодорожного дела в России. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1879. С. 27—28.
- ²³ Россия. Труды высочайше учрежденной подкомиссии для исследования железнодорожного дела в Киевском районе. Ч. 1. СПб., 1880. С. 169, 197.
- ²⁴ Россия. Высочайше учрежденная комиссия для исследования железнодорожного дела в России. Т. 1. Ч. 1. С. 19, 38—39.
- ²⁵ *Изнар Н. Н.* Записки инженера // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 74.
- ²⁶ Россия. Высочайше учрежденная комиссия для исследования железнодорожного дела в России. Т. 1. Ч. 1. С. 13.
- ²⁷ *Скальковский К. А.* Воспоминания молодости. С. 359.
- ²⁸ *Изнар Н. Н.* Записки инженера // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 88.
- ²⁹ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 93.
- ³⁰ Там же. С. 92.
- ³¹ Там же. С. 93.
- ³² Россия. Труды высочайше учрежденной комиссии для исследования железнодорожного дела в России. Т. 1. Ч. 1. С. 41—42.
- ³³ Одесская железная дорога. Отчет эксплуатации за 1876 г. СПб., 1877. С. 3.
- ³⁴ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 94.
- ³⁵ Там же. С. 107.
- ³⁶ Там же. С. 109.
- ³⁷ *Скальковский К. А.* Сатирические очерки и воспоминания. СПб., 1902. С. 10.
- ³⁸ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 126.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Тернер Ф. Г.* Воспоминания жизни. Т. 2. СПб., 1911. С. 82.
- ⁴¹ Россия. Труды высочайше учрежденной комиссии для исследования железнодорожного дела в России. Т. 1. Ч. 1.
- ⁴² Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Кн. 1. Ч. 1. С. 108.
- ⁴³ *Кони А. Ф.* Крушение царского поезда в 1888 г. // Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1966. С. 434.
- ⁴⁴ Россия. Труды высочайше учрежденной комиссии для исследования железнодорожного дела в России. Т. 6. Ч. 1. «Записка об организации и деятельности съездов представителей русских железных дорог». Ч. 1. Общие съезды. 1869—1878. СПб., 1880.
- ⁴⁵ Россия. Труды высочайше учрежденной комиссии для исследования железнодорожного дела в России. Труды общего съезда, созванного председателем комиссии в декабре 1881 г. для обсуждения проекта «Общего устава Российских железных дорог». Стенографический отчет. СПб., 1882. С. 11.
- ⁴⁶ Общий устав российских железных дорог. Проект с замечаниями министров. Б.м., б.г. С. 9.
- ⁴⁷ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 156—157.
- ⁴⁸ Там же. С. 158.
- ⁴⁹ Общий устав российских железных дорог. СПб.: Тип. А. Бенке, 1885. С. 1; также: *Соловьева А. М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 156—157.
- ⁵⁰ История техники. С. 243—244.
- ⁵¹ Там же. С. 247.

⁵² Чупров А. И. Из прошлого русских железных дорог (Отдельный оттиск из сборника «Речи и статьи»). М., 1909. С. 36—38.

⁵³ Россия. Труды высочайше учрежденной комиссии для исследования железнодорожного дела в России. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1879.

⁵⁴ Россия. Труды высочайше учрежденной подкомиссии для исследования железнодорожного дела в Киевском районе. Ч. 1. СПб., 1880. С. 40.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. «Описание дорог Киевского района». С. 7.

⁵⁷ Андреев П. Н. Юго-Западные железные дороги. С. 64.

⁵⁸ Россия. Труды высочайше учрежденной подкомиссии для исследования железнодорожного дела в Киевском районе. Ч. 1. С. 145—150.

⁵⁹ Общество Юго-Западных железных дорог. Финансовый отчет правления за 1879 г. СПб., 1880. С. 11—12.

⁶⁰ Там же. С. 11.

⁶¹ Там же. С. 14.

⁶² Андреев П. Н. Юго-Западные железные дороги. С. 123.

⁶³ Общество Юго-Западных железных дорог. Финансовый отчет правления за 1879 г. С. 12.

⁶⁴ История техники. С. 244—245.

⁶⁵ Андреев П. Н. Юго-Западные железные дороги. С. 125.

⁶⁶ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 120.

⁶⁷ Там же. С. 117, 119.

⁶⁸ Там же. С. 226.

⁶⁹ Там же. С. 284.

⁷⁰ Там же. С. 78.

⁷¹ Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 55.

⁷² Андреев П. Н. Юго-Западные железные дороги. С. 115.

⁷³ Там же. С. 115.

⁷⁴ Ковалевский В. И. Воспоминания // Русское прошлое. СПб., 1991. С. 42.

⁷⁵ Там же. С. 45.

⁷⁶ Там же. С. 43.

⁷⁷ Юго-Западных железных дорог общество. Финансовый отчет правления за 1885 г. СПб., 1886. С. 10—11.

⁷⁸ Скальковский К. А. Воспоминания молодости (по морю житейскому). С. 15, 22.

⁷⁹ Россия. Труды высочайше учрежденной подкомиссии для исследования железнодорожного дела в Киевском районе. Ч. 1. СПб., 1880. С. 20—26.

⁸⁰ Обзор комиссионно-ссудных операций Юго-Западных железных дорог. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1896. С. 12—14.

⁸¹ Лященко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Описательно-статистическое исследование. СПб., 1912. С. 74.

⁸² Там же. С. 105—106.

⁸³ Обзор комиссионно-ссудных операций Юго-Западных железных дорог. С. 14, 19, 30, 40.

⁸⁴ Витте С. Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. 3-е изд., доп. СПб., 1910. С. 179.

⁸⁵ Субботин А. П. Чай и чайная торговля в России и других странах. Производство, потребление и распределение чая. СПб., 1892. С. 527.

⁸⁶ Андреев П. Н. Юго-Западные железные дороги. С. 121.

- ⁸⁷ Там же. С. 120.
- ⁸⁸ Данилов Ю. Н. На пути к крушению. Очерки последнего периода российской монархии. М., 2000. С. 77—78.
- ⁸⁹ Витте С. Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. С. 179.
- ⁹⁰ Андреев П. Н. Юго-Западные железные дороги. С. 119.
- ⁹¹ Слепнев И. Н. С. Ю. Витте и железнодорожная тарифная реформа 8 марта 1889 г. (к вопросу о балансе предпринимательских интересов и экономической политики) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 21.
- ⁹² Россия. Труды высочайше учрежденной комиссии для исследования железнодорожного дела в России. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1880. С. 138—140.
- ⁹³ Изнар Н. Н. Записки инженера // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 98.
- ⁹⁴ Чупров А. И. Из прошлого русских железных дорог (Отдельный оттиск из сборника «Речи и статьи»). М., 1909. С. 39.
- ⁹⁵ Изнар Н. Н. Записки инженера // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 94.
- ⁹⁶ Там же. С. 98.
- ⁹⁷ Отчет Русского общества пароходства, торговли и Одесской железной дороги по предприятию железной дороги с 1 января по 31 декабря 1877 г. СПб., 1878. С. 42.
- ⁹⁸ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 142.
- ⁹⁹ Там же. С. 172.
- ¹⁰⁰ Там же. Т. 2. С. 495.
- ¹⁰¹ Витте С. Ю. Принципы железнодорожных тарифов. С. 42.
- ¹⁰² Там же. С. 130.
- ¹⁰³ Там же. С. 44—45.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 269.
- ¹⁰⁵ Юго-Западных железных дорог общество. Финансовый отчет правления за 1885 г. СПб., 1886. С. 423.
- ¹⁰⁶ Витте С. Ю. Принципы железнодорожных тарифов. С. 93—94.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 94.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 104.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Там же. С. 179.
- ¹¹¹ Там же. С. 121.
- ¹¹² Там же. С. 122.
- ¹¹³ Тарле Е. В. Сочинения: В 12 т. Т. 4. М., 1958. С. 441—467.
- ¹¹⁴ Витте С. Ю. Принципы железнодорожных тарифов. С. 148.
- ¹¹⁵ Боголепов М. И. Государственный долг. СПб., 1910. С. 473.
- ¹¹⁶ Сен-Симон К. А. Избранные сочинения. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 119.
- ¹¹⁷ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 285.
- ¹¹⁸ Витте С. Ю. Принципы железнодорожных тарифов. С. 272.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Там же. С. 273.
- ¹²¹ Там же. С. 274.
- ¹²² Там же. С. 281.
- ¹²³ Там же. С. 282.
- ¹²⁴ Там же. С. 283.
- ¹²⁵ Там же. С. 286—287.
- ¹²⁶ Там же. С. 293.
- ¹²⁷ Там же. С. 295—296.
- ¹²⁸ Там же. С. 297.
- ¹²⁹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 192.

- ¹³⁰ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 193.
- ¹³¹ Там же. С. 194.
- ¹³² Изнар Н. Н. Записки инженера // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 81.
- ¹³³ Там же. С. 81.
- ¹³⁴ Слепнев И. Н. Сергей Юльевич Витте и железнодорожная тарифная реформа 8 марта 1889 г. (К вопросу о балансе предпринимательских интересов и экономической политики) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 31 (примеч. 66).
- ¹³⁵ Кони А. Ф. Крушение царского поезда в 1888 г. // Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1966. С. 429.
- ¹³⁶ Там же. С. 435.
- ¹³⁷ Там же. С. 436.
- ¹³⁸ Там же. С. 436—437.
- ¹³⁹ Платонов С. Ф. Переписка с историками. Т. 1. М., 2003. С. 249. Письмо от 10 января 1925 г.
- ¹⁴⁰ Ковалевский В. И. Воспоминания. С. 62—63.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Кони А. Ф. Крушение царского поезда в 1888 г. С. 450, 452.
- ¹⁴³ Изнар Н. Н. Записки инженера // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 81.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 82.
- ¹⁴⁶ Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. 3 (1881—1894 гг.). СПб., 1912. С. 356.
- ¹⁴⁷ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 208.
- ¹⁴⁸ Покровский Н. Н. Воспоминания о Комитете министров в 90-е годы // Исторический архив. 2002. № 2. С. 195.
- ¹⁴⁹ Изнар Н. Н. Записки инженера. С. 89.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 90.
- ¹⁵¹ Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 165.
- ¹⁵² Тхоржевский И. И. Последний Петербург. С. 54—55.
- ¹⁵³ Проппер С. М. Что не вошло в газету. Воспоминания главного редактора «Биржевых ведомостей» // Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 403—404.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 404.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 404—405.
- ¹⁵⁶ Мещерский В. П. Мои воспоминания. С. 356—357.
- ¹⁵⁷ Ковалевский В. И. Воспоминания. С. 57.
- ¹⁵⁸ Проппер С. М. Что не вошло в газету. С. 406—407.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 406.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 1. С. 315.
- ¹⁶² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 273.
- ¹⁶³ Дельви́г А. И. Полвека русской жизни. М.; Л.: Академия, 1930. Т. 2. С. 431.
- ¹⁶⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 128.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 135.
- ¹⁶⁶ Ковалевский В. И. Воспоминания. С. 61.
- ¹⁶⁷ Покровский Н. Н. Воспоминания о Комитете министров. С. 196.
- ¹⁶⁸ Тернер Ф. Г. Воспоминания жизни. С. 178.
- ¹⁶⁹ Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. С. 198.

¹⁷⁰ Лебедев С. К. Санкт-Петербургский международный коммерческий банк во второй половине XIX в.: европейские и русские связи. М., 2003. С. 315.

¹⁷¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 186.

¹⁷² Там же. С. 188.

¹⁷³ Там же. С. 189—190.

¹⁷⁴ Там же. С. 443.

¹⁷⁵ Ковалевский В. И. Воспоминания. С. 47.

¹⁷⁶ Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 1. С. 288.

¹⁷⁷ Тернер Ф. Г. Воспоминания жизни. С. 217.

¹⁷⁸ Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 1. С. 288.

¹⁷⁹ Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 288.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же. С. 289.

¹⁸³ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 205.

Глава третья

¹ Ковалевский В. И. Воспоминания // Русское прошлое. СПб., 1991. С. 65.

² Цит. по: Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 2. С. 991. Переписка С. Ю. Витте с женой частично опубликована в сборнике «Английская набережная, 4». СПб., 2001. К сожалению, мне не удалось достать эту книгу.

³ Нарышкина-Витте В. Записки девочки // С. Ю. Витте в публикациях современников (к 150-летию со дня рождения). М., 1999. С. 171—180.

⁴ Ковалевский В. И. Воспоминания. С. 66—67.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 1. С. 216—217.

⁷ Толстой И. И. Мемуары. С. 264—265.

⁸ Формулярный список о службе члена Государственного совета, статс-секретаря, действительного тайного советника графа С. Ю. Витте // С. Ю. Витте. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Кн. 1. С. 561; Россия. Законы и постановления. Государственная роспись доходов и расходов на 1903 г. [СПб., 1904.] С. 104.

⁹ Устав акционерных земельных банков с разъяснением вопросов, возникших на практике при его применении. 5-е изд., доп. и перераб. СПб., 1913. С. 486, 492.

¹⁰ Россия. Законы и постановления. Государственная роспись доходов и расходов на 1895 г. Всеподданнейший доклад министра финансов о росписи... [СПб., 1896.] С. 21—22.

¹¹ Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. Томск, 1911. С. 791.

¹² Энгельс Ф. Письмо Н. Ф. Даниельсону 22 сентября 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 38. С. 399.

¹³ Скалковский К. А. Сатирические очерки и воспоминания. СПб., 1902. С. 266—268.

¹⁴ Там же. С. 275.

¹⁵ Цит. по: Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. С. 818.

¹⁶ Цит. по: *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. С. 207.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 68.

¹⁹ См: *Гиндин И. Ф.* В. И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России // *Свержение самодержавия*. М., 1970. С. 230—317; *Его же.* Социально-экономические итоги развития российского капитализма и предпосылки революции в нашей стране. М., 1970. С. 39—88.

²⁰ Об этом см: *Бовыкин В. И.* Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 52—57.

²¹ *Ковалевский В. И.* Воспоминания. С. 35.

²² *Леонтьев В.* Современное значение экономической теории К. Маркса // *Леонтьев В.* Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990. С. 111.

²³ *Аникин А. В.* Путь исканий. Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990. С. 337—338.

²⁴ *Маркс К.* Капитал. Т. 3. Книга III. М., Политиздат, 1973. С. 963.

²⁵ *Витте С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных е.и.в. в.к. Михаилу Александровичу в 1900—1902 гг. СПб., 1912. С. 132.

²⁶ *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. С. 212.

²⁷ *Головин К.* Мои воспоминания. Т. 2. СПб., 1910. С. 165.

²⁸ *Гиндин И. Ф.* С. Ю. Витте как государственный деятель. Опыт социально-политической характеристики // С. Ю. Витте — государственный деятель, реформатор, экономист. Ч. 1. М., 1999. С. 93.

²⁹ Цит. по: *Гиндин И. Ф.* С. Ю. Витте как государственный деятель. С. 93.

³⁰ Россия. Министерство финансов. Учебный отдел. Материалы по коммерческому образованию. Вып. 4. СПб., 1905. С. V.

³¹ Цит. по: *Кечеджи-Шаповалов М. В.* Коммерческое образование, его значение, задачи, методы и организация. СПб.: Улей, 1911. С. 127.

³² Там же. С. 85.

³³ Там же. С. 91.

³⁴ Россия. Законы и постановления. Государственная роспись доходов и расходов на 1893 г. Приложения. [СПб., 1894.] С. 102—103.

³⁵ Россия. Законы и постановления. Государственная роспись доходов и расходов на 1895 г. [СПб., 1895.] С. 107.

³⁶ Константин Коровин вспоминает... 2-е изд., доп. М., 1990. С. 124.

³⁷ *Варенцов Н. А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. С. 525.

³⁸ Цит. по: *Лачаева М. Ю.* Приглашается вся Россия... Всероссийские промышленные выставки (XIX—XX вв.): Петербург, Москва, провинция. М., 1997. С. 61.

³⁹ *Изнар Н. Н.* Записки инженера // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 69.

⁴⁰ Там же. С. 70.

⁴¹ *Менделеев Д. И.* Впечатление о Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде // Границ познанию предвидеть невозможно. М., 1991. С. 199, 207.

⁴² *Лачаева М. Ю.* Приглашается вся Россия... С. 89.

⁴³ Цит. по: *Берлин П. А.* Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922. С. 135.

⁴⁴ Материалы по истории СССР. Т. 6. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959. С. 173—195.

⁴⁵ *Гиндин И. Ф.* С. Ю. Витте как государственный деятель. С. 98.

⁴⁶ *Максимов В. Я.* Закон о ростовщичестве, с изложением рассуждений, на коих он основан, и разъяснениями Правительствующего Сената. М., 1911. С. 5—6.

⁴⁷ *Губаревич-Радобыльский А.* Чай и чайная монополия. Опыт исследования основ обложения чая в России. СПб., 1908. С. 63.

⁴⁸ Производительные силы России / Под ред. В. И. Ковалевского. Отдел IX. Фабрично-заводские производства. С. 125—126.

⁴⁹ *Губаревич-Радобыльский А.* Чай и чайная монополия. С. 113.

⁵⁰ *Кечеджи-Шаповалов М. В.* Коммерческое образование... С. 308—310.

⁵¹ Материалы по чайной торговле в связи с проектом введения в России чайной монополии. Пг., 1915 (Петроградская фруктовая, чайная, винная и рыбная биржа). С. 5—9.

⁵² *Фридман М. И.* Винная монополия. Т. 2. Винная монополия в России. Пг., 1916. С. 182—186.

⁵³ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 83.

⁵⁴ Там же. С. 85.

⁵⁵ Россия. Министерство финансов. Отзывы о результатах введения казенной продажи питей, поступившие в Министерство финансов от начальников губерний и других лиц. СПб., 1901. С. 40.

⁵⁶ Там же. С. 63—66.

⁵⁷ Там же. С. 78.

⁵⁸ Там же. С. 259—260.

⁵⁹ Там же. С. 303.

⁶⁰ Там же. С. 309—310.

⁶¹ Там же. С. 227.

⁶² Там же. С. 339.

⁶³ Там же. С. 236.

⁶⁴ *Фридман М. И.* Винная монополия. Т. 2. С. 318.

⁶⁵ Там же. С. 304—305.

⁶⁶ Там же. С. 509.

⁶⁷ Там же. С. 305.

⁶⁸ Там же. С. 307.

⁶⁹ Россия. Министерство финансов. Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1893 г. Б.м., б.г. С. 18.

⁷⁰ Россия. Министерство финансов. Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1894 г. Б.м., б.г. С. 19.

⁷¹ Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 274. Оп. 1. Д. 57. Л. 50 об.

⁷² Россия. Министерство финансов. Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1894 г. С. 18.

⁷³ Там же. С. 19.

⁷⁴ *Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. П.* Деньги. Пг., 1915 (Банковое дело. Теория, практика и техника операций коммерческих банков / Под ред. М. И. Боголепова). С. 200.

- ⁷⁵ *Васильев А. А.* Биржевая спекуляция. Теория и практика. СПб., 1912. С. 94—95.
- ⁷⁶ Россия. Комиссия по пересмотру Устава Государственного банка. Б.м., б.г. С. 2—3.
- ⁷⁷ Там же. С. 49.
- ⁷⁸ Там же. С. 60.
- ⁷⁹ *Судейкин В. Т.* Государственный банк. Исследование его устройства, экономического и финансового значения. СПб., 1891. С. 217—221.
- ⁸⁰ *Барац С. М.* Курс вексельного права в связи с учением о векселях и вексельных операциях. СПб., 1893. С. 13.
- ⁸¹ Там же. С. 662.
- ⁸² Там же. С. 675 (примеч. 10).
- ⁸³ *Барац С. М.* Задачи вексельной реформы в России. СПб., 1896. С. 55.
- ⁸⁴ *Барац С. М.* Курс вексельного права. С. 680 (примеч.).
- ⁸⁵ *Барац С. М.* Задачи вексельной реформы в России. С. 71.
- ⁸⁶ *Кауфман И. И.* Кредит, банки и денежное обращение. С. 429—430.
- ⁸⁷ *Барац С. М.* Курс вексельного права. С. 674.
- ⁸⁸ *Судейкин В. Т.* Государственный банк. С. 228.
- ⁸⁹ Россия. Комиссия по пересмотру Устава Государственного банка. С. 62.
- ⁹⁰ Там же. С. 185.
- ⁹¹ Там же. С. 13.
- ⁹² Там же. С. 20.
- ⁹³ Там же. С. 78.
- ⁹⁴ Правила для выдачи ссуд под товары // Россия. Государственный банк. Сборник наказов и правил по операциям Государственного банка. СПб., 1913. С. 186.
- ⁹⁵ Распоряжения Министерства финансов и Государственного банка об открытии кредитов ссудосберегательным товариществам. Б.м., б.г. С. 7—9. «Правила для выдачи ссуд под хлеб и другие земледельческие продукты (Утверждены г. Министром финансов 1 июня 1894 г.)».
- ⁹⁶ Цит. по: *Проскурякова Н. А.* Земельные банки Российской империи. М., 2002. С. 294.
- ⁹⁷ Там же. С. 308.
- ⁹⁸ Россия. Министерство финансов. Объяснения Министерства финансов на соображения прочих ведомств по проекту Устава Крестьянского поземельного банка. Б.м., б.г. С. 65—66.
- ⁹⁹ Там же. С. 66.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 67.
- ¹⁰¹ Крестьянский поземельный банк. Устав. М., 1896.
- ¹⁰² *Летуев В. Н.* Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. М., 1997. С. 76.
- ¹⁰³ Крестьянский поземельный банк. Отчет за 1913 год. С. 126.
- ¹⁰⁴ *Сидоров А. Л.* Граф С. Ю. Витте и его «Воспоминания» // *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. VI.
- ¹⁰⁵ *Гиндин И. Ф.* С. Ю. Витте как государственный деятель. С. 57.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 64—65.
- ¹⁰⁷ Переписка Витте и Победоносцева // Красный архив. Т. 5 (30). М.; Л., 1928. С. 97.
- ¹⁰⁸ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. 1848—1896. М., 1991. С. 218—219.
- ¹⁰⁹ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 307.
- ¹¹⁰ *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М.; Л., 1924. С. 200.
- ¹¹¹ Исторические записки. 1957. № 4.

¹¹² Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 229.

¹¹³ Проскуракова Н. А. Земельные банки Российской империи. С. 257—258.

¹¹⁴ Там же. С. 259—261.

¹¹⁵ Устав акционерных земельных банков с разъяснением вопросов, возникших на практике при его применении. 5-е изд., перераб. и доп. СПб., 1913. С. 35, 36, 39.

¹¹⁶ Переписка Витте и Победоносцева. С. 98—99.

¹¹⁷ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. С. 203.

¹¹⁸ Там же. С. 227.

¹¹⁹ Ковалевский В. И. Воспоминания. С. 63; Крыжановский С. Е. Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. Петрополис, 1938. С. 189, 190, 203.

¹²⁰ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. С. 336—337.

¹²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 5. С. 87—92.

¹²² Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. С. 340.

¹²³ Цит. по: Гиндин И. Ф. С. Ю. Витте как государственный деятель. С. 59.

¹²⁴ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. С. 287.

¹²⁵ Гиндин И. Ф. С. Ю. Витте как государственный деятель. С. 60.

¹²⁶ Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. С. 345.

¹²⁷ Цит. по: Гиндин И. Ф. С. Ю. Витте как государственный деятель. С. 62.

¹²⁸ Промышленность и торговля. 1915. № 6. С. 297—298.

¹²⁹ Цит. по: Гиндин И. Ф. Государственный банк. С. 252—253.

¹³⁰ Там же. С. 240—285.

¹³¹ ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 4. Д. 251. Л. 3 об.

¹³² Исторический очерк развития Невского судостроительного и механического завода. 1860—1910 гг. К выпуску 3000-го паровоза. СПб., 1910. С. 8—11.

¹³³ ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 4. Д. 251. Л. 3 об.—4.

¹³⁴ Константин Коровин вспоминает... С. 59.

¹³⁵ Русский рубль. Два века истории. М., 1994. С. 116.

¹³⁶ Витте С. Национальная экономия и Фридрих Лист. Киев, 1889.

¹³⁷ Каменский З. А. Русская философия начала XIX в. и Шеллинг. М., 1980. С. 19—20.

¹³⁸ Степанов В. Л. Н. Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 198—199.

¹³⁹ Чехов А. П. Осколки московской жизни // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 16. М., 1987. С. 152—153.

¹⁴⁰ Степанов В. Л. Н. Х. Бунге. Судьба реформатора. С. 197.

¹⁴¹ Ламанский Е. И. Воспоминания. Пенза, 1995. С. 89.

¹⁴² Энгеев Т. О платежном балансе дореволюционной России // Вестник финансов. 1928. № 5.

¹⁴³ Степанов В. Л. От крушения системы Канкрин к новой реформе // Русский рубль. Два века истории. С. 102.

¹⁴⁴ Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. П. Деньги. Пг., 1915. С. 198.

¹⁴⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 93.

¹⁴⁶ Ламанский Е. И. Воспоминания. С. 89—90.

¹⁴⁷ Кауфман И. И. Кредит, банки и денежное обращение. СПб., 1873;

Его же. Кредитные билеты, их упадок и восстановление. СПб., 1888;
Его же. Вексельные курсы России за 50 лет. 1841—1890. СПб., 1892.

¹⁴⁸ Вопрос о вкладе И. И. Кауфмана в концепцию реформы поднят в статье *О. А. Дроздова*: К вопросу о роли С. Ю. Витте в подготовке и проведении денежной реформы 1895—1897 гг. в России // Сергей Юльевич Витте — государственный деятель, реформатор, экономист. Ч. 2. С. 21—42.

¹⁴⁹ *Ламанский В. И.* Воспоминания. С. 97.

¹⁵⁰ *Тернер Ф. Г.* Воспоминания жизни. С. 250.

¹⁵¹ *Кауфман И. И.* Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910. С. 238—239.

¹⁵² *Витте С. Ю.* Речь о денежной реформе, произнесенная в общем собрании Государственного совета 28 декабря 1895 г. // *Корелин А. П., Степанов С. А.* С. Ю. Витте. С. 399.

¹⁵³ Материалы по денежной реформе 1895—1897 гг. / Под ред. А. И. Буковецкого. Вып. 1. Пг.; М., 1922. С. 208.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же. С. 203—204.

¹⁵⁶ Там же. С. 203.

¹⁵⁷ Там же. С. 209.

¹⁵⁸ Там же. С. 209—210.

¹⁵⁹ Там же. С. 286.

¹⁶⁰ Там же. С. 231.

¹⁶¹ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 95.

¹⁶² *Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. П.* Деньги. С. 203.

¹⁶³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. III. Т. XVIII. 1897 г. СПб., 1900.

¹⁶⁴ Денежная реформа. Свод мнений и отзывов. СПб., 1896. С. 10.

¹⁶⁵ *Шванебах П. Х.* Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 3.

¹⁶⁶ Там же. С. 271. Нехватка средств обращения давала о себе знать и в эпоху безраздельного господства бумажной валюты. См. об этом: *Ярмонкин В. В.* Недостаток денег в России. СПб., 1888.

¹⁶⁷ *Бутми Г. В.* Золотой монометаллизм и его значение для России. Доклад в чрезвычайном общем собрании Вольного экономического общества 28 марта 1897 года. Стенографический отчет. СПб., 1897.

¹⁶⁸ Там же. С. 22.

¹⁶⁹ Там же. С. 1, 14—15.

¹⁷⁰ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 97—98.

¹⁷¹ Там же. С. 97.

¹⁷² *Витте С. Ю.* Речь о денежной реформе, произнесенная в общем собрании Государственного совета 28 декабря 1895 г. С. 402.

¹⁷³ Там же. С. 407.

¹⁷⁴ *Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. П.* Деньги. С. 90—91.

¹⁷⁵ Там же. С. 230.

¹⁷⁶ *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е гг. XX в.). М., 1994. С. 40.

¹⁷⁷ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 503.

¹⁷⁸ Россия. Министерство финансов. 1902. С. 285.

¹⁷⁹ Цит. по: *Саблер С. В., Сосновский И. В.* Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 106.

¹⁸⁰ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 432—433.

¹⁸¹ Россия. Министерство финансов. Всеподданнейший доклад уп-

правляющего Министерством финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1893 г. Б.м., б.г. С. 22.

¹⁸² Там же. С. 23.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути и о назначении совещания для обсуждения сего дела. 6 ноября 1892 г. // *Витте С. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. М., 2004. С. 167.

¹⁸⁵ Там же. С. 168.

¹⁸⁶ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 441.

¹⁸⁷ Россия. Министерство финансов. Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1893 г. С. 24.

¹⁸⁸ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 441.

¹⁸⁹ *Сидельников С. М.* Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 23—24, 26—27.

¹⁹⁰ Россия. Министерство финансов. 1802—1902. Ч. 2. СПб., 1902. С. 292.

¹⁹¹ *Сидельников С. М.* Аграрная политика самодержавия в период империализма. С. 24.

¹⁹² Россия. Министерство финансов. Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1893 г. С. 24—25.

¹⁹³ *Корелин А., Степанов С. С.* Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 107.

¹⁹⁴ Россия. Министерство путей сообщения. Всеподданнейший отчет министра путей сообщения по поездке в Сибирь для ознакомления на месте с положением дел по постройке Сибирской железной дороги. СПб., 1896. С. 31.

¹⁹⁵ Там же. С. 53—59.

¹⁹⁶ Там же. С. 34.

¹⁹⁷ Там же. С. 43.

¹⁹⁸ Там же. С. 42.

¹⁹⁹ Путеводитель по Великой сибирской железной дороге. От Санкт-Петербурга до Владивостока. 1909—1910 гг. СПб., 1909.

²⁰⁰ Россия. Министерство путей сообщения. Всеподданнейший отчет министра путей сообщения по поездке в Сибирь... С. 42.

²⁰¹ Там же. С. 43—52.

²⁰² *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 48—49.

²⁰³ *Ламздорф В. Н.* Дневник. 1894—1896. Пер. с фр., нем. и англ. М., 1991. С. 282.

²⁰⁴ Там же. С. 315.

²⁰⁵ Там же. С. 327.

²⁰⁶ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 52—53.

²⁰⁷ Там же. С. 66.

²⁰⁸ Китайская Восточная железная дорога. Исторический очерк. Составлен канцелярией правления КВЖД. Т. 1 (1896—1905 г.). СПб., 1914. С. 15—16.

²⁰⁹ Там же. С. 27—29.

²¹⁰ Там же. С. 123.

²¹¹ *Корсаков В. В.* В проснувшемся Китае. Дневник-хроника русской жизни перед Русско-японской войной. М., 1911. С. 166.

²¹² *Боголепов М. И.* Финансы, правительство и общественные ин-

тересы. СПб., б.г. С. 261; *Его же*. Государственный долг. СПб., 1910. С. 27.

²¹³ Россия. Министерство финансов. Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1893 г. С. 17.

²¹⁴ *Погребинский А. П.* Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954. С. 87, 175.

²¹⁵ *Витте С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных е.и.в. в.к. Михаилу Александровичу в 1900—1902 гг. СПб., 1912. С. 439.

²¹⁶ Там же. С. 440.

²¹⁷ *Погребинский А. П.* Очерки истории финансов дореволюционной России. С. 91; Россия. Законы и постановления. Общая государственная роспись доходов и расходов на 1902 г. [Б.м., б.г.] Всеподданнейший доклад министра финансов по росписи... С. 5—6.

²¹⁸ Замечания министра финансов С. Ю. Витте на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения // Исторический архив. 1957. № 4. С. 143.

²¹⁹ Уральская, Рязско-Моршанская, Моршанско-Сызранская, Рязско-Вяземская, Закавказская, Тамбово-Козловская, Курско-Харьково-Азовская, Либаво-Роменская, Орловско-Грязская, Варшавско-Тереспольская.

²²⁰ *Мигулин П. П.* Русский государственный кредит. Т. 3. Вып. 5. С. 396.

²²¹ Московско-Курская, Главного общества, Балтийской, Донецкой, Риго-Митавской, Риго-Двинской, Орловско-Витебской, Лозово-Севастопольской, Юго-Западной, Фастовской, Московско-Брестской, Ивангород-Домбровской и Московско-Ярославско-Архангельской.

²²² *Мигулин П. П.* Русский государственный кредит. Т. 3. Вып. 5. С. 1085, 1097—1098.

²²³ Там же. С. 397.

²²⁴ *Боголепов М. И.* Государственный долг. С. 445.

²²⁵ Россия. Министерство финансов. Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1893 г. С. 20.

²²⁶ Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 1. С. 276.

²²⁷ *Витте С. Ю.* Вынужденные разъяснения по поводу статьи генерал-адъютанта Куропаткина о войне с Японией. М., 1911. С. 10—11.

²²⁸ Россия. Министерство финансов. 1802—1902. Ч. 2. СПб., 1902. С. 643.

²²⁹ *Боголепов М. И.* Государственный долг. С. 27.

²³⁰ Россия. Министерство финансов. 1802—1902. Ч. 2. С. 642—643.

²³¹ Там же. С. 161.

²³² Там же. С. 1097.

²³³ *Мигулин П. П.* Указ. соч. Т. 3. Вып. 1. Харьков, 1901. С. 24.

²³⁴ ЦИАМ. Ф. 450. Оп. 2. Д. 95. Л. 226.

²³⁵ Россия. Министерство финансов. Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1893 г. С. 20.

²³⁶ *Боголепов М. И.* Государственное хозяйство (1892—1903 гг.) // История России в XIX в. Т. 8. СПб., 1910. С. 6—7.

²³⁷ Там же. С. 34.

²³⁸ *Соболев М. Н.* Таможенная политика России во второй половине XIX в. Томск, 1911. С. 793.

- ²³⁹ Россия. Министерство финансов. 1802—1902. Ч. 2. С. 469.
- ²⁴⁰ *Витте С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. С. 440.
- ²⁴¹ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 249.
- ²⁴² *Витте С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. С. 460.
- ²⁴³ Россия и черноморские проливы (XVIII—XX столетия). М., 1999. С. 240—241.
- ²⁴⁴ *Шарапов С. Ф.* Государственная роспись и народное хозяйство. М., 1908. С. 34.
- ²⁴⁵ *Грум-Гржимайло В. Е.* Заводское дело — это целый сказочный мир // Грум-Гржимайло Владимир и Софья. Секрет счастливой жизни. Екатеринбург, 2001. С. 112.
- ²⁴⁶ *Ленин В. И.* По поводу государственной росписи // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 259.
- ²⁴⁷ Там же. С. 260, 261.
- ²⁴⁸ Там же. С. 262.
- ²⁴⁹ Россия. Законы и постановления. Общая государственная роспись доходов и расходов на 1902 г. Б.м., б.г. С. 13.
- ²⁵⁰ Там же. С. 22.
- ²⁵¹ Там же. С. 23.
- ²⁵² *Погребинский А. П.* Очерки истории финансов дореволюционной России. С. 92.
- ²⁵³ *Бовыкин В. И.* Очерки истории внешней политики России. Конец XIX в. — 1917 г. М., 1960. С. 24.
- ²⁵⁴ Журнал Особого совещания (11 апреля) 30 марта 1995 г. // Красный архив. Т. 3 (52). 1932. С. 78.
- ²⁵⁵ *Ламздорф В. Н.* Дневник. С. 182.
- ²⁵⁶ Там же. С. 186.
- ²⁵⁷ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 520—521.
- ²⁵⁸ Там же. С. 415.
- ²⁵⁹ Всеподданнейший доклад министра финансов о поездке на Дальний Восток // *Витте С. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. М., 2004. С. 347.
- ²⁶⁰ Там же. С. 348.
- ²⁶¹ Там же. С. 350.
- ²⁶² *Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма // Собр. соч. Т. 5. С. 130—131.
- ²⁶³ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 183.
- ²⁶⁴ *Черменский Е. Д.* История СССР. Период империализма. М., 1974. С. 67.
- ²⁶⁵ *Романов Б. А.* Концессия на Ялу // Русское прошлое. Вып. 1. Пг.; М., 1923. С. 103—104.
- ²⁶⁶ *Куропаткин А. Н.* Дневник / Предисл. М. Н. Покровского. Нижполиграфпром, 1923. С. 97—98.
- ²⁶⁷ *Тарле Е. В.* Граф С. Ю. Витте. С. 516.
- ²⁶⁸ Всеподданнейший доклад министра финансов о поездке на Дальний Восток. С. 365.
- ²⁶⁹ Там же. С. 364.
- ²⁷⁰ *Кони А. Ф.* Сергей Юльевич Витте. Отрывочные воспоминания. М., 1926. С. 28.
- ²⁷¹ Формулярный список о службе члена Государственного совета, статс-секретаря, действительного тайного советника, графа С. Ю. Вит-

те // *Витте С. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Кн. 1. С. 572.

²⁷² *Коростовец И. Я.* Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С. 6.

²⁷³ *Куропаткин А. Н.* Дневник. С. 95.

²⁷⁴ Там же. С. 103.

²⁷⁵ Там же. С. 105.

²⁷⁶ Там же. С. 106.

²⁷⁷ Там же. С. 107.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Там же. С. 109.

²⁸⁰ Там же. С. 113.

²⁸¹ Там же. С. 115.

²⁸² Там же. С. 116.

²⁸³ Там же. С. 121.

²⁸⁴ Там же. С. 123.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Там же. С. 126.

²⁸⁷ Там же. С. 129.

²⁸⁸ *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX века. С. 188—189.

²⁸⁹ Дневники императора Николая II. М.: Орбита, 1991. С. 192.

²⁹⁰ *Коростовец И. Я.* Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С. 13, 52.

Глава четвертая

¹ *Давидович А. М.* Самодержавие в эпоху империализма (Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М., 1975. С. 236.

² [Уиш Н. И.] Исторический обзор деятельности Комитета министров. Комитет министров в первые восемь лет царствования императора Николая Александровича. СПб., 1902. С. 119.

³ Там же. С. 20.

⁴ Там же. С. 7—8.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 74.

⁷ *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 62.

⁸ Право. 1904. № 39. С. 1875.

⁹ *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 7.

¹⁰ *Суворин А. С.* Дневник. М.: Новости, 1992. С. 373.

¹¹ *Богданович А. В.* Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1924. С. 317.

¹² *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 323.

¹³ Там же. С. 321—322.

¹⁴ «Повеяло весною». Речи г. министра внутренних дел кн. Святополк-Мирского и толки о них в прессе. 2-е изд. М., 1905. С. 27.

¹⁵ *Святополк-Мирская Е. А.* Дневник // Исторические записки. М., 1965. Т. 77. С. 247—248.

¹⁶ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 334.

¹⁷ Там же. С. 337.

¹⁸ Там же. С. 354—355.

¹⁹ Там же. С. 359.

²⁰ Там же. С. 365.

²¹ Там же. С. 509.

- ²² Там же. С. 496.
- ²³ Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. СПб., 2002. С. 314.
- ²⁴ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 513—514.
- ²⁵ Там же. С. 521.
- ²⁶ Россия. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Всеподданнейший отчет. 1902—1904. СПб., 1904. С. 4.
- ²⁷ Там же. С. 25.
- ²⁸ Там же. С. 65.
- ²⁹ Там же. С. 46.
- ³⁰ Там же. С. 5, 17, 36, 65.
- ³¹ Там же. С. 83.
- ³² *Сидельников С. М.* Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 40, 45.
- ³³ *Тюкавкин В. Г.* Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 1991. С. 141.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1904. № 3.
- ³⁶ *Сидельников С. М.* Аграрная реформа Столыпина. М.: МГУ, 1973. С. 38. (Издание представляет собой сборник документальных материалов.)
- ³⁷ *Витте С. Ю.* Записка по крестьянскому делу. СПб., 1905. С. 64.
- ³⁸ Там же. С. 73—75.
- ³⁹ Там же. С. 104.
- ⁴⁰ Там же. С. 84—88.
- ⁴¹ Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. С. 246.
- ⁴² *Витте С. Ю.* Записка по крестьянскому делу. С. 116.
- ⁴³ Там же. С. 70.
- ⁴⁴ Там же. С. 124.
- ⁴⁵ Там же. С. 129.
- ⁴⁶ Там же. С. 125.
- ⁴⁷ *Сидельников С. М.* Аграрная политика самодержавия... С. 30—31.
- ⁴⁸ Там же. С. 69—70.
- ⁴⁹ США: экономика, политика, идеология. 1996. № 85. С. 85.
- ⁵⁰ Сборник документов по истории СССР. М., 1977. С. 15—16.
- ⁵¹ *Тюкавкин В. Г.* Указ. соч. С. 147.
- ⁵² Цит. по: *Сидельников С. М.* Аграрная политика самодержавия... С. 56.
- ⁵³ *Варенцов Н. А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 681—682.
- ⁵⁴ Там же. С. 683.
- ⁵⁵ Красный архив. 1927. Т. 6. С. 74.
- ⁵⁶ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 282.
- ⁵⁷ Дневники императора Николая II. М.: Орбита, 1991. С. 268.
- ⁵⁸ *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. С. 502—503.
- ⁵⁹ *Редигер А. Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 441.
- ⁶⁰ Там же. С. 423.
- ⁶¹ Портсмут // Красный архив. Т. 6. 1924. С. 14.
- ⁶² История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 6. М.: Наука, 1968. С. 112.
- ⁶³ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. Рукописные заметки. С. 145.
- ⁶⁴ Там же. С. 153.

- ⁶⁵ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. Рукописные заметки. С. 155.
⁶⁶ Былое. 1918. № 1. С. 188.
⁶⁷ Там же. С. 189.
⁶⁸ Там же. С. 190.
⁶⁹ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. Рукописные заметки. С. 156.
⁷⁰ Былое. 1918. № 1. С. 193.
⁷¹ Там же. С. 196.
⁷² Там же. С. 196—197.
⁷³ Там же. С. 171.
⁷⁴ Там же. С. 200.
⁷⁵ *Кутаков Л. Н.* Портсмутский мирный договор. М., 1961. С. 27.
⁷⁶ Портсмут // Красный архив. Т. 6. 1924. С. 25.
⁷⁷ Там же. С. 25.
⁷⁸ Там же. С. 27—28.
⁷⁹ Былое. 1918. № 1. С. 213.
⁸⁰ Там же. С. 214.
⁸¹ *Тарле Е. В.* Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики / *Тарле Е. В.* Соч.: В 12 т. Т. V. М., 1958. С. 546.
⁸² Былое. 1918. № 2. С. 110—111.
⁸³ Портсмут // Красный архив. Т. 6. 1924. С. 28.
⁸⁴ Былое. 1918. № 2. С. 113.
⁸⁵ Там же. С. 124.
⁸⁶ Там же.
⁸⁷ Там же. С. 129—130.
⁸⁸ *Кутаков Л. Н.* Портсмутский мирный договор. С. 40—49.
⁸⁹ Былое. 1918. № 2. С. 120—123.
⁹⁰ Там же. С. 136.
⁹¹ Там же. С. 139.
⁹² Там же. С. 120—123.
⁹³ Цит. по: *Кутаков Л. Н.* Портсмутский мирный договор. С. 55.
⁹⁴ Портсмут // Красный архив. Т. 6. 1924. С. 37.
⁹⁵ Былое. 1918. № 2. С. 142.
⁹⁶ Там же. № 3. С. 65.
⁹⁷ Портсмут // Красный архив. Т. 6. 1924. С. 36—37.
⁹⁸ Там же. С. 37.
⁹⁹ Былое. 1918. № 3. С. 63.
¹⁰⁰ Там же. С. 66.
¹⁰¹ Там же. С. 69.
¹⁰² *Окамото, Сюмпей.* Японская олигархия в Русско-японской войне. М., 2003. С. 210.
¹⁰³ Былое. 1918. № 3. С. 69.
¹⁰⁴ Там же. С. 72.
¹⁰⁵ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 167.
¹⁰⁶ Портсмут // Красный архив. Т. 6. 1924. С. 38.
¹⁰⁷ Там же. С. 38.
¹⁰⁸ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 83—84.
¹⁰⁹ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 256.
¹¹⁰ Там же. С. 168.
¹¹¹ *Окамото, Сюмпей.* Японская олигархия в Русско-японской войне. С. 172—173; *Кутаков Л. Н.* Портсмутский мирный договор. С. 21.
¹¹² *Окамото, Сюмпей.* Японская олигархия в Русско-японской войне. С. 172—173.
¹¹³ Там же. С. 217.

- ¹¹⁴ Былое. 1918. № 3. С. 72.
- ¹¹⁵ Там же. С. 74—75.
- ¹¹⁶ Там же. С. 79.
- ¹¹⁷ Портсмут // Красный архив. Т. 6. 1924. С. 41.
- ¹¹⁸ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 275, 276.
- ¹¹⁹ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 473.
- ¹²⁰ Там же. С. 195.
- ¹²¹ Там же. С. 204.
- ¹²² Там же. С. 214.
- ¹²³ Записка 9 октября 1905 г. // Красный архив. 1925. № 4—5. М.; Л., 1926. С. 51.
- ¹²⁴ Там же. С. 52.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же. С. 53.
- ¹²⁸ Там же. С. 54.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Там же. С. 55.
- ¹³¹ Там же. С. 57.
- ¹³² Там же. С. 58.
- ¹³³ Там же. С. 59.
- ¹³⁴ Там же. С. 61.
- ¹³⁵ «Записка Н. И. Вуича» // Красный архив. 1925. № 4—5. М.; Л., 1926. С. 67.
- ¹³⁶ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 242.
- ¹³⁷ Там же. С. 243.
- ¹³⁸ Цит. по: Корелин А. П. Сергей Юльевич Витте // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 39.
- ¹³⁹ Львов Л. (Клячко). За кулисами старого режима (Воспоминания журналиста). Т. 1. Л., 1926. С. 124—125.
- ¹⁴⁰ Голиков А. Г., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории. М., 2000. С. 245.
- ¹⁴¹ Красный архив. 1925. № 4—5. С. 67; Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 221, 225.
- ¹⁴² Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 242.
- ¹⁴³ Боханов А. Н. Сумерки монархии. М., 1993. С. 62—63.
- ¹⁴⁴ Толстой И. И. Дневник 1906—1915. С. 85.
- ¹⁴⁵ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 229.
- ¹⁴⁶ Островский А. В., Сафонов М. М. 15—17 октября 1905 года в царской резиденции (из записок А. А. Будберга) // Английская набережная, 4. Ежегодник. СПб., 1997. С. 394—395.
- ¹⁴⁷ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 244.
- ¹⁴⁸ Красный архив. 1925. № 4—5. С. 67.
- ¹⁴⁹ Толстой И. И. Дневник 1906—1915. С. 8.
- ¹⁵⁰ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 313.
- ¹⁵¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 488.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Редигер А. Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 471.
- ¹⁵⁴ Островский А. В., Сафонов М. М. Манифест 17 октября 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XII. Л., 1981. С. 175.
- ¹⁵⁵ Островский А. В., Сафонов М. М. 15—17 октября 1905 года в царской резиденции (из записок А. А. Будберга). С. 408.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 401.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 403.

- ¹⁵⁸ Красный архив. 1925. № 4—5. С. 96.
- ¹⁵⁹ *Островский А. В., Сафонов М. М.* 15—17 октября 1905 года в царской резиденции (из записок А. А. Будберга). С. 412.
- ¹⁶⁰ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 293.
- ¹⁶¹ Там же. С. 239.
- ¹⁶² Там же. С. 240.
- ¹⁶³ *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 316—317.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 332.
- ¹⁶⁵ Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С. 74—75.

Глава пятая

- ¹ *Толстой И. И.* Мемуары. М., 2002. С. 192.
- ² Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. Рукописные заметки. С. 210.
- ³ Там же. С. 79.
- ⁴ Там же. С. 210.
- ⁵ *Обнинский В.* Полгода русской революции. М., 1906. С. 42.
- ⁶ *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 330.
- ⁷ *Четвериков С. И.* Невозвратное прошлое. М., 2001. С. 48.
- ⁸ *Толстой И. И.* Дневник. 1906—1916. СПб., 1997. С. 99. Запись 16 апреля 1907 г.
- ⁹ Интервью С. Ю. Витте с представителями печати // Красный архив. 1925. № 4—5. С. 100—101.
- ¹⁰ Там же. С. 103—104.
- ¹¹ Там же. С. 104.
- ¹² Там же. С. 104—105.
- ¹³ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. Рукописные заметки. С. 253.
- ¹⁴ Там же. С. 252.
- ¹⁵ Цит. по: *Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте — первый председатель Совета министров Российской империи в воспоминаниях А. А. Спасского-Одынца // Английская набережная, 4. Ежегодник. СПб., 1997. С. 338.
- ¹⁶ Там же. С. 339.
- ¹⁷ *Толстой И. И.* Дневник. 1906—1916. С. 50—51.
- ¹⁸ *Львов Л. (Клячко).* За кулисами старого режима (Воспоминания журналиста). Т. 1. Л., 1926. С. 126.
- ¹⁹ *Пантелеев Л. Ф.* Из воспоминаний прошлого. М.; Л.: Академия, 1934. С. 629.
- ²⁰ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. 1. С. 95.
- ²¹ Там же.
- ²² *Мартынов А. П.* Моя служба в отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М., 2004. С. 105.
- ²³ ПСЗ. III. 1905. Т. 25. Отд. 1. № 26820. С. 759.
- ²⁴ Законодательные акты переходного времени. СПб., 1906. С. 245.
- ²⁵ *Ковалевский В. И.* Воспоминания // Русское прошлое. СПб., 1991. С. 41.
- ²⁶ Законодательные акты переходного времени. С. 246.
- ²⁷ ПСЗ. III. 1906. Т. 26. Отд. 1. № 27805. С. 461.
- ²⁸ *Редигер А. Ф.* История моей жизни. Т. 1. С. 473.
- ²⁹ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 243.
- ³⁰ *Таганцев Н. С.* Пережитое. Т. 1. Пг., 1919. С. 104.

³¹ «Не переоценивайте моих сил и способностей». Из воспоминаний кн. С. Д. Урусова о 1905 г. Публикация Г. С. Варнаковой // Исторический архив. 2004. № 1. С. 123.

³² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 107.

³³ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 329.

³⁴ Там же. С. 330—331.

³⁵ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 13.

³⁶ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 109.

³⁷ Мартынов А. П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов. С. 106.

³⁸ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 483.

³⁹ Там же. С. 222—223, 226, 483.

⁴⁰ Толстой И. И. Воспоминания. С. 224.

⁴¹ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 385—386.

⁴² Там же. С. 477.

⁴³ Там же. С. 116.

⁴⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 328.

⁴⁵ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 255.

⁴⁶ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 115.

⁴⁷ Толстой И. И. Воспоминания. С. 46.

⁴⁸ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 476—478.

⁴⁹ Толстой И. И. Мемуары. М., 2002. С. 220.

⁵⁰ Там же. С. 203.

⁵¹ Редигер А. Ф. История моей жизни. Т. 1. С. 474.

⁵² Толстой И. И. Мемуары. С. 221.

⁵³ Там же. С. 221.

⁵⁴ Там же. С. 223.

⁵⁵ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 356.

⁵⁶ Толстой И. И. Дневник. С. 19.

⁵⁷ Покровский Н. Н. Воспоминания о Комитете министров в 90-е гг. // Исторический архив. 2002. № 2. С. 195.

⁵⁸ Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг. Документы и материалы. М.; Л., 1932. С. 49—50.

⁵⁹ Редигер А. Ф. История моей жизни. Т. 1. С. 477.

⁶⁰ Там же. С. 502.

⁶¹ Толстой И. И. Мемуары. С. 206.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 218.

⁶⁴ Там же. С. 237.

⁶⁵ Королева Н. Г. Первая Российская революция и царизм. М., 1982. Таблица на страницах 58—59. Подсчет мой.

⁶⁶ Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 432.

⁶⁷ Толстой И. И. Мемуары. С. 216.

⁶⁸ Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. С. 104—107.

⁶⁹ Конституция Российской империи. С. 236.

⁷⁰ Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. С. 105.

⁷¹ Конституция Российской империи. С. 221—224.

⁷² Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. С. 210.

⁷³ Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. С. 29.

⁷⁴ Столыпин П. А. Переписка. М., 2004. С. 597.

⁷⁵ Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Вышедший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 г. Ч. 1. М., 1955. С. 138.

- ⁷⁶ Революция 1905 года и самодержавие / Подг. к печати В. П. Семенников. М.; Л., 1928. С. 110—111.
- ⁷⁷ Курлов П. Г. Гибель императорской России. Воспоминания. М., 2002. С. 48—50.
- ⁷⁸ Революция 1905 года и самодержавие. С. 192—193.
- ⁷⁹ Королева Н. Г. Первая Российская революция и царизм. С. 61.
- ⁸⁰ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. С. 245.
- ⁸¹ Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. С. 31—32 (примеч. 1).
- ⁸² Там же. С. 31.
- ⁸³ Толстой И. И. Мемуары. С. 212.
- ⁸⁴ Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. С. 35.
- ⁸⁵ Толстой И. И. Мемуары. С. 212.
- ⁸⁶ Тарле Е. В. Сочинения. Т. 5. С. 71.
- ⁸⁷ Записка 9 октября 1905 года. С. 58.
- ⁸⁸ Цит. по: Толстой И. И. Мемуары. С. 213—214.
- ⁸⁹ Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. С. 47—48.
- ⁹⁰ Проскурякова Н. А. Земельные банки Российской империи. С. 402 (прилож. III—2).
- ⁹¹ Красный архив. 1925. № 4—5. С. 156—157.
- ⁹² Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. С. 56.
- ⁹³ Там же. С. 57.
- ⁹⁴ Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. С. 255—256.
- ⁹⁵ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Т. 1. С. 148.
- ⁹⁶ Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. С. 458—459.
- ⁹⁷ Там же. С. 461—462.
- ⁹⁸ Толстой И. И. Воспоминания. С. 201, 211.
- ⁹⁹ Толстой И. И. Мемуары. С. 258.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 259.
- ¹⁰¹ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 351.
- ¹⁰² Редигер А. Ф. История моей жизни. Т. 1. С. 505—506.
- ¹⁰³ Таганцев Н. С. Пережитое. Т. 1. Пг., 1919. С. 71.
- ¹⁰⁴ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 518.
- ¹⁰⁵ Толстой И. И. Мемуары. С. 200.
- ¹⁰⁶ Революция 1905 года и самодержавие. С. 26.
- ¹⁰⁷ Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Ч. 1. С. 157. Циркуляр датирован 15 декабря 1905 года.
- ¹⁰⁸ Толстой И. И. Мемуары. С. 207.
- ¹⁰⁹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 410.
- ¹¹⁰ Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. С. 5.
- ¹¹¹ Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. М., 2000. С. 460.
- ¹¹² Там же. С. 440—441.
- ¹¹³ Там же. С. 451.
- ¹¹⁴ Яковлев Н. Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 г. М., 1957. С. 164—165, 178.
- ¹¹⁵ Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. С. 462—463.
- ¹¹⁶ Революция 1905—1907 гг. Документы и материалы. Ч. 1. С. 800—801.
- ¹¹⁷ Там же. С. 687—688.
- ¹¹⁸ Красный архив. 1925. № 4—5. С. 391.

- ¹¹⁹ Декабрь 1905 г. на Красной Пресне. Сборник статей и воспоминаний. М.; Пг., б.г. С. 107.
- ¹²⁰ Яковлев Н. Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 г. С. 207.
- ¹²¹ Революция 1905—1907 гг. Документы и материалы. Ч. 1. С. 865.
- ¹²² Федоров В. А. История России. М., 1998. С. 239.
- ¹²³ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 303.
- ¹²⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 177.
- ¹²⁵ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 297.
- ¹²⁶ Донесение московского генерал-губернатора Ф. В. Дубасова императору Николаю II о подавлении мятежа в Москве // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. С. 469.
- ¹²⁷ Красный архив. 1925. № 4—5. С. 419.
- ¹²⁸ Там же. С. 441—442.
- ¹²⁹ Революция 1905 года и самодержавие. С. 42—43.
- ¹³⁰ Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. С. 482—484.
- ¹³¹ Толстой И. И. Мемуары. С. 207.
- ¹³² Там же. С. 208.
- ¹³³ Там же. С. 209.
- ¹³⁴ Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Ч. 1. С. 162—163.
- ¹³⁵ Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 166—167.
- ¹³⁶ Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг. Документы и материалы. М.; Л., 1932. С. 104.
- ¹³⁷ Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 107.
- ¹³⁸ Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг. С. 112.
- ¹³⁹ Сибирская экспедиция барона Меллера-Закомельского // Былое. 1917. № 3. С. 135, 136.
- ¹⁴⁰ Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. С. 116.
- ¹⁴¹ Яковлев Н. Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 г. С. 522.
- ¹⁴² Сибирская экспедиция барона Меллера-Закомельского. С. 141.
- ¹⁴³ Там же. С. 142.
- ¹⁴⁴ Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг. С. 138—140, 142.
- ¹⁴⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 395—396.
- ¹⁴⁶ Редигер А. Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 519—520.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 521—522.
- ¹⁴⁸ Дневники императора Николая II. С. 301.
- ¹⁴⁹ Революция 1905 г. и самодержавие. С. 210—211, 219.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 223.
- ¹⁵¹ Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. С. 187.
- ¹⁵² Там же. С. 189.
- ¹⁵³ Там же. С. 184.
- ¹⁵⁴ Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 177.
- ¹⁵⁵ Цит. по: Яковлев Н. Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 г. С. 452.
- ¹⁵⁶ Ганелин Р. Ш. Рассказы Н. Л. Максимова о карательной экспедиции в Прибалтике в 1905—1906 гг. // Английская набережная, 4. СПб., 2000. С. 344—351.
- ¹⁵⁷ Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. Рукописные заметки. С. 422.
- ¹⁵⁸ Революция 1905 г. и самодержавие. С. 202, 212.
- ¹⁵⁹ Дневник отряда графа Граббе // Красная летопись. 1925. № 2 (13). Л., 1925. С. 129.

¹⁶⁰ Из записки начальника отделения канцелярии Совета министров П. Н. Апраксина... Октябрь 1907 г. // Исторический архив. 1955. № 1. С. 226, 227.

¹⁶¹ Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. С. 199—200.

¹⁶² Там же. С. 264—265.

¹⁶³ Там же. С. 239.

¹⁶⁴ Там же. С. 238—239.

¹⁶⁵ Толстой И. И. Мемуары. С. 210.

¹⁶⁶ Тхоржевский И. И. Последний Петербург. С. 80—81.

¹⁶⁷ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 127.

¹⁶⁸ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1907 гг. С. 40.

¹⁶⁹ Там же. С. 40—41.

¹⁷⁰ Былое. 1917. № 3. С. 238—239.

¹⁷¹ Там же. С. 242.

¹⁷² Там же. С. 243.

¹⁷³ Таганцев Н. С. Пережитое. Т. 1. Пг., 1919. С. 94.

¹⁷⁴ Толстой И. И. Воспоминания. С. 241.

¹⁷⁵ Былое. 1917. № 3. С. 247.

¹⁷⁶ Там же. С. 263.

¹⁷⁷ Там же. С. 249—250.

¹⁷⁸ Там же. С. 252—253.

¹⁷⁹ Законодательные акты переходного времени. 1904—1906 гг. СПб., 1906. С. 158.

¹⁸⁰ Материалы по учреждению Государственной думы 1905 г. Вып. 1. Издание неофициальное. С. 9.

¹⁸¹ Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. С. 82.

¹⁸² Былое. 1917. № 3. С. 258—259.

¹⁸³ Там же. С. 264—265.

¹⁸⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 130.

¹⁸⁵ Былое. 1917. № 3 (25). С. 245.

¹⁸⁶ Протоколы секретного совещания в феврале 1906 г. по выработке учреждения Государственной думы и Государственного совета // Былое. 1917. № 5—6. С. 292.

¹⁸⁷ Там же. С. 306.

¹⁸⁸ Там же. С. 308.

¹⁸⁹ Законодательные акты переходного времени. 1904—1906 гг. С. 357.

¹⁹⁰ Протоколы секретного совещания в феврале 1906 г. С. 307.

¹⁹¹ Там же. С. 295.

¹⁹² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 300.

¹⁹³ Там же. С. 295.

¹⁹⁴ Там же. С. 301.

¹⁹⁵ Протоколы царскосельских совещаний по пересмотру основных государственных законов // Былое. 1917. № 4. С. 202.

¹⁹⁶ Там же. С. 204—205.

¹⁹⁷ Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма (Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М., 1975. С. 234—235. См. также: Градовский Д. А. Сочинения. Т. VII. СПб., 1901. С. 1—2; Алексеев С. Русское государственное право. М., 1897. С. 221—224.

¹⁹⁸ Протоколы царскосельских совещаний по пересмотру основных государственных законов. С. 206.

¹⁹⁹ Там же. С. 204.

²⁰⁰ Конституция Российской империи. С примеч. и вступ. ст. Л. Слонимского. СПб., б.г. С. 54.

- ²⁰¹ Там же. С. 54—55.
- ²⁰² *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. История творчества и жизни. М.: Наука, 1974. С. 400.
- ²⁰³ Там же.
- ²⁰⁴ *Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера.* М., 1994 (Памятники философской мысли). С. 160.
- ²⁰⁵ *Чепарухин В. В.* Книжное собрание С. Ю. Витте в Санкт-Петербургском государственном техническом университете (Политехническом институте императора Петра Великого) // С. Ю. Витте — государственный деятель, реформатор, экономист (К 150-летию со дня рождения). Ч. 2. М., 1999. С. 146—147.
- ²⁰⁶ *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Репринтное издание. М.: Новости, 1990. С. 140.
- ²⁰⁷ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 306.
- ²⁰⁸ *Шаццло В. К., Шаццло Л. А.* Русско-японская война. 1904—1905. Факты. Документы. М., 2004. С. 215.
- ²⁰⁹ Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг. М.; Л., 1926 (Центрархив). С. 31.
- ²¹⁰ Там же. С. 65.
- ²¹¹ Там же. С. 66.
- ²¹² Там же. С. 96.
- ²¹³ *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1897—1914 гг. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 105—106.
- ²¹⁴ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 315—316.
- ²¹⁵ *Тарле Е. В.* Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. С. 541.
- ²¹⁶ Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг. С. 121. Письмо от 20 октября 1904 г.
- ²¹⁷ Там же. С. 138—139. Всеподданнейший доклад В. Н. Коковцова от 19 ноября 1904 г.
- ²¹⁸ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Кн. 1. С. 68—69.
- ²¹⁹ Русские финансы и европейская биржа. С. 181. Письмо В. Н. Коковцова А. И. Нелидову 10 мая 1905 г.; *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. С. 95—128.
- ²²⁰ *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1897—1914 гг. С. 136.
- ²²¹ Русские финансы и европейская биржа. С. 182. Письмо В. Н. Коковцова А. И. Нелидову 10 мая 1905 г.
- ²²² Там же. С. 189—190. Письмо А. И. Нелидова В. Н. Коковцову 28 мая 1905 г.
- ²²³ Там же. С. 201.
- ²²⁴ Там же. С. 213.
- ²²⁵ Там же. С. 213—214. Обмен телеграммами между М. В. Рутковским и В. Н. Коковцовым 1 и 2 сентября 1905 г.
- ²²⁶ Там же. С. 226.
- ²²⁷ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 316.
- ²²⁸ *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1897—1914 гг. С. 156.
- ²²⁹ *Боголепов М. И.* Финансы, правительство и общественные интересы. СПб., б.г. С. 279—280.
- ²³⁰ Цит. по: *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1897—1914 гг. С. 162.

- ²³¹ Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Ч. 1. С. 177.
- ²³² Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг. С. 242. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцову в Париж от 25 декабря 1905 г.
- ²³³ Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Ч. 1. С. 184—186.
- ²³⁴ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 319—323.
- ²³⁵ *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1897—1914 гг. С. 171.
- ²³⁶ Протокол объединенных заседаний Комитета финансов и Департамента государственной экономии Государственного совета с характеристикой финансового положения страны // Исторический архив. 1955. № 2. С. 147.
- ²³⁷ Доклад объединенного заседания Комитета финансов и Департамента государственной экономии Государственного совета Николаю II о финансовом положении страны // Исторический архив. 1955. № 2. С. 143.
- ²³⁸ Русские финансы и европейская биржа. С. 277. Письмо Э. Нецлина С. Ю. Витте от 27 февраля 1906 г.
- ²³⁹ *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1897—1914 гг. С. 173.
- ²⁴⁰ Русские финансы и европейская биржа. С. 300—301.
- ²⁴¹ Там же. С. 309. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцову 3 апреля 1906 г.
- ²⁴² Там же. С. 309—310. Телеграмма В. Н. Коковцова С. Ю. Витте от 3 апреля 1906 г.
- ²⁴³ Там же. С. 321. Письмо Э. Нецлина С. Ю. Витте от 17 апреля 1906 г.
- ²⁴⁴ Там же.
- ²⁴⁵ *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург. С. 80.
- ²⁴⁶ *Боголепов М. И.* Финансы, правительство и общественные интересы. С. 278.
- ²⁴⁷ *Малинин Н. В.* Российские инвесторы 5% государственного займа 1906 года // Московский педагогический государственный университет. Научные труды. Социально-исторические науки. Сборник статей. М., 2005. С. 138—141.
- ²⁴⁸ *Боголепов М. И.* Финансы, правительство и общественные интересы. С. 284.
- ²⁴⁹ *Толстой И. И.* Мемуары. С. 272—273.
- ²⁵⁰ Там же. С. 275.

Глава шестая

- ¹ Россия. Министерство финансов. 1802—1902. Ч. 2. СПб., 1902. С. 587.
- ² Цит. по: Павел Петрович Трубецкой. Выставка произведений к 125-летию со дня рождения. Каталог. М., 1991. С. 34.
- ³ Там же. С. 35.
- ⁴ *Домогацкая С. П.* Искусство Паоло Трубецкого в России // Павел Петрович Трубецкой. Выставка произведений к 125-летию со дня рождения. С. 9.
- ⁵ Цит. по: *Шапошникова Л. П.* Памятник Александру III работы

П. П. Трубецкого // Павел Петрович Трубецкой. Выставка произведений. С. 45.

⁶ Там же. С. 45.

⁷ Там же. С. 39.

⁸ *Сарабьянов Д. В.* История русского искусства конца XIX — начала XX в. М., 1993. С. 260.

⁹ *Шапошникова Л. П.* Памятник Александру III работы П. П. Трубецкого. С. 45—47.

¹⁰ *Толстой И. И.* Дневник. С. 246.

¹¹ Цит. по: Павел Петрович Трубецкой. Выставка произведений. С. 37.

¹² Цит. по: *Шапошникова Л. П.* Памятник Александру III работы П. П. Трубецкого. С. 50—51.

¹³ *Домогацкая С. П.* Искусство Паоло Трубецкого в России. С. 24.

¹⁴ Цит. по: Павел Петрович Трубецкой. Выставка произведений. С. 40—41.

¹⁵ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Кн. 2. С. 78—81.

¹⁶ *Толстой И. И.* Дневник. С. 115—116.

¹⁷ Там же. С. 115.

¹⁸ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 445.

¹⁹ *Суворин А. С.* Дневник. М., 1992. С. 406.

²⁰ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 452.

²¹ Там же. С. 450—451.

²² *Кони А. Ф.* Сергей Юльевич Витте. Отрывочные воспоминания. М., 1925. С. 33.

²³ Там же. С. 59.

²⁴ *Ковалевский В. И.* Воспоминания // Русское прошлое. СПб., 1991. С. 93. Письмо датировано 31 мая 1910 г.

²⁵ *Кони А. Ф.* Сергей Юльевич Витте. Отрывочные воспоминания. С. 34.

²⁶ Там же. С. 36.

²⁷ Россия. Государственный совет. Стенографический отчет. 1909—1910. Сессия 5. СПб., 1910. Стб. 2643.

²⁸ *Львов Л. (Клячко).* За кулисами старого режима. С. 143.

²⁹ Там же. С. 144.

³⁰ *Кони А. Ф.* Сергей Юльевич Витте. С. 38.

³¹ Там же. С. 40.

³² Россия. Государственный совет. Стенографический отчет. 1909—1910. Сессия 5. СПб., 1910. Стб. 1147.

³³ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 521.

³⁴ Россия. Государственный совет. Стенографический отчет. 1909—1910. Сессия 5. СПб., 1910. Стб. 1148.

³⁵ Там же. Стб. 1149.

³⁶ *Витте С. Ю.* Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. 3-е изд., доп. СПб., 1910. С. 266.

³⁷ Цит. по: *Гиндин И. Ф.* С. Ю. Витте как государственный деятель. С. 55.

³⁸ *Ленин В. И.* Гонители земства и аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 5. М., 1972. С. 26.

³⁹ *Витте С. Ю.* По поводу непреложности законов государственной жизни. СПб., 1914. С. IV.

⁴⁰ *Герцен А. И.* Былое и думы. Ч. 1—3. М.: Правда, 1983. С. 311.

⁴¹ *Витте С. Ю.* По поводу непреложности законов государственной жизни. С. III.

- ⁴² *Витте С. Ю.* По поводу непреложности законов государственной жизни. С. 196.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. С. 205.
- ⁴⁵ Там же. С. 207.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 461.
- ⁴⁸ Цит. по: *Гиндин И. Ф.* С. Ю. Витте как государственный деятель. С. 86.
- ⁴⁹ Последний год жизни Сергея Юльевича Витте // Исторический архив. 2004. № 3. С. 135.
- ⁵⁰ Там же. С. 144.
- ⁵¹ *Покровский Н. Н.* Воспоминания о Комитете министров в 90-е гг. // Исторический архив. 2002. № 2. С. 197.
- ⁵² *Львов Л. (Клячко).* За кулисами старого режима. С. 151.
- ⁵³ *Симанович Арон.* Распутин и евреи. М.: Советский писатель, б.г. (Библиотечка журнала «Слово».) С. 70—74.
- ⁵⁴ Исторический архив. 2004. № 4. С. 53.
- ⁵⁵ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 554.
- ⁵⁶ *Толстой И. И.* Дневник. 1906—1916. СПб., 1997.
- ⁵⁷ Исторический архив. 2004. № 5. С. 54—56.
- ⁵⁸ *Толстой И. И.* Дневник. С. 612.
- ⁵⁹ *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 436.
- ⁶⁰ Переписка Николая и Александра Романовых. 1914—1915 гг. Т. 3. М.; Л., 1925. С. 116.
- ⁶¹ *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. С. 169.
- ⁶² *Мосолов А. А.* При дворе последнего российского императора. Записки начальника канцелярии Министерства императорского двора. М., 1993. С. 225.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
<i>Глава первая. Детство. Юность. Семья. Новороссийский университет</i>	7
<i>Глава вторая. На железных дорогах</i>	26
«Все держалось на живую нитку»	26
Пробуждая «спящие силы»	47
«Mixtum compositum»	84
<i>Глава третья. Министр финансов</i>	110
«Не налагать руку на самостоятельность, а развивать ее...»	110
«Кредит есть основа всякой промышленности»	144
Валютный ренессанс	182
Предприятие истинно народное	201
Укрепление бюджета	221
Вниз по наклонной плоскости	237
<i>Глава четвертая. Председатель Комитета министров</i>	252
За делами важными и неважными	252
Портсмутский триумф	278
Вокруг Манифеста 17 октября	310
<i>Глава пятая. Премьер переходного правительства</i>	331
Курсом на гражданское общество	331
Путь к правовому государству	380
Конституция консервативная и без парламентаризма	414
Деньги и время	430
<i>Глава шестая. Консерватор в лучшем значении этого слова</i>	450
Основные даты жизни и деятельности Сергея Юльевича Витте	481
Основная библиография	482
Примечания	483

Ильин С. В.

И 48 Витте. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 511[1] с.: ил. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 995).

ISBN 5-235-02785-X

Первая отечественная научная биография С. Ю. Витте воссоздана московским историком, профессором С. В. Ильиным в процессе длительного изучения разнообразных и многочисленных документальных материалов. Книга доносит до читателя аромат эпохи, давно ушедшей и все же удивительно близкой, в чем-то созвучной нашему времени.

Книгу отличает критический метод использования исторических источников — пристрастных, тенденциозных, а то и вовсе недостоверных. Поэтому выдающийся финансист, дипломат и политик предстает со страниц книги без приукрашивания, но и без очернительства.

УДК 323(092)

ББК 66.3(2Рос)8

Ильин Сергей Викторович

ВИТТЕ

Главный редактор А. В. Петров

Редактор И. А. Тихонюк

Художественный редактор И. И. Суслов

Технические редакторы Н. И. Михайлова, Н. А. Тихонова

Корректоры Л. С. Барышникова, Т. И. Маляренко

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 13.01.2006. Подписано в печать 19.09.2006. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 26,88+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 63035.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02785-X